

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2 (56)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2017

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. НАНА *И.А. Бабаев* (Баку),
проф. *Д. Бошкович* (Крагуевац), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Калиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжницкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липпополис* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург),
д-р. *У. Шлоцаэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

**JOURNAL
OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES**

2 (56)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 r.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2017

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Yl'yas Babaev* (Baku),

Prof. *Dragan Bošković* (Kragujevac), Prof. *François de Callatay* (Brussels),

Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),

Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),

Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),

Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),

Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),

Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rveladze* (Tashkent),

Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Alexander Stroev* (Paris),

Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),

Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),

Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),

Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),

Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),

Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),

Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древний Восток

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 5–20
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 5–20
©Автор(ы) 2017

КОГДА ЖЕ ВОЗНИК МЕМФИС ГЕРОДОТА?

Р.А. Орехов

Центр египтологических исследований РАН, Москва,
radamant67@mail.ru

Аннотация. Античный историограф Геродот первым оставил нам информацию об основании египетского Мемфиса. Из его труда мы, в частности, узнаем, что город был основан как столичный центр со стороны западной поймы Нила в эпоху легендарного царя Мина (егип. Нармер, 3050 г. до н.э.), в период так называемой нулевой династии. Однако насколько эта информация соответствует действительности? Отталкиваясь от данных современных исследований, автор приходит к выводу, что единой столицы в эпоху первых династий на западном побережье не существовало. Самые ранние крупные поселения здесь появились только в эпоху Древнего царства и соответствовали так называемым припирамидным городам. Эти города поочередно являлись столицами государства, а их основное назначение состояло в отправлении заупокойного культа умерших царей. На место единой столицы в исторической перспективе могли претендовать только два центра – Джед-исут (припирамидный город царя Тети, 2345–2333 гг. до н.э.) и Меннефер (припирамидный город царя Пепи I, 2332–2283 гг. до н.э.). Вероятнее всего, Мемфис, который описывает Геродот, появился только в конце Среднего царства. Этому способствовало захватение Египта гиксосами (1663–1555 гг. до н.э.), которые основали на месте припирамидного города Пепи I (Меннефер) собственную военную крепость. Впоследствии здесь и возник город-цитадель Мемфис.

Ключевые слова: Геродот, Мемфис, Общество изучения Египта, «блуждающая столица», гиксосы, пирамидный город Тети, пирамидный город Пепи I

Орехов Роман Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН.

Автор выражает искреннюю признательность А.А. Кролу и А.Е. Демидчуку за помощь в написании данной статьи.

Введение

Как это ни странно, но тон в описании истории раннего Мемфиса во многом был задан античной историографией, точнее Геродотом¹. Историограф смог наложить будущим поколениям исследователей миф, который до сегодняшнего дня определяет наши взгляды на древнейшую эпоху истории Египта. Первая составляющая этого мифа заключается в том, что Мемфис был основан на западном берегу Нила в момент образования египетского государства как столица и продолжал существовать в одном и том же месте как некая статическая конструкция. Другой стороной мифа является личность царя Мина (Mīna), который основал этот город и которому исследователи пытаются найти реальный исторический прототип².

Вставая на позицию Геродота, мы как бы принимаем и тот факт, что такое специфическое название как Μέμφις, происходящее от др. егип. Mn-nfr, было актуальным для ранних периодов египетской истории³. Греческий историограф, который оставил нам описание города, застал этот центр во всем его великолепии в эпоху его подлинного расцвета и могущества (хотя страна и была завоевана на тот момент Персидской империей), поэтому название Мемфис стало априори распространяться на все предыдущие эпохи⁴. Однако насколько справедливыми на данный исторический момент представляются его трактовки? Отталкиваясь от результатов современных исследований, мы постараемся показать, как мог развиваться Мемфис в древнейшую эпоху, и заодно проверим справедливость сведений «отца истории».

Д. Джейфрис является ведущим специалистом, изучающим историю древнейшей столицы Египта. Свою работу он ведет в рамках проекта «Исследования Мемфиса» (Survey of Memphis) Общества изучения Египта (Egypt Exploration Society). Основными задачами этого проекта, как их определил сам египтолог, являются исследование местоположения, с одной стороны, городища Мемфис, с другой – русла Нила, а также влияния изменения русла реки на развитие города; изучение местной топографии⁵.

Д. Джейфрис предположил, а затем убедительно доказал на основании изучения письменных источников, топографии, геофизических исследований и археологических раскопок, что постепенное смещение Нила в восточном направлении, четко прослеживаемое в римское время, имело место и в предшествующие периоды⁶.

Одной из проблем, к которой ученый обращается во многих своих работах, является локализация того места, где город был основан и функционировал на заре египетской истории, в период правления первых династий. В результате полевых исследований ученый пришел к выводу, что на развитие города решающее

---

¹ Herod. II, 99.

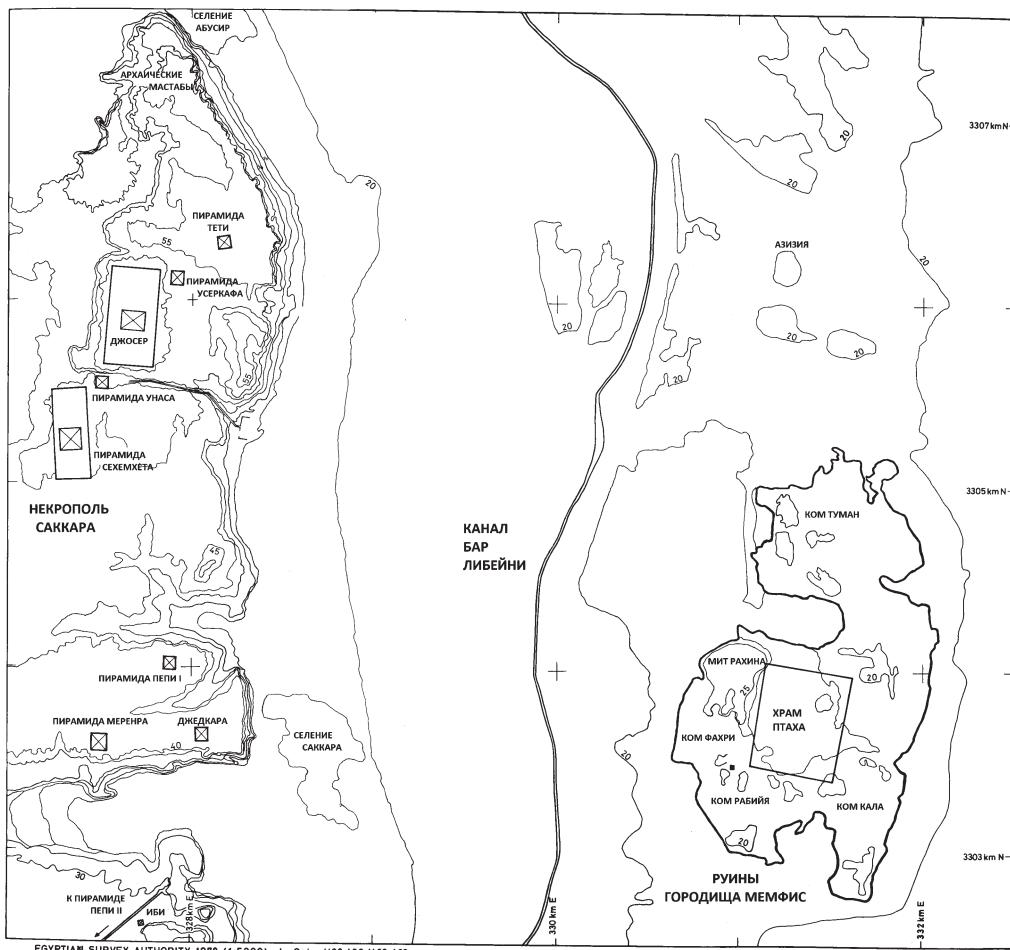
² Традиционно считается, что Мемфис был основан около 3000 г. до н.э. царем Менесом после объединения Верхнего и Нижнего Египта. Под именем Менеса (или Мина), вероятно, скрывается один из правителей I династии Хор Нармер или Хор Аха (Крол 2005, 47–48; Heagy 2014, 59–92).

³ Как хорошо видно из написания знака, под словом Mn-nfr здесь понимается припиралидный город Пепи I второго царя VI мемфисской династии (Hannig 2003, 1555).

⁴ Достаточно сказать, что слово «Мемфис» применительно к городу не встречается в источниках ранее Нового царства (Zivie 1982, 25).

⁵ Jeffreys, Giddy 1992, 6–8.

⁶ Jeffreys, Smith 1988, 55–66.

Рис.1. Карта городища Мемфис⁷

влияние оказывали два фактора: постепенное смещение русла реки в восточном направлении и связанное с этим образование речных островов, освоение которых, как считает Д. Джейфрис, на протяжении всей истории города было основным направлением развития Мемфиса⁸.

Геофизические исследования на городище Мемфис и в Саккаре, которые сочетались с археологическими раскопками ограниченного масштаба, позволили ученым прийти к выводу, что в раннединастический период Мемфис находился там, где в настоящее время располагается арабская деревня Абусир, под склонами холмов Северной Саккары (см. рис. 1). В этот период Мемфис, вероятно, из-за недостатка территории простирался лентой вдоль реки⁹. В ходе этих исследований

⁷ Giddy 1994, 200, fig. 1.

⁸ Jeffreys, Giddy 1992, 6–7.

⁹ Jeffreys, Tavares 1994, 159.

были обнаружены археологические слои, относящиеся к раннединастическому периоду и периоду Древнего Царства¹⁰.

Однако в одной из своих последних работ он приходит к убеждению, что поселение, расположенное у подножия склона раннединастического некрополя в северной Саккаре, было всего лишь одним из ранних поселений в районе будущего Мемфиса. Более того, ученый считает, что в позднединастическом и раннединастическом периоде территории восточного берега была более густо заселена и играла ведущую роль в урбанизации региона. Это объясняется тем, что восточный берег Нила был освоен задолго до этого носителями культуры Буто-Маади, основавшими здесь ряд крупных поселений¹¹. Пальма первенства перешла к западному берегу лишь после воцарения III династии и начала строительства заупокойного комплекса Джосера¹².

В Древнем царстве, по мнению исследовательницы Л. Гидди, центр Мемфиса смещается как в южном направлении, следуя за изменением местоположения царского некрополя, так и в восточном, двигаясь за смещающимся к востоку руслом Нила¹³. Исследовательница полагает, что в период правления VI династии центр города располагался в районе Ком-Фахри (рис. 1). Здесь в 50-х гг. XX в. был исследован большой некрополь Первого переходного периода или периода раннего Среднего царства. В качестве строительного материала для гробниц во многих случаях были использованы блоки Древнего царства¹⁴.

Несколько иначе реконструирует историю Мемфиса периода Древнего царства Я. Малек. Ученый обратил внимание на тот факт, что в Туринском папирусе, в котором правители группируются не по династиям, а по резиденциям, из которых осуществлялось управление государством, цари, которые в соответствии с современной хронологией правили в эпоху Древнего царства и чей двор находился в Мемфисе, объединены не в одну, а в две группы. Так, согласно Туринскому папирусу, первая группа египетских царей правила от Менеса до Унаса, а вторая – от Тети до последнего фараона VIII династии. После списка правителей, как первой, так и второй групп, в папирусе приводится сначала счет лет их правления по отдельности, а затем общий для обеих групп. Следующая, третья, группа объединяет уже правителей, чья столица находилась в Гераклеополе¹⁵. Таким образом, распределение правителей Древнего царства по двум группам в Туринском папирусе позволяет предполагать, что в период правления I–VIII династий царский дворец в Мемфисе как минимум единожды менял свое местоположение¹⁶. В итоге Я. Малек приходит к выводу, что в раннединастический период и период Древнего царства можно говорить о трех сменявших друг друга Мемфисах. Первый, самый ранний, назывался Белыми стенами (*Jnb-hd* или *Jnbw-hdw*). По мнению исследователя, он находился в районе современной деревни Абусир на западном берегу Нила рядом с погребениями третьей династии, расположенными на северной оконечности Саккарского плато, и существовал в раннединастический период

¹⁰ Jeffreys 2004, 838.

¹¹ Jeffreys 2004, 840.

¹² Jeffreys 2004, 840.

¹³ Giddy 1994, 193.

¹⁴ Giddy 1994, 193.

¹⁵ Malek 1997, 93.

¹⁶ Malek 1997, 93.

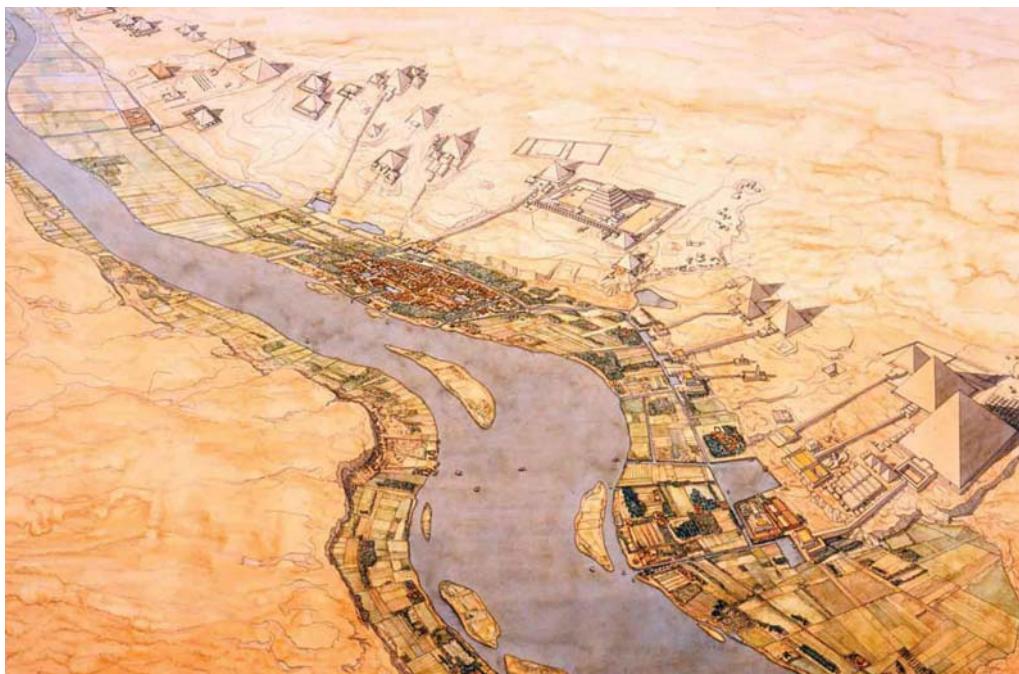

Рис. 2. Припирамидные города на месте будущего Мемфиса

и в раннем Древнем царстве. Город был защищен от наводнения каналами и плотинами. Свое название он, вероятно, получил из-за того, что его оборонительные стены были покрыты известью¹⁷.

Следующая по времени столица была основана к востоку от пирамиды фараона VI династии Тети и называлась Джед-исут (*Dw-jswt*). Ее упоминание сохранилось в Поучении Мерикара¹⁸. При следующем правителе VI династии фараоне Пепи I царская резиденция сместилась дальше на юг, следуя за движением царского некрополя. Поселение, возникшее вокруг царского дворца, переняло имя пирамиды Пепи I и стало называться Меннефер (*Mn-nfr Ppj*). По мнению Я. Малека, резиденция Меннефер, которая впоследствии передала свое имя городу в целом, располагалась на территории Ком-Фахри.

Ученый считает, что, хотя центр города и переместился к югу, та часть, которая носила имя Белые стены (*Jnb-hd*), не прекратила свое существование. Несмотря на то, что в более позднее время *Jnb-hd* и *Mn-nfr* часто смешивались, в некоторых текстах они четко различаются. Так, например, в стелле Пианхи упоминается порт Инеб-хедж, который находился на севере, и порт Меннефер на юге¹⁹.

На примере рассуждений Я. Малека и других египтологов мы видим, что ученые стали постепенно отказываться от модели статического Мемфиса. Еще дальше идет в своих построениях британская исследовательница С. Лав. Она так-

¹⁷ Malek 1997, 94.

¹⁸ Malek 1997, 93; Quack 1992, 187, E 100–101.

¹⁹ Malek 1997, 93.

же отталкивается в своих рассуждениях от идей, высказанных Д. Джейффрисом и А. Таварес. Однако, по ее мнению, в раннединастический период и в период Древнего царства Мемфисом можно называть почти тридцатикилометровую зону от Дахшура до Абу Роаша на западном берегу Нила, вдоль царского некрополя III–V династий (рис. 2)²⁰.

С. Лав справедливо полагает, что припирамидные города в правление IV династии выполняли функции столиц. Так, согласно ее точке зрения, Гиза была национальным центром администрации, индустрии, торговли в период правления фараонов Хуфу, Хафра и Менкаура. При этом исследовательница приводит аргумент, что с началом правления IV династии Саккара перестала быть местом погребения правителей. Соответственно, делает вывод С. Лав, и столица, вероятнее всего, переместилась в другое место вслед за изменением местоположения царского некрополя²¹. Так, в течение правления IV династии столица «кочевала» между Медумом, Дахшуром, Гизой, Абу Роашем, а в царствование V династии, вероятно, располагалась рядом с пирамидами Абусира²².

Таким образом, согласно термину, предложенному С. Лав, в правление IV династии Египет управлялся из «блуждающей» (peripatetic) столицы. По ее мнению, в пользу данного предположения косвенно свидетельствует тот факт, что в ходе раскопок на территории Мемфиса были обнаружены лишь единичные артефакты, относящихся к эпохе Древнего царства, однако не было найдено культурных слоев раннединастического периода и периода правления IV династии, содержащих остатки городской архитектуры²³.

Согласно С. Лав, в период строительства пирамид на плато Гиза именно там находился социально-экономический, политический и религиозный центр страны. Здесь на огромной территории в 500 га (не считая 400 га, которые занимали постройки царского заупокойного комплекса) проживало ок. 28 000 человек, часть из которых занималась непосредственно строительством пирамид, а другая – обеспечением стройки всем необходимым. Со всей страны в Гизу доставлялись сельскохозяйственная продукция и сырье. Центром по их распределению был заупокойный храм, который, таким образом, был средоточием экономической жизни страны²⁴. Один из таких «живых» припирамидных городов в правление фараонов IV династии Хеопса, Хефрена и Микерина располагался на плато Гиза, где, по мнению исследователя, находилась столица государства, его административный, торговый и производственный центр²⁵. По мнению Лав, последним аргументом в пользу признания Гизы национальной столицей IV династии стало бы обнаружение на плато Гиза остатков царского дворца²⁶.

Рассуждения С. Лав в этом смысле представляются справедливыми. Например, мы знаем, что высокий сановник Нисутнефер был «начальником дворца (*jmj-r3 ‘h*) города при пирамиде Велик Хафра» в Гизе²⁷. Другими словами, адми-

²⁰ Love 2003, 82.

²¹ Love 2000, 64.

²² Love 2000, 64.

²³ Love 2000, 64.

²⁴ Love 2000, 71.

²⁵ Love 2000, 71.

²⁶ Love 2000, 63.

²⁷ Junker 1938, 175–176; Verner 2014, 102.

нистративный центр при Хафра определенно располагался в его припирамидном городе. Согласно мнению руководителя американских раскопок М. Ленера подобная резиденция правителя могла находиться к юго-востоку от «Вороньей Стены» – мощной ограде толщиной 7–7,5 м и длиной 178 м, которая отделяла царский заупокойный комплекс от деревни строителей пирамид²⁸. В последнее время М. Ленер и его команда получают все больше данных, подтверждающих это предположение²⁹.

Итак, С. Лав оспаривает тезис о том, что Мемфис с момента своего основания и вплоть до арабского завоевания не менял местоположения и находился там, где в настоящее время расположена деревня Мит-Рахина. По мнению исследовательницы, в период Древнего царства Мемфис был «“блуждающей” столицей»³⁰. Применительно к периоду правления III–V династий С. Лав фактически отождествляет столицу с припирамидными городами, которые возводились в Саккаре, Дахшуре, Гизе, Абу Роаше, Абусире. Ее теория представляет для нас особый интерес еще и потому, что весьма похожих взглядов на проблему «*peripatetic city*» придерживались два выдающихся отечественных египтолога – О.Д. Берлев и Ю.Я. Пере-пелкин³¹.

Если мы будем отталкиваться от аргументов адептов теории «*peripatetic city*», появления *Mn-nfr* как столицы не могло произойти в период Древнего царства, когда каждый владыка воздвигал город при своей пирамиде. В период Первого междуцарствия страна распалась, и это было также невозможно: на месте некогда единой страны выросло несколько крупных образований, самые могущественные из которых вступили между собой в длительное противостояние. И только Гераклеополиты впервые после продолжительного перерыва переносят свою столицу в район *Ddw-jswt* («Устойчивые места Тети»)³².

В этой связи А.Е. Демидчик замечает: «Согласно “Поучению Мерикара (Микерэ)”, отец этого царя (имя в тексте “Поучения” разрушено) сумел установить действенный контроль над столичной областью Старого царства близ будущего Мемфиса. А сам Мерикара, как показывают обломки надписей жрецов, воздвиг там свою пирамиду»³³. Тети был особо почитаем в Гераклеопольскую эпоху, он был обожествлен, считался покровителем мемфисской области и любимцем бога Птаха³⁴.

Обстоятельства, изложенные в «Завещании Микерэ», позволили О.Д. Берлеву выдвинуть предположение, что именно пирамидный город Тети, а не его преемника Пепи I, позднее стал знаменитым Мемфисом³⁵. Как пишет исследователь, позже, при отце царя Микерэ (т.е. Мерикара), столица была вновь перенесена в традиционную столичную область от Абу Роаша на севере до Дашура, в которой

²⁸ Love 2000, 66.

²⁹ О возможной локализации крупного административного центра в Гизе см. Lehner, Tavares 2010, 171–216; Tavares 2011, 270–277.

³⁰ Love 2000, 61.

³¹ Берлев 1978, 120; Пере-пелкин 1988, 127.

³² Подразумевается припирамидное поселение и столичный центр царя VI династии Тети – (Hannig 2003, 158; Hannig 2006, 2991). Демидчик 2005, 199.

³³ Демидчик 2005, 35.

³⁴ Демидчик 2005, 35.

³⁵ Берлев 1978, 106–107.

располагались временные, рассчитанные на одно царствование, столицы, целью существования которых было возведение поблизости новой пирамиды. Центром этой столичной области, согласно «Завещанию Микерэ» был город *Ddw-jswt*, т.е. город, разросшийся на месте столицы царя Атоте (VI династия) при его пирамиде *Ddw-jswt-Tj* в северной Саккаре. Значение же более южного поселения на месте столицы Пепи I при его пирамиде *Mnw-nfrw-Mrjw-r^cw* в южной Саккаре в то время еще никому не было ясно³⁶.

Когда над Гераклеополем берет верх Фиванское царство, южане также начинают продвигать свою ставку к Нижнему Египту³⁷. Даже местоположение «новой» столицы *Jtj-t3wj* в районе пирамиды Аменемхета I в Лиште, как полагает Д. Мартин, следует считать гипотетическим, ибо оно не подтверждено материалами археологических исследований. Так, по мнению исследователя У.К. Симпсона, столицу Среднего царства также следует искать на южных окраинах Мемфиса³⁸. Такого же мнения придерживается и О.Д. Берлев. Когда гераклеопольский режим пал и страна была объединена Ментухотепом I, столица определенно находилась на том же месте, как это показывают письма *Hk3-nhtw*, в которых упоминается столичная область *Ddw-jswt*³⁹. Однако о фактическом переносе столицы в *Ddw-jswt* свидетельствует рельеф из фиванской гробницы верховного сановника *D3g* при Ментухотепе I, изображающий главного жреца-волхва, читающего сановнику список явств. Этот жрец носит имя *Ttj-m-z3.f*, чрезвычайно распространенное среди жителей *Ddw-jswt-Ttj*, но чуждое для южной столицы, т.е. Фив. Похоже, замечает О.Д. Берлев, что сановник изобразил в своей гробнице не какого-нибудь фиванского недоучку, а высококвалифицированного столичного жреца⁴⁰.

О.Д. Берлев также отмечает, что область столичного города Тети насчитывала 10000 человек в виде *ndsw* (т.е. воинов) и *w'bww* (т.е. жрецов-чистителей), свободных от податей (букв. *nn b3kw.f* «без работы его», т.е. без обязанности сдавать кому бы то ни было произведенную данным человеком работу)⁴¹. Таким образом, мы видим, что поселение Тети, занимая позиции столичного города, имело все шансы стать в будущем главной столицей Египта. А какая роль отводится в это время другому столичному центру Древнего царства *Mnw-nfrw-Mrjw-rw* в южной Саккаре?

На одном из блоков пирамиды Сенусерта I мы находим граффити, датированное 13 годом его правления (второй месяц зимы, 20 день)⁴². Речь идет о контрольной пометке, из которой следует, что камень был доставлен рабочим отрядом из Меннефер, точнее припирамидного города:

rnpt 13 3b 2 prt 20 jn(w) n Mn-nfr

Следовательно, мы можем предположить, что жителей этого поселения привлекали на царские работы близ Файума, а значит, они были зарегистрированы и поднадзорны. А.Е. Демидчик любезно обратил мое внимание, что на строитель-

36 Берлев 1978 107

³⁷ Предполагаемое местонахождение этой столицы – Ичи-тауи, согласно источникам эфиопского времени («Стела Пианхи»), район между Медумом и Мемфисом (Gesterman 1987, 108).

³⁸ Martin 2000, 119.

³⁹ Берлев 1978, 107.

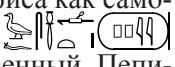
⁴⁰ Берлев 1978, 107, прим. 4.

⁴¹ Берлев 1978, 108; Quack 1992, 187, E 101.

⁴² Arnold 1990, 140, E 29 b.1.

ство пирамиды Сенусерта I привлекались далеко не все регионы страны. А если это так, то была, следовательно, востребована наиболее квалифицированная сила: рабочие, чьи предки возводили грандиозные усыпальницы Древнего царства.

Припирамидный город продолжал жить самостоятельной жизнью, о чем свидетельствует титул, относящийся по времени приблизительно к царствованию Сенусерта I (или чуть позднее) – «управляющий Мемфисом» *ḥ3tj-‘(n(j))Mn-nfr*⁴³. Как полагает Ф. Гомаа, в данном случае засвидетельствовано первое упоминание о Мемфисе как о городе-поселении.

Однако интересно сопоставить данный титул с другим, который, по предположению Р. Ханига, является показателем функционирования Мемфиса как самостоятельного городского образования в период Древнего царства – – *s3.f smr-w‘tj Ppj-‘nḥ t Mn-nfr* «Сын его, друг единственный, Пепи-анх, в Меннефер»⁴⁴.

Однако в обоих случаях титулы не говорят о поселении при пирамиде ничего нового. Исходя из их написания, мы можем заключить, что существовала практика нахождения при дворе сыновей номархов из южных областей страны и для управления припирамидным городом могли назначаться сановники из приближенных фараона. Как мы могли видеть выше, в округе *Ddw-jswt* находилось достаточноное количество не обремененных податями жрецов, которые представляли собой серьезный экономический ресурс, нуждающийся в учете и управлении со стороны новых династов.

Также Сенусертом I, а затем и последующими царями XII династии, возобновляется строительная деятельность в районе будущего Мемфиса⁴⁵. И хотя поселение начинает оживать, оно еще не имеет «всехипетского» значения и широкой известности. Если к началу царствования Сенусерта I оно еще не воспринимается отдельно от пирамиды, то при последующих царях, возможно, уже развивается как самостоятельное образование. Никаких источников у нас по этому поводу нет! Возникает закономерный вопрос, почему столицей Египта в скором времени станет не город царя Тети, который имел для этого все шансы, а его преемника Пепи I?

Примечательно, что Мемфис впервые начинает заявлять о себе в полный голос в период длительного господства царей-пастухов, гиксосов! Так, согласно трактату Иосифа Флавия «Против Аппиона» (со ссылкой на Манефона), первый гиксосский царь Салитис сделал Мемфис своей разиенцией, «он обосновался в Мемфисе, верхнюю и нижнюю земли обложил данью и разместил вооруженные отряды в наиболее подходящих местах»⁴⁶. Здесь необходимо принять во внимание, что гиксосы смогли достаточно легко завоевать Египет, т.к. обладали на тот

⁴³ Gomaà 1987, 8.

⁴⁴ Hannig 2003, 1555; публикация – Daressy 1917, 139.

⁴⁵ Gesterman 1987, 120-124; Jeffreys 2008, 42; Giddy 2012.

⁴⁶ Manetho, Fr. 42. Вероятно, речь идет о так называемой XV Мемфисской династии. Как полагает М. Битак, гиксосы на данном отрезке времени имели две опорные точки – Аварис и Шарухен (Bietak 1994, 23). Если XV династия имела ставку в Мемфисе, то ее боковая ветка – XVI династия – имела в качестве своей опоры уже Шарухен в южном Ханаане. Касательно Мемфиса исследователь полагает, что Салитис совершил в Мемфисе свою коронацию. Однако, на наш взгляд, Мемфис служил ему скорее в качестве опорной военной базы для подчинения и контроля над Верхним Египтом. Аварис в свою очередь служил для контроля за азиатскими владениями. Об этом же говорит и Иосиф со ссылкой на Манефона.

исторический момент лучшей воинской организацией, которая заключалась не только в наличии особого вооружения (например, колесничего войска или более совершенного оружия из бронзы), но и передовым опытом фортификации, выразившемся в строительстве мощных четырехугольных крепостей-укреплений⁴⁷. В этом смысле сообщение Иосифа Флавия представляется вполне достоверным. Именно гиксосы впервые могли закрепиться и заложить крепость рядом с поселением Пепи I Мерира, обеспечив полный контроль над долиной. Только усвоив у гиксосов их военный опыт, фиванцы смогли оказать им достойное сопротивление, а затем и изгнать из страны.

Рис. 3. Поздний Мемфис времени Геродота

В этой связи возникает справедливый вопрос: не являются ли именно гиксосы основателями легендарного города-цитадели Мемфиса? Как полагает Ван Сетерс, гиксосы управляли страной именно из Мемфиса, в то время как Аварис был лишь второстепенной пограничной крепостью⁴⁸. Они не то чтобы вернули городу его былую славу, скорее придали ему совершенно иной облик, который и отразился в последующих поколениях. Ведь совершенно не случайно, что первый египетский источник, который упоминает Мемфис после Среднего царства, относится именно ко времени кампании изгнания гиксосов из Египта – ⁴⁹.

⁴⁷ Jánosi 1994, 188–190; Тантлевский 2005, 63.

⁴⁸ Van Seters 1966, 121–124.

⁴⁹ Речь идет о знаменитой автобиографии адмирала Яхмоса, в которой упоминается название судна, на котором он осаждал Аварис – «Воссияние в Мемфисе» (*ḥ-r-m-Nn-nfr* (Zivie 1982, 25; Goedicke 1974, 31)). Впрочем, вполне вероятно, что первым городом, который фиванцы отобрали у

Резюмируя сказанное, можно отметить, что Мемфис как крупная городская структура не мог возникнуть в наиболее ранние периоды египетской истории. Первоначально на его месте располагались только припирамидные города царей Древнего царства. В эпоху Среднего царства эта тенденция была продолжена. И лишь гиксосы ставят на месте припирамидного поселения Пепи I укрепленную крепость, которая и положила начало столичному центру, прославившему Египет. Вероятно, наиболее упорное сопротивление захватчикам оказал именно столичный город Тети, в результате чего гиксосы отдали предпочтение для своей ставки не ему, а городу Пепи I, то есть будущему Мемфису.

В поздние периоды истории Мемфис развивался как торговый и производственный центр, а также выполнял важные функции по управлению номом, являясь административным центром Нижнего и Среднего Египта⁵⁰. Так или иначе, но с упадком политического и экономического значения Мемфиса центр религиозной и хозяйственной жизни сместился к северу, сделав стратегически важным место на восточном берегу Нила, где новые римские правители решили воздвигнуть крепость, известную в настоящее время как Вавилон⁵¹.

Заключение

Завоевание Египта арабскими войсками в 642 г., а также основание аль-Фустата и позднее аль-Кахиры (современного Каира) привело к тому, что Мемфис окончательно пришел в упадок. Новая столица была основана всего в двух десятках километров от Мемфиса и переняла все его основные функции. В VII в. после того, как Мемфис перестал быть центром епископата, местоположение древнего города было и вовсе утеряно⁵². Такое положение вещей сохранялось вплоть до XVI в., когда французским путешественником Франсуа де Павье было высказано предположение, что древний Мемфис нужно искать среди руин, окружающих современную арабскую деревню Мит-Рахина, а вовсе не на месте Каира, как тогда считало большинство ученых. Высказанная де Павье идея, однако, была забыта вплоть до 1799 г., когда Наполеоновской комиссией были проведены первые раскопки и составлены карты, позволившие с уверенностью локализовать древнюю столицу Египта на месте Мит-Рахины⁵³. В настоящее время городищем древний Мемфис принято называть десяток теллей или комов, расположенных между современными деревнями Мит-Рахина, Эзбет Габри, Азизия и городом Бадрашайн на расстоянии около 24 км к югу от центра Каира. Нынешние размеры археологического памятника Мемфис составляют 3,5 км (Север-Юг) x 1,5 км (Запад-Восток).

гиксосов, был именно Меннефер, т.е. будущий Мемфис. Название судна может рассматриваться как первая крупная победа египетского войска во главе с царем Яхмосом.

⁵⁰ Goedicke 1974, 28.

⁵¹ Толмачева 2015, 341.

⁵² Jeffreys 2001, 373.

⁵³ Sauneron 1968, 27–28.

- Берлев, О.Д. 1978: *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства: социальный слой «царских *h̄tww*»*. М.
- Демидчик, А.Е. 2005: *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гараклеопольской монархии*. СПб.
- Крол, А.А. 2005: Египет первых фараонов. М.
- Перепелкин, Ю.Я. 1988: *Хозяйство староегипетских вельмож*. М.
- Савельева, Т.Н. 1992: *Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии)*. М.
- Тантлевский, И.Р. 2005: *История Израиля и Иудеи до разрушения Первого храма*. СПб.
- Толмачева, Е.Г. 2015: Египетский Вавилон: страницы истории в контексте эпох. В сб.: С.В. Иванова, Е.Г. Толмачева (ред.), «*И земля в ликовании...*». М., 332–352.
- Шэхаб Эль-Дин, Т. 1993: *Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий*: дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб.
- Arnold, F. 1990: *Control Notes and Team Marks. Publications the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition*. Vol. 23. *South cemeteries of Lisht*. New York.
- Bietak, M. 1994: Historische und archäologische Einführung. In: M. Bietak (ed.), *Pharaonen und Fremde im Dunkel. Sonderausstellung des Historischen Museums der Stadt Wien in Zusammenarbeit mit dem Ägyptologischen Institut der Universität Wien und dem Österreichischen Archäologischen Institut Kairo, Rathaus Wien 8. Sept.-23 Okt. 1994*. Wien, 17–53.
- Daresty, M.G. 1917: Inscriptions du mastaba de Pepi-Nefer à Edfou. In: *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte XVII*. Le Caire, 130–140.
- Gesterman, L. 1987: *Kontinuität und Wandel in Politik und Verwaltung des frühen Mittleren Reiches in Ägypten*. Wiesbaden.
- Giddy, L. 1994: Memphis and Saqqara during the late Old Kingdom: some topographical considerations. In: C. Berger, G. Clerc, N. Grimal (eds.), *Hommages à Jean Leclant*. Vol.1. Le Caire, 189–200.
- Giddy, L. 2012: *The Survey of Memphis VI: Kom Rabi'a: the late Middle Kingdom (levels VI–VIII)*. London.
- Goedicke, H. 1974: Some Remarks Concerning the Inscriptions of Ahmose, Son of Ebana. *Journal of the American Research Center in Egypt* 11, 31–41.
- Gomaà, F. 1987: *Die Besiedlung Ägyptens während des Mittleren Reiches*. Bd. II. *Unterägypten und die angrenzenden Gebiete*. Wiesbaden.
- Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Mainz am Rheine.
- Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Teil 1–2. Mainz am Rheine.
- Heagy, T. C. 2014: Who was Menes? In: *Archéo-Nil: Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. Prédynastique et premières dynasties égyptiennes. Nouvelles perspectives de recherches*. Janvier 24. Paris, 59–92.
- Jánosi, P. 1994: Die Zitadelle der späten Hyksoszeit aus eEzbet Helmi. In: M. Bietak (ed.), *Pharaonen und Fremde im Dunkel. Sonderausstellung des Historischen Museums der Stadt Wien in Zusammenarbeit mit dem Ägyptologischen Institut der Universität Wien und dem Österreichischen Archäologischen Institut Kairo, Rathaus Wien 8. Sept.-23 Okt. 1994*. Wien, 188–190.
- Jeffreys, D., Smith, H. 1988: Memphis and the Nile in the New Kingdom: a preliminary attempt at a historical perspective. In: A.-P. Zivie (ed.), *Memphis et ses nécropoles au nouvel empire. Nouvelles données, nouvelles questions*. Paris, 55–66.

- Jeffreys, D., Giddy, L. 1992: Towards Archaic Memphis. *Egyptian Archaeology* 2, 6–8.
- Jeffreys, D., Tavares, A. 1994: The historic landscape of Early Dynastic Memphis. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 50, 143–173.
- Jeffreys, D. 2004: Hierakonpolis and Memphis in Predynastic Tradition. In: S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Cialowicz, M. Chłodnicki (eds.), *Egypt at its Origins. Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference “Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt”*. Krakow, 28th August – 1st September 2002. Leuven, 837–845.
- Jeffreys, D. 2008: The Survey of Memphis, Capital of Ancient Egypt: recent developments. *Archaeology International* 11, 41–44.
- Junker, H. 1938: *Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien auf gemeinsame Kosten mit Dr. Wilhelm Pelizaeus unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Giza. III.* Wien–Leipzig.
- Quack, J.F. 1992: *Studien zur Lehre für Merikare. Göttinger Orientforschungen IV Reihe: Ägypten*. Bd. 23. Wiesbaden.
- Lehner, M., Tavares, A. 2010: Walls, ways and stratigraphy: signs of social control in an urban footprint at Giza. In: M. Bietak, E. Czerny, I. Forstner-Müller (eds.), *Cities and Urbanism in Ancient Egypt. Papers from a Workshop in November 2006 at the Austrian Academy of Sciences*. Wien, 171–216.
- Love, S. 2000: Peripatetic Old Kingdom Center: A Fourth Dynasty Model of Giza. *Papers from the Institute of Archaeology University College London* 11, 61–77.
- Love, S. 2003: Questioning the location of the Old Kingdom capital of Memphis, Egypt. *Papers from the Institute of Archaeology University College London* 14, 70–84.
- Malek, J. 1997: The Temples at Memphis. Problems Highlighted by the EES Survey. In: S. Quirke (ed.), *The temple in ancient Egypt: new discoveries and recent research*. London, 90–101.
- Martin, G.T. 2000: Memphis: the status of a residence city in the Eighteenth Dynasty. In: M. Bárta, K. Jaromír (eds.), *Abusir and Saqqara in the year 2000. Archiv orientální. Supplementa IX* (2000). Praha, 99–120.
- Tavares, A. 2011: Village, town and barracks: a fourth dynasty settlement at Heit el-Ghurab, Giza. In: N. Strudwick, H. Strudwick (eds.), *Old Kingdom, New Perspectives: Egyptian Art and Archaeology 2750–2150 BC*. Oxford, 270–277.
- Van Seters, J. 1966: *The Hyksos. A new Investigation*. New Haven.
- Verner, M. 2014: *Sons of the Sun. Rise and Decline of the Fifth Dynasty*. Charles University in Prague. Prague.
- Zivie, Ch. M. 1982: Memphis. *Lexikon der Ägyptologie* IV, 24–41.

REFERENCES

- Arnold, F. 1990: *Control Notes and Team Marks. Publications the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition*. Vol. 23. *South cemeteries of Lish*. New York.
- Berlev, O.D. 1978: *Obshchestvennye otnoshenia v Egipte epokhi Srednego tsarstva: sotsial'nyi sloi “tsarskikh hmww”* [Public Relations in Egypt, the Middle Kingdom: a Social Layer “Royal hmww”]. Moscow.
- Bietak, M. 1994: Historische und archäologische Einführung. In: M. Bietak (ed.), *Pharaonen und Fremde im Dunkel. Sonderausstellung des Historischen Museums der Stadt Wien in Zusammenarbeit mit dem Ägyptologischen Institut der Universität Wien und dem Österreichischen Archäologischen Institut Kairo, Rathaus Wien 8. Sept.-23 Okt. 1994*. Wien, 17–53.

- Dareddy, M.G. 1917: Inscriptions du mastaba de Pepi-Nefer à Edfou. In: *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte XVII*. Le Caire, 130–140.
- Demidchik, A.E. 2005: *Bezymiannaia piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoi Garakleopol'skoi monarkhii [Nameless Pyramid. The State Doctrine of the Ancient Egyptian Monarchy Herakleopolis]*. Saint-Petersburg.
- Gesterman, L. 1987: *Kontinuität und Wandel in Politik und Verwaltung des frühen Mittleren Reiches in Ägypten*. Wiesbaden.
- Giddy, L. 1994: Memphis and Saqqara during the late Old Kingdom: some topographical considerations. In: C. Berger, G. Clerc, N. Grimal (eds.), *Hommages à Jean Leclant*. Vol.1. Le Caire, 189–200.
- Giddy, L. 2012: *The Survey of Memphis VI: Kom Rabi'a: the late Middle Kingdom (levels VI–VIII)*. London.
- Goedicke, H. 1974: Some Remarks Concerning the Inscriptions of Ahmose, Son of Ebana. *Journal of the American Research Center in Egypt* 11, 31–41.
- Gomaā, F. 1987: *Die Besiedlung Ägyptens während des Mittleren Reiches*. Bd. II. *Unterägypten und die angrenzenden Gebiete*. Wiesbaden.
- Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Mainz am Rheine.
- Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Teil 1–2. Mainz am Rheine.
- Heagy, T. C. 2014: Who was Menes? In: *Archéo-Nil: Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. Prédynastique et premières dynasties égyptiennes. Nouvelles perspectives de recherches*. Janvier 24. Paris, 59–92.
- Jánosi, P. 1994: Die Zitadelle der späten Hyksoszeit aus 'Ezbet Helmi. In: M. Bietak (ed.), *Pharaonen und Fremde im Dunkel. Sonderausstellung des Historischen Museums der Stadt Wien in Zusammenarbeit mit dem Ägyptologischen Institut der Universität Wien und dem Österreichischen Archäologischen Institut Kairo, Rathaus Wien 8. Sept.-23 Okt. 1994*. Wien, 188–190.
- Jeffreys, D. 2004: Hierakonpolis and Memphis in Predynastic Tradition. In: S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Cialowicz, M. Chłodnicki (eds.), *Egypt at its Origins. Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*. Krakow, 28th August – 1st September 2002. Leuven, 837–845.
- Jeffreys, D. 2008: The Survey of Memphis, Capital of Ancient Egypt: recent developments. *Archaeology International* 11, 41–44.
- Jeffreys, D., Giddy, L. 1992: Towards Archaic Memphis. *Egyptian Archaeology* 2, 6–8.
- Jeffreys, D., Smith, H. 1988: Memphis and the Nile in the New Kingdom: a preliminary attempt at a historical perspective. In: A.-P. Zivie (ed.), *Memphis et ses nécropoles au nouvel empire. Nouvelles données, nouvelles questions*. Paris, 55–66.
- Jeffreys, D., Tavares, A. 1994: The historic landscape of Early Dynastic Memphis. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 50, 143–173.
- Junker, H. 1938: *Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien auf gemeinsame Kosten mit Dr. Wilhelm Pelizaeus unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Giza. III*. Wien–Leipzig.
- Krol, A.A. 2005: *Epipet pervykh faraonov [Egypt of the First Pharaohs]*. Moscow.
- Lehner, M., Tavares, A. 2010: Walls, ways and stratigraphy: signs of social control in an urban footprint at Giza. In: M. Bietak, E. Czerny, I. Forstner-Müller (eds.), *Cities and Urbanism in Ancient Egypt. Papers from a Workshop in November 2006 at the Austrian Academy of Sciences*. Wien, 171–216.

- Love, S. 2000: Peripatetic Old Kingdom Center: A Fourth Dynasty Model of Giza. *Papers from the Institute of Archaeology University College London* 11, 61–77.
- Love, S. 2003: Questioning the location of the Old Kingdom capital of Memphis, Egypt. *Papers from the Institute of Archaeology University College London* 14, 70–84.
- Malek, J. 1997: The Temples at Memphis. Problems Highlighted by the EES Survey. In: S. Quirke (ed.), *The temple in ancient Egypt: new discoveries and recent research*. London, 90–101.
- Martin, G.T. 2000: Memphis: the status of a residence city in the Eighteenth Dynasty. In: M. Bárta, K. Jaromír (eds.), *Abusir and Saqqara in the year 2000. Archiv orientální. Supplementa IX* (2000). Praha, 99–120.
- Perepelkin, Ju.Ia. 1988: *Khoziaistvo staroegipetskikh vel'mozh* [Farm Old Nobles]. Moscow.
- Quack, J.F. 1992: *Studien zur Lehre für Merikare*. *Göttinger Orientforschungen IV Reihe: Ägypten*. Bd. 23. Wiesbaden.
- Savel'eva, T.N. 1992: *Khramovye khoziaistva Egipta vremeni Drevnego tsarstva (III–VIII dinastii)* [Temple Farms of Egypt the Time of the Old Kingdom (III–VIII dynasty)]. Moscow.
- Shekhab El'-Din, T. 1993: *Avtobiografija v Drevnem Egipte v epokhu IV–VIII dinastii* [Autobiography in Ancient Egypt in the Period of IV–VIII Dynasties]: diss. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk. Saint-Petersburg.
- Tantlevskii, I.R. 2005: *Istoriia Izraelia i Judei do razrusheniia Pervogo khrama* [The History of Israel and Jew until the Destruction of the First Temple]. Saint-Petersburg.
- Tavares, A. 2011: Village, town and barracks: a fourth dynasty settlement at Heit el-Ghurab, Giza. In: N. Strudwick, H. Strudwick (eds.), *Old Kingdom, New Perspectives: Egyptian Art and Archaeology 2750–2150 BC*. Oxford, 270–277.
- Tolmacheva, E.G. 2015: Egipetskii Vavilon: stranitsy istorii v kontekste epoch [Babylon of Egypt: the Pages of History in the Context of Eras]. In: S.V. Ivanov, E.G. Tolmacheva (red.), "Izemlia v likovanii..." [And the Earth Triumph...]. M., 332–352.
- Van Seters, J. 1966: *The Hyksos. A new Investigation*. New Haven.
- Verner, M. 2014: *Sons of the Sun. Rise and Decline of the Fifth Dynasty*. Charles University in Prague. Prague.
- Zivie, Ch. M. 1982: Memphis. *Lexikon der Ägyptologie* IV, 24–41.

WHEN DID MEMPHIS OF HERODOTUS ARISE?

Roman A. Orekhov

Center for Egyptological Studies RAS, Russia,
radamant67@mail.ru

Abstract. Herodotus was the first one to leave us information about the foundation of Memphis in Egypt. We find out from his work that the city was founded as the capital on the side of the Western flood-lands of the Nile in the epoch of the legendary king Menes (Narmer in Egyptian, 3050 BC) during the period of the so called zero dynasty. However, to what extent does this information correspond to the reality? Taking the data of the modern studies as the basis, the author concludes that there was no single capital in the epoch of the first dynasties on the West bank. The earliest large settlements on the West bank appeared only in the epoch of the Old Kingdom and corresponded to the so-called pyramid towns. These towns were capitals of the state, each in its turn, and their main function was to perform funeral cult of the deceased kings. Only two centres could pretend to be a united capital in the historical perspective: Djed-

Isut (pyramid town of the king Teti, 2345–2333 BC) and Mennefer (pyramid town of the king Pepi I, 2332–2283 BC). It is most plausible that the Memphis described by Herodotus emerged only at the end of the Middle Kingdom. Its appearance was prompted by the invasion of the Hyksos (1663–1555 BC) into Egypt who founded their own military fortress on the place of the pyramid town of Pepi I (Mennefer). Subsequently on this place a city-citadel Memphis appeared.

Key words: Herodotus, Memphis, Egypt Exploration Society, «peripatetic city», Hyksos, the pyramid city of Teti, the pyramid city of Pepi I

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 21–37
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 21–37
© Автор(ы) 2017

ЕГИПЕТСКАЯ ТУНИКА С ДИОНИСИЙСКИМИ МОТИВАМИ ИЗ РАСКОПОК ЦЕИ РАН НА НЕКРОПОЛЕ ДЕЙР АЛЬ-БАНАТ (ФАЮМ)

О.В. Орфинская, Е.Г. Толмачева

Центр египтологических исследований РАН, Москва,
orfio@yandex.ru, etolma@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи впервые публикуют египетскую позднеантичную туннику с изображенными на ней сценами с участием персонажей дионисийской процессии и делают попытку ее атрибуции. Тунника № 2008/0084/001 происходит из раскопок некрополя позднеантичного – раннеисламского периода в Дейр аль-Банате (Фаюм). В статье приводится техническое описание особенностей ткачества тунники, а также анализ сюжетной композиции, представленной на гобеленовых вставках изделия и, безусловно, обладающей символическим значением. Сохранность найденных фрагментов позволила выполнить графическую реконструкцию тунники. Тунника представляет собой льняную Т-образную одежду, сотканную по форме, т.е. изготовленную на ткацком станке единым ткацким куском. На туннике сохранились два клава шириной 5–6 см и длиной около 77 см, выполненных в гобеленовой технике. Также в гобеленовой технике выполнена прямогольная панель отделки ворота с изображением танцовщиков-вакхантов. Танцующий воин представлен в развевающемся плаще желтого цвета, перекинутом через правое плечо. В левой руке щит, правая рука поднята вверх. Изображения дионисийских мотивов на «коптских» тканях было связано с идеями плодородия и возрождения. Авторы датируют туннику VI–VII вв. по аналогии с другими подобными объектами из музеиных коллекций. Тунника из Дейр аль-Баната представляет собой один из замечательных примеров египетского ткачества эпохи раннего средневековья, для которого характерна высокая степень стилизации, нарочитая небрежность в передаче отдельных мотивов и целых композиций. Мастера того времени еще продолжали использовать для подражания лучшие образцы декоративно-прикладного искусства предшествующего периода, однако уже в целом заметна тенденция к орнаментации и стилизации, ставшая доминирующей в тканых изображениях арабского времени.

Ключевые слова: Египет, Византийский период, ткачество, коптские ткани, Дейр аль-Банат, Фаюм, некрополи

Орфинская Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН.

Толмачева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН.

Введение

Вопросы позднеантичной и раннесредневековой материальных культур Египта, в частности, изучение т.н. коптских тканей представляют немалый интерес как для российской, так и для зарубежной науки. «Коптские ткани» относятся к числу одной из самых распространенных групп памятников в многочисленных российских и зарубежных музеях и коллекциях. В большинстве своем эти объекты вошли в состав музеиных коллекций в конце XIX – первой половине XX в. и в силу особенностей раскопок «археологов» того времени на позднеантичных–раннехристианских некрополях не имеют ни четкого происхождения, ни сведений об археологическом контексте находки. Более того, многие ткани из музеиных собраний были приобретены в начале XX века у разнообразных перекупщиков и торговцев древностями. В силу вышеозначенных причин в последнее время повысился интерес к изучению тканей, происходящих из позднеантичных–христианских и раннеисламских некрополей Египта¹.

Некрополь Дейр аль-Банат, относящийся к числу именно таких археологических памятников, расположен в юго-восточной части Фаюмского оазиса, приблизительно в 1,6 км к северу от другого значительного некрополя, находящегося вблизи монастыря Архангела Гавриила в Наклуне² (рис. 1). Само название местности «Дейр аль-Банат» в переводе с арабского буквально означает «девичий монастырь». К сожалению, определенно ответить на вопросы, когда именно появилось данное название³ и являлись ли расположенные на памятнике постройки из кирпича-сырца монастырем, на данный момент не представляется возможным⁴.

Центр египтологических исследований РАН проводит исследования в Дейр аль-Банате с 2003 г. по настоящее время. Территория памятника условно делится на три части: «монастырь», «северный некрополь» и «южный некрополь». За время проведения археологических работ было исследовано около 307 могил, нередко содержащих более одного погребения. Следует подчеркнуть, что определить четкие хронологические рамки существования некрополя довольно сложно в силу того факта, что более 2/3 составляющих его захоронений было разграблено как в древности, так и уже в новейшее время⁵. Тем не менее предварительные результаты исследований позволяют утверждать, что данный некрополь функционировал с конца эллинистического по средневековый период⁶. На основании

¹ Проводятся многочисленные периодические конференции и семинары, посвященные египетским археологическим тканям, по итогам которых вышел ряд сборников, ставших во многом определяющими при определении методики изучения и описания подобного рода памятников: De Moor, Fluck 2007; 2011; De Moor, Fluck, Linscheid 2015; Schrenk 2006.

² Godlewski 2006; 2008.

³ Krol 2005, 214–215.

⁴ Известный немецкий археолог и специалист по архитектуре раннесредневекового Египта П. Гроссман первым предположил, что данные постройки относятся к числу монастырских (Grossman 1989, 1865). В настоящее время данная идентификация ставится под сомнение. Как бы то ни было, следует подчеркнуть, что на некрополе в приблизительно равной доле присутствуют женские и мужские захоронения, а также большое количество детских. Захоронений же, которые можно было бы отнести к монастырскому комплексу, до настоящего времени обнаружено не было.

⁵ Белова 2009, 89; 2012, 8–9.

⁶ Белова 2012, 8; 2009, 91.

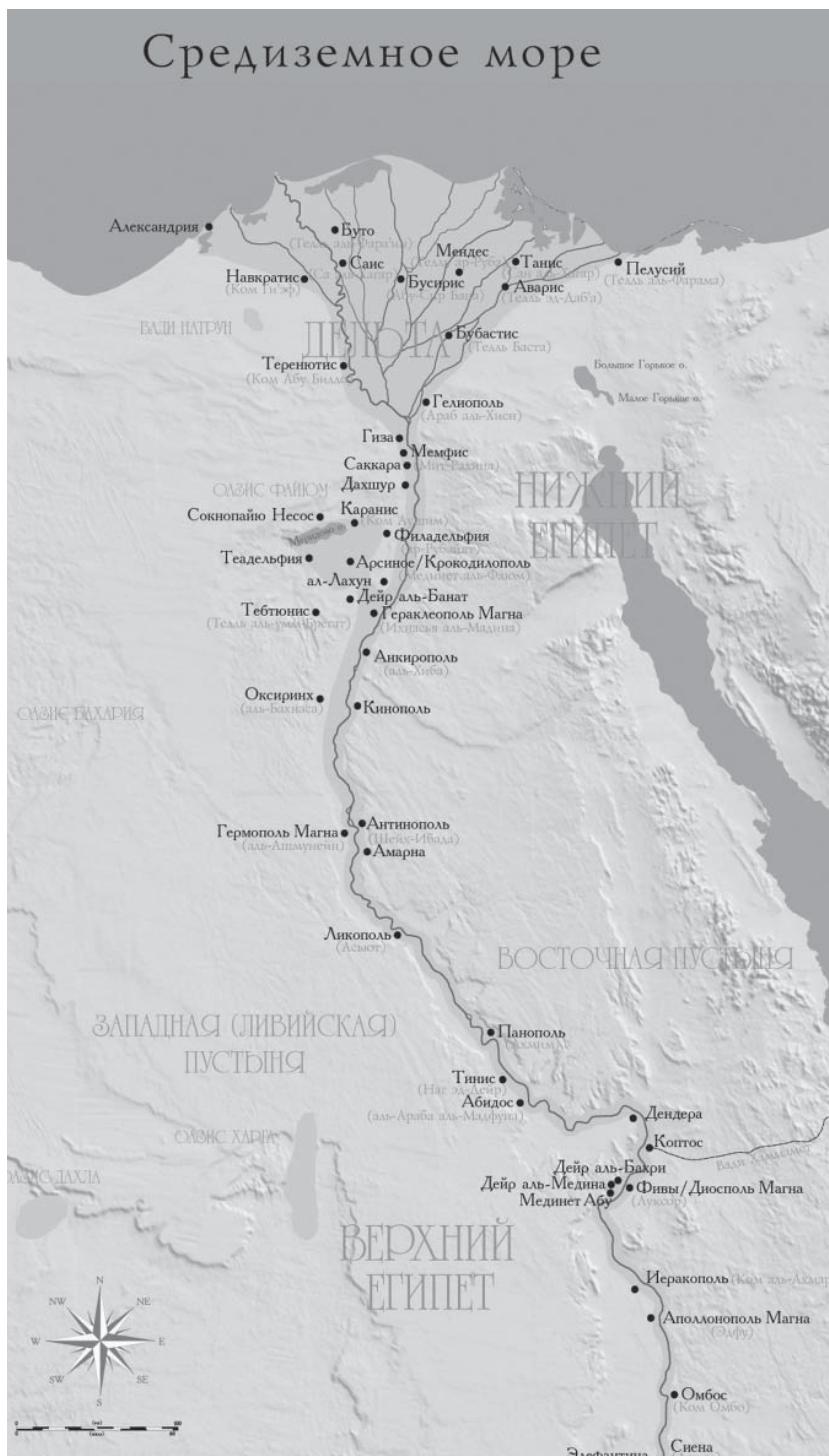

Рис. 1. Карта Египта с обозначением некрополя Дейр аль-Банат

изучения письменных памятников высказываются предположения, что заброшен некрополь был приблизительно в XI веке⁷.

Принимая во внимание столь широкие хронологические рамки существования некрополя, будет логичным предположить наличие на нем погребений, совершившихся по разным обрядам: от позднеэллинистического и римского до христианского, характерного и для многих других египетских средневековых некрополей IV–IX веков⁸. Погребальный обряд конца IV–IX вв.⁹ подразумевал захоронение тела в одеждах, причем число туник могло достигать пяти. Тело было обвернуто несколькими слоями грубых погребальных пелен, число тканей доходило до 10–12¹⁰. Как сами туники, так и погребальные пелены, в роли которых могли выступать предметы ранее использованного интерьера текстиля, например, занавесы, очень часто декорировались специальными гобеленовыми вставками, нашитыми или сотканными в процессе изготовления изделия.

Как уже отмечалось, некрополь Дейр аль-Банат подвергался неоднократным разграблениям. Объект, о котором пойдет речь в статье, также происходит из захоронения могил 205–206, квадрата F17 Южного некрополя. В грабительском погребении был найден целый ряд предметов археологического текстиля, в том числе и три фрагмента туники (№ 2008/0084/001) с гобеленовыми вставками с изображением дионасийских мотивов. Самый большой фрагмент представляет собой переднюю или заднюю часть стана туники и рукав (75×84 см), два других являются частями стана в районе подола (46×66; 44×20 – рис. 2).

Сохранность фрагментов позволила выполнить графическую реконструкцию туники. Она представляет собой льняную Т-образную тунику, сотканную по форме, т.е. изготовленную на ткацком станке единым ткацким куском (рис. 3). Ткать такие туники начинали с рукава, переходя на стан и заканчивая вторым рукавом. Горловина имеет щелевидную форму, так как она формировалась в процессе ткачества. Нити основы, натянутые на станке, делились на две группы и на промежутке, соответствующем размеру горловины, ткались раздельно, как два самостоятельных ткацких куска, приобретая, соответственно, внутренние кромки, игравшие роль отделки горловины в готовом изделии¹¹. После снятия со станка туника сшивалась по кромкам стана и рукавов. Данный вариант ткачества и пошива характерен для т.н. римских туник изготавливавшихся в Египте начиная с

⁷ Krol 2015, 159. На северном некрополе представлено некоторое количество достаточно поздних захоронений исламского периода (IX–XI вв.), которые в данном случае остаются за пределами нашего исследования.

⁸ Подробнее о некоторых аналогичных находках на других египетских некрополях см.: Cortes 2012; Crum, Winlock 1926, 45–50, pl. XI–XII, XXII; Bachatly 1981, 27, pl. CXIII; Godlewski 2006, 37–38; Griggs 1990; 2005; Huber 2006, 67; 2007, 2015; Kajitani 2006, 106; Pritchard 2006, 49; Letellier-Willemin 2015, 27; South 2012; Bowen 2003, 168; Voytenko 2016; Zych 2008 и т.д.

⁹ В историографии подобного рода захоронения чаще всего относят к христианскому или коптскому погребальному обряду (см., например, Войтенко 2012; Voytenko 2016; Bowen 2003, 168), однако проблема точного определения их религиозной принадлежности, по крайней мере для погребений III–IV, существует и обсуждается в литературе (см., например, South 2012, 30–33; Kajitani 2006, 106).

¹⁰ См. например, публикацию могилы 213/1: Orfinskaya, Belova, Nauton, Tolmacheva 2015. Более подробно о коптском погребальном обряде см.: Войтенко 2012; Voytenko 2012; 2016.

¹¹ Описание процесса ткачества льняной туники по форме см., например: Pritchard 2006, 46; De Jonghe, Verhecken-Lammens 1993, 42–43 и т.д.

Рис. 2. Фрагменты туники № 2008/0084/001. Фото С.В. Иванова.

1 – общий вид фрагментов до реставрации; 2 – общий вид фрагментов после реставрации.
Реставраторы Т. Жданова, В. Назар (руководитель реставрационной группы Н. Синицына)

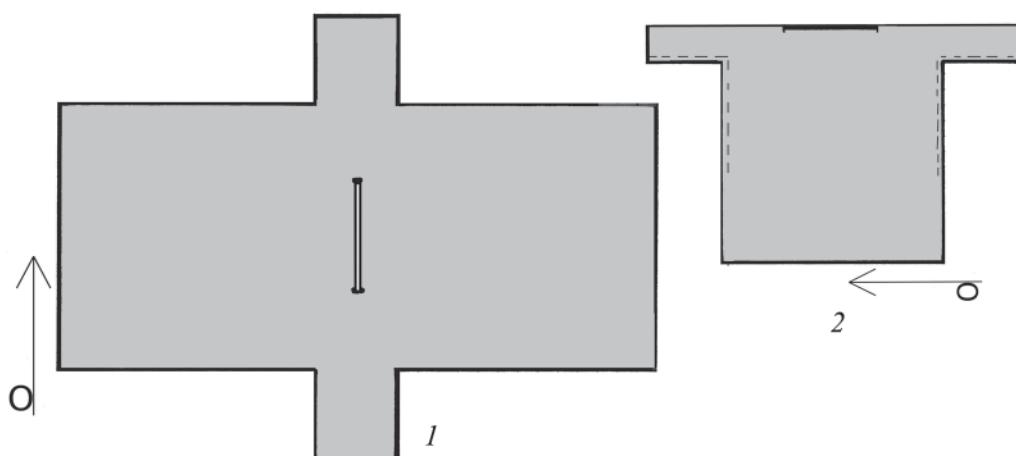

Рис. 3. Общая схема туники сотканной «по форме». Автор рисунка О.В. Орфинская.
1 – расположение туники на ткацком станке, 2 – расположение туники на теле человека.
Стрелка и «О» – показывают направление нитей основы

III–IV вв. н.э.¹² Следует отметить, что уже в римский период сотканные по форме туники, у которых в готовом виде горизонтально шли нити основы, а вертикально – нити утка (т.е. нити основы в изделии располагались поперек человеческого тела), приходят на смену традиционным египетским туникам, у которых нить основы шли вертикально (т.е. располагались вдоль человеческого тела)¹³.

Льняные сотканные по форме туники чаще всего украшались декоративными гобеленовыми вставками, которые либо нашивались на готовое изделие, либо изготавливались в гобеленовой технике в процессе ткачества. Традиционно туники украшались клавами (*clavi*) – вертикальными полосами, шедшими от каж-

¹² Pritchard 2006, 45–47, 48–49.

¹³ См., например, Pritchard 2006, 45–46.

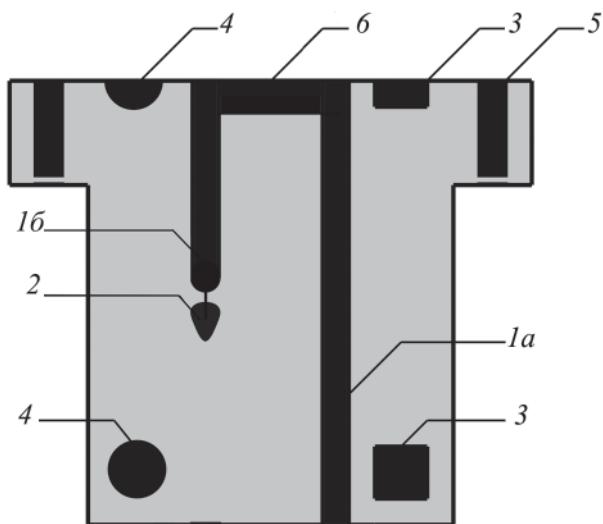

Рис. 4. Традиционное декорирование туники. Автор рисунка О.В. Орфинская

1 – клав: 1_a – длинный клав, 1_b – короткий клав; 2 – листовидная или круглая подвеской; 3 – квадратная или прямоугольная вставка; 4 – круглая или овальная вставка; 5 – украшение рукава; 6 – отделка горловины

дого угла горловины до талии или до подола переда и спинки готового изделия. В ряде случаев короткие клавы завершались листовидной или круглой подвеской (*sigilla*). Из других декоративных элементов чаще всего встречались квадратные (*tabulae*) или круглые (*orbiculi*) вставки, располагавшиеся на плечах и в нижней части стана туники. По подолу могли идти горизонтальные или угловые ставки. Рукава украшались декоративными полосками (*manicae*), которые ткались параллельно внешнему краю. Вырез горловины, чаще всего тканый, а не разрезной, также орнаментировался гобеленовыми вставками прямоугольной или круглой формы¹⁴ (рис. 4).

Натунике № 2008/0084/001

сохранились два клава шириной 5–6 см и длиной около 77 см, выполненных в гобеленовой технике. Также в гобеленовой технике соткана прямоугольная панель отделки ворота размером 18×33 см. Горизонтальная полоса ниже отделки ворота имеет ширину 6 см и длину 21 см. Размер квадратных вставок на плечах 10×10 см. Вставка отделки рукава – 22×7 см.

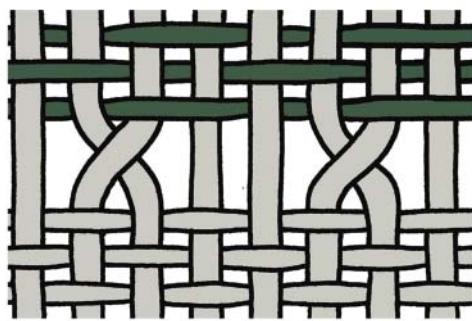
Перейдем к описанию технических деталей ткачества. Базовая ткань выполнена в полотняном переплетении с преобладанием нитей основы. Нити основы: лен (не окрашен, S, крутка средняя, толщина нитей 0,2–0,5 см). Нити утка: лен (не окрашен, S, крутка средняя, толщина нитей 0,2–0,8). Плотность ткани (т.е. количество нитей основы и утка на 1 см²) – 12/8 н/см.

Полихромные вставки сотканы в гобеленовой технике. При переходе на вставки нити основы базового полотна объединялись в группы по две нити (илл. 5), соответственно характеристики нитей основы в гобеленовых вставках и в основном полотне совпадают. Декор в гобеленовом переплетении создавался за счет свободно передвигавшихся в процессе ткачества в пределах рисунка нитей утка. В данном случае для создания рисунка использовались как льняные, так и шерстяные нити. Льняные нити утка в гобеленовых вставках обладали теми же характеристиками, что и нити утка в базовом полотне. Шерстяные нити цветные: зеленые, «пурпурные» (темно-коричневые) и желтые. Крутка нитей S, неравномерная, толщина нитей – 0,2–0,4; отдельные нити парные. На фоновых участках

¹⁴ См., например: Лечицкая 2010, 12.

1

2

Рис. 5. Участок перехода от основного полотна к гобеленовой вставке.

Фото и схема О.В. Орфинской.

1 – микрофотография ткани; 2 – схема текстильных переплетений на участке перехода

гобеленовых вставок на плече и клавах встречаются фрагменты декора с иным переплетением, производным полотняного. Это переплетение называется «рогожка» (2:2), для него характерно удвоение нитей основы и утка (рис. 6). Плотность вставок по основе составляет 6 нитей на см. Плотность по утку – от 7 до 22 нитей на см. Кромка ткани простая.

Основываясь на реконструкции туники, можно определить ее основные размеры: высота готовой туники составляла 95 см, ширина по линии плеч 124 см, ширина стана 70 см, разрез горловины 33 см (рис. 7). Следов складки в районе талии, типичной для подобного рода туник и предназначенных для регулировки длины готового изделия¹⁵ не сохранилось.

1

2

3

Рис. 6. Микрофотографии различных участков туники. Фото О.В. Орфинской.

1 – основная ткань (полотняное переплетение); 2 – светлый фон в гобеленовых вставках (луизин 2:1); 3 – меланжевый фон в гобеленовых вставках (рогожка 2:2)

¹⁵ См., например, Fluck 2014, 117.

Щелевидной формы горловина оформлена прямоугольными гобеленовыми вставками с изображениями танцующих персонажей дionисийской процессии (рис. 8). Центральная фигура помещена в перевернутую арку, образованную стилизованными лентами желтого и белого цвета по зеленовато-коричневому фону. Танцующий воин изображен в развевающемся плаще желтого цвета, перекинутым через правое плечо; в левой руке щит, правая рука поднята вверх. Ниже правой руки тонкими линиями представлена стилизованная виноградная ветвь. Под аркой пространство заполнено меланжевым фоном, переданным двумя нитями утка разного цвета в технике «ложного штриха»¹⁶. Слева и справа от центральной фигуры также изображены танцующие воины-вакханты. Через правое плечо у них перекинута перевязь желтого цвета, левая рука опущена, в правой воины держат тирс¹⁷, т.е. деревянный жезл, увитый плющом и виноградными листьями. Жезл изготавливался из стебля фенхеля, увенчивался шишкой пинии – атрибутом древнегреческого бога Диониса и его свиты – сатиров и менад. Эта вставка выделена зелено-коричневыми неширокими полосами.

Обращает на себя внимание система соединения гобеленовых вставок. Центральная вставка отделки горловины соединяется с горизонтальной полосой отделки уточной нитью, захватывающей одну нить основы в полосе с шагом 1 см. Сама же горизонтальная полоса со стилизованными листиками подшивалась дополнительно после окончания ткачества.

От нижней полосы отделки горловины отходят два клава, расстояние между которыми составляет 22 см. Полосы клавов разделены на прямоугольники темного и светлого цвета. Темные участки заполнены меланжевым фоном, на светлых представлены сильно стилизованные человеческие фигуры. Между клавами, ниже центральной вставки, расположена вставка-полоса с двумя вертикальными округлыми листьями желтого цвета, подчеркнутыми зелено-коричневой обводкой. На плечах вытканы квадратные вставки с сильно стилизованными четырехлепестковым крестовидными розеттами с желтой серединкой.

Рукава туники длинные, широкие (в сшитом виде ширина достигает 22 см), по краю оформлены гобеленовой вставкой-полосой очень плохой сохранности. По краю стана туники, в районе перехода от рукава к стану, сохранились участки с бахромой длиной 1,5–2 см.

Итак, в тунике №2008/0084/001 прежде всего следует отметить довольно своеобразный декоративный ряд, безусловно, обладающий символическим значением. Изображение дionисийских мотивов на «коптских» тканях было связано с идеями плодородия и возрождения¹⁸. Автор одного из первых каталогов Эрмитажного собрания египетских тканей, выдающийся советский специалист по древне-египетскому и коптскому искусству М.Э. Матье отмечала большое значение для искусства христианского Египта тех античных изображений Диониса, в которых подчеркивалась его роль как божества винограда и виноделия¹⁹. В эллинистическую и римскую эпохи Дионис заменил в сознании египтян бога умирающих

¹⁶ Технический прием гобеленового ткачества, для которого характерно попеременное использование светлых и темных нитей утка в пределах определенного рисунка.

¹⁷ Др.-греч. Θύρσος.

¹⁸ Лечицкая 2010, 18.

¹⁹ Матье, Ляпунова 1951, 58.

и возрождающихся сил природы Осириса, получив широкое распространение в Египте при Птолемеях, объявивших Диониса своим родоначальником²⁰. Дионису посвящались мистерии и оргиистические ритуалы, связанные с опьянением. Как отмечала О.В. Лечицкая, подобного рода изображения «символизировали счастливое состояние в этой и будущей посмертной жизни»²¹.

На тунике из Дейр аль-Баната центральное место отведено не самому Дионису, а его свите – танцорам дионисийского тиаса. Танцоров можно опознать по характерным деталям: мужчины перепоясаны перевязью для меча, а в руках держат стилизованные щиты. Это атрибуты военного танца, происхождение которого восходит к греческой традиции архаического и классического периодов²². По мнению некоторых авторов²³, на подобного рода изображениях представлены не реальные танцоры воинских танцев, а участники драматических представлений на мифологические сюжеты, античных драм и мистерий²⁴.

Следует отметить, что размещение гобеленовых вставок на тунике № 2008/0084/001 композиционно следует распространенному типу отделки горловины туники в виде широкой горизонтальной гобеленовой вставки-полосы и двух вертикальных клавов по сторонам, тематически связанных с центральным сюжетом²⁵. Фон вставок заполнен характерным меланжевым декором и стилизованными растительными мотивами. Примеры подобного рода туник мы встречаем во многих музейных коллекциях²⁶. В основном все туники с таким оформлением датируются V–VI вв. Гобеленовые вставки на них выполнены с разной степенью натуралистичности, число персонажей композиции и их состав меняются, присутствует большая или меньшая степень стилизации.

Однако большинство изображений данной группы все же отличается от сильно стилизованных, почти абстрактных фигуров на вставках туники из Дейр аль-Баната. Техника ткачества сходная, однако и в ней присутствуют вполне уловимые отличия. Туника из Дейр аль-Баната выполнена в значительно более грубой манере, что нашло выражение также и в чисто технических параметрах ткачества – меньшая плотность нитей по основе и утку, нити немного толще, отсутствует тщательная проработка деталей рисунка.

Возникает вопрос: существуют ли прямые аналогии изображениям на тунике № 2008/0084/001, да и самому объекту? Среди непосредственных параллелей сле-

²⁰ Лечицкая 2010, 19

²¹ Лечицкая 2010, 20.

²² Лечицкая 2010, 302–303; Finney 1998, 116–117.

²³ По данному вопросу существует достаточно обширная литература. Более подробно см: Stauffer 1992, 74–76.

²⁴ Лечицкая 2010, 303; Stauffer 1992, 74–76.

²⁵ Лечицкая 2010, 301–302.

²⁶ Приведем лишь несколько из множества подобных изображений: Матье, Ляпунова 1951, 105–106, № 59, табл. XXIV, 2; 106–107, № 62, табл. XXIII, 1; 107, № 65, табл. XXIII, 3; 143, № 218, табл. XXXVII, 7; 143, № 219, табл. XXXVII, 8; Лечицкая 2010, 301, № 160, 302, № 161, 306–307, № 163, 308, № 164; Lintz, Couder 2013, 262, № 82, 263, № 83, 264, № 84; Baginski, Tidhar 1980, 71–73, № № 80–83; Paetz gen Schieck 2003, 22–23, № 1, 24, № 4–5, 25 № 6; Lorquin 1999, 30–31, № 1; 129–131, № 36; Lorquin 1992, 52–55, № 1; Bourgon-Amir 1993/1, 63–64, pl. 42 (№ 28 520/38), 64–65, pl. 42 (№ 29 245), vol. 2, pl. 42; Du Bourguet 1964: 96, № C32, 97, № C33, 100 96, № C40 etc; Lafontaine-Dosogne 1988, 12, fig. 31, 13, fig. 32; De Moor 1993, 158, № 62, 161, № 65, 162, № 66; Stauffer 1991, 127, № 43, 128, № 44; Stauffer 1992, 190–191, № 11, Taf. 7, 192–193, № 13, Taf. 7 etc.

дует упомянуть декоративную gobelenовую панель, вероятно, часть отделки ворота, из коллекции музея в Хайфе (инв. № 6703)²⁷. Представленные на gobelenовой вставке фигуры воинов-вакхантов обладают теми же иконографическими атрибутами, выполнены в сходной упрощенной, почти «геометрической» манере. Однако орнаментальная отделка вставки, на которой представлены корзины с фруктами и четырехлепестковые стилизованные крестовидные розетты из коллекции в Хайфе, отличается от той, что использовалась в тунике из Дейр аль-Баната.

Наконец, одной из самых точных аналогий тунике № 2008/0084/001 является льняная туника из частной галереи Катоен Нати в Антверпене²⁸. Обращает на себя сходство двух объектов, проявившееся как в практически полной идентичности технических характеристик базового ткацкого полотна, gobelenовых вставок и характерных приемов ткачества, так и в сходстве рисунка декора. Отличия заключаются в немногочисленных деталях: на тунике из Катоен Нати представлено два танцующих персонажа, на тунике, найденной в Дейр эль-Банате, их три. Условно-грубоая манера исполнения, цветовая передача деталей, а также сильно стилизованные, практически абстрактные фигурки в клавах обращают на себя внимание очевидным сходством. Даже такие детали, как использование измененного полотняного плетения «рогожка» 2:2 для передачи некоторых деталей фона, и небрежно выполненный меланжевый рисунок полностью идентичны.

Авторы каталога также сочли тунику из собрания галереи Катоен Нати уникальной, упоминая об удивительной «простоте, напоминающей образцы древнеегипетского искусства»²⁹. Однако, по их мнению, причины подобной уникальности кроются не только в эволюции хорошо известного декоративного мотива. Экстраординарный стиль изготовления туники был, полагают они, результатом banальной экономии времени ткачом: столь грубая по материалу туника не была «достойна» особой проработки деталей и, соответственно, затраченного на это драгоценного времени профессионального мастера³⁰. Авторы подкрепляют свои выводы результатами анализов красителей шерстяных нитей: пурпурный цвет туники достигался за счет использования дикой марены и индиго, а не редчайшего подлинного тирийского пурпура; оранжевый получался при помощи окраски нитей мареной и желтой резедой. Однако, на наш взгляд, данные выводы не совсем соответствуют истине. Во-первых, использование дикой марены и индиго не свидетельствует о низком качестве изделия. Подлинный тирийский пурпур чрезвычайно редко встречается в gobelenовых вставках египетского позднеантичного текстиля. В Риме использование изделий с gobelenовыми вставками, окрашенными тирийским пурпуром, ограничивалось кругом императора и его двора³¹. Так, при исследовании пурпурных нитей gobelenовых вставок в коллекции коптского текстиля ГМИИ им. Пушкина ни в одном из 13 образцов не был обнаружен тирийский пурпур, хотя для анализа были выбраны лучшие образцы коптского искусства, присутствующие в коллекции музея³². Более того, последние результаты

²⁷ Baginski, Tidhar 1980, 46, № 21.

²⁸ De Moor 1993, 166–167, kat 70, фрагменты клавов: kat 71, 72.

²⁹ De Moor 1993, 166.

³⁰ De Moor 1993, 167.

³¹ De Moor et al. 2010, 44.

³² Голиков и др. 2010, 46–47.

исследований коллектива авторов, в число которых входит и А. де Мур – один из составителей каталога, в котором представлена туника из Катоен Нати, свидетельствуют, что из 17 одежд с «пурпурными» гобеленовыми вставками, находящихся в крупнейших европейских музейных коллекциях, только в одном образце был обнаружен подлинный пурпур (*Hexaplex trunculus*)³³. Во-вторых, туника действительно выполнена в характерной небрежной манере, без особого внимания к деталям, однако это с большей вероятностью может свидетельствовать о более позднем времени ее изготовления и о наметившейся общей тенденции к упрощению рисунка в гобеленовых композициях.

Возникает еще один вопрос: чем объяснить наличие двух практически идентичных туник? К сожалению, у нас нет сведений о происхождении туники из галереи Катоен Нати. Однако, будучи точно уверенными в месте находки нашей туники, можно предположить, что эти две туники были изготовлены приблизительно в одно и то же время в одной ткацкой мастерской, предположительно расположенной в Фаюмском оазисе. На местное происхождение указывает как грубоватый стиль исполнения туник, так и фактическое отсутствие среди археологического текстиля привозных вещей высокого качества.

По данным радиоуглеродного анализа туника из Катоен Нати датируется VI–VII вв. Эта датировка вполне соответствует общим тенденциям развития ткачества в Египте в ранневизантийский–раннеисламский периоды. Опираясь на аналогии с практически идентичной льняной туникой с гобеленовыми вставками из коллекции Катоен Нати, нам представляется возможным датировать сходным временем и тунику из Дейр аль-Баната.

Заключение

Таким образом, туника № 2008/0084/001 может быть отнесена к VI–VII вв., представляя собой один из замечательных примеров египетского ткачества эпохи раннего средневековья, для которого характерна высокая степень стилизации, нарочитая небрежность в передаче отдельных мотивов и целых композиций. Мастера той эпохи еще продолжали использовать для подражания лучшие образцы декоративно-прикладного искусства предшествующего периода, однако уже в целом заметна тенденция к орнаментации и стилизации, ставшая доминирующей в тканых изображениях арабского времени. Причина кроется как в общем упадке ткацкого мастерства, так и в появлении в орнаментации одежд иных мотивов, в стремлении к копированию сасанидских шелков-самитов. Влияние античного мира постепенно сходит на нет, уступая место иным идеологическим и культурным доминантам.

ЛИТЕРАТУРА

Белова, Г.А. 2009: Российские ученые в Египте. В кн.: Белова Г.А. (отв. ред.), *Возвращение в Египет. Страницы истории российской египтологии*. М., 52–111.

³³ De Moor et al. 2010, 38–45, Tabl 4.

- Белова, Г.А. 2012: Некоторые особенности погребального обряда на некрополе Дейр эль-Банат в греко-римский период. В сб.: А.А. Войтенко (отв. ред.), *Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту*. М., 7–37.
- Войтенко, А.А. 2012а: Коптский погребальный ритуал IV–VII вв. по письменным источникам. В сб.: А.А. Войтенко (отв. ред.) *Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту*. М., 38–70.
- Голиков, В.П., Семикин, В.В., Жарикова, З.Ф. 2010: Исследование красителей и технологии крашения коптского текстиля в коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. В кн.: О.В. Лечицкая (ред.), *Коптские ткани*. М., 38–57.
- Лечицкая, О. В. 2010: *Коптские ткани*. М.
- Матье, М.Э., Ляпунова, К. 1951: *Художественные ткани коптского Египта*. М.–Л.
- Bachatly, Ch. 1981: *Le monastère de Phoebammon dans la Thébaïde*. Т. I. Le Caire.
- Baginski, A. Tidhar, A. 1980: *Textiles from Egypt 4th–13th centuries* C.E. Jerusalem.
- Bourgon-Amir, Y. 1993: *Les tapisseries coptes du Musée historique des tissus*. Vol.1–2. Lyon–Montpellier.
- Bowen, G.E. 2003: Some Observations on Christian Burial Practices at Kellis. In: G.E. Bowen, C.A. Hope (eds.), *The Oasis Papers III: Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project*. Oxford, 167–182.
- Cortes, E. 2012: Recovering contexts: the Roman mummies excavated by the Metropolitan Museum of Art at Dahshur, Egypt. In: M. Carroll, J.P. Wild (eds.), *Dressing the Dead in Classical Antiquity*. Stroud, 75–88.
- Crum, W.E., Winlock, H.E. 1926: *The Monastery of Epiphanius at Thebes*. Vol. I. New York.
- De Jonghe, D., Verhecken-Lammens, C. 1993: Technological discussion. In: A. De Moor (ed.), *Koptish textiel uit Vlaamse privé-verzamelingen.– Coptic Textiles from Flemish Private Collections*. Zottengem, 31–52.
- De Moor, A., Vanden Berghe, I., van Strydonck, M., Boudin, M., Fluck, C. 2010: Radiocarbon Dating and Dye Analysis of Roman Linen Tunics and Dalmatics with Purple Coloured Design. *Archaeological Textiles Newsletter* 51, 34–47.
- De Moor, A. (ed.) 1993: *Koptish textiel uit Vlaamse privé-verzamelingen. – Coptic Textiles from Flemish Private Collections*. Zottengem.
- De Moor, A., Fluck, C. (eds.) 2007: *Methods of Dating Ancient Textiles of the 1st Millennium AD in Egypt and Neighbouring Countries. Proceedings of the 4th Meeting of the Study Group 'Textiles of the Nile Valley, Antwerp 2005*. Tielt.
- De Moor, A., Fluck, C. (eds.) 2009: *Clothing the house – Furnishing textiles of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 5th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2007*. Tielt.
- De Moor, A., Fluck, C. (eds.) 2011: *Dress Accessories of the 1st Millennium AD from Egypt, Proceedings of the 6th Conference of the Research Group 'Textiles of the Nile Valley', Antwerp 2010*. Tielt.
- De Moor, A., Fluck, C., Linscheid, P. (eds.) 2015: *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt.
- Du Bourguet, P. 1964: *Musée national du Louvre. Catalogue des étoffes coptes*. Paris.
- Finney, P.A. 1998: Late-Antique Tunic fragments in St. Louis. In: A. Malherbe, F. Norris, J. Thomson (eds.), *The early church in its context. Essay in Honor of Everett Ferguson*. Leiden – Boston – Köln.
- Fluck, C. 2014: Textiles from the so-called “tomb of Tgol” in Antinopolis. In: E. O’Connell (ed.), *Egypt in the first millennium AD: perspectives from new fieldwork*. Leuven – Paris – Walpole, 115–126.

- Godlewski, W. 2006: Al-Naqlūn: Links between Archaeology and textiles. In: S. Schrenk (ed.), *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*. Riggisberg, 33–42.
- Godlewski, W. 2008: Naqlun (Nekloni). The Hermitages, Cemetery and the Keep in Early 6th Century. In: S. Lippert, M. Schentuleit (ed.), *Greco-Roman Fayum-Text and Archaeology. Proceedings of the Third International Fayum Symposium, Freudenberg, May 29-June 1, 2007*. Wiesbaden, 101–112.
- Griggs, C.W. 1990: Excavating a Christian Cemetery near Seila, in the Fayum region of Egypt. In: W. Godlewski (ed.), *Coptic Studies: Acts of the Third International Congress of Coptic Studies, Warsaw, 20 — 25 August, 1984*. Warsaw, 145–150.
- Griggs, C.W. 2005: Early Christian Burials in the Fayoum. In: G. Gabra (ed.), *Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause*. Cairo, 185–195.
- Grossman, P. 1989: Neue frühchristliche Funde aus Ägypten. In: N. Duval, F. Baritel, Ph. Pergola (eds.), *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21–28 septembre 1986)*. Vol. II. Rome, 1843–1867.
- Huber, B. 2006: Al-Kom al-Ahmar / Sharuna: Different Archaeological Contexts—Different Textiles? In: *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*. Riggisberg, 57–68.
- Huber, B. 2007: The Textiles of an Early Christian Burial from el-Kom el-Ahmar/Sharuna (Middle Egypt). In: A. De Moor, C. Fluck (eds.), *Methods of Dating Ancient Textiles of the 1st Millennium AD in Egypt and Neighbouring Countries. Proceedings of the 4th Meeting of the Study Group 'Textiles of the Nile Valley, Antwerp 2005*. Tielt, 36–69.
- Huber, B. 2015: Qarara: une affaire de linceuls. In: A. De Moor, C. Fluck, P. Linscheid (eds.), *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt, 12–25.
- Kajitani, N. 2006: Textiles and their Context in the Third- to Fourth-Century CE Cemetery of al-Bagawat. In: S. Schrenk (ed.), *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*. Riggisberg, 95–112.
- Krol, A.A. 2005: The RIEC archaeological and anthropological surveys at the site of Dair al-Banat. In: Gabra, G. (ed.) *Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause*. Cairo, 209–216.
- Krol, A.A. 2015: The “disappearing” Copts of Fayyūm. In: S. Ivanov, H. Tolmacheva (eds.), *And the Earth is Joyous... Studies in Honour of Galina A. Belova*. M., 144–164.
- Lafontaine-Dosogne, J. with the collaboration of De Jonghe D. 1988: *Textiles coptes, Musées royaux d'Art et d'Histoire*. Bruxelles.
- Letellier-Willemin, F. 2015: The long- and narrow-sleeved tunic of the mummy W14 of el-Dier. In: A. De Moor, C. Fluck, P. Linscheid (eds.), *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt, 26–37.
- Lintz, Y., Coudert, M. (eds.) 2013: *Antinoé, momies, textiles, céramiques et autres antiques. (Histoire des collections du musée du Louvre)*. Paris.
- Lorquin, A. 1992: *Les tissus coptes au musées national du Moyen Âge - Thermes de Cluny*. Paris.
- Lorquin, A. 1999: NAT: *Étoffes égyptiennes de L'Antiquité tardive du musée Georges-Labit*. Toulouse.
- Orfinskaya, O., Belova, G., Nauton, M., Tolmacheva, E. 2015: Textiles from burial 213 in Deir el-Banat. In: A. De Moor, C. Fluck, P. Linscheid (eds.), *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt, 38–47.

- Paetz gen. Schieck, A. 2003: *Aus Gräben geborgen. Koptische Textilien aus eigener Sammlung*. Krefeld.
- Pritchard, F. 2006: *Clothing culture: Dress in Egypt in the first millennium AD*. Manchester.
- Schrenk, S. (ed.) 2006: *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE*. (Riggisberger Berichte 13). Riggisberg.
- South, K.H. 2012: *Roman and Early Byzantine burials at Fag el-Gamus, Egypt: A assessment of the case for religious affiliation*. Thesis submitted to the faculty of Brigham Young University.
- Stauffer, A. 1991: *Textilien aus Ägypten aus der Sammlung Bouvier. Spätantike, koptische und frühislamische Gewebe*. Fribourg – Wabern – Bern.
- Stauffer, A. 1992: *Spätantike und koptische Wirkereien: Untersuchungen zur ikonographischen Tradition im spätantiken und frühmittelalterlichen Textilwerkstätten*. Bern.
- Voytenko, A. 2012: Preliminary Report on Coptic Burial Custom at the Necropolis of Deir el-Banat. In: G. Belova, S. Ivanov (eds.), *Achievements and Problems of Modern Egyptology. Proceedings of the conference held in Moscow on September 29–October 2, 2009*. M., 392–400.
- Voytenko, A. 2016: Grave 249/2 at Deir el-Banat. A typical example of Coptic ordinary burial custom. In: P. Buzi, A. Camplani, F. Contardi (eds.), *Coptic Society, Literature and Religion from Late Antiquity to Modern Times. Proceedings of the Tenth International Congress of Coptic Studies, Rome, September 17th–22th, 2012 and Plenary Reports of the Ninth International Congress of Coptic Studies, Cairo, September 15th–19th*. Leuven–Paris–Bristol, 1421–1432.
- Zych, I. 2008: Cemetery C in Naqlun: preliminary report on the excavation in 2006. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 18, 230–246.

REFERENCES

- Bachat, Ch. 1981: *Le monastère de Phoebammon dans la Thébaïde*. T. I. Le Caire.
- Baginski, A. Tidhar, A. 1980: *Textiles from Egypt 4th–13th centuries C.E.* Jerusalem.
- Belova, G.A. 2009: Rossiyskie uchenye v Egipte [Russian Scholars in Egypt]. In: G.A. Belova (ed.), *Vozvrashhenie v Egipt. Stranicy istorii rossiyskoy egiptologii* [Return to Egypt. Pages of the history of Russian Egyptology]. M., 52–111.
- Belova, G.A. 2012: Nekotorye osobennosti pogrebalnogo obryada na nekropole Deir el-Banat v greko-rimskiy period. [Some Aspects of Burial Custom at the Necropolis of Deir el-Banat in the Graeco-Roman Period] In: A.A. Voytenko (ed.), *Aeternitas. Sbornik statey po greko-rimskomu i christianskomu Egiptu* [Aeternitas. Collection of Articles on Graeco-Roman and Christian Egypt] M., 7–37.
- Bourgon-Amir, Y. 1993: *Les tapisseries coptes du Musée historique des tissus*. Vol.1–2. Lyon–Montpellier.
- Bowen, G.E. 2003: Some Observations on Christian Burial Practices at Kellis. In: G.E. Bowen, C.A. Hope (eds.), *The Oasis Papers III: Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project*. Oxford, 167–182.
- Cortes, E. 2012: Recovering contexts: the Roman mummies excavated by the Metropolitan Museum of Art at Dahshur, Egypt. In: M. Carroll, J.P. Wild (eds.), *Dressing the Dead in Classical Antiquity*. Stroud, 75–88.
- Crum, W.E., Winlock, H.E. 1926: *The Monastery of Epiphanius at Thebes*. Vol. I. New York.
- De Jonghe, D., Verhecken-Lammens, C. 1993: Technological discussion. In: A. De Moor (ed.), *Koptish textiel uit Vlaamse privé-verzamelingen.– Coptic Textiles from Flemish Private Collections*. Zottengem, 31–52.

- De Moor, A. (ed.) 1993: *Koptisch textiel uit Vlaamse privé-verzamelingen. – Coptic Textiles from Flemish Private Collections*. Zottengem.
- De Moor, A., Fluck, C. (eds.) 2007: *Methods of Dating Ancient Textiles of the 1st Millennium AD in Egypt and Neighbouring Countries. Proceedings of the 4th Meeting of the Study Group 'Textiles of the Nile Valley, Antwerp 2005*. Tielt.
- De Moor, A., Fluck, C. (eds.) 2009: *Clothing the house – Furnishing textiles of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 5th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2007*. Tielt.
- De Moor, A., Fluck, C. (eds.) 2011: *Dress Accessories of the 1st Millennium AD from Egypt, Proceedings of the 6th Conference of the Research Group 'Textiles of the Nile Valley', Antwerp 2010*. Tielt.
- De Moor, A., Fluck, C., Linscheid, P. (eds.) 2015: *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt.
- De Moor, A., Vanden Berghe, I., van Strydonck, M., Boudin, M., Fluck, C. 2010: Radiocarbon Dating and Dye Analysis of Roman Linen Tunics and Dalmatics with Purple Coloured Design. *Archaeological Textiles Newsletter* 51, 34–47.
- Du Bourguet, P. 1964: *Musée national du Louvre. Catalogue des étoffes coptes*. Paris.
- Finney, P.A. 1998: Late-Antique Tunic fragments in St. Louis. In: A. Malherbe, F. Norris, J. Thomson (eds.), *The early church in its context. Essay in Honor of Everett Ferguson*. Leiden – Boston – Köln.
- Fluck, C. 2014: Textiles from the so-called “tomb of Tgol” in Antinopolis. In: E. O’Connell (ed.), *Egypt in the first millennium AD: perspectives from new fieldwork*. Leuven – Paris – Walpole, 115–126.
- Godlewski, W. 2006: Al-Naqlūn: Links between Archaeology and textiles. In: S. Schrenk (ed.), *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*. Riggisberg, 33–42.
- Godlewski, W. 2008: Naqlun (Nekloni). The Hermitages, Cemetery and the Keep in Early 6th Century. In: S. Lippert, M. Schentuleit (ed.), *Greco-Roman Fayum-Text and Archaeology. Proceedings of the Third International Fayum Symposium, Freudenberg, May 29-June 1, 2007*. Wiesbaden, 101–112.
- Golikov, V.P., Semikin, V.V., Zharikova, Z.F. 2010: Issledovanie krasiteley i technologii krasheniya koptskogo tekstilya v kollektsiy GMII im. A.S. Pushkina [Studies of dyes and dyes technologies of the Coptic textiles from the collection of the Pushkin state fine arts museum]. In: O.V. Lechitskaya (red.), *Koptskie tkani [Coptic textiles]*. M., 38–57.
- Griggs, C.W. 1990: Excavating a Christian Cemetery near Seila, in the Fayum region of Egypt. In: W. Godlewski (ed.), *Coptic Studies: Acts of the Third International Congress of Coptic Studies, Warsaw, 20 – 25 August, 1984*. Warsaw, 145–150.
- Griggs, C.W. 2005: Early Christian Burials in the Fayoum. In: G. Gabra (ed.), *Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause*. Cairo, 185–195.
- Grossman, P. 1989: Neue frühchristliche Funde aus Ägypten. In: N. Duval, F. Baritel, Ph. Pergola (eds.), *Actes du XIe Congrès international d’archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21–28 septembre 1986)*. Vol. II. Rome, 1843–1867.
- Huber, B. 2006: Al-Kom al-Ahmar / Sharuna: Different Archaeological Contexts–Different Textiles? In: *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*. Riggisberg, 57–68.
- Huber, B. 2007: The Textiles of an Early Christian Burial from el-Kom el-Ahmar/Sharuna (Middle Egypt). In: A. De Moor, C. Fluck (eds.), *Methods of Dating Ancient Textiles of the 1st Millennium AD in Egypt and Neighbouring Countries. Proceedings of the 4th Meeting of the Study Group 'Textiles of the Nile Valley, Antwerp 2005*. Tielt, 36–69.

- Huber, B. 2015: Qarara: une affaire de linceuls. In: A. De Moor, C. Fluck, P. Linscheid (eds.), *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt, 12–25.
- Kajitani, N. 2006: Textiles and their Context in the Third- to Fourth-Century CE Cemetery of al-Bagawat. In: S. Schrenk (ed.), *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*. Riggisberg, 95–112.
- Krol, A.A. 2005: The RIEC archaeological and anthropological surveys at the site of Dair al-Banat. In: Gabra, G. (ed.) *Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause*. Cairo, 209–216.
- Krol, A.A. 2015: The “disappearing” Copts of Fayyūm. In: S. Ivanov, H. Tolmacheva (eds.), *And the Earth is Joyous... Studies in Honour of Galina A. Belova*. M., 144–164.
- Lafontaine-Dosogne, J. with the collaboration of De Jonghe D. 1988: *Textiles coptes, Musées royaux d'Art et d'Histoire*. Bruxelles.
- Lechitskaya, O.V. 2010: *Koptskie tkani [Coptic Textiles]*. Moscow.
- Letellier-Willemin, F. 2015: The long- and narrow-sleeved tunic of the mummy W14 of el-Dier. In: A. De Moor, C. Fluck, P. Linscheid (eds.), *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt, 26–37.
- Lintz, Y., Coudert, M. (eds.) 2013: *Antinoé, momies, textiles, céramiques et autres antiques. (Histoire des collections du musée du Louvre)*. Paris.
- Lorquin, A. 1992: *Les tissus coptes au musées national du Moyen Âge - Thermes de Cluny*. Paris.
- Lorquin, A. 1999: NAT: *Étoffes égyptiennes de L'Antiquité tardive du musée Georges-Labit*. Toulouse.
- Mat'e, M.E., Lyapunova, K. 1951: *Hudozhestvennye tkani koptskogo Egipta [The Artistic Textiles of the Coptic Egypt]*. Moscow–Leningrad.
- Orfinskaya, O., Belova, G., Nauton, M., Tolmacheva, E. 2015: Textiles from burial 213 in Deir el-Banat. In: A. De Moor, C. Fluck, P. Linscheid (eds.), *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013*. Tielt, 38–47.
- Paetz gen Schieck, A. 2003: *Aus Gräben geborgen. Koptische Textilien aus eigener Sammlung*. Krefeld.
- Pritchard, F. 2006: *Clothing culture: Dress in Egypt in the first millennium AD*. Manchester.
- Schrenk, S. (ed.) 2006: *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*. Riggisberg.
- South, K.H. 2012: *Roman and Early Byzantine burials at Fag el-Gamus, Egypt: A assessment of the case for religious affiliation*. Thesis submitted to the faculty of Brigham Young University.
- Stauffer, A. 1991: *Textilien aus Ägypten aus der Sammlung Bouvier. Spätantike, koptische und frühislamische Gewebe*. Fribourg – Wabern – Bern.
- Stauffer, A. 1992: *Spätantike und koptische Wirkereien: Untersuchungen zur ikonographischen Tradition im spätantiken und frühmittelalterlichen Textilwerkstätten*. Bern.
- Voytenko, A. 2012: Preliminary Report on Coptic Burial Custom at the Necropolis of Deir el-Banat. In: G. Belova, S. Ivanov (eds.), *Achievements and Problems of Modern Egyptology. Proceedings of the conference held in Moscow on September 29–October 2, 2009*. M., 392–400.
- Voytenko, A. 2016: Grave 249/2 at Deir el-Banat. A typical example of Coptic ordinary burial custom. In: P. Buzi, A. Campani, F. Contardi (eds.), *Coptic Society, Literature and Religion from Late Antiquity to Modern Times. Proceedings of the Tenth International Congress of Coptic Studies, Rome, September 17th–22th, 2012 and Plenary Reports of the Ninth Inter-*

---

national Congress of Coptic Studies, Cairo, September 15th–19th. Leuven–Paris–Bristol, 1421–1432.

- Voytenko, A.A. 2012a: Koptskiy pogrebalnyy ritual IV–VII vv. Po pis'mennym istochnikam [Coptic burial custom of the 4th – 7th centuries after the written sources]. In: A.A. Voytenko (ed.), *Aeternitas. Sbornik statey po greko-rimskomu i christianskomu Egiptu [Aeternitas. Collection of articles on Graeco-Roman and Christian Egypt]*. M., 38–70.
- Zych, I. 2008: Cemetery C in Naqlun: preliminary report on the excavation in 2006. *Polish Archeology in the Mediterranean* 18, 230–246.

THE EGYPTIAN TUNIC WITH DIONYSIAN MOTIFS FROM EXCAVATION OF CES RAS AT THE NECROPOLIS OF DEIR AL-BANAT (FAYOUM)

Olga V. Orfinskaya, Elena G. Tolmacheva

*Center for Egyptological Studies RAS, Russia,
orfio@yandex.ru, etolma@mail.ru*

Abstract. The authors for the first time publish and make an attempt of attribution of the Egyptian late antique tunic – an undyed linen woven-to-shape tunic with woven-in tapestry decorations from the Late Antique – Early Islamic necropolis at Deir al-Banat (Fayoum). The paper contains technical description of the weaving features as well as description of the composition on the tapestry inserts. The state of preservation of the object allows us to propose graphical reconstruction of the tunic. Two clavi (a width of 5–6 cm and a length of about 77 cm) and front panel woven in tapestry technique have survived. Dionysian motives, i.e. representation of the procession with dancers-warriors are coarsely woven in high-stylized manner on the front panel, clavi and tabulae. Three dancing figures of warriors wearing a sword and a vestigial yellow cloak with shields in their left hands are represented inside arcade ornamented with stylized grapevine leaves. The Dionysian motives have particular meaning being symbols of resurrections and fertility. The date of 6th – 7th century AD is proposed for this tunic based on analogies in museum collections. Deir al-Banat tunic is a remarkable example of the Egyptian Early Medieval weaving with its high stylization and intentional carelessness in details and complete compositions.

Key words: Late Antique – Early Islamic textiles, Egypt, textile production, ‘Coptic’ textiles, linen tunics, Deir al-Banat, Fayoum

---

К ДИСКУССИИ О ЗНАЧЕНИИ ТИТУЛА ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ЦАРСТВЕННЫХ ЖЕНЩИН «МАТЬ БОГА»

В.А. Большаяков

*Российский университет дружбы народов, Москва,
vb.scriba@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации малоисследованного титула древнеегипетских царственных женщин «матерь бога» (*mwt ntr*). С точки зрения автора, понимание содержания данного титула в первую очередь зависит от правильной интерпретации компонента «бог» (*ntr*), которым в древнеегипетских текстах традиционно обозначалась как особа царя, так и определенное божество.

Исторический обзор употребления титула «матерь бога» в протоколе царственных женщин (прежде всего, эпохи Нового царства) позволяет сделать вывод, что под обозначением «бог» подразумевался царь, а не собственно «настоящее» божество. В связи с этим автор проводит различие между титулом «матерь бога» и титулами, в которых имя конкретного божества указано («матерь бога N»). В частности, акцент сделан на титуле «матерь бога Хонсу-дитя» (*mwt ntr n Hnsw-p3-hrd*), появившемся при XXI династии у жен и дочерей фиванских верховных жрецов Амона. Особое внимание в статье уделяется вероятной связи титула «матерь бога» с представленной в серии храмовых сцен эпохи Нового царства сакральной ролью матери будущего царя, зачатого от Амона-Ра.

Анализ изобразительных и эпиграфических источников позволяет сделать вывод о том, что титул «матерь бога» являлся отражением теологической роли царской матери, отождествленной с богиней-матерью, и может быть понят в контексте двух фундаментальных мифо-теологических концепций – так называемой «осирисской» и «солярной» в ее фиванской редакции. Таким образом, содержание титула «матерь бога» понимается автором в контексте идеи божественного материнства правящего царя как земного воплощения божества.

Ключевые слова: титул «матерь бога», древнеегипетская титулатура, древнеегипетские царицы, религия Древнего Египта

Введение

Среди многочисленных титулов и эпитетов, обозначавших сакральную роль древнеегипетских царственных женщин, выделяется особая группа титулов,

---

Большаков Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Российской университета дружбы народов.

имевших в своем составе знак-идеограмму – «бог» (*ntr*): «мать бога» (*mwt ntr*), «супруга бога» (*hmt ntr*), «дочь бога» (*s3t ntr*), «сестра бога» (*snt ntr*), «рука бога» (*drt ntr*), «почитательница бога» (*dw3t ntr*). Необходимо сразу оговориться, что объединение перечисленных титулов в одну группу в значительной степени условно, поскольку появление и употребление каждого из них хронологически относится к разным периодам египетской истории. Кроме того, одинаковая структура перечисленных титулов, указывавших на родство их носительниц с божеством, не является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать все титулы в прямой взаимосвязи друг с другом¹. За исключением титулов «супруга бога» (*hmt ntr*), «рука бога» (*drt ntr*) и «почитательница бога» (*dw3t ntr*), включавших в развернутой форме имя бога Амона (*hmt ntr nt Imn/-r', drt ntr nt Imn/-r', dw3t ntr nt Imn/-r'*), содержание прочих титулов остается дискуссионным. Основная сложность в точном определении подлинного значения титулов данной группы заключается в интерпретации компонента «бог» (*ntr*), которым мог обозначаться как конкретный бог, так и правящий или почивший царь. Как известно, термин «бог», с древнейших времен служивший одним из наименований особы царя, также являлся элементом его официальных эпитетов: «благой бог» (*ntr nfr*), «живой бог» (*ntr 'nḥ*), «великий бог» (*ntr '3*), «превосходный бог» (*ntr mnḥ*)². Не затрагивая проблематики, связанной с интерпретацией всех титулов, имеющих в своем составе идеограмму «бог», можно констатировать, что титул «мать бога» остается одним из наименее исследованных.

Рис. 1. Блок с титулами Сешешет. Саккара

Первый надежно установленный случай употребления титула «мать бога» датируется серединой XVIII династии, однако его появление могло относиться к значительно более раннему времени: в частности, на фрагменте столба, найденном в припирамидном комплексе Пепи I, частично сохранившаяся надпись содержит титулы анонимной царственной женщины – «мать царя» (*mwt nswt*) и часть другого титула, от которого уцелел лишь знак «бог» (*ntr*) (рис. 1). Несмотря на повреждения надписи, весь титул может быть полностью восстановлен

¹ Gross Mertz 1952, 157.

² См.: Blumenthal 1970, 24–25, 95 ff.

Рис. 2. Реконструкция надписей на блоке

Рис. 3. Прорисовка надписей и изображений на оборотной стороне блока

следующим образом: (*mwt ntr* – «мать бога»)³ (рис. 2). На оборотной стороне упомянутого блока сохранились следы другой надписи, содержавшей, по мнению В. Каллэндер, такие же титулы, как и на лицевой стороне (рис. 3). Реконструкция всей надписи представляет собой фрагмент протокола царственной женщины: «мать царя Верхнего и Нижнего Египта... мать бога, Хора, умиротворяющего Обе Земли, царя Верхнего и Нижнего Египта, сына Ра Тети» (*mwt nswt-bity mwt ntr Hr*

³ Roth 2001, 550 abb. 61.

*shtp-t3wy nswt-bity s3 r' (Tti)]*⁴. Имя матери Тети на блоке не сохранилось, но из других источников известно, что ею являлась Сешешет (*S3t*), пирамида которой находится неподалеку от его пирамидного комплекса⁵.

Как можно видеть в сводной таблице (таб. 1)⁶, кроме надписей на блоке из пирамидного комплекса Тети, на памятниках других представительниц царской семьи Древнего – Среднего царств титул «мать бога» больше не встречается. Что касается Нового царства, то первой его обладательницей, если верить дошедшим источникам, была Мутемуйя – мать Аменхотепа III⁷. Можно было бы считать, что первыми носительницами титула «мать бога» являлись царственные женщины начала XVIII династии – Яхмос-Нефертари и Саткамос, однако надписи, в которых стоит рассматриваемый титул, относятся к более позднему времени Рамессидов и, следовательно, он был присвоен им почета ради уже *post mortem*⁸.

Последующие случаи употребления титула «мать бога» датируются XXI–XXII династиями, причем при XXI династии его обладательницами оказываются уже не царственные женщины, а жены и дочери верховных жрецов Амона-Ра в Фивах. Тогда же титул «мать бога» получает ранее неизвестное продолжение – «мать бога Хонсу-дитя» (*mwt ntr n Hnsw-p3-hrd*), хотя впоследствии у представительниц царской семьи титул вновь обретает прежнюю краткую форму – «мать бога» (*mwt ntr*). Появление при XXI династии развернутой формы титула, включавшей имя Хонсу – младшего члена фиванской триады богов (Амон-Ра – Мут – Хонсу), – явилось следствием изменений в фиванской теологии, выразившихся в формировании в Фивах особого культа Хонсу-дитя, наделенного чертами царя. Поэтому не случаен тот факт, что именно в это время среди титулов жен и дочерей верховных жрецов Амона появляется титул «мать бога Хонсу-дитя» (*mwt ntr n Hnsw-p3-hrd*). Развитие в Фивах при XXI династии особого культа Хонсу-дитя, как правило, рассматривается в контексте стремления усилившегося жречества Амона обосновать посредством теологических спекуляций свои притязания на равную с царем власть⁹. Однако в еще большей степени новая теология с характерным для позднеегипетской религии акцентом на рождении божественного дитя-царя получила дальнейшее развитие в почитании младенца Хора, сына Исида и Осириса.

После XXII «ливийской» династии вплоть до Птолемеевского периода обладательницы титула «мать бога» неизвестны. Как уже упоминалось, в протоколе новоегипетских царственных женщин и последующих эпох титул «мать бога» появляется эпизодически, причем или единожды, или на одном и том же памятнике. Рассматриваемый титул преимущественно засвидетельствован на памятниках

⁴ Callender 2012, 210, figs 86–87. Реконструкция титула, предложенная и С. Рот, и В. Каллэндер, заслуживает доверия, однако в такой же мере вполне возможен и другой вариант реконструкции, приведенный В. Зайпель, – «дочь бога» (*s3t ntr*) (Seipel 1980, 227).

⁵ Callender 2012, 209.

⁶ В работах, касающихся царственных женщин, перечень обладательниц титула «мать бога» различается. Ср.: Troy 1986; Grajetzki 2005; Leblanc 2009.

⁷ А. Каброль пишет о появлении этого титула у Мутемуйи после длительного перерыва, однако не упоминает ее предшественницу (Cabrol 2000, 55).

⁸ Что позволило сделать вывод Б. Гросс-Мерц о наделении этим титулом царских жен посмертно (Gross Mertz 1952, 159). Во всяком случае, в источниках начала XVIII династии, примерно соответствующих вероятным годам жизни Яхмос-Нефертари и Саткамос, данный титул отсутствует.

⁹ Bonhême, Forgeau 1988, 96.

эпохи Нового царства, хотя его наличие лишь у отдельных представительниц царского дома едва ли может объясняться одной только сохранностью источников. С нашей точки зрения, эпизодическое появление титула «мать бога» в протоколе новоегипетских царственных женщин может объясняться *выборочным* характером его употребления в связи с особой сакральной ролью, которую играли конкретные представительницы династии в теологически обусловленной концепции преемственности царской власти.

Единого мнения о значении титула «мать бога» не существует: по мнению одних исследователей, это – жреческий титул, предполагающий культовые функции¹⁰, с точки зрения других – династический, как показатель прав потомков его обладательниц на престол¹¹. Согласно Б. Гросс-Мерц, так обозначалась мать умершего царя¹², хотя против этого предположения свидетельствует уже тот факт, что далеко не всегда можно определить, идет ли речь о прижизненном или посмертном изображении царственной женщины¹³. М. Життон отмечал, что титул «мать бога» встречается лишь в категории источников, имеющих отношение к храмовому культу¹⁴. Так или иначе, данными, свидетельствующими об исполнении царственными женщинами *жреческих функций* в качестве «матери бога», мы не располагаем¹⁵. На наш взгляд, тезис о жреческих функциях «матери бога» весьма неоднозначен и имеет лишь косвенное подтверждение в некоторых сценах празднования *хеб-седа* Аменхотепа III (Солеб) и Осоркона II (Телль эль-Баста), в которых сохранились изображения анонимных жриц под названием «мать бога Асыота» (*mwt ntr n S3wty*)¹⁶ (рис. 4–6). Архаичный облик «матери бога Асыота» сильно напоминает изображения анонимной «супруги и руки бога» из карнакской часовни Аменхотепа I, «Красного Святилища» и Луксорского храма¹⁷, однако сущность ее жреческих функций в хеб-седных церемониях, к сожалению, неизвестна.

Исторический обзор употребления титула «мать бога» позволяет сделать вывод о том, что в краткой форме под понятием «бог», прежде всего, подразумевался царь, а не конкретное божество, имя которого, напротив, указывалось в развернутой форме титула у представительниц жречества Амона-Ра времени XXI династии.

¹⁰ Berlandini 1979, 102–203; Yoyotte 1982–83, 145; Naguib 1990, 208–209; Leblanc 1991, 167, note 42; Cabrol 2000, 55; Leblanc, Abdel-Rahman 167, note 42; Gosselin 2007, 178, note 23.

¹¹ Gitton 1981, 69–70; Nillson 2010, 417; Habachi 1969, 32, note 7.

¹² Gross Mertz 1952, 159–160; см. также: Habachi 1969, 32, note 7; Berlandini 1979, 101; Yoyotte 1982–83, 145; Naguib 1990, 209.

¹³ В связи с этим отметим, что эпитет «правогласная» (*m3't hrw*) не всегда является надежным показателем в этом вопросе.

¹⁴ Gitton 1981, 70.

¹⁵ Смысловая связь, по мнению К. Леблана, между титулами «мать бога» и «почитательница бога» (*dw3t ntr*), существование которой он видит в изображении Дуатентипет, потрясающей систрами перед Хонсу (сцена в храме Хонсу в Карнаке, помещение XI. – KRI VI, 77), представляется нам недостаточно обоснованной (Leblanc, Abdel-Rahman 1991, 167–168).

¹⁶ Giorgini et al. 1998 pl. 96, 100, 110, 115; Naville 1892, pl. II, 11; XII, 7. Э. Навилль полагал, что это – изображение верховной жрицы Анубиса (Naville 1892, 12). По-видимому, утверждение Э. Навилля основывается на том, что столица XIII верхнеегипетского нома была культовым центром Упуаута. Так, в «географических текстах» из Эдфу эта жрица связывается именно с Асыотом (Edf. I, 340, 17). Кроме того, укажем на то, что сценах хеб-седа фигура «матери бога Асыота» изображена во главе процессии, несущей штандарт Упуаута.

¹⁷ См.: Gitton 1984, frontispice; Burgos et al. 2006, 212–213, 216–217; Gayet 1894, pl. XXXV, LI.

Рис. 4. Хеб-сед Аменхотепа III. Прорисовка фрагмента рельефа. Храм в Солебе

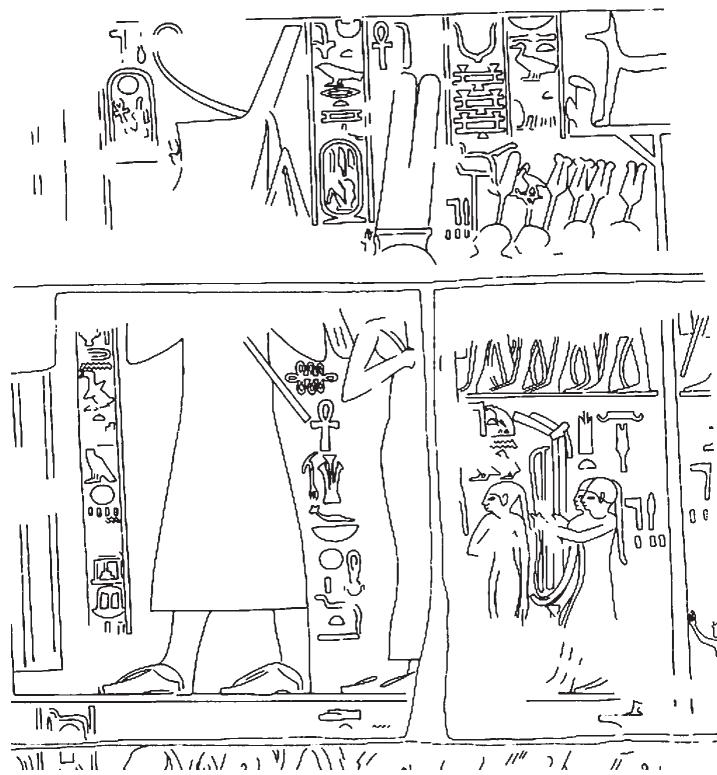

Рис. 5. Хеб-сед Аменхотепа III. Прорисовка фрагмента рельефа. Храм в Солебе

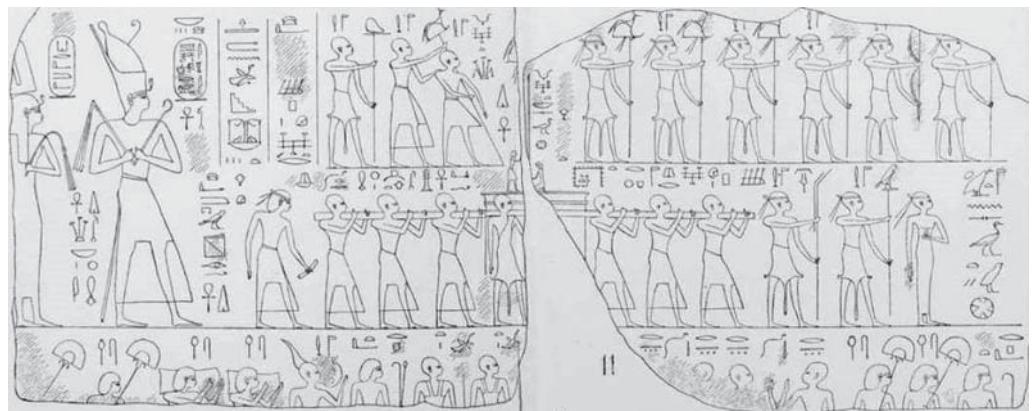

Рис. 6. Хеб-сед Осоркона II. Прорисовка рельефа из храма в Телль эль-Баста

В появлении в протоколе новоегипетских царственных женщин нового элемента Л. Трой видела признак дополнительного утверждения положения матери царя¹⁸. Действительно, почти все известные на настоящий момент носительницы титула «мать бога» – это царские матери, однако анализ их титулатуры позволяет заключить, что титулы «мать бога» и «мать царя» *не эквивалентны*, поскольку статус последней не предполагал обязательного включения в ее протокол элемента «мать бога»¹⁹. Примечательно, что ни великая супруга Рамсеса II Нефертари-Меритенмут, ни анонимная мать царевича Амонхерхепешефа, у которых засвидетельствован титул «мать бога», так никогда не стали матерями будущих царей, а у большинства царских матерей эпохи Нового царства, судя по имеющимся источникам, этого титула и вовсе нет. По крайней мере, до XXII династии содержание титулов «мать царя» и «мать бога», несомненно, различалось: если первый обозначал высокий придворный статус царственной женщины, являвшейся биологической матерью царя, то второй – ее теологическую роль как земное олицетворение богини-матери царя.

Рассматривая титул «мать бога» в совокупности с титулами «супруга бога» (*hmt ntr*) и «почитательница бога» (*dw3t ntr*), С.-А. Нагиб приходит к заключению, что он отражал один из аспектов сакральной роли царственной женщины, в конкретном случае – матери божественного царя²⁰. Как представляется, в пользу этого предположения свидетельствует фрагмент надписи на знаменитой статуе-ребусе из Британского музея, изображающей Мутемуйю в ладье: «мать бога, родившая царя» (*mwt ntr mst nswt*)²¹. В сочетании с самой скульптурой, отождествляющей Мутемуйю (само ее имя значит «Мут в ладье») с богиней Мут, эта надпись не двусмысленно выражает идею божественного материнства. С приведенным отрывком перекликается фраза из текста синайской стелы Рамсеса I, в котором Мут

¹⁸ Troy 1986, 107. По мнению В. Граецкого, с XXII династии титул «мать бога» стал эквивалентом титула «мать царя» (Grajetzki 2005, 101).

¹⁹ Это также подтверждается присутствием обоих титулов в одном и том же протоколе: Мутемуйя (BM 378-79. – Urk IV, 1717-18); Taxhat (KV 10. – KRI IV, 200); Тити (QV 52. – KRI VI, 732).

²⁰ Naguib 1992, 437-447.

²¹ Urk. IV, 1772. 621.

уже прямо объявляется матерью царя: «благой бог, сын Амона, рожденный Мут, госпожой неба, чтобы править над всем, что обходит солнечный диск» (*ntr nfr s3 Imn ms.n Mwt nbt pt r h3 n s3 nbt itn pr m ht*)²². В свете приведенных пассажей заманчиво предположить, что смысловая нагрузка титула «мать бога» связана с идеей рождения будущего царя от союза верховного божества (Ра, Амона-Ра) и царской жены (т.н. концепция *теогамии*).

В соответствии с восходящей к Древнему царству концепцией теогамии, женщина, зачавшая от Амона-Ра, становилась матерью дитя, божественное отцовство которого предопределяло наследование царской власти. Фиванская редакция этой концепции, представленная, как известно, в двух сериях сцен XVIII династии (в Дейр эль-Бахри и Луксорском храме), несомненно, восходит к одной и той же древней модели, возможно, появившейся вместе с самим институтом царской власти. Не останавливаясь на существующих в египтологии интерпретациях значения сцен теогамии, все же упомянем точку зрения Ф. Дома, видевшего в демонстрации божественного происхождения царя – посредника между миром богов и людей – проявление царского культа²³. Связь титула «мать бога» с теогамией, правда, небесспорна, так как в соответствующих сценах в Дейр-эль-Бахри и Луксоре в перечне титулов и эпитетов Яхмос и Мутемуй эти элементы отсутствуют. Кроме того, в упомянутых сценах теогамии мать будущего царя представлена «всего лишь» супругой правящего царя и земной избранницей Амона-Ра и не отождествляется с какой-либо богиней²⁴. Вместе с тем фрагменты сцен теогамии из Рамессеума, сохранившиеся на разрозненных блоках, вторично использованных при постройке птолемеевского храма в Мединет-Абу, позволяют взглянуть на сакральную роль царской матери несколько иначе (рис. 7). Как было установлено, все блоки происходили из примыкавшего к Рамессеуму святилища, украшенного сценами теогамии и рождения Рамсеса II от союза Амона-Ра и Туи. Уцелевшие архитектурные фрагменты и надписи, содержащие картуши и титулы матери Рамсеса II – «мать бога Мути» (*mwt ntr (Mwt)*) и «мать царя Туи» (*mwt nswt (Twy)*),²⁵ – позволяют сделать вывод об особой роли, отводившейся Туи в этом святилище. По мнению К. Дерош-Ноблькур, форма Мути (*Mwt*), производная от имени Мут, символизирует уподобление матери Рамсеса II богине-матери²⁶, а само святилище, в котором находились эти сцены, представляет собой образ «дома рождений» греко-римского времени, так называемого *маммиси*²⁷. В отличие от концепции теогамии, представленной изображениями и текстами XVIII–XIX династий, центральным сюжетом в *маммиси* являлось появление на свет божественного дитя, символизирующего правящего царя. Как и в фиванских сценах теогамии эпохи Нового царства, в *маммиси* роль отца продолжает играть Амон-Ра, однако его избранницей фигурирует уже не мать царя, а богиня²⁸. По мысли К. Дерош-Ноблькур, тогда как Амон-Ра заменяет собой земного

²² Стела. Инв. Е. 2171. Брюссель. Королевские музеи искусства и истории (KRI I, 1: 8–10)

²³ Daumas 1958, 57.

²⁴ С другой стороны, нельзя не отметить, что во всех сохранившихся сценах теогамии царская мать изображена в окружении богов и богинь как одна из них.

²⁵ Habachi 1969, 32, note 7, pl. 2, 2A.

²⁶ Мути – «Та, которая (как богиня) Мут».

²⁷ Desroches Noblecourt 1990/91, 43 pl. IV B; Desroches Noblecourt 1982, 234.

²⁸ Bonhême, Forgeau 1988, 94.

Рис. 7. Блоки со сценами теогамии из Рамессеума

отца Рамсеса II, в теогамии из Рамессеума Туи представлена так, как если бы она была самой Мут²⁹. Стоит при этом отметить, что картуши с именами Туи помещены рядом со сценой, в которой будущая мать Рамсеса II изображена сидящей с Амоном-Ра на брачном ложе, причем во втором картушке, содержащем имя «Мути», стоит детерминатив в виде фигуры сидящей богини. Идея рождения царя от союза божественной пары, засвидетельствованная уже при Хатшепсут, также недвусмысленно выражена в надписи на статуэтке Туи, держащей штандарт Мут: «сын Амона, рожденный Мут» (*s3 n Imn mst.n Mwt*)³⁰. Иначе говоря, появление у Туи второго имени в форме Мути, отождествлявшего ее с супругой Амона, было одним из способов демонстрации божественного происхождения Рамсеса II, в религиозной политике которого немалое место отводилось созданию собственного образа как объекта культа.

Итак, если признать реконструкцию Л. Хабаши титулов Туи на блоках верной, мы получаем убедительное подтверждение тому, что титул «мать бога» имел в протоколе царственных женщин теологическое значение и выражал идею божественного материнства, воплощенную в лице матери царя. Данной интерпретации соответствует и усилившаяся с эпохи Нового царства тенденция к уподоблению царственных женщин богиням-спутницам солнечного бога-демиурга, выступавшим в амбивалентной роли его дочери, супруги или матери. И хотя в текстах в отличие от самого царя главные представительницы его семьи редко сравниваются с богинями напрямую, проводившиеся между ними параллели в значительной степени отражают иконографию и титулы, некоторые из которых служили

²⁹ Desroches Noblecourt 1982, 237.

³⁰ Статуэтка Мут-Туи из частного собрания (Desroches Noblecourt 1982, 239).

эпитетами богинь. В качестве такового обозначение «матерь бога» встречается уже со времени Хатшепсут: так, например, названа Хатхор в облике коровы в храме Дейр эль-Бахри³¹, анонимная богиня с головой коровы из несохранившегося карнакского святилища³² и антропоморфная анонимная богиня в «Красном Святилище» в Карнаке³³. Несмотря на отсутствие прямых доказательств для двух последних примеров, общий контекст сцен и другие косвенные признаки позволяют отождествить этих богинь с Хатхор³⁴. Со второй половины Нового царства словосочетание «матерь бога» является постоянным эпитетом Исиды, хотя со временем Рамессидов он нередко прилагался и по отношению к другим богиням в их материнском аспекте – прежде всего, к Мут, Хатхор и Нейт³⁵. Во всяком случае, в поздних текстах обозначение «матерь бога N» характеризует различных богинь, выступавших в сакральной роли матери того или иного божества³⁶. Тем не менее обозначение «матерь бога» преимущественно оставалось узнаваемым эпитетом Исиды, подразумевавшим фундаментальную составляющую ее образа – матери бога Хора, зримой иллюстрацией которого являются позднеегипетские статуэтки, изображающие Исиду с младенцем-Хором на руках. С Нового царства вкупе с другими эпитетами Исиды словосочетание «великая, матерь бога» постоянно повторяется в надписях храмовых и гробничных сцен, частных заупокойных стел и вотивных статуэток³⁷. Несмотря на то, что в большинстве случаев данный эпитет характеризует Исиду как мать Хора, это не противоречило провозглашению сыном Исиды царя, как известно, мыслившегося земным воплощением Хора. Так, например, в ряде надписей в храме Сети I в Абидосе подчеркивается материнская роль Исиды по отношению к царю: «Сотворил он как памятник своей для матери своей Исиды великой, матери бога, пребывающей в храме Менмаатра»; «говорение слов Исидой великой, матерью бога, пребывающей в храме Менмаатра сыну своему, любимому ею, Владыке Обеих Земель Менмаатра: “Я – мать твоя, (которая) кормит тебя грудью”»; (*ir.n.f m mnw.f n mwt.f 3st wrt mwt ntr hrt-ib hwt Mn-M3 't-R*³⁸; *Dd-mdw in 3st wrt mwt ntr hrt-ib hwt Mn-M3 't-R' n s3.s mry.s nb t3wy (Mn-M3 't-R') ink mwt.k šd tw hr mnd*³⁹). Еще больший интерес представляет отрывок из надписи в гробнице Сети I (KV 17), в котором его мать Сатра сравнивается с самой богиней Исидой⁴⁰: «Это – знатная (дама), совершенная телом своим, подобная виду Исиды. Когда видят ее, (то) воздают хвалу (ей) как Величеству (Ее), владычице неба; каждодневно жертвующая Маат Хору, крепкому тельцу, рожденному ей. Мать бога, подобная Величеству (?) Ее (т.е. Исиде)...» (*špst pw ikrt n h3w. st mi km3 n 3st m33 n. tw.s i3w dw3w mi hmt nbt pt hnkt M3 't m- ' hrt-hrw n Hr k3 nhjt ms.(n.s) mwt ntr m snt r hmt (?) .s*)⁴¹.

³¹ Naville 1901, pl. LXXXVII, LXXXVI.

³² Gabolde 2005/II, pl. XLII–XLII*.

³³ Lacau, Chevrier et al. 1977/I, 365, § 635.

³⁴ Gabolde 2005/I, 139–140.

³⁵ См.: Leitz 2002, III, 261–262.

³⁶ Leitz 2002, III, 261ff.

³⁷ Wahlberg 2002, 23–24.

³⁸ Calverley 1958, IV, pl. 55 D.

³⁹ Calverley 1958, IV, pl. 16, 20.

⁴⁰ Berlandini 1979, 105, note 1.

⁴¹ KRI II, 847; Gitton 1978, 394–395; Gosselin 2007, 29, 40; KRI II, 847.

Еще одним, хотя и более поздним свидетельством в пользу интерпретации титула «мать бога» в связи с уподоблением матери царя Исида является его использование царицами из династии Птолемеев, некоторые из которых были официально провозглашены живым воплощением Исиды⁴². Таким образом, если рассматривать титул «мать бога» в контексте осирической мифо-теологической концепции, как подразумевается в приведенном выше отрывке сравнение Сатра с Исидой, мать царя выступала в качестве защитницы божественного сына-царя и гарант законной преемственности наследования трона.

Заключение

Итак, в свете приведенных источников, нам представляется, что теологическое содержание титула «мать бога» предполагало двойное «прочтение»: как обозначение матери царя – земного воплощения богини Исиды-матери Хора (царя), но также и как подобия Мут. Суммируя вышесказанное, мы полагаем, что титул «мать бога» может быть интерпретирован в контексте двух наслаждающихся друг на друга мифо-теологических концепций: «осирической» (Исида/мать царя – мать Хора) и «солярной» в ее фиванской редакции (Мут/Хатхор/мать царя – мать божества/божественного царя).

Таблица 1. Перечень обладательниц титула «мать бога» и его соотношение с титулами «мать царя», «мать бога Хонсу-дитя»

Династия	Имя	Титул «мать царя» (<i>mwt nswt</i>)	Титул «мать бога» (<i>mwt nfr</i>)	Титул «мать бога» в форме «мать бога Хонсу-дитя» (<i>mwt nfr n Hnsw-p3-hrd</i>)
V – начало VI	Сешешет	X	X (?)	
XVIII	Яхмос-Нефертари	X	X	
	Саткамос		X	
	Мутемуйя	X	X	
	Тии	X	X	
XIX	Сатра	X	X	
	Мут-Туи	X	X	
	Нефертари-Меритенмут		X (?)	
	Тахат	X	X	
XX	Исет (III)	X	X	
	Дуатентипет		X	
	Тити		X	
	Анонимная царственная женщина, мать царевича Амон-херхепешефа	X	X	

⁴² Например, Клеопатра III и VII (Tyldesley 2008, 198, 205).

XXI	Неджемет	в составе титула: «мать царя великая владыки Обеих Земель» (<i>mwt nswt wrt n nb t3wy</i>)		X
	Дуатхатхор Хенуттауи (II, A)	X		X
	Мутнеджемет (II)			X
	Исетемхеб (III, C)			X
	Исетемхеб (IV, D)			X
	Неситанебетишуеру			X
XXII	Карамат (A)		X	
	Мааткара (II)		X	в составе титула: «мать бога Хора, объединившего Обе Земли» (<i>mwt ntr n Hr sm3 t3wy</i>)
	Ташедхонсу		X	
	Капуэс		X	
	Тадибастет		X	
Птолемеи	Береника I		X	
	Арсиноя II		X	
	Береника II	X	X	
	Клеопатра I		X	

ЛИТЕРАТУРА

- Berlandini, J. 1979: Petits monuments royaux de la XXIe à la XXVe dynastie. In: *Hommages à la mémoire de S. Sauneron*. Vol. I. Le Caire, 89–114.
- Blumenthal, E. 1970: *Untersuchungen zum Ägyptischen Königstum des Mittleren Reiches*. Bd. I. *Die Phraseologie*. Berlin.
- Bonhême, M.-A., Forgeau, A. 1988: *Pharaon, les secrets du pouvoir*. Paris.
- Burgos, F., Larché, F., Grimal, N. 2006: *La Chapelle Rouge. Le sanctuaire de barque d'Hatshepsout. Fac-similés et photographies des scènes*. Vol. I. Paris.
- Cabrol, A. 2000: *Amenhotep III Le Magnifique*. Monaco.
- Callender, V.G. 2012: *In Hathor's Image I. Wives and Mothers of Egyptian Kings from Dynasties I–VI*. Prague.
- Calverley, A.M. 1958: *The Temple of King Sethos I at Abydos. The Second Hypostyle Hall*. Vol. IV. Chicago.
- Chassinat, É., Rochemonteix M de. 1902: (éd.) *Le Temple d'Edfou*. Vol. I. Paris.
- Daumas, F. 1958: *Les mammisi des temples égyptiens*. Paris.
- Desroches Noblecourt, C. 1982: Touy, mère de Ramsès II, la reine Tanedjmy et le reliques de l'expérience amarnienne. In: *L'égyptologie en 1979. Axes prioritaires de recherches*. T. II. Paris, 227–243.
- Desroches Noblecourt, C. 1990/91: Le mammisi de Ramsès au Ramesseum. In: Leblanc, C. (éd.), *Memnonia I*. Le Caire, 25–46.
- Gabolde, L. 2005: *Monuments décorés en bas relief aux noms de Thoutmosis II et Hatchepsout*. Vol. II. Le Caire.

-
- Gayet, A. 1894: *Le Temple de Louxor*. Le Caire.
- Giorgini, M.-S. et al. 1998: *Soleb V. Le Temple. Bas-reliefs et inscriptions*. Le Caire.
- Gitton, M. Variations sur le thème des titulatures de reines. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 78, 389–403.
- Gitton, M. 1981: *L'épouse du dieu Ahmès Néfertary. Documents sur sa vie et son culte posthume*. Paris.
- Gitton, M. 1984: *Les divines épouses de la XVIIIe dynastie*. Paris.
- Gosselin, L. 2007: *Les Divines épouses d'Amon dans l'Égypte de la XIXème à la XXIème dynastie*. Paris.
- Grajetzky, W. 2005: *Ancient Egyptian Queens. A Hieroglyphic Dictionary*. London.
- Gross Mertz, B. 1952: *Certain Titles of the Egyptian Queens and Their Bearing on the Hereditary Right to the Throne*. PhD Dissertation. Chicago.
- Habachi, L. 1969: La reine Touy, femme de Sethi I, et ses proches parents inconnus. *Revue d'Égyptologie* 21, 27–47.
- Helck, W. 1955–58: *Urkunden der 18. Dynastie: Historisch-biographische Urkunden*. Heft 20–22. Berlin.
- Kitchen, K.A. 1975–1990: *Ramesside Inscriptions: Historical and Biographical*. Vols I–VIII. Oxford.
- Lacau, P., Chevrier, H. et al. 1977: *Une chapelle d'Hatshepsout à Karnak*. Vol. I. Le Caire.
- Leblanc, C., Abdel-Rahman, I. 1991: Remarques relatives à la tombe de la reine Douatentipet. *Revue d'Égyptologie* 42, 147–169.
- Leblanc, C. 2009: *Les reines du Nil au Nouvel Empire*. Paris.
- Leitz, C. 2002: *Lexikon der Ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Lexikon*. Bd. III. Leuven-Paris-Dudly.
- Naguib, S.-A. 1990: *Le clergé féminin d'Amon thébain à la 21e dynastie*. Leuven.
- Naguib, S.-A. 1992: «Fille du dieu», «épouse du dieu», «mère du dieu» ou la métaphore féminine. In: *The Intellectual Heritage of Egypt. Studies Kákosy, StudAeg* 14. Budapest, 437–447.
- Naville, E. 1892: *The Festival Hall of Osorkon II in the Great Temple of Bubastis*. London.
- Naville, E. 1901: *The Temple of Deir El-Bahari*. Pt IV. London.
- Nillson, M. 2010: *The Crowns of Arsinoe II. The Creation and Development of an Imagery of Authority*. Gothenburg.
- Roth, S. 2001: *Die Königsmütter des Alten Ägypten von der Frühzeit bis zum Ende der 12. Dynastie*. Wiesbaden.
- Seipel, W. 1980: *Untersuchungen zu den ägyptischen Königinnen der Frühzeit und des Alten Reiches. Quellen und historische Einordnung*. Hamburg.
- Tyldesley, J. 2008: *Chronique des reines d'Égypte. Des origines à la mort de Cléopâtre*. Actes Sud.
- Troy, L. 1986: *Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History*. Uppsala.
- Wahlberg, N.M. 2002: *Goddess Cults in Egypt between 1070 BC and 331 BC*. PhD Dissertation. Birmingham.
- Yoyotte, J. 1982–83: Une épouse divine à Héracléopolis. *Revue d'Égyptologie* 34, 145–148.

THE DISCUSSION ON THE SIGNIFICANCE OF THE ROYAL WOMEN'S TITLE
“GOD'S MOTHER”

Vladimir A. Bolshakov

*RUDN University, Russia,
vb.scriba@gmail.com*

Abstract. The article deals with the problem of interpretation of a scantily investigated title of ancient Egyptian royal women 'god's mother' (mwt ntr). As the author suggests the correct understanding of the title's significance largely depends on the interpretation of the term 'god' (ntr) that was frequently used in Egyptian texts as a designation of a king's person and that of a particular deity.

The historical survey of this title application to the royal women (primary of the New Kingdom Period) allows to conclude that under the designation 'god' a king was undermined and not a 'real' god. In connection with that the author distinguishes the title 'god's mother' and the titles 'god's mother of (the divinity) N' – i.e. the titles containing the proper name of the deity. In particular, the difference between the title 'god's mother' and the title 'god's mother of Khons-the-child' held by the XXI Dynasty Theban high priestesses is stressed. A special attention in the article is paid to the eventual link of the title 'god's mother' with the sacral role of the future king's mother which the New Kingdom temple scenes of theogamia demonstrate.

An analysis of the epigraphic and figurative evidence has led the author to the conclusion that the title 'god's mother' primary reflected a theological role of a king's mother or king's wife as an earthly embodiment of the goddess-mother (Isis, Hathor, Mut) and can be interpreted in the context of two ancient Egyptian mythico-theological models – the so-called 'osirian' and 'solar in its Theban version. Thus, the author interprets the sense of the title "god's mother" in the context of the idea of the divine motherhood of the ruling king as an earthly manifestation of the god.

Key words: god's mother, title, Ancient Egyptian titles, Ancient Egyptian Queenship, religion of Ancient Egypt

---

Племенной мир

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 52–68
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 52–68
©Автор(ы) 2017

ВОПРОСЫ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ)

Г.Г. Король*, О.Б. Наумова**

* Институт археологии РАН, Москва,
ggkorol08@rambler.ru

** Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва,
olganaumova@mail.ru

Аннотация. В статье поставлены вопросы, связанные с массовым распространением торевтики малых форм (ременной гарнитуры) у кочевников Центральной Азии в период возвышения Кыргызского каганата конца I тыс.: об источниках сырья, организации производства, сбыте продукции, ее распространении. Археологический материал из других регионов и хронологических периодов, например, Поволжья золотоордынского времени, показывает, что подобное производство существовало в оседлых поселениях, находившихся в тесных контактах с кочевой округой. Модель производства и распространения торевтики малых форм в Саяно-Алтае предполагает, что массовый спрос могли обеспечивать ремесленники, выходцы из городских центров Средней Азии с развитой традицией ремесленного мастерства. Близкая по стилю торевтика происходит из поселений Семиречья, в частности, Краснореченского городища, которое, к сожалению, исследовано с недостаточной тщательностью, чтобы судить о металлообрабатывающих мастерских, их профиле, возможной организации в городском пространстве. Таким образом, вопрос о центрах раннесредневекового металлического производства, поставлявших ременную гарнитуру кочевникам Саяно-Алтая, остается открытым.

Король Галина Георгиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Наумова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-01-00306 (а).

Этнографические данные о металлообработке у кочевых народов Центральной Азии и оседлого населения Средней Азии свидетельствуют о разных вариантах организации производства: в городских центрах, снабжавших и кочевую округу таких городов; в отдельных небольших мастерских самих кочевников, которые работали в основном на заказ. Реконструированная на археологических данных модель средневековой системы организации производства и распространения литых предметов художественной металлообработки в основных позициях не противоречит данным этнографии, но подтвердить ее могут только достоверные археологические свидетельства подобного производства.

Ключевые слова: торевтика малых форм, обработка металлов, организация производства, сбыт продукции, раннее средневековье, этнографическое время, кочевники, Центральная Азия

Введение

Во многом благодаря раннесредневековым кочевникам Центральной Азии мода на ременную гарнитуру определенных форм из цветного металла и прочие изделия торевтики малых форм получила распространение не только в степной зоне Евразии, но и у соседних оседлых народов. С первой трети VIII в. подобная гарнитура (накладки, подвески для конской сбруи, пояса всадников, детали оформления предметов вооружения и одежды) повсеместно стала украшаться декором нового облика (условно постсасанидского) с преобладанием растительного орнамента. Торевтика малых форм стала относительно массовым материалом в крупных регионах ее распространения¹.

При исследовании культуры любой эпохи закономерно встают вопросы о производстве той или иной массовой категории изделий: источниках сырья, кем и как было организовано производство, как был наложен сбыт продукции, ее распространение, особенно если речь идет о значительных по размеру территориях². Важно разрешить эти вопросы, когда рассматриваются процессы, происходящие в зоне контактов культур. Это относится и к чуть более раннему времени, например, выяснению вопросов организации производства украшений в стиле выемчатых эмалей для варварского населения Восточной Европы в римское время. Недавнее исследование³ отчетливо показало, что имело место массовое изготовление предметов позднеантичными мастерами на заказ согласно вкусам и эстетическим представлениям их потребителей. При этом ответить точно на вопрос, где же располагались эти производственные центры, не представляется возможным. Автор предлагает модель организации производства, находя аналогии в этнографическом материале близких территорий, не исключая, что, помимо производственных центров, отдельные античные мастера могли работать непосредственно в варварской среде.

¹ Основные: Панония – Аварский каганат и культура венгров эпохи обретения родины; Юго-Восточная Европа – Хазарский каганат; Центральная Азия – Тюркские каганаты, включая Уйгурский, Кыргызский и др.

² См. Савинов 2006. Попытку наметить актуальные вопросы, касающиеся средневековых кочевников Центральной Азии и по-своему на них ответить, предлагая модель производства и распространения торевтики малых форм, см. Король, Конькова 2007.

³ Румянцева 2016.

Задача статьи – на фоне краткого обзора археологических данных, позволяющих судить об организации металлообработки на примере производства и распространения торевтики малых форм в средневековье, обобщить информацию о тех же процессах в этнографическое время у кочевых и оседлых народов Центральной Азии и выяснить, насколько она может быть полезна для решения поставленных вопросов для средневековых культур.

***

Проблемы, связанные с производством ременных и других украшений в крупных регионах их распространения, решаются по-разному. Одни ученые пытаются реконструировать отдельные аспекты, например, способ производства у венгров эпохи обретения родины, прослеживая истоки и этапы его развития⁴. Другие, наоборот, на основе анализа не только ременных украшений, но и всего комплекса художественного металла, восстанавливают поэтапную историю развития прикладного искусства в целом, например, в Хазарском каганате⁵. Внимание уделяется многим аспектам: организации производства, стремлению к экономии металла⁶, разделению мастерских по статусу обслуживаемых заказчиков, разнице в материале и декоре изделий, возможных местах размещения мастерских; выделяется салтовский декоративный стиль, а также местная алано-болгарская ремесленная традиция.

Скрупулезное исследование технологии и декора древнерусских ременных украшений⁷ позволило выделить школы и центры производства ременной гарнитуры: «венгерскую или “позднехазарскую” школу»; «Волжско-болгарский» центр⁸; «Южный» центр (XI в.); «Черниговский» центр (вторая половина X в.) и «скандинавскую» школу. Пути поступления цветных и драгоценных металлов выявлены на основе исследования химического состава изделий, в том числе ременных украшений; выделены основные источники: западно- и центральноевропейские рудники; Волжская Болгария; Арабский Восток; Византийская империя⁹. В период развитого средневековья (вплоть до конца XV – середины XVI в.) наборный пояс, сохранивший прежнюю структуру, продолжал существовать¹⁰.

⁴ László 1944, 353–358. На этой же территории в Аварском каганате популярная в VII в. штамповка сменяется в начале VIII в. литьем, что соотносят с новым населением и влиянием, пришедшим с востока (Erdélyi 1966, 34), хотя реконструкция технологии литья по восковой модели с использованием вставных сердечников (вставок) на предметах другой категории аварской эпохи детально описана (László 1972, 89–90) и связывается с достижениями эпохи переселения народов. Исследователь отмечает, что литые ременные украшения позднеаварской эпохи, возможно, делались именно таким способом, что позволяло литейщикам наладить реально массовое производство. «Большое преимущество этой процедуры в том, что не нужно вновь формовать сложный образец накладки, а только подправить его» (László 1974, 85). Важно отметить, что именно такая технология используется при изготовлении тюркских ременных украшений. Она требует мало металла и позволяет использовать в качестве матрицы саму накладку (подробнее см. Конькова, Король 1999, 59).

⁵ Фонякова 2009.

⁶ Для салтово-маяцкой археологической культуры характерны штампованные изделия в сочетании с литьими, а также серебряные поясные украшения, видимо, индивидуального заказа.

⁷ Мурашева 2000.

⁸ Волжская Болгария (г. Болгар) – известный центр производства не только ременной гарнитуры, но и многих других видов украшений из цветных и драгоценных металлов (Полякова 1996).

⁹ Коновалов, Ениосова, Митоян, Сарачева 2008, 155–162.

¹⁰ Мурашева 2000, 91–94, 97.

Следует отметить, что только для развитого средневековья, золотоордынской эпохи (Улус Джучи), в Среднем и Нижнем Поволжье представлена универсальная модель соседства двух экономических миров: мира степных кочевников и оседлых сельскохозяйственных земель и городов с развитыми ремеслами. Имеющийся комплекс археологических данных позволяет прояснить, кто производил для кочевников изделия, снабжал их в том числе художественным металлом, изготовление которого требует опыта, подготовки и, главное – стационарных мастерских¹¹. «Кочевники в обмен на продукцию скотоводства получали большой ассортимент ремесленных изделий, многие из которых в городах производились с учетом художественных вкусов и традицийnomadov. Поступали к кочевникам и импорты»¹².

Подобный симбиоз характерен и для регионов Центральной Азии, в первую очередь Средней Азии в тюркскую эпоху¹³. Саяно-Алтай представляет пока еще «темную» в этом отношении зону. В период середины IX–X в. (возвышение Кыргызского каганата) на данной территории зафиксирован буквально «бум» популярности ременных украшений с развитыми формами разнообразного декора при преобладании растительного. Вряд ли все это количество ременной гарнитуры попадало сюда только в качестве военной добычи вместе с воинами, возвратившимися из походов, или в качестве дипломатических даров. По археологическим материалам и письменным источникам известны торговые и дипломатические отношения каганата с ближними и дальними странами¹⁴, а также культурные влияния, которые прослеживаются по материалам торевтики малых форм¹⁵. Снабжение всадников необходимой гарнитурой, особенно в период походов, можно было обеспечить лишь при стабильном поступлении из каких-то производственных центров, мастерских городского ремесла. Упомянутая выше модель производства и распространения торевтики малых форм в Саяно-Алтае предполагает, что массовый спрос изделий не самого лучшего качества могли обеспечивать мастера-ремесленники – выходцы из городских центров Средней Азии с развитой традицией ремесленного мастерства, которые селились вдоль торговых путей в местах, приближенных к территориям непосредственного спроса на изготавливаемые изделия¹⁶.

«Ближайшими» к Саяно-Алтаю известными городскими центрами VIII–X вв., на которых условно «фиксируется» производство ременной гарнитуры с востребованным декором, можно считать города Семиречья в верховьях Чуйской долины Тянь-Шаня¹⁷: городища Ак-Бешим, Красная Речка, Бурана и др., соответству-

¹¹ Теоретически ответ на этот вопрос для одних очевиден, другие считают, что кочевники все делали сами, особенно там, где найдено много художественных изделий, но нет достоверных свидетельств местного производства (подробней о Саяно-Алтае см. Король, Конькова 2007, 29–30). Но, как известно, бронзовые изделия подвижны и долговечны: «они неоднократно меняют хозяев и перемещаются на значительные расстояния. Поэтому место находки в большинстве случаев не тождественно месту изготовления» (Беленицкий, Бентович, Большаков 1973, 287).

¹² Недашковский 2014, 61. См. также: Недашковский 2010.

¹³ О взаимопроникновении и взаимообогащении культур Тюркских каганатов и оседлых цивилизаций Средней Азии см., например, Байпаков 2009.

¹⁴ Краткий обзор и литературу см. Король, Конькова 2007, 29, 30.

¹⁵ Король 2015.

¹⁶ Король, Конькова 2007, 28. По нашей модели, это лишь третий (из четырех) уровень качества изделий, но он самый массовый.

¹⁷ Байпаков, Терновая, Горячева 2007; Горячева 2010; Камышев 2012; Ведутова, Куримото 2014.

ющие известным по письменным источникам городам Суяб, центр буддийской общины Семиречья VII–IX вв.; Невакет / Навекат («Новый город»), основанный переселенцами из Согда; Баласагун. Так, с городища Красная Речка происходит значительное число не только ременных и других украшений из цветного металла, но и свидетельства их местного производства: литейные заготовки, в том числе бракованные; готовые накладки с необработанными литниками, даже парные / тройные, соединенные литником; литники с частями пряжек; матрицы¹⁸; инструмент и приспособления ювелиров. К сожалению, почти все интересующие нас предметы с этого городища из случайных находок, в том числе грабительских. Справедливости ради надо отметить, что и археологами памятник исследовался совсем не так, как это можно было наблюдать на примере раскопок Пенджикента. Поэтому в публикациях о ремесле есть только общие слова и нет никакой информации о мастерских, их профиле, возможной организации в городском пространстве, как это воссоздано по материалам Пенджикента, исследованного с удивительной тщательностью и вниманием к любым мелочам. Так, отмечено, что топография ремесла в городе установлена прежде всего по металлообрабатывающему производству, в том числе бронзолитейному, поскольку мастерские имели стационарное оборудование и легко опознавались. Это позволило одному из авторов раскопок заключить, что ремесленник VII–VIII вв. был мелким товарищем производителем, а наборные пояса изготавливались непосредственно в городах Согда¹⁹. В стационарных мастерских Пенджикента работали ремесленники – жители города; мастерские вне городской стены носили временный характер, здесь могли работать пришлые ремесленники²⁰.

Наличие среди материалов из Краснореченского городища ременных украшений форм и стиля, близкого к изделиям с территории Саяно-Алтая; «туманные», но все же свидетельства местного производства части, а, возможно, и большинства из них, казалось, хоть как-то приблизят к положительным результатам поиска мест производства саяно-алтайских находок. Но нет. Знакомство с хорошими цветными фотографиями в публикациях, а также электронных источников стало поводом задуматься, а не было ли обратного влияния. Например, качество²¹ личин-подвесок и накладок, некоторые из которых изготовлены, казалось бы, по тем же образцам, что и саяно-алтайские находки, отличается от последних в худшую сторону. К ним «приделаны» какие-то звериные уши; на месте глаз, рта, иногда и носа – нарочитые отверстия²². Очевидно, что это не «портретные» изображения воинов, купцов, предков-охранителей и пр., по которым можно проанализировать даже антропологию представленных лиц²³, а некие устрашающие маски, имею-

¹⁸ Судя по форме и декору, матрицы в основном относятся к II тыс. и характеризуют иную культуру.

¹⁹ Распопова 1980, 3, 130–131.

²⁰ Распопова 1999, 11.

²¹ Речь идет только о декоре. Опыт изучения торевтики малых форм, в том числе состава металла, показал, что при очень плохом качестве декора металл мог быть очень хорошим. Это связано с технологией, позволяющей многократно репродуцировать предмет и его реплики. Можно предположить, что при массовом производстве в третьесортных мастерских уже не заботились о качестве декора или же не было соответствующих мастеров, способных качественно его подправить или же изготовить новую матрицу с хорошим рисунком.

²² Ср.: Горячева 2010, рис. 33 (справа внизу) и Король, 2008, табл. 12, рис. 3.

²³ Король 2008, 108–112.

щие совершенно иную содержательную подоплеку. Кроме того, исследователь комплекса торевтики малых форм разного времени с Краснореченского городища относительно зооморфных мотивов декора, некоторые из которых имеют ближайшие аналогии на Алтае, включая Восточное Прииртышье, считает, что они появились в Чуйской долине у карлуков под сильным влиянием кимаков, кыпчаков и других племен Алтая, а не наоборот. Отмечается и немногочисленность ременных украшений, выполненных в близкой, но не идентичной манере, присущей украшениям кыргызов, концентрированно живших в восточной части Саяно-Алтая на Среднем и Верхнем Енисее²⁴.

Таким образом, имеющиеся археологические данные не позволяют решить ряд проблем, обозначенных во введении и связанных с массовым распространением в раннесредневековой Центральной Азии украшений из цветного металла, преимущественно ременных. Возможно, этнографические данные о традиционной металлообработке у кочевых и оседлых народов Средней Азии и Сибири, имеющих этногенетические связи с саяно-алтайским (южносибирским) средневековым населением, помогут приблизиться к решению поставленных вопросов. С этой точки зрения интерес представляет как организация, так и технология процесса обработки металлов.

***

Организация. Кочевники и полукочевники. У кочевых народов, как правило, кузнец и ювелир соединялись в одном лице. Мастер работал с железом, медью и изготавлял ювелирные изделия из серебра. Все процессы он выполнял сам – заготавливал уголь, сырье, готовил металл к обработке, выделял изделия, проводил отделку. Более подробно о заготовке угля известно по киргизским материалам²⁵. У каратегинских киргизов уголь для кузнеца выжигал заказчик²⁶.

Народы Южной Сибири в этнографический период металл – медь, серебро, олово, железо – сами не добывали, а получали его от русских; серебро также и из Китая²⁷. По имеющимся сведениям, лишь тувинцы до середины XIX в. для получения меди плавили руду²⁸. Вероятно, также обстояли дела и у среднеазиатских кочевников: упоминается об изготовлении киргизскими кузнецами медных изделий, но где они брали медь, остается неясным²⁹. Как правило, в качестве сырья мастера использовали вышедшие из употребления вещи, приобретенные на рынке или у заказчика³⁰. У южных киргизов металлическое производство представлено только в двух видах – из железа и из серебра. Серебряные слитки покупали, часто заказчик приносил в качестве сырья старые вещи, также использовали серебряные монеты³¹.

Мастера у среднеазиатских кочевников работали в одиночку. Кузнец мог привлечь в качестве помощника сына или племянника, которому впоследствии пере-

²⁴ Торгоев 2011, 13, 14, 18, рис. 1.

²⁵ Сулайманов 1982, 19, 20.

²⁶ Кармышева 2009, 71.

²⁷ Павлинская 1988, 73.

²⁸ Вайнштейн 1974, 88.

²⁹ Сулайманов 1982, 18, 19.

³⁰ Сулайманов 1982, 17; Вайнштейн 1974, 82; Кочешков 1979, 162; Кармышева 2009, 70, 71.

³¹ Антипина 1962, 131–132; Иванов, Махова 1968, 97.

давал секреты мастерства. (Это же этнографы зафиксировали у тувинцев³².) Работал на заказ, изготавляя вещи для односельчан. Оплата труда была натуральной, у киргизов иногда применялась отработка³³. Однако кое-где мастера (у монголов и бурят) могли производить вещи на продажу³⁴. Ювелиры у оседлых туркмен также помимо работы по заказу продавали свои изделия на рынках³⁵.

Помещением для работы у кочевников служил дом или юрта, в которой жил мастер по металлу. Иногда кузнецы делали навесы или работали в специальных юртах. Ювелиры же специальных помещений не имели. Занятие металлообработкой у монголов, тувинцев, киргизов не обеспечивало семью, поэтому кузнецы и ювелиры у кочевых народов продолжали вести традиционное для основного населения хозяйство³⁶. Мастера у туркмен-полукочевников, занимавшихся земледелием, также совмещали свое ремесло с сельскохозяйственными занятиями; работали там же, где жили. Иногда ювелиры могли работать на дому у заказчика, пытаясь вместе с его семьей³⁷.

Исключением, вероятно, являются Забайкалье и Тува. Так как культовая пластика в ламаизме была связана с бронзой, то в этих районах в крупных дацанах существовали мастерские, которые «представляли собой центры сложного выскохудожественного литья»³⁸. В данном случае, вероятно, необходимо говорить не о металлообработке у кочевников, а о ремесле в очагах оседлости, возникавших на территории обитания кочевых народов.

Таким образом, для тюркских и монгольских кочевников в этнографическое время характерны следующие черты организации металлообрабатывающих ремесел: мастера, как правило, владели и кузнецким, и ювелирным мастерством; работали в одиночку, в крайнем случае привлекая родственника в качестве помощника; работы мастер выполнял в основном на заказ за натуральную плату, в редких случаях для продажи в ближайшей округе; специально оборудованные помещения встречались нечасто³⁹. Совокупность этих факторов свидетельствует о незначительных масштабах металлообрабатывающего производства у кочевников. Наладить систему обеспечения широкой территории однотипными металлическими изделиями только силами собственных мастеров при такой организации ремесла было бы проблематично.

Оседлое население. Качественно иной уровень организации ремесла существовал у оседлого населения Средней Азии. Это хорошо известно по исследованиям О.А. Сухаревой, посвятившей несколько работ ремесленной промышленности и цеховой организации позднесредневековой Бухары⁴⁰; подобная организация ремесла была характерна и для других среднеазиатских городов. В Бухаре дей-

³² Сулайманов 1982, 66–67; Пиркулиева 1973, 55; Вайнштейн 1974, 84.

³³ Антипина 1962, 132–133; Иванов, Махова 1968, 96; Пиркулиева 1973, 43; Вайнштейн 1974, 82; Кочешков 1979, 162.

³⁴ Кочешков 1979, 24, 99.

³⁵ Пиркулиева 1973, 42.

³⁶ Антипина 1962, 132; Иванов, Махова 1968, 97; Вайнштейн 1974, 84; Кочешков 1979, 24; Сулайманов 1982, 64.

³⁷ Пиркулиева 1973, 43.

³⁸ Павлинская 1988, 73.

³⁹ Сулайманов 1980, 92–93; 1982, 66–69.

⁴⁰ Сухарева 1962; 1966; 1971.

ствовало несколько цеховых корпораций мастеров по обработке металла: кузнецов, мастеров по литью чугуна, обработки меди, литью бронзы и ювелиров. И если у кочевников кузнец и ювелир, как правило, совмещались в одном лице, то у городских ремесленников существовала более узкая специализация внутри перечисленных корпораций, причем мастеров, совмещавших несколько узких специальностей, было немного⁴¹.

Заготовка угля и сырья для кузниц и литья металла также была более масштабной. Так, уголь для кокандских кузниц заготавливали киргизы в южных районах Киргизии⁴². В конце XIX – начале XX в. бухарские литейщики медь получали из России, ее поставляла фирма Богау⁴³. Плитки золота и серебра для ювелирных работ завозились в большом количестве также из России, а золото 100-й пробы, возможно, импортировалось какой-то гамбургской фирмой; серебро в слитках поступало и из Китая⁴⁴.

У всех бухарских ремесленников были специальные мастерские, которые находились в определенных местах города⁴⁵. Мастера имели нескольких помощников, особенно много работников было задействовано при отливке чугуна, ювелиры же могли работать и в одиночку. Количество ремесленников в городе в этот период было значительным: около 150 кузнецов, 40–50 бронзолитейщиков, до 400 ювелиров; в обработке меди было занято свыше 1000 человек (из них 400 мастеров)⁴⁶.

Городские ремесленники у оседлых народов работали на рынок, что не исключало работы и на заказ. Бухарские ювелиры и медники также работали и на двор эмира в государственных мастерских. Помимо мастерских, ремесленники имели в городе и торговые лавки в базарных рядах или специальных кварталах; там они продавали свою продукцию. Цехи кузнецов и ювелиров сами владели своими торговыми рядами, а продукция чугунолитейщиков и медников в конце XIX – начале XX в. в основном приобреталась скупщиками⁴⁷.

Бухарские мастера снабжали своими изделиями город и окрестные селения; за ювелирными изделиями приезжали и из других городов, а продукция медников вывозилась во все города Средней Азии⁴⁸. Интересно, что литейщики бронзы большую часть бронзовых пуговиц и колец отсылали в степь, «где на них был большой спрос у полукочевых узбеков и казахов»⁴⁹. Работая на отдаленные рынки (для полукочевников), среднеазиатские городские ремесленники делали продукцию на их вкус: бухарские ювелиры, например, изготавливали «специальный товар»⁵⁰.

⁴¹ Сухарева 1962, 31, 37, 40, 49.

⁴² Сулайманов 1982, 19–20.

⁴³ Семья Богау – российские предприниматели немецкого происхождения – владела, в частности, металлургическими предприятиями на Урале и монопольно торговала медью.

⁴⁴ Сухарева 1962, 34–36, 43.

⁴⁵ Мастерские литейщиков чугуна, как и во многих среднеазиатских городах, находились в самой старой части города, что свидетельствует о древности этого ремесла. (Ср. с определенным размещением в городе мастерских раннесредневекового Пенджикента.)

⁴⁶ Сухарева 1962, 31–35, 37–38, 40, 50–51.

⁴⁷ Сухарева 1962, 32, 33, 35, 37, 53–54.

⁴⁸ Сухарева 1962, 33, 36, 41.

⁴⁹ Сухарева, 1971, 158.

⁵⁰ Сухарева 1962, 41. Вспомним описанные выше взаимоотношения городских центров с кочевой округой в Улусе Джучи на Волге. Следует заметить, что ременные украшения, попадавшие

Сравнение организации металлообрабатывающего ремесла у кочевых и оседлых народов очевидно показывает, что массовое производство изделий из металла могло быть организовано только в условиях стационарных поселений. Причем оседлые ремесленники могли обеспечивать кочевников как нужным количеством предметов, так и их качеством – в соответствии с их эстетическими требованиями.

Технология. В отличие от декора и формы предметов, в частности, украшений, технологические приемы их изготовления вряд ли могут считаться надежным этническим индикатором, так как они могли легко заимствоваться, усовершенствоваться, трансформироваться и т.п. Однако, зная технику металлообработки, можно судить, насколько производство металлических предметов тем или иным способом могло обеспечить их массовость. С этой точки зрения и рассмотрим технологические методы кочевников и оседлого населения.

Кочевники. Центральноазиатские кочевники – монголы, буряты, тувинцы – знали литье металлов. У тувинцев зафиксировано два способа литья: при помощи литейных форм, вырезанных из камня, и в глиняных формах, изготовленных путем выжигания деревянной модели. Последний был известен также бурятам и монголам⁵¹. У бурят существовал способ отливки в земляных формах *хэб*⁵².

Эти и другие варианты литья бронзы у кочевых народов Южной Сибири подробно описывает Л.Р. Павлинская⁵³, выделившая следующие способы: литье в каменную или корьевую форму; в глиняную или земляную форму по деревянной или костяной модели; литье по выжженной модели. Каменная форма для литья (изложница) после отливки сохранялась, и ее можно было использовать несколько раз. Литье в земляные формы по деревянной модели (у якутов и забайкальских бурят) с помощью опок – круглых или квадратных металлических обрущей – позволяло использовать модель несколько раз, получая идентичные изделия.

Литье по выжженной модели практиковалось в основном у западных тувинцев и забайкальских бурят. Этот способ, в отличие от предыдущих, был одноразовым. Он считается более поздним, его истоки связываются исследовательницей с культурой средневекового оседлого населения Центральной Азии и Китая.

В каменных формах тувинцы отливали пуговицы, бляхи к свадебному головному убору, кольца, серьги и др., а в глиняных формах, которые затем разбивали, – стремена, металлические части узды, украшения для сумок с огивом, бронзовые рукоятки, ножи, части для деревянных ножен, футляры для иголок, статуэтки, шахматные фигуры, металлические бляхи для седел⁵⁴.

Описаний техники литья бронзовых изделий у среднеазиатских кочевников практически нет. Главное внимание этнографы, собиравшие материал в 1950–1960-е годы, уделяли декоративной отделке металлических изделий, не углубляясь в технику их производства и лишь констатируя наличие литья наряду с другими технологическими процессами. Технику изготовления мелких литых металличе-

в Саяно-Алтай в раннем средневековье, определенно соответствовали вкусам владельцев. Из всего многообразия предлагавшихся композиций наиболее популярны были те немногие, смысловое содержание которых было понятно кочевникам и хорошо воспринималось в соответствии с мировоззрением и собственной культурой (подробней см. Король 2008, 157–176, 221–226).

⁵¹ Вайнштейн 1974, 87–88, 102.

⁵² Кочешков 1979, 104.

⁵³ Павлинская 1988, 77–79.

⁵⁴ Вайнштейн 1974, 87; Павлинская 1988, 79.

ских предметов никто из исследователей не описывал. Еще в 1988 г. Л.Р. Павлинская с сожалением отмечала, что техника и технология обработки художественного металла выпадает из поля зрения исследователей. Сама она приводит информацию о способах литья у народов Южной Сибири⁵⁵, но для кочевых народов Среднеазиатско-Казахстанского региона подобные описания отсутствуют.

Так, Э. Сулайманов сообщает, что киргизские мастера (как и буряты, тувинцы, хакасы, алтайцы, казахи, туркмены, башкиры, узбеки) «широко практиковали технику насечки или набивную таушировку – наложение серебра на поверхность железных пластин, которые в дальнейшем шли в основном для украшений предметов конского убора, мужских поясов, ножей, огнив, сундуков, футляров для чашек и др.»⁵⁶. Накладные бляхи для отделки сбруи он называет в числе наиболее характерных видов изделий киргизского кузнечного производства⁵⁷, однако нигде не описывает, как изготавливались эти железные накладные пластиинки.

Помимо литья в этнографическое время существовали и другие способы изготовления мелких металлических предметов, таких, как бляшки для конской сбруи. У туркмен и киргизов отделкой сбруи занимались ювелиры⁵⁸. Упоминается о двух способах изготовления серебряных бляшек – штамповкой и литьем; приводятся рисунки «формы “калып” для штамповки (отливки) фигурных накладок», однако описания процесса литья нет⁵⁹.

Киргизская техника штамповки мелких серебряных или медных бляшек для сбруи, а также женских украшений наиболее подробно описана С.В. Ивановым и Е.И. Маховой по полевым материалам последней⁶⁰. Несколько по-иному штамповали мелкие серебряные бляшки туркменские мастера⁶¹.

Лакуны в описании технических приемов, применяемых кочевыми и полукочевыми народами для изготовления мелких медных и железных литых изделий, не дают возможности сделать конкретные выводы о преемственности или проследить эволюцию ремесла с раннесредневекового времени. Следует отметить, что литье в каменные и земляные формы, практикуемое в конце XIX – начале XX в. кочевниками и полукочевниками, давало технические возможности для относительно массового изготовления мелких предметов, как это зафиксировано для VIII–X вв. в Саяно-Алтае. Однако организация ремесла у этих народов не позволяла осуществить данную возможность, а техника литья в глиняных формах не могла обеспечить такого массового производства. Традиции штамповки / чеканки мелких изделий, фиксируемые в этнографическое время, – наиболее экономичный и простой способ изготовления. Он становится популярным и у кочевников

⁵⁵ Павлинская 1988.

⁵⁶ Сулайманов 1980, 94, 96.

⁵⁷ Сулайманов 1982, 15–16. Заметим, что в средневековье в восточной части Саяно-Алтая, а именно в культуре кыргызов Среднего и Верхнего Енисея, в первой половине X в. началось постепенное замещение ременных украшений из цветного металла на железные с таушировкой серебром, которые стали «визитной карточкой» кыргызов развитого и позднего средневековья. При этом в западной части региона (на Алтае) бронзовые и серебряные украшения продолжали существовать до середины XI в., в Кузнецкой котловине они фиксируются и в XII в.

⁵⁸ Пиркулиева 1973, 41; Антипина, 1962, 137.

⁵⁹ Антипина 1962, 139, 141.

⁶⁰ Иванов, Махова 1968, 99.

⁶¹ Пиркулиева 1973, 52.

во II тыс., но в восточноевропейской зоне (Хазарский каганат) широко применялся и раньше наряду с литьем, о чем упомянуто выше⁶².

Оседлое население. Способы литья металлов городскими среднеазиатскими ремесленниками в конце XIX – начале XX в. описаны О.А. Сухаревой. Литье чугуна и бронзы были древними ремеслами, причем имели между собой много общего: «единый в принципе прием отливки расплавленного металла в формы, применение изложниц и песка для формовки, некоторые одинаковые термины»⁶³. Так как предмет нашего исследования – средневековая бронзовая торевтика, в частности, украшения для сбруи, то имеет смысл подробно остановиться именно на бронзолитейном производстве в этнографическое время, тем более, что среднеазиатские литейщики бронзы изготавливали подобные предметы⁶⁴. Описание даем по О.А. Сухаревой⁶⁵.

Бронзолитейное производство имело свой цикл: пять дней велись подготовительные работы (подготовка топлива, сырья, форм), два дня отливали. Бронзу делали, сплавляя медь с оловом в соотношении 2:1 или 4:1. По другим сведениям соотношение было 3:2. Бронзу плавили в тиглях из огнеупорной глины. Тигли были одноразовыми: они сохраняли прочность, пока были на огне. Остывая, глина становилась хрупкой, и тигель рассыпался. На дно тигля клади кусочки олова, затем меди и бронзовый лом; ставили на горн и закладывали поверх углем. С огня тигель снимали щипцами с длинной ручкой.

Отливку производили в формы. Для этого имели парные прямоугольные бронзовые изложницы, наполнявшиеся песком, смешанным с kleem. В нем оттискивали форму отливаемого предмета, которую вырезали из дерева или але-бастра: одну половину предмета в одной изложнице, а вторую – в ее паре. Затем все приготовленные изложницы ставились рядами и скреплялись железной цепью таким образом, чтобы образующееся при соединении половинок отверстие, куда лили бронзу, оказалось наверху. После отливки изделия обрабатывались напильниками.

К сожалению, более подробно способа отливки мелких предметов О.А. Сухарева не описывает. Она упоминает, что «для мелких поделок употреблялись специальные маленькие тигельки»⁶⁶, вероятно, были и изложницы соответствующих размеров. Судить о том, насколько этот способ хорошо подходил для массового производства, тоже трудно. Исследовательница считает, что отливка предметов из бронзы в XIX – начале XX в. была одним из слаборазвитых промыслов. Существует мнение, что литье бронзы было утрачено среднеазиатскими народами чуть ли не в XIII в.⁶⁷ Понять масштабы производства бронзолитейщиков во времена его расцвета, очевидно, можно, опираясь на общие черты в технологиях литья бронзы и чугуна. В описываемый О.А. Сухаревой период литье чугуна в Бухаре было хорошо развито. Отливка производилась в каждой мастерской раз в два ме-

⁶² Подробней о преимуществах штамповки и других нетрудоемких техник, а также о переходе к изделиям из железа как прогрессивной экономной технологии см. Конькова, Король 1999, 63.

⁶³ Сухарева 1971, 148.

⁶⁴ Кроме бронзолитейщиков, пряжки и бляхи для поясов делали также медники, выковывая их из драгоценных металлов. Затем эти изделия декорировались ювелирами (Сухарева 1962, 39, 45).

⁶⁵ Сухарева 1962, 38; 1971, 155–158.

⁶⁶ Сухарева 1971, 155.

⁶⁷ Сухарева 1971, 148, 155.

сяца; до этого литейщики готовили нужное количество форм и занимались другой подготовительной работой. За один раз отливалось очень много изделий (например, лемехов сразу 1200 штук)⁶⁸. При сходных технологиях и организации производства литье бронзы могло быть столь же масштабным.

Вероятно, после периода массового производства и распространения металлических изделий, фиксируемого в средневековье, наступил период упадка, а затем ремесло возродилось в примитивных формах. Так, по сведениям Н.В. Кочешкова, с 1691 по 1911 г. народные ремесла у монголов пришли в упадок. Металлообработкой занимались преимущественно в монастырях, куда приходили ювелиры и литейщики, выходцы из беднейших слоев народа. Лишь работы отдельных мастеров «свидетельствуют о том, что в области художественного литья монгольские мастера имели определенные навыки и вполне сложившиеся традиции, идущие еще от времени Кара-Корума (XIV в.), а может быть, и еще раньше»⁶⁹. Причины упадка литья металла остаются неясными.

***

В самой общей форме можно говорить о преемственности способов металлообработки в Центральной Азии с раннего средневековья. Но даже если сохранялась преемственность в технике и технологии металлообработки у кочевых народов региона с периода средневековья, это не приближает к ответу на вопрос о причинах исчезновения массового производства торевтики в начале II тыс. Ответ на него, видимо, надо искать не только в способах организации металлообрабатывающего производства в средние века. На основании этнографических данных очевидно, что организация массового производства возможна только в условиях стационарных поселений. Возможно, что существовавшие среди раннесредневековых кочевников Центральной Азии или по соседству с ними очаги оседлости и были центрами массового изготовления торевтики малых форм. После их упадка по каким-то причинам⁷⁰ организация ремесла в корне поменялась. Ремесло стало делом отдельных мастеров, что фиксируется в этнографическое время, когда производимых изделий было вполне достаточно, они не требовались в огромном количестве, как это было в тюркскую эпоху.

Заключение

Таким образом, собранные по крупицам этнографические данные весьма информативны для понимания проблем организации художественной металлообработки литья бронзовых изделий. Эти данные свидетельствуют о разных вариантах организации такого производства: в городских центрах с традициями ремесленного производства, снабжавших и кочевую близкую и дальнюю округу таких городов; в отдельных небольших мастерских самих кочевников, которые

⁶⁸ Сухарева 1971, 153–154.

⁶⁹ Кочешков, 1979, 24.

⁷⁰ К таковым в первую очередь можно отнести политические перемены в Центральной Азии, связанные сначала с возвышением киданей в X в., вызвавшим новое массовое движение восточных племен на запад, что, по-видимому, отрезало восточную часть Саяно-Алтая (кыргызов) от мест производства художественных изделий, а затем и монгольскими завоеваниями, которые принесли упадок во всех сферах жизни их западных соседей.

работали только на заказ и редко на продажу в соседних районах. Разработанная ранее модель средневековой системы организации производства и распространения литых предметов художественной металлообработки в основных позициях не противоречит данным этнографии, но подтвердить ее могут только достоверные археологические свидетельства подобного производства. Но таких свидетельств, даже по материалам исследованных городов Семиречья, которые можно было бы рассматривать как источник поступления продукции в регион Саяно-Алтая, пока нет. Теоретически, помимо городских центров, небольшие поселения ремесленников, прежде всего согдийцев, расселявшихся, как известно, далеко на восток от родины, на своем уровне также могли снабжать тюркских воинов средневековья ременными украшениями и другими изделиями художественной металлопластики из цветного металла.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина, К.И. 1962: *Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР*. Фрунзе.
- Байпаков, К.М. 2009: Западнотюркский и тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. *Изв. Нац. АН Респ. Казахстан. Серия общественных наук* 1 (268), 105–146.
- Байпаков, К.М., Терновая, Г.А., Горячева, В.Д. 2007: *Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.)*. Алматы.
- Беленицкий, А.М., Бентович, И.Б., Большаков, О.Г. 1973: *Средневековый город Средней Азии*. Л.
- Вайнштейн, С.И. 1974: *История народного искусства Тувы*. М.
- Ведутова, Л.М., Куримото, Ш. 2014: *Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим*. Бишкек.
- Горячева, В.Д. 2010: *Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII в.)*. Бишкек.
- Иванов, С.В., Махова, Е.И. 1968: Художественная обработка металла. В сб.: С.В. Иванов, Е.И. Махова (ред.), *Народное декоративно-прикладное искусство киргизов*. М., 96–122.
- Камышев, А.М. 2012: Кыргызстан. В кн.: Ш. Пидаев (ред.), *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков*. Т. III. Торевтика. Самарканд–Ташкент, 97–122.
- Кармышева, Б.Х. 2009: *Каратегинские киргизы*. М.
- Коновалов, А.А., Ениосова, Н.В., Митоян, Р.А., Сарачева, Т.Г. 2008: *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья*. М.
- Конькова, Л.В., Король, Г.Г. 1999: Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл). *ЭО* 2, 56–68.
- Король, Г.Г. 2008: Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. *Труды САИПИ* V. М.–Кемерово.
- Король, Г.Г. 2015: Культурные влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях рубежа I–II тыс. н.э. (по материалам торевтики малых форм). *РА* 4, 64–77.
- Король, Г.Г., Конькова, Л.В. 2007: Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии. *РА* 2, 25–32.
- Кочешков, Н.В. 1979: *Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX века*. М.
- Мурашева, В.В. 2000: *Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.)*. М.

- Недашковский, А.Ф. 2010: *Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа*. М.
- Недашковский, Л.Ф. 2014: Структура и внутренние связи округи золотоордынских городов Нижнего Поволжья. *РА* 2, 48–61.
- Павлинская, Л.Р. 1988: Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов. В сб.: Ч.М. Таксами (ред.), *Материальная и духовная культура народов Сибири*. Л., 71–85.
- Пиркулиева, А. 1973: *Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX – начале XX в.* Ашхабад.
- Полякова, Г.Ф. 1996: Изделия из цветных и драгоценных металлов. В кн.: Г.А. Федоров-Давыдов (ред.), *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань, 154–268.
- Распопова, В.И. 1980: *Металлические изделия раннесредневекового Согда*. Л.
- Распопова, В.И. 1999: *Металлические изделия из Пенджикента*. СПб.
- Румянцева, О.С. 2016: Украшения с полихромными эмалями из Брянского клада: техника изготовления и «авторство». *РА* 4, 16–29.
- Савинов, Д.Г. (ред.) 2006: *Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: мат-лы конф.* СПб.
- Сулайманов, Э. 1980: Киргизская традиционная металлообработка и ее этнографические параллели. *СЭ* 2, 92–102.
- Сулайманов, Э. 1982: *Традиции обработки металлов у киргизов*. Фрунзе.
- Сухарева, О.А. 1962: *Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность*. Ташкент.
- Сухарева, О.А. 1966: *Бухара. XIX–XX вв. (Позднефеодальный город и его население)*. М.
- Сухарева, О.А. 1971: К вопросу о литье металлов в Средней Азии. В сб.: Н.А. Кисляков (ред.), *Занятия и быт народов Средней Азии*. Л., 147–167.
- Торгоев, А.И. 2011: *Ременные украшения Семиречья V – начала XIII в. (вопросы хронологии)*: автореф. дис. канд. ист. наук. СПб.
- Фонякова, Н.А. 2009: Существовало ли хазарское искусство: доводы за и против. В сб.: Р.Р. Султанова (ред.), *Искусство тюркского мира*. Вып. 1. *Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: материалы конференции*. Казань, 124–132.
- Erdélyi, I. 1966: *L'art des Avars*. Budapest.
- László, G. 1944: *A honfoglaló magyar nép élete*. Budapest.
- László, G. 1972: *L'art des Nomades*. Paris.
- László, G. 1974: *The Art of the Migration period*. Miami.

REFERENCES

- Antipina, K.I. 1962: *Osobennosti material'noi kul'tury i prikladnogo iskusstva yuzhnykh kirgizov. Po materialam, sobrannym v yuzhnoi chasti Oshskoi oblasti Kirgizskoy SSR* [Features of the Material Culture and Applied Arts of Southern Kyrgyz. Based on Materials Collected in the Southern Part of the Osh Region of the Kirghiz SSR]. Frunze.
- Baipakov, K.M. 2009: *Zapadnoturkskiy i tyurgeshskiy kaganaty: tyurki i sogdiytsy, step' i gorod [Zapadnoturk and Turgesh Kaganates: the Turks and Sogdians, the Steppe and the City]*. *Izv. Nats. AN Resp. Kazakhstan. Seriya obshchestv. nauk [Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences series]* 1 (268), 105–146.
- Baipakov, K.M., Ternovaya, G.A., Goryacheva, V.D. 2007: *Khudozhestvenny metall gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII v.)* [Artistic Metal of the Ancient Settlement Krasnaya Rechka (6th – the Beginning of the 13th Century)]. Almaty.
- Belenitskiy, A.M., Bentovich, I.B., Bol'shakov, O.G. 1973: *Srednevekovyy gorod Sredney Azii [Medieval City of Central Asia]*. Leningrad.

- Erdélyi, I. 1966: *L'art des Avars*. Budapest.
- Fonyakova, N.A. 2009: Sushchestvovalo li khazarskoe iskusstvo: dovody za i protiv [Was there Khazar art: the Pros and Cons]. In: R.R. Sultanova (ed.), *Iskusstvo tyurkskogo mira*. Vyp. 1. *Istoki i evoliutsiya khudozhestvennoy kul'tury tyurkskikh narodov: materialy konferencii* [The art of the Turkic world. Issue 1. *Origins and Evolution of the Artistic Culture of the Turkic Peoples: Conference Materials*]. Kazan, 124–132.
- Goryacheva, V.D. 2010: *Gorodskaya kul'tura tyurkskikh kaganatov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII v.)* [Urban Culture of the Turkic Kaganates in the Tien Shan (Middle 6th – Beginning of the 13th Century)]. Bishkek.
- Ivanov, S.V., Makhova, E.I. 1968: Khudozhestvennaya obrabotka metalla [Artistic Metal Working]. In.: S.V. Ivanov, E.I. Makhova (eds.), *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kirgizov* [Folk Arts and Crafts of Kyrgyz]. Moscow, 96–122.
- Kamyshev, A.M. 2012: Kyrgyzstan [Kyrgyzstan]. In: Sh. Pidaev (ed.), *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaidzhana IX–XV vekov*. Vol. III: *Torevtika* [Art Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th Centuries. T. III: Toreutics]. Samarkand–Tashkent, 97–122.
- Karmysheva, B.Kh. 2009: *Karateginskie kirgizy* [The Kirgiz of Karategin]. Moscow.
- Kocheshkov, N.V. 1979: *Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX veka* [Decorative Art of Mongolian-speaking Peoples of the 19th – the Middle of the 20th Century]. Moscow.
- Konovalov, A.A., Eniosova, N.V., Mitoyan, R.A., Saracheva, T.G. 2008: *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya* [Non-ferrous and Precious Metals and their Alloys in the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages]. Moscow.
- Kon'kova, L.V., Korol', G.G. 1999: Kochevoy mir: razvitiye tekhnologii i dekora (khudozhestvennyy metall) [Nomadic World: Development of Technology and Decor (Artistic Metal)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review] 2, 56–68.
- Korol', G.G. 2008: Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [The Art of Medieval Eurasian Nomads. Essays]. *Trudy SAIPI* [Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers] V. Moscow–Kemerovo.
- Korol', G.G. 2015: Kul'turnye vliyaniya v Tsentral'noy Azii i na sopredel'nykh territoriyakh rubezha I–II tys. n.e. (po materialam torevtiki malykh form) [Cultural Influences in Central Asia and Adjacent Territories at the Turn of the 1st–2nd Millennia AD (on Materials of Small Toreutics)]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology] 4, 64–77.
- Korol', G.G., Kon'kova, L.V. 2007: Proizvodstvo i rasprostranenie rannesrednevekovoy torevtiki malykh form v Tsentral'noy Azii [Production and Distribution of Early Medieval Toreutics of Small Forms in Central Asia]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology] 2, 25–32.
- László, G. 1944: *A honfoglaló magyar nép élete*. Budapest.
- László, G. 1972: *L'art des Nomades*. Paris.
- László, G. 1974: *The Art of the Migration period*. Miami.
- Murasheva, V.V. 2000: *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniya (X–XIII vv.)* [Old Russian Belt Set Decorations (10th–13th cc.)]. Moscow.
- Nedashkovskiy, A.F. 2010: *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga* [The Golden Horde Cities of the Low Volga Region and their Periphery]. Moscow.
- Nedashkovskiy, L.F. 2014: Struktura i vnutrennie svyazi okrugi zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya [Structure and Internal Relations of the Region of the Golden Horde Cities of the Lower Volga Region]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology] 2, 48–61.
- Pavlinskaya, L.R. 1988: Nekotorye voprosy tekhniki i tekhnologii khudozhestvennoy obrabotki metallov [Some Issues of Technology and Technology of Artistic Metalworking]. In: Ch.M.

- Taksami (ed.), *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri* [Material and Spiritual Culture of the Peoples of Siberia]. Leningrad, 71–85.
- Pirkulieva, A. 1973: *Domashnie promysly i remesla turkmen doliny Srednei Amudar'i vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Domestic Handicrafts and Crafts of Turkmen of the Middle Amudarya Valley in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Ashgabat.
- Polyakova, G.F. 1996: *Izdeliya iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov* [Products from Non-Ferrous and Precious Metals]. In: G.A. Fedorov-Davydov (ed.), *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov* [City of Bolgar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, Foundrymen]. Kazan, 154–268.
- Raspopova, V.I. 1980: *Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda* [Metal Products of the Early Medieval Sogd]. Leningrad.
- Raspopova, V.I. 1999: *Metallicheskie izdeliya iz Pendzhikenta* [Metal Products from Penjikent]. Saint-Petersburg.
- Rumyantseva, O.S. 2016: Ukrasheniya s polikhromnymi emalyami iz Bryanskogo klada: tekhnika izgotovleniya i “avtorstvo” [Ornaments with Polychrome Enamels from the Bryansk Hoard: the Technique and “Authorship”]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology] 4, 16–29.
- Savinov, D.G. (ed.) 2006: *Proizvodstvennye tsentry: istochniki, “dorogi”, areal rasprostraneniya: materialy konferencii* [Production Centers: Sources, “Roads”, Distribution area: Conference Materials]. Saint-Petersburg.
- Sukhareva, O.A. 1962: *Pozdnefeodal'nyy gorod Bukhara kontsa XIX – nachala XX veka. Remeslennaya promyshlennost'* [The Late Feudal City of Bukhara of the Late 19th – early 20th Century. Handicraft Industry]. Tashkent.
- Sukhareva, O.A. 1966: *Bukhara. XIX–XX vv. (Pozdnefeodal'nyy gorod i ego naselenie)* [Bukhara. 19th – 20th cc. (Late Feudal City and its Population)]. Moscow.
- Sukhareva, O.A. 1970: K voprosu o lit'e metallov v Sredney Azii [On the Casting of Metals in Central Asia]. In: N.A. Kisliakov (ed.), *Zaniatiya i byt narodov Sredney Azii* [Occupations and Life of the Peoples of Central Asia]. Leningrad, 147–167.
- Sulaymanov, E. 1980: Kirgizskaya traditsionnaya metalloobrabotka i ee etnograficheskie paraleli [Kyrgyz Traditional Metalworking and its Ethnographic Parallels]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography], 2, 92–102.
- Sulaymanov, E. 1982: *Traditsii obrabotki metallov u kirgizov* [Traditions of Processing Metals Among the Kyrgyz]. Frunze.
- Torgoev, A.I. 2011: *Remennye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII v. (voprosy khronologii): avtoref. dis. kand. ist. Nauk* [Belt Decorations of the Semirech'e of the 5th – the Beginning of the 13th Century. (Questions of Chronology)]. Saint-Petersburg.
- Vainshtein, S.I. 1974: *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [The History of Folk Art of Tuva]. Moscow.
- Vedutova, L.M., Kurimoto, Sh. 2014: *Paradigma rannesrednevekovoy tyurkskoy kul'tury: gorodishche Ak-Beshim* [Paradigm of the Early Medieval Turkic Culture: Ancient Settlement Ak-Beshim]. Bishkek.

ISSUES OF METALWORKING OF THE NOMADIC PEOPLES
OF CENTRAL ASIA (EARLY MIDDLE AGES AND ETHNOGRAPHIC TIME)

Galina G. Korol'^{*}, Ol'ga B. Naumova^{**}

^{*} *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,
ggkorol08@rambler.ru*

^{**} *N.N. Mikloukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia,
olganaumova@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problems concerning the mass distribution of small-format toreutics (belt set) among nomads of Central Asia during the rise of the Kyrgyz Khaganate at the end of the 1st millennium AD: sources of raw materials, organization of manufacture, sale and distribution of products. Archaeological material from other regions and chronological periods, for example from the Volga region of the Golden Horde time, shows that such a manufacture existed in sedentary settlements that were in close contact with the nomadic district. Model of production and distribution of small-format toreutics in the Sayan-Altai suggests that the mass demand could be provided by craftsmen who came from urban centers of Central Asia with a developed tradition of craftsmanship. A similar in style toreutics came from the settlements of the Semirechye, in particular the Krasnorechensky Fortified Settlement. Unfortunately, it has not been studied enough to judge the metalworking workshops, their profile and the possible organization in the urban space. Thus, the question of the centers of early medieval metal production that supplied the belt set to the nomads of Sayan-Altai remains open.

Ethnographic data on metalworking by the nomadic peoples and sedentary population of Central Asia indicate different variants of the organization of production: in urban centers, supplying nomadic districts of such cities: in separate small workshops of the nomads themselves, who worked mostly by order. The model of the medieval system for organizing the production and distribution of cast metal art objects reconstructed on archaeological data does not contradict the data of ethnography in basic positions, but it can be confirmed only by reliable archaeological evidence of such production.

Key words: toreutics of small forms, processing of metals, organization of production, market of products, early Middle Ages, ethnographic time, nomads, Central Asia

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 69–76
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 69–76
© Автор(ы) 2017

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ХУННУ В МОНГОЛИИ

С.Г. Боталов, О. Баттулга

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск,
grig@csc.ac.ru, chenlygutu88@yahoo.com

Аннотация. В статье впервые предпринимается попытка систематизации и периодизации археологических исследований поселенческих памятников хунну в Монголии. Авторы статьи выделяют четыре этапа в почти столетних исследований монгольских поселенческих комплексов. Первый этап (20-е гг. XX в.) явился периодом первичных обнаружений поселений и городищ и сбора подъемного материала. На втором этапе (50–60-е гг. XX в.) были проведены раскопки на поселении Бороо и городищах Гуа-дов, Баянбулак. В результате чего получены не только первые данные по архитектуре, но и произведено более точное датирование этих объектов. На третьем этапе, начиная с 90-х гг. XX в., продолжается активное исследование поселенческих памятников хунну на современном научно-методическом уровне, позволяющем выявить не только иерархию хуннских памятников по площади, архитектурным особенностям и мощности культурного слоя, но и более точную локальную хронологию в пределах ханьской эпохи. Наличие значительного числа оседлых поселенческих комплексов, выявленных и исследованных, позволяет по особому взглянуть на культурно-хозяйственный и политический облик общества монгольских хунну в период существования их кочевой империи.

Ключевые слова: поселение, городище, хунну, Монголия

Введение

Исследователям памятников хунну хорошо известны результаты изучений поселенческих комплексов на территории Российского Забайкалья, к которым относятся поселения Баян-Ундар, Нижний Мангирт, Дурэн и, конечно, общеизвестное Иволгинское городище, длительное время исследуемое А.В. Давыдовой¹. Однако менее известны результаты исследований 12 хуннских поселенческих памятников в Монголии: поселения Тэрэлжин дурвулжин, Гуа-дов, Бурхин дурвулжин, Ундар дов, Бороо и городища Баянбулак, Барун-дуругин, Цэнхэрин-голын, Шувутайн-голын, Сантын-ширэтин, Хэрэмт-талын, Мангасын-хурэ. Данная статья посвящена историографическому анализу результатов этих исследований.

Боталов Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор ИМО Южно-Уральского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Баттулга Очир – аспирант кафедры профессиональных коммуникаций института международного образования ЮУрГУ.

¹ Давыдова, 1985.

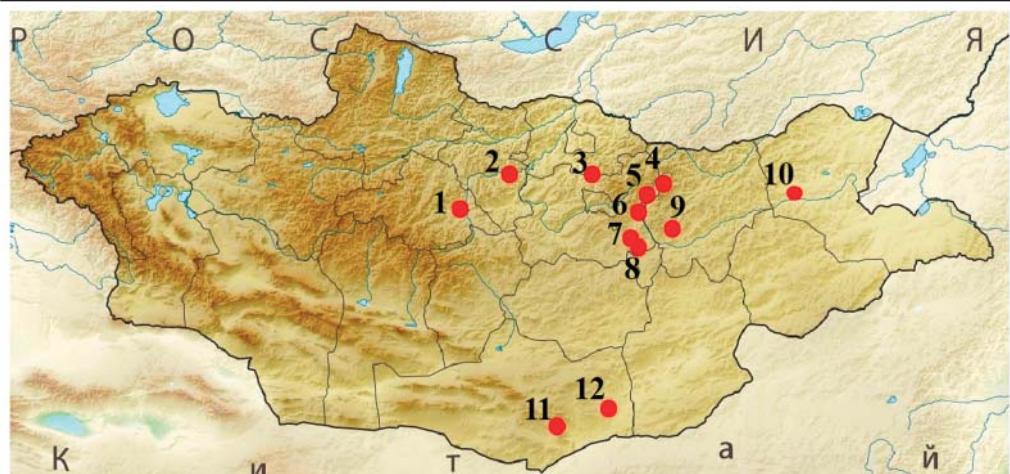

Рис. 1. Расположение поселенических памятников хунну Монголии.

1 – городище Хэрэмт талын, 2 – городище Шувутайн голын, 3 – поселение Бороо, 4 – городище Тэрэлжийн дурвулжин, 5 – городище Бүрхийн дурвулжин, 6 – городище Гуа дов, 7 – городище Ундр дов, 8 – городище Сантын ширэтийн, 9 – городище Цэнхэрийн голын, 10 – городище Барун дуругийн, 11 – городище Баянбулац, 12 – городище Мангасын-хурээ

Поселенческие памятники хунну Монголии занимают особое место в хунну-ведении. В целом история исследований хуннских поселений и городищ можно разбить на три этапа: 1-ый – 1920-е гг.; 2-й – 1950–60-е гг.; 3-й – с 1990-х гг. по наши дни (рис. 1).

1-й этап. Впервые поселенческие памятники хунну были выявлены в конце XIX в. Ю.Д. Талько-Гринцевичем. В 1900 г. он обнаружил поселение Дурэн на левом берегу реки Чекоа, недалеко от города Кяхта². Исследования хуннских поселений в Монголии начались в 1925 г. Б.Я. Владимирцовым и исследователем Бараадын Базаром. Ими было обнаружено городище Тэрэлжийн дурвулжин в левобережной долине реки Тэрэлж (Тэрэлжинский квадрат). Городище получило название Хасар-балгас Чингис-хан³ (Хасар крепость Чингисхана). На ее территории были проведены эпизодические раскопки и детальное визуальное обследование. Размеры крепостного вала составили 235 × 235 м, ширина от 10 до 15 м и высота около 0,5–0,8 м. Снаружи читался ров шириной 3–6 м и глубиной 0,7 м⁴.

В этот период ими также было раскопано поселение около озера Гун (Ундрдово), Баяндэлгэр сомона Центрального аймака⁵. В 1949 г. российский ученый В.С. Киселев впервые выдвинул гипотезу о принадлежности Тэрэлжинского квадрата к эпохе хунну⁶.

2-й этап. В 1950-е гг. начинается новый этап исследований хуннских поселений. Так, в 1952 г. Х. Пэрлээ были исследованы и проведены раскопки на городище Гуа-дов в районе Хэрлэнгийн-цагаан-арал долины реки Хэрлэн (рис. 2, 3).

² Талько-Гринцевич 1999, 63–71.

³ Наваан 1961, 27.

⁴ Пэрлээ 1961, 32.

⁵ Наваан 1961, 27.

⁶ Киселев 1951, 466.

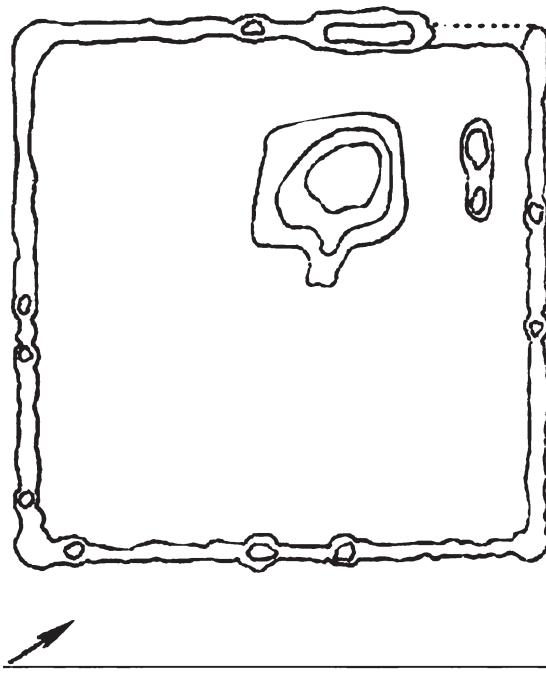

Рис. 2. План городища Гуа-дов поселение (Пэрлээ 1961)

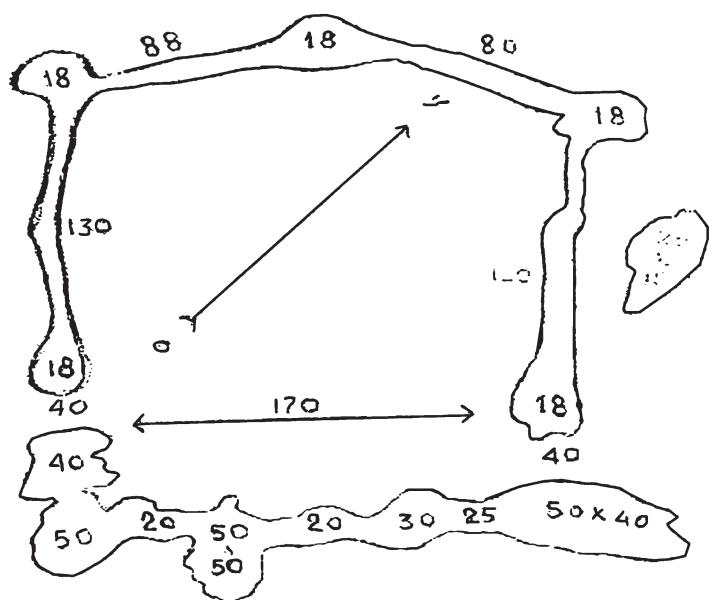

Рис. 3. План городища Баянбулак (Пэрлээ 1961)

Нялга сомона Центрального аймака впервые было обнаружено в 1920 г. директором монгольского института археологии О. Жамъяном⁷ и определено, что этот памятник связан с хунну⁸. Поселение Гую-дов было защищено земляным валом прямоугольной формы, северная и южная сторона которого имела длину 367 м, западный и восточный валы – 360 м. Высота нынешних остатков вала 50–70 см и ширина 3,5 м, на южной и северной сторонах находились ворота. Обнаружены остатки более десяти построек, одна из которых была расположена в центре, а остальные ближе к стенам крепости. Основание центрального здания было тщательно утрамбовано. Для постройки городских стен столбы устанавливались на мраморные опоры, а пространство между ними заполнялось глиной (китайская техника «хан-ту»). В ходе раскопок обнаружены кирпичи прямоугольной и квадратной формы, фрагменты черепицы, жертвенный стол, облицованный квадратными плитками⁹. Также Х. Пэрлээ были изучены городища Тэрэлжийн-дурвуужин и Бурхийн-дурвуужин в долине реки Бурх, Мунгунморытского сомона Центрального аймака. Определено, что эти памятники того же периода, что и Гудов¹⁰. В 1952 г. Х. Пэрлээ, в ходе разведки древних памятников в Убурхангайском и Южно-гобийском аймаке, было открыто городище Баянбулак в Номгон сомоне Южно-гобийского аймака. Здесь обнаружены обломки керамики хунну, бронзовые наконечники стрел с железными черенками, монеты у-шу времен правления династии Хань, различные бронзовые изделия. Эти артефакты также были отнесены к хуннскому времени¹¹.

В 1954 г. Х. Пэрлээ были обнаружены крепость Шувутайн-голын в Бурэгхангай сомоне, Булган аймака¹², крепость Цэнхэрин-голын, крепость Дэлгэрхан сомона Хэнтийского аймака¹³ и укрепленное городище Барун-дуругийн в долине Хэрлэн Цаган-ово сомона Восточного аймака¹⁴. В Барун-дуругийн найдены остатки строительных материалов, керамика, уголь, остатки дерева¹⁵. По своей архитектуре это городище сходно с памятником Тэрэлжин-дурвуужин. Найдены на этом объекте имели аналогии с Ноин-Улинскими. В этой связи Барун-дуругийн также был отнесен к хуннскому периоду. В 1968 г. Х. Пэрлээ было открыто и исследовано городище Сантын-ширэтин в Баян сомоне Центрального аймака с многочисленными артефактами хуннской эпохи¹⁶.

В 1962 г. монгольский археолог Ц. Доржсурэн открыл поселение Бороо в Цагаанчуулутской паде левобережной долины реки Бороо в Бор-нуур сомоне Центрального аймака, где были найдены остатки черепицы хуннского времени¹⁷.

3-й этап. Этот этап начинается с 90-х гг. прошлого столетия. Необходимо отметить, что в 70-е и 80-е гг. продолжались эпизодические исследования поселен-

⁷ Цэвээндорж, Эрднэбат 2007, 99.

⁸ Пэрлээ 2001; Пэрлээ 1961, 32.

⁹ Цэвээндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг 2002, 162; Пэрлээ 1961, 32.

¹⁰ Пэрлээ 1961, 32.

¹¹ Пэрлээ 2001, 274–276.

¹² Пэрлээ 1961, 37.

¹³ Пэрлээ 1961, 36

¹⁴ Пэрлээ 1961, 33

¹⁵ Пэрлээ 1961, 34.

¹⁶ Пэрлээ 2001, 128.

¹⁷ Доржсурэн 1966, 76.

ческих памятников (городище Баянбулак¹⁸; поселение Бороо¹⁹), однако наиболее масштабные исследования начинаются именно с 90-х гг. Этот период совпадает с деятельностью известного исследователя хуннских древностей Дамдисурэна Цэвээндоржа и работой многочисленных международных, академических и университетских экспедиций Монголии.

Так, в 1990 гг. Д. Цэвээндоржом²⁰, а в 2010–2011 гг. монголо-российской экспедицией (раскопки Д. Эрдэнэбаатара и А.А. Ковалева) были продолжены работы на городище Баянбулак. Было установлено, что большая часть прямоугольного крепостного вала оказалась разрушенной, остались только северная и часть западной стен, которые являются насыпными. Ширина вала колеблется от 10 до 16 метров, длина северной стороны 180 м и западной – около 110 м. Чуть севернее расположены два бугорка высотой около 2 м, возможно, что на них располагались караульные помещения²¹ (рис. 4).

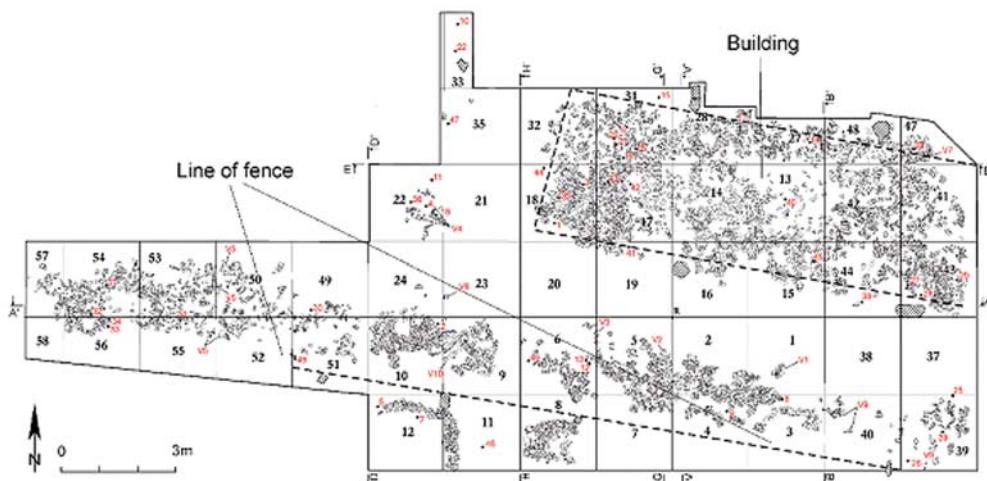

Рис. 4. План раскопа городища Баянбулак (по Ковалеву и др. 2011)

В 1990 г. монголо-венгерской экспедицией на поселении Бороо найдено несколько жилищ (раскопки Д. Цэвээндоржа, И. Эрдели)²². Были проведены раскопки на пяти участках, на которых обнаружены остатки построек, фрагменты керамики, кости домашних животных, обломок каменной плиты для обмолота зерна. Кроме того, здесь найден костяной инструмент для подправки краев глиняной посуды. По всей видимости, это поселение было хозяйственным и ремесленным стационарным центром, что подтверждается остатками керамического производства.

¹⁸ Пэрлээ 2001, 274–276.

¹⁹ Төрбат, Батсүх, Пуса, Рамзайер 2008, 336–343; Төрбат, Батбаяр, Пуса 2009, 7.

²⁰ Цэвээндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг 2002, 163.

²¹ Цэвээндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг 2002, 162; Цэвээндорж, Батсайхан, Төрбат 1994, 77–85. Kovalev, Erdenebaatar, Matrenin, Grebennikov 2011, 475–644.

²² Цэвээндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг 2002, 163.

В 2005, 2007, 2008 гг. монголо-швейцарской экспедицией на этом поселении обнаружены 30 сооружений, черепица, многочисленные бытовые ямы, подвал (погреб) для зерна, кости животных (раскопки Ц. Төрбат, Пуса)²³. Также выявлено, что длина защитного вала по периметру составляет около 100 м и высота 20 см.

В 2001 г. монголо-американской экспедицией под руководством З. Батсайхана и И. Давида было обнаружено и исследовано Хэрэмт-талын – укрепленное поселение в Угин-нур сомона Архангайского аймака. Рядом с ним находилось несколько хуннских кладбищ, что имело решающее значение для датировки этого памятника²⁴.

В 2005 г. сотрудником археологического института Ч. Амартувшин была обнаружена крепость Мангасын-хурээ в пустыне Галбын гоби на территории Ханбогд сомона Южногобийского аймака. Между крепостными стенами и наружным земляным валом обнаружены железные наконечники стрел, чугунный топор и фрагменты керамических изделий. На основании анализов вещевого инвентаря и географического расположения было установлено, что городища Мангасын-хурээ и Баянбулак были сооружены одновременно²⁵.

Заключение

В целом, можно подытожить результаты почти столетних исследований монгольских поселенческих комплексов следующим образом. Первый этап (20-е гг. XX века) явился периодом первичных обнаружений поселений и городищ и сбора подъемного материала. На втором этапе (50–60-е гг. XX в.) были проведены раскопки на поселении Бороо и городищ Гуа-дов, Баянбулак, в результате чего получены не только первые данные по архитектуре, но и произведено более точное датирование этих объектов. На третьем этапе, начиная с 90-х гг. XX в., продолжается исследование поселенческих памятников хунну на современном научно-методическом уровне, позволяющем выявить не только иерархию хуннских памятников по площади, архитектурным особенностям и мощности культурного слоя, но и более точную локальную хронологию в пределах ханьской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Амартувшин, Ч., Гантулга, Ж., Гарамжав, Д. 2009: Мангасын хүрэээ хэмээх нэгэн шороон хэргийн тухай. *Acta historica* 10, 36–38.
- Батсайхан, З., Баатарбилэг, Ё. 2002: Архангай аймгийн Өгийннуур сумын нутагт шинээр олдсон гурван хэрэм. *МУИС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг* 187 (13), 36–38.
- Давыдова, А.В. 1985: *Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник Хунну и в Забайкалье*. Л.
- Доржсурэн, Ц. 1966: Хуннугийн шинэ суурин. *ШУА-ийн мэдээ* 4, 76–80.
- Киселев, С.В. 1951: *Древняя история Южной Сибири*. М.
- Наваан, Д. 1961: *Өвгөн Дэндэвийн дурдатгал*. Улаанбаатар.
- Пэрлээ, Х. 1961: *Монгол ард улсын эрт дундад үеийн хот суурины товчоон*. Улаанбаатар.

²³ Төрбат, Батсүх, Пуса, Рамзайер 2008, 336–343; Төрбат, Батбаяр, Пуса 2009, 7.

²⁴ Батсайхан, Баатарбилэг 2002, 37.

²⁵ Амартувшин, Гантулга, Гарамжав 2009, 38.

- Пэрлээ, Х. 2001: Өвөрхангай, Өмнөговь аймгуудын говь талын нутгаар эртний хайгуул судалгаа хийснэ нь. В кн.: Д. Цэвээндорж (ред.), Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүд. Улаанбаатар, 274–281.
- Пэрлээ, Х. 2001: Хүн нарын гурван хэрмийн үлдэц. В кн.: Д. Цэвээндорж (ред.), Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүд. Улаанбаатар, 78–85.
- Пэрлээ, Х. 2001: Монголын эртний археологийн материал олдсоор байна. В кн.: Д. Цэвээндорж (ред.), Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүд. Улаанбаатар, 128–137.
- Талько-Грынцевич, Ю.Д. 1999: Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. В сб. С.С. Меняев (ред.), *Археологические памятники*. СПб., 63–71.
- Турбат, Ц., Батсух, Д., Пуса, Н., Рамзайер, Д. 2008: Хуннугийн үеийн бороогийн сууринд хийсэн судалгаа. В сб.: Д. Цэвээндорж (ред.), *Талын их эзэнт гурэн*. Улаанбаатар, 336–343.
- Турбат, Ц., Батбаяр, Т., Пуса, Н. 2009: Хуннугийн үеийн бороогийн суурингийн серамалогийн судалгаа. *Acta historica* 6, 5–14.
- Цэвээндорж, Д., Батсайхан, З., Турбат, Ц. 1994: Сюннугийн хот суурины асуудалд. *ШУА мэдээ* 3-4, 77–85.
- Цэвээндорж, Д., Баяр, Д., Цэрэндагва, Я., Очирхуяг, Ц. 2002: *Монголын археологи*. Улаанбаатар.
- Цэвээндорж, Д., Эрдэнэбат, У. 2007: *Монголын археологийн шинжслэх ухаан*. Улаанбаатар.
- Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D., Matrenin, S.S., Grebennikov, I.I. 2011: The Shouxiangcheng fortress of the western Han period – excavation at Baian bulag, Nomgon sum, Omnogovi aimag, Mongolia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (red.), *Xiongnu archaeology*. Bonn, 475–644.

REFERENCES

- Amartuvshin, Ch., Gantulga, Zh., Garamzhav, D. 2009: Mangasyn hyrjejeje hjemjejeh njegjen shoroon hjermijn tuhaj. *Acta historica* 10, 36–38.
- Batsajhan, Z., Baatarbiljeg, Jo. 2002: Arhangaj ajmgijn Өгижнүүр сумын nutagt shinjejer oldson gurvan hjerjem. *MUJS-ijn jerdjem shinzhilgjejenij bichig* 187 (13), 36–38.
- Davydova, A.V. 1985: *Ivolginskiy kompleks (gorodishhe i mogil'nik) – pamyatnik Hunnu i v Zabaykal'e* [*Ivolginsky complex (ancient settlement and burial ground) – a monument to Hunnu and in Transbaikalia*]. Leningrad.
- Dorzhsuryen, C. 1966: Hunnugijn shinje suurin. *ShUA-ijn mjeđeje* 4, 76–80.
- Kiselev, S.V. 1951: *Drevnyaya istoriya Juzhnoy Sibiri* [*Ancient History of Southern Siberia*]. Moscow.
- Navaan, D. 1961: *Өvgөн Djendjevijn durdatgal*. Ulaanbaatar.
- Pjerljeje, H. 1961: *Mongol ard ulsyn jert dundad yeijn hot suuriny tovchoon*. Ulaanbaatar.
- Pjerljeje, H. 2001: Өвөрхангай, Өмнөговь аймгуудын говь талын нутгаар jertnij hajguul судалгаа hjisnje n'. In: D. Cjevjejendorzh (red.), *Jerdjem shinzhilgjejenij ogyyillyyd*. Улаанбаатар, 274–281.
- Pjerljeje, H. 2001: Hyn naryn gurvan hjermijn yldjec. In: D. Cjevjejendorzh (red.), *Jerdjem shinzhilgjejenij ogyyillyyd*. Улаанбаатар, 78–85.
- Pjerljeje, H. 2001: Mongolyn jertnij arheologijn material oldsoor bajna. In: D. Cjevjejendorzh (red.), *Jerdjem shinzhilgjejenij ogyyillyyd*. Улаанбаатар, 128–137.
- Tal'ko-Gryncevich, Ju. D. 1999: Materialy k poleoyetnologii Zabaykal'ya [Materials for Palaeoethnology of Transbaikalia]. In: S.S. Menyev (red.), *Arheologicheskie pamyatniki [Archaeological monuments]*. SPb., 63–71.
- Turbat, C., Batsuh, D., Pusa, N., Ramzajer, D. 2008: *Hunnugijn ueijn boroogijn suurind hajsjen sudalgaas*. In: D. Cjevjejendorzh (red.), *Talyn ih jezjent gyrjen*. Улаанбаатар, 336–343.

-
- Turbat, C., Batbajar, T., Pusa, N. 2009: Hunnugijn yeijn boroogijn suuringijn seramalogijn su-dalgaa. *Acta historica* 6, 5–14.
- Cjevjejendorzh, D., Batsajhan, Z., Turbat, C. 1994: Sjunnugijn hot suuriny asuudald. *ShUA mjeđeje* 3-4, 77–85.
- Cjevjejendorzh, D., Bajar, D., Cjerjendagva, Ja., Ochirhujag, C. 2002: *Mongolyn arheologi*. Ulaanbaatar.
- Cjevjejendorzh, D., Jerdjenjebat, U. 2007: *Mongolyn arheologijn shinzhljeh uhaan*. Ulaanbaatar.
- Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D., Matrenin, S.S., Grebennikov, I.I. 2011: The Shouxiangcheng fortress of the western Han period – excavation at Baian bulag, Nomgon sum, Omnogovi aimag, Mongolia. In: U. Brosseider, B.K. Miller (red.), *Xiongnu archaeology*. Bonn, 475–644.

THE HISTORY OF THE STUDY OF THE SETTLEMENTS OF THE XIONGNU IN MONGOLIA

Sergey G. Botalov, Ochil Battulga

*South Ural State University, Russia,
grig@csc.ac.ru, chenlygutu88@yahoo.com*

Abstract. The article considers the first systematization of the archaeological material researches of the Xiongnu monuments in Mongolia. We trace the investigation history from the 1920s to the present.

In general, nearly hundred-year research results for Mongolian settlements can be summarized in the following way. The first stage (1920s) revealed the first fortified and unfortified settlements and collected field research materials. During the second stage (1950s-1960s) they arranged the excavations on sites of the unfortified settlement of Boroo and fortified settlement of Gua-dov, Bayanbulak. After that first architectural data were gained, as well as finer age determination of these objects performed. The third stage (1990s to the present) continues energetic Xiongnu settlement researches using modern scientific methods. These researches allow to gradate Xiongnu monuments along the surface, architectural peculiarities and cultural layer capacity, together with the new local chronology estimation within the Han period.

Besides, such a prominent number of nonmigratory settlement complexes revealed and investigated for today allows a new view on the cultural, economic and political shape of the Mongolian Xiongnu society during their nomadic empire.

Key words: settlement, hillfort, hunnu, Mongolia

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 77–88
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 77–88
©Автор(ы) 2017

THE KEY ASPECTS OF STATEHOOD REINFORCEMENT IN TURKEY AND SYRIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY. THE FIRST BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE COUNTRIES

S.N. Kulueva

*Kazan Federal University, Kazan,
sabina_cool@mail.ru*

Abstract. After the breakdown of the Ottoman Empire and the end of World War I, the Middle Eastern region was waiting for its fate to be decided. Newborn countries were ethnically and religiously diverse and this fact became an obstacle on the way of acquiring political sovereignty, consolidating the new regime's grip in power and ensuring interstate stability. Nevertheless, Turkey and Syria were the first countries to secure sustainable development of a state. This article analyzes the factors that enabled aforementioned countries to become leading regional actors. Each factor is based on the analysis of both internal and external political events. In addition, the author compares similar aspects. Moreover, this piece of work investigates the peculiarities of Hatay issue which is regarded to be a starting point of bilateral relations. Evolution of this issue and viewpoints of Syria and Turkey is presented in the article. There is a conclusion devoted to the modern state of the question and an attempt to forecast its future.

Key words: Turkey, Syria, Alexandretta, Mustafa Kemal Ataturk, Hafez Assad

The Middle East since the beginning of the 20th century has been considered as an unstable region. A lot of issues which at first phase used to be interstate became international, so that different countries and various organizations are involved into the process of finding a compromise. At present this region is associated with enduring

---

Kulueva Sabina – postgraduate student at Institute of Foreign Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University.

Arab-Israeli conflict, Kurdish issue, Arab spring and ISIS. Among regional countries Turkey is considered to be one of several key players. Syria is another one. What made Turkey and Syria stronger than other countries? What were first relations between these two countries in the beginning of the 20th century? These are the questions this piece of work is going to deal with.

Modern Turkey Republic was moulded during national liberty war and Lausanne conference. The state was able to sustain Thrace, vast territories on the west and east of Asia Minor. The Republic's strength is built on different factors. First of all, the strength of Turkish people to fight for their country. It is acknowledged that at that period of time Ottoman Empire was experiencing serious economic problems and strong states of the time labelled the country "Sick man of Europe". The World War I was coincident with internal problems. Different attempts to pursue reforms were made starting on the reign of Mahmud II and some of them like ending Janissaries which constituted a barrier for progress were successful. Nevertheless, as time passed "voices began to be heard demanding a constitution as a guarantee that reforms would really be carried out and become effective"¹. The reforms to be introduced proved to be late in such a multinational and multi-sect country. As a result non-Turkic peoples started to demand autonomy and these voices were heard and supported by the powers that be. All in all, the people of Anatolia faced a hard task and turned into "a pillar of the Empire"². Secondly, another source of power lied in the very regime installed in an independent state of Turks and active policy of modernization. Mustafa Kemal Ataturk, the first president of the new country along Grand National Assembly of Turkey³ adopted a new internal policy – policy of rejecting Ottoman heritage and embracing alien way of life. The steps taken by new government as a response for West's attempts to turn Middle East into spheres of influence were the bright example of kemalism. The term used by Samuel Huntington in order to describe the process of embracing both modernization and Westernization. So, according to the scholar "this response is based on the assumptions that modernization is desirable and necessary, that the indigenous culture is incompatible with modernization and must be abandoned or abolished, and that society must fully Westernize in order to successfully modernize"⁴. It would be relevant to mention some important tasks of this internal policy. By abandoning Ottoman language the government turned the population of the new born state into illiterate masses. But the actual purpose was not merely to substitute the old language with a new one, containing vocabulary mainly Turkic origin. In the first years of long-awaited independence people were ready to obey their savior. The bright example of active propaganda is that "the Turkish Historical Society, founded in 1925, publicized the notion that the Turks were one of the world's preeminent peoples before their association with Islam and the Ottoman Empire. The Turkish nationalist interpretation of history was joined to some rather extreme theories of linguistic nationalism, one of which, the sun letter theory, propounded the idea that Turkish was the first spoken language of the human race"⁵. Everything had to remind people the imperial past which made them suffer intervention, lose

---

¹ Price 1956, 75.

² Price 1956, 75.

³ Великое национальное собрание Турции.

⁴ Huntington 1997, 109.

⁵ Cleveland 2009, 182.

their sons during The First World War and if it was not the power came within people, they even could have been dispossessed of their motherland. Consequently, the true goal was to produce collision of past with future and make people to support the changes and follow the regime. Thirdly, Turkey's position in the World War II, which was the continuation of Ataturk's foreign policy designed to establish friendly terms with all countries. Here it would be appropriate to recall his legendary phrase "Peace at Home, Peace in the World"⁶. The history shows that the position of the state was the smartest decision taken by the government because Ankara was able to defend recently acquired independence. Despite staying neutral Turkey used to trade with both sides. For instance, it was known that the state was trading in chrome to Germany – vital element of machinery manufacturing. Nevertheless, the Republic was able to get it a place in League of Nations by joining the war in February of 1945. Finally, the last factor is connected with post-war order in the world. Afraid of Soviet demands regarding the Straits and southern territories, Turkey was forced to join the West during the bipolar world. However both sides were in win-win situation. On the one hand, Turkey opened its territory for the US military base called Incirlik in Adana. On the other hand, Turkey received military aid grant of 100 mln dollar according to Truman Doctrine which "was announced as a plan to beat back Communism in Greece and Turkey with economic and military aid"⁷ as reported in Daytona Beach Morning Journal. Yet, one-sided foreign policy did start have its negative outcomes. In order to develop national economics the government had to decrease the role of statism principle in economics, which meant increasing the engagement of private sector. Hence new trading areas were required; the neighbour Middle Eastern countries seemed to stand a good chance. So, since the 1960s the economy starts to shift the foreign policy and as a result Ankara launches an export-led policy. One of bright examples of it is mass movement of Turkish workers to Germany. According to David Conradt and Eric Langenbacher that "Turks are by far the largest minority group, with 2,5 to 4 million residents of Germany today having full or partly Turkish ancestry"⁸. Speaking of Turkish case, those days it was common in the Middle East to migrate to another country to find a job but there were some differences. Above all, Turks' migrations began a bit earlier than Arabs' because oil prices explode just after 1973 war. Furthermore, Turks were sent as a help to reduce the shortage of German workers in different industrial areas in conformity with Turkish-German agreement signed in 1961 whereas Arab workers' scenario was quite different one. "Massive labor migration took place from poor to rich states, which acquired manpower for their ambitious oil financed development while worker remittances flowed back to stimulate the economies of the labor-exporting states. From 1970 to 1980 the number of Arabs working in other Arab countries had swelled from 648,000 to nearly 4 million"⁹. Concerning Middle Eastern neighbors, one can be said for sure: Turkey's first treaties proving intent to improve relations and enhance the economy were signed with Iraq. The content of Turkey's Official Gazette¹⁰ for 1960s illustrates three Turkish-Iraqi agreements. The first agreement signed in 1965 was replacing previous Treaty of Commerce signed in

⁶ n. Yurtta sulh, cihanda sulh.

⁷ Daytona Beach Morning Journal 1948, 3.

⁸ David, Langenbacher 2013, 114–115.

⁹ Hinnesbusch 2003, 46.

¹⁰ n. Официальная газета Турции называется Resmi Gazete.

1932. So, in accordance with the updated version of the treaty its aim was desire to promote and expand trade relations between respective countries. Two lists called A and B are given in the text of the document. The analysis of these lists demonstrates that Iraq was primarily exporting the oil derivatives. On the one hand, kerosene, gas oil and fuel oil were the main export items for Iraq. On the other hand, Turkey's oil and gas resources were not enough to provide itself. Consequently, it was a win-win situation. Turkish party was exporting various agricultural and secondary products, such as window glass, centrifugal pumps, wood-working and cotton ginning machinery, sewing machines¹¹. Investigation of these lists may give the clue about the countries' economy. The second agreement was signed in 1966 and provides the terms of lifting visa requirements. Turkey showed the initiative justifying the need to ease the trips between two countries¹². The final treaty signed in the same year like the second one was focused on promoting tourism and increasing touristic exchanges between two states as well as attracting tourists from the other countries. In order to achieve the goals parties agreed to establish a special joint committee. Agreement which comprises eleven articles gives details about the committee: members, sessions' regularities and topics for discussion. Two parties decided to make English as the working language of the committee¹³. All previously mentioned agreements even if this piece of work presented peculiarities of Turkish-Iraqi bilateral relations indicate the attempts made by Turkish party to diversify its foreign policy. During 60s various treaties were signed with other Middle Eastern countries, such as Iran, Saudi Arabia and Syria. Gradual evolution of foreign policy of Turkey may be summarized as follows. Firstly, newborn country knew where to stop even if it was able to withdraw foreign invaders. Secondly, Ankara with great cautiousness made France and the United Kingdom decide Alexandretta matter in its favour. Thirdly, international circumstances made it accompany the West side and it is unknown what side Turkey could have chosen in case Stalin had not brought up the issue of the Straits.

With regard to the Syrian Arabic Republic, another key actor of the region, it is necessary to mention that the majority of the region's countries were not capable of building a strong united state. Despite all attempts of mandate countries, new independent states formed as the result of carving up the Ottoman Empire and they did not at all conform the principles of the Westphalian state-system. Almost all countries of the region are populated by people of different ethnic groups and confessions. The logical question here is what were those secret ingredients of Syrian government which enabled it to become another pivotal actor located in these lands? First and most important issue is the ability of the regime to establish relative peace in the country of such a complicated ethnical and confessional background. The strength of Ba'ath party may easily be explained, for instance, through the biography of Hafez Assad, particularly in the pre-adult period. Later on, when Hafez Assad was holding the position of the president, he used to emphasize the strength of Syrians in their unity. This persistent reminder pur-

¹¹ 31.7.1965 tarihli ve 6/5033 sayılı kararname ile verilen yetkiye dayanılarak, Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Irak Cumhuriyeti Hükümeti arasında (10 Ocak 1932 tarihinde imzalanmış bulunan Ticaret Anlaşmasının yerine kaim olmak üzere) 03.08.1965 tarihinde Bağdat'da imzalanan, ilişik Ticaret Anlaşması.

¹² 8.12.1965 tarihli ve 6/5561 sayılı Kararname ile verilen yetkiye dayanılarak, Türkiye ile Irak arasında pasaport vizesi harçlarının karşılıklı olarak kaldırılması maksadıyla 28 Şubat 1966 tarihinde Bağdat'da mektup teatisi suretiyle akdolunan ilişik anlaşmanın onaylanması.

¹³ Türkiye Cumhuriyeti ile Irak Cumhuriyeti Arasında Turizm Alanında İşbirliğine Dair Anlaşma.

sued two goals. On the one hand, the attention of Syrian population was drawn to common things that everyone wanted, not to things which would stress their uniqueness and split them. On the other hand, Hafez Assad and the ruling elite were afraid of power loss. It was a million-to-one chance when someone of Alawi descent could climb to the highest peak. Frankly speaking, success of Ba'ath in Syria and the same achievements of Republic Peoples Party in Turkey are incomparable since the confessional and ethical aspects are unlike. While Mustafa Kemal Ataturk was the representative of the country's ethnical majority, Hafez Assad was another brilliant person in the party and was holding the position of Defence Minister, but he was not Sunni. So, achieved successes had absolutely different values. Another important factor is Syria's firm attitude towards Arab-Israeli conflict. In comparison with other countries of the region, Syria after The Six Day War turned struggle against Israel into a national idea which along with Ba'ath ideology penetrated to all spheres of the society with a mission to unite the Syrians. This point of view is supported by O. Degtiariova, who stresses out the country's political buildup by saying that "Syria started to play the critical role in Arab-Israeli conflict since 1967 which allowed it to claim regional leadership"¹⁴. Despite unsuccessful attempts of the West to establish democracy in newly created Middle Eastern countries, Hafez Assad was too pragmatic even to try to build new regime based on Western values. He comprehended the incompatibility of Western traditions with Eastern mindset. Distinguished Russian orientalist and historian Igor Diakonoff in his book "The Paths of History" speculates on this issue and expresses his viewpoint saying that "Eastern path of development was typical whereas Western one was different of it. Peculiarity of European path of development is conditioned by ideological traditions which have connections with imperial antiquity. This stage was represented by polis structures, vestiges of polis economy and ideology"¹⁵. Therefore, it is logical to conclude that Hafez Asad conducted internal policy of gradual introducing democracy. The next important ingredient of the country stabilization is well presented in Foreign Affairs: "the key is that Assad has devoted his life to what he sees as the defense of the Arab national cause. That cause, Assad believes, was betrayed by his fellow Arab leaders – from Egypt's Anwar al-Sadat, who made a separate peace with Israel in 1978, to Palestine Liberation Organization (PLO) Chair Yasir Arafat, who agreed to the 1993 Oslo accords, to Jordan's King Hussein, who signed a peace treaty in 1994"¹⁶. Taking into consideration the fact that more than 80% of Syrian population is represented by Arabs, political call for the justice was the wisest start. It is known that Hafez Assad had a strong health and his contemporaries recall his long passionate speeches in which he used to speculate about the need to pool the efforts in fighting against the disunity within Arabs. It would be pertinent here to note the way Hafez Assad dealt with foreign diplomats. "The lengthy exchanges got to the point that one task of the American ambassador was to brief visiting dignitaries before any meeting with President Assad to pace themselves on the constant offerings of coffee, tea and lemonade lest they bruise protocol by interrupting the Syrian leader to ask for a bathroom break. "We dubbed it bladder diplomacy," said Edward P. Djerejian, the American ambassador from 1988 to 1991"¹⁷. In addition to the

¹⁴ Degtiariova 2008, 86.

¹⁵ Diakonoff 2007, 65.

¹⁶ Siegman 2000, 3.

¹⁷ MacFarquhar 2000.

previous example, there is another one confirming Syrian president's unique style of receiving guests. "Mr. Assad was most renowned for lecturing foreigners, even American presidents, about the unfair colonial fragmentation of the Middle East. In case anyone missed the point, his reception hall was dominated by a large painting depicting the Arab armies under Saladin defeating the Crusaders during the battle of Hittin in 1187, a not-so-subtle reminder that he considered present circumstances temporary"¹⁸. The head of Syrian state was a man of his word and the government never had separate meetings with Israel. Ba'ath always was able to find alternative ways of remaining in power. At first the country secured Soviet support. When it was obvious that the USSR was approaching its end, Syria promoted friendship with Iran and during Iraq's invasion and annexation of Kuwait Assad joined coalition. As the result of the last action "funds came pouring in from the coalition partners: the European Community contributed \$200 million to Syria and the Japanese sent a loan of \$500 million. Saudi Arabia, Kuwait, and the other Gulf Cooperation Council states (Bahrain, Qatar, the United Arab Emirates, and Oman) pledged more than \$2 billion. This massive infusion of funds gave Assad and his compatriots much relief from Syria's crushing economic problems"¹⁹. Consequently, the government was smart enough to find different ways of obtaining both financial and military help which was used to stabilize the economic environment. Third last factor is well-coordinated work of the people in power. Hafez Assad was conducting clientelist policy and in accordance with it Alawis were appointed to key positions. In order to eschew Sunni majority's strong discontent with the current Baath regime, he appointed to leading positions members of various ethnic groups. According to Ray Hinesbusch "the top elite remained a cross sectarian coalition. Having taken power through alliances with senior Sunni military officers and party politicos—men such as Abd al-Halim Khaddam, Hikmat al-Shihabi, Naji Jamil, Abdullah al-Ahmar, and Mustafa Tlas, Asad, initially at least, had to share power with them. He took pains not to be identified as leader of an Alawi block in the regime, deliberately co-opted prestigious Sunnis into the party and state machinery, and stood above and balanced between elites of different sectarian backgrounds"²⁰. In the meantime one of most essential reforms was being conducted in the country – education reform. Hafez Asad pursued the same goals as Ataturk did: to form new generation permeated with loyalty to the Ba'ath party and its policy. Nevertheless, the elaborate state policy encountered different obstacles. The major one was called "Muslim Brotherhood". This transnational Sunni organization with its aim to instill Quran and Sunna openly confronted the Ba'ath. Hama Massacre in 1982 was the climax of their conflict. On the one hand, it was a high-profile challenge to the regime. On the other hand, this incident demonstrated the integration of the party and military. All in all, firm policy conducted by Ba'ath party in comparison with first post liberty years characterized with regular coups brought relative peace to the country. "Corrective movement" enabled Hafez Assad to improve relations with other Arab countries, such as Egypt, Saudi Arabia and decrease the role of state sector in economy. Due to these measures the government bound new middle class to the regime and national idea of resistance to Israel was designed to cement the society.

---

¹⁸ MacFarquhar 2000.

¹⁹ Pipes 1991, 22.

²⁰ Hinesbusch 2005, 66.

The previous two paragraphs clearly demonstrated the steady policies conducted by Ankara and Damask. Although their start dates differ and regime types are dissimilar, they have much the same goals. First of all, both regimes encountered the heavy task - to improve the state economy since the population welfare guarantees supporters of the current regime. Turkish Republican People's Party first two decades used to win votes until in 1946 Democratic Party came to power. Nevertheless, the following parties had different programs; all of them were based on principles set at the dawn of Republic. With regard to Syria, the period since 1946 to 1963 was characterized by political instability. Conversely, Ba'ath party was able to achieve balance in the country. Secondly, both states endeavored to dominate in the region. Nonetheless, during Cold War era Turkey and Syria were on friendly terms with contending powers. Their very geostrategic location made them attractive to them and they exploited this opportunity so as the result they acquired superiority in comparison with other Middle Eastern countries.

Considering the fact that Syria achieved independence in 1946 when French troops left the territory, it is logical to count as the starting point of liberal Turkish-Syrian relations since that date. However the agreements made by France in the name of Syria are also considered as the part of Syrian diplomacy. It should be noted that Syria was incorporated to Ottoman Empire since 1517 which means that two countries' common history lasted for four hundred years. Such a long common fate had to generate close religious, cultural, economic bonds between them, but it did fail. The proof is the whole XX century which may be described as one long-lasting period of bilateral tension and the beginning of this difficult period started when France handed Alexandretta sanjak to Turkey.

To begin with, Ataturk's view upon foreign policy of the republic comprised not only defending the sovereignty and establishing equal relations with other countries but both returning back Alexandretta and Mosul. Throughout the 30s Turkey and France made various attempts of deciding the future of these lands. Turkey was eager to see the former Ottoman sanjak within its borders but in order to achieve this task the state had to come up with an elaborate project comprising steps which would enable them to change mind of global powers gradually. It is believed that the first step was taken by signing mutual agreement with France in Ankara in 1921. This treaty comprised 13 articles and was composed in Turkish and French languages. The article 8 is of great importance since it marks the border between two states and the article 7 depicts the establishment of special administrative regime in Alexandretta district which means the French admitted that the territory was inhabited by Turks since they grant Turkish language official recognition²¹. Lausanne conference once again confirmed the boundaries between Syria and Turkey set according to Franco-Turkish agreement. Syrian and Lebanese territories were divided into four independent states such as Aleppo, Damask, Lebanon and Alawi Lattakia as the result of further actions taken by France. When it was announced that Alexandretta would become an autonomous region connected to Aleppo Arab population welcomed this decision. However, non-Arab population consisting of Turks, Armenians and Alawis made attempts to protest. According to M. Fırat and Ö. Kürkçüoğlu "the voices of dissatisfied people were not heard in Turkey since Ankara was busy handling Kurdish riot of Sheyh Said in 1925 and dealing with

²¹ Look: Franco-Turkish agreement signed at Angora on October 20, 1921.

Mosul issue”²². Another treaty between Turkey and France signed in 1926 confirmed the status of Alexandretta district and improved mutual relations. As a consequence, Turks were entitled to establish their own party and “analogue of Republican People’s Party was formed in Alexandretta which was used as the key tool during the annexation process”²³. Proclaiming Iraq’s independence by the UK forced France to take similar steps inasmuch as Arabs started to demand liberty, too. As stated by W. Cleveland and M. Bunton “because Atatürk believed that Alexandretta was a predominantly Turkish region (a disputable assumption), he contested France’s decision to include it as part of a proposed independent Syrian state in 1936”²⁴. In contrary to this point Turkish researcher F. Sönmezoglu notes that “even though the French told lies about it, the Governor of Gaziantep and Chief Constable which visited the very region in April of 1934 were so enthusiastically welcomed that rumours about nearest annexation of the sanjak to Turkey spread”²⁵. Taking into consideration the fact that “at the beginning of the 20th century major Alawi communities numbering 113000–120000 people were concentrated in Latakia and Alexandretta”²⁶ it is easy to imagine the disappointment Alawi authorities felt in 1970s. Alternative version of historical process would mean that Syrian government could have more supporters. Moreover, this statistics prove that Atatürk’s assumption about Alexandretta’s ethnic composition was wrong and the majority of the population was represented by Arabs. Consequently, the article in Syrian Constitution acknowledging the special status of sanjak was another success in Turkey’s “great plan”. Even though the first world war ended with promise not to start the second one, vengeful atmosphere spread in German was bothering both the UK and France. One thing that can be said for sure is that despite choosing neutral position during the World War II Turks turned to advantage the attempts of two hostile sides to bring Ankara on their side. Turkey was attractive due to its unique geopolitics and right to control the Straits in accordance with Montreux Convention of 1936. As if Atatürk was feeling his close death he hastened the sanjak process. Within a couple of years major changes took place in sanjak. Firstly, Hatay’s flag acquired resemblance with Turkish one. Secondly, the sanjak adopted Turkish currency. Thirdly, customs frontier between Alexandretta and Turkey disappeared whereas it appeared with Syria. All of these actions were demonstrating the slow eluding of Syrian right in this land. Therefore it would be true to note that “Alexandretta was turned into pay for joining Anglo-French alliance which finally led to signing Anglo-Franco-Turkish treaty of union October 19 in 1939”²⁷.

From today’s position it can be concluded that an accurate decision has not still been made. In 1998 the bilateral relations between two countries were badly strained due to PKK problem, even Turkish military forces were made ready to start the fighting. It is known, that Turkish party demanded withdrawing PKK from Lebanese territories, terminating their operations and deliver Abdullah Ocalan the leader of PKK. Furthermore, “for good measure, Turkey also wants Syria to renounce its claims on the southern province of Hatay”²⁸. However, the articles of bilateral agreement signed the

²² Fırat, Kürkçüoglu 2002, 281.

²³ Balcı 2013, 47.

²⁴ Cleveland, Button 2009, 184.

²⁵ Sönmezoglu 2011, 383.

²⁶ Pir-Budagova 2015, 6.

²⁷ Shamsutdinov (ed.) 1968, 165.

²⁸ Economist 1998, 44.

same year in Adana embrace nothing vaguely resembling the old territory issue. According to A. Frolov “Syrians still consider Alexandretta lands for keeps”²⁹. A. Suleymanov confirms the same viewpoint adding that “in modern Syrian maps Turkish Hatay is painted the same colour as the whole territory of Syria and the dotted lines indicate the new frontiers”³⁰. Yet there is a small progress there. For instance at the beginning of the 21st century Ministries of Foreign Affairs of both Syria and Turkey started the process of land change since the inclusion of Alexandretta in Turkey landowners after frontier mark lost their lands. This events demonstrates “modern governments’ desire to make another step in regulating this conflict”³¹. Concurrently with last events Turkish Gazeteport reported that “people inhabiting Hatay region even nowadays every 23 July celebrate Hatay incorporation to Syria whereas on the other side of the border Syrians whip up hopes to return the lands”³². What is really curious here is that even the old generation of people who had to move to another country, to leave the motherland, to lose property and become detached from the very relatives are almost does not exist or very few. If people these days dream about reunification which is normal in Syria because the government cannot forget that act, but celebrating it on Turkish side makes to think that this event is passed on from generation to generation. Different viewpoint is presented by V. Akhmedov, the author of the book “Modern Syria: history, politics, and economy”. “Syria may bring up Alexandretta issue after returning Golan Heights and turn it into another national super-task”³³. This perspective explains the reason why Damascus has not still abandoned that idea. Another contradictory moment relates to the meeting of Bashar Asad with Necdet Sezer in 2004 which was quite historical. It is explained by the fact that this visit to Turkey was the first since 1946 when Syria acquired independence. Remarkably, Turkish president was not alone; he brought his whole family which represents deep respect in Eastern culture. Moreover, Syrian president demonstrated readiness for dialogue, so as the result of that meeting different agreements were signed. One of them considered opening trade promotion office in Hatay which was actually equal to admitting the very lands. However in current years Syria is undergoing Civil war and Ankara does not approve Damascus’s way of handling the situation. Syrian interstate conflict did affect bilateral relations and froze many reciprocal projects. All in all, Alexandretta question nowadays remains unsolved.

To sum up, at the beginning of the 20th century the Middle Eastern lands which greater part once used to be the fragment of Ottoman empire encountered challenge of establishing new sovereign states. Mandate system created by League of Nations after World War I was not able to fulfill its main goal – to help new born countries to stand by themselves. The path of state development in the West and in the East differs which was comprehended after a while. Usually these countries faced and continue to peace confessional, territorial and ethnical conflicts. Both Turkey and Syria were more successful at state building than others due to new governments’ internal and external policies. Whereas Turkey’s state development process more accorded with Westphalian system in comparison with Syria, Baathist government turned to other ways. Gradual

²⁹ Frolov 2015, 383.

³⁰ Suleymanov 2015, 6.

³¹ Arutyunyan 2007, 34.

³² Gazeteport 2013.

³³ Akhmedov 2000, 12.

achieving of independence on different levels required solution of post Ottoman issues. Turkey was able to recover faster and along with it Ankara turned into advantage its geographical position during World War I so that Alexandretta was bargained for treaties. Considering the modern situation in Syria it is incorrect to claim that returning back Alexandretta appears on the state agenda. Nevertheless, ordinary people's ongoing hopes for alternative future for these lands lead to different thoughts.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян, А. 2007: Турецко-сирийские отношения в начале XXI века. *AAC* 4, 30–34.
- Ахмедов, В. 2000: Страны, люди, время. Сирия-Турция. Противостояние. *AAC* 1, 12–15.
- Дегтярова, О. 2008: Баасистский режим в Сирии: научные концепции и политическая реальность. *Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории* 11, 85–94.
- Дьяконов, И. 2007: *Пути истории*. М.
- Пир-Будагова, Э.П. 2015: *История Сирии. XX век* М.
- Сулейманов, А.В. 2015: Турецко-сирийские отношения вчера и сегодня. *AAC* 12, 32–38.
- Фролов, А. 2015: Турция-Сирия метаморфозы ближневосточной политики. *Пути к миру и безопасности* 1, 119–132.
- Шамсутдинов А.М. (отв. ред.) 1968: *Новейшая история Турции*. М.
- Balci, A. 2013: *Türkiye Dış politikası. İlkeler, aktörler, uygulamalar*. İstanbul.
- Cleveland, W., Bunton, M. 2009: *A history of the modern Middle East*. Boulder.
- Cleveland, W., Bunton, M. 2009: *A history of the modern Middle East*. Boulder.
- David, C., Langenbacher, E. 2013: *The German Polity*. Maryland.
- Firat, M., Kürkçüoğlu, Ö. 2002: Sancak (Hatay) sorunu. In: B. Oran (ed.), *Türk Dış politikası. Kurtuluş savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. Cilt I. 1919–1980*. İstanbul, 279–291.
- Hinnebusch, R. 2003: *The international politics of the Middle East*. Manchester.
- Hinnebusch, R. 2005: *Syria. Revolution from above*. Taylor & Francis e-Library.
- Huntington, S. 1997: *Clash of civilizations*. New Delhi.
- MacFarquhar, N. 2000: *Hafez al-Assad, who turned Syria into a power in the Middle East, dies at 69*, <http://www.nytimes.com/2000/06/11/world/hafez-al-assad-who-turned-syria-into-a-power-in-the-middle-east-dies-at-69.html?pagewanted=all>
- MacFarquhar, N. 2000: *Hafez al-Assad, who turned Syria into a power in the Middle East, dies at 69*, <http://www.nytimes.com/2000/06/11/world/hafez-al-assad-who-turned-syria-into-a-power-in-the-middle-east-dies-at-69.html?pagewanted=all>
- Pipes, D. 1991: *Damascus courts the West: Syrian politics, 1989–1991*. Washington.
- Price, P. 1956: *History of Turkey. From Empire to Republic*. London.
- Price, P. 1956: *History of Turkey. From Empire to Republic*. London.
- Siege, H. 2000: Being Hafiz Al-Assad. *Foreign Affairs* 3, 2–7.
- Sönmezoglu, F. 2011: *İki savaş sırasında Türk dış politikası*. İstanbul.
- Türkiye Cumhuriyeti ile Irak Cumhuriyeti Arasında Turizm Alanında İşbirliğine Dair Anlaşma, <http://www.resmigazete.gov.tr/main.aspx?home=http://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/12433.pdf&main=http://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/12433.pdf>

REFERENCES

- Ahmedov, V. 2000: Strany, lydi, vremya. Siriya-Turciya. Protivostoyanie [Countries, People, Time. Syria-Turkey. Confrontation]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]* 1, 12–15.

- Arutinyan, A. 2007: Turecko-siriyskie otnosheniya v nachale XXI veka [Turkish-Syrian Relations at the Beginning of the XXI Century]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today] 4, 30–34.
- Balci, A. 2013: *Türkiye Dış politikası. İlkeler, aktörler, uygulamalar*. İstanbul.
- Cleveland, W., Bunton, M. 2009: *A history of the modern Middle East*. Boulder.
- Cleveland, W., Bunton, M. 2009: *A history of the modern Middle East*. Boulder.
- David, C., Langenbacher, E. 2013: *The German Polity*. Maryland.
- Degtyrova, O. 2008: Baasistskiy rezhim v Siri: nauchnye koncepcii i politicheskaya real'nost'. [Ba'ath Regime in Syria: Scientific Concepts and Political Practice]. *Aktual'nye problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii* [Problems of National and World History] 11, 85–94.
- D'yakonov, I. 2007: *Puti istorii* [The Paths of History]. Moscow.
- Fırat, M., Kürkçüoğlu, Ö. 2002: Sancak (Hatay) sorunu. In: B. Oran (ed.), *Türk Dış politikası. Kurtuluş savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. Cilt I. 1919–1980*. İstanbul, 279–291.
- Frolov, A. 2015: Turcia-Siria metamorfozy blizhnevostochnoy politiki [Turkey– Syria: Metamorphoses of Middle Eastern Politics]. *Puti k miru i bezopasnosti* [Pathways to Peace and Security] 1, 119–132.
- Hinnebusch, R. 2003: *The international politics of the Middle East*. Manchester.
- Hinnebusch, R. 2005: *Syria. Revolution from above*. Taylor & Francis e-Library.
- Huntington, S. 1997: *Clash of civilizations*. New Delhi.
- MacFarquhar, N. 2000: *Hafez al-Assad, who turned Syria into a power in the Middle East, dies at 69*, <http://www.nytimes.com/2000/06/11/world/hafez-al-assad-who-turned-syria-into-a-power-in-the-middle-east-dies-at-69.html?pagewanted=all>
- MacFarquhar, N. 2000: *Hafez al-Assad, who turned Syria into a power in the Middle East, dies at 69*, <http://www.nytimes.com/2000/06/11/world/hafez-al-assad-who-turned-syria-into-a-power-in-the-middle-east-dies-at-69.html?pagewanted=all>
- Pipes, D. 1991: *Damascus courts the West: Syrian politics, 1989–1991*. Washington.
- Pir-Budagova, Je.P. 2015: *Istoriya Siri. XX vek* [History of Syria. XX Century]. Moscow.
- Price, P. 1956: *History of Turkey. From Empire to Republic*. London.
- Price, P. 1956: *History of Turkey. From Empire to Republic*. London.
- Shamsutdinov, A.M. (otv. red.) 1968: *Noveyshaya istoriy Turcii* [The newest history of Turkey]. Moscow.
- Siegman, H. 2000: Being Hafiz Al-Assad. *Foreign Affairs* 3, 2–7.
- Sönmezoğlu, F. 2011: *İki savaş sırasında Türk dış politikası*. İstanbul.
- Suleymanov, A.V. 2015: Turecko-siriyskie otnosheniya vchera i segodnya [Turkish-Syrian Relations: Yesterday and Today]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today] 12, 32–38.
- Türkiye Cumhuriyeti ile Irak Cumhuriyeti Arasında Turizm Alanında İşbirliğine Dair Anlaşma, <http://www.resmigazete.gov.tr/main.aspx?home=http://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/12433.pdf&main=http://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/12433.pdf>

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ТУРЦИИ И СИРИИ В НАЧАЛЕ ХХ в. ПЕРВЫЕ ДВУХСТОРОННИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ

Сабина Н. Кулуева

*Казанский федеральный университет, Россия,
sabina_cool@mail.ru*

Аннотация. После распада Османской империи и окончания Первой мировой войны страны Ближнего Востока находились в начале долгого пути укрепления государственности. Этническое и конфессиональное многообразие населений новых государств являлось сдерживающим фактором на пути достижения ими политической автономии, закрепления у власти нового режима и обеспечения внутренней стабильности. Тем не менее, Турции и Сирии удалось быстрее по сравнению с другими странами региона добиться устойчивого развития государства. В данной статье автор рассматривает факторы, благодаря которым вышеупомянутые страны превратились во влиятельных акторов Ближнего Востока. Каждый фактор основывается на анализе как событий внутриполитической жизни государства, так и внешних обстоятельств. Настоящая работа довольно подробно прослеживает судьбу Александреттского санджака, считающегося начальным пунктом двухсторонних отношений. В работе исследуется эволюция данного вопроса, показаны точки зрения сирийской и турецкой сторон. Завершает статью оценка современного состояния территориальной проблемы и попытка спрогнозировать его будущее.

Ключевые слова: Турция, Сирия, Александретта, Мустафа Кемаль Ататюрк, Хафез Асад

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 89–102
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 89–102
© Автор(ы) 2017

САН-ФРАНЦИСКО В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ И МИРОВОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ (XIX – НАЧАЛО XXI вв.)

Л.В. Никитин

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск,
lnd2001nikitin@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе статистических и иных материалов рассматривается история превращения Сан-Франциско из небольшого поселения времен испанской колонизации в один из ведущих финансовых центров США и всего мира. Исследование показывает, что подъему Сан-Франциско способствовал целый комплекс факторов, проявлявшихся на различных исторических этапах. Стремительное развитие города началось с 1840-х – 1850-х гг. после его перехода в юрисдикцию США, а также в условиях развернувшейся тогда ажиотажной золотодобычи на соседних территориях. В последующие десятилетия очень большую роль стали играть транспортные коммуникации: с одной стороны – наличие оживленного тихоокеанского порта, с другой – открытие железнодорожного сообщения с атлантическим побережьем США. На рубеже XIX–XX вв. Сан-Франциско получил дополнительные преимущества вследствие того, что Калифорния оказалась в числе первых штатов, отменивших запреты на создание банковских филиалов. В XX столетии дальнейшему финансовому возвышению Сан-Франциско способствовал чрезвычайно быстрый промышленный и технологический прогресс северо-калифорнийского региона, главным образом, появление знаменитой «Кремниевой долины». Особое внимание в статье уделяется крупнейшим банковским корпорациям города («Bank of America» и «Wells Fargo»), развитие которых было тесно связано с отмеченными факторами. Расчеты, проведенные в длительной серии хронологических точек, показывают, что на разных этапах Сан-Франциско переживал выраженные взлеты и падения, но в любом случае оставался очень важным узлом финансовой деятельности. В заключение делается вывод о том, что успехи Сан-Франциско и других финансовых центров США, ограничивая доминирование Нью-Йорка внутри страны, приносят значительную пользу национальной экономике.

Ключевые слова: США, Калифорния, Сан-Франциско, история банков, конкуренция

Никитин Леонид Витальевич – кандидат исторических наук, доцент ЧГПУ и ЮУрГУ.

*Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление №211 от 16.03.2013 г.),
соглашение № 02.A03.21.0011.*

Введение

К настоящему времени видное место в исторической науке заняли исследования, посвященные изучению роли различных городов в мировой финансовой системе на различных этапах ее эволюции – от средневековья до начала XXI столетия¹. К ним примыкают труды специалистов по экономической географии, позволяющие увидеть соотношение сил между деловыми столицами современного мира². Однако в подавляющем большинстве случаев подобная аналитика ориентирована на изучение конкуренции между Нью-Йорком, Лондоном, Парижем и другими финансовыми метрополиями глобального уровня. Вне поля зрения ученых обычно остаются две сопоставимые по значению темы: аналогичное соперничество городов в пределах национальных границ и степень влияния финансовых центров следующего ряда за пределами своих стран.

Данная публикация, продолжающая серию работ автора о развитии внутренних банковских пространств различных государств (прежде всего, России и США³), посвящена одному из самых ярких примеров такого рода – историческому пути Сан-Франциско. Этот город, хотя и уступает по всем основным показателям Нью-Йорку, не только занимает очень важное место в финансовой системе своей страны, но и обладает большим трансграничным влиянием. Проследив основные вехи банковской истории Сан-Франциско от XIX в. до наших дней, мы можем увидеть интересный (и не только для самих США) опыт превращения сравнительно небольшого города в огромный и процветающий финансовый узел.

Своим происхождением и названием Сан-Франциско обязан испанцам, которые, постепенно расширяя американские владения короны Бурбонов, в 1776 г. основали у входа в один из тихоокеанских заливов Миссию Святого Франциска Ассизского, а также заложили по соседству одноименную королевскую крепость (El Presidio Real de San Francisco). В 1821 г. на огромной территории от полуострова Юкатан до северной Калифорнии, включая и район Сан-Франциско, было создано независимое государство – Мексиканская империя, позднее ставшая Мексиканскими Соединенными Штатами. При всем своем потенциале Мексика тех лет отличалась очень неэффективным управлением, политической нестабильностью, экономической отсталостью и слабостью банковской системы⁴. В войне 1846–1848 гг. страна потерпела тяжелое поражение от США, к которым перешли многие мексиканские территории, включая Калифорнию. Таким образом, за свою пока еще короткую историю Сан-Франциско оказался в составе уже третьего государства.

Именно в то время перед городом, как частью очень большой и динамичной экономики США, открылись новые перспективы. Более того, в 1848 г. на севере Калифорнии были найдены огромные месторождения золота, что повлекло миграцию десятков тысяч старателей из других районов страны, а также из-за границы. Сан-Франциско, как очень удобный океанский порт, стал одним из ключевых центров «золотой лихорадки». Фактор этого драгоценного металла в дальнейшем отразился и на неофициальном варианте местной топонимики: Сан-Франциско

¹ Kindleberger 1974; Braudel 1979; Schenk 2002; Cassis 2006.

² Например: Taylor, Derudder 2004.

³ Например: Никитин 2015а; 2015б.

⁴ Calomiris, Haber 2014, 331–336.

все чаще стали называть «золотым городом», а Калифорнию – «золотым штатом»; правда, пролив Золотые ворота, на берегу которого стоит Сан-Франциско, по удивительному совпадению, получил такое наименование еще в 1846 г.⁵

Постепенно к «золотой лихорадке» добавились и некоторые другие обстоятельства, способствовавшие возвышению Сан-Франциско. Особенno большое значение имело установление трансконтинентальной железнодорожной связи между городом и атлантическим побережьем страны, произошедшее на рубеже 1860–1870-х гг. Косвенным образом на местную экономику повлиял и нефтяной бум, начавшийся в других районах Калифорнии. В результате, к 1900 г. Сан-Франциско с его 350-тысячным населением (что в десятки раз превышало показатели середины XIX в.) уверенно возглавлял список крупнейших центров в тихоокеанской части США⁶.

Постепенно стало формироваться банковское сообщество, соответствующее масштабам города. В Сан-Франциско и его окрестностях появилось множество кредитных корпораций. Как минимум одной из них – основанному в 1852 г. банку “Wells Fargo”⁷ – предстояло в дальнейшем добиться феноменальных успехов.

Правда, все эти компании долгое время оставались совсем небольшими. В США (на фоне характерной для данной страны децентрализации управления, а также из-за особых коммерческих интересов деловых и политических элит локального уровня) сложилась практика, при которой банки были строго ограничены в праве открывать филиалы⁸. Ситуация несколько варьировалась от штата к штату: в некоторых случаях подобный запрет был абсолютным, в других можно было развивать офисные сети в границах собственного города или на соседних территориях, но не на всем пространстве штата (и тем более не за его пределами, где соответствующие регламенты определялись уже федеральным законодательством). Такая организация кредитного дела, в целом выглядевшая естественной для преимущественно аграрной страны начала XIX в., с течением времени все меньше отвечала новым задачам, которые появлялись в условиях индустриализации и стремительного экономического роста огромной североамериканской державы. Постепенно «правила игры» стали меняться, причем в авангарде этого движения находилась и Калифорния, которая уже в 1909 г. отменила в своей юрисдикции запрет на филиалы⁹.

Таким образом, банки, располагавшиеся в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Сакраменто и других городах «золотого штата», получили возможность свободно развивать свой бизнес на немалом калифорнийском пространстве, что давало ощущимые преимущества по сравнению с положением финансистов в большинстве

⁵ Gudde 1969, 123.

⁶ Здесь и далее исторические данные по численности населения Сан-Франциско приводятся на основе официального издания Бюро переписей США (Gibson 1998).

⁷ Информация об открытии, слияниях, переездах или ликвидации банков и банковских холдингов, а также о величине их активов, указывается – если не назван иной источник – в соответствии с официальными реестрами Федеральной корпорации США по страхованию вкладов (Federal...). На этих же данных основаны расчеты, отражающие распределение суммарных банковских активов по городам и ранговые позиции городов в банковской системе США.

⁸ Политические и экономические причины таких регламентаций обстоятельно рассмотрены в недавнем исследовании американских ученых Ч. Каломириса и С. Хэйбера (Calomiris, Haber 2014, 155–158, 162–163).

⁹ Markham 2002/II, 23.

других районов США. Среди тех компаний, которые особенно активно создавали филиальные сети, следует назвать “Bank of Italy” (Сан-Франциско), основанный в 1904 г. итальянским эмигрантом во втором поколении Амадео Пьетро Джаннини. Удивительному успеху “Bank of Italy” способствовали два основных обстоятельства: во-первых, он оказался одним из немногих кредитных учреждений, продолживших работу сразу после разрушительного землетрясения 1906 г., а во-вторых – готовность Джаннини вести бизнес с массовым небогатым клиентом, который раньше почти не имел доступа к финансовым услугам. Менее чем за десятилетие после установления в 1909 г. «филиальной свободы» этот банк прочно утвердился на кредитных рынках Сан-Хосе, Сан-Матео, Лос-Анджелеса, Фресно и многих других городов (а также сельских районов) почти по всей Калифорнии¹⁰.

Кроме этого, уже со второй половины XIX в. стали просматриваться признаки интернационализации Сан-Франциско как финансового центра. Этому, несомненно, способствовало быстрое развитие порта, имевшего удобные связи с городами Латинской Америки и Восточной Азии, по аналогии с тем, как в более ранние времена интенсивная морская торговля помогла превратиться в глобальные финансовые узлы Амстердаму, Лондону и Нью-Йорку. С 1860–1870-х гг. в «золотом городе» стали появляться банки, контролировавшиеся британским капиталом (например, “London and San Francisco Bank”)¹¹. С 1910 г. начался еще довольно не-привычный в то время, но все же вполне естественный для тихоокеанского порта приход банков из Японии¹².

Между тем американская финансовая система приближалась к новому историческому рубежу. В 1913–1914 гг., после длительной полемики и с огромным хронологическим отставанием от основных стран Европы, США создали свой центральный банк, названный Федеральной резервной системой (ФРС). Этому мощному и влиятельному институту предстояло внести неоценимый вклад в стимулирование экономического роста, преодоление циклических кризисов и повышение глобальной роли доллара. В то же время ФРС заметно отличалась от классических центробанков Старого Света выраженной географической распределенностью. Задачи по кредитованию частного бизнеса возлагались не на руководящие инстанции в Вашингтоне, а на 12 Федеральных резервных банков (ФРБ), каждый из которых работал в своей части страны. При формировании всей этой структуры нередко разворачивалось острое соперничество между городами, стремившимися стать центрами ФРБ. Однако в случае с огромным регионом на дальнем Западе, включавшем Калифорнию и еще шесть других штатов, сомнения почти не возникали: там штаб-квартира ФРБ без особых дискуссий разместилась в Сан-Франциско¹³.

Другие, еще более сильные факторы, действовавшие в это время, были связаны с начавшейся летом 1914 г. Первой мировой войной. Гигантские потери, понесенные в конфликте 1914–1918 гг. Европой, резко увеличили экономическое

¹⁰ James, James 2002, 48–92.

¹¹ Jones 2001, 403, 409–410.

¹² Tschoegl 2004.

¹³ Johnson 2010, 34–48; Cassis 2006, 320. Таким образом, в 1914 г. к зоне ответственности ФРБ Сан-Франциско были отнесены штаты Айдахо, Аризона, Вашингтон, Калифорния, Колорадо, Орегон и Юта. Позднее к ним добавились штаты Аляска и Гавайи, а также различные владения США на Тихом океане, не входящие непосредственно в состав государства.

отставание любой из стран этого континента от США. По итогам войны Соединенные Штаты не только находились в составе победоносной коалиции, но и являлись крупнейшим глобальным кредитором, обладавшим огромными золотыми запасами и очень сильной валютой, которая к тому же имела теперь прочный институциональный фундамент в лице ФРС.

По оценкам исследователей, Нью-Йорк в 1920-е гг. достиг примерного паритета с Лондоном по влиянию на глобальных финансовых рынках, а в начале 1930-х определенно превзошел своего трансатлантического конкурента и стал важнейшей деловой метрополией на планете¹⁴. Ведущие банковские дома Уолл-стрит активно занимались развитием зарубежных офисных сетей и организацией займов для европейских правительств¹⁵. За Нью-Йорком в меру своих возможностей тянулись к финансовым вершинам и другие крупные центры США, особенно Чикаго и Сан-Франциско.

Наиболее значительные события в банковской истории «золотого города» на данном этапе были по-прежнему связаны с деятельностью А.П. Джаннини. В период 1919–1922 гг. его финансовая группа уверенно вышла на зарубежный рынок: в хорошо знакомой для Джаннини Италии была приобретена и успешно реорганизована компания “Banca dell’Italia Meridionale” со штаб-квартирой в Неаполе и отделениями в ряде других городов¹⁶. Другой важной точкой транснационального присутствия являлся, конечно, Лондон¹⁷. В 1930 г., после серии предварительных трансформаций, Джаннини и его партнеры создали вместо прежнего “Bank of Italy” и некоторых других структур еще более крупную и нацеленную на новые достижения корпорацию, названную “Bank of America”¹⁸.

С немалым трудом пережив великий кризис 1929–1933 гг., “Bank of America” в дальнейшем восстановил прежнюю динамику. Корпорация, постепенно улучшая собственные показатели, вносила большой вклад и в другие отрасли калифорнийской экономики. В частности, “Bank of America” занимался тогда кредитованием Голливуда и строительством гигантского моста через пролив Золотые ворота, тем самым обеспечивая создание множества рабочих мест¹⁹. Реформаторский курс администрации президента Ф.Д. Рузвельта и усилия местного бизнеса, сочетаясь с уже накопленным потенциалом, способствовали тому, что на исходе межвоенного периода 600-тысячный Сан-Франциско вновь выглядел успешным и перспективным городом. Происходившее там очень престижное событие – Всемирная выставка 1939–1940 гг. – стало ярким тому подтверждением.

В годы Второй мировой войны Калифорния стала колоссальной производственной площадкой, выпускавшей авиационную, морскую и иную боевую технику для армий США и их союзников. Очень заметную роль в модернизации цехов и верфей играла кредитная поддержка со стороны местного финансового сообщества, в авангарде которого неизменно находился “Bank of America”²⁰. Индустриальный бум способствовал новой волне трудовых миграций в Калифорнию, что, в

¹⁴ Слуга 2005, 28; Cassis 2006, 144, 151, 185; Szymańska 2007, 303, 306.

¹⁵ Например: Prins 2014, 70–81.

¹⁶ Например: James, James 2002, 109.

¹⁷ Cassis 2006, 166.

¹⁸ James, James 2002, 310–311.

¹⁹ Martone 2017, 109.

²⁰ James, James 2002, 458–476.

свою очередь, означало быстрый рост числа клиентов у “Bank of America”, “Wells Fargo”, “American Trust Company” и других финансовых домов Сан-Франциско. Осенью 1945 г., превзойдя по величине активов нью-йоркский “Chase National”, “Bank of America” стал крупнейшим частным банком в США и во всем мире²¹.

Конечно, Нью-Йорк, где имелось еще несколько компаний сопоставимой величины, оставался безусловным лидером национальной банковской системы. Но при этом Сан-Франциско, располагая таким достоинством, как “Bank of America”, стремительно приближался к находившемуся на втором месте Чикаго. Хотя доступные статистические массивы того времени, сгруппированные по штатам и не разделенные по городам или корпорациям, не позволяют вести точный мониторинг, все же на основании косвенных данных можно говорить, что Сан-Франциско утвердился в качестве банковской «вице-столицы» США не позднее 1950-х гг. Занимая в своей стране лишь 11-е – 12-е места по численности населения, «золотой город» являлся очень важным финансовым центром с сильными трансграничными связями. Повышению международной роли Сан-Франциско способствовало и то, что он был выбран местом проведения двух политических форумов, которые во многом заложили основы послевоенного порядка: конференции 1945 г., оформленной Устав ООН, и конференции 1951 г., завершившейся подписанием мирного договора с Японией.

С 1950-х – 1960-х гг. все более значительным фактором в экономике Сан-Франциско и соседних городов становилось то удивительное явление, которое несколько позже было названо «Кремниевой долиной» (Silicon Valley). Основанный в 1951 г. индустриальный парк при Стэнфордском университете (частично опиравшийся на производства и лаборатории, возникшие еще раньше) стал зоной сосредоточения исследовательских центров и коммерческих предприятий, работавших на переднем крае современных технологий, прежде всего, в сфере создания компьютеров и иных полупроводниковых устройств. Для успешного продвижения инженерных инноваций на широкий рынок обычно требовались финансовые заимствования, источником которых в первую очередь являлись банки, расположенные в том же регионе. Так, “Bank of America” активно занимался кредитованием фирмы “Hewlett – Packard” (HP)²², позднее ставшей одним из глобальных лидеров в сфере «высоких технологий». С другой стороны, кредитным корпорациям географическая близость к «Кремниевой долине» помогала быстрее внедрять новейшие достижения прогресса. Едва ли случайным был тот факт, что “Bank of America” уже в середине 1950-х гг., значительно раньше многих других представителей отрасли, приступил к полномасштабному использованию компьютеров в своей работе²³.

На таком фоне банковские показатели Сан-Франциско продолжали быстро расти. Флагманский “Bank of America”, уверенно занимая первое место в мире, увеличил активы с 5,04 млрд долл. в 1945 г. до 7,02 млрд в 1951 г. и 11,2 млрд в 1960 г. Это означало, что его динамика на данном этапе была значительно лучше, чем у основных конкурентов: в начале 1950-х гг. активы “Bank of America” составляли примерно 60,5% от суммарного результата крупнейших нью-йоркских

²¹ James, James 2002, 477.

²² Например: Martone 2017, 109.

²³ Bank of America.

групп “Chase” и “National City”, а в 1960 г. – уже 67,6%²⁴. Активизировалось наступление “Bank of America” на зарубежные рынки – в Японию, Латинскую Америку и Западную Европу. В последнем случае очень важным направлением по-прежнему оставалась Италия, где усилинию позиций калифорнийского гиганта способствовал его большой вклад в осуществление «плана Маршалла»²⁵. Все эти действия, как отмечало руководство “Bank of America”, помогали «опровергнуть устоявшееся представление о том, что европейские транзакции являются прерогативой нью-йоркских банков»²⁶. К тому же с 1950–1960-х гг. все более активно развивался и встречный процесс: именно на этот период пришелся новый раунд продвижения в Сан-Франциско иностранных банков, в особенности японских и британских²⁷.

По данным на начало 1970 г. активы “Bank of America”, продолжавшие перед тем быстро расти, превышали 24 млрд долл.; еще 12 млрд добавляла к общим показателям Сан-Франциско тройка следующих по величине корпораций – “Wells Fargo”, “Crocker National” и “Bank of California”. «Золотой город», население которого лишь немного превышало 700 тыс., в мировой банковской иерархии занимал четвертое место, уступая только таким огромным центрам, как Нью-Йорк, Токио и Лондон²⁸.

Впрочем, в следующем десятилетии американским финансистам пришлось столкнуться с серией серьезных вызовов. Наблюдавшийся на предыдущем этапе стремительный рост экономики Японии, ФРГ и некоторых других стран (при относительно медленном росте ВВП Соединенных Штатов) к 1970-м гг. определенно трансформировался в большие достижения и на банковском поле. Финансовые группы из Токио, Парижа и Франкфурта-на-Майне все решительнее наступали на позиции своих трансокеанских конкурентов. Очевидным было и то, что американцы начинали проигрывать в этом соревновании не только из-за общих неполадок в национальной экономике, но также вследствие более жестких, по сравнению с другими странами свободного мира, юридических ограничений для финансовой деятельности. Очень большое значение в ряду таких регламентаций имел уже упомянутый запрет на межштатные филиальные сети; кроме этого, в США не разрешалось совмещать традиционную банковскую деятельность с игрой на фондовом рынке, а также выплачивать проценты по некоторым видам вкладов. В 1970-е гг., особенно во второй их половине, деловые круги, ведущие экономические эксперты и, наконец, многие политические деятели все чаще поднимали вопрос о либерализации финансовой системы.

Активное реформирование в этой, как и во многих других, сферах развернулось по инициативе администраций Дж. Картера (1977–1981 гг.) и Р. Рейгана (1981–1989 гг.), а затем, после некоторого перерыва, было продолжено при президенте У. Клинтоне (1993–2001 гг.). Наиболее важный для рассматриваемой темы-

²⁴ James, James 2002, 477, Cassis 2006, 208. Следует, однако, заметить, что по общегородским показателям преобладание Нью-Йорка, где по-прежнему находились и другие финансовые гиганты, оставалось более выраженным.

²⁵ Prins 2014, 184.

²⁶ James, James 2002, 479.

²⁷ Jones 2001, 403–413, Tschoegl 2005, 160–162.

²⁸ Расчеты автора на основе данных журнала «Бэнкер» (Великобритания): Banker 1970, 6, 596–629.

тики вопрос – о праве банковских корпораций свободно создавать подразделения по всей стране – постепенно решался на протяжении 1980-х гг., когда исторические барьеры были частично устранены. Окончательное утверждение «филиальной свободы» пришло после принятия в ноябре 1994 г. закона «Об эффективности банковской деятельности и открытии отделений в нескольких штатах», известного также как закон Ригла – Нила.

Уже в первой половине 1980-х гг., как только появились хотя бы минимальные юридические возможности, крупнейшие банки США попытались обосноваться за пределами своих штатов. Неудивительно, что в авангарде этого движения оказалась самая большая корпорация в отрасли – “Bank of America” из Сан-Франциско. В 1983 г. калифорнийский конгломерат установил контроль над переживавшим большие трудности банком “SeaFirst” со штаб-квартирой в Сиэтле (штат Вашингтон). Пока еще непривычное «трансграничное» поглощение потребовало согласований на высоком политическом уровне. Большую роль в том, что покупателем “SeaFirst” смог стать именно “Bank of America”, сыграло «калифорнийское лобби», имевшее значительное влияние в окружении президента Р. Рейгана – бывшего губернатора «золотого штата»²⁹. В то же время представители ФРС с убедительной аргументацией подчеркивали, что данная сделка, помогающая клиентам и сотрудникам “SeaFirst”, отвечает общественным интересам³⁰.

Осуществленный рывок вдоль тихоокеанского побережья, от Калифорнии до Сиэтла и его окрестностей, был неординарным событием для того времени. “Bank of America” выглядел теперь большой финансовой силой не только по величине активов (110 млрд долл. к началу 1984 г.), но и по географическому размаху бизнеса на территории США. Вокруг огромного банка постепенно выстраивалась новая структура – финансовый холдинг с межрегиональным присутствием, получивший похожее название “BankAmerica Corporation”³¹. Заметными оставались и некоторые другие кредитные дома Сан-Франциско, в особенности “Wells Fargo” (24 млрд долл.). Хотя ускоренное развитие конкурирующих групп из Японии и Западной Европы вносило существенные поправки в глобальную финансовую иерархию, «золотой город» все еще выглядел в ней вполне убедительно и занимал достойное седьмое место³².

Однако, при всем своем величии, Сан-Франциско как банковский центр примерно в это же время начал входить в затяжную полосу неудач. Происходившая в 1980–1990-е гг. либерализация кредитной системы США была сложным и противоречивым явлением. Одна часть финансовых компаний смогла эффективно использовать этот шанс для продвижения в новые отраслевые и географические ниши, представители другой части (очевидно, более многочисленной), напротив,

²⁹ Брацлавский 1985, 47.

³⁰ New York Times 23.06.1983.

³¹ Здесь необходимо заметить, что со второй половины XX в., особенно с 1970-х – 1980-х гг., ключевой формой организации частного кредитного бизнеса в США постепенно стали холдинги, каждый из которых через обладание значительным пакетом акций устанавливал контроль над одним или над целой группой банков (нередко находящихся на большом удалении от центра управления холдингом). Соответственно, все последующие оценки, касающиеся американской финансовой географии, основаны на расположении именно холдингов, а не банков.

³² Расчеты на основе данных: Banker 1984, 133–231. На шести предыдущих ступенях располагались Токио, Париж, Нью-Йорк, Лондон, Осака и Франкфурт-на-Майне.

теряли позиции или вовсе исчезали как самостоятельный бизнес. Гигантский холдинг “BankAmerica”, от которого в чрезвычайно высокой степени зависели общие показатели Сан-Франциско, удивительным образом оказался ближе ко второй категории. Эта корпорация, по оценкам прессы, во многом оставалась тем, чем она была еще при А.П. Джаннини, то есть гигантским конгломератом прибыльных и работающих с массовым калифорнийским клиентом, но не всегда хорошо скоординированных отделений³³. Для работы в новых условиях и для продвижения в различные регионы США требовался менеджмент другого типа, однако внутреннее реформирование холдинга в этом плане явно затягивалось. Заметную роль сыграли и другие факторы, в особенности просчеты с кредитованием ряда латиноамериканских правительств. В результате, почти на всем протяжении 1980-х гг. основные индикаторы холдинга “BankAmerica” и, соответственно, города Сан-Франциско ухудшались – если не в абсолютных числах, то по отношению к аналогичным характеристикам неизменно лидировавшего и, как оказалось, более адаптивного Нью-Йорка.

С наступлением 1990-х гг. ситуация в “BankAmerica” заметно стабилизировалась. Модернизированная система управления вновь позволяла наращивать высоколиквидные активы, а также приобретать другие корпорации. Так, в 1992 г. к владениям “BankAmerica” был присоединен большой и разветвленный холдинг “Security Pacific” (Лос-Анджелес), а в 1994 г. – “Continental Bank” (Чикаго). Вторая из этих сделок позволила “BankAmerica” прочно обосноваться на Среднем Западе, то есть примерно в 3 тыс. км от основной штаб-квартиры в Сан-Франциско.

Между тем принятие закона Ригла–Нила (1994 г.), как и общая логика корпоративного соперничества в условиях свободного рынка, влекли за собой все более впечатляющие слияния и поглощения банковских групп. Особенно важные события подобного рода разворачивались в Нью-Йорке, где на исходе десятилетия в результате длинной последовательности объединений сложились грандиозные холдинги “JPMorgan Chase” и “Citigroup”, каждый из которых управлял активами порядка 500–600 млрд долл.

В меру своих возможностей за манхэттенскими сверхгигантам тянулся кредитный бизнес из других частей США. Два крупнейших банковских холдинга за пределами Нью-Йорка – “BankAmerica” из Сан-Франциско и “NationsBank” из Шарлотта (стремительно росшего финансового центра, расположенного в Северной Каролине)³⁴ – объявили о своем слиянии осенью 1998 г. При этом центр управления новой корпорацией в силу ряда причин (в частности, на фоне конфликта руководителей “BankAmerica” с властями Сан-Франциско из-за распределения доходов от муниципальных облигаций³⁵) было решено разместить в Шарлотте. Хотя новой группе досталось в немного измененном виде калифорнийское название, выглядевшее теперь как “Bank of America Corporation”, все основные преимущества получила Северная Каролина.

Отъезд управляющих структур многомиллиардного бизнеса, имевшего к тому же большое значение в историческом плане, был тяжело воспринят деловым и аналитическим сообществом Сан-Франциско. Местная пресса, которая еще

³³ Например: New York Times 03.05.1987.

³⁴ О подъеме Шарлотта как банковского центра см.: Никитин 2015а, 135–136, 138, 140–141.

³⁵ San Francisco Chronicle 30.09.1999.

недавно с восторгом писала о приближении своего города по финансовой значимости к Нью-Йорку и о формировании «западной Уолл-стрит»³⁶, теперь резко критиковала менеджеров “BankAmerica”, изменивших «родному дому у Залива» и фактически продавших знаменитый банк за «множество сребреников»³⁷. После почти 50-ти лет пребывания в статусе банковской «вице-столицы» США, Сан-Франциско к 2000 г. ушел на пятое место, пропустив вперед не только Нью-Йорк, но также Шарлотт, Чикаго и Бостон. В глобальной таблице это позволяло занимать тогда лишь 33-ю строку – ниже внушительной группы американских, японских, китайских, немецких, британских и иных городов³⁸.

Но все же финансовый потенциал Сан-Франциско никогда не сводился к одному лишь “BankAmerica” (или, по предыдущему названию, “Bank of America”). Ответственная роль лидера теперь доставалась “Wells Fargo” – корпорации с еще более долгой, уходящей в середину XIX в., историей. Являясь одной из старейших финансовых компаний Дальнего Запада, банк (а затем холдинг) “Wells Fargo” вместе с тем отличался способностью быстро реагировать на изменение внешних условий и появление новых возможностей. В 1990-е гг., еще находясь в тени соседнего “BankAmerica”, “Wells Fargo” энергично занимался географическим расширением своей деятельности в Калифорнии и за ее пределами. Важными вехами на этом пути стало приобретение холдингов “First Interstate” (Лос-Анджелес) и “Norwest” (Миннеаполис), обеспечившее через контролируемые банки выход во многие районы США, а также в несколько соседних стран. Широко использовались и новые технологические решения: так, в середине 1990-х гг. эта корпорация параллельно с “BankAmerica” активно внедряла одну из самых передовых систем клиентских расчетов через Интернет, созданную фирмой “CyberCash”³⁹.

Склонность к использованию достижений «хай-тека», во многом связанная с близостью к Кремниевой долине, отличала “Wells Fargo” и в дальнейшем. В 2004 г. один из руководителей “Wells Fargo” в интервью для специализированного издания комментировал это влияние со всей определенностью: «Нам бы не удалось совершить такой рывок в банковской индустрии, если бы мы находились в каком-то другом месте»⁴⁰. Но не менее важным оказалось и другое обстоятельство. Уверенно развиваясь, войдя в пятерку крупнейших банковских холдингов США и обеспечив для Сан-Франциско подъем на третье место в отраслевом рейтинге городов⁴¹, “Wells Fargo” проявлял осторожность в отношении одной из главных коммерческих идей 2000-х гг. – чрезмерных инвестиций в недвижимость и связанные с ней финансовые инструменты.

Сравнительно слабая вовлеченность “Wells Fargo” в спекулятивную ипотеку помогла этой корпорации легче многих конкурентов пережить очень острый кризис 2008–2009 гг., спровоцированный предыдущим перегревом строительного рынка и вскоре названный «Великой рецессией». В то же время среди ее жертв, чрезмерно загруженных вложениями в ненадежные ипотечные кредиты, оказа-

³⁶ San Francisco Chronicle 08.12.1996.

³⁷ San Francisco Chronicle 22.10.1998.

³⁸ Расчеты на основе данных: Banker 2000, 7, 178–212.

³⁹ American Banker 21.10.1996.

⁴⁰ Information Week 18.10.2004.

⁴¹ С 2005 г. Сан-Франциско уступал только Нью-Йорку и Шарлотту.

лись и некоторые гиганты банковского дела, например, “Wachovia Corporation” из Шарлотта. Уже одного только крушения “Wachovia” было бы достаточно для того, чтобы существенно сократить отрыв Шарлотта от Сан-Франциско. Однако ситуация оказалась еще более драматической. По итогам активных консультаций различных правительственные институтов с частным финансовым сектором был сделан вывод о том, что оптимальным решением станет передача остатков бизнеса “Wachovia” под управление более устойчивой корпорации, а именно “Wells Fargo”⁴².

На уровне соперничества банковских столиц все это выглядело как реванш, взятый Сан-Франциско у Шарлотта за события десятилетней давности, когда в сделке “NationsBank” – “BankAmerica” участвовали те же города, но с противоположным вектором поглощения. С 2009 г. отставание Сан-Франциско от Шарлотта по сумме банковских активов выглядело вполне умеренным. К 2015 г. – за счет ускоренного роста “Wells Fargo” по сравнению с шарлоттским “Bank of America”, а также благодаря заметному вкладу “Charles Schwab” и некоторых других корпораций – Сан-Франциско вновь оказался выше, вернув себе, хотя и с минимальным преимуществом, статус банковской «вице-столицы» Соединенных Штатов⁴³.

Заключение

Как бы ни складывалась ситуация в дальнейшем, полтора с лишним века развития Сан-Франциско в качестве крупного финансового центра показывают несомненную способность местного делового сообщества эффективно использовать благоприятные обстоятельства (приток населения во времена «золотой лихорадки», наличие оживленного океанского порта, рано появившееся у кредитных учреждений право развивать филиальные сети, близость к Кремниевой долине и т.д.), которые, однако, не могли бы обеспечить успех без больших и целенаправленных усилий. Сан-Франциско и некоторые другие города, являясь серьезными конкурентами Нью-Йорка, придают банковской системе США дополнительную гибкость и динамичность. К тому же налоговые и иные преимущества, связанные с наличием мощных финансовых учреждений, между американскими городами распределяются более равномерно, чем это происходит в странах, склонных к банковскому моноцентризму, например, во Франции или России.

ЛИТЕРАТУРА

- Брацлавский, Д.Я. 1985: Федеральное правительство и местные элиты. *США – экономика, политика, идеология* 9, 42–48.
- Никитин, Л.В. 2015а: Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт: новейшая история борьбы за лидерство в банковской системе США (1970-е – середина 2010-х гг.). *Новая и новейшая история* 3, 128–144.
- Никитин, Л.В. 2015б: География банковского сектора в США и России: параллели и различия (1980-е – начало 2010-х гг.). *Общественные науки и современность* 3, 128–140.
- Слуга, Н.А. 2005: *Градоцентристическая модель мирового хозяйства*. М.

⁴² Например: *Wall Street Journal* 04.08.2009.

⁴³ На 1 января 2015 г. активы банковских холдингов Сан-Франциско составили 1,67 трлн долл. (при 4,33 млрд у Нью-Йорка и 1,6 млрд у Шарлотта).

-
- Braudel, F. 1979: *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T.3. Le Temps du monde*. Paris.
- Calomiris, C.W., Haber, S.H. 2014: *Fragile by Design: The Political Origins of Banking Crises and Scarce Credit*. Princeton.
- Cassis, Y. 2006: *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005*. New York.
- Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory, <https://www5.fdic.gov/idaspl/advSearchLanding.asp>
- Gibson, C. 1998: *Population of the 100 Largest Cities and Other Urban Places in the United States: 1790 to 1990*. Washington D.C.
- Gudde, E.G. 1969: *California Place Names: The Origin and Etymology of Current Geographical Names*. Berkley–Los Angeles.
- James, M., James, B.R. 2002: *The Story of Bank of America: Biography of a Bank*. Washington D.C.
- Johnson, R.T. 2010: *Historical Beginnings... The Federal Reserve*. Boston.
- Jones, G. 2001: *British Multinational Banking, 1830–1990*. Oxford.
- Kindleberger, C. 1974: *The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History*. Princeton.
- Markham, J.W. 2002: *A Financial History of the United States*. Armonk–London.
- Martone, E. (ed.) 2017: *Italian Americans. The History and Culture of a People*. Santa Barbara.
- Prins, N. 2014: *All Presidents' Bankers. The Hidden Alliances that Drive American Power*. New York.
- Schenk, C.R. 2002: International Financial Centres: Competitiveness and Complementarity, 1958–1971. In: S. Battilossi, Y. Cassis (eds.), *European Banks and the American Challenge*. Oxford, 74–102.
- Szymańska, D. 2007: *Urbanizacja na świecie*. Warszawa.
- Taylor, P.J., Derudder, B. 2004: *World City Network: A Global Urban Analysis*. London.
- Tschoegl, A.E. 2004: The California Subsidiaries of Japanese Banks: A Genealogical History. *Journal of Asian Business* 2, 59–82.
- Tschoegl, A.E. 2005: Foreign Banks in the United States since World War II: a Useful Fringe. In: L. Gálvez-Muñoz, G. Jones (eds.), *Foreign Multinationals in the United States*. London–New York. 149–168.

REFERENCES

- Bratslavskiy, D.Ya. 1985: Federal'noe pravitel'stvo i mestnye elity [The Federal Government and Local Elites]. *SShA – ekonomika, politika, ideologiya [USA – Economics, Politics, Ideology]* 9, 42–48.
- Braudel, F. 1979: *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T.3. Le Temps du monde*. Paris.
- Calomiris, C.W., Haber, S.H. 2014: *Fragile by Design: The Political Origins of Banking Crises and Scarce Credit*. Princeton.
- Cassis, Y. 2006: *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005*. New York.
- Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory, <https://www5.fdic.gov/idaspl/advSearchLanding.asp>
- Gibson, C. 1998: *Population of the 100 Largest Cities and Other Urban Places in the United States: 1790 to 1990*. Washington D.C.
- Gudde, E.G. 1969: *California Place Names: The Origin and Etymology of Current Geographical Names*. Berkley–Los Angeles.

-
- James, M., James, B.R. 2002: *The Story of Bank of America: Biography of a Bank*. Washington D.C.
- Johnson, R.T. 2010: *Historical Beginnings... The Federal Reserve*. Boston.
- Jones, G. 2001: *British Multinational Banking, 1830–1990*. Oxford.
- Kindleberger, C. 1974: *The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History*. Princeton.
- Markham, J.W. 2002: *A Financial History of the United States*. Armonk–London.
- Martone, E. (ed.) 2017: *Italian Americans. The History and Culture of a People*. Santa Barbara.
- Nikitin, L.V. 2015a: N'yu Jork, San-Francisko i Sharrott: noveyshaya istoriya bor'by za liderstvo v bankovskoy sisteme SShA (1970-e – seredina 2010-kr gg.) [New York, San Francisco and Charlotte: the Current History of the Struggle for Leadership in the US Banking System (1970s – mid-2010)]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal] 3, 128–144.
- Nikitin, L.V. 2015b: Geografiya bankovskogo sektora v SShA i Rossii: paralleli i razlichiya. (1980-e – nachalo 2010-kr gg.) [Geography of the Banking Sector in the US and Russia: Parallels and Differences (1980s – early 2010)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Science and Modernity]* 3, 128–140.
- Prins, N. 2014: *All Presidents' Bankers. The Hidden Alliances that Drive American Power*. New York.
- Schenk, C.R. 2002: International Financial Centres: Competitiveness and Complementarity, 1958–1971. In: S. Battilossi, Y. Cassis (eds.), *European Banks and the American Challenge*. Oxford, 74–102.
- Sluka, N.A. 2005: *Gradotsentrcheskaya model' mirovogo hrozyaystva* [Gradocentric model of the world economy]. Moscow.
- Szymańska, D. 2007: *Urbanizacija na świecie*. Warszawa.
- Taylor, P.J., Derudder, B. 2004: *World City Network: A Global Urban Analysis*. London.
- Tschoegl, A.E. 2004: The California Subsidiaries of Japanese Banks: A Genealogical History. *Journal of Asian Business* 2, 59–82.
- Tschoegl, A.E. 2005: Foreign Banks in the United States since World War II: a Useful Fringe. In: L. Gálvez-Muñoz, G. Jones (eds.), *Foreign Multinationals in the United States*. London –New York, 149–168.

SAN FRANCISCO IN HISTORY OF THE AMERICAN AND GLOBAL BANKING SYSTEMS (THE 19th – EARLY 21st CENTURIES)

Leonid V. Nikitin

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Russia,
lnd2001nikitin@mail.ru*

Abstract. Basing on statistical and other materials, the author considers historical transformation of San Francisco from a small Spanish colonial settlement into one of the leading financial centres of the USA and the whole world. The study shows that at various historical stages the ascent of San Francisco was connected with a wide range of factors. Rapid development of the city started in the 1840s – 1850s, after its transition into the U.S. jurisdiction. Simultaneously, the “gold rush” at nearby territories also contributed to fast growth of San Francisco. In the following decades, transport communications played a very important role too: on the one hand, there was a progress of busy Pacific port, on the other – the opening of railway connection with the Atlantic coast of the USA. At the turn of the 19th – 20th centuries, San Francisco received

additional benefits because California was among the first states to abolish restrictions on the establishment of banking branches. During the 20th century, the further financial rise of San Francisco was facilitated by the extremely rapid industrial and technological progress of North California, mainly by the emergence of the famous Silicon Valley. Particular attention is paid in the article to the largest banking corporations of the city ("Bank of America" and "Wells Fargo"), the development of which was closely related to the factors mentioned. The calculations carried out in a long time series show that San Francisco experienced evident ups and downs at different periods, but in any case remained a very important hub of financial activity. Finally, the author concludes that achievements of San Francisco and other financial nodes inside the USA, limiting the dominance of New York City, bring significant benefits to the national economy.

Key words: USA, California, San Francisco, history of banks, competition

---

ИСТОРИЯ РОССИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 103–121
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 103–121
©Автор(ы) 2017

САКРАЛЬНОЕ В ЦАРСКОМ КОННОМ ВЫЕЗДЕ: НARRATIVНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЗДНЕГО РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Б.Л. Шапиро

Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
b.shapiro@mail.ru

Аннотация. В работе выявляются основные принципы конструирования сакрального пространства в русской придворной культуре посредством изучения истории роли лошади – одного из наиболее мифологизированных животных в русской культуре. В этом контексте анализируются произведения иностранцев, побывавших в Московском государстве в XVI–XVII вв.: как уже широко изученные в отечественной науке записки С. Герберштейна, А. Олеария, Ж. Маржерета, Г. Штадена, А. Дженкинсона, Б. Койэтта, так и менее известные труды А. Лизека, А. Элассонского, М. Обуховича, М. Груневега, Ч. Карлейля, В. Парри, П. Кампани и других авторов. Воспоминания дипломатов, путешественников и коммерсантов рассматриваются как уникальные источники по истории государственного церемониала русского позднего средневековья, наполненные красочными деталями. Как яркое культурное явление рассматриваются конные выезды, которые именно в это время были наиболее торжественными. Определяется круг выездов, наиболее характерный для придворной культуры этого периода. Акцент в исследовании делается на наиболее торжественных конных церемониях: на выездах царицы и на паломнических семейных выездах. Среди них подробно исследуются обязательные ежегодные выезды в Троице-Сергиев монастырь. Анализируется значимость прочих выездов для оформления сакрального пространства в русской придворной культуре, в частности, «шествия на ослятии» и выезда на водокрещение. В заключение рассматривается специфика ритуального выбора масти животных в соответствии с пониманием в русской культуре взаимосвязи света и святости. Подводятся итоги работы, согласно которым в Московии позднего средневековья конь входил в круг средств, активно формирующих сакральное пространство.

Шапиро Бэлла Львовна – кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

© IA RAS, NMSTU, JHPCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-2-56–103-121

Ключевые слова: русская культура, сакральное, ритуал, церемониал, Московское государство

Введение

Записки иностранцев о Московии XVI–XVII вв. заслуженно считаются значимой частью нарративных источников по истории позднего русского средневековья. Богатый событийный ряд и внимание к деталям, характерные для этих многочисленных «записок», традиционно вызывают большой исследовательский интерес, помещая их на одно из первых мест в изучении русского средневековья. Массовость подобных материалов позволяет проследить как общие, так и частные случаи истории. Важно, что в этих источниках на широком фоне отмечаются самые существенные и особенные детали русской культуры. «Мы проехали между рядами тихим шагом, чтобы все раздельно видеть, заметить и надивиться», – объясняет секретарь австрийского посольства А. Лизек¹.

Затрудняющим интерпретацию этой группы источников является то, что оценки, данные зарубежными очевидцами (посланниками, путешественника, купцами и т.д.), зачастую были обусловлены поставленными перед ними задачами и, следовательно, далеко не всегда достоверны, а сделанные выводы в некоторых случаях поверхностны. Тем не менее интересна возможность увидеть свою историю через призму чужого суждения.

Значимой частью парадной и повседневной жизни Московского государства XVI–XVII вв. был придворный церемониал, который в это время был уже довольно строго регламентирован. Практически каждый из иностранцев, побывавший при русском дворе, предлагает подробные описания этих ярких моментов придворной жизни. Торжественные процесии с участием лошади были одними из наиболее эффектных зрелищ. «Мы ждали увидеть что-нибудь необыкновенное, и не обманулись, – сообщает А. Лизек, очевидец выезда Алексея Михайловича на богомолье, – следующий поезд привел нас в изумление. Впереди ехал Конюший <...> за ним вели 6 превосходных коней, на которых вся сбруя и попоны горели в золоте и серебре; 12 лошадей из-под Царской кареты, покрытых красным штофом, вели каждую по два конюха под уздцы, одну за другой. Наконец ехала второстепенная карета Его Царского Величества, ослеплявшая блеском золота и хрусталия»².

Царские конные выезды совершались в честь значимых событий религиозного, дипломатического или воинского характера. Сакральные праздничные церемонии с участием лошади³ были одними из наиболее торжественных ритуалов: они совершались на Крещение, на Пасху, в Вербное воскресенье. Эти выезды были поистине великолепны: в русской средневековой придворной культуре красоте церемонии придавалось большое, в том числе и политическое значение. Церемония и ритуал здесь являлись важнейшими средствами сакрализации царской власти.

¹ Лизек 1837, 371.

² Лизек 1837, 364–365.

³ Тем не менее высказывалось мнение, согласно которому в Московии конные церемонии религиозного характера занимали незначительное место; при этом богомольные выезды не относили к религиозным. См.: Денисова 1954, 300.

Уподобление царя богу и признание божественной природы царской власти было более чем традиционным для русского средневековья. «В конце концов, все – как вельможи, так и чиновники, как люди светского сословия, так и духовного, – официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. Поэтому они даже верят, что он – ключник и постельничий Бога и исполнитель его воли», – замечает писатель Александро Гваньини⁴. Русские «считают своего царя за высшее божество», – свидетельствует коммерсант Исаак Масса⁵.

Столь же однозначно в русском средневековом сознании с персоной царя связывался и его конь как символ единой державной власти⁶, воинской доблести и связи с божественными силами, поскольку только в лице властителя эти ипостаси соединялись. Согласно славянским верованиям, реликты которых были еще живы в средневековой Руси, конь занимал одно из центральных мест среди сложившейся иерархии ритуальных животных. Он выступал в роли и объекта сакрализации, и сакрального атрибута, где конь был солнечным божеством⁷, замещающим его символом или его спутником: «если присоединить сюда старинное название солнца колесом, то перед нами явится и колесница, и кони, и сам всадник-солнце»⁸.

Московский царь-солнце являлся своим подданным, облаченным в драгоценные одежды, расшитые алмазами и жемчугом, так что «в этом убранстве [его] называли убранным звездами солнцем», – свидетельствует чешский путешественник Бернгард Таннер⁹.

Единение коня и его царственного всадника подчеркивалось целостностью оформления их убранства в частности и внешней стороны ритуала в целом. Вот как выглядело пасхальное конное шествие: «царь [возвращаясь из собора в Кремль], в самой лучшей одежде, сидел на своей лучшей лошади. Некоторые лошади были накрыты попонами из золотой парчи, другие – из серебряной, у третьих попоны были расшиты камнями, жемчугом и бриллиантами; стремена из серебра или великолепно позолочены, узда и сбруя из кованого позолоченного серебра, цепи со звеньями, размером больше пяди и шириной 2–3 дюйма, свисали с головы и шеи лошади, седла да и сами лошади были не менее великолепны»¹⁰.

Это описание, приведенное голландским посланником Николаасом Витсеном, тем более ценно, что царь как участник различных торжеств, крайне редко выступал в качестве всадника. «Во время церковных торжественных шествий царь идет пешком, верхом он ездит реже, а чаще всего в каретах, которых у него очень

⁴ Гваньини 1997, 93. Записки А. Гваньини, опубликованные в 1578 г., представляют собой компиляцию более ранних источников. См.: Гваньини 1997, 7.

⁵ Масса 1937, 68. В 1601–1609 гг. И. Масса был посланником голландского правительства.

⁶ Конь прежде всего был символом Даждьбога, от которого вели свое происхождение древнерусские князья, поскольку считалось, что именно при нем был установлен институт княжеской власти. См.: Бонгард-Левин, Грантовский 1988, 112.

⁷ У славян конь выступает как спутник Перуна, Хорса, и, особенно, Даждьбога, который, говоря словами Ипатьевской летописи, «Солнце цесарь, сын Сварогов, еже есть Даждьбог, бе муж силен». См.: Там же.

⁸ Афанасьев 1865, 593.

⁹ Таннер 1891, 52. Б. Таннер был в составе польско-литовского посольства Михаила Сапеги и Казимира Чарторыйского в 1678 г.

¹⁰ Витсен 1996, 152. Н. Витсен был в Московии в составе голландского посольства в 1664–1665 гг.

много, и присланных из чужих стран, и домашнего изделия <...> Перед каретою несут две красные подушки с шелковыми чехлами того же цвета и ведут также, по большей части, двух самых породистых коней в великолепном уборе. Зимою место кареты заступают сани, обитые отборным собольим мехом, в которые за- прягается конь в таком же красивом уборе, а впереди него идет другой, также по-царски разукрашенный, на свободе и без седока», – отмечает путешественник Яков Рейтенфельс¹¹.

Санные выезды были самыми торжественными из всех прочих. Согласно славяно-русским верованиям¹², они были третьим компонентом того особого сакрального пространства, которое в средневековой Московии было приготовлено исключительно для Господа Бога либо для государя – носителя власти божественного происхождения.

Таким особым местом были, например, восточные ворота Опричного дворца Ивана Грозного, «ибо царь позволил себе входить в священные ворота, приготовленные для Господа Бога»¹³. «Через восточные ворота князья и бояре не могли следовать за великим князем – ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней», – отмечает немецкий авантюрист, находившийся на службе у Ивана Грозного, опричник Г. Штаден¹⁴. Божественную природу, очевидно, здесь имели не только лошади, но и сани, которые в русском средневековье являлись наиболее почитаемым транспортом¹⁵. Как следствие, в особенных случаях их использовали не только зимой, но и в прочее время года. Так, в августе 1605 г. везли на санях из Москвы к месту захоронения в Троице-Сергиев монастырь останки Бориса Годунова и его жены¹⁶.

Сани XVI–XVII вв. были большие, украшенные резьбой, многокрасочной росписью и позолотой, обитые драгоценными яркими тканями и восточными коврами¹⁷, с санными полстями, шитыми золотом и низаными заморским жемчугом и драгоценными камнями¹⁸. Так, в государевой казне находились «сани большие выходные, резные золоченые, с царствы, на китах деревянных резных, те киты посеребрены. В тех санях обито бархатом червчатым двоеморховым, по нем травки и коруны золотные. Государево место сделано креслами, обито бархатом травческим розных цветов по серебреной земле. По бархату прибивано бахромы золотные гвоздьми серебреными, счетом 55 гвоздей. На месте две маковки серебрены золочены. На щиту и назади два орла двоеглавые, меж глав коруны; орлы и коруны деревянные резные, золоченые. С лица щит обит бархатом золотым по червчатой земле гвоздьми медными. И дышло, и боронки, и возничье место обито ко-

¹¹ См.: Рейтенфельс 1997, 299. Заметки Я. Рейтенфельса относятся к Московии первой половины 1570-х гг.

¹² Анучин 1890, 1–2.

¹³ Юрганов 1997, 63.

¹⁴ Штаден 1925, 108.

¹⁵ Так, например, погребение на санях не в зимний период применялось довольно широко и за пределами царского круга, особенно к людям почтенным и старикам.

¹⁶ Рабинович 1978, 259.

¹⁷ Забелин 2014а, 437.

¹⁸ Филимонов 1884, 132.

жами золотными, не ремьях; полозье подбито железом. С исподи те сани окорчья подбито сафьяном червчатым; в санях подножье обито сукном червчатым»¹⁹.

Другие царские сани, также выходные, были «резные золоченые, на них писаны с царствы, в резных кругах. В них обито государево место бархатом рудожелтым гладким; по бархату пришивано голун серебреной гвоздьми медными золочеными. У государева места по сторонам два орла резные золочены; у того же места на спусках бахрома золотная. На санях, поверх государева места, вырезан круг, в травах, резной, золоченой. Писано титло блаженной памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всея великой и малой и белой России самодержца; а с другую сторону писано в кругу ж: «Построены те сани во 190-м году марта в 6 д.». На ней орлик резной, золоченой. На щиту поставлен орел, с одну сторону резной золочен, а с другую сторону писан кругом места. У тех саней четыре скобы железные луженые, белые. Полозье и дышло и боронки писаны аспидом розными красками. Возничье место сделано железное, витое, и обито сукном червчатым. Запятки обиты сукном красным»²⁰.

Царские сани сопровождал возница из числа ближних стольников, который ехал верхом, управляя санями; другой стольник стоял на запятках («на ухабе»). При более пышных выездах в царских санях стояли еще и знатнейшие бояре и ближайшие стольники: первые – слева и справа от государя, а вторые – на оглоблях у переднего щита²¹. Санный выезд сопровождался пешими и конными боярами, окольничими, другими придворными и сотенными отрядами стрельцов «для тесноты людской»²².

Нужно отметить, что упомянутая «теснота» не входила в число непременных атрибутов власти в Московии. Современники отмечали, что царь Московии «величие свое заявляет не как иные монархи, толпою царедворцев, а больше всего роскошью одежд и красотою коней»²³. Но все же он «не выходит без того, чтобы при нем не было восемнадцати–двадцати тысяч всадников, ибо все, кто подчинен двору, садится на коня», замечает французский наемник капитан Жак Маржерет²⁴.

Выезды царицы были еще более великолепными. Именно здесь задействовались богато украшенные транспортные средства и самые лучшие лошади: «зимою тщеславятся санями, на которые поставлены кареты со стеклянными окнами, покрытые до земли алым или розовым сукном; летом же они величаются большими каретами. Всего больше они гордятся белыми лошадьми и множеством слуг и невольников, которые идут впереди и сзади», – свидетельствует архидиакон Павел Алеппский²⁵.

Нужно отметить, что по московским обычаям белые «как снег» лошади использовались преимущественно в конных поездах царицы и других высокоторже-

¹⁹ Викторов 1883, 501.

²⁰ Викторов 1883, 501.

²¹ Забелин 2014а, 437.

²² Забелин 2014а, 437.

²³ Таннер 1891, 108.

²⁴ Маржерет 2007, 145. Ж. Маржерет находился на русской службе в начале 1600-х гг.

²⁵ Алеппский 1898, 34. П. Алеппский путешествовал по России вместе со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием в 1654–1656 гг.

ственных случаях²⁶, поскольку «понятия светлого, благого божества и святости неразлучны»²⁷. Соотнесение образа царицы, как спутницы государя, со светом и святостью, было еще одной составляющей в складывании его сакрального образа. Соответственно, и царицу московскую, как и ее супруга, также уподобляли Солнечному божеству, «если случится увидать запряженную многими²⁸ белыми лошадьми карету Царицы, подражающую Юпитеру или Солнцу»²⁹.

Солнцеподобный облик августейшей супруги подчеркивался ее убранством. «Мы, истинно, удивлялись красоте царицыного наряда, – вспоминает греческий архиепископ Арсений Элассонский. – Мысль человеческая не в силах представить тех драгоценных уборов, которыми была украшена голова ей <...> Все были объяты “тихим испугом!” при виде различных украшений и множества смарагдов бледноватого цвета; последние были так велики, круглы и блестящи, что вес и цену даже одного из них очень трудно определить»³⁰. Так описывает архиепископ двенадцатиглавый венец царицы, унизанный крупным жемчугом и драгоценностями из самоцветов.

«На царице была длинная одежда, спускавшаяся до земли, с удивительным искусством сшитая из бархата, со множеством прекрасных узоров, красиво унизанных драгоценным жемчугом, а по средине топазами и ярко-красными рубинами, – продолжает архиепископ, отмечая одежды, великолепные и по мастерству исполнения, и по художественному решению. – Все это мы видели собственными глазами и думаем, что если бы взять самую небольшую часть этих сокровищ, то она могла бы собою украсить десяток царей!»³¹

Не только облачения царицы, но и ее лошади украшались наряднее прочих: «волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цепочками и круглыми шариками, в виде львиной головки, и покрывались попонами из бархата или обояри, обложенным золотою и серебряною бахромою с кистями по углам»³², что также приводило свидетелей этого великолепия в изумление. Так, например, по свидетельству голландского путешественника Я. Стрейса, лошади, увешанные лисьими хвостами, неизменно поражали воображение чужестранцев³³.

Не менее специфичным было убранство на шеях лошадей воевод в Московии: «и между глазами и на уздечках все пространство покрыто золочеными

²⁶ Белоснежные верховые кони также ценились выше прочих. Если они имели восточное происхождение, их выделяли в понятие «актаз». См.: Одинцов 1980, 92–93.

²⁷ Афанасьев 1865, 96.

²⁸ Обыкновенная запряжка для царицы составляла 12 лошадей. Однако отметим, что многолошадная упряжь более характерна для XVII в. Количество лошадей в упряжках со временем все увеличивалось, что привело к их законодательному ограничению для царского окружения. В 1681 г. царем Федором Алексеевичем «было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники на четырех, во время же свадеб и говоров на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимой в санях на одной лошади» (см.: Костомаров 1860, 120–121). Величина царского поезда, где встречались запряжки даже в 16 лошадей, не ограничивалась (см.: Олеарий 2003, 63).

²⁹ Эта аллегория принадлежит Августину Майербергу, посланнику австрийского посольства от императора Леопольда I к Алексею Михайловичу в 1662 г. См.: Майерберг 1874, 172.

³⁰ Элассонский 1879, 67–68. Записки А. Элассонского относятся к 1588–1589 гг.

³¹ Элассонский 1879, 67–68.

³² Костомаров 1860, 121.

³³ Стрейс 1935, 169. Я. Стрейс находился в Московии в 1668 г.

крестами»³⁴. Среди общего великолепия конского убранства самым эффектным и необычным было убранство царской лошади. Очевидцы вспоминают, как по случаю пасхальных торжеств «царь сидел на большом красивом сером коне, увешанном большими цепями из тяжелых золотых или позолоченных серебряных звеньев. Между звеньями кое-где висели прикованные к ним образы орла и святого Георгия»³⁵.

Отметим, что образ святого Георгия имел особое значение для презентации самодержавной власти. По летописным свидетельствам, первоначально всадник на государственной печати (так называемый «ездец») носил название «человек на коне»; однако современники называли его «государь на коне»³⁶. Надо отметить, что для средневековья вообще конные печати были делом обычным, но именно на Руси они получили особенно широкое распространение. Иконография конного образа на царских и великолкняжеских печатях прослеживается от античного всадника с копьем, воплощения воина и героя³⁷. К середине XVI в. семантическое значение ездеца однозначно связывалось с царской властью. Одновременно ездец трактовался современниками как святой защитник и покровитель³⁸.

Демонстрация набожности в системе конструирования сакрального образа государя и сакрального пространства вокруг него имела определенный смысл формирования образа богоизбранности носителя власти. Подчеркиванию набожности как части образа государя служили и богомольные выезды – как те, которые совершались в каждый церковный праздник, так и те, что совершались по особым случаям в жизни государя или государства.

Годовые, то есть совершаемые ежегодно, богомольные выезды были праздниками, которые отмечались очень пышно; в царской семье они одновременно исполняли роль главных годовых парадных женских выездов. Августейшая фамилия выезжала, главным образом, к Троице³⁹, то есть в Троице-Сергиеву Лавру; сюда выезжали и царь, и царица, каждый собственным конным поездом.

Троицкие выезды были самыми пышными из всех богомольных. Так, по признанию многих очевидцев, одним из самых богатых выездов на богомолье был Троицкий поезд Бориса Годунова 6 октября 1602 г. Приведем здесь описание этой исключительной по своему блеску процессии, которое принадлежит датскому посланнику Акселю Гюльденстиерне. «Царь выехал из Москвы в монастырь, называемый “Троица” <...> чтобы помолиться – как он имеет обыкновение то делать ежегодно на каждого Михаила <...> Впереди его ехало верхом около шестисот русских пищальников; за ними друг за другом 25 русских, ведших каждый в поводу замечательно красивую, хорошо убранную лошадь с седлом и убором; на семи задних заводных лошадях [были накинуты] через седло леопардовые шкуры. За этими заводными оседланными лошадьми вели в поводу шесть красивых рыжих упряжных лошадей в сбруе из алого бархата. Впереди него ехали верхом еще два боярина; каждый из них вез лестницу, обтянутую красным сукном, по которой он

³⁴ Алеппский 1897, 22.

³⁵ Витсен 1996, 157.

³⁶ Хорошкевич 1993, 16.

³⁷ Королькова 2007, 14.

³⁸ Юрганов 1998, 336.

³⁹ Об этом говорят многие из свидетелей, например, посланник английского короля Карла II граф Чарлз Карлейль, побывавший в России в 1663 г. См.: Карлейль 1879, 31.

имел взлезать в повозку и слезать из нее. Еще два других боярина везли в руках по подушке из парчи. За ними ехал верхом <...> ясельничий по имени Михаил Игнатьевич Татищев. Потом следовал царь в золоченой повозке с небом из ало-го бархата, запряженной шестью красивыми светло-серыми лошадьми в сбруе из ало-го бархата.

За ним ехал верхом его сын царевич, [одетый] в парчу, а возле него бежала большая толпа бояр и русских дворян – старииков, средних лет и молодых; за ними следовала большая толпа русских бояр. За ним следовало шесть повозок, в каждой из которых было устроено по большому фонарю, каковые имели ехать перед ним зажженными, когда станет темно, чтобы он мог ночью видеть. У повозки его тоже бежала большая толпа бояр, как старых, так и молодых.

Через полчаса [показалась] другая большая толпа русских дворян верхом. За ними ехало 40 русских стрельцов, державших каждый в поводу по красивой серой в яблоках лошади; половина этих лошадей была покрыта зелеными, а половина оранжевыми покровами, каковых лошадей вели впереди повозки царицы. За ними ехало верхом двое бояр и везли каждый по лестнице, обтянутой алым бархатом. За ними ехало верхом два других боярина, из коих каждый вез по парчовой подушке. Затем ехали на серых лошадях восемь бояр в алом бархате.

За ними следовала царица в золоченой повозке с небом из ало-го бархата, и против нее в повозке сидели две боярыни. Повозка ее была запряжена десятью очень красивыми серыми лошадьми.

За нею следовала царевна, ехавшая также в золоченой повозке с небом из оранжевого бархата <...> Повозка ее была запряжена восемью красивыми серыми лошадьми. Как кругом царицыной, так и кругом царевниной повозки бежала большая толпа бояр. За повозкою царевны ехало верхом 36 боярынь, все замужние, одетые в красное, все в белых войлочных шляпах с широкими полями и красными повязками вокруг шляпы и с белою [фатою, закрывавшей] рот. Сидели они на лошадях по-мужски. За ними следовало большое множество повозок, запряженных каждая четырьмя серыми лошадьми; [в повозках этих] сидели вдовы. При царице, так же как и при царе, было шесть повозок с большими фонарями»⁴⁰.

Еще более блестящим признавали выезд 1675 г., в котором традиционный поезд был дополнен сопровождающими его знаменосцами, пушками с канонирами, скороходами и музыкантами (трубачами и барабанщиками). В выезде также участвовали иноземные посланники. Охрана поезда составляла 14 000 воинов без учета ветеранов пехоты, стрельцов, конных стрелков, копейщиков, секироносцев и оруженосцев⁴¹. В процессии принимали участие и царские дети, для выездов которых, по уже оформленной традиции, при русском дворе держали малорослых лошадок: «следовала маленькая, вся испещренная золотом карета младшего Князя в четыре лошадки Пигмейской породы, по бокам шли четыре карлика, и такой же сзади верхом на крохотном коньке. В другой карете везли царских детей»⁴².

Современники признавали, что важную роль в оформлении этого выезда сыграли новые одежды для государевой свиты и конское убранство, изготовленные

⁴⁰ Гюльденстиеरне 1911, 26–27. Аксель Гюльденстиерне – участник датского посольства 1602 г., сопровождавшего жениха Ксении Годуновой герцога Иоганна.

⁴¹ Лизек 1837, 363–364.

⁴² Лизек 1837, 366.

специально для этого случая по заказу боярина А.С. Матвеева⁴³. Частью этого удивительного убранства были «персидские ковры, для лошадей, удивительно вытканные серебром и золотом»⁴⁴; каждый из которых несли два человека, а также тигровые и леопардовые покровы, серебряные удила, повода из золотного шелка и красный штофный чепрак, украшенный финифтью и кованым золотом.

Троицкие богомолья обыкновенно совершались как совместные семейные выезды. В сложной системе государственного церемониала именно они имели смысл «торжественного свидетельства Царского благочестия»⁴⁵, что служило складыванию не только сакрального образа монарха, но и сакрального пространства вокруг него.

Кроме Троице-Сергиевой Лавры, царская семья посещала Страстной, Новодевичий и Новоспасский монастыри и другие пригородные и загородные монастыри и подворья. Так, сохранилось описание выезда в храм села Покровского, оставленное немецким путешественником и географом А. Олеарием. «Его царское величество со своими боярами, князьями и солдатами, то есть в общем со свитою человек в 1000, отправился с полмили от города на паломничество в какую-то церковь. Великий князь ехал один с кнутом в руке; за ним ехали бояре и князья, по 10 в ряд, представляя великолепное зрелище. Далее следовали великая княгиня с молодым князем и княжною в деревянной, разукрашенной резьбою, сверху обтянутой красным сукном, а с боков желтою тафтою, большой повозке, которую везли 16 белых лошадей. За нею следовал женский штат царицы в двадцати двух деревянных повозках, выкрашенных в зеленый цвет и также обтянутых красным сукном, как была обтянута и конская упряжь. Повозки были накрепко закрыты, так что внутри никого нельзя было видеть, разве если случайно ветер поднимал занавесы; мне как раз привелось испытать подобное счастье при проезде повозки ее царского величества, так что я увидел ее лицо и одежду, которая была очень великолепна. С боков шли более 100 стрельцов с белыми палками; они ударами разгоняли с дороги сбегавшийся отовсюду народ. Народ, который очень любит и уважает власти, все время с особым благоговением желал им счастья и благословлял их путь»⁴⁶.

Парадная церемония царского выезда совершалась даже в том случае, если проехать нужно было крайне незначительное расстояние, соответственно традиции, которая заключалась в том, что «если русский имеет хоть какие-нибудь средства, он никогда не выходит из дома пешком, но зимой выезжает на санях, а летом верхом». Это свидетельство принадлежит английскому посланнику Антонию Дженкинсону⁴⁷. «Ни один знатный человек из тех, что побогаче, не пойдет пешком», – сообщает австрийский дипломат и историк Сигизмунд Герберштейн⁴⁸. «Зажиточные и богатые люди всегда ездят верхом, куда им приведется, в Кремль ли, на торг, в церковь или в гости, для посещения друг друга, и считают большим

⁴³ Седов 2006, 185.

⁴⁴ Лизек 1837, 365.

⁴⁵ Цит. по: Седов 2006, 184.

⁴⁶ Олеарий 2003, 63. Записки А. Олеария относятся к 1634 г.

⁴⁷ Дженкинсон 1937, 80. А. Дженкинсон был в России многократно в качестве дипломата и коммерсанта и свое пребывание подробно описал в записках.

⁴⁸ Герберштейн 1988, 122. С. Герберштейн был в России дважды – в 1517 г. и в 1526 г. В основу «Записок о Московии» С. Герберштейна положены материалы его второго путешествия.

стыдом и бесчестьем ходит пешком», – вторит ему шведский историк и посланник П. Ерлезунда⁴⁹. Таким образом, заключает Ж. Маржерет, «когда Император выезжает за город, пусть даже на шесть–семь верст от города, большая их часть отправляется с ним, получая лошадей из конюшен Императора»⁵⁰. Царская конная процессия выглядела более чем внушительно, о чем сохранились многочисленные воспоминания современников.

Годовые богослужебные выезды главным образом совершались в дни памяти усопших родителей⁵¹ в Новоспасский монастырь, где покоились предки Романовых. Выезжала царская семья для молебнов и о здравии, и о рождении детей.

Богослужебные выезды одного только государя случались реже, они совершались по особым случаям (например, в благодарение за рождение детей). Вопрос продления рода в данном случае не был только частным семейным делом, поскольку речь шла о благополучии царской династии и всего государства. Следовательно, выездам для молитв о преображении из «бесчадной жены в чадородную»⁵² придавался характер официальных церемоний, которым часто сопутствовали и другие действия, такие как закладка обетных храмов в посещаемых местах и богатые вклады.

Так, в 1600 г. торжественно доставляли в Троице-Сергиев монастырь полицейский колокол и драгоценную ризу на икону. Шествие происходило следующим образом. «Сначала, в течение всего утра, выходили из города различные конные отряды и размещались для встречи царя при его выезде из городских ворот. Около полудня царь отправил вперед свою гвардию, которая была вся конная, числом в 500 человек, одетых в красные кафтаны; они ехали по трое в ряд, имея луки и стрелы, сабли у пояса и секиры при бедре. За гвардией двадцать человек вели двадцать прекрасных коней с двадцатью очень богатыми и искусно отделанными седлами, и еще десять для царского сына и наследника, которому теперь 12 лет от роду. За ними вели, таким же образом, двадцать прекрасных белых лошадей для царицыных карет; на этих лошадях были только красивые попоны, а на голове узда из красного бархата», – пишет англичанин Вильям Парри, бывший в России проездом в 1599–1600 гг.⁵³

Следом за каретными лошадьми шествовали монахи и горожане, а «позади них вели царского коня <...> а также коня царевича; седло и прочая сбруя царского коня были в изобилии осыпаны драгоценными, прекраснейшими каменьями»⁵⁴. Далее следовали церковные иерархи, царь, который вел за руку сына, и царица в сопровождении шестидесяти придворных дам. Позади них ехали три роскошные огромные кареты, запряженные, соответственно, десятью, восемью и шестью прекрасными лошадьми. За августейшей семьей и вереницей карет следовали придворные, за которыми везли ризу и колокол. Их сопровождение составляло в общей сложности 4 000 человек. Убранство коней, роскошь карет и парадных одежд участников процессии поражали воображение очевидцев.

⁴⁹ Ерлезунда 1867, 402.

⁵⁰ Маржерет 2007, 144–145.

⁵¹ Забелин 2014б, 399.

⁵² Ракитина 2009, 47.

⁵³ Парри 1899, 8. В. Парри был в числе англичан, находившихся в составе персидского посольства от Шаха Аббаса I в Европу.

⁵⁴ Парри 1899, 8.

Еще более красочно был оформлен обряд «шествия на ослятии», символизировавший вход Господень в Иерусалим; он проводился в неделю Вайи в Вербное воскресенье. По словам очевидцев, шествие было «особой церемонией: митрополит садится на коня, покрытого ковром, которого за повод ведет князь, и если не он, то его сын или самый знатный боярин. Навстречу им, — пишет итальянец-иезуит П. Кампани, — идет много народа с повозками, на которых находятся дети, поющие псалмы, а сами повозки украшены ветками деревьев и всякого рода плодами, которые можно найти в это время года. В таком порядке, в сопровождении толпы народа, они торжественно продвигаются к церкви, где и совершается богослужение»⁵⁵.

Центром внимания в этой церемонии была лошадь, изображающая осла, согласно иконографическому канону. Убранство ее состояло из каптура⁵⁶ — особого рода длинной, до копыт, холщовой⁵⁷ или (реже) шелковой⁵⁸ попоны с капюшоном, мягкого поперечного седла⁵⁹, и длинных поводьев. «Царь выступал в своем самом торжественном убранстве», — сообщает гданьский монах-путешественник Мартин Груневег, которому удалось приблизиться к русскому государю почти вплотную⁶⁰. Важной частью внешней стороны обряда были красные и зеленые одежды, которые участники действия бросали под ноги лошади: «человек 30 расстилают свои платья перед лошадью и, как только она пройдет по ним, поднимают платья, забегают вперед и снова расстилают, так что лошадь постоянно идет по одеждам. Расстилающие платья все сыновья священников; за их труды Царь жалует им новые платья», — отмечали очевидцы⁶¹.

Некоторым подобием этого ритуала было «шествие на ослятии» при интронизации патриарха или митрополита. Наиболее важным отличием было то, что здесь «осля» вел придворный — конюший, боярин или окольничий, который не представлял царя, а только выполнял почетную функцию⁶². Государь в этом шествии участия не принимал, однако само оно проходило в Кремле: «А после обедни Патриарх Иосиф вышел из Церкви Положения честных Ризы пречистыя Богородицы, и сойде по лестнице, и сяде на осля у лестницы с приступки, и поехал с Патриаршем двора в Ризоположенские ворота, а вел под Патриархом осля за конец повода боярин Василий Петрович Шереметев, а по среди повода вел окольничей князь Андрей Федорович Литвинов Масальской, а у губы осля, с правую сторону, вел его Патриарш боярин Василий Янов, а с другую сторону за узду вел осля стремянной конюх; те же, которые вели и в неделю»⁶³.

⁵⁵ Кампани 1969, 84. Паоло Кампани был в составе посольства во главе с ватиканским дипломатом-иезуитом Антонио Поссевино, прибывшего в Москву в феврале 1582 г.

⁵⁶ Савваитов 1896, 51.

⁵⁷ Ченслер 1884, 19. Ричард Ченслер — английский коммерсант; в Московии он был дважды, оба раза — в 1550-х гг.

⁵⁸ Вебер, Лунд 1867, 40. И. Вебер и М.И. Лунд — участники датского посольства 1602 г. сопровождавшего жениха Ксении Годуновой герцога Иоганна.

⁵⁹ Роде 1991, 294. Андрей Роде был участником датского посольства Г. Ольделанда, которое находилось в Москве в 1659 г.

⁶⁰ Груневег 2013, 228. Записки М. Груневега относятся к 1584–1585 гг.

⁶¹ Барсов 1884, 19.

⁶² Успенский 1998, 458.

⁶³ Новиков 1788, 252–253.

Отметим, что обряд «шествия на осятии» за время своего существования подвергался изменениям. Наиболее старинный порядок сохранялся до 1559 г., когда был освящен придел Входа Господня в Иерусалим Покровского собора на Рву (вхождение во Входо-Иерусалимскую церковь уподоблялось вхождению Христа в Иерусалим). Процессия обходила церкви Кремля и затем возвращалась в Успенский собор, не выходя за его пределы. С 1559 до 1656 г. шествие совершилось из кафедрального Успенского собора в Покровский собор на Рву и затем обратно в Успенский собор. При Никоне традиционный порядок был изменен, и «осля» теперь вели от Лобного места до Успенского собора⁶⁴.

Не обходилось без конных поездов и водокрещение, когда лошади получали ритуальное питье и везли царские сани с освященной водой. Так, например, описывает Р. Ченслер обряд, происходивший в Москве в 1558 г.: «Привели царских жеребцов напиться этой воды; также и другие многие приводили сюда своих лошадей – напоить их; через это делали своих лошадей столь святыми, как и самих себя»⁶⁵. Ему вторит и другой очевидец этого события, английский коммерсант и дипломат Дж. Флетчер, который отмечает, что лошадей ведут к реке после людей⁶⁶. По свидетельству А. Дженкинсона, обычай (который И. Корб называет «благословлением реки» – Б.Ш.) касался только лучших царских лошадей⁶⁷.

По словам Иоганна Корба, бывшего секретарем австрийского посольства И.Х. Гвариента, лошади участвовали в этом обряде еще в одной роли: шесть белых лошадей «привозили покрытый красным сукном сосуд, напоминавший своей фигурой саркофаг. В этом сосуде надлежало затем отвезти благословленную воду в дворец его Царского Величества»⁶⁸. Эти заметки относятся к 1699 г.; освящение лошадей, насколько можно судить, в это время уже не практиковалось, их участие здесь ограничивается лишь утилитарно-практической ролью. Он же отмечает, что лошади доставляли не только царские сани со златыми сосудами, предназначеными для святой воды, но и полевые орудия – лафеты. Для наибольшей торжественности лошади подбирались похожие одна на другую; они и сани «были богато украшены, согласно представлениям о “чине”». Так, военный и дипломат Михаил Обухович, бывший в Московии в 1650–1660-х гг., пишет, что «лошадиные головы убирались страусовыми перьями, их спины и дуги саней были покрыты красным бархатом; сами сани были накрыты золотной парчой»⁶⁹. Лошади у орудий, как свидетельствует голландский посланник Балтазар Койэтт, имели гербовые попоны⁷⁰. Замечание Б. Койэтта относится к январю 1676 г.

Здесь же отметим, что для совершения различных ритуалов требовались животные определенной масти. Так, для исполнения водосвятия, согласно русскому пониманию взаимосвязи света и святости, чаще всего выбирались белые лоша-

⁶⁴ Успенский 1998, 442–444.

⁶⁵ Ченслер 1884, 18.

⁶⁶ Флетчер 1906, 116.

⁶⁷ Дженкинсон 1937, 78.

⁶⁸ Корб 1906, 111–113.

⁶⁹ Обухович 1991, 40–42. М. Обухович был посланником польского и великого князя литовского Яна II Казимира Вазы.

⁷⁰ Койэтт 1900, 377. Б. Койэтт был в составе Великого голландского посольства Кунраада Фан-Кленка в 1675–1676 гг.

ди⁷¹, однако есть свидетели, например, тот же Б. Койэтт⁷², которые говорят о присутствии в процесии вороных лошадей.

Заключение

Итак, в Московии XVI–XVII вв. церемониал царского парадного конного выезда уже был сформирован; особый язык ритуалов и символов царской власти определен и обозначен. Конь, как животное с древней мифо-ритуальной историей, в русской культуре был довольно широко вовлечен в эту сферу. В этих условиях царский конный выезд получил значимость не только как часть русской средневековой культуры в целом: он стал важнейшим средством выстраивания образов царской власти. Божественное происхождение царской власти подчеркивалось посредством коня, служившего самостоятельным солярным символом и спутником солнечного божества. Дорогие породистые кони и их драгоценное убранство – эти непременные компоненты власти – способствовали формированию образа русского царя как могущественного богоизбранного властителя в глазах представителей иноземной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алеппский, П. 1897: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. Украина и Киев. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 1–80.
- Алеппский, П. 1898: *Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века*. Москва. М.
- Анучин, Д.Н. 1890: *Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда*. М.
- Афанасьев, А.Н. 1865: *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Т. 1. М.
- Барсов, Е.В. (ред.) 1884: Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе. Известия англичан о России во второй половине XVI века. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 12–29.
- Бонгард-Левин, Г.М., Грантовский, Э.А. 1988: Скифы и славяне: мифологические параллели. В сб.: В.А. Тимошук (ред.), *Древности славян и Руси*. М., 110–114.
- Вебер, И., Лунд, М.И. 1867: Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего из королевского датского рода и проч. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 2–56.
- Викторов, А.Е. 1883: *Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г.* М.
- Витсен, Н. 1996: *Путешествие в Москвию. 1664–1665*. СПб.
- Гваньини, А. 1997: *Описание Московии*. М.
- Герберштейн, С. 1988: *Записки о Московии*. М.
- Грунневег, М. 2013: *Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг.* М.
- Гюльденстирне, А. 1911: Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Гольштейнского в Россию 1602 г. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 3, 32–63.

⁷¹ Рейтенфельс 1997, 373.

⁷² Койэтт 1900, 381.

- Денисова, М.М. 1954: Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков. В сб.: С.К. Богоявленский, Г. А. Новицкий (ред.), *Государственная Оружейная палата Московского Кремля*. М., 247–304.
- Дженкинсон, А. 1937: Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. В кн.: Ю.В. Готье (ред.), *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. М., 67–80.
- Ерлезунда, П.П. 1867: История о Великом Княжестве Московском. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 2, 343–578.
- Забелин, И.Е. 2014а: *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*. М.
- Забелин, И.Е. 2014б: *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*. М.
- Капмани, П. 1969: Записки. Сведения о России конца XVI в. *Вестник МГУ* 6, 80–85.
- Карлейль, Ч. 1879: Описание Московии при реляциях гр. Карлейля. *Историческая библиотека: ученно-литературный журнал* 5, 1–46.
- Койэтт, Б. 1900: *Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу*. СПб.
- Корб, И.Г. 1906: *Дневник путешествия в Москвию (1698 и 1699 гг.)*. СПб.
- Королькова, Е.Ф. 2007: «Полцарства за коня...». В кн.: М.Б. Пиотровский (ред.), *«Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа*. Казань, 13–28.
- Костомаров, Н.И. 1860: *Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях*. СПб.
- Лизек, А. 1837: Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. *Журнал Министерства народного просвещения* 16, 327–394.
- Масса, И. 1937: *Краткое известие о Московии в начале XVII в.* М.
- Майерберг, А. 1874: *Путешествие в Москвию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительенного совета Нижней Австрии*. М.
- Маржерет, Ж. 2007: Состояние Российской империи. В кн.: А. Берелович, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров (ред.), *Жак Маржерет. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи)*. М., 113–186.
- Новиков, Н.И. (ред.) 1788: Чин Патриаршия круг города на осляти шествия, бываемого в день постановления Российских патриархов, и следующие в том обряды, 1642 года. *Древняя российская вивлиофика* 2, 245–261.
- Обухович, М. 1991: Дневник Михаила Обуховича, стражника Великого княжества Литовского, писанный в плену в Москве в 1666 году. В кн.: М.М. Сухман (ред.), *Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков*. М., 335–341.
- Одинцов, Г.Ф. 1980: *Из истории гипнотической лексики в русском языке*. М.
- Олеарий, А. 2003: *Описание путешествия в Москвию*. Смоленск.
- Парри, В. 1899: Проезд через Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 3–10.
- Рабинович, М.Г. 1978: *Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт*. М.
- Ракитина, М.Г. 2009: Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI–XVII вв. В сб.: С.А. Козлов (ред.), *Исследования по источниковедению России (до 1917 г.)*. М., 46–70.
- Рейтенфельс, Я. 1997: Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. В кн.: А. Либерман (ред.), *Утверждение династии*. М., 231–406.
- Роде, А. 1991: Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольдланда в 1659 году. В кн.: Н.М. Рогожин (ред.), *Проезжая по Москвии*. М., 285–319.

- Савваитов, П.И. 1896: *Описание старинных русских утварей, одеял, оружия, ратных доспехов и конского прибора*. СПб.
- Седов, П.В. 2006: *Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века*. СПб.
- Стрейс, Я. 1935: *Три путешествия*. М.
- Таннер, Б. 1891: Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 3, 1–102.
- Успенский, Б.А. 1998: *Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление*. М.
- Филимонов, Г.Д. (ред.) 1884: *Опись Московской Оружейной палаты. Конюшенная казна. Ловчий снаряд*. М.
- Флетчер, Дж. 1906: *О государстве русском, или образ правления русского царя*. СПб.
- Хорошкович, А.Л. 1993: *Символы русской государственности*. М.
- Ченслер, Р. 1884: Известия англичан о России во второй половине XVI века. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 1–105.
- Штаден, Г. 1925: *О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*. М.
- Элассонский, А. 1879: Описание путешествия в Москвию. *Историческая библиотека: ученово-литературный журнал* 9, 45–97.
- Юрганов, А.Л. 1997: Опричнина и страшный суд. *Отечественная история* 3, 52–75.
- Юрганов, А.Л. 1998: *Категории русской средневековой культуры*. М.

REFERENCES

- Afanas'ev, A.N. 1865: *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic Views on the Nature of the Slavs]*: v 3 t. T.1. Moscow.
- Aleppskii, P. 1897: *Puteshestvie antiokhiiiskogo patriarkha Makariya v Rossiyu. Ukraina i Kiev* [The Journey of the Antiochian Patriarch Makarios to Russia. Ukraine and Kiev]. *Чтения в Обществе истории и древности российских* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 4, 1–80.
- Aleppskii, P. 1898: *Puteshestvie antiokhiiiskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka. Moskva* [The Journey of the Antiochian Patriarch Makarios to Russia in the Half of the 17th Century. Moscow]. Moscow.
- Anuchin, D.N. 1890: *Sani, lad'ya i koni kak prinadlezhnost' pokhoronnogo obryada [Sleigh, Boat and Horses as Belonging to a Funeral Rite]*. Moscow.
- Barsov, E.V. (red). 1884: *Opisanie Rossii neizvestnogo anglicanina, sluzhivshego zimu 57–58 godov pri Tsarskom dvore. Izvestiya anglican o Rossii vo vtoroi polovine XVI veka* [Description of Russia an Unknown Englishman who Served the Winter of 57–58 years at the Tsar's Court. News of the British about Russia in the Second Half of the 16th century]. *Чтения в Обществе истории и древности российских* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 4, 12–29.
- Bongard-Levin, G.M., Grantovskii, E.A. 1988: *Skify i slavyane: mifologicheskie parallelы* [Scythians and Slavs: mythological parallels]. In: V.A. Timoshchuk (red.), *Drevnosti slavyan i Rusi* [Antiquities of the Slavs and Russia]. Moscow, 110–114.
- Chensler, R. 1884: *Izvestiya anglican o Rossii vo vtoroi polovine XVI veka* [News of the British about Russia in the Second Half of the 16th Century]. *Чтения в Обществе истории и древности российских* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 4, 1–105.
- Denisova, M.M. 1954: *Konyushennaya kazna. Paradnoe konskoe ubranstvo XVI–XVII vekov* [Stable Treasury. The Ceremonial Horse Decoration of the XVI–XVII Centuries]. In: S.K. Bogoyavlenskii, G.A. Novitskii (red.) *Gosudarstvennaya Oruzheinaya palata Moskovskogo Kremla* [The State Armory Chamber of the Moscow Kremlin]. Moscow, 247–304.

- Dzhenkinson, A. 1937: *Puteshestvie iz Londona v Moskvu 1557–1558 gg. [A Trip from London to Moscow in 1557–1558]*. In: Yu.V. Got'e (red.), *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Moscow State in the 16th Century]*. Moscow, 67–80.
- Ellasonskii, A. 1879: *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of the Trip to Muscovy]*. *Istoricheskaya biblioteka: ucheno-literaturnyi zhurnal [Historical library: Scientific and Literary Magazine]* 9, 45–97.
- Erlezunda, P.P. 1867: *Istoriya o Velikom Knyazhestve Moskovskom [History of the Grand Duchy of Moscow]*. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian]* 2, 343–578.
- Filimonov, G.D. (red.) 1884: *Opis' Moskovskoi Oruzheinoi palaty. Konyushennaya kazna. Lovchii snaryad [Inventory of the Moscow Armory Chamber. Stable Treasury. Hunting Equipment]*. Moscow.
- Fletcher, Dzh. 1906: *O gosudarstve russkom, ili obraz pravleniya russkogo tsarya [On the State of Russian, or the Government of the Russian Tsar]*. Saint-Petersburg.
- Gerbershtein, S. 1988: *Zapiski o Moskovii [Notes about Muscovy]*. Moscow.
- Grunev, M. 2013: *Zapiski o torgovoi poezdke v Moskvu v 1584–1585 gg. [Notes on a Shopping Trip to Moscow in 1584–1585]*. Moscow.
- Gvan'ini, A. 1997: *Opisanie Moskovii [Description of Muscovy]*. Moscow.
- Gyul'densterne, A. 1911: *Puteshestvie ego knyazheskoi svetlosti gertsoga Gansa Shlezvig-Golshtinskogo v Rossiyu 1602 g. [Tour of his Serene Highness the Duke of Schleswig-Holstein Hans in Russia in 1602]*. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian]* 3, 32–63.
- Kampani, P. 1969: *Zapiski. Svedeniya o Rossii kontsa XVI v. [Notes. Information about Russia at the End of the XVI Century]*. *Vestnik MGU [MSU Vestnik]* 6, 80–85.
- Karleil', Ch. 1879: *Opisanie Moskovii pri relyatsiyakh gr. Karleilya [Description of Muscovy at the Relays of Carlyle]*. *Istoricheskaya biblioteka: ucheno-literaturnyi zhurnal [Historical Library: Scientific and Literary Magazine]* 5, 1–46.
- Khoroshkevich, A.L. 1993: *Simvolы russkoi gosudarstvennosti [Symbols of Russian Statehood]*. Moscow.
- Koiett, B. 1900: *Posol'stvo Kunraada fan Klenka k tsaryam Alekseyu Mikhailovichu i Feodoru Alekseevichu [Kunraad fan Klenk Embassy to the Kings Alexei Mikhailovich and Feodor Alekseevich]*. Saint-Petersburg.
- Korb, I.G. 1906: *Dnevnik puteshestviya v Moskoviyu (1698 i 1699 gg.) [Diary of a trip to Muscovy (1698 and 1699)]*. Saint-Petersburg.
- Korol'kova, E.F. 2007: «*Poltsarstva za konya... »* [«A Half-Kingdom for a Horse ...»]. In: M.B. Piotrovskii (red.), «*Poltsarstva za konya... » Loshad' v mirovoi kul'ture. Proizvedeniya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha [«A Half-Kingdom for a Horse ...» A Horse in World Culture. Works from the Collection of the State Hermitage]*. Kazan, 13–28.
- Kostomarov, N.I. 1860: *Ocherk domashnei zhizni i nравov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh [Essay on the Home Life and Customs of the Great Russian People in the 16th and 17th centuries]*. Saint-Petersburg.
- Lizek, A. 1837: *Skazanie Adol'fa Lizeka o posol'stve ot imperatora Rimskogo Leopol'da k velikomu tsaryu Moskovskomu Alekseyu Mikhailovichu v 1675 g. [Legend of Adolf Lizek about the Embassy from the Emperor of Rome Leopold to the Great Tsar Alexei Mikhailovich of Moscow in 1675]* *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]* 16, 327–394.
- Maierberg, A. 1874: *Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Maierberga, chlena imperatorskogo pridvornogo soveta i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, kavalera i chlena pravitel'stvennogo soveta Nizhnei Avstrii [A trip to Muscovy by Baron Augustin Meyerberg, a member of the Imperial Court, and Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, a cavalryman and member of the State Council of Lower Austria]*.

- a Member of the Imperial Court Council and Horace Wilhelm Kalvucci, a Chevalier and Member of the Government Council of Lower Austria]. Moscow.*
- Marzheret, Zh. 2007: *Sostoyanie Rossiiskoi imperii* [The state of the Russian Empire]. In: A. Berelovich, V. D. Nazarov, P.Yu. Uvarov (red.), *Zhak Marzheret. Sostoyanie Rossiiskoi imperii. Zh. Marzheret v dokumentakh i issledovaniyakh (Teksty, kommentarii, stat'i)* [Jacques Margeret. *The State of the Russian Empire. J. Margeret in Documents and Studies (Texts, Comments, Articles)*]. Moscow, 113–186.
- Massa, I. 1937: *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [Short News about Muscovy in the Beginning of the XVII Century]. Moscow.
- Novikov, N.I. (red) 1788: *Chin Patriarshiya krug goroda na oslyati shestviya, byvaemogo v den' postanovleniya Rossiiskikh patriarchov, i sleduyushchie v tom obryady, 1642 goda* [The Rite of the Patriarchal Procession on the Donkey Around the City on the Day of the Russian Patriarchs' Establishment, and the Following Ceremonies, in 1642]. *Drevnyaya rossiiskaya vivliofika* [Ancient Russian Vivliography] 2, 245–261.
- Obukhovich, M. 1991: *Dnevnik Mikhaila Obukhovicha, strazhnika Velikogo knyazhestva Litovskogo, pisannyi v plenu v Moskve v 1666 godu* [The Diary of Mikhail Obukhovich, the Guard of the Grand Duchy of Lithuania, Wrote in Captivity in Moscow in 1666]. In: M.M. Sukhman (red), *Inostrantsy o drevnei Moskve: Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about Ancient Moscow: Moscow XV–XVII centuries]. Moscow, 335–341.
- Odintsov, G.F. 1980: *Iz istorii gippologicheskoi leksiki v russkom yazyke* [From the History of Hippological Lexicon in Russian]. Moscow.
- Olearii, A. 2003: *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of the Trip to Muscovy]. Smolensk.
- Parri, V. 1899: *Proezd chrez Rossiyu persidskogo posol'stva v 1599–1600 gg.* [Passage through Russia of the Persian embassy in 1599–1600]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 4, 3–10.
- Rabinovich, M.G. 1978: *Ocherki etnografii russkogo feodal'nogo goroda. Gorozhane, ikh obshchestvennyi i domashniy byt* [Essays on the Ethnography of the Russian Feudal City. Citizens, their Social and Home Life]. Moscow.
- Rakitina, M.G. 2009: *Obryady rozhdeniya i kreshcheniya tsarskikh detei v Rossii XVI–XVII vv.* [Rites of Birth and Baptism of Royal Children in Russia XVI–XVII Centuries] In.: S.A. Kozlov (red.) *Issledovaniya po istochnikovedeniyu Rossii (do 1917 g.)* [Research on Source Russia (before 1917)]. Moscow, 46–70.
- Reitenfel's, Ya. 1997: *Skazaniya svetleishemu gertsogu Toskanskому Koz'me Tret'emu o Moskovii* [Tales to the Most Serene Duke of Tuscany Kozma the Third about Muscovy]. In: A. Liberman (red.), *Utverzhdenie dinastii* [Approval of the Dynasty]. Moscow, 231–406.
- Rode, A. 1991: *Opisanie vtorogo posol'stva v Rossiyu datskogo poslannika Gansa Ol'delanda v 1659 godu* [Description of the Second Embassy in Russia, the Danish Envoy Hans Oldeland in 1659]. In: N.M. Rogozhin (red.), *Proezzhaya po Moskovii* [Driving Through Moscow]. Moscow, 285–319.
- Savvaitov, P.I. 1896: *Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhov i konskogo pribora* [Description of the Ancient Russian Utensils, Clothes, Weapons, Military Armor and Horse Equipment]. Saint-Petersburg.
- Sedov, P.V. 2006: *Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [Sunset of the Moscow Kingdom. The Royal Court of the End of the XVII Century]. Saint-Petersburg.
- Shtaden, G. 1925: *O Moskve Ivana Groznogo. Zapiski nemtsa-oprichnika* [About Ivan the Terrible Moscow. Notes by German-guardsmen Oprichnik]. Moscow.
- Streis, Ya. 1935: *Tri puteshestviya* [Three Trips]. Moscow.
- Tanner, B. 1891: *Opisanie puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 g.* [Description of the Journey of the Polish Embassy to Moscow in 1678]. *Chteniya v Obshchestve istorii*

-
- i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 3, 1–102.
- Uspenskii, B.A. 1998: *Tsar'i patriarch: kharizma vlasti v Rossii. Vizantiiskaya model'i ee russkoe pereosmyslenie* [Tsar and Patriarch: the Charisma of Power in Russia. The Byzantine Model and its Russian Rethinking]. Moscow.
- Veber, I. & Lund, M.I. 1867: *Podlinnoe izvestie o russkom i moskovskom puteshestvii i v'ezde svetleishego vysokorodnogo knyazya i gosudarya, gospodina gertsoga Iogansena mlashego iz korolevskogo datskogo roda i proch.* [The True News of the Russian and Moscow Travel and Entry of the Most Noble Prince and Prince, Duke Johansen Jr. of the Royal Danish family, and so on]. In: *Dva svatovstva inozemnykh printsev k russkim velikim knyazham v XVII stoletii. Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 4, 2–56.
- Viktorov, A.E. 1883: *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovых prikazov 1613–1725 g.* [Description of Note Books and Papers of Old Palace Orders in 1613–1725]. Moscow.
- Vitsen, N. 1996: *Puteshestvie v Moskoviyu. 1664–1665* [Travel to Muscovy. 1664–1665]. Saint-Petersburg.
- Yurganov, A.L. 1997: *Oprichnina i strashnyi sud* [Oprichnina and the Last Judgment]. *Otechestvennaya istoriya* [Native history] 3, 52–75.
- Yurganov, A.L. 1998: *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow.
- Zabelin, I.E. 2014b: *Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh* [Home Life of Russian Queens in the XVI and XVII Centuries]. Moscow.
- Zabelin, I.E. 2014a: *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh* [Home Life of Russian Kings in the XVI and XVII Centuries]. Moscow.

SACRAL IN THE ROYAL HORSE EQUIPAGE: NARRATIVE SOURCES OF THE LATE RUSSIAN MIDDLE AGES

Bella L. Shapiro

*Russian State University for the Humanities, Russia,
b.shapiro@mail.ru*

Abstract. The work reveals the basic principles of designing of sacred space in the Russian court culture via the study of the history of the horse, one of the most mythologized animals in Russian culture. In this context, the works of foreigners who visited the Moscow state in 16th – 17th centuries are analyzed. They are deeply studied by the Russian historians memoirs by S. Herberstein, A. Olearius, J. Margeret, A. Staden, B. Jenkinson, B. Coyett and less well-known works of A. Lizek, A. Elassonskiy, M. Obukhovich, M. Gruneweg, Th. Carlyle, W. Parry, P. Campani and other authors. The memoirs of diplomats, travelers and merchants are considered as unique sources of the history of the state ceremony of the Russian late middle ages, filled with colorful details. As a striking cultural phenomenon, horseback riding trips are discussed, which at this time were the most solemn. The scope of trips, the most characteristic of the court culture of the period is defined. The study focuses at on the most solemn horse ceremonies: the visits of the Queen as well as on the pilgrimage family trips. Among them, the paper examines the obligatory annual visits to the Trinity Lavra of St. Sergius. The author analyzes the significance of other trips for the formation of sacred space in the Russian court culture, in particular, “shestviya na

oslyati" (The donkey walk) and the visit of "vodokreshchenniya" (Epiphany). In conclusion, we consider the specificity of ritual choice of the suit of animals according to the understanding in Russian culture the relationship of light and Holiness. Summing up the results of the work, according to which in Moscova of the late middle ages the horse was a range of the means that intensively formed the sacral space.

Key words: Russian culture, sacral, ritual, ceremonial, Moscow state, history of a horse

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 122–134
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 122–134
© Автор(ы) 2017

ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XX в.

В.Н. Суряев

*Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь,
Минск,
sverbihin7@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена отношению населения к армейской службе в последние годы существования Российской империи. Отмечается, что под влиянием социальных и политических процессов, протекавших в стране, менталитет народа и морально-психологическая обстановка в обществе претерпевали изменения. Указываются факторы, способствовавшие росту нигилистических настроений и осложнению внутренней обстановки в стране. Показывается, что у большинства граждан постепенно формировалось отрицательное отношение к армии как социальному институту государства. Рассматривается влияние общественных настроений на отношение призывников к службе, выполнение солдатами своих обязанностей, увеличение числа нарушений воинской дисциплины, отмечаются основные мотивы правонарушений в войсках. Анализируются причины снижения престижности профессии офицера и нехватки офицерского состава в войсках в мирное время. Отмечается, что в образованных слоях общества сложилось негативное отношение не только к офицерской службе, но и собственно к офицерам. Во многом данное обстоятельство обусловливалось тем, что армия выполняла не только внешние, но и внутренние функции, являясь наиболее мощной опорой существовавшего государственного строя. Тем не менее кадровое офицерство как особая социально-профессиональная общность в условиях внутриполитических катализмов в стране придерживалось иных взглядов, нежели политически активные слои населения.

Ключевые слова: общество, армия, политическая ситуация, духовно-нравственная атмосфера, военная служба, офицеры, солдаты

Введение

Частью системного кризиса, начавшегося в России на рубеже XIX–XX столетий, являлось нарастание неоднозначных тенденций в общественно-политической и духовно-нравственной сферах жизни общества. Под влиянием преобразований, происходивших в стране в преобразованный период, мировосприятие россиян стало меняться. Если ранее в его основе лежала, в основном, традиционная система

Суряев Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ ВС Республики Беларусь, докторант ИРИ РАН.

ценностей, то постепенно широкое распространение получили идеологические конструкции, особенностью которых являлся нигилизм в отношении государства и его институтов. Подобная ситуация непосредственным образом сказывалась на отношении граждан к службе в вооруженных силах.

Внутреннее положение как фактор формирования негативного отношения к военной службе

В общем виде внутриполитическая ситуация в стране характеризовалась следующими обстоятельствами. Буржуазные круги и либеральные силы целенаправленно боролись за реформирование политической системы, стремясь к установлению конституционно-парламентского государственного строя. Для этого применялись самые разные способы, в том числе деструктивные, как, например, опосредованная поддержка радикальных организаций и партий, использовавших терроризм как средство политической борьбы.

Крестьянство активно выражало неудовлетворенность условиями своей жизни. Так, в 1900–1904 гг. было зарегистрировано 670 крестьянских волнений, охвативших большинство губерний европейской части России. В 1905–1907 гг. массовый характер приобрели поджоги, погромы и грабежи дворянских усадеб, резко возросло число уголовных дел, связанных с сопротивлением властям. В сельской местности, где проживало около 80% населения страны, увеличилось употребление спиртного, «резко пошла вверх кривая деревенской преступности, прежде всего за счет имущественных преступлений и преступлений против личности»¹.

Постоянным явлением стали выступления рабочих, недовольных низким жизненным уровнем и условиями труда. Количество бастующих достигало нескольких сотен тысяч человек в год, в некоторых забастовках одновременно участвовали десятки тысяч пролетариев. При этом значительная часть не только непромышленных, но даже фабрично-заводских рабочих оставалась связанной с деревней².

Негативное воздействие на духовно-нравственное состояние большинства граждан стало оказывать религиозный индифферентизм и сопутствовавшее ему снижение роли религии. Что касается интеллигенции, игравшей в жизни общества особую роль, то на ее умонастроение серьезно влияло декадентство. В современных исследованиях по богословско-исторической проблематике констатируется, что с 1890-х годов в российском обществе «... формировался безрелигиозный взгляд на мир вообще и на искусство в частности <...> Результатом влияния деструктивных духовно-нравственных тенденций в литературе и искусстве явились рост безверия и порожденные им пессимизм, настроения отчаяния, разочарования в жизни...»³.

Подобная жизненная позиция нередко формировалась уже в учебных заведениях. Современники отмечали, что в гимназической и особенно студенческой среде была категория лиц, для которых те или иные политические пристрастия, не совпадавшие с официальной идеологией, становились своего рода религией. Такие

¹ Безгин 2004, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php

² Кирьянов 1997, 56.

³ Алексеев 2008, 19.

учащиеся подчиняли своему влиянию большинство сокурсников; тех, кто пытался отстаивать свою точку зрения, бойкотировали. К людям старших поколений, не разделявшим политические предпочтения молодежи, относились неуважительно. Следует отметить, что распространению таких взглядов способствовало снижение роли семьи в воспитании молодого поколения. Например, при опросах московских студентов тех лет более половины из них отрицали какое-либо влияние семьи на формирование своих этических идеалов и мировоззрения. Три четверти опрошенных студентов указали, что семья совершенно не руководила их чтением, а большинство, признавших такое руководство, отметили его только в детском возрасте⁴.

Личное обогащение и карьера в сравнении с духовными ценностями пребрали довлеющее значение. Соответственно, такие понятия, как служение Отечеству, долг, честь в общественном сознании стали терять прежнюю значимость. Не претендуя на полную характеристику нравственно-этической атмосферы того времени, приведем лишь некоторые оценки современников. Участник русско-японской войны, видный военный публицист генерал-майор Е.А. Мартынов отмечал: «Наш век есть время самого грубого материализма, откровенного преклонения перед золотым тельцом. Положение в широких общественных кругах дают почти исключительно деньги, причем никто не интересуется способом их приобретения. Добыты ли они воровством при постройке железных дорог, грязными адвокатскими делами или темными коммерческими спекуляциями – это безразлично, лишь бы деньги были»⁵.

Предприниматель и крупный финансист Н.Е. Врангель характеризовал начало века как эпоху, когда «... каждый был поглощен своими личными интересами, интересовался исключительно одним своим “я”. Людей уже ценили не за их качества, а поскольку они могли быть полезны. Урвать кусок тем или иным способом, сделать карьеру – все только руководились этим»⁶.

Одним из проявлений духовно-нравственного кризиса общества стало изменение отношения к военной службе. Так произошло не только в образованных слоях общества, но и в бывших податных сословиях, откуда призывалась основная масса солдат (в 1910 г. 61,2 % нижних чинов происходили из крестьян, 17,6 % – из ремесленников и мастеровых, 8,9 % – из чернорабочих, 3,43 % – из фабрично-заводских рабочих)⁷.

Выросшие в период широко распространенных нигилистических настроений, по большей части неграмотные или малограмотные призывники не могли осознавать нравственных начал, одухотворявших воинское служение Отечеству. Один из военных журналистов тех лет так характеризовал «среднего» призывника: «Взятый чуть не от сохи, мало видевший перед службой, в огромном большинстве ничего не читавший...»⁸. По мнению другого современника, общая необразованность не позволяла нижним чинам проникнуться духовными основами

⁴ Изгоев 1909–1910, 187, 191, 198.

⁵ Мартынов 1906, 48–49.

⁶ Врангель 2006, 161.

⁷ Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба 1911, 278–279.

⁸ Вестник русской конницы 1906, 336.

войнской культуры, поэтому «... в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали»⁹.

Представляется, что подобные характеристики соответствовали действительности. Процент грамотных среди призывников составлял в 1904 г. 55 %, в 1906 – 58 %, в 1910 – 64%¹⁰. При этом большинство новобранцев, отнесенных к категории грамотных, «... могли читать только по-печатному, с превеликой медленностью и “пальчиком водя”, а когда пускались писать, то выводили чудовищные загогулины»¹¹.

Воспитательной работы, направленной на формирование у солдат необходимых нравственных качеств и психологической готовности к воинской службе, в то время не проводилось: в высших военно-политических кругах доминировало мнение, что солдат и без того обязан выполнять требования уставов и приказы командиров и начальников. Таких же взглядов придерживалась и часть офицерства. Об этом свидетельствует, например, статья, опубликованная в военном журнале «Разведчик», популярном в офицерских кругах. Автор выражал удивление, почему ведутся дискуссии о необходимости понимания солдатами нравственного аспекта военной службы, в том числе «разумного сознания целей войны». По его мнению, раньше такого не было, но армия была сильной и боеспособной. «...Разве понимали солдаты высокую цель борьбы за независимость болгар? Они никогда и не слыхали про этих болгар <...> и тем не менее воевали <...> не жалея себя, добивались победы. Воевали потому, что так приказал царь, а он знает, что нужно России и чего не нужно»¹².

Между тем наступила иная историческая эпоха, люди во многом стали другими. Традиция русского народа, обязывавшая честно нести «цареву службу», уходила в прошлое. Стихийный монархизм, издревле присущий крестьянству, под влиянием социально-политических изменений в стране, ломки привычного уклада жизни и прогрессирующего малоземелья стал ослабевать. «Нарастающий аграрный голод <...> и невнятная политика властей привели к тому, что образ Николая II в глазах крестьян стал противоречить их представлению об идеальном монархе, способном привести порядки на земле в соответствие с Божественной правдой»¹³.

Увеличивалось число воинских преступлений и нарушений, совершившихся нижними чинами, в то время как авторитет власти начальников и командиров снижался. Особенно заметным был рост нарушений в периоды обострения внутриполитической ситуации в стране. Так, если в 1898–1902 гг. количество случаев «нарушения воинского чинопочтания и подчиненности» ежегодно составляло в среднем чуть более 2 тысяч¹⁴, то в 1905 г. таких случаев было 4856, в 1906 – 12778, в 1907–11907. После окончания революции 1905–1907 гг. количество нарушений уменьшилось, но по-прежнему в несколько раз превышало дореволюционные показатели: в 1909 г. зафиксировано 6453 случая нарушения порядка подчиненно-

⁹ Деникин 1921, 8.

¹⁰ Варяжский 1913, 386.

¹¹ Макаров 1951, 46.

¹² Березовский 1905, 806.

¹³ Безгин 2004, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/02.php

¹⁴ Военное министерство 1904, 80.

сти, в 1910 – 5904¹⁵. В больших количествах совершались другие правонарушения: нарушение обязанностей службы в карауле и во время дежурства, утрата и порча казенного имущества.

По мнению современника, это не было случайно: «... явление упадка дисциплины представляется отнюдь не только что народившимся и временным. Оно зародилось давно, как результат перемены народной психики, реально начавшей выясниться лет 10 тому назад»¹⁶.

Основная масса правонарушений не носила политического характера и совершалась по различным бытовым причинам, в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений и т.д. Так было даже в частях, где во время революции 1905–1907 гг. произошли вооруженные выступления: «В большинстве мятежных частей, несмотря на старания партийных агитаторов, движение имело сумбурный характер, и также сумбурны были предъявляемые ими требования»¹⁷.

В то же время сложная социально-политическая обстановка в стране, а также агитация революционных партий подрывали морально-психологический потенциал войск. Конечно, и в те смутные времена было немало нижних чинов, остававшихся верными присяге и честно выполнявших воинский долг. Однако негативные тенденции постепенно усиливались, что отчетливо проявилось в 1917 г., когда разложение армии приобрело невиданные в истории масштабы.

Не менее драматично складывалась ситуация с отношением общества к офицерской службе. Долгое время она считалась наиболее почетной, не случайно практически все мужчины – члены Российского Императорского Дома Романовых, в том числе государи, вплоть до Февральской революции находились на военной службе и постоянно носили военную форму. Еще в первой половине XIX века «... не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным <...> и почти все помещики <...> некоторое время служили офицерами “из чести”»¹⁸.

Однако со второй половины XIX столетия ситуация стала меняться. Падение престижа офицерской службы среди дворянской молодежи отмечалось уже в 1880-е годы публицистом С.Н. Терпигоревым, который указывал, что еще недавно положение было иным: «... не только деды, но и отцы и дяди наши – все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штабс-ротмистры»¹⁹.

Меркантильные взгляды побуждали молодежь отдавать предпочтение гражданским профессиям. Таким путем можно было достичь большего материального достатка, чем службой в армии, притом, что опасность и напряженность военной службы были неизмеримо большими, нежели в любом другом виде деятельности. В этой связи военный публицист В. Райковский отмечал, что мальчиков в семьях воспитывали в духе наживы, нацеливали исключительно на достижение материального благополучия, для чего предлагали им стать инженерами, докторами, юристами, чиновниками, но только не военными²⁰. «При таком мировоззрении

¹⁵ Военное министерство 1912, 61.

¹⁶ Разведчик 1905, 817.

¹⁷ Деникин 1991, 181.

¹⁸ Волков 1993, 30.

¹⁹ Волков 2002, 169.

²⁰ Райковский 1908, 5.

военная служба с ее скучным материальным вознаграждением, с ее странными для современных дельцов идеалами патриотизма и самоотвержения представляется каким-то донкихотством»²¹, – писал современник. Действительно, постоянные оклады содержания военнослужащих были скромными и уступали заработкам представителей многих обычных мирных профессий²².

Свою роль в падении престижности офицерской службы сыграло также изменение социального статуса дворянства, произшедшее в результате реформ 60–70-х гг. XIX в. Соответственно, уменьшалось число представителей недворянских сословий, стремившихся стать дворянином путем выслуги офицерских чинов.

Одним из важных факторов, влиявших на отношение общества к военной службе, являлась пропаганда, направленная на дискредитацию армии в целом, и ее ключевого звена – офицерского состава – в первую очередь. В этих целях противники самодержавия, как из либерального, так и революционного лагеря использовали печатные издания – единственное в то время средство массовой информации. В этой связи военный журнал «Разведчик» трактовал ситуацию следующим образом: «... армия является <...> самой могучей опорой существующего строя, и за это ее ненавидят все враги последнего»²³.

Военный публицист, оценивая ситуацию применительно к русско-японской войне, писал, что оппоненты власти смотрели на войну, как на время, удобное для достижения своей цели. «Эта цель состояла в том, чтобы сломить существующий режим», но так как легче это сделать в случае неудачной войны, то «... наши радикалы не только желали поражений, но и старались их вызывать. Поражениям армии открыто радовались <...> Вся радикальная пресса была полна нападками на армию и офицеров»²⁴.

Снижению авторитета офицерской службы способствовало также использование армии в борьбе с революционными выступлениями и массовыми беспорядками. В этом контексте значительная часть прессы вела кампанию, в которой армия упрекалась в бессилии против внешних врагов, войне со своим народом, поддержке «антинародного правительенного режима» и т.п. Между тем офицерство в громадном большинстве своем воспринимало происходившее, как посягательство на фундаментальные основы бытия России. По мнению кадровых офицеров, разрушение традиционного государственного устройства грозило стране непредсказуемыми последствиями. «На совесть наших военных ляжет слишком тяжелый груз, если они не постараются сохранить за армией значение опоры государства...», – писал современник²⁵. Иными словами, взгляды офицерства и значительной части общества во многом различались.

Через некоторое время после окончания войны 1904–1905 гг. один из военных журналов в передовой статье констатировал: «... русское общество, в массе и до войны сочувственно не относившееся к армии, теперь совершенно отшатнулось

²¹ Мартынов 1906, 49.

²² Сурьев 2014, 53.

²³ Мартынов 1903, 973.

²⁴ Вишняков 1911, 66.

²⁵ Вестник русской конницы 1906, 337.

от нее <...> Что же касается офицерства, то <...> положению его вряд ли кто позавидует...»²⁶.

Подобная атмосфера не могла не сказаться на моральном состоянии военнослужащих. «При таких ужасных условиях у офицера неминуемо должно было возникнуть чувство нравственной отчужденности от своих сограждан, известный разлад с ними. И он налицо...»²⁷, – указывал современник. Отношение к военной службе переносилось на самих военнослужащих, прежде всего, на командный состав. «Я, как и все поколение 900-х годов, был воспитан если не в прямом презрении, то в холодном пренебрежении к офицерству...»²⁸, – вспоминал один из очевидцев событий тех лет, оказавшийся после гражданской войны в эмиграции.

Падение престижности военной службы способствовало нехватке офицерских кадров. «С течением времени комплектование офицерского корпуса все более затрудняется», – докладывал Николаю II в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин²⁹. Гражданская молодежь шла в военные и юнкерские училища неохотно, более того, поступать в них отказывалась даже часть выпускников кадетских корпусов. В конце XIX в. таких выпускников, выбравших гражданскую карьеру, было 6–10 %, к 1914 году – 18–20 %³⁰.

В целом же, ситуация была такой, что в стране с населением более 170 млн. человек не находилось достаточного числа лиц с полным средним образованием, чтобы укомплектовать пехотные и кавалерийские военно-учебные заведения (в специальных училищах такой проблемы не было). Между тем, общее число обучавшихся в них юнкеров было невелико и составляло, например, к началу 1912 г. всего 5837 человек. Нехватка существовала, несмотря на то, что лица, имевшие аттестат или свидетельство о среднем образовании во многие училища принимались без экзамена. В том же 1912 г. таким путем в пехотные и кавалерийские училища были зачислены 1715 человек «со стороны», то есть, гражданских. После сдачи вступительного экзамена было принято только 452 человека (из вольноопределяющихся, служивших в войсках)³¹. Остальные вакансии в училищах заполнялись выпускниками кадетских корпусов.

Число лиц, окончивших военные и юнкерские училища, не могло покрыть некомплект офицерских кадров даже в мирное время: в течение 1900–1908 гг. средняя убыль офицеров во всех родах сухопутных войск составляла 2240 человек в год, а выпуск из училищ – 2190 человек³².

Соответственно, даже в мирное время существовала нехватка офицерских кадров. Так, к 1 января 1907 г. в регулярных войсках не хватало 2325 офицеров (из 45135 по штату), к 1 января 1908 г. – 3955 (из 45098 по штату)³³.

За десять месяцев 1910 г. некомплект офицеров по всей армии ежемесячно составлял в среднем 2700 человек³⁴. По родам войск к 1 апреля 1912 г. некомплект

²⁶ Измельцев (ред.) 1908, 19.

²⁷ Галкин 1907, 29.

²⁸ Волков 2002, 176.

²⁹ Зайончковский 1981, 21.

³⁰ Морозов 1998, 84.

³¹ Военное министерство 1916, 3, 4.

³² Грулев 1911, 30.

³³ Военное министерство 1909, 116–117.

³⁴ Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1911, 58–59.

офицеров составлял в пехоте – 2035 человек, в артиллерии – 282, в инженерных войсках – 107. По всей армии нехватка офицеров составила в 1912 г. 3,16 % от штатного состава³⁵.

Снижение престижа военной службы сказалось, в числе прочего, даже на количестве офицеров, поступавших в академию Генерального штаба. Многие предпочитали поступать в Артиллерийскую, Инженерную или Военно-юридическую академии, ибо там была возможность получить и гражданскую профессию, тогда как академия Генерального штаба такой возможности не предоставляла.

В канун Первой мировой войны нападки на армию в печати продолжались. Как отмечал один из гражданских публицистов, часть изданий не чуждалась «клеветы, инсинаций и науськаний». Автор считал, что «с печатным словом надо было быть осторожным и внимательным»³⁶.

Отрицательное отношение к армии со стороны определенных политических сил проявлялось, например, в том, что небольшое повышение денежного содержания офицерскому составу, не увеличивавшегося длительное время, было достигнуто с большим трудом. Вопрос об этом неоднократно поднимался руководством военного ведомства, но решение проблемы встречало противодействие. Например, в Государственной думе против увеличения офицерского жалованья выступали депутаты от трудовиков и социал-демократов, которых активно поддерживала либеральная пресса. В числе причин, в силу которых они призывали не повышать содержание офицерам, называлась «антинародная сущность» последних, а также сама военная служба, якобы являвшаяся «сплошным праздником»³⁷. В 1912 году обсуждение сметы военного министерства в стенах Государственной Думы ознаменовалось резкими нападками на армию.

Что касается самих офицеров, то, несмотря на непростую общественно-политическую ситуацию, в их среде сохранялась морально-психологическая атмосфера, основанная на специфической воинской этике. Рассуждая на тему долга перед Отечеством, один из военных публицистов писал: «Сознаю, что я могу быть понятым только в военной и офицерской среде...»³⁸. Случайные элементы, попадавшие в офицерскую среду, уходили из армии. Те же, кто, вне зависимости от социального происхождения, считали военную службу своим призванием и готовы были служить России, оставались, составляя костяк корпуса офицеров.

В начале мировой войны отношение к офицерству несколько «потеплело», хотя, как писал один из офицеров, «... симпатии публики находятся гораздо больше на стороне низших чинов, чем офицеров. Стоит <...> остановить нижнего чина <...> позволившего себе какой-либо антидисциплинарный поступок, как публика немедленно берет якобы обиженного страдальца под свою защиту»³⁹. Подобная «гуманность» подрывала дисциплину, разлагала армию, наносила серьезный ущерб авторитету офицеров.

С февраля 1917 г. отношение к офицерству в образованных кругах общества стало меняться; после Октябрьской революции многие полностью пересмотрели

³⁵ Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1914, 60–61.

³⁶ Беломор 1911, 149.

³⁷ Колбэ 1907, 772–773.

³⁸ Райковский 1908, 4.

³⁹ Разведчик 1916, 10.

свои взгляды. Свидетельств тому существует множество, но упомянем лишь одно, символичное. В декабре 1917 г. была опубликована статья известного прозаика П. Арзубьева, которую перепечатал «Разведчик». В частности, в ней говорилось: «Хочется сказать офицерам только одно: если можете, простите нас. Простите нас всех – мужчин и женщин, молодых и старых, все русское образованное общество, всю русскую интеллигенцию. Мы недостаточно ценили вас, мы не умели надлежащим образом защищать вас, ваши права, ваше положение в армии. Теперь мы видим тяжкие последствия нашей непредусмотрительности, но слишком поздно. Приходится теперь пить чашу до дна, и вам – невинным, и нам – виноватым»⁴⁰.

Заключение

В ноябре – декабре 1917 г. был принят ряд законодательных актов, в которых определялись меры по демобилизации Русской армии и созданию новых вооруженных сил, на добровольных началах. Вводилась выборность командного состава, при этом офицеров, отстраненных от должности и не выбранных на другой пост, смещали на должности рядовых. Если их возраст превышал максимальный призывающей (39 лет), они могли уходить в отставку – на общих с солдатами основаниях. Вместе с тем бывшие генералы и офицеры, не достигшие предельного возраста, должны были подвергнуться медицинскому освидетельствованию на установленных для солдат основаниях. Если их признавали годными к службе, то предписывалось переводить в другие части и рядовыми отправлять на фронт⁴¹. Уволенные офицеры, как и те, кто был уволен ранее, пенсии по выслуге лет не получали; потерявшие трудоспособность поступали в ведение органов государственного призрения⁴².

В завершение необходимо отметить, что смена государственного строя в России в первое время не изменила отношения к военной службе. К весне 1918 г. в ряды Красной Армии записалось лишь около 70 тыс. добровольцев (примерно 1% личного состава, находившегося в действующей армии осенью 1917 года)⁴³.

Этого было совершенно недостаточно для решения стоявших перед РККА задач, что вскоре побудило советскую власть отменить добровольческий принцип комплектования вооруженных сил и установить всеобщую воинскую повинность. Постепенно, по мере укрепления нового государственного строя и эволюции советского общества, ситуация с отношением к военной службе изменилась в лучшую сторону.

ЛИТЕРАТУРА

- А. А. Н. 1906: Солдат и «свободы». *Вестник русской конницы* 8, 335–337.
 А. К. 1916: Офицеры и публика. *Разведчик* 1313, 9–10.
 Арзубьев, П. 1917: Обзор печати. *Разведчик* 1411–1412, 581–582.
 Алексеев, А.В. 2008: *Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX–начала XX веков: историко-конфессиональный (православный) взгляд*. М.

⁴⁰ Арзубьев 1917, 582.

⁴¹ Кавтарадзе 1988, 40.

⁴² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 213. Л. 223.

⁴³ Базанов 2014, 334.

- Базанов, С.Н. 2014: *Великая война: как погибала Русская армия*. М.
- Безгин, В.Б. 2004: *Крестьянская повседневность (традиции конца XIX–начала XX века)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php
- Беломор, А. 1911: Обзор печати. *Разведчик* 1062, 149.
- Березовский, В.А. (ред.): Мысли по поводу пережитого. *Разведчик* 783–784, 805–810.
- Варяжский, К. 1913: Язык цифр. *Разведчик* 1182, 385–387.
- Вишняков, Н. 1911: Пять лет военной публицистики. В сб. В.Ф. Новицкий (ред.), *Помни войну!* М., 61–78.
- Военное министерство 1904: *Всеподданнейший отчет военного министерства за 1902 год*. СПб.
- Военное министерство 1909: *Всеподданнейший отчет военного министерства за 1907 год*. СПб.
- Военное министерство 1912: *Всеподданнейший отчет военного министерства за 1910 год*. СПб.
- Военное министерство 1916: *Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1912 год*. Петроград.
- Волков, С.В. 1993: *Русский офицерский корпус*. М.
- Волков, С.В. 2002: Русское офицерство как историко-культурный феномен. В сб. Е.С. Сенявская (ред.), *Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития*. М., 165–181.
- Врангель, Н.Е. 2006: Воспоминания: от крепостного права до большевиков. В кн.: В.А. Благов, С.А. Сапожникова (ред.), *Бароны Врангели. Воспоминания*. М., 29–258.
- Галкин, М. 1907: *Новый путь современного офицера*. СПб.
- Грулев, М. 1911: *Злобы дня в жизни армии*. Брест-Литовск.
- Деникин, А.И. 1921. *Очерки русской смуты*. Т.1. *Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.)*. Вып.1. Париж.
- Деникин, А.И. 1991: *Путь русского офицера*. М.
- Зайончковский, П.А. 1981: Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной. *Вопросы истории* 4, 21–29.
- Изместьев, П.И. (ред.) 1908: Передовая статья. *Офицерская жизнь* 102, 19.
- Изгоев, А.С. 1909–1910: Об интеллигентной молодежи (заметки об ее быте и настроениях). В сб. Н. Казаков (сост.), *Вехи. Интелигенция в России*. М., 185–208.
- Кавтарадзе, А.Г. 1988: *Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг.* М.
- Кирьянов, Ю.И. 1997: Менталитет рабочих России на рубеже XIX – XX в. В сб. С.И. Потолов (ред.), *Рабочие и интелигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917 г.* СПб., 55–76.
- Колбе, С. 1907: Прибавка содержания офицерам и г. Меньшиков. *Разведчик* 896, 772–774.
- Макаров, Ю.В. 1951: *Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война*. Буэнос-Айрес.
- Мартынов, Е. 1903: Защита армии от оскорблений. *Разведчик* 681, 972–973.
- Мартынов, Е. И. 1906: *Из печального опыта русско-японской войны*. СПб.
- Морозов, С.Д. 1998: Военное образование в России на рубеже XIX–XX вв. *Военно-исторический журнал* 5, 83–91.
- Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1911: *Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год*. СПб.
- Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1914: *Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год*. СПб.
- Н. 1905: Война с Японией (итоги). *Разведчик* 783–784, 815–817.

- Райковский, В. 1908: *Военное воспитание*. М.
Суряев, В.Н. 2014: Уровень жизни армейского офицерства Русской императорской армии в 1905–1914 гг. *Военно-исторический журнал* 10, 52–56.

REFERENCES

- A. A. N. 1906: Soldat i «svobody» [Soldier and «Freedom»]. *Vestnik russkoy konnicy* [Herald of the Russian Cavalry] 8, 335–337.
- A. K. 1916: Oficeri i publika [Officers and Public]. *Razvedchik* [Scout] 1313, 9–10.
- Arzub'ev, P. 1917: Obzor pechatи [Press Review]. *Razvedchik* [Scout] 1411–1412, 581–582.
- Alekseev, A.V. 2008: *Duhovno-nravstvennoe sostoyanie russkogo obshhestva konca XIX–nachala XX vekov: istoriko-konfessional'nyy (pravoslavnyy) vzglyad* [Spiritual and Moral State of Russian Society at the End of the Nineteenth and Beginning of the Twentieth Centuries: the Historical-Confessional (orthodox) View]. Moscow.
- Bazanov, S.N. 2014: *Velikaya voyna: kak pogibala Russkaya armiya* [The Great War: How the Russian Army Perished]. Moscow.
- Belomor, A. 1911: Obzor pechatи [Press Review]. *Razvedchik* [Scout] 1062, 149.
- Berezovskij, V.A. (red.): Mysli po povodu perezhitogo [Thoughts about the Experience]. *Razvedchik* [Scout] 783–784, 805–810.
- Bezgin, V.B. 2004: *Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX–nachala XX veka)* [Peasant Everyday Life (Traditions of the Late XIX – Early XX Century)], http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php
- Denikin, A.I. 1921. *Ocherki russkoy smuty. T.1. Krushenie vlasti i armii (fevral'-sentjabr' 1917 g.). Vyp.1* [Essays on the Russian Troubles. Vol. 1. The Collapse of Power and the Army (February-September 1917). Issue 1]. Paris.
- Denikin, A.I. 1991: *Put' russkogo oficera* [The Way of the Russian Officer]. Moscow.
- Galkin, M. 1907: *Novyy put' sovremenennogo oficera* [New Way of a Modern Officer]. Saint-Petersburg.
- Grulev, M. 1911: *Zloby dnya v zhizni armii* [The Evil of the Day in the Life of the Army]. Brest-Litovsk.
- Izmest'ev, P.I. (red.) 1908: Peredovaja stat'ya [Editorial]. *Oficerskaya zhizn'* [Officer's Life] 102, 19.
- Izgoev, A.S. 1909–1910: Ob intelligentnoy molodezhi (zametki ob ee byte i nastroeniyah). In: N. Kazakova (ed.), *Vehi. Intelligencija v Rossii* [Milestones. Intellectuals in Russia]. Moscow, 185–208.
- Kavtaradze, A.G. 1988: *Voennye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov. 1917–1920 gg.* [Military Specialists in the Service of the Republic of Soviets. 1917–1920]. Moscow.
- Kolbe, S. 1907: Pribavka soderzhaniya oficeram i g. Men'shikov [Addition of Maintenance Officers and Mr. Menshikov]. *Razvedchik* [Scout] 896, 772–774.
- Kir'yanov, Ju.I. 1997: Mentalitet rabochih Rossii na rubezhe XIX – XX v. In: S.I. Potolov (ed.), *Rabochie i intelligentsija Rossii v yepohu reform i revoljucij. 1861–fevral' 1917 g.* [The Workers and Intelligentsia of Russia in the Era of Reforms and Revolutions. 1861–February 1917]. Saint-Petersburg, 55–76.
- Makarov, Ju.V. 1951: *Moya sluzhba v Staroy Gvardii. 1905–1917. Mirnoe vremya i voyna* [My service in the Old Guard. 1905–1917. Peaceful Time and War]. Bujenos-Ajres.
- Martynov, E.I. 1903: Zashhita armii ot oskorbleniya [Protection of the Army from Insults]. *Razvedchik* [Scout] 681, 972–973.
- Martynov, E.I. 1906: *Iz pechal'nogo opyta russko-yaponskoj voyny* [From the Sad Experience of the Russo-Japanese War]. Saint-Petersburg.

- Morozov, S.D. 1998: *Voennoe obrazovanie v Rossii na rubezhe XIX – XX vv.* [Military Education in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Magazine] 5, 83–91.
- Mobilizacionnyy otdel glavnogo upravleniya General'nogo shtaba 1911: In: *Voenno-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1910 god* [Military Statistical Yearbook of the Army for 1910]. Saint-Petersburg.
- Mobilizacionnyy otdel glavnogo upravleniya General'nogo shtaba 1914: In: *Voenno-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1912 god* [Military Statistical Yearbook of the Army for 1912]. Saint-Petersburg.
- N. 1905: *Vojna s Japoniей (itogi)* [War with Japan (results)]. *Razvedchik* [Scout] 783–784, 8–817.
- Raykovskiy, V. 1908: *Voennoe vospitanie* [Military Education]. Moscow.
- Suryaev, V.N. 2014: *Uroven' zhizni armeyskogo oficerstva Russkoy imperatorskoy armii v 1905–1914 gg.* [The Standard of Living of the Army Officers of the Russian Imperial Army in 1905 – 1914]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Magazine] 10, 52–56.
- Varjazhskiy, K. 1913: *Jazyk cifr* [Digits language]. *Razvedchik* [Scout] 1182, 385–387.
- Vishnyakov, N. 1911: *Pyat' let voennoy publicistiki* [Five Years of Military Journalism]. In: V.F. Novitsky (ed.), *Pomni voynu!* [Remember the War!]. Moscow, 61–78.
- Voennoe ministerstvo 1904: *Vsepoddanneyshiy otchet voennogo ministerstva za 1902 god* [The Most Outstanding Report of the War Ministry for 1902]. Saint-Petersburg.
- Voennoe ministerstvo 1909: *Vsepoddanneyshiy otchet voennogo ministerstva za 1907 god* [The most Outstanding Report of the War Ministry for 1907]. Saint-Petersburg.
- Voennoe ministerstvo 1912: *Vsepoddanneyshiy otchet voennogo ministerstva za 1910 god* [The most Outstanding Report of the War Ministry for 1910]. Saint-Petersburg.
- Voennoe ministerstvo 1916: *Vsepoddanneyshiy otchet Voennogo ministerstva za 1912 god* [The most Outstanding Report of the War Ministry for 1912]. Petrograd.
- Volkov, S.V. 1993: *Russkiy oficerskiy korpus* [Russian Officer Corps]. Moscow.
- Volkov, S.V. 2002: Russkoe oficerstvo kak istoriko-kul'turnyy fenomen. In: E.S. Senjavskaja (ed.), *Voenno-istoricheskaya antropologiya. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya* [Military-Historical Anthropology. Subject, Tasks, Development Prospects]. Moscow, 165–181.
- Vrangel', N.E. 2006: *Vospominaniya: ot krepostnogo prava do bol'shevиков*. In: V.A. Blagovo, S.A. Sapozhnikova (ed.), *Barony Vrangeli. Vospominaniya* [The Barons of Wrangel. Memoires]. Moscow, 29–258.
- Zayonchkovskiy, P.A. 1981: Oficerskiy korpus russkoy armii pered pervoy mirovoy voynoy [The Officer Corps of the Russian Army before the First World War]. *Voprosy istorii* [Questions of History] 4, 21–29.

MILITARY SERVICE IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE EARLY 20th CENTURY

Valery N. Suryaev

*Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus, Belarus,
sverbihin7@mail.ru*

Abstract. The article examines the attitude of citizens to the army service in the last years of the Russian Empire. It is noted that under the influence of the social and political processes taking place in the country, the mentality of the people and the moral and psychological situation in society underwent changes that are characterized as rather contradictory. The factors that

contributed to the growth of nihilistic sentiments and the complication of the situation in the country are indicated. One of the consequences of this phenomenon was the negative attitude of the majority of the people towards the army, as a social institution of the state. The influence of public sentiments on the attitude of conscripts to the service, the fulfillment by soldiers of their duties, the increase in the number of violations of military discipline, the main motives for violations in the troops are examined. The reasons for the decrease in the prestige of the officer's profession and the shortage of officers in the troops in peacetime are considered. It is noted that in the educated strata of society there is a negative attitude not only to the officer service, but also to the officers themselves; in many respects this circumstance was determined by the internal function of the army, which was the most powerful pillar of the existing state system. It is shown that the cadre officers, as a special social and professional community, in the conditions of internal political cataclysms in the country held different views from the politically active segments of the population.

Key words: Society, army, political situation, spiritual and moral atmosphere, military service, officers, soldiers

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 135–145
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 135–145
© Автор(ы) 2017

К ИСТОРИИ «ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ» ТАВРИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ (1918–1920 гг.)

А.Ю. Бутовский

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, Тула,
byтовскийalex@mail.ru*

Аннотация. Одной из самых сложных и до сих пор мало освещенных сторон Гражданской войны в России является ее крестьянская составляющая. Черный передел, озабочивший многолетнюю борьбу крестьян России за собственную землю, вылился в события, которые иначе как крестьянской войной нельзя назвать. Эта война еще мало изучена, несмотря на то, что основными участниками событий Гражданской войны в России были именно крестьяне. Данная статья посвящена вопросам истории одного из видов отрядов самообороны Крыма в период «Второго Крымского Краевого правительства» (ноябрь 1918 г. – апрель 1919 г.). Речь идет о так называемых «партизанских отрядах», организованных по инициативе Таврического отдела Всероссийского союза земельных собственников. В ситуации разрушения миропорядка, созданного в Российской империи, в данном случае на ее южных территориях, попавших в орбиту германской оккупации (Украины и Крыма), отряды самообороны Союза оказались одной из немногих неправительственных структур, пытающихся удержать от хаоса крестьянской войны земледельческие районы. В данной работе автор на основе ранее не использованных материалов Государственного Архива Республики Крым и ряда других источников предпринимает попытку оценить жизнедеятельность этих подразделений как явления в истории органов безопасности Крымских Краевых правительств и Вооруженных Сил Юга России.

Ключевые слова: Гражданская война, Крымское Краевое правительство, Таврический отдел Всероссийского союза земельных собственников, самооборона, партизанские отряды, Симферопольский конный дивизион

Введение

Тема «партизанских отрядов», организованных по инициативе Таврического отдела Всероссийского союза земельных собственников в период так называемого второго Крымского Краевого правительства (ноябрь 1918 г. – апрель 1919 г.), продолжает вызывать повышенный интерес среди ученых. Причиной этого является то, что в ситуации разрушения миропорядка, созданного в Российской империи,

---

Бутовский Александр Юрьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовых дисциплин ТГПУ им. Л.Н.Толстого. E-mail: byтовскийalex@mail.ru

в данном случае на ее южных территориях Украины и Крыма, попавших в орбиту германской оккупации, отряды самообороны Союза оказались одной из немногих неправительственных структур, пытающихся удержать от хаоса крестьянской войны земледельческие районы. Ранее уже предпринимались попытки исследовать деятельность этих подразделений. Первой была работа В.М. Брошевана¹, преследующая конкретные идеологические цели. Позднее появились работы историков В.Г. Зарубина, В.М. Надикты² и А.А. Бобкова³, которые на основе архивных и ранее опубликованных материалов пытались адекватно оценить деятельность этих воинских формирований. Однако до сих пор остается не исследованным еще целый ряд материалов Государственного Архива Республики Крым (ГАРК) и некоторых других источников, свидетельствующих о важной роли данных подразделений в истории органов безопасности Крымских Краевых правительства и Вооруженных Сил Юга России.

Поводом для создания импровизированных отрядов самообороны в сельской местности послужило катастрофическое положение сельских хозяев, оказавшихся на острие социальной борьбы в период Гражданской войны. Их незавидное положение не полежит сомнению. В период первого Краевого правительства Крымская Внутренняя стража и Военно-полевые суды по делам об умышленном повреждении и истреблении трав и урожая хлебов (распущенные С.С. Крыма)⁴ при поддержке германских оккупационных войск к концу лета 1918 г. смогли локализовать сельскохозяйственные беспорядки и обеспечить надежную охрану и безопасность производителям продовольствия на всех уровнях.

С ноября 1918 г., в связи с эвакуацией германских войск и демонтажем полицейского и военно-административного аппарата, проводимого новым Краевым правительством С.С. Крыма, сельские хозяева вновь оказались в крайне тяжелом положении⁵. Добровольческая армия, подразделения которой начали высаживаться в Крыму 4(17).11.1918 г., не ставила перед собой на этом этапе целей обеспечения охранных и карательных функций на местах. Это вынуждало земельных собственников и сельские общины прибегать к созданию частных отрядов самообороны. Определенный опыт уже имелся и в 1915–1907 гг. и, конечно, в 1917–1918 гг., когда такие отряды самообороны часто под вывеской Красной гвардии, например, во Владиславовской волости Феодосийского уезда, спасли крестьянские и особенно поместичьи имения от полного разграбления⁶. Отряды приходилось создавать и помещикам. Подобный отряд из грузин содержал мировой судья князь И.Д. Микелазе (зять И.К. Айвазовского) в своем имении Кринички той же волости в 1917–1918 гг.⁷

1(14).12.1918 г. в Ялте состоялся съезд Всероссийского союза земельных собственников, на котором было заявлено о поддержке Добровольческой армии. Результатами работы съезда стали реанимация деятельности Таврического отделения союза и «Записка» князя Д.П. Голицына-Муравкина, переданная в По-

¹ Брошеван 1995, 60–66.

² Зарубин, Надикта 2005, 109–111.

³ Бобков 2010, 44–47.

⁴ ККМ. Д.708. Ст. 262. С. 305.

⁵ ГАРК. Ф. Р. 999. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁶ ФМД. Д. 1971, 1973.

⁷ ФКГА. (Princess Gayane Mickeladze, Memoirs) Рукопись. Б./г.

литическую канцелярию, о положении в Крыму и необходимости введения там военного управления и усиления состава частей Добровольческой армии. По инициативе Таврического отдела Союза в начале декабря 1918 г. на квартире капитана Крымтаева Зубеир-Бея в Симферополе было собрано совещание земельных собственников, в котором приняли участие ряд крымских помещиков (Крымтаев, граф В.С. Татищев, А.М. Шлее, представители семьи Шнейдер), члены союза Крымских немцев (представители семей Нусс, Браксмайер, Недерфельд) и «Симферопольского общества труда и взаимопомощи офицеров». Было принято решение о формировании из добровольцев четырех партизанских отрядов для охраны жизни, имущества, собственности и земельных наделов от грабежей. Все поступающие в них должны были быть со своим вооружением, лошадьми; многие приходили со своим снаряжением. Содержатся партизаны должны были за счет Крымских помещиков: каждый помещик и мурзак на нужды отряда выделял денежную сумму из расчета 5 рублей с каждой десятины земли. Командный состав предполагалось набирать в соглашении с Министерствами Военных и Внутренних дел Крымского Краевого правительства и командованием Добровольческой армии⁸.

В Украинской державе, где ситуация в сельской местности была совершенно катастрофической, формирования самообороны «хліборобов», создаваемые представителями «Всеукраинского союза земельных собственников», не принесли успеха, но дали определенный наглядный пример работы⁹. Нужно подчеркнуть, что при всех проблемах Таврической губернии на бытовом уровне правопорядок в сельской местности в разы превосходил ситуацию на Украине. Аналогичными формированиями занимались деятели Союза в Ставропольской губернии поздней осенью 1918 г. Приоритетом деятельности их должна была стать защита имущества крупных овцеводов. Официально они носили название «Партизанские отряды имени Ставропольского генерал-губернатора генерал-майора П.В. Глазенапа», известные населению как «тавричанские партизаны»¹⁰.

К концу декабря удалось сформировать два отряда, именуемые «Партизанскими конными» или «Конно-партизанскими», которым были присвоены имена Крымских общественных и военных деятелей, расстрелянных большевиками в 1917–1918 гг., а именно Ф.Ф. Шнейдера и капитана гвардии Н.В. Татищева. Для формирования отрядов и руководства ими был приглашен ряд кадровых офицеров Крымского конного полка¹¹. Командование «Партизанским конным отрядом им. Шнейдера Ф.Ф.» принял полковник фон Н.П. Кюгельген, а «Партизанским конным отрядом им. графа Татищева Н.В.» – штабс-ротмистр А.И. Лихвенцов¹². В исторической литературе за отрядом полковника фон Кюгельгена прочно закрепилось название «шнейдеровский» или «отряд Шнейдера», что ввело в заблуждение ряд историков, считающих П.Н. Шнейдера его командиром¹³. Петр Николаевич Шнейдер, несмотря на всю кипучую натуру и огромную энергию, к 1920 г.

⁸ Брошеван 1995, 60–61; Бобков 2010, 44.

⁹ Тимошук 2000, 289–296.

¹⁰ Краснов 1923, 130–132.

¹¹ РГВИА. Ф. 408. Оп.1. Д. 737. Л.57, 62.

¹² ГАРК. Ф. Р.1025. Оп. 1. Д. 128. Л. 59; Ф. Р. 2235. Оп.1. Д.11. Л.11; ФМД. Д. 3269.

¹³ Брошеван 1995, 65; Родин 2004, 3.

имел в отряде чин вольноопределяющегося (который присваивался всем рядовым добровольцам), хотя и играл, несомненно, не последнюю роль. Был он довольно зрелым человеком (родился в 1878 г.), до 1918 г. жил в Симферополе и к армии никакого отношения не имел¹⁴.

Люди, чьи имена носили отряды, были крупными крымскими помещиками и благотворителями. Шнейдер Франц Францевич (1864 г.р., г. Симферополь) – известный симферопольский благотворитель, сотрудник общества «Детская помощь», председатель санитарного попечительства, предприниматель и домовладелец. 14.01.1918 г. был убит красногвардейцами на улице, опознан уже в морге. Граф Татищев Николай Владимирович (29.11.1888 г.р., г. Москва) – помещик Евпаторийского уезда, капитан гвардии (на 1917 г.). В январе 1918 г. командовал в Евпатории отрядом «Ополчения защиты народов Крыма», взят раненым в плен красногвардейцами. 15.01.1918 г., во время массовых расстрелов офицеров на гидрокрейсере «Румыния», Н.В. Татищеву к ногам привязали колосники и сбросили в море, тело было найдено в марте 1918 г. 20.03.1918 г. Татищев был отпет протоиереем Иоанном Сербиновым и диаконом Андреем Тимошиловым в Соборе Св. Николая Евпатории и погребен на городском кладбище; осталась вдова и двое детей¹⁵.

К концу 1918 г. конно-партизанский отряд фон Кюгельгена не был до конца сформирован: в него входило всего 30 человек. 1919 г. принес первую «славу»: «партизаны были направлены в д. Николаевку Симферопольского уезда для вправления мозгов, с чем они успешно справились 10(23) января: перепороли полдеревни и расстреляли крестьянина Г. Кузьменко»¹⁶.

После падения Перекопа в марте 1919 г. и отступления Крымско-Азовской армии на Ак-Манайские позиции судьба отрядов сложилась по-разному. Отряд Лихвенцова (который тоже периодически называют «шнейдоровским») был отправлен на фронт и почти весь период Ак-Манайского сражения (апрель–июнь 1919 г.) не выходил из боя на северном фланге армии. Партизаны полковника фон Кюгельгена первоначально пополнили малочисленный гарнизон Керчи, а затем боролись с партизанами в Аджимушкайских и Петровских каменоломнях под г. Керчью. 22.03.(4.04.) отряд при поддержке полевой и морской артиллерии начал наступление на Петровские каменоломни и после двухдневного боя загнал партизан внутрь и начал заваливать входы¹⁷.

В этот период отряд штабс-ротмистра Лихвенцова был переформирован в одну сотню и получил название «Сводная сотня Партизанского отряда им. графа Татищева». В начале июня Сотня участвовала в зачистке от бывших красногвардейцев и членов партийно-советского актива села Петровского, где с помощью священника Русаневича Георгия Александровича было выявлено и расстреляно несколько большевиков¹⁸. После этого отряд Лихвенцова вместе со 2-м Таманским казачьим полком участвовал в освобождении от большевиков Феодосии и с 6(19) по 13(26) июня составлял ее гарнизон, а штабс-ротмистр Лихвенцов ис-

¹⁴ ГАРК. Ф. Р. 2235. Оп.1. Д. 510. Л. 6.

¹⁵ Фельштинский, Чернявский 2004, 415; ГАРК. Ч.3. (о смерти). Ф. Б/н. Оп. 1. Д. 145.

¹⁶ Широков, Широков 1983, 133.

¹⁷ Юрченко 1929, 68.

¹⁸ ГАРК. Ф. Р. 1025. Оп.1. Д. 128. Л. 59.

полнял обязанности коменданта города¹⁹. Сотня находилась в Феодосии до формирования Государственной стражи²⁰. Затем была переброшена в Таракташскую волость для борьбы с остатками Крымской Красной армии, которые вытеснила из гор в Салынскую волость²¹. 15(29).07.1919 генерал Добровольский приказал отряду конных партизан перевести штаб из Феодосии в Топловский монастырь и оттуда вести операции против банд, которые были вскоре разгромлены окончательно, а Сотня была переброшена в Симферополь²².

27.07.(9.08.)1919 г. телеграммой № 4984 губернатор Н.А. Татищев распорядился, чтобы отряд конных партизан 30 июля (10 августа) прибыл в Евпаторию из Симферополя для борьбы с местными партизанами²³. 29.07.(11.08.)1919 г. штабс-ротмистр Лихвенцов донес телеграммой Таврическому губернатору, что Сотня погружена и отправлена, но т.к. сам Лихвенцов получил разрешение на отпуск, то командование временно принял штабс-ротмистр Малинин²⁴. С этого периода судьбу «Сводной сотни партизанского отряда им. графа Татищева» по документам проследить не представляется возможным. Вероятно, она была влита в конно-партизанский отряд полковника фон Кюгельгена или в Таврическую бригаду Государственной стражи. Первая версия нам кажется более вероятной.

В августе–сентябре 1919 г. Симферопольский конный партизанский взвод, в который был введен отряд им. Ф.Ф. Шнейдера, использовался для гарнизонной службы в Симферополе, после чего с октября 1919 вплоть до начала 1920 г., будучи переброшенным в Северную Таврию, – для борьбы с анархией от Аскания-Нова до Каховки²⁵. В этот период численность конно-партизанского отряда фон Кюгельгена достигла 60 бойцов, и к концу 1919 г. он развернулся в 4 взвода с конно-пулеметной командой (15 бойцов, 3 пулемета). Командиры: Нусс Александр (поселянин Феодосийского уезда д. Окреч); Бехтольд Христиан (прапорщик, г. Евпатория), Верновский Альберт. В этот период чины отряда получили свою униформу, согласно скромным описаниям состоявшей из «формы “Русской Армии” с погонами желтого цвета, в качестве головного убора использовалась белая папаха»²⁶. Последняя, предположительно, изготавливалась из белой шерсти испанских и французских пород овец, была небольшой высоты (12-15 см) и имела черный суконный верх. Такие шапки (къалпакь) были широко распространены в Крыму в XIX – нач. XX вв. Нижние чины, поступавшие исключительно добровольцами, носили желтого приборного сукна погоны, установленные для вольно-определенящихся Императорской армии, обшитые по краю кручеными шнурами романовских цветов (бело-черно-желтый). Отряд выполнял функции полицейского подразделения. При нем был создан военно-полевой суд, в который входили полковник фон Кюгельген, его адъютант Гинтель, поручики Трофименко, Левицкий и П. Шнейдер²⁷. Активная деятельность отряда, часто переходящая рамки

¹⁹ ФМД. Д. 3269.

²⁰ ГАРК. Ф. Р. 2235. Оп.1. Д.11. Л.11.

²¹ ГАРК. Ф. Р. 2235. Оп.1. Д.41. Л.210.

²² ГАРК. Ф. Р. 2200. Оп. 1. Д.3. Л. 31-32.

²³ ГАРК. Ф. Р. 2200. Оп.1. Д.3. Л. 145.

²⁴ ГАРК Ф.Р. 2200. Оп. 1. Д.3. Л. 148.

²⁵ Оленин 2002, 193-194, 197.

²⁶ Безносов 2006, 442.

²⁷ Брошеван 1995, 61.

закона, вызывала раздражение не только командования, но и Правления Союза Крымских немцев, принимавшего непосредственное участие в его формировании. Подразделения отряда регулярно занимались незаконными мобилизациями немецкого населения (от 18 до 40 лет) в Симферопольском и Евпаторийском уездах и конфискацией лошадей в хозяйствах дезертиров. Это вызвало целый ряд до- знаний со стороны военной и гражданской администрации Таврической губернии в феврале-марте 1920 г., правда, это не привело к серьезным последствиям для высших чинов отряда, но незаконно конфискованный конский состав был возвращен владельцам²⁸.

Впоследствии отряд продолжал использоваться как военно-полицейское под- разделение, а также для приведения в исполнение приговоров военно-полевых судов. Так, 12(25).04.1920 г. члены отряда привели в исполнение приговор Во- енно-полевого суда Крымского корпуса ВСЮР от 9(22).04.1920 г. по делу «О со- обществе под названием “Мусульманское бюро при Крымском областном коми- тете РКП(б)»». Было расстреляно 6 приговоренных, несколько позднее повесили еще приговоренных по суду 9 большевиков и комсомольцев. 8 человек были по- вешены в Симферополе на трамвайных столбах вдоль вокзальной площади. Перед казнью их раздели донага, на головы надели мешки и повесили таблички с над- писью: «Кто в бога не верит». Бойцы отряда также осуществили арест за связь с большевиками группы учителей женского татарского профучилища²⁹.

К июню 1920 г. численность отряда увеличилась до 100 человек, и он был реорганизован в Конно-партизанский дивизион (лошадей для него поставили не- мецкие колонии Нейзац, Розенталь и Фриденталь). Командиром 12(25).06.1920 г. был назначен полковник В.И. Горский³⁰. По другим данным командование диви- зионом принял ротмистр Давыдов (Давыдов)³¹.

8 (21).08. 1920 г. согласно приказу Главкома Русской армии за № 3517, в рам- ках реорганизации кавалерии Русской армии, конно-партизанский отряд был реорганизован в отдельный Симферопольский конный дивизион (2 эскадрона) и передан 34-й пехотной дивизии³². Командование над ним принял полковник Александр Николаевич Эммануэль, кадровый офицер Крымского конного полка³³.

²⁸ ГАРК. Ф.Р.2235. Оп. 1. Д. 510. Л.3.

²⁹ Брошеван 1995, 62-63.

³⁰ Горский Владимир Иосифович, полковник Гвардии. В 1920 г. командир батальона 136-го пе- хотного Таганрогского полка (Безносов 2006, 442).

³¹ Давыдов Борис Николаевич. Из дворян. Уроженец Москвы. Тверское кавалерийское училище (1910). Ротмистр 18-го драгунского полка. В конце 1918–начале 1919 – ротмистр 3-го (доброволь- ческого) эскадрона Новороссийского конного полка. Участник Екатеринославского похода. В июне 1919 – начальник пулеметной команды дивизиона Крымского конного полка, в июле (июне?) 1920 ушел из Крымского конного полка. Расстрелян в Симферополе по постановлению особой фронто- вой комиссии ВЧК при РВС 4-й армии и Крыма от 24 ноября 1920 (Безносов 2006, 442-443).

³² Дерябин 1996, 20; 1997, 18.

³³ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 737. Л. 57; Эммануэль Александр Николаевич (09.09.1872 – 26.04.1923 н.ст. Птуя.) Православный. Образование получил в 1-м кадетском корпусе. На воен- ную службу вступил 01.10.1890. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Выпущен в 20-й драгунский Ольвиопольский полк. Корнет (05.08.1891). Поручик (05.08.1895). Штабс-ротмистр (15.03.1898). Ротмистр (15.03.1902). Переведен в Крымский конный полк в 1906г. ротмистром и назначен командиром 3-го эскадрона. В этом же году 3-й эскадрон переименован в 6-й. В 1912 г. назначен на должность помощника командира полка по хозяйственной части. В 1908 г. назначен на должность младшего штаб-офицера и произведен в подполковники. В 1913 г. назначен на должность

К 1(14).10.1920 он насчитывал 125 сабель³⁴. Дивизион с отличием участвовал в Каховской оборонительной операции, за участие в которой один из его офицеров – корнет Небытов Петр – приказом Главнокомандующего Русской Армии № 248 от 31.10.(13.11.)1920 г. был награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2-й ст.³⁵

Во время обороны Перекопских позиций дивизион действовал отдельно от 34-й дивизии. Его отступление к портам описывает историк марковских артиллерийских частей: «30 октября (12 ноября) 1920 г. отряд из 1-го и 4-го полков генерала Маркова и 4-й генерала Маркова батареи отступил из Джанкоя. В районе станции Курман-Кемельчи они объединились с колонной в составе Симферопольского конного дивизиона, частей 6-й пехотной дивизии, Гвардейского отряда. Отход совершился перекатами с бугра на бугор под прикрытием огня орудий. Наши части все время окружались, т.к. к противнику подходили подкрепления и появилась красная артиллерия. В одной из неизвестных деревень собралась оставшаяся группа и 4-я Марковская батарея полковника Согайдачного и двинулась на Симферополь по дороге, которую знал командир Симферопольского конного дивизиона старый житель Крыма. К рассвету 31 октября они дошли до Симферополя»³⁶. Большинству офицеров и низших чинов удалось эвакуироваться из Крыма. Остатки дивизиона были размещены в лагере в Галлиполи и влиты в Алексеевский конный дивизион³⁷.

Многие чины отряда остались в Крыму. Так, боец отряда Л. Браксмейер устроился работать делопроизводителем в акционерном обществе «Ларек» (Москва). Оказавшиеся за границей частью пытались продолжить борьбу с большевиками. П. Шнейдер открыл в Константинополе свой ресторан «Максим» и продолжал вести агитацию против Советской России. В 1922 г. на деньги, выделенные ему англичанами, он попытался организовать небольшой отряд (около 30 человек под командованием Моисеева) с задачей высадиться в районе Партенита и поднять восстание в Крыму. Однако эта окончилась неудачей. В 1925 г. Государственное политическое управление Крымской АССР начало расследование деятельности бойцов дивизиона. В ходе следствия была получена информация о 105 лицах, служивших в Симферопольском конном дивизионе: 71 немце-колонисте, 22

старшего штаб-офицера. Председатель комиссии по постройке новых полковых казарм. Подполковник (за отличие, 30.01.1908). Полковник (06.12.1911). Участник Первой мировой войны. В 1914 г. старший штаб-офицер полка. Командир 10-го уланского Одесского полка (18.12.1915–08.10.1917). Награжден Георгиевским оружием (ВП 25.08.1916). Командующий 1-й бригадой 10-й кавалерийской дивизии (с 08.10.1917). В 1918 – в украинской армии гетмана П.П. Скоропадского: полковник, командир 2-й бригады 3-й Подольской конной дивизии (сформирована на базе кадров 10-й кавалерийской дивизии Русской армии). После падения гетмана перешел на службу в Добровольческую армию и ВСЮР. Состоял в резерве чинов, на 01.10.1919 командир Святохрестовского отряда войск Северного Кавказа. С 08.10.1919 начальник Осетинской конной дивизии, в 03.1920 отступил с Астраханского направления в Грузию, затем в Крым. В Русской Армии командир отдельного Симферопольского конного дивизиона 34-й пехотной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. В Галлиполи командир сводного дивизиона 1-го Алексеевского конного полка. В эмиграции в Югославии. Награды: ордена Св. Станислава 2-й ст. (1911); Георгиевское оружие (ВП 25.08.1916); Св. Анны 2-й ст. с мечами (ВП 07.09.1916); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (ПАФ 09.04.1917) (Безносов 2006, 442–443).

³⁴ Слащов 1990, 226.

³⁵ Лампе 1960, 147.

³⁶ Дерябин 1995, 61.

³⁷ Волков 2000, 315; Кривошей 1930, 14.

крымских татарах, 12 русских и украинцах; 16 предъявили обвинение. В декабре 1925 г. состоялся суд, который приговорил к высшей мере наказания (расстрелу с конфискацией имущества) П.Н. Шнейдера, В. Гаара, А. Шнейдера, К. Нечаева, Ф. Шнейдера, К. Аргинского, Кузьминского и Л. Браксмейера. Сразу же после суда этим уголовным делом заинтересовались высшие судебные, государственные и даже партийные органы страны. Постановлением Политбюро ЦК РКП (б) была создана специальная комиссия по делу «карательного отряда Шнейдера». Комиссия приняла постановление, утвержденное Политбюро, о чем прокурору Крымской АССР сообщил в личном секретном письме от 27.02.1926 г. прокурор Верховного Суда СССР Крыленко. В нем он, в частности, писал: «Согласно постановлению Комиссии Политбюро ЦК по делу “карательного отряда Шнейдера”, рассмотренному Главсудом по обвинению Аргинского, Кузьминского, Шнейдера и др., утвержденного Политбюро, высшая мера наказания (расстрел) не может быть применена. Предлагается руководствоваться на основании точного смысла закона (примечание 2 статьи 33)»³⁸.

В феврале 1926 г. судебное решение было опротестовано Верховным Судом СССР. Двух человек суд приговорил к тюремному заключению сроком на 10 лет с лишением гражданства сроком на 3 года; 7 человек – к тюремному заключению сроком на 5 лет с лишением гражданства сроком на 3 года; 5 человек – к тюремному заключению сроком на 3 года и 2 человека сроком на один год. Всего к различным срокам заключения были осуждены 30 человек, остальные амнистированы³⁹.

Заключение

В заключение нужно сказать, что в Крыму эксперимент по организации отрядов самообороны, в отличие от ряда других местностей, дал положительные результаты. Ведь в конечном итоге данная сила со временем выросла во вполне боеспособное, хоть и небольшое, подразделение, укомплектованное исключительно добровольцами и успешно используемое на фронте. Все попытки представить это соединение в качестве «безжалостных карателей и убийц», безусловно, являются ошибочными. Участие ряда бойцов отряда в исполнении нескольких, вполне законных приговоров суда, не является серьезным тому доказательством.

ЛИТЕРАТУРА

- Безносов, А. 2006: Симферопольский конный дивизион. В кн.: О. Кубицкая (ред.), *Немцы России*. М., 442–443.
- Бобков, А.А. 2010: «Белые» партизаны Таврической губернии (1918–1920 гг.). *Military Крым. Военно-исторический журнал* 18, 44–47.
- Брошеван, В. 1995: Отряд несущий людям смерть. (К истории вопроса о политическом терроре белогвардейцев в Крыму в 1920 году). *Известия Крымского Республиканского краеведческого музея* 11, 60–66.
- Волков, С.В. 2000: *Белое движение в России: организационная структура*. М.
- Дерябин, А. (ред.) 1995: *Последние бои Русской Армии генерала Врангеля за Крым в 1920 году*. М.

³⁸ Безносов 2006, 443.

³⁹ Брошеван 1995, 65–66.

- Дерябин, А.И. 1996: 34-я пехотная дивизия в гражданской войне. В сб.: А.А. Бобков (ред.), *Феодосийский исторический вестник* I, 20–21.
- Дерябин, А.И. 1997: Регулярная кавалерия Вооруженных сил Юга России (1917–1920). В сб.: В. Цветков (ред.), *Белая Гвардия* I, 12–21.
- Зарубин, В.Г., Надикта, В.М. 2005: Под командой Сулькевича и Шнейдера. *Историческое наследие Крыма* 10, 109–111.
- Косенко, И.М. (ред.) 1918: *Постановления Феодосийского уездного земского собрания очередной сессии 3-6 ноября 1917 г. С приложениями*. Феодосия.
- Краснов, В.М. 1923: Из воспоминаний о 1917—1920 гг. В сб.: И.В. Гессен (ред.), *Архив русской революции* 11, 106–166.
- Кривошей, К.Ю. 1930: Алексеевский пехотный (партизанский) полк. В сб.: В.В. Орехов (ред.), *Часовой: Орган связи русского воинства за рубежом*. Париж–Брюссель 14–43.
- Лампе, А.А. фон 1960: *Пути верных*. Париж.
- Оленин, А.А. 2002: 1-я школьная батарея. Записки капитана Добровольческой армии (1920–1921 гг.). *Звезда* 4, 189–209.
- Родин, И. 2004: Обыкновенный большевизм. Печальные последствия революционного переворота. *Киевский телеграф* 51(241), 3–4.
- Слашов, Я.А. 1990: *Белый Крым*. М.
- Тимошук, О.В. 2000: *Охоронний апарат Української Держави (квітень – грудень 1918 р.)*. Харків.
- Фельштинский, Ю.Г., Чернявский, Г.И. (ред.) 2004: *Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков*. М.
- Широков, В., Широков, О. 1983: *Симферополь – улицы рассказывают*. Симферополь.
- Юрченко, П.И. 1929: Петровские каменоломни и Партизанское движение Керчи. По Воспоминаниям участника. Автобиография автора. В сб.: Ю.Ю. Марти (ред.), *Сборник статей по экономике и быту Керченского района*. Керчь, 59–71.

REFERENCES

- Beznosov, A. 2006: Simferopol'skiy konnyy divizion [Simferopol Mounted Regiment]. In: O. Kubitskaya (red.), *Nemtsy Rossii [Russian Germans]*. М., 442–443.
- Bobkov, A.A. 2010: «Belye» partizany Tavricheskoy gubernii (1918–1920 gg.) [White Guerrillas of the Taurida Governorate (1918–1920)]. *Military Krym. Voenno-istoricheskiy zhurnal [Military Crimea. Military-historical Magazine]* 18, 44–47.
- Broshevian, V. 1995: Otryad nesushchiy lyudyam smert'. (K istorii voprosa o politicheskem terrore belogvardeytsev v Krymu v 1920 godu) [The Troop, Causing Death. (To the History of Political Terror of White Guards in Crimea in 1920)]. *Izvestiya Krymskogo Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya [News of the Crimean Republican Regional Museum]* 11, 60–66.
- Deryabin, A. (red.) 1995: *Poslednie boi Russkoy Armii generala Vrangelya za Krym v 1920 godu [The Last Fights of the Russian Army for Crimea by General Vrangel in 1920]*. Moscow.
- Deryabin, A.I. 1996: 34-ya pekhotnaya diviziya v grazhdanskoy voyne. [The 34-th Infantry Division in the Civil War]. In: A.A. Bobkov (red.), *Feodosiyskiy istoricheskiy vestnik [Theodosia Historical Journal]* I, 20-21.
- Deryabin, A.I. 1997: Regulyarnaya kavaleriya Vooruzhennykh sil Yuga Rossii (1917–1920). [The Regular Cavalry of the Armed Forces of South Russia (1917–1920)]. In: V. Tsvetkov (red.), *Belya Gvardiya [The White guard]* I, 12–21.
- Fel'shtinskiy, YU.G., Chernyavskiy, G.I. (red.) 2004: *Krasnyy terror v gody grazhdanskoy voiny. Po materialam Osoboy sledstvennoy komissii po rassledovaniyu zlodeyaniy bol'shevikov*

-
- [*Red Terror During the Years of the Civil War. According to the Materials of a Special Investigative Commission of Bolsheviks' Misdoings*]. Moscow.
- Kosenko, I.M. (red.) 1918: *Postanovleniya Feodosiyskogo uezdnogo zemskogo sobraniya ocherednoy sessii 3-6 noyabrya 1917 g. S prilozheniyami* [The Order of Feodosia County Earthen Assembly of the Regular Session, 3-6 November, 1917. With the Annexes]. Feodosiya.
- Krasnov, V.M. 1923: *Iz vospominaniy o 1917–1920 gg.* [Memories of 1917–1920]. In: I.V. Geszen (red.), *Arhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution] 11, 106–166.
- Krivoshey, K.YU. 1930: Alekseevskiy pehotnyy (partizanskiy) polk [M. Alekseyev's Infantry (guerrilla) Regiment]. In: V.V. Orekhov (red.), Chasovoy: *Organ svyazi russkogo voinstva za rubezhom* [The Unit of Communication of Russian Troops Abroad]. Paris– Brussels 14–43.
- Lampe, A.A. fon 1960: *Puti vernykh* [The Path of the Faithful Ones]. Paris.
- Olenin, A.A. 2002: 1-ya shkol'naya batareya. Zapiski kapitana Dobrovolskoy armii (1920–1921 gg.) [The First School Battery. Notes of the Captain of the Voluntary army 1920–1921]. *Zvezda* [Star] 4, 189–209.
- Rodin, I. 2004: Obyknovennyy bol'shevism. Pechal'nye posledstviya revolyutsionnogo perevora [Ordinary Bolshevism. Deplorable consequences of the Revolutionary Overthrow]. *Kievskiy telegraf* [Kiev Telegraph] 51(241), 3–4.
- Shirokov, V., Shirokov, O. 1983: *Simferopol' – ulitsy rasskazyvayut* [Simferopol – what the Streets Tell]. Simferopol.
- Slashchov, YA.A. 1990: *Belyy Krym* [White Crimea]. Moscow.
- Timoshhuk, O.V. 2000: *Ohoronnij aparat Ukrayi's'koi' Derzhavy (kviten' – gruden' 1918 r.)* [Security Apparatus of the Ukrainian State (April – December 1918)]. Kharkov.
- Volkov, S.V. 2000: *Beloe dvizhenie v Rossii: organizatsionnaya struktura* [The White Movement in Russia: Organizational Chart]. Moscow.
- Yurchenko, P.I. 1929: Petrovskie kamenolomni i Partizanskoe dvizhenie Kerchi. Po Vospomnaniyam uchastnika. Avtobiografiya avtora [Stone Quarries and the Guerrilla Movement in Kerch. According to the Reminiscences of a Participant. Autobiography]. In: Yu.Yu. Marti (red.), *Sbornik statey po ekonomike i bytu Kerchenskogo rayona* [The Collection of Articles on Economics and Daily Life in the Kerch' District]. Kerch', 59–71.
- Zarubin, V.G., Nadikta, V.M. 2005: Pod komandoy Sul'kevicha i SHneydera [Under the Command of Sulkevich and Shneyder]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Crimean Historical Heritage] 10, 109–111.

BRANCH OF THE RUSSIAN UNION OF LANDOWNERS (1918–1920)

Alexander Yu. Butovskiy

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
bytovskiyalex@mail.ru

Abstract. One of the most complicated and less studied aspects of the Civil war in Russia is its peasant component. The Black Repartition marked the long-term fight of Russian peasants for their own land and resulted such events, which can be called only as a peasant war. This war is insufficiently studied, despite the fact that the main participants of the events of the Civil war in Russia were the peasants. This article deals with the history of some Crimean self-defense groups during the period of the «Second Crimean Regional Government» (November 1918 – April 1919). This is so-called «partisan detachments», organized by the initiative of Tauric

---

Branch of the Russian Union of landowners. Under the situation of destruction of the world order of the Russian Empire self-defense groups of the Union was one of the few non-governmental structures trying to save southern rural territories occupied by Germany (Ukraine and the Crimea) from the chaos of peasant war. Based on previously unused materials of the State Archive of the Republic of Crimea and some other sources, the author estimates the functioning of these groups as a phenomenon in the history of the security service of the Crimean Regional Government and the Armed Forces of South Russia.

Key words: Civil War, Crimean Regional Government, Tauride Branch of the Russian Union of landowners, self-defense, partisan detachments, Simferopol cavalry division

---

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В МАГНИТОГОРСКЕ (1930–1980-е гг.)

Н.Н. Макарова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова,
Магнитогорск,
makarovanadia@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы религиозной жизни в городе Магнитогорске, строившемся как «новый город», свободный от пороков капиталистического общества, в том числе от религии. На протяжении 1930–1980-х гг. отношение к верующим в городе менялось. Первый этап (1930–1940-е гг.) характеризовался как наиболее сложное время для верующих всех конфессий, когда ключевой задачей было выживание во враждебной атеистической обстановке и сложнейших социально-бытовых условиях. Второй этап (1947–1959 гг.) – сравнительно «спокойное» время развития и укрепления религиозных обычаяев в семьях. Третий этап (1959–1985 гг.) – существование в условиях давления со стороны атеистической пропаганды и общественного порицания. Периодизация в целом совпадает с основными изменениями в государственной религиозной политике, что позволяет предположить влияние политических и социальных предпосылок на религиозное мировоззрение, формирование культовых практик и обыденного уклада жизни верующих. Социальные потрясения и пропаганда заставляли в некоторой степени изменять убеждения, приспосабливая их к действительности. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на антирелигиозные мероприятия со стороны властей и декларирование идеи «Магнитогорск – город без церквей», население продолжало совершать религиозные действия, а спектр конфессий на территории города был достаточно широким. При этом религиозность населения и города определялась по чисто внешним признакам: наличие церквей и часовен, совершение религиозных обрядов, внешней атрибутики. Подобный подход обеспечивал сравнительно спокойное существование верующих в городе, которые сохраняли внутреннюю религиозность или исповедовали внецерковные исповедания.

Ключевые слова: историческая антропология, история повседневной жизни, религия, Магнитогорск

Введение

Возникновение исторической антропологии как научного направления связывают с именами историков Марка Блока, Жака Ле Гоффа, Филиппа Арьеса, Натали Земон Дэвис¹, а дальнейшее развитие с А. Барнардом, Ф. Бартхом, А. Гингричем, Р. Паркином, С. Сильверманом². В российской науке существенный вклад в

Макарова Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории МГТУ им. Г.И.Носова.

¹ Блок 1986; Арьес 1992; Ле Гофф 2000; Земон Дэвис 1999.

² Barth, Gingrich, Parkin, Silverman 2005

развитие исторической антропологии внес А.Я. Гуревич³. В настоящее время существует два основных подхода к пониманию исторической антропологии. Первый связан с традициями школы «Анналов». Его представители видели в исторической антропологии «новую историческую науку», а предмет определяли, как совокупность существующих в длительной временной протяженности структур повседневности. Второй подход объединяет представителей микроисторического исследования прошлого (П. Берк, К. Гинзбург, Дж. Леви, Н.З. Дэвис, Х. Медик)⁴, которые считают историческую антропологию направлением социальной истории, а в качестве инструмента исследования рекомендуют «социальный микроскоп». В целом при широком разнообразии исследовательского поля можно отметить несколько областей изучения, в которых историческая антропология оказалась наиболее эффективной: материальная и биологическая антропология; экономическая антропология; социальная антропология; культурная антропология.

В России интерес к исторической антропологии усилился в 1990-е гг. после открытия Российско-французского центра антропологии имени Марка Блока и создания информационно-аналитического центра по теоретическим проблемам исторической науки при историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Среди выполненных исследований в контексте исторической антропологии наибольшее внимание историков было сосредоточено на изучении субъективной стороны веры, народной религиозности⁵. Историки обращались к изучению государственной политики в сфере религии, а в 2012 г. к исследованию религии была применена «новая оптика». Участники конференции «Религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насилиственной секуляризации» обратили внимание на *lived religion* (живая религия), религию в том виде, в каком она проживалась в действительности⁶.

Перспективным направлением исследований в области религиозных практик является обращение к региональному аспекту существования религиозных групп. Поэтому автор данной статьи обращается к исследованию локального городского пространства.

Строительство Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска началось в рамках индустриализации в 1929 г. в степях Южного Урала. Уже в 1932 г. на градообразующем предприятии был создан завершенный производственный цикл по производству металла. Н. Милютин, давая характеристику Магнитогорску, отмечал, что это «первый в СССР чисто советский город, где мы не связаны с прошлым, где мы всему миру демонстрируем волю пролетариата к новой общественной жизни»⁷. Процесс строительства Магнитогорска проходил под лозунгом коренной ломки старого быта. При этом в новом городе не было необходимости перестраивать существующие порядки и «ломать» традиции, казалось, их можно было создавать.

³ Гуревич 2003; 2005.

⁴ Леви 1996; Земон Дэвис 2006; Гинзбург 1996.

⁵ Алексеев 1996; Смилянская 2006; 2003.

⁶ Международная научная конференция «Религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насилиственной секуляризации» 2012.

⁷ Милютин 1930.

В целом в развитии религии на территории города можно выделить несколько этапов. Первый период охватывает 1929–1947 гг. – этап относительной пассивности в деятельности религиозных групп и организаций, начало внутренней изоляции протестантов в советском обществе, рост упаднических настроений, инертность в миссионерской деятельности. Первоочередная задача религиозных групп города была связана с выживанием во враждебных условиях. Второй этап (1947–1959 гг.) сравнительно «спокойное» время развития и укрепления религиозных обычаев в семьях и налаживания жизни в обстановке атеистического окружения, начало строительства церквей в городе. Третий этап (1959–1985 гг.) характеризовался существованием верующих в условиях давления со стороны атеистической пропаганды и более интенсивного общественного порицания.

Наше исследование опирается на комплекс архивных материалов, выявленных и отобранных в центральных, областных и городских архивах, а также на коллекцию интервью и фотографий, собранных автором в течение 2007–2016 гг. В соответствии с видовой классификацией нами были выделены следующие виды источников: законодательные акты, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного происхождения, среди которых воспоминания, письма и интервью.

К законодательным актам, положенным в основу исследования, относятся, прежде всего, нормативные акты советского государства. Эта группа источников позволяет выявить ключевые направления регулирования государством религиозных вопросов. Делопроизводственные материалы представлены как архивными, так и опубликованными материалами. Организационная и распорядительная документация, текущая переписка учреждений и предприятий, протоколы собраний, учетная, отчетная и контрольная документация, докладные записки, справки и переписка о состоянии антирелигиозной работы в школах, клубах и иных учреждениях города позволяют судить о реализации на местном уровне общегосударственной политики по вопросам религии. Очень информативным и перспективным источником изучения проблем повседневности является периодическая печать. Из газет и журналов можно почерпнуть значительный пласт информации о городской повседневности, в том числе и об отношении к верующим и религии в целом.

Крайне важным и интересным источником являются воспоминания магнитогорцев, как неопубликованные, из коллекции автора и фондов архивов и музеев, так и опубликованные мемуары. Последние представлены двумя группами источников: мемуары горожан и мемуары лиц, в разное время посетивших Магнитогорск. Особо следует отметить мемуары американца Джона Скотта «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали»⁸. Особая ценность этой книги состоит в том, что Дж. Скотт повествует не только о триумфах строительства, но указывает на крайне тяжелую жизнь рабочих, спецпереселенцев, заключенных, иностранцев и привилегии номенклатурных работников. Показывая объективную картину жизни города, автор указывает на значительное число сосланных в Магнитогорск священнослужителей, и крайне негативное отношение к верующим вообще. Воспоминания первостроителей, стахановцев и ударников, неопубли-

⁸ Скотт 1991.

кованные рукописи писателей, а также воспоминания очевидцев строительства металлургического завода и города, собранные писателем Э.Г. Казакевичем, побывавшем в Магнитогорске в конце 1950-х гг. и зафиксировавшем воспоминания и переживания горожан, отражают различные религиозные практики, которые бытовали среди населения города, а также указывают на способы борьбы с религией в Магнитогорске. Проведенные интервью с горожанами продемонстрировали, что, несмотря на запреты со стороны властей и разнообразные ограничения, семьи респондентов продолжали соблюдать некоторые религиозные обряды.

В данной статье делается попытка определения характерных черт повседневной жизни и реализации религиозных практик населением Магнитогорска на разных этапах осуществления государством политики в области религии.

В 1930–1980 гг. на территории Магнитогорска находились представители двух основных конфессий: христианской и мусульманской. При этом среди христиан были православные, католики и протестанты. Самыми крупными из числа протестантских движений были баптисты (в т.ч. евангельские христиане), адвентисты и пятидесятники (в т.ч. христиане веры евангельской). Подобный пестрый конфессиональный состав населения Магнитогорска был обусловлен историей строительства города и завода и привлечением контингента строителей из разных регионов Советского Союза и даже из-за границы⁹. Значительное число верующих было среди спецпереселенцев¹⁰. Так, американский рабочий Дж. Скотт писал: «Однажды, возвращаясь домой с работы, я стал свидетелем любопытной сценки – передо мной была бригада, состоявшая из сорока или пятидесяти священников православной церкви, одетых в грязные, изодранные черные рясы. У всех были длинные волосы, у некоторых даже до пояса. Они упорно работали заступами и лопатами, срывая небольшой холмик»¹¹. Воспоминания американца подтверждают данные архивов. В Магнитогорске были священнослужители, которые тайно проводили религиозные обряды. Так, отец Димитрий (Д.И. Герасенко) со своей семьей жил в Магнитогорске, не регистрируясь официально, освоил мирские профессии, но тайно, по просьбам местных жителей, проводил обряды крещения, венчания и отпевания¹². В магнитогорской исправительно-трудовой колонии отбывали заключение священнослужители различных конфессий. В частности, в городе отбывал ссылку с 1930 по 1937 гг. имам-хатыб из с. Большая Цильна Буровского района Лутфулла Туктамышев. В 1937 г. его приговорили к 6 месяцам исправительно-трудовых работ, а затем арестовали¹³. В 1930-е гг. религию связывали с женами и матерями спецкадров Магнитостроя, однако, на наш взгляд, сохранение религиозности в повседневной жизни магнитогорцев зависело не только от социальной или половой принадлежности. Существенное влияние оказывали общая духовная культура человека, традиции, существовавшие в конкретной семье, уровень грамотности, социальное происхождение. Потомственные рабочие легче отказывались от религиозных обычаяев, чем недавние крестьяне. Большинство выходцев из деревни в первые месяцы пребывания на Магнитострое продол-

⁹ Макарова 2012.

¹⁰ Воспоминания Л.Г. Чернопятовой, 1937 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹¹ Скотт 1991, 105.

¹² Старикова 2012, 55.

¹³ Миннулин 2006, 131.

жали носить нательные кресты: «Иногда можно было увидеть, как крестьянин, только что приехавший из деревни, осеняет себя по старой привычке крестом; в банде времени от времени можно было встретить пожилого мужчину с крестиком, висевшим у него на шее на шнурке»¹⁴. Таким образом, социальный и половозрастной состав населения Магнитогорска мог как способствовать искоренению религиозности в городе, так и противодействовать ему (значительное количество молодежи, оторванной от привычного образа жизни и социального окружения).

В районе города Магнитогорска не было значимых с точки зрения культурной ценности церквей, но вокруг города на расстоянии 26–30 км были деревни с небольшими церквями. Отсутствие церквей в городе рассматривалось властями, как возможность формирования атеистической повседневности среди горожан. В станице Магнитной¹⁵, основанной в 1743 г., преобладало православное население, было несколько семей мусульман, а также семьи староверов¹⁶. В январе 1930 г. церковь станицы и часовня были закрыты, а вскоре, в связи с вводом в эксплуатацию второй плотины, затоплены. Верующие начали посещать церковь в поселке Наваринский, который располагался в 26 км от города. В воспоминаниях организатора культурно-массовой работы в Магнитогорске Колбина отмечается, что некоторые горожане венчались и крестили детей¹⁷. Естественно, что подобные религиозные действия не получили в Магнитогорске массового распространения. Если обряды крещения и венчания удалось искоренить в большей степени, то похороны, по свидетельствам очевидцев, проводились строго в соответствии с церковными традициями¹⁸.

Воспоминания старожилов города и иные источники личного происхождения указывают на то, что в Магнитогорске произошло переплетение традиционной обрядности с новыми советскими нормами. По тексту воспоминаний Н.Г. Кондратковской не сложно заметить, что наряду с обрядовыми действиями необходимо было строго соблюсти все нормы советского законодательства: «Я уже опомнилась, беру мамин паспорт, надо идти за доктором на Ежовку¹⁹, брать справку, потом сдавать паспорт в НКВД, потом в ЗАГС, это рядом. И заказать гроб, место на кладбище, платить за могилу... День был занят хлопотами... Мария Алексеевна готовила обед... Приехали на кладбище уже в потемках, там освещения никакого не было. С фонариком нашли могилу. Мужчины сняли гроб, крышку, поехали за лопатами, ломиками, начали делать надпись. На кладбище ни души – в такую пору никто не хоронит»²⁰.

В целом религиозные практики в Магнитогорске отражали наиболее устойчивые представления населения о религиозной жизни. Учитывая, что церквей в городе не было, верующие магнитогорцы посещали близлежащие церкви в селах или устраивали «молельные дома» в землянках, а затем в своих квартирах. Так, баптисты Г. Шевчук, Сапиок, Салепко, Вогинков регулярно проводили в своих

¹⁴ Скотт 1991, 238.

¹⁵ Поселок Магнитный находился в непосредственной близости от строящегося города. В настоящее время город занимает территорию поселка. Церковь был затоплена в 1931 г.

¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 45-52.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 44-45.

¹⁸ Воспоминания Л.Г. Чернопятовой, 1937 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹⁹ Ежовка – название поселка на территории Магнитогорска.

²⁰ Кондратковская 2012, 121–124.

жилищах молитвенные собрания. В бараках проводить религиозные мероприятия было сложнее – слишком много было посторонних глаз. При этом говорить, что землянка было устроена особым образом, нельзя – фактических возможностей у населения для создания религиозного пространства не было. Чаще все горожане ограничивались укреплением икон в так называемом красном углу. Мусульманское население города, по свидетельствам культработника Колбина и по воспоминаниям старожилов Магнитогорска, не нуждалось в церквях, «они молились прямо на улице, на земле»²¹. В Магнитогорске в среде мусульман были избраны муллы, которые совершали необходимые обряды. Чтение священных книг (Библия, Коран и т.п.) было малодоступной религиозной практикой. Это было обусловлено отсутствием возможностей читать религиозную литературу (соседи, отсутствие освещения, нехватка свободного времени и т.п.) и дефицитом подобных книг. Соблюдение постов как одной из важнейших религиозных практик в условиях латентного голода также было крайне затруднительно. Однако по большим праздникам, таким, как Пасха или Ураза Байрам, горожане готовили традиционную пищу²². Даже обряд захоронения было невозможно соблюдать в первые годы строительства, т.к. вплоть до 1932 г. в Магнитогорске не было кладбища. Захоронения производили в общих могилах, не устанавливая ни памятников, ни тем более крестов.

В рассматриваемый период в Магнитогорске активно велась борьба с религиозным сознанием населения²³. Духовное и культурное влияние религии на широкие массы не согласовывалось с планами властей, поэтому одну из важнейших задач большевики видели в изменении старой системы ценностей, сконцентрированной в значительной мере в религиозном вероучении. Наибольшую разрушающую силу в борьбе с религиозным сознанием населения имело советское образование, которое строилось на основе марксистской идеологии. Ее постулаты наиболее активно усваивались молодежью, преобладающей в городе. ГорОНО требовал от коллективов школ города «усилить антирелигиозное воспитание детей и их родителей»²⁴, «учебный программный антирелигиозный материал использовать шире и регулярнее»²⁵. Отмечалось, что антирелигиозная пропаганда и научно-просветительская работа ведутся не столь активно, как того требуют «потребности масс»²⁶. В частности, по Уралу в 1932 г. из 736 низовых профсоюзных организаций антирелигиозные кружки имелись только в 34, т. е. в 4,5 %²⁷. Ситуация на новостройках, по мнению руководства ВЦСПС, требовала особого внимания. Именно поэтому на новостройки, в том числе и в Магнитогорск, направили «40 антирелигиозников для развертывания массовой антирелигиозной пропаганды...»²⁸. Отношение к религии часто разделяло в семье родителей и де-

²¹ Воспоминания Л.Г. Чернопятовой, 1937 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.; ГАРФ. 7952. Оп. 5. Д. 309. Лл. 37–39.

²² Воспоминания О.В. Бистровой, 1927 г. р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

²³ Kultura i byt. 1932. № 8. S. 11.

²⁴ Муниципальный архив Магнитогорский «Городской архив» (далее МУ МГА). Ф.12. Оп.1а. Д.9. Л. 107.

²⁵ МУ МГА. Ф.12. Оп.1а. Д.9. Л.106.

²⁶ Перель 1932, 35.

²⁷ Перель 1932, 35.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16.Д. 832. Л.3.

тей. Последние под воздействием школы отказывались от религиозного мировоззрения, что в свою очередь порождало конфликты с родителями. Судя по официальной статистике, на Урале в 1917–1921 гг. 90 % всех браков в рабочей среде были церковными, в 1934–1935 гг. это число сократилось до 2,4%²⁹.

Антирелигиозная работа была одним из основных и постоянных направлений деятельности комсомольских и партийных организаций. Последние очень часто действовали, не считаясь с чувствами верующих, что в свою очередь вызывало недовольство, а в некоторых случаях протест. Так, в Магнитогорске были случаи физической расправы с антирелигиозниками, которые приходили в барак для пропаганды атеистического мировоззрения³⁰.

В годы Великой Отечественной войны произошло смягчение прежней антирелигиозной политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены общепротестантские сборы средств; сняты ограничения на некультивированную деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний; стали открываться молитвенные здания; расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников», в апреле 1942 г. дано разрешение на проведение пасхальных крестных ходов вокруг храмов³¹. В послевоенные годы эта тенденция частично сохранялась. В 1946 г. по инициативе директора ММК Г.И. Носова в Магнитогорске начали строительство Храма Михаила Архангела и церковь Николая Чудотворца. Последнюю устроили в здании бывшего магазина, а процесс реконструкции шел в течение двух лет (1945–1947 гг.). В этот же период в Магнитогорске начал функционировать молельный дом мусульман. В послевоенные годы акцент в жизни верующих смещается с необходимости выживания в экстремальных условиях преследований в сторону налаживания повседневной жизни в относительно спокойных условиях.

Религиозные практики в Магнитогорске в 1940–1950-е гг. приобрели более формализованный характер. Представители всех конфессий в городе организовали молельные дома, собирались там более или менее открыто. Однако в 1954 г. в поселке Старомагнитном был обнаружен святой ключ. Внимание к этому явлению было существенным как со стороны верующих, так и со стороны властей. Отец Иоанн, освятивший источник, был лишен сана³². Сам источник объявлен обыкновенным ключом и засыпан. В 1959 г. произошло еще событие, не соответствующее пониманию властями религиозной деятельности. Верующий Н. Третубов начал распространять «святые» письма с призывами посещать церковь, неходить в кино. Он был арестован³³. Наконец, в 1959 г. в Михайло-Архангельской церкви во время крещения утонул ребенок³⁴. Это происшествие стало ключевой причиной закрытия церкви. Кроме того, в непосредственной близости от религиозного учреждения располагалась общеобразовательная школа. В здании церкви устроили планетарий, а потом склад.

²⁹ Постников, Фельдман 2009, 257.

³⁰ Воспоминания А.И. Чесноковой. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

³¹ Кринко 2015, 100.

³² Никифоров, 2002, 170.

³³ Никифоров, 2002, 170.

³⁴ Никифоров, 2002, 170.

В 1947–1959 гг. повседневная культура религиозных групп определялась, как правило, их богословием. Изменения в богословии часто выступали одними из предвестников дальнейших изменений в образе жизни верующих. Право на толкование Библии имели преимущественно лидеры религиозных движений. Духовные авторитеты зачастую базировали свое понимание социальных, политических и культурных процессов на основе священных текстов. Во избежание гонений верующие стремились до определенной степени сблизиться с представителями советской власти. Взяв на вооружение некоторые положения коммунизма и подведя под основание богословские идеи общинной природы христианства, протестанты Магнитогорска шли на уступки властям (например, посещение учебных заведений по субботам, трудовая деятельность в субботний день). День у представителей протестантских движений, как правило, начинался с молитвы и с чтения Библии. Если вся семья была верующей, то обычно молились все вместе. У адвентистов седьмого дня читали утренний страж (короткие религиозно-назидательные рассказы на каждый день). Обязательными считались молитвы перед едой. Так, респондент Е.А. Фирсова отмечала, что ее «бабушка соблюдала все религиозные нормы, каждый день ходила в молитвенный дом. Она часто бросала домашние дела, семью, детей и бежала в свою церковь»³⁵.

Период 1959–1985 гг. характеризовался усилением борьбы с религиозными группами внецерковного типа и одновременным укреплением таковых групп в своих намерениях. Согласно протоколам заседаний комиссии по соблюдению религиозных культов в Магнитогорске на 1 апреля 1969 г. действовали общины «Святой церкви», адвентистов, пятидесятников, баптистов. Половозрастной состав членов этих религиозных групп был пестрым. Однако основную долю составляли женщины (79%) старшего возраста (старше 60 лет – 52%; 40-50 лет – 15,8%; 18-20 лет – 2,3%; несовершеннолетние – 4,6%). От общего количества верующих лишь 30% были работающими, 4% учащиеся³⁶. Подавляющее большинство верующих имели низшее образование и лишь 3-4% представителей религиозных групп протестантского толка обладали средним и высшим образованием. Подобные социальные характеристики были свойственны верующим города всех конфессий на протяжении 1960–1970-х гг.

В противовес этим социальным характеристикам можно привести данные по половозрастному составу сотрудников атеистических групп. Во-первых, все были работающими, 46% среди которых составляли мужчины с высшим образованием (50%) или средним образованием (47%)³⁷. Ключевой задачей атеистических групп в городе было осуществление пропагандистской антирелигиозной деятельности и контроль за соблюдением законодательства о религиозных культурах. Кроме разъяснения политики КПСС и советского государства в отношении религии и церкви, участники атеистических групп взяли на контроль квартиры религиозных активистов, где регулярно проводились собрания; проводили публичные лекции просветительского характера для участковых города; ЗАГСы города стали чаще проводить процедуры торжественной регистрации новорожденных под девизом «Внуки Ильича»; при поликлиниках города врачи читали лекции моло-

³⁵ Воспоминания Е.А. Фирсовой 1957. Записано Н.Н. Макаровой в 2014 г.

³⁶ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 61.

³⁷ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 67.

дым матерям «О вреде крещения» и т.п.³⁸. Предприятия города организовывали комсомольские свадьбы, торжественные проводы в армию. Районная организация общества «Знание» вела свою работу более активно. Только в Ленинском районе за 1973 г. было прочитано 188 лекций атеистического содержания. Несмотря на столь разнообразные формы работы, число совершившихся религиозных обрядов в городе было стабильным. Так, в августе–сентябре 1973 г. в Ленинском районе Магнитогорска было совершено 36 крещений детей³⁹. Интересна практика верующих, направленная на сокрытие актов крещения или венчания. Некоторые магнитогорцы уезжали в другие города и там совершали религиозные обряды. Так, в ноябре 1973 г. в горисполком Магнитогорска поступило сообщение о том, что «в августе сего года в молитвенном доме г. Тольятти Куйбышевской области граждане Лукьяновы Владимир Васильевич и Вера Ивановна, проживающие пр. Ленина 45–35, окрестили сыновей Валерия и Дмитрия»⁴⁰. Подобное сообщение было не единственным. Согласно официальной статистике в Магнитогорске за 1972 г. было окрещено 783 человека; обвенчано 3 пары; отпето 536 умерших, в т.ч. 84 очно и 452 заочно⁴¹. Для сравнения, в Челябинске эти показатели выглядели следующим образом: 1903 человека окрещено; 34 пары обвенчаны; 4080 – отпеваний⁴².

Усиление внимания к вопросам религиозных практик в локальном пространстве города в основном сопряжено с изучением микроистории и структур повседневности. В Магнитогорске горожане продолжали совершать культовые действия не столько вопреки запретам со стороны властей, сколько по привычке, не придавая особого религиозного характера своим действиям, опираясь, прежде всего, на многовековые традиции. Наличие на территории города пестрого этно-конфессионального состава консервировало религиозные традиции. В целом антирелигиозная политика 1930–1980-х гг. сыграла решающую роль в уничтожении религиозного сознания населения, духовенства и духовных организаций. Существование религии в обществе поддерживалось лишь на уровне некоторых обрядов. Новый образ жизни, привычки населения, сменный график работы, строгий контроль привели к тому, что религия стала уделом стариков, а молодежи и людям среднего возраста верить было просто неприлично. Со второй половины 1930-х гг. в архивных материалах практически отсутствуют сведения о работе «Союза воинствующих безбожников» в Магнитогорске, о сохранении религии в городе, об организации подпольных молебнов и проч. Думается, что подобная ситуация не была случайной. Религиозность населения и города определялись по чисто внешним признакам: наличие церквей и часовен, совершение религиозных обрядов, внешней атрибутики. Подобный подход обеспечивал сравнительно спокойное существование верующим в городе, которые сохраняли внутреннюю религиозность или исповедовали внецерковные исповедания. Отсутствие церквей в городе – «флагмане социалистической индустриализации» и образце нового «социалистического общежития» – оставляло Магнитогорск вне поля зрения

³⁸ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 1

³⁹ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 6.

⁴⁰ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 7.

⁴¹ МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

⁴² МУ МГА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

партийных и советских органов, ответственных за антирелигиозную пропаганду, и потому, в некотором смысле, делало сохраняющиеся в нем религиозные практики неуязвимыми. Однако разнообразные источники свидетельствуют и об иной тенденции: многие горожане, даже молодежь и дети, нелегко отказывались от веры. Процесс секуляризации быта охватил значительную часть населения страны и Магнитогорска, но следует отметить, что значительная часть магнитогорцев продолжала активно участвовать в религиозной жизни. Исполнение религиозных обрядов по-прежнему считалось одной из обязательных черт жизни. Трансляция религиозных ценностей и взглядов в семье не прекратилась, несмотря на антирелигиозную позицию государства.

Хронология этапов эволюции религиозных практик в Магнитогорске в целом совпадает с основными изменениями в государственной религиозной политике, что позволяет предположить влияние политических и социальных предпосылок на религиозное мировоззрение, формирование культовых практик и обыденного уклада жизни верующих в Магнитогорске. Социальные потрясения и пропаганда заставляла в некоторой степени изменять убеждения, приспособливая их к действительности, но базовые постулаты религиозных учений и нормы морали сохранялись на протяжении всего периода существования Советского Союза. Это дает возможность предположить, что религиозные взгляды и опыт являлись преобладающими факторами, которые создавали основные черты повседневной жизни последователя веры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А.И. 1996: Иосифлянство и нестяжательство в свете поминальной практики XV в. *Первые Дмитриевские Чтения* 1, 78–91.
- Арьеc, Ф. 1992: *Человек перед лицом смерти*. М.
- Блок, М. 1986: *Апология истории или ремесло историка*. М.
- Гинзбург, К. 1996: Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю. *Современные методы преподавания новейшей истории*, 207–236.
- Гуревич, А.Я. 2003: «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя. В кн.: *Одиссей. Человек в истории*. М., 221–240.
- Гуревич, А.Я. 2005: История в человеческом измерении (Размышления медиевиста). *Новое литературное обозрение* 75, 39–40.
- Дэвис, Н.З. 1999: *Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века*. М.
- Дэвис, Н.З. 2006: Обряды насилия. В кн.: М. Кромм (ред.), *История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков*. М., 111–162.
- Кондратковская, Н.Г. 2012: «Ах, если бы еще одну мне жизнь». Белорецк.
- Кринко, Е.Ф. 2015: Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Оренбургского Государственного педагогического университета* 1(13), 98–112.
- Ле Гофф, Ж. 2000: *Другое Средневековье*. Екатеринбург.
- Леви, Дж. 1996: К вопросу о микроистории. В кн.: А.О. Чубарьян (ред.), *Современные методы преподавания новейшей истории*. М., 167–190.
- Макарова, Н.Н. 2012: «Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом* 3–4, 158–180.
- Милютин, Н. 1930: Борьба за новый быт и советский урбанизм. В кн.: *Города социализма и социалистическая реконструкция быта*. М.

- Миннулин, И.Р. 2006: Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань.
- Никифоров, Н.А. (ред.) 2002: *Магнитогорск. Краткая энциклопедия*. Магнитогорск.
- Перель, И.А. (ред.) 1932: *Культфронт Урала на подъеме*. Свердловск.
- Постников, С.П., Фельдман, М.А. 2009: *Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.* М.
- Скотт, Дж. 1991: *За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали*. Свердловск – М.
- Смилянская, Е.Б. 2003: *Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в.* М.
- Смилянская, Е.Б. 2006: О концепте «суеверие» в России века Просвещения. *Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии*, 19–31.
- Старикова, Г.И. 2012: Время войне и время миру. *Наследие* 7, 54–57.
- Barnard, A. 2004: *History and Theory in Anthropology*. Cambridge.
- Barth, F., Gingrich, A., Parkin, R., Silverman, S. 2005: *One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology*. Chicago.

REFERENCES

- Alekseev, A.I. 1996: Iosiflyanstvo i nestyazhatel'stvo v svete pominal'noy praktiki XV v. [Iosifiane and Covetousness in the Light of the Funeral Practices of the 15th]. *Pervye Dmitrievskie Chtenija* [The First Demetrius Read] 1, 78–91.
- Ar'es, F. 1992: *Chelovek pered licom smerti* [In the Face of Death]. Moscow.
- Barnard, A. 2004: *History and Theory in Anthropology*. Cambridge.
- Barth, F., Gingrich, A., Parkin R., Silverman S. 2005: *One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology*. Chicago.
- Blok, M. 1986: *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology of History or the Craft of the Historian]. Moscow.
- Ginzburg, K. 1996: Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o ney znayu [Microhistory: Two or Three Things I Know about Her]. *Sovremennye metody prepodavaniya noveyshoy istorii* [Modern Methods of Teaching Modern History], 207–236.
- Gurevich, A.Ja. 2003: «Vremya vyvihnulos'»: poruganie umershego pravitelya [«Time Viminalis» the Reproach of the Deceased Ruler]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in history]. М., 221–240.
- Gurevich, A.Ja. 2005: Iстория в человеческом измерении (Razmyshleniya medie-vista) [The Story in Human Terms (Reflections of a Medievalist)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review] 75, 39–40.
- Devis, N.Z. 1999: *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka* [Ladies on the Sidelines. Three Female Portrait of the XVII Century]. Moscow.
- Djevis, N.Z. 2006: Obryady nasiliya [The Rites of Violence]. In: M. Kromm (red.), *Istoriya i antropologiya. Mezhdisciplinarnye issledovaniya na rubezhe XX–XXI vekov* [History and Anthropology. Interdisciplinary Research at the Turn of 20th – 21st Centuries]. М., 111–162.
- Kondratkovskaya, N.G. 2012: «Ah, esli by eshhe odnu mne zhizn'» [Ah, if Another Life to Me]. Beloreck.
- Krinko, E.F. 2015: Religioznaia zhizn' v tylu i na fronte v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Religious Life in the Rear and at the Front During the Great Patriotic War]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University] 1(13), 98–112.
- Le Goff, Zh. 2000: *Drugoe Srednevekov'e* [Another Middle Ages]. Ekaterinburg.

- Levi, Dzh. 1996: K voprosu o mikroistorii [To the Question of Microhistory]. In: A.O. Chubar'yan (red.), *Sovremennye metody prepodavaniya noveyshey istorii* [Modern Methods of Teaching Modern History]. M., 167–190.
- Makarova, N.N. 2012: «Gorod bez cerkvey»: religioznost' v Magnitogorske v 1930-e gg. [«A City Without a Church»: Religion in Magnitogorsk in the 1930s]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide] 3-4, 158–180.
- Milyutin, N. 1930: Bor'ba za novyy byt i sovetskiy urbanizm [The Struggle for a New Way of Life and Soviet Urbanism]. In: *Goroda socializma i socialisticheskaja rekonstrukcija byta* [City of Socialism and Socialist Reconstruction of Life]. Moscow.
- Minnulin, I.R. 2006: *Musul'manskoe duhovenstvo i vlast' v Tatarstane* (1920–1930-e gg.) [The Muslim Clergy and the Government in Tatarstan (1920–1930s)]. Kazan'.
- Nikiforov, N.A. (red.) 2002: *Magnitogorsk. Kratkaya enciklopediya* [Magnitogorsk. Concise Encyclopedia]. Magnitogorsk.
- Perel', I.A. (red.) 1932: *Kul'tfront Urala na podeme* [Kultfront of the Urals on the Rise]. Sverdlovsk.
- Postnikov, S.P., Fel'dman, M.A. 2009: *Sociokul'turnyy oblik promyshlennyyh rabochih Rossii v 1900–1941 gg.* [Socio-cultural Image of Industrial Workers in Russia 1900–1941] Moscow.
- Skott, Dzh. 1991: *Za Uralom. Amerikanskiy rabochiy v russkom gorode stali* [Beyond The Urals. The American worker in the Russian City of Steel]. Sverdlovsk–Moscow.
- Smilyanskaya, E.B. 2003: *Volshebni. Bogohul'niki. Eretiki. Narodnaja religioznost' i «duhovnye prestuplenija» v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Popular Religiosity and «Spiritual Crimes» in Russia of the XVIII Century]. Moscow.
- Smilyanskaya, E.B. 2006: O koncepte «sueverie» v Rossii veka Prosveshcheniya [About the concept of «superstition» in Russia the age of Enlightenment]. *Sny Bogorodicy: Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of Mother of God: Studies on Anthropology of Religion], 19–31.
- Starikova, G.I. 2012: Vremya voynы i vremya miru [A Time for War and a Time for Peace]. *Nasledie* [Heritage]. 7, 54–57.

RELIGIOUS LIFE IN MAGNITOGORSK IN 1930–1980

Nadezhda N. Makarova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
 makarovanadia@mail.ru

Abstract. The article deals with the religious life in Magnitogorsk founded as a «new city», free from the vices of capitalist society, including religion. The attitude to believers had changed in the city during 1930–1980s. The first stage (1930–1940s) is characterized as the most difficult time for the believers of all faiths, because of their key task was to survive in a hostile atheistic environment and difficult social conditions. The second stage (1947–1959) was rather «quiet» time for the development and strengthening of religious customs in the families. The third stage (1959–1985) was the existence in the context of pressure from the atheistic propaganda and public censure. The periodization in general coincides with major changes in the state religious policy, which suggests the impact of political and social prerequisites on a religious worldview, the formation of religious practices and everyday way of life of the believers. Social upheaval and propaganda forced to change beliefs and to adapt them to the reality. The author concludes that despite the anti-religious actions from the authorities, and the declaration of the idea

“Magnitogorsk is the city without churches”, the population continued to practice religion, and the range of faiths in the city was wide enough. Purely external signs determined the religiosity of the population and the city: the presence of churches and chapels, religious rituals, external paraphernalia. This approach ensured a relatively peaceful existence of the believers in the city who had inner religiousness or professed nondenominational confession.

Key words: historical anthropology, daily life history, religion, Magnitogorsk

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 159–169
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 159–169
© Автор(ы) 2017

ПРОБЛЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1947 гг.

М.Н. Потемкина, А.Е. Любецкий

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
mpotemkina@mail.ru, artyoml@list.ru*

Аннотация. Гуманитарные проблемы, связанные с идентификацией личных данных и установлением мест захоронений умерших в плену военнослужащих, имеют важное политическое значение для поддержания благоприятного климата межгосударственных отношений. Статья посвящена проблемам нахождения иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг. Несмотря на значительное количество исследований по проблемам военного плена в отечественной и мировой науке, данные по южноуральскому региону не введены в научный оборот. Источниковую основу исследования составили документы Российского государственного военного архива, Государственного архива РФ, опубликованные материалы по истории военного плена. Авторы проанализировали количественный и качественный составы военнопленных, режим и условия их содержания в лагерях, медицинское обслуживание, уровень смертности и заболеваемости среди военнопленных и интернированных, описали процессы их репатриации. Численность иностранных военнопленных и интернированных, прошедших через лагеря, дислоцированные на территории Челябинской области, определена в 101 000 человек, основную долю которых составили немцы, румыны, венгры и австрийцы. В статье сделан вывод о том, что Советское руководство в целом стремилось выполнять международные акты по содержанию военнопленных; региональная специфика, на наш взгляд, не играла существенной роли. Региональную специфику содержания военнопленных вражеских армий определили: отдаленность Южного Урала от театра военных действий и наличие в области крупных промышленных предприятий.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военнопленные, Челябинская область, условия содержания, репатриация

Потемкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова.

Любецкий Артем Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова.

Введение

На протяжении всей военной истории человечества плен являлся неотъемлемой частью межгосударственных вооруженных конфликтов, однако вплоть до начала XX века оставался второстепенным аспектом ведения военных действий. В Первую мировую войну плен приобрел массовый характер и многофункциональное значение для воюющего общества. Военнопленные начали использоваться как дешевая рабочая сила, фактор давления на противника и инструмент дисциплинирования гражданского населения. Предельно ожесточенный характер Второй мировой войны попрал традиции воинской чести. Политические и военные руководители стран-агрессоров превратили плен в продолжение войны. Отличительной чертой Второй мировой войны на Восточном фронте стало влияние расовой теории и тоталитарного режима государств на содержание вражеских солдат и офицеров.

По немецким данным, в германском плену в 1941–1945 гг. находилось более 5,7 млн. советских военнопленных, из которых 3,3 млн. погибли. В свою очередь, СССР, согласно отечественным источникам, захватил в плен свыше 4,3 млн. иностранных военнослужащих, из которых погибло более 580 тыс. чел.¹

Тема военного пленя на сегодняшний день является актуальной в аспекте критерия гуманности современной цивилизации. Гуманитарные проблемы, связанные с идентификацией личных данных и установлением мест захоронений умерших в плену военнослужащих, имеют важное политическое значение для поддержания благоприятного климата межгосударственных отношений.

Несмотря на прошедшие годы, которые отдаляют нас от окончания Второй мировой войны, продолжается всестороннее осмысление данной проблемы. До начала 1990-х гг. архивные документы по этой теме в российских архивах были засекречены и исследование проблемы иностранного военного пленя было табуировано. В начале 1990-х гг. в стране вышли первые работы по истории советского пленя, выполненные на материалах бывшего «Особого архива» СССР (сегодня РГВА). Прежде всего, необходимо назвать работы В.П. Галицкого, посвященные политике СССР в отношении военнопленных, участию военнопленных в антифашистском движении, их трудоиспользованию, а также положению в СССР военнопленных иностранных армий.

С 2000-х гг. произошел всплеск интереса к данной теме. Среди российских исследований этого периода можно выделить работы В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых и научную публикацию архивных документов и материалов, освещавших пребывание пленных военнослужащих иностранных армий на территории СССР в период 1939–1956 гг.²

В 1990-х гг. началось исследование проблемы военнопленных и в российских регионах. В научный оборот были введены ранее неизученные данные, которые позволили по-новому подойти к интерпретации и осмыслению общероссийской истории, объективно освещать проблемы военного пленя, обсуждать их на международных форумах. Уральская региональная историография представлена ра-

---

¹ Загорулько 2000, 11–12.

² Конасов 2002; Кузьминых 2012, 158–174.

ботами В.П. Мотревича, А.С. Смыкалина, Н.В. Суржиковой³, Е.К. Рожковой⁴. Что касается Челябинской области, то на сегодняшний день имеются несколько «точечных» публикаций по заявленной тематике⁵.

В зарубежной историографии периода «холодной войны» преобладала тоталитаристская парадигма изучения прошлого, в соответствии с которой советское руководство целенаправленно осуществляло истребление захваченных в плен военнослужащих⁶. В 2000-е гг., наряду с ней, имеет место и другая оценка военного плена в СССР. Так, А. Хильгер, исследуя жизнь немецких военнопленных в СССР с 1941 по 1956 гг., пришёл к выводу об объективных причинах смертности военнопленных⁷. Их положение определялось тяжёлым социально-экономическим положением СССР в этот период. Среди зарубежных исследователей следует также отметить Оверманса Р.⁸; Бишоф Г.⁹ и Мика Христофа¹⁰, которые рассматривали деятельность немецких специалистов, работавших на советскую оборонную промышленность в 1945–1959 гг.

В целом, социально-экономические проблемы иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг. пока не стали предметом специального исследования российских и зарубежных историков.

Целью нашего исследования стало определение количественного и качественного состава военнопленных в лагерях Челябинской области, характеристика их режима содержания, выявление типичных и особенных черт содержания иностранных военнопленных в регионе. Первостепенное внимание к статистике обуславливается тем, что по нашему региону она практически не введена в научный оборот. В качестве источников основы исследования выступили архивные документы Российского государственного военного архива, Государственного архива РФ, опубликованные документы.

Размещение и содержание иностранных военнопленных

Прежде чем говорить о процессах, происходивших с военнопленными, необходимо определиться с терминами. Военнопленные – лица, принадлежащие к вооружённым силам, входящие в ополчения, добровольческие отряды, участники организованного движения Сопротивления, восставшее население, а также медицинский, юридический, интендантский персонал, корреспонденты и другие лица, оказавшиеся во власти неприятельской воюющей стороны¹¹.

На Урал военнопленные стали поступать в конце 1942 года. Их начали размещать в непосредственной близости к индустриальным центрам. В 55 лагерях и 23 спецпитах содержалось свыше 250 тысяч человек. На территории Челябинской области за все время 1940-х–1950-х годов находилось 12 лагерей для

³ Суржикова 2006.

⁴ Рожкова 2002.

⁵ Макарова 2016, 83–96.

⁶ Hoffmann 1996, 215–216; Бивор 1999, 422–423.

⁷ Hilger 2000.

⁸ Overmans 2000.

⁹ Bischof 2005.

¹⁰ Mick 2000.

¹¹ Плехов, Шапкин 1988.

военнопленных, 1 спецгоспиталь и 7 рабочих батальонов¹². Всего в Челябинской области через лагеря для военнопленных за годы войны прошло более 101 000 иностранных военнопленных и интернированных (на Урале более 200 000)¹³.

Осенью 1942 г. по приказу НКВД на территории нашей области были организованы первые лагеря для военнопленных в Кыштыме, Челябинске и Аше (№№ 95, 68, 130).¹⁴ В начале 1943 г. сюда стали привозить военнопленных, в основном, с Воронежского, Юго-Западного фронтов и из районов Сталинграда. Сквозная нумерация лагерей в это время еще не была выработана и данная нумерация была временной. Их специфика заключалась в том, что лагеря в Челябинской области стали производственными. Сначала пленные прибывали на станцию Шагол, а потом их перераспределяли по лагерям области.

В 1944 г. на территории области были организованы еще 4 лагеря. Причем, Ашинский лагерь № 130 в марте 1944 г. был передан в управление БАССР. В 1945 г. количество лагерей увеличилось еще на 5.

Структура УПИ по Челябинской области после реорганизации в марте 1947 г. в соответствии с Приказом МВД СССР № 00259 стала включать в себя следующие отделы: отдел кадров, оперативный отдел (чекистская, антифашистская работа), отдел охраны и режима, учетный отдел, планово-производственный отдел, отдел общего и технического снабжения, сельскохозяйственный отдел, центральная база снабжения, медицинский отдел, центральная аптекобаза, автобаза, финансово-хозяйственный аппарат. До реорганизации существовало еще политотделение, которое было упразднено Приказом МВД СССР № 00933 от 19.10.1946 г.¹⁵ Обслуживание и охрану лагерного контингента, в соответствии с приказом МВД СССР № 00259-46г. осуществляли 1135 человек: старших офицеров – 13, средних офицеров – 310, сержантский состав – 34, рядовой вахтерский состав – 325, лица без званий, но на офицерских должностях – 385, вольнонаемные – 48. Образовательный и профессиональный уровень кадрового состава был невысок: низшее образование – 45%, неполное среднее – 32%. Даже среди начальников лагерных отделений 60% не имели специальной подготовки, 28% – с низшим образованием. В апреле 1948 г. за злоупотребление служебным положением, пьянство и бытовое разложение был снят с должности и исключен из партии начальник УПВИ Челябинской области подполковник Тюрин. Новым начальником УПВИ УМВД Челябинской области был назначен подполковник Борисов¹⁶.

Принципиально важным является вопрос анализа статистических данных о количественном и качественном составе контингента военнопленных и его динамике. Самыми крупными по численности контингента стали лагеря г. Челябинска, г. Магнитогорска, станции Таянды. Одним из самых многочисленных лагерей был лагерь № 257 в Магнитогорске. Первоначально лимит военнопленных в 2-х отделениях был определен 6100 человек, но 7 июля 1945 года его повысили до 11500 человек¹⁷. Они должны были быть распределены по 6 отделениям и трудиться на

¹² Яловенко 2014/1, 6.

¹³ Мотревич 1998, 120.

¹⁴ Загорулько 2000, 564.

¹⁵ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 1.

¹⁶ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 5.

¹⁷ Яловенко 2014/3, 173.

строительстве городских объектов и ж/д станций Магнитогорска и Карталов, а также объектов ММК. Аналогичный лимит численности был в лагере, который располагался на станции Таянды.

С мая 1946 по январь 1950 гг. в нашу область прибыло 46 983 человека, убыточно – 46 943 человека. Состав военнопленных поражает своим разнообразием: возраст от 18 до 50 лет, рода войск от пехоты до СС и жандармерии, 35 национальностей. На 1 мая 1946 г. в Челябинской области находилось: 32 527 немцев (73,5%), 4 300 румын (10,7%), 4769 венгров (9,7 %), 1 968 австрийцев (4,4 %), 248 поляков. Так же среди лагерного контингента находились русины, сербы, итальянцы, татары, азербайджанцы, литовцы и др.¹⁸ Интересно, что эти цифры почти «зеркально» отражают данные по Среднему Уралу.

Контингент лагерей военнопленных был непостоянным. Причинами изменения численности военнопленных, на наш взгляд, были: медико-санитарное состояние лагерей; заболеваемость и смертность военнопленных; производственная необходимость; положение на фронтах; политика советского государства, ориентированная на международную конъюнктуру, и др.

Типичные условия этапирования военнопленных выглядели следующим образом: товарные вагоны, оборудованные по воинскому типу, с решетками на окнах и унитазами. В вагоне размещалось примерно 35 человек, были вагон-кухня, вагон-изолятор, медикаменты, горячая вода и кипяток в пути следования, паек на 15 суток, одежда по сезону. Перед отправкой происходила комплексная санобработка людей¹⁹.

На местах одним из основных принципов лагерной системы ГУПВИ была изоляция военнопленных. Для обеспечения их охраны вокруг лагерной зоны создавалась сеть инженерных сооружений. Режим и условия содержания военнопленных регулировался серией государственных инструкций, приказов и предписаний. Одним из первых военных приказов стал Приказ НКВД СССР № 0342-41г. и «Положение о военнопленных», которое было утверждено Постановлением СНК СССР № 1798-800с от 1 июля 1941 г., а 13 августа 1941 была принята инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД»²⁰. В соответствии с ней в лагерях должен был быть построен деревянный забор высотой 2,5 метра, 3 нитки колючей проволоки, установлена запретная зона (внутренняя и внешняя шириной по 3 метра), вышки, вахта с телефонной связью, электроосвещение по всему периметру. В годы войны людей содержали в землянках, зачастую на голых нарах и в антисанитарных условиях, что противоречило установленным правилам. К началу 1948 г. все военнопленные должны были быть выведены из землянок в бараки, которые оборудовались двухъярусными железными кроватями и нарами вагонного типа с прикроватными столиками и мебелью: стол, стул, шкаф, умывальник. Норма площади была увеличена до 2,1 м² на человека. На территории лагеря постепенно стали оборудовать столовые, осуществлять озеленение лагерной зоны, устанавливать стиральные машины в банны-прачечных блоках, создавать спортивные городки и футбольные площадки, начали работать мастерские по ремонту обмундирования.

¹⁸ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 37.

¹⁹ РГВА. Ф.59/п. Оп. 43. Д. 39. Л. 72.

²⁰ РГВА. Ф.59/п. Оп. 43. Д. 39. Л.21.

Условия содержания военнопленных могли значительно различаться в зависимости не только от расположения лагерных отделений, рода работы, но и от принадлежности к привилегированным категориям. В лучших материальных условиях оказывались квалифицированные специалисты, бригадиры, кухонный персонал, парикмахеры, сапожники, портные, а также представители антифашистских групп. Внутренний распорядок лагерей был подчинен интересам трудоиспользования и сохранения физического состояния военнопленных. На основании директивы МВД СССР № 112 от 7 июня 1947 г. военнопленные функционеры по антифашистской работе, организаторы культурно-массовой работы и пропагандисты, назначенные из числа военнопленных, были освобождены от физической работы, они содержались расконвоированными, питались по полной норме, как занятые на производстве, и получали ежемесячно по 100 руб.²¹ Со второй половины 1947 г. в лагерях были организованы продуктовые ларьки, в которых можно было купить копчености, консервы, сахар и др. продукты за счет денежных средств, выдававшихся как премии. Военнопленные принимали горячую пищу 3 раза в день, а весной в рацион добавлялись дикие растения и зелень (шавель). Калорийность питания в среднем в этот период составила 2400-3900 ккал в день при необходимой норме в 4200 ккал²².

Одним из проблемных вопросов являлось медико-санитарное состояние иностранных граждан в лагерях для военнопленных в Челябинской области. В начальный период войны учет велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 г., в соответствии с которым была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД»²³. Только начиная с 1944 г. ситуация с учетом больных военнопленных начала меняться. Из 41 833 человек больных было учтено 12 480, ослабленных – 1303. В основном это были заболевшие дистрофией, которая развивалась на почве имевшихся хронических заболеваний и физических недостатков²⁴. Кроме того, при обследовании ряда лагерей было установлено, что отдельные военнопленные в целях уклонения от работы умышленно заболевали и наносили себе повреждения. Например, в лагере № 130 в Аше часть военнопленных, будучи выведенными на работу в зимней одежде, умышленно сняли с рук теплые рукавицы, в результате чего получили обморожения пальцев верхних конечностей 2 степени. В этом же лагере были отмечены случаи, когда военнопленные, находящиеся в оздоровительной команде, с целью затянуть время пребывания умышленно выходили на улицу в нижнем белье и в обуви на босую ногу, в результате чего простужались²⁵. Подобные случаи были зарегистрированы и в лагере № 68. Военнопленные Войнгаузер, Эше, Унфрид, Мюллер и Новацкий, находясь на работе в шахте «Карабашуголь», в целях уклонения от работы занимались членовредительством. Военным трибуналом некоторые из них были приговорены к 5 годам ИТЛ²⁶. В Челябинской области для заболевшего контингента был организован центральный лазарет в г. Челябинске

²¹ Вавулинская 2013, 82–88.

²² РГВА Ф.59/п. Оп. 43. Д. 17. Л. 11.

²³ РГВА Ф. 1п. Оп. 3а, Д. 2, Л. 39-47

²⁴ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 8.

²⁵ ГА РФ. Ф. 9401, Оп. 2, Д. 205, т.14. Л. 146-147 об.

²⁶ ГА РФ. Ф. 9401, Оп. 1, Д. 2435, Л. 195-197

на 1000 коек и спецгоспиталь № 5921 на 500 коек в Магнитогорске²⁷. Каждое лечебное отделение имело санчасть с амбулаторией, зубоврачебным кабинетом, лазаретом на 15-20 коек. Руководством лагерей предусматривался комплекс оздоровительных и противоэпидемических мероприятий: помывка в бане 4 раза в месяц, душ по мере необходимости на производстве, фагирование и вакцинация.

За все время с 1944 по 1949 гг. в Челябинской области в госпиталях умерло 2220 человек военнопленных и интернированных, которые были захоронены на 30 кладбищах. Наиболее неблагополучным стал 1945 г., который дал 43,4% смертности от умерших за всё время. Смертность в 1946 г. составила 0,9% от общей численности, в 1947 – 0,6%, 1948 – 0,2%²⁸. Общий процент смертности за все время составил 11,4% от больничного контингента. На первом месте среди причин смертности были туберкулез – 33,8% и дистрофия – 22,6%. С конца 1944 г. всех умерших должны были хоронить недалеко от лечебных учреждений на специально отведенном участке, который должен был быть обнесен колючей проволокой. Это делалось для того, чтобы предотвратить разрушения вследствие проникновения на территорию скота и местного населения. Для каждого умершего должна была отводиться отдельная могила. Все данные о захоронении должны были размещаться в «кладбищенской книге». Таковы были правила, которые в силу разных обстоятельств повсеместно нарушались. Отведенные под кладбища участки, если они были, не охранялись, опознавательные знаки на могилах не устанавливались, в одну могилу хоронили несколько трупов, кладбищенские книги велись небрежно и формально, а акты о смерти зачастую не содержали даже причин, вызвавших смерть военнопленного²⁹. Власти, конечно, издавали различные распоряжения, которые должны были навести порядок в этой сфере, но так и не добились серьезных результатов. В 1949 году эти захоронения были переданы местным органам МВД – городским и районным отделам МВД по месту дислокации. Однако к моменту принятия данного решения многих захоронений военнопленных и интернированных уже не существовало, другие же находились в плачевном состоянии. Не случайно в мае 1959 г. руководство МВД и МИД СССР передало посольству ГДР список всего 50 кладбищ, которые находились в более или менее удовлетворительном состоянии.

За допущенные различные нарушения со стороны заключенного, согласно приказу НКВД СССР №0031-1944г. военнопленный направлялся на 1–3 месяца в штрафные подразделения с особым режимом содержания. Согласно архивным данным, в Челябинской области среди контингента было допущено в 1947 г. 1079 нарушений, 1948 – 71, в 1949 – 62. Среди них самыми распространенными стали: хищения имущества и личных вещей (507 раз в 1947 г.), нарушение лагерного режима (162 раза в 1947 г.), нарушение производственной дисциплины (84 раза в 1947 г.), отказ от работы, членовредительство, саботаж, умышленная порча имущества³⁰. Военнопленные изредка пытались совершать побеги, однако успеха они не имели. В некоторых случаях это происходило дважды. В 1946 г. в Челябинской области было совершено 59 побегов, но во всех случаях заключенных вернули

²⁷ Яловенко 2014/4, 6.

²⁸ РГВА Ф.59/п. Оп. 41. Д.1.Л.10

²⁹ Яловенко 2014/3, 22.

³⁰ РГВА Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л.21.

назад, в 1947 году было совершено 32 побега, но одного человека не удалось разыскать, в 1948 г. 12 человек совершило побег, и только один человека не был найден³¹.

Чаще всего пленные сбегали во время работы на каком-либо объекте. Режим охраны в таких случаях был не особенно жесткий, кроме того, для конвоирования привлекались сами военнопленные, из которых формировали вспомогательные команды. В режимной лагерной зоне охрана была сильнее, поэтому не было ни одного побега, ни эксцесса с применением оружия. За допущенные нарушения к военнопленным применялись следующие виды наказаний: выговор, арест, отправка в штрафное подразделение.

Репатриация военнопленных из Советского Союза началась сразу после окончания войны в Европе и растянулась до весны 1950 г. Осужденные военнопленные и интернированные пробыли в СССР до конца 1956 г. В Челябинской области процесс репатриации военнопленных начался в октябре 1945 – январе 1946 гг. В 1945 г. он проходил менее организованно, чем в последующие годы. Первыми начали отправлять домой транспортабельных румын. 11 сентября 1945 г. во исполнение постановления ГКО было приказано освободить из лагерей ГУПВИ НКВД СССР 40 тыс. военнопленных, «к отправке освобождаемых военнопленных румын приступить с 15 сентября 1945 г. и закончить не позднее 10 октября 1945 г.»³². Челябинская область по этому приказу должна была отправить домой 3730 человек. Они должны были быть обеспечены питанием на 30 суток, достаточным количеством медпрепаратов и одеты в нормальное обмундирование.

В мае 1947 г. Челябинская область получила квоту на 30 человек «лучших» немцев, которые должны были отправиться домой в первую очередь, а в октябре 1947 г. ГУПВИ по Челябинской области должно было отобрать еще 3000 нетрудоспособных немцев для возвращения их в Германию³³. Комиссия по отбору военнопленных в Челябинской области подвергалась критике со стороны МВД за то, что отправляла домой нетранспортабельных больных. Так, в 1947 г. с 4 эшелонов было снято 124 больных человека.

Всего в период с 1946 по 1949 гг. из Челябинской области было отправлено 63 эшелона с военнопленными³⁴. Их репатриация была в основном завершена осенью 1950 г. Приказом МВД СССР № 00111 от 10.02.1950 г. УПВИ УМВД по Челябинской области было реорганизовано в Отделение по делам военнопленных и интернированных.

Не подлежали освобождению офицеры, служившие в частях СС, СА и СД, а так же все участники зверств. Процессы над ними в СССР стали неотъемлемой частью «правосудия победителей». За весь период Военным Трибуналом было осуждено 942 военнопленных и 22 интернированных, т.е. 964 человека, в том числе по статье 1 Указа Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 г. – 593 человек; по статье 17-1 – 84 человека; по ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1947 г. по ст. 58-6 и 58-14 и др. УК РСФСР – 95

³¹ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 22-23.

³² Загорулько 2000, 765.

³³ Загорулько 2000, 806.

³⁴ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 28.

человек; по ст. 193 УК РСФСР – 84 человека³⁵. В ходе судопроизводства имели место многочисленные процедурные нарушения. Во второй половине 1950-х гг. это стало основанием для пересмотра западногерманской юстицией вынесенных в СССР приговоров, а в 1990-х – для реабилитации осужденных российской стороной.

Заключение

Таким образом, на основе изученных источников представляется возможным сделать вывод о том, что через лагеря для военнопленных в Челябинской области за годы войны прошло более 101 000 иностранных военнопленных и интернированных, в основном немцы, румыны, венгры и австрийцы. Советское руководство в целом стремилось выполнять международные акты по содержанию военнопленных, особенно после 1944 г., когда советские войска вступили на территорию Европы. Что касается соответствия содержания военнопленных в СССР нормам международного права и степени гуманизма, то региональная специфика, на наш взгляд, не играла существенной роли, а главной была позиция государства в этом вопросе.

Отдаленность южноуральского региона от театра военных действий и наличие в области крупных промышленных предприятий определили специфику содержания и трудового использования военнопленных вражеских армий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бивор, Э. 1999: *Сталинград*. Смоленск.
- Вавулинская, Л.И. 2013: Повседневность плена: иностранные военнопленные в Карелии (1944–1949 годы). *Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования* 4, 82–88.
- Загорулько, М.М. (ред.) 2000: *Военнопленные в СССР. 1939 – 1956. Документы и материалы*. М.
- Конасов, В.Б. 2002: *Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат*. Вологда.
- Кузьминых, А.Л. 2012: Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема. *Российская история* 3, 158–174.
- Макарова, Н.Н. 2016: Военнопленные в Магнитогорске: особенности повседневной жизни и стратегии выживания (1945–1950). *Российская история* 6, 83–96.
- Мотревич, В.П. 1998: *Военнопленные: Уральская историческая энциклопедия*. Екатеринбург.
- Плехов, А. М. Шапкин, С.Г. (сост.) 1988: *Словарь военных терминов*. М.
- Рожкова, Е.К. 2002: *Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг.*: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург.
- Суржикова, Н.В. 2006: *Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.)*. Екатеринбург.
- Яловенко, А.Ф. 2014: *Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области*: в 4 ч. Челябинск.
- Bischof, G., Karner, S., Stelz-Marx, B. 2005: *Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges. Gefangenennahme, Lagerleben, Rückkehr*. Wein–München.

³⁵ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л.8

- Hilger, A. 2000: *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen.
- Hoffmann, Y. 1996: *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. Munchen.
- Mick, Chr. 2000: *Forschen fuer Stalin. Deutsche Fachleute in der sowjetischen Ruestungsindustrie 1945–1958*. Muenchen.
- Overmans, R. 2000: *Soldaten hinter Stacheldraht: deutsche Kriegsgefangene des Zweiten Weltkriegs*. Berlin.

REFERENCES

- Bivor, E. 1999: *Stalingrad [Stalingrad]*. Smolensk.
- Bischof, G., Karner, S., Stelz-Marx, B. 2005: *Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges. Gefangennahme, Lagerleben, Ruckkehr*. Wein–Munchen.
- Hoffmann, Y. 1996: *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. Munchen.
- Hilger, A. 2000: *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen.
- Jalovenko, A.F. 2014: *Arhipelag GUPVI v Chelyabinskoy oblasti [Archipelago MDPI]*: v 4 ch. Chelyabinsk.
- Konasov, V.B. 2002: *Nemeckie voennoplennye v SSSR: istoriografiya, bibliografiya, spravochno-ponyatiynyy apparat [German Prisoners of War in the USSR: Historiography, Bibliography, Reference-Conceptual Apparatus]*. Vologda.
- Kuz'minyh, A.L. 2012: Sovetskiy voennyy plen i internirovanie kak istoriograficheskaya problema [Soviet Military Captivity and Internment as a Historiographic Problem]. *Rossiyskaya istoriya [Russian history]* 3, 158–174.
- Makarova, N.N. 2016: Voenoplennye v Magnitogorske: osobennosti povsednevnoy zhizni i strategii vyzhivaniya (1945–1950) [Prisoners of War in Magnitogorsk: features of Everyday Life and Survival Strategies (1945–1950)]. *Rossiyskaja istoriya [Russian history]* 6, 83–96.
- Motrevich, V.P. 1998: *Voenoplennye: Ural'skaya istoricheskaya enciklopediya [Prisoners of War: Ural Historical Encyclopedia]*. Ekaterinburg.
- Mick, Chr. 2000: *Forschen fuer Stalin. Deutsche Fachleute in der sowjetischen Ruestungsindustrie 1945–1958*. Muenchen.
- Overmans, R. 2000: *Soldaten hinter Stacheldraht: deutsche Kriegsgefangene des Zweiten Weltkriegs*. Berlin.
- Plehov, A.M. Shapkin, S.G. (sost.) 1988: *Slovar' voennyyh terminov [Dictionary of Military Terms]*. Moscow.
- Rozhkova, E.K. 2002: *Inostrannye voennoplennye i internirovannye na Juzhnom Urale v 1943–1950 gg. [Foreign Prisoners of War and Internees in the South Urals in 1943–1950 yy.]* Orenburg.
- Surzhikova, N.V. 2006: *Inostrannye voennoplennye Vtoroy mirovoy voyny na Sredнем Urale (1942–1956 gg.) [Foreign Prisoners of War of the Second World War in the Middle Urals (1942–1956 yy.)]*. Ekaterinburg.
- Vavulinskaja, L.I. 2013: Povsednevnost' plena: inostrannye voennoplennye v Karelii (1944–1949 gody) [Everyday Captivity: Foreign Prisoners of War in Karelia (1944–1949 years)]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya [Proceedings of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Humanitarian Research]* 4, 82–88.
- Zagorul'ko, M.M. (red.) 2000: *Voenoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]*. Moscow.

ALLOCATION AND MAINTENANCE ISSUES OF FOREIGN WAR PRISONERS
IN CHELYABINSK DISTRICT IN 1943–1947

Marina N. Potemkina, Artem E. Lybetskiy

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
mpotemkina@mail.ru, artyom1@list.ru

Abstract. Humanitarian issues associated with the personal data identification and the burial sites clarification of captured war prisoners, play an important role to maintain a favorable environment of international relations. The article is focused on the problem of the presence of foreign war prisoners in Chelyabinsk District in 1943–1947. Although there is a large number of national and world scientific researches on military captivity issues, the data on the South-Ural Region have not been introduced into the scientific circulation. The source base includes the materials from the Russian State Military Archive, State Archive of the Russian Federation, published materials on the history of military captivity and memoirs of eyewitnesses. The authors analyzed the quantitative and qualitative number of war prisoners and civilian internees, their living conditions, medical care, their morbidity and mortality rates as well as described the process of repatriation. The number of foreign war prisoners and internees who were in the camps of Chelyabinsk District amounted to 101 000. The Germans, the Romanians, the Hungarians and the Austrians represented their main part. The study revealed that the Soviet authorities tried hard to accomplish the international requirements concerning the maintenance of war prisoners and the regional specifics did not play a significant role in it. The regional specifics concerning the maintenance of war prisoners was provided by the remoteness of Chelyabinsk District from the war and the large industrial enterprises.

Key words: World War II, war prisoners, Chelyabinsk District, maintenance, repatriation

---

ЭТНОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 170–178
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 170–178
© Автор(ы) 2017

ТЕКСТ НЕВЕСТЫ В СВАДЕБНО-ОБРЯДОВОМ ЦИКЛЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА

С.А. Моисеева

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
folklab@magtu.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования свадебной обрядности русских поселений Белорецкого района Башкортостана. Работа основана на экспедиционном материале, записанном в 1938 г., 1965–1969 гг., 1993–2007 гг. в селах, образованных как крестьянские поселения при металлургических заводах в середине XVIII и начале XIX вв.: Ломовка, Тирлян, Инзер, Зигаза, Тукан, Верхний Авзян, Нижний Авзян, Кага, Узян.

Свадьба – это особый фрагмент традиционной культуры, в ней сосредоточены опорные смыслы локальной мифологической картины мира, которая организует в целом так называемый региональный культурный текст. Предложенная работа – попытка трансляции базовых смыслов регионального традиционного текста в общерусский культурный контекст. Автор позиционирует свадебный обряд как фрагмент культурного текста региона, состоящего из семантически связанных персональных текстов. Знаковым персонажем свадебно-обрядового цикла является невеста. Поэтому в центре внимания автора – текст невесты.

Под текстом того или иного персонажа нами понимается вся совокупность обрядовых действий, совершаемых конкретным участником церемонии, на вербальном, акциональном и предметном уровнях. В контексте свадебно-обрядового цикла девушка считается невестой до момента венчания/регистрации брака, окончательный переход из одной в другую социово-возрастную группу закрепляется ритуалами брачной ночи.

Моисеева Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова.

Анализ локальной свадебной традиции позволил выявить, что доминантными для текста невесты в обозначенный обрядовый период являются, по классификации Арнольда ван Геннепа, ритуалы «отделения»: невеста прощалась с незамужними подружками, с беззаботной девичьей жизнью (волей и красотой), с родителями и отчим домом. В этот период девушка переживала ослабление и разрыв прежних связей, на мифологическом уровне – ритуально–символическую смерть. Автор акцентирует внимание на текстообразующие локальный вариант ритуалы, репрезентирующие пороговое/лиминальное состояние девушки – невесты: «отывание родительских дверей», «отывание зори», «прощание с красотой», «продажа/выкуп невесты», «покрывания/ускрывания невесты», «проверка невестки».

Ключевые слова: свадебный обряд, текст невесты, ритуалы отделения, лиминальный период, знаки перехода

Введение

Горнозаводское население на территории Башкортостана появляется в середине XVIII в. в связи со строительством на этих землях железоделательных, чугунолитейных и медеплавильных предприятий. Для строительства и работы заводов привлекались крестьяне из центральных областей России, Поволжья, Пермской губернии. Так были образованы русские поселения на территории современного Белорецкого района: Ломовка, Кага, Узян, Верхний Авзян, Нижний Авзян, Тирлян, Зигаза, Тукан, Инзер, – свадебная обрядность которых стала объектом предложенного исследования.

Свадебный обряд мы определяем как комплекс семантически связанных персональных многокодовых текстов. Под текстом того или иного персонажа нами понимается вся совокупность обрядовых действий, совершаемых конкретным участником церемонии, на вербальном, акциональном и предметном уровнях. Знаковым персонажем свадебно-обрядового цикла является невеста, поэтому в центре внимания автора – текст невесты.

Обозначим границы свадебно-обрядового цикла, в рамках которых мы будем анализировать так называемый текст невесты. Начальной точкой мы будем считать день сватовства, конечной (для невесты) – день венчания/регистрации брака, поскольку после ритуалов брачной ночи невеста переходит в другую социовозрастную группу – молодых женщин: она становится молодкой/молодушкой.

Со дня сватовства девушка-невеста ограничивается в пространственных перемещениях. По рассказам информантов, невеста «засиживается» дома, не ходит с подругами на вечерки, не играет в игры. Главным занятием в этот период для нее является процесс приготовления приданого. «К невесте подружки приходят, нацинают тряпопки шевелить, придану готовить: ще не хватайт, шторки тама, полотенца, подзоры»¹.

---

¹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Логиновой А.В., 1929 г.р., Кага. Здесь и далее в цитатах орфография и название ритуальных актов даны в соответствии с местным произношением.

Существовал запрет для невесты покидать границы своего двора «Невеста сама уж и никуды не ходить. Если за вороты шмыгнет – платок прямо на глаза нахлобучить. Это чтоб не видать ее было»².

В родительском доме невесту начинают отлучать от хозяйственных дел «Невестой как стать девка: тут уж ниче дома и не делает – ни за водой не ходить, ни стираить, ни варить»³.

Со дня сватовства до свадьбы могло пройти много времени: от двух недель до двух месяцев. Но практически в течение всего этого периода невеста не покидала границы своего дома. Таким образом, значимым локусом текста невесты становится внутреннее пространство родительского дома. Акциональная составляющая текста невесты характеризуется несамостоятельностью передвижений: невесту ведут под руки в баню и из бани, она сидит и воет, она отлучена от хозяйственных дел. Таким образом, мы наблюдаем некое затворничество, томление девушки – сговоренки, что связано с ослаблением прежних родственных и дружеских связей. На мифологическом уровне такое поведение героя сопоставимо с его ритуально – символической смертью⁴.

Особым фрагментом регионального текста невесты является ритуал «отвыкания зори». По воспоминаниям информантов, просватанная девушка каждое утро «на заре» и каждый вечер при заходе солнца должна была исполнять причеты, в которых она обращалась к «зореньке ясной» с просьбой о благословении ее «несчастной» в «чужие люди идти»⁵. Первоначально ритуал исполнялся на улице в пределах родительского двора. «Невеста шла на зады, смотрела на зорю и выла»⁶. К середине XX столетия невеста, «отвыкая зорю», не покидала границы отчего дома. «Невесту закрывали в дальнюю избу выть...»⁷. Таким образом, локативный код ритуала характеризуется признаками «дальний», «задний», семантика которых связана со значением отдаления от границ освоенного пространства.

Семантика отдаления невесты от родителей и подружек актуализируется на вербальном уровне непосредственно в тексте причета: «батюшкина горенка» для нее теперь новая, а значит чужая, ей неизвестная, «родна маменька» спит, не делит с ней ее «несчастную долю», «подруженьки» не рядом – их нужно «покричать»⁸.

Дальнейшее отчуждение невесты от группы подружек и незамужних родственниц манифестируется в тексте-причете, обращенном младшей сестре или «задушевной» подружке.

«Не прогневайся, что не вышла я,
Не сестрила тибе
От двора-то широкого,

² Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2012, зап. от Платоновой А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян.

³ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Калугиной Е.С., 1935 г.р., Верхний Авзян.

⁴ Левинтон 1991, 221.

⁵ Рожкова, Моисеева 2000, 45.

⁶ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Калиничевой Т.Е., 1928 г.р., Кага.

⁷ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Платоновой А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян.

⁸ Рожкова, Моисеева 2000, 45.

От крыльца-то высокого.
Но я-то открасовалася
У своей-то красы девичьей,
У своей-то алой ленточки,
Да бывало мы с тобой там, Катенька,
Да выйдем в широкую улочку,
Да запоем мы веселые песенки,
А теперь я уже отпелася⁹».

В Нижнем Авзяне экспедицией 1997 г. зафиксирована традиция вытья невестой после бани перед закрытыми дверьми родительского дома. «В последний день перед свадьбой невеста в бане моется. Потом ее ведут из бани. Она подойдет к двери, а дверь не открывают. Она сидит на пороге и плачет. Так надо»¹⁰. Повсеместно распространенный текст «Ни утица полоскалася» в региональной традиции входит в ритуал оплакивания родительских дверей на основе их тематической и смысловой близости. В семантике ритуала усматривается значение отделения девушки-невесты от отчего дома, родителей и в целом от рода-семьи.

«Открой, родна матушка, эти дубовые двери,
Прозябила я свои белые ножиньки,
Приморозила я свои белые рушины
К золотым скобам»¹¹.

Вербальный код текста невесты представлен в причетах, сопровождавших ритуалы «расплетания косы» и «прощание с красотой». В текстах-причетах невеста просила сестру, мать, подругу снять «девьюю красоту». «Это еще я была маленькая, надо меньшой сестре подарить ленточку, когда взамуж выходишь. Вот мне сестра дарила и причитывала: “Вот я тебе дарю, сестричка, русу косыньку, счастье девичье”»¹².

Почти во всех зафиксированных нами плачах проходит мотив отдачи «красоты» – красной ленты.

«Хресна или мать косу невесте расплетает, а та уливается слезами и причитывает:

Расплети-ка, родимая мамынька,
Мою русую косыньку.
Подыму я свою девьюю красоту
Выше плеч, до буйной головушки,
Я отдаю свою девьюю красоту
Своей милой подруженьке»¹³.

Заметим, что в региональных текстах-плачах, зафиксированных нами в конце XX в. как «воспоминание о традиции», кроме мотивов «расплетания косы»

⁹ Магнитогорский государственный архив. Ф. 463.Оп. 1.Д. 65.Л. 15, зап. от Тюнеговой Д.А., 1885 г.р., Узян.

¹⁰ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1997, зап. от Платоновой А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян.

¹¹ Магнитогорский государственный архив. Ф.463. Оп.1. Д.65. Л.48, зап. от Точилкиной А.Г., 1877 г.р., Узян.

¹² Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1999, зап. от Волковой Е.Г., 1906 г.р., Тирлян.

¹³ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1995, зап. от Бешкоревой А.Г., 1919 г.р., Узян.

и «отдачи красоты», обозначен и мотив «смены прически». «Как приехать жениху, хрестна с подружками расплетали невесте косу. А невеста должна причитывать:

Расплети русу косу
В первый раз и в последний.
Расплети алые ленточки,
Собери “бараньи” на “шишку”
В последний раз»¹⁴.

Ритуал смены прически невесты в традиции региона совершался утром венчального дня. «Утром до венца хресна невесты просит: “Вы, дорогие родители, разрешите молодой княгине русу косу расплести”. Косу невесте расплетают и делают шишку. Невеста навзрыд плачет»¹⁵. Поэтому не случайно к середине XX в., когда досвадебные ритуалы в культуре региона стали редуцироваться и переходить в разряд пассивных тем свадебной традиции, акты «расплетание косы», «передача красоты», «смена прически и головного убора» стали совершаться утром венчального дня и представляли уже собой единый контаминированный ритуальный цикл. Традиция же причитывать в исследуемых селах актуальна была до 40-х годов XX в., причем в причетных текстах сохранялась традиционная тема «чужой стороны». Обращаясь к матери, подружке, невеста просит рассказать, как она будет жить в чужой стороне:

«Помоги-ка, подруженка, перенесть мою тяжесть:
У чужих-то людей, у чужой свекровушки.
Как чужая семья ненавидит меня...»¹⁶.
«Благослови-ка меня,
Родна маменька, родной папенька.
Во чужи люди пойду...»¹⁷.

Смена прически и головного убора – символические знаки мифологического и социовозрастного перехода невесты в группу молодок/молодушек. Прическа и головной убор актуализируют предметный код текста невесты. Момент переходности, лиминальности невесты подчеркнут особой, не характерной ни для девушки, ни для молодки прической – распущенные волосы (признак женских персонажей нечистой силы – русалок, ведьм и т.д.)¹⁸. Основой головного убора невесты-сговоренки является платок, который завязывали под подбородком. Такой способ завязывания и ношения платка был характерен для старух (социовозрастной статус женщин, готовых к уходу на «тот свет»).

Таким образом, прическа и головной убор невесты, с одной стороны, сближают ее с существами опасными, с другой – характеризуют ее лиминальное состояние (близость к смерти).

Смертное состояние невесты репрезентируется также в ритуале продажи/выкупа невесты, которую усаживали за стол в «красный» угол.

¹⁴ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1997, зап. от Беловой Н.Ф., 1917 г.р., Нижний Авзян.

¹⁵ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Платоновой А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян.

¹⁶ Рожкова, Моисеева 2000, 38.

¹⁷ Рожкова, Моисеева 2000, 43.

¹⁸ Славянская мифология. Энциклопедический словарь 2002, 89.

Жених мог приблизиться к невесте посредством «выкупа» сакральных предметов, символизирующих ее: девочка продавала косу, мальчик место рядом с невестой или ее лапти, а девушки-подружки продавали невесту в целом как таковую. Так происходила метонимическая замена невесты предметами-знаками, репрезентирующими «распад/расчленение/умерщвление» главного героя церемонии: выкупали по частям (косу, место/лапти, а потом невесту) «не цельное» существо, но в конечном итоге покупают некое «целое», но пока еще «неведомое», а значит «чужое», «опасное», связанное с миром «смерти». Знаком состояния невесты как «части от целого» может служить, вероятно, используемый в региональной традиции в качестве откупа для группы подружек «украшенный ленточками мосол». «Сначала подавали мосол, ленточку какую-нибудь за него привяжут. Сами девушки просили: «Мосол нам надо, мосол!» И глядят: везут они мосол или нет, а те знают, что мосол запросят. Ленточку привяжут, а сам мосол – здоровенный такой (сваришь суп – останется). Бросают его на стол, а девки кричат: «Мало!» Они тогда семечек еще бросят: «Мало! Деньги давай!»»¹⁹. Семантика мосла может быть сопоставима с семантикой «кости/скелета» как символа «смертного состояния». По рассказам информаторов, являющиеся после смерти «умершие родственники» со спины выглядели как «шкелет». «Тетя Саня говорит: «Миша, это не ты, это бес!» Он с боку стоит, а я гляжу у него на зади шкилет... Минька ко мне лезит под одеялку, меня, говорит, гладит, а я руку-то положу, а у меня рука-то вот эдак оборвалась, там ниче нету, ребры, шкилет»²⁰.

Наиболее значим акт продажи косы, символизирующий передачу невесты жениху. «Перед венцом невесте косу расплетают <...> а дружка говорит: «Отец и мать, разрешите русу косу продать»»²¹. Продажа косы, возможно, семантически связана с актом «отрезания волос», являющимся своего рода трансформированной заменой «отрезания/отделения косы/волос от самой девушки». Арнольд ван Геннеп «отрезание волос» трактует как «отрезание от прежнего мира», овладеть же «волосами/косой» означает «связать себя с сакральным миром вообще, а более конкретно с божеством или демоном, которого превращают таким образом в своего родственника»²². А.К. Байбурин расценивает «обрезание волос» – как «очередную операцию по созданию нового человека»²³.

Текст невесты представлен в ритуале «покрывания/ускрывания» новобрачной в доме жениха.

«Я Таньку вот отдавала в 86 году замуж, мы все по обряду делали ешо; ее и свекровка укрывала. Вот когда привезли ее к мужику-то у дом, посадили за стол их; тут свекровка невесту и ускрывают: кладеть ей на голову или на кофту, или на платье отрезик там какой-нибудь...»²⁴. «Невесту свекровь покрывает. Ей голову ускрывают отрезом ткани. Которы хорошо ускроют: покрывало, одеяло, ситец, полуушалок, отрез метров по пять. Бабы собираются после свадьбы и вот обсужда-

¹⁹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1998, зап. от Калугиной Е.С., 1935 г.р., Верхний Авзян.

²⁰ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1999, зап. от Зиминой В.А., 1930 г.р., Тирлян.

²¹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1996, зап. от Быкова П.К., 1912 г.р., Кага.

²² Геннеп 1993, 132.

²³ Байбурин 1993, 60.

²⁴ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г.р., Кага.

ють. Вот тода соседка сына женила и говорить: “Я свою невестку сразу на юбку с кофтой отрезом ускрыла. Это знать хорошо ускрыла”²⁵. О.В. Лысенко отмечал универсальную функцию ткани маркировать переходное пространство и ритуальный центр, соответственно, «невеста как лиминальный объект ритуала при помощи ткани выделяется из обыденного мира, вводится в центр сакрального пространства», при этом «вступает в ритуальную коммуникацию» с «предками» рода – покровителями дома, которые обитали, по представлениям славян, в красном углу²⁶. Собственно в красном углу и происходил акт «накрывания/покрывания – вскрывания/ускрывания» невесты. После того, как свекровь покроет невесту «тут сваха сыметь с ее головы и убереть, а потом невесте отдать, та ето будет хранить»²⁷. Таким образом, в представленном акте контаминировались две ритуальные формы, одна из которых – «покрывание/накрывание тканью» – связана с приобщением невесты к «покровителям рода – предкам», вторая же связана с «раскрыванием» новобрачной, семантику которого А.К. Байбурин видит в «возвращении невесте зрения»²⁸.

Дальнейший процесс так называемого «открытия органов» невесты актуализировался в церемонии проверки невестки: «есть ли у нее зубки/горло». «Невесте пирога еще кусошек дают с деньгами, проверить, есть ли у моей невестушки зубы? Она должна этот кусошек откусить»²⁹. «Для невесты пекли булочку, а у булочку натыкают копеек, чтобы зубами вытащила их. Проверяли, у снохи есть зубы или нет»³⁰. «Невесте дают съесть булочку с денежкой, рюмку водки с денежкой, она должна все съесть и выпить, а денежку взять в рот и показать гостям, что у нее есть зубы и горло»³¹. В приведенном цитировании наряду с мотивом проверки невесты обозначен мотив пирога/булочки, специально испеченной для новобрачной. Символика пирога с начинкой А.К. Байбуриным прочитывается как «ребенок в чреве матери»³². Соответственно, акт преподнесения булочки с начинкой и немедленное ее поедание невестой, возможно, связан с эротической семантикой «развязывания сексуальной энергии» новобрачной, направленной на зачатие и рождение потомства. Закрепление союза между невестой и «предками», невестой и свекровью происходило посредством совместного чаепития за столом, расположенным в «красном углу». «Тут, покуда родня собирается, им (невесте, жениху, свекрови) наливают по стакану чаю. Ждуть, когда родня собирается. Родня собирается – пойдет гулянка»³³.

²⁵ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2002, зап. от Беляевой О.И., 1913 г.р., Нижний Авзян.

²⁶ Лысенко 1993, 99.

²⁷ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г.р., Кага.

²⁸ Байбурин 1993, 83.

²⁹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2002, зап. от Беляевой О.И., 1913 г.р., Нижний Авзян.

³⁰ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г.р., Кага.

³¹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-1993, зап. от Калугиной А.Г., 1922 г.р., Ломовка.

³² Байбурин 1993, 84.

³³ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЭК-2004, зап. от Кудряшовой В.М., 1925 г.р., Кага.

Заключение

Таким образом, текст невесты акцентирует мотивы пути на «тот свет», обретения девушкой смертного состояния со дня сватовства до момента венчания/регистрации. После венчания/регистрации текст невесты связан с мотивом воскресения, «собирания частей в целое» уже в новом качестве – новобрачной. Невеста окончательно переходит в другую социовозрастную группу женщин – молодок/молодушек – после ритуалов брачной ночи. Поэтому далее текст невесты меняется на текст молодки/молодушки и актуализируется посредством ритуалов второго и третьего свадебных дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин, А.К. 1993: *Ритуал в традиционной культуре*. СПб.
- Ван Геннеп, А. 1993: *Обряды перехода*. М.
- Левинтон, Т.А. 1991: Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог). В кн.: А.К. Байбурин, И.С. Кон (ред.), *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*. СПб., 210–234.
- Лысенко, О.В. 1993: Феномен ткачества в архаичной модели мира (опыт описания традиций ткачества восточных славян на уровне концептуальной модели: нить – пояс – полотно. Технологический и семантический аспекты). В сб.: Г.Н. Грачева, О.В. Лысенко (ред.), *Традиционные верования в современной культуре этносов*. СПб, 71–103.
- Рожкова, Т.И., Моисеева, С.А. 2000: *Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета*. Магнитогорск.
- Толстая, С.М. (ред.) 2002: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. М.

REFERENCES

- Bayburin, A.K. 1993: *Ritual v tradicionnoy kul'ture* [The Ritual in the Traditional Culture]. Saint-Petersburg.
- Van Gennep, A. 1993: *Obrydy perehoda* [The Rites of Transition]. Moscow.
- Levinton, T.A. 1991: Muzhskoy i zhenskiy tekst v svadebnom obryde (svad'ba kak dialog) [Male and Female Text in the Wedding Ceremony (Wedding as a Dialogue)]. In: A.K. Bajburin, I.S. Kon (red.), *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior]. Saint-Petersburg, 210–234.
- Lysenko, O.V. 1993: Fenomen tkachestva v arhaichnoy modeli mira (opyt opisaniya tradiciy tkachestva vostochnyh slavyan na urovne konceptual'noy modeli: nit' – poyas – polotno. Tehnologicheskiy i semanticheskiy aspeky) [The Phenomenon of Weaving in the Archaic World Model (Experience of the Traditions of Weaving Eastern Slavs Description at the Level of the Conceptual model: the Thread – the Belt – the Canvas. Technological and Semantic Aspects)]. In: G.N. Gracheva, O.V. Lysenko (red.), *Tradicionnye verovaniya v sovremennoy kul'ture etnosov* [Traditional Beliefs in the Contemporary Culture of Ethnic]. Saint-Petersburg, 71–103.
- Rozhkova, T.I., Moiseeva, S.A. 2000: *Russkie svadebnye pesni gornozavodskih sel Bashkirii: sbornik materialov fol'klornyh ekspediciy laboratorii narodnoy kul'tury Magnitogorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Russian wedding songs of mining villages of Bashkiria: a collection of materials of folklore expeditions of the laboratory of popular culture of Magnitogorsk State University]. Magnitogorsk.

Tolstaya, S.M. (red.) 2002: *Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow.

THE BRIDE'S TEXT IN THE WEDDING RITUAL OF THE MINING POPULATION OF BASHKORTOSTAN

Svetlana A. Moiseeva

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
folklab@magtu.ru*

Abstract. The article deals with wedding ritual in the Russian settlements in Beloretsk district of Bashkortostan. The work is based on expeditionary material, recorded in 1938, 1965–1969, 1993–2007 in the villages formed as peasant settlements at steel works in the middle of the 18th and beginning of the 19th century: villages of Lomovka, Tirlyan, Inzer, Zigaza, Tukan, Verkhniy Avzyan, Nizhniy Avzyan, Kaga, Uzyan.

The wedding is a special fragment of traditional culture where basic meanings of a local mythological picture of the world are concentrated. They form in general the so-called regional cultural text. This work is an attempt of translating basic meanings of regional traditional text into Russian cultural context. The author determines the wedding ceremony as a fragment of cultural text of the region, consisting of semantically related personal texts. A symbolic character of the wedding ritual cycle is the bride. Therefore, the author focuses her attention on the bride's text.

The text of this or that character is understood as a range of the ceremonial actions performed by a particular participant of the ceremony at the verbal, actional and subject levels. In the context of the wedding and ceremonial cycle, the girl is considered to be a bride until the marriage or wedding registration, the final transition from one to the other sociometric group is fixed by rituals of the wedding night.

The analysis of the local wedding tradition makes it possible to reveal that the rituals of "separation" are the dominant in the text of the bride in the designated ritual period: the bride said goodbye to unmarried girls, with a carefree girl's life (freedom and beauty), with her parents and the fold. During this period, the girl experienced the weakening and severing the former ties, on the mythological level - a ritual-symbolic death. The author dwells on the text forming a local variant rituals representing the threshold / liminal state of the bride: "mourning the parents' doors", "grieving the dawn", "farewell to the beauty", "bride selling / redemption", "covering / hiding Bride", "checking the daughter-in-law".

Key words: wedding ceremony, bride's text, rituals of separation, liminal period, signs of transition

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 179–195
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 179–195
© Автор(ы) 2017

INTEGRATION AND ADAPTATION OF MIGRANTS FROM OTHER CULTURES IN THE URAL-VOLGA REGION

L.G. Khusnutdinova

*Ufa State Petroleum Technological University, Ufa,
lavanda-55@mail.ru*

Abstract. The adaptive processes of migrants are quite complex and are caused by a variety of economic, social, cultural, educational factors, and problems. An important condition for the successful adaptation of migrants is their legalization, i.e. migration registration and statutory permits (work permits or patents). To legalize their stay in Russia, a migrant receives certain rights, which contribute to his or her integration into Russian society. Knowledge of the Russian language makes it possible to get information about employment regulations in Russia, increases the chances of obtaining legal work, reduces dependence on fellow countrymen in employment and advancement, enhances contact with the local population, ensures the implementation of the rights of migrants to vocational training, medical care and so on. Based on the results of opinion polls, as well as our own field materials collected in 2014–2015, this article examines the integration and adaptation of migrants in the Republic of Bashkortostan and Tatarstan, Perm Territory, Samara and Orenburg regions – a complex ethnic and confessional composition of the population of the Russian regions. The official governmental body designed to solve the problems of adaptation of migrants, is the Federal Migration Service of the Russian Federation. The regional and territorial management of the FMS carries out practical solutions to these problems in the region. Within the framework of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025, the Federal Migration Service and the Federal State Unitary Enterprise “Passport and visa service” developed and implemented a project on opening a center of social adaptation of migrant workers. The studied regions experienced positive gains in implementing national policies at the level of the subject of federation and the whole of the Ural-Volga region. The active and successful activity of the municipal and regional authorities led to the integration of migrants into the local community. Of course, the Ural-Volga region has a positive image, which is based primarily on socio-economic, cultural, sports and other achievements as well as on good governance at the local level. This experience needs to be studied and spread to other regions of Russia.

Key words: migration, migrant workers, adaptation, integration, social culture, social institutions, the Ural-Volga Region

Introduction

The presence of a huge number of migrants around the world, including in Russia and their legal insecurity has caused many countries to think about how to regulate migration flows and to help migrants adapt to new conditions.

Khusnutdinova Lyailyaila – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of History and Political Science, Ufa State Petroleum Technological University

The process of integration of migrants into the local community often complicates public opinion, which is infected by xenophobia. First, there is the so-called «everyday xenophobia» (the ratio of locals to migrants in daily life situations), which greatly complicates integration. Second, public opinion is often used by politicians and government officials as a political tool to justify certain administrative actions. The conservative position on migration is particularly evident during election periods, when Russian officials from the anti-immigrant mood of the population formulate their programs. Third, the attitude of the local population towards migrants has a negative impact on the development of society, where instead of tolerance, social passivity or a hostility to newcomers develops. Fourthly, negative public opinion against migrants promotes development of corruption among representatives of the various organizations that allow themselves illegal actions that violate the rights of migrants¹.

Meanwhile, today's developed and developing countries, including Russia, need and can not do without migrant workers, especially migrant workers. Russia is a state that is actively receiving migrants along with the United States, Germany, France, Canada and other major receiving countries². In today's Russian economy migrant workers carry a huge amount of work, particularly in areas such as construction, housing and communal services and agriculture. Therefore, for the normal functioning of the economy, the creation and maintenance of a reliable international and inter-religious climate, our country needs a successful integration of migrants into the local environment. It should be noted that Russia, including some of its regions, has accumulated a huge positive experience in this direction.

The Ural-Volga region is one of the most densely populated areas of Russia, historically characterized by its ethnic, religious and linguistic diversity, and at the same time, a conflict-free coexistence of different cultural traditions. The complexity of the composition of the population also increases under the influence of contemporary migration processes. The large number of foreign migrants stimulates regional and municipal authorities, as well as non-governmental organizations, to constantly seek optimal solutions for the integration of migrants. In this article, we consider a model of such decisions on the example of the largest and most complex ethnic composition of the Ural-Volga regions – Bashkortostan, Tatarstan, Perm Krai, Samara, and Orenburg regions.

For example, the Republic of Tatarstan is taking serious measures to regulate migration flows. In this regard, society and the state have to expeditiously correct the approaches to migration. Migration policy requires a new quality of work as the executive, the legislative and civil society institutions, such as the Assembly of Peoples of Tatarstan, located in the House of Friendship of Peoples of Tatarstan. The assembly of representatives of the peoples living on the territory of the Republic of Tatarstan (Tatarstan Peoples Assembly) was established on December 8, 2007 at the IX Conference of the Association of the Republic of Tatarstan of the national-cultural associations (hereinafter, ANKO RT) and was created by the transformation of the latter. The Assembly will automatically include all national non-governmental organizations, which ANKO RT adopted and new communities. Also among the founders of the Assembly are 11 individuals occupying positions of responsibility in the public and social structures of the country. The Assembly is headed by RT State Council Chairman F. Mukhametshin.

¹ Хуснутдинова, Габдрахиков, Вильданов, Андреева 2014, 3–4.

² Lee, Rutina 2009.

The Assembly of Peoples of Tatarstan unites 80 national non-governmental organizations and more than 40 nationalities and ethnic groups. The Public Council is working closely with state authorities.

In 2015 migration legislation in the Republic of Bashkortostan changed. For example, in April, 2015 the National Assembly of the Republic of Bashkortostan adopted the laws «On Amendments to the Law of the Republic of Bashkortostan» and «On national-cultural autonomy in the Republic of Bashkortostan», which added some items, such as: 1) Part I of Art. 1 added the words «to strengthen the unity of the Russian nation, harmonization of interethnic relations, to promote inter-religious dialogue, as well as to implement activities aimed at the social and cultural adaptation and integration of migrants ...». The adoption of these changes makes it possible for national-cultural autonomies to legally pursue their efforts on the adaptation and integration of fellow workers. In October 2015, the Republic of Bashkortostan adopted a migration policy concept for the period up to 2025 (Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated October 13, 2015 № 446 «On the Republic Bashkortostan Migration Policy Concept for the period until 2025»)³. The concept is a systematic set of goals, objectives, and principles for the priorities of the public authorities, other state bodies and the local self-government of the Republic of Bashkortostan and their interaction with the regulation of migration processes by civil society institutions.

The Perm region is a part of the Volga Federal District and is located in the east of the Eastern European Plain and the western slope of the Mid- and Northern Urals. An important factor in changes in the size of the population of the Perm Region is migration. In recent years the region has seen a steady drop in migration against the backdrop of migration growth in other, competitor regions. In general, the migration situation in the Krai from January–June 2015 was characterized by high numbers of departures in comparison to arrivals. The legal acts on the regulation of migration processes in the Perm region are: The state program of the Perm region «Promotion of employment», in which there is a subprogram «assist the voluntary resettlement to the Perm of compatriots of the region living abroad» (The program's goal is the promotion and organization of the process of voluntary resettlement of compatriots in the Perm region); The state program of the Perm region «Ensuring interaction between society and the authorities», in which there is a Sub-program «The implementation of the state national policy in the Perm region» (The goal is to strengthen the unity of the Russian Federation, the multinational people (the Russian nation) residing in the Perm region and to ensure the realization of the federal target program «Strengthening the unity of the Russian nation and ethno-cultural development of the peoples of Russia 2014–2020») (2014); «On the Coordinating Council of National Affairs of the Perm region» Decree of the Governor of the Perm region (2012); Order of the Governor of Perm Krai «On approval of the Coordination Council on Migration Policy» (2013) and others.

In the Samara region much is done for the integration of migrants; a priority of the state national policy in the Samara region is the creation of favorable conditions for the socio-cultural adaptation of migrants. This is the development and implementation of special programs related to integration and adaptation arriving in the Samara region of foreigners.⁴ This is also the policy of the region, which is doing everything possible to

³ Хуснутдинова 2016а, 146–147.

⁴ Осипова 2013, 31–32.

strengthen the unity of the Russian state and to preserve the ethnic and cultural identity of the peoples of the Samara region. Thus, since 1994 the oblast has completed several programs, such as «Revival», «Different, but not other people - peace through culture», «The development of civil society» and others. In December 2013 the Resolution of the Samara Region Government № 803 «On Approval of the State Program of the Samara region strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of the Samara Region (2014–2020)» was signed, as well as other resolutions.

In the Orenburg region the practice of regional development for the implementation of national policy programs, including the preservation and development of national cultures, became widespread. Currently the Office of the Governor and the Government of the Orenburg region are successfully enforcing the target program «Realization of the national policy of regional models of the Orenburg region for 2013–2015». An important direction of this program is to support the ethnic and cultural activity of national-cultural associations. «In the Orenburg region there are 126 national centers. These national organizations have representatives of 21 ethnic groups and 57 associations officially registered with the judicial authorities. In accordance with the Law «On Public Associations» 69 associations operate without registration». 97 schools operate within the region, where the native language is studied by more than 4 thousand students. The Orenburg's library collection stores 110 thousand copies of books in the languages of the peoples of Russia. In addition, the Government of the Orenburg region provides financial support for the publication of national newspapers («Jan Vakyt» – Tatar, «Aikap» – Kazakh and «Caravanserai» - Bashkir), as well as financial assistance in carrying out a number of ethno-cultural events: Ukrainian «Shevchenko March», Kazakh Nauryz, Akatuyev Chuvash, Tatar Sabantuy, the festival of Korean culture, and others.

Materials and methods. The study of the problems of social and cultural adaptation of migrants is now important because, in the current state of society, there is a shortage of psychological comfort and a sense of psychological security, not only among workers, but also the indigenous population. In modern conditions society is virtually unprepared to effectively address the challenges posed by the emergence of a huge flow of migrants, including refugees and internally displaced persons, returnees, irregular migrants, and an increase in individual labor migration.

The methodological basis of this research is to study of the problem by using a multidisciplinary approach, as well as the analysis of the connections between the regulatory and social context of migration. The complexity of such a task requires the narrowing of the subject of study in order to focus on the analysis of interrelated facets of the problem. Research was conducted using the following methods: expert interviews with the administration of rural, urban, and regional districts, the Federal Migration Service of the Russian Federation for the Republic of Bashkortostan, the Perm Territory and Orenburg region, etc.; analysis of official documents, scientific literature; extrapolation of data obtained in the study of the problem; and correlation of the data obtained from the different groups of sources.

The theoretical and methodological framework of this study includes the theoretical framework to study adaptation processes developed in social geography (The works of V. Anuchin, E. Alaev, Yu. Saushkin), in the adaptation of psychology (L. Wild, B. Petroshevsky, Stepanov, Sukharev, G. Oberg, B. Hopson) and Urban ecology (T. Dridze,

A. Janicki). The experience of creation and the efficiency of compact settlement, the adaptation of immigrants in the Russian village, the role of cultural differences in the adaptation process, the relationship of immigrants with the local people and the authorities, the legal status of migrant workers, and the factors that promote and prevent successful adaptation were investigated by EI Philippova. Similar issues are investigated by V. Amelin (Orenburg), G. Vitkovskaya (Moscow), G. Gabdrakhmanova (Republic of Tatarstan)⁵, V. Gritsenko (Saratov region), and G. Pyaduhovym (Penza region). The study of patterns, trends, types, forms and directions of migration are covered in the works of many scientists. The efforts of geographers (J. Zayonchkovskaya, V. Perevedentsev, N. Yukhneva and others) is aimed at identifying patterns of interaction between nature and society, which is reflected in historical trends resettlement and migration. The problem of displacement has recently become a subject of study by historians and sociologists. Their work has a national tone, where migration is seen from the standpoint of the formation of ethnic enclaves (L. Gumilev, G. Starovoitova, Z. Sikevich). The research of economists (G. Vechkanov, R. Kostin, L. Rybakovsky⁶, S. Ryazantsev⁷ and others) is concerned with the formation of human resources, urbanization, and the structure of the economy. The approaches of creating a «migrantology» (M. Denisenko, V. Iontsev, B. Horites) significantly added to the new conditions under which the researchers studied forced migration, migration policy and social work with migrants (Y. Bulatetsky V. Mosneaga, V. Tishkov, A. Khokhlov, T. Yudin, R. Galin, I. Gabdrafikov, L. Khusnutdinova and others). Foreign experts are notably interested in ethnic relations in the former USSR (P. Goldman, J. Lagshdusa, V. Zaslavskogo and others)⁸.

The empirical base of the research were the results of a sociological survey conducted in the Ural-Volga region (in Bashkortostan and Tatarstan, Perm Krai, Samara and Orenburg regions) for the study of the socio-cultural adaptation and integration of migrants into the local community, as well as the role of regional and municipal authorities in this process.

Results

The Republic of Bashkortostan is today the largest republic in the Russian Federation in terms of population – 4061,5 thousand people - and it is a unique region due to the variety of ethnic groups represented in it and their cultures and languages⁹. Numerically the region is dominated by Bashkirs (29,5% of the population), Tatars (25,4%) and Russian (36,0%). Apart from these, in the Republic of Bashkortostan large groups of Ukrainians, Chuvash, Mari, Mordovians, Udmurt, Latvians, Armenians, Azeris, Jews, Kazakhs, Uzbeks, and others also live compactly or dispersed. At the same time, Bashkortostan is a regions with a high migration activity of the population¹⁰. Migrant workers come to the republic from 41 states. In 2013 from abroad arrived 1400 people, and by in 2014 that number had already grown to 1700. Most of those arriv-

⁵ Хуснудинова 2012, 14.

⁶ Рыбаковский 2003.

⁷ Ryazantsev, Pismennaya, Karabulatova, Akramov 2014.

⁸ Khusnutdinova, Vildanov, Andreeva, Ilyasova, Gabdrafikov 2015, 224–225.

⁹ Хуснудинова 2016, 4.

¹⁰ Хуснудинова, Ильясова 2015, 159–160.

ing from foreign countries are citizens of Turkey, North Korea, Vietnam and China. An additional incentive for migration inflows to Bashkortostan was the preparation for the international summits of SCO and BRICS, which were held in Ufa in July, 2015; for this reason, the flow of migrant workers into the region in 2014 has increased significantly. Foreign workers come to Bashkortostan from Uzbekistan, Armenia, Azerbaijan, Tajikistan and Kyrgyzstan. Kazakhstan and Belarus citizens work in Russia, according to interstate agreements, without permits. As of January 1, 2015 in the Republic of Bashkortostan, 13100 foreign workers have a valid work permit. In addition to migrant workers, forced migrants were also present in the region. As of January 1, 2015 the Federal Migration Service of Russia in the Republic of Bashkortostan had registered 3600 foreign citizens who have been granted temporary asylum. Most of these came from Ukraine (3554 persons), but some have also arrived from Iraq, North Korea, Kyrgyzstan, Syria.

Assistance to refugees involved representatives of the Russian Federal Migration Service of the Republic of Bashkortostan, the Pension Fund, the employment center, and other ministries and departments. These agencies have prepared and are regulating the provision of one-time financial assistance, and also set the size limit on the reimbursement to districts and cities to provide accommodation, food, transport costs (up to 800 rubles, per person per day). Locals are not indifferent to the fate of refugees; they bring in items of humanitarian aid including clothing, food, household appliances, and medicine, and public organizations help collect and deliver humanitarian aid to the population of the south-eastern regions of Ukraine, covered by military clashes. The Public Advisory Council under the Federal Migration Service of Russia for the Republic of Bashkortostan makes a significant contribution to the solution of problems of formation of tolerant attitudes towards migrants and their adaptation and integration.. It is composed of representatives of national-cultural centers. In 2014, a visiting public meeting of the Community Advisory Board of the Federal Migration Service for the Republic of Bashkortostan in Russia was held in the district of Nagaev in the October district of Ufa. At the meeting, in addition to members of the board were representatives of public authorities, FMS, science, and heads of national cultural centers. They openly discussed the problem of attracting foreign workers to the regional labor market and the problems of formation of tolerant attitudes of the local population toward foreign workers.

At the end of October, 2015 in Tuymazy, 164 km from the city of Ufa, the FSUE «PVA» common immigration center opened. The Migration Center operates on the principle of «single window», i.e. foreign citizens have the opportunity in one place to receive a range of services associated with the paperwork needed in order to work in the country. There can also be tested for knowledge of Russian history and the Russian Federation, as well as to obtain a patent (work permit).

The Republic of Tatarstan is also among the largest and most rapidly developing regions of Russia. The economic and political stability in Tatarstan stimulates the arrival of foreign migrant workers. Tatarstan is in the third place in the Volga Federal District in terms of the number of immigrants. In 2013, the 156700 migrants were registered, with 90000 in Kazan alone. In 2014, the 172000 migrants were registered in Tatarstan, of which 146,000 were foreign citizens arriving from abroad and other Russian regions, and 26000 foreign citizens were put on the migration registration to extend their status. According to the Federal Migration Service of the Republic of Tatarstan, the largest

number of international migrants come from Uzbekistan (33,7%), Tajikistan (11,5%), Turkey (6,9%), Azerbaijan (5,4%), Ukraine (4,5%), Belarus (4,5%), Germany (4,3%), Italy (1,3%), USA (1,3%), and Korea (1%)¹¹.

In the Republic of Tatarstan, refugees continue to arrive from Ukraine. Thus, according to the Federal Migration Service of Russia on RT as of July 1, 2014, 2500 people Ukrainians have been registered, 897 of whom were registered for the first time. Some of them are placed with relatives in Kazan. Some of them were placed by Ministry of Emergency Situations in dormitories, hotels, hostels, and heated pioneer camps. However, Tatarstan has not only helped refugees. A few months ago by order of the President of the Republic of Tatarstan R. Minnikhanov a fund was «In support of the residents of the Crimea». Naberezhnye Chelny alone gave about one million rubles. In Ukraine itself a trailer with humanitarian aid arrived a few days ago, including contributions made from Kazan.

The Republic's agency of employment and legal assistance to immigrants plays an important role in the adaptation of migrants in Tatarstan. In 2013, with the assistance of the Assembly of Peoples of Tatarstan and of the Agency, in accordance with the republican target program on the prevention of terrorism and extremism in the Republic of Tatarstan for 2014–2020, the Center for Employment and adaptation of migrants was formed as an autonomous non-profit organization whose purpose is to provide services in the field of education and law. To achieve this goal, the «Center for Employment and adaptation of migrants» provides: counseling, social and legal assistance, as well as employment assistance and adaptation of migrants in the territory of the Republic of Tatarstan; organizing and conducting training (schools, seminars, lectures, etc.) for foreign citizens, civil servants, law enforcement officials, business leaders and organizations in order to increase intercultural competence and optimizing social practices in accordance with the legislation on education; creating and conducting lectures (seminars, etc.) for foreign nationals to study Russian laws, including labor laws, of the migration registration act.

The national-cultural autonomy of the Republic of Tatarstan strives as much as possible to help their fellow countrymen. For example, leaders and ordinary members of the community attend a special reception center of the Kazan police department, where citizens are kept to be expelled from the territory of the Russian Federation. Detainees are provided with material assistance, transfer of food and clothing. The NKA pays for the repatriation of murdered or deceased migrants to their homeland. In addition, the leaders of the autonomous regions are involved in the investigation and legal proceedings, as well as interpreters.

In the city of Perm the ANO «Perm migration center» became operational with the support of the Administration and the Governor of the Perm Krai Government to September 2012. During the work the organization has processed more than 53,000 applications of foreign citizens and employers in the region. The center is implementing a number of projects jointly administered with the governor of the Perm region with total funding of 750 thousand rubles a year: «Public reception for migrants», «Memo to the migrant» and «The School of Russian language for migrants». The Centre is actively

¹¹ Хуснутдинова, Габдрахиков, Вильданов, Андреева 2014, 135–136.

cooperating with the Agency for Employment of the Perm Krai and employers in the region, to recruit foreign workers and giving them a range of services¹².

Currently, the Center is the only regional platform that provides comprehensive services to foreign citizens on the principle of «one window». It provides a unique opportunity for foreign citizens to receive government services in terms established by the legislation on the principle of «single window», without losing time to move to different areas of the city in order to obtain services by organizations providing highly specialized services in the field of labor migration. Integrated service delivery is especially important for those foreign nationals who do not speak Russian and do not know how to get around in the Perm region.

In addition to the activities of the Centre, the Perm region also runs a public reception. «Since May 2015, the city of Perm has begun the public reception of advisory services to migrants and their families, – says the head of the department of international relations of the Department of internal policy of the Administration of the Governor of Perm Krai Alexander Subbotin. – The necessary legal assistance to foreign nationals arriving Perm is provided free of charge».

The Samara region is home to about 3,3 million people. According to the National Population Census of 2010, the region is home to 140 nationalities, but is numerically dominated by Russians (2,6 million) And in the region are also Tatars (126,100).¹³ Additionally, the Chuvash live here as well as Mordvinians, Ukrainians, Armenians, Kazakhs and others. The Samara region is one of the regions of the Volga federal District, where there is very high migration activity. According to Federal Migration Service reports, in the period from 2007 to 2012 about 1,3 million foreign nationals were registered.¹⁴ Here it is necessary to take into account that in the Samara region are many transit migration flows. For five months of 2014 – 100000 foreign citizens were recorded, who come mainly from the CIS countries – Uzbekistan (48,7%), Tajikistan (18,4%), Kyrgyzstan (11%).

The Samara region has accumulated a great experience of public debate on the regulation of labor migration and integration. Round tables are regularly held, main suppliers of foreign labor in the Samara region are Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan. Seminars, scientific conferences at various levels, which are attended by representatives of the authorities and representatives of civil society, and religious leaders are also held. In 2014, a meeting of the Public Council under the Federal Migration Service of the Samara region was held, to discuss the role of national-cultural associations and religious organizations in the prevention of crimes and inter-ethnic conflicts.

However, the main function of the migration service of the Samara region is considered the registration control of workers and their employers. Also in 2014, there was the opening of the largest in the Volga federal district center for the temporary detention of foreigners subject to deportation or administrative expulsion from Russia. In this institution fall under the court decision migrant workers who violate Russian laws and will be deported. With regard to integration, this is how the Federal Migration Service takes part in the framework of public-private partnership.

¹² Хуснутдинова 2015, 81–82.

¹³ Ляймин 2014.

¹⁴ Мухаметшина 2013, 38.

In order to ensure favorable conditions for ethnic and cultural development, preservation of languages, and traditions the MAS CO «House of Friendship of Peoples» (Samara) has operated since 2001. According to the management of the national and confessional policy monitoring department head of the public opinion of the Administration of Samara Region Governor NP Osipova, with the support of the House of Friendship there are massive ethno-cultural events held annually, such as the Kazakh holidays «Kamal Ait» and «Navruz», the Korean «Solnal» and the Armenian «trndez». Since 2008 the House of Friendship has carried out free consultations on migration issues for migrant workers, held adaptation courses «migrant school» and training seminars on the theme «What you need to know about local customs and traditions». Such meetings are held not just by consultants, lawyers and social activists, but also by representatives of the Federal Migration Service and the Interior Ministry. The Friendship House publishes various manuals and pamphlets for migrants. This device assists the Government of Samara region. For example, the House published booklets called «Migrants on the Samara Region», «Information for foreign citizens and persons without citizenship», «Memo for foreign nationals or persons who arrived in the Russian Federation in a manner not requiring a visa or a work permit». Importantly, these materials are available not only in Russian, but also in the Uzbek, Kyrgyz, and other languages. Back in 2011 it published a brochure called, «Samara region. Migrants Guide», which includes material on the history and contemporary life of the local population, the current legislation and the conditions of stay of migrants in the Samara region. We publish specialized material on the history and ethnography of the region, a brochure about the modern life of different groups of the population, such as «Kazakhs Samara Region», «The Ukrainians Samara Region», and «The Germans Samara Region».

Of the various social organizations, the national-cultural associations have provided the most help to migrants to help them to adapt. In the Samara region there are more than 100 ethnic and cultural associations, including 43 national-cultural autonomy of the local, regional and federal levels. There are such well-known organizations in the region as the «League of the Samara region of Azerbaijanis», Kyrgyz organization «Manas-Ata», Tajik «Paivand-Unity», and «Uzbek community». Since 2007, there has been the Federal National Cultural Autonomy of Russian Kazakhs with the center in Samara. Also, there are 17 Sunday schools, Azerbaijani, Armenian, Georgian, Kirghiz, etc. Most of the national-cultural associations have their own printing press¹⁵.

The Orenburg region is one of the largest regions of the Russian Federation, located in two parts of the world, Europe and Asia. The Orenburg Region is an attractive region for foreign citizens. This is due to the position of the border region, the presence of railways and highways connecting the European part of the Russian Federation in the Urals and Siberia, as well as the direct access to Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan and North Caucasus. For example, in 2014 in the territory of Orenburg region there were 97500 migrations registered: foreign citizens and stateless persons. (Same period 2013 - 87 ths.)¹⁶.

The labour activity of migrants is concentrated in construction, agriculture, commerce and industry. Their employment is weakly represented in the social sphere: education, health, provision of utilities, home, social services and other activities.

¹⁵ Khusnutdinova, Istamgalin, Galliulin, Bakulina, Sadykova, Nifontov 2016, 84–85.

¹⁶ Ameline, Denisov, Morgunov 2014, 42.

The region is actively working to integrate migrants into the local community. This includes the development and implementation of special projects related to the integration and adaptation for foreigners while they are in the Orenburg Region. This is the policy in the region, which is doing everything possible to strengthen the unity of the Russian state and the preservation of the ethnic and cultural identity of the peoples of the Orenburg region. Thus, the region has received widespread practice in the development of implementation of the national policy of regional programs, including the preservation and development of national cultures. Currently the Office of the Governor and the Government of the Orenburg region has successfully implemented the program «Realization of the national policy of regional models of the Orenburg region for 2013-2015». An important direction of this program is to support the ethnic and cultural activity of national-cultural associations. In the Orenburg region there are 126 national centers. The national organizations have representatives of 21 ethnic groups. There are 57 associations officially registered with the judicial authorities.

In September 2013 the City of Orenburg opened «Centre for social adaptation of migrant workers». This center is one of the pilot projects to change the temporary accommodation center status of internally displaced persons in the Center for Social Adaptation of foreign migrants to the socio-economic and cultural conditions of Russia¹⁷. A similar project was implemented in the Tambov region. This center was created for temporary labor migrants in order to help them adapt them to local conditions. The center provides accommodation rooms with all amenities; conducts instruction in the Russian language, Russian history and the basis of legislation of the Russian Federation with a certificate on the results of testing; organizes various events, attracting national and cultural and religious associations, and arranges trips to museums and the attractions of Orenburg. In addition, the center helps to collect documents for the registration of migrant workers and organizes the monitoring of compliance with internal regulations in their places of residence. Accommodation can be paid for either by employers or the residents themselves. Upon the completion of training, the Federal Migration Service of Russia in the Orenburg region evaluates the most successful participants to decide whether to give them permission for temporary residence in the Russian Federation.

Discussion. The term «integration» has a long history and is one of the most used in a variety of contexts, primarily economic. This research concerns the integration of refugees and migrants and are particularly prevalent in countries where the influx of migrants is not only traditional but also where the nation itself was created by migrants, and where there has been increasing dynamics of migration processes as a result of social, ethnic conflicts and economic disasters.

Integration is a mutual, dynamic and ongoing process. «From migrant integration requires a willingness to adapt to a new way of life for him the community in which he finds himself, without losing their cultural identity. From a society that accepts migrants, and the communities to whom the migrant attaches himself, integration requires a hospitable and sympathetic attitude to migrants, and from government agencies it is necessary to have the willingness to meet the needs of newcomers».

The term adaptation¹⁸ (from the Latin *adaptatio* - Device) as a scientific concept first began to be used in the physiology of the 2 nd half of XIX century. Thanks to

---

¹⁷ Khusnutdinova, Ilyasova, Yurochkin 2015, 193–194.

¹⁸ Рыбаковский 2003, 6.

the German physiologist G. Aubert. The sense of the device meant the organ of vision or hearing to the action of external stimuli. Currently, adaptation is one of the most important interdisciplinary scientific concepts widely and extensively analyzed in the biomedical, information technology and social sciences. As part of this work is of interest to us is one of the most important types of adaptation - social adaptation, which will be considered with respect to the social group of forced migrants and local territorial communities.

A number of publications (V. Amelin, B. Belozerov, F. Borodkin, E. Vinogradov, I. Gabdrafikova, V. Gritsenko, Z. Kalugin, I. Karabulatova¹⁹, L. Korel, R. Kostina, E. Miller, N. Mukhametshin, S. Panarin S. Ryazantsev, L. Khusnudinova) highlight the adaptation of migrants in the various regions of Russia.

Of particular interest for the development of the sociological theory of adaptation of migrants are working L. Makarova, G. Morozova, L. Rybakovsky, N. Tarasova and V. Shapiro on the theoretical modeling of migratory behavior. While in recent years research on the problems of refugees and ides has become much more active, many questions remain insufficiently developed: not yet resolved are the fundamental issues of methodological and conceptual nature related to the disclosure of migration, identifying its causes, and methods of measuring its intensity and efficiency.

Conclusion

In the Ural-Volga region, namely in Bashkortostan and Tatarstan, Perm Krai, Samara, and Orenburg regions, which have a large number of arriving migrants, generally favorable conditions of social and cultural adaptation of migrants are present. The very presence in these regions of a large number of foreign migrant workers confirms that the conditions are really good. At the same time, the problems of adaptation and integration of migrants do not only concern regional authorities, but also civil society organizations, and in many areas are carried out jointly - in the framework of a public-public partnership. A special role is played by national-cultural organizations; they contribute to the formation of the atmosphere of tolerance. Helping fellow workers and immigrants from neighboring countries, these organizations do not seek, as they did in the past, to lock in their «internal ethno-cultural interests». Their task now includes the promotion of migrants to the widest possible social interaction, because ultimately cooperation and collaboration is the most effective way to a smooth integration.

ЛИТЕРАТУРА

- Амелин, В.В., Денисов, Д.Н., Моргунов, К.А. 2014: Гражданские инициативы и миротворческий потенциал институтов гражданского общества Оренбургской области в предупреждении межэтнических конфликтов и обеспечении гражданского согласия. *Этнопанорама* 1-2, 40–47.
- Арсланов, И.М. 2013: *Доклад по подготовке проекта Программы по сохранению и укреплению межнациональных и межконфессиональных отношений в г. Казани на 2014–2018 гг. на аппаратном совещании 25 ноября 2013 г.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kzn.ru/old/page19577.htm>

¹⁹ Karabulatova 2013.

- Барышева, Ю.С. 2007: *Социокультурная адаптация мигрантов в условиях современного мегаполиса: на примере г. Москвы*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-migrantov-v-usloviyakh-sovremennoego-megapolisa-na-primere-moskv>
- Воскресенский, П. 2014: *Открытие консультационного пункта по вопросам цыганского населения*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionsamara.ru/readnews/40878/>.
- Габдрахиков, И.М., Карабулатова, И.С., Хуснудинова, Л.Г. 2015: Социальная адаптация трудовых мигрантов в мусульманских регионах России: роль и место этноконфессионального фактора в Поволжье. В кн.: Осипова, Г.В., Карабулатовой, И.С., Галиуллиной, С.Д., Коберси, И.С. (ред.), *Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки*. Москва–Уфа–Ростов на Дону, 116–127.
- Габдрахиков, И.М., Хуснудинова, Л.Г. 2015: Опыт регионов Поволжья по интеграции мигрантов в местное сообщество. *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический журнал* 3 (44), 149–153.
- Габдрахиков, И.М., Хуснудинова, Л.Г. 2015а: Интеграция мигрантов в республиках Поволжья как проблема общественного восприятия и общественно-государственного партнерства. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 12 (4), 47–50.
- Ганиев, А.М., Васильев, В.А., Гатауллин, Р.Ш. (ред.) 2013: *Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник*. Ч. 1. 6. Уфа.
- Духанин, К.Д. 2015: *О деятельности УФМС России по Оренбургской области по реализации задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ufmsoren.ru/News/2014/10/20141009.htm>
- Киров, А. 2015: *В Самарской области ведется работа по легализации трудовых мигрантов*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolkochto.ru/news/society/52326.html>
- Лямин, А.С. 2014: *Опыт реализации этнокультурного диалога в XXI веке на примере Самарской области*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conf.inexo.ru/опыт-реализации-этнокультурного-дия/>.
- Мухаметшина, Н.С. 2013: Интеграция инокультурных мигрантов: социокультурный и политический аспекты. В сб.: Ягафова Е.А., Казакова И.Б., Гокина А.Г., Бондарева В.В. (ред. коллег.), *Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность*. Самара, 36–42.
- Осипова, Н.П. 2013: Региональная модель государственной национальной политики как фактор сохранения межэтнической стабильности. В сб.: Ягафова Е.А., Казакова И.Б., Гокина А.Г., Бондарева В.В. (ред. коллег.), *Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность*. Самара, 31–35.
- Ромм, М.В. 2002: *Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект*. Новосибирск.
- Рыбаковский, Л.Л. 2003: Социальная адаптация мигрантов. *Социологическая энциклопедия*: в 2 т. Т.1. М., 116–117.
- Хуснудинова, Л.Г., Габдрахиков, И.М., Вильданов, Х.С., Андреева, Л.М. 2014: *Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное сообщество в регионах Поволжья (на примере Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Самарской области)*. СПб.
- Хуснудинова, Л., Галиуллина, С., Истамгалин, Р., Бакулина, Ю., Садыкова, Л., Нифонтов, В. 2016: Этнополитические технологии адаптации инокультурных мигрантов в Ура-

- ло-Поволжье в контексте «мягкой безопасности». *Центральная Азия и Кавказ* 19 (2), 92–100.
- Хуснудинова, Л.Г., Ильясова, Р.Х. 2015: Миграционные процессы в Республике Башкортостан на рубеже ХХ – ХХI веков. В сб.: *Современное общество, образование и наука*: в 16 частях. Ч. 14. Тамбов, 159–162.
- Хуснудинова, Л.Г., Ильясова, Р.З., Юрочкин, Д.М. 2015: Миграционная политика по интеграции и адаптации мигрантов в Оренбургской области. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 11 (61), 192–194.
- Хуснудинова, Л.Г. 2012: *Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан (1992–2007 гг.)*. Уфа.
- Хуснудинова, Л.Г. 2015: Модели интеграции мигрантов в Приволжском Федеральном округе. *Этнопанорама* 1–2, 76–85.
- Хуснудинова, Л.Г. 2016: *Туркмены в Республике Башкортостан*. Уфа.
- Хуснудинова, Л.Г. 2016а: К проблеме адаптации и интеграции мигрантов в полизначное сообщество (на примере регионов Урало-Поволжья). *Самарский научный вестник* 4 (17), 145–149.
- Федеральная миграционная служба по Республике Башкортостан, 2014: *Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС по Республике Башкортостан на 2014 год и плановый период 2015–2017 гг.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmsrb.ru/material.aspx?m=140>.
- Чечурина, И. 2015: *В Самаре открылась гостиница для мигрантов*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/12/27/reg-pfo/migrant-anons.html>.
- Чудилин, М.А. (ред.) 2016: *Национальный состав населения Самарской области: Статистический сборник*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admbg.org/attachments/article/2773>.
- Gabdrafikov, I.M., Karabulatova, I.S., Khusnutdinova, L.G., Vildanov, Kh. S. 2015: Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia. *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 213–222.
- Karabulatova, I.S. 2013: The Problems of Linguistic Modeling of New Eurasian Linguistic Personality in Multilingualistic and Mental Environment (by Example of Onomasphere). *Middle-East Journal of Scientific Research* 17 (6), 791–795.
- Karabulatova, I.S., Polivara, Z.V. 2013: Turkic and Slavs: bi-polylinguism in Globalization and Migrations (on an Example of Tumen Region). *Middle-East Journal of Scientific Research* 17 (6), 832–836.
- Khusnutdinova, L., Galiullina, S., Ivanova, O., Bilalova, L., Sayfulina, F. 2015: An Ideal World in the Medieval SUFI Literature of Siberian Tatars. *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 207–212.
- Khusnutdinova, L., Vildanov, K., Andreeva, L., Ilyasova, R., Gabdrafikov, I. 2015: Regional Policy on Socio-Cultural Adaptation of Migrant Workers in the Volga Region (Based on the Material of Samara Region). *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 223–229.
- Khusnutdinova, L., Istamgalin, S., Galliulina, C., Bakulina, Yu., Sadykova, I. Nifontov, B. 2016: Ethnopolitical adapting the latter migrants in the Ural-Volga region in the context of «soft security». *Central Asia and the Caucasus* 19 (2), 92–100.
- Ryazantsev, S.V., Pismennaya, E.E., Karabulatova, I.S., Akramov, Ch. 2014: Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. *Asian Social Science* 10 (20), 174–183.

REFERENCES

- Amelin, V.V., Denisov, D.N., Morgunov, K.A. 2014: Grazhdanskie initiativy i mirotvorcheskiy potencial institutov grazhdanskogo obshhestva Orenburgskoy oblasti v preduprezhdenii mezhetnicheskikh konfliktov i obespechenii grazhdanskogo soglasiya [Civic Initiatives and Peacekeeping Capacity of Civil Society Institutions in Orenburg Oblast in the Prevention of Inter-Ethnic Conflicts and Ensuring Civic Harmony]. *Etnopanorama* [Etnopanorama] 1-2, 40–47.
- Arslanov, I.M. 2013: *Doklad po podgotovke proekta Programmy po sohraneniyu i ukrepleniyu mezhnacional'nyh i mezhkonfessional'nyh otnosheniy v g. Kazani na 2014–2018 gg. na apparatnom soveshhaniii 25 nojabrja 2013 g.* [A Report on the Preparation of the Draft Programme for the Preservation and Strengthening of Interethnic and Interfaith Relations in Kazan for 2014-2018 at the Staff Meeting on 25 November 2013], <http://www.kzn.ru/old/page19577.htm>
- Barysheva, Ju.S. 2007: *Sociokul'turnaya adaptaciya migrantov v usloviyah sovremennoogo megapolisa: na primere g. Moskvy* [Sociocultural Adaptation of Migrants in the Modern Metropolis: Case Study in Moscow], <http://www.disscat.com/content/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-migrantov-v-usloviyah-sovremennoogo-megapolisa-na-primere-moskvy>
- Chechurina, I. 2015: *V Samare otkrylas' gostinica dlja migrantov* [In Samara Opened a Hotel for migrants], <https://rg.ru/2012/12/27/reg-pfo/migrant-anons.html>.
- Chudilin, M.A. (red.) 2016: Nacional'nyy sostav naselenija Samarskoy oblasti: Statisticheskiy sbornik [National Composition of the Population of Samara Region: Statistical Collection], <http://www.admbg.org/attachments/article/2773>.
- Duhanin, K.D. 2015: *O deyatel'nosti UFMS Rossii po Orenburgskoj oblasti po realizacii zadach Strategii gosudarstvennoy nacional'noy politiki Rossiyskoy Federacii* [On the Activities of the FMS of Russia on the Orenburg Region on the Realization of the Objectives of the Strategy of Russian State Policy on Nationalities], <http://www.ufmsoren.ru/News/2014/10/20141009.htm>
- Gabdrafikov, I.M., Husnutdinova, L.G. 2015: Opyt regionov Povolzh'ya po integraciini migrantov v mestnoe soobshhestvo [Volga Regions Experience on Integration of Migrants in the Local Community]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovaniya. Federal'nyj nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Bulletin of Orel State university. Series: New Humanitarian Research] 3 (44), 149–153.
- Gabdrafikov, I.M., Husnutdinova, L.G. 2015a: Integraciya migrantov v respublikah Povolzh'ya kak problema obshhestvennogo vospriyatiya i obshhestvenno-gosudarstvennogo partnerstva. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie [The Integration of Migrants in the Volga Republics as a Problem of Public Perception and Public-public Partnerships]. *Voprosy teorii i praktiki* [Questions of theory and practice] 12 (4), 47–50.
- Gabdrafikov, I.M., Karabulatova, I.S., Husnutdinova, L.G. 2015: Social'naya adaptaciya trudovyh migrantov v musul'manskikh regionah Rossii: rol' i mesto etnokonfessional'nogo faktora v Povolzh'e [Social Adaptation of Labour Migrants in the Muslim Regions of Russia: the Role and Place of the Bother Factor in the Volga Region] In: Osipova, G.V., Karabulatovoy, I.S., Galiullinoy, S.D., Kobersi, I.S. (red.), *Social'no-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoy nauki* [Socio-economic and Humanities and Philosophical Problems of Modern Science]. Moscow–Ufa–Rostov on Don, 116–127.
- Gabdrafikov, I.M., Karabulatova, I.S., Khusnutdinova, L.G., Vildanov, Kh. S. 2015: Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia. *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 213–222.

- Ganiev, A.M., Vasil'ev, V.A., Gataullin, R.Sh. (red.) 2013: *Migraciya naselenija v Respublike Bashkortostan: statisticheskiy sbornik*. Ch. 1. 6. [Migration in the Republic of Bashkortostan: Statistical Compendium]. Ufa.
- Husnutdinova, L.G. 2012: *Etnosocial'nye aspekty adaptacii bezhencev i vynuzhdennyh pereselencev v Respublike Bashkortostan (1992–2007 gg.)* [Ethno-Social Aspects of Adaptation of Refugees and Internally Displaced Persons in the Republic of Bashkortostan]. Ufa.
- Husnutdinova, L.G. 2015: Modeli integracii migrantov v Privolzhskom Federal'nom okruse [Models of Integration of Migrants in the Volga Federal District]. *Jetnoperpanorama [Ethnoperpanorama]* 1-2, 76–85.
- Husnutdinova, L.G. 2016: *Turkmeny v Respublike Bashkortostan* [Turkmens in the Republic of Bashkortostan]. Ufa.
- Husnutdinova, L.G. 2016a: K probleme adaptacii i integracii migrantov v polijetnichnoe soobshhestvo (na primere regionov Uralo-Povolzh'ya). *Samarskiy nauchny vestnik [Samara Journal of Science]* 4 (17), 145–149.
- Husnutdinova, L.G., Gabdrafikov, I.M., Vil'danov, H.S., Andreeva, L.M. 2014: *Rol' nacional'no-kul'turnyh obedineniy v integracii migrantov v mestnoe soobshhestvo v regionah Povolzhya (na primere Respubliki Bashkortostan, Respubliki Tatarstan, Samarskoy oblasti)* [The Role of National-Cultural Associations in the Integration of Migrants into Local Communities in the Regions of the Volga Region (by the Example of the Republic of Bashkortostan, the Republic of Tatarstan, Samara Oblast)]. Saint-Petersburg.
- Husnutdinova, L.G., Il'yasova, R.H. 2015: Migracionnye processy v Respublike Bashkortostan na rubezhe XX – XXI vekov [Migration Processes in the Republic of Bashkortostan at the Turn of the XX–XXI Centuries]. In: *Sovremennoe obshhestvo, obrazovanie i nauka: v 16 chastyah*. Ch. 14. [Modern Society, Education and Science]. Tambov, 159–162.
- Husnutdinova, L.G., Il'yasova, R.Z., Jurochkin, D.M. 2015: Migracionnaja politika po integracii i adaptacii migrantov v Orenburgskoy oblasti. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie [Migration Policies on the Integration and Adaptation of Migrants in the Orenburg Region. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art]. *Voprosy teorii i praktiki [Questions of Theory and Practice]* 11 (61), 192–194.
- Karabulatova, I.S. 2013: The Problems of Linguistic Modeling of New Eurasian Linguistic Personality in Multilingualistic and Mental Environment (by Example of Onomasphere). *Middle-East Journal of Scientific Research* 17 (6), 791–795.
- Karabulatova, I.S., Polivara, Z.V. 2013: Turkic and Slavs: bi-polylinguism in Globalization and Migrations (on an Example of Tumen Region). *Middle-East Journal of Scientific Research* 17 (6), 832–836.
- Khusnutdinova, L., Galiullina, S., Ivanova, O., Bilalova, L., Sayfulina, F. 2015: An Ideal World in the Medieval SUFI Literature of Siberian Tatars. *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 207–212.
- Khusnutdinova, L., Galiullina, S., Ivanova, O., Bilalova, L., Sayfulina, F. 2015: An Ideal World in the Medieval SUFI Literature of Siberian Tatars. *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 207–212.
- Khusnutdinova, I., Istamgalin, S., Galliulina, C., Bakulina, Yu., Sadykova, I. Nifontov, B. 2016: Ethnopolitical adapting the latter migrants in the Ural-Volga region in the context of «soft security». *Central Asia and the Caucasus* 19 (2), 92–100.
- Khusnutdinova, L., Vildanov, K., Andreeva, L., Ilyasova, R., Gabdrafikov, I. 2015: Regional Policy on Socio-Cultural Adaptation of Migrant Workers in the Volga Region (Based on the Material of Samara Region). *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 223–229.

- Khusnutdinova, L., Vildanov, K., Andreeva, L., Ilyasova, R., Gabdrafikov, I. 2015: Regional Policy on Socio-Cultural Adaptation of Migrant Workers in the Volga Region (Based on the Material of Samara Region). *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 223–229.
- Khusnutdinova, L., Vildanov, K., Andreeva, L., Ilyasova, R., Gabdrafikov, I. 2015: Regional Policy on Socio-Cultural Adaptation of Migrant Workers in the Volga Region (Based on the Material of Samara Region). *Mediterranean Journal of Social Science* 6 (3), 223–229.
- Lyamin, A.S. 2014: *Opyt realizacii etnokul'turnogo dialoga v XXI veke na primere Samarskoj oblasti [Experiences of Ethno-Cultural Dialogue in the 21st Century for Example, Samara region]*, <http://conf.inexo.ru>
- Muhametshina, N.S. 2013: Integracya inokul'turnyh migrantov: sociokul'turny i politicheskiy aspeky [: Integration of Migrants: the Latter Socio-Cultural and Political Aspects]. In: E.A. Jagafova, I.B. Kazakova, A.G. Gokina, V.V. Bondareva (red.): *Problemy etnokul'turnogo vzaimodejstviya v Uralo-Povolzh'e: istoriya i sovremenność* [Problems of Ethno-Cultural Interaction in the Ural-Volga Region: History and Modernity] Samara, 36–42.
- Osipova, N.P. 2013: Regional'naya model' gosudarstvennoy nacional'noy politiki kak faktor sohraneniya mezhetnicheskoy stabil'nosti [Regional Model of the State National Policy as a Factor in Maintaining Inter-Ethnic Stability]. In: E.A. Jagafova, I.B. Kazakova, A.G. Gokina, V.V. Bondareva (red.), *Problemy etnokul'turnogo vzaimodejstviya v Uralo-Povolzh'e: istoriya i sovremenność* [Problems of Ethno-Cultural Interaction in the Ural-Volga Region: History and Modernity]. Samara, 31–35.
- Romm, M.V. 2002: *Adaptaciya lichnosti v sociume: teoretiko-metodologicheskiy aspect* [The adaptation of the individual in society: theoretical and methodological aspect]. Novosibirsk.
- Ryazantsev, S.V., Pismennaya, E.E., Karabulatova, I.S., Akramov, Ch. 2014: Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. *Asian Social Science* 10 (20), 174–183.
- Rybakovskiy, L.L. 2003: *Social'naya adaptaciya migrantov. Sociologicheskaya enciklopediya [Demographic Conceptual Dictionary]*: v 2 t. T.1. Moscow, 116–117.
- Voskresenskiy, P. 2014: *Otkrytie konsul'tacionnogo punkta po voprosam cyganskogo naseleniya* [Opening of Consultation Centers on Issues of the Roma Population], <http://regionsamara.ru/readnews/40878/>

ИНТЕРГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ МИГРАНТОВ В УРАЛО-ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

Л.Г. Хуснутдинова

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия,
lavanda-55@mail.ru

Аннотация. Адаптационные процессы мигрантов достаточно сложны и обусловлены совокупностью экономических, социокультурных, образовательных факторов и проблем. Важным условием успешной адаптации мигранта является его легализация, т.е. постановка на миграционный учет и получение предусмотренным законом разрешительных документов (разрешения на работу или патента). Легализовав свое пребывание в России, мигрант получает определенные права, которые способствуют его интеграции в российское общество. Знание русского языка дает возможность получения информации о правилах трудаустройства в России, увеличивает шансы получения легальной работы, снижает зависимость от земляков в деле трудаустройства и обустройства, расширяет возможности

контактов с местным населением, обеспечивает реализацию прав мигранта на профессиональное обучение, получение медицинской помощи и т.д. На основе результатов социологических опросов, а также собственных полевых материалов, собранных в 2014–2015 гг., в статье рассматриваются интеграция и адаптация мигрантов в республиках Башкортостан и Татарстан, Пермского края, Самарской и Оренбургской областей, являющихся сложными по этническому и конфессиональному составу населения российскими регионами. Официальным государственным органом, призванным решать проблемы адаптации мигрантов, выступает Федеральная миграционная служба Российской Федерации. Практическое решение данной задачи в регионах осуществляется силами региональных и территориальных Управлений ФМС. В рамках реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Федеральной миграционной службой и ФГУП «Паспортно-визовым сервисом» разработан и реализуется проект по открытию Центров социальной адаптации трудовых мигрантов. В исследуемых регионах накоплен положительный опыт реализации национальной политики на уровне субъекта федерации и в целом Урало-Поволжья. Активно и успешно действуют муниципальные и региональные органы власти в направлении интеграции мигрантов в местное сообщество. Безусловно, Урало-Поволжье имеет позитивный образ, который основан прежде на социально-экономические, культурные, спортивные и иные достижения, а также на хорошем управлении на местном уровне. Этот опыт необходимо изучать и распространять в других регионах России.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, адаптация, интеграция, социальная культура, общественные институты, Урало-Поволжье

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 196–205
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 196–205
© Автор(ы) 2017

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

А.П. Власкин, Т.Б. Зайцева, С.В. Рудакова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
apvmgn@mail.ru, tbz@list.ru, rudakovamasu@mail.ru*

Аннотация. В «Преступлении и наказании» при относительном количественном равенстве мужских и женских персонажей наблюдается их «художественное неравенство» по возможностям их взаимовлияния. Мужские образы достаточно самостоятельны и стабильны по отношению к друг другу. Но они оказываются динамичны, когда попадают в конкурентное поле под воздействием женского влияния. В результате образуются своеобразные «любовно-художественные треугольники». В черновых материалах к роману автором предусматривались даже «многоугольники».

В статье указанная закономерность рассматривается на примере взаимовлияния образов Авдотьи Раскольниковой, Лужина, Свидригайлова и Разумихина. Обнаружено, что под влиянием сестры центрального героя в конкурентных взаимоотношениях все три претендента на ее сердце и руку заметно меняются. Тем самым в этих мужских образах под воздействием женского центра притяжения выявляется скрытый художественно-психологический потенциал, изначально предусмотренный Достоевским. При этом эволюция у трех образов идет неравномерно и в разных направлениях. Начальный этап в сюжетной судьбе Лужина позитивен. Он был единственным, кто не поверил сплетням и спасал репутацию Авдотьи Романовны. Однако затем он стремительно деградирует в этическом

Власкин Александр Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкоznания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

Зайцева Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, доцент кафедры языкоznания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

Рудакова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкоznания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

отношении. Свидригайлов начинает в «демонической» окраске и долгое время в ней остается. Однако постепенно, под влиянием чувств к Авдотье Раскольниковой, он меняется в позитивном направлении. Разумихин изначально показан в позитивной психологической ауре. Но в его мужской репутации были негативные нюансы – легкомысленное отношение к женщинам. Образ полностью очищается от этого после контакта с Авдотьей Раскольниковой. Его эволюция наиболее кардинальна.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Ф.М. Достоевский, роман «Преступление и наказание», психологизм

Введение

В настоящей статье мы не используем гендерную методологию как таковую¹. Соответствующий *аспект* позволяет обратиться к литературным образам и к особенностям их художественного функционирования без обязывающих методологических принципов, и значит – видеть проблему взаимоотношения полов шире. Продуктивность рассмотрения литературных текстов под этим углом зрения подтверждается тем, что здесь возможен и уже был задействован самый разный материал. Например, это могут быть произведения XVIII столетия²; русская классическая литература³. Различные произведения Ф.М. Достоевского также анализировались в этом аспекте⁴. Вместе с тем один из самых знаменитых его романов, «Преступление и наказание», в гендерном аспекте целенаправленно не изучался; предпринимались лишь эпизодические и лаконичные попытки. Мы позволим себе «прочитать» его в этом ракурсе шире, хотя бы в первом приближении.

Прежде всего в гендерном отношении примечательна сама образная система романа. Женские и мужские персонажи здесь находятся в определенном количественном балансе, однако качественное их соотношение достаточно разнородно. В идейном аспекте, безусловно, значимее представляются мужские образы, тогда как в аспекте социально-психологическом наблюдается нечто вроде «женской художественной эмансипации». Мы возьмемся это показать, сосредоточив внимание пока что на одной героине, Авдотье Романовне Раскольниковой.

На ее «сердце и руку» претендуют по логике сюжета сразу трое: Свидригайлов, Лужин и Разумихин. Еще одна героиня прямо сопоставляется с Дуней, это Соня Мармеладова. И на ее внимание также претендуют – Раскольников и Лебезятников. В этом ряду, согласно творческой истории романа, вполне мог оказаться все тот же Лужин. В черновиках есть записи, вроде следующей: «...открывается, что он (Лужин!!) влюбляется в Соню ужасно (натура). Он делает связи в Петербурге и сам дивится, что так падает...»⁵.

Впрочем, в черновиках к той же Соне «неровно дышат» и Разумихин со Свидригайловым. Подтверждающие цитаты опускаем, но приведем лишь одну, о Свидригайлове: «Иногда разговоры с Соней об хороших идеалах. Признается, что с

¹ Шорэ 1999; Marsh 1996; Demidova 1996; Whitford 1991.

² Абрамзон 2013.

³ Абрамзон 2016; Рудакова 2013; Зайцева 2011; Татаркина 2002.

⁴ Власкин 2003; Власкин 2004.

⁵ Достоевский 1972–1990/7; 136.

ней было бы ему лучше. Говорит об этом Авдотье Романовне и хвалит Соню⁶. Получается, что согласно черновикам, вокруг Сони, перефразируя Дмитрия Карамазова из итогового романа писателя, могло бы столкнуться сразу «пять лбов». Но это было бы слишком даже для Достоевского, – и «лбы» распределились по двум женским центрам притяжения.

Есть, правда, еще подруга Сони, Лизавета. О ней, между прочим, узнаем из беседы безымянных персонажей, что «Лизавета поминутно была беременна...

– Да ведь ты говоришь, она урод? – заметил офицер.

– <...> Знаешь, совсем не урод. У нее такое доброе лицо и глаза <...> Доказательство – многим нравится. Тихая такая, кроткая, безответная <...> А улыбка у ней даже очень хороша⁷.

Все это ведет нас к пониманию важных особенностей художественного мира произведения. А именно: в романе достаточно густо, в переплетении, наличествуют сюжетные судьбы женщин. Но важны не столько они сами по себе, сколько их взаимосвязь с судьбами мужскими. Последние оказываются во многом сориентированы на первые. Персонажи-мужчины у Достоевского раскрываются уже и в избирательном внимании к женщинам и тем более – через конкретные взаимоотношения с ними. Они, персонажи-мужчины, очень показательны в том, на кого и почему обращают внимание, и еще более в том, как себя при этом проявляют. Что-то в них дремлющее (а точнее, конечно, заложенное автором) вдруг раскрывается порой в непредвиденных выражениях. И некоторые образы мужчин при этом как бы «плывут», меняются.

Притом, можно заметить, что содержательность женских образов у Достоевского раскрывается более равномерно в отношениях к разным мужчинам, претендентам на их благосклонность. Дуня, Соня, Лиза – они, пожалуй, остаются самими собой во взаимоотношениях с разными персонажами-мужчинами. А те как раз зачастую меняются даже в логике характеров. Им как бы «крышу сносит» под влиянием женщины. Но примечательно не только это. У героев-мужчин по поводу женщин почти неизбежно возникает конкуренция, в которой проявляются еще более глубинные свойства характеров.

Раскольников, Свидригайлов, Лебезятников, Лужин, Разумихин, – как образы, они соотносятся и непосредственно. Не без основания их интерпретируют порою как идейно-теоретических «двойников». Тут обходится и без «женского следа». Это, так сказать, мужская составляющая художественной идеи романа. Но если последовать рекомендации «ищите женщину», то нас могут ожидать открытия как в психологии мужских характеров, так и в их идейно-художественном наполнении.

Соня, Раскольников и Лебезятников – с этим треугольником не то чтобы все ясно, но об этом уже достаточно сказано⁸. Так что теперь на повестке дня – « страсти по Дуне». И начнем с самого трудного случая: образ Петра Петровича Лужина.

За ним закрепилась искаженная репутация (встречаются мнения, что он «одной краской написан» и т.п.). Но если говорить именно об образе, то он интересен

⁶ Достоевский 1972–1990/7, 164.

⁷ Достоевский 1972–1990/6, 54.

⁸ Власкин 2012.

и далеко не однозначен. В жизни это был бы, конечно, человек «нерукожатный» или попросту «подлец», даже «сукин сын», – но в эстетическом плане это «наш сукин сын», то есть персонаж *нашего Достоевского*!

Кстати, о «подлеце»; припоминаются цитаты: «Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям. Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно». И далее: «...пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!»⁹. Вообще творческая перекличка Достоевского с Гоголем по линии Чичиков-Лужин в науке недооценена.

В Чичикова особенно интересно следующее. Такой осторожный и изворотливый персонаж дважды в своей сюжетной «карьере» терпит крах: теряет хлебное место на таможне, а потом бросает свой «бизнес-проект» по мертвым душам. Причина же одна и та же – женщины. В первом случае они с партнером некую «бабенку» не поделили (опять два «лба» столкнулись). А вот что сказано по поводу второго случая, с губернаторской дочкой: «Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, – даже сомнительно, чтобы господа такого рода <...> способны были к любви; но при всем том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить»¹⁰.

Кто же назовет Чичикова «плоским образом»? А вот Лужина таковыми многие склонны считать.

Между тем, во-первых, он у Достоевского влюблена по-своему (как «подлец Чичиков») не в кого-нибудь, а в Дуню! Это почти уже как у Пушкина о Татьяне Лариной: «А глаз меж тем с нее не сводит / Какой-то важный генерал». Между прочим, для провинции успешный адвокат Лужин сродни важному генералу (поправнее Свидригайлова). И еще заметим: «...сватаясь тогда за Дуню, он совершен-но уже был *убежден в нелепости всех этих сплетен*»¹¹. То есть, подобно мужу пушкинской Татьяны, Лужин – один из немногих, кто сразу распознал цену своей *Татьяне* (то есть Дуне). И это вот какая цена: «Тут являлось даже несколько более того, о чем он мечтал: явилась девушка гордая, характерная, добродетельная, воспитанием и развитием выше его (он чувствовал это) <....> Обаяние прелестной, добродетельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу»¹². И еще: «Наконец, ведь он уже даже любил по-своему Дуню <...> – и вдруг!..»¹³.

А «вдруг» (то есть разрыв) явилось следствием того, что он глупил ради нее. Но ведь и сама эта способность глупить во вред себе ради обладания женщиной чего-то стоит. Был бы Лужин «плоским» характером – легко нашел бы хорошенькую, образованную, послушную, которая была бы по гроб ему благодарна.

Все это было «во-первых», то есть по поводу влюбленности в Дуню.

А во-вторых, Лужин сродни Свидригайловой (всем нам интересному), и сразу в нескольких ракурсах. Например, он и прямо «сродни» с ним, через Марфу Петровну. Вообще родственные связи персонажей у Достоевского, сбывшиеся и несбывшиеся, едва ли случайны. И вот в сюжетном итоге романа породнились

⁹ Гоголь 1994/5, 203, 204.

¹⁰ Гоголь 1994/5, 155.

¹¹ Достоевский 1972–1990/6, 235.

¹² Достоевский 1972–1990/6, 235.

¹³ Достоевский 1972–1990/6, 236.

Раскольников и Порфирий Петрович, через союз Дуни и Разумихина (Порфирий и Разумихин ведь по замыслу автора – хотя и дальние, но родственники). Возвращаясь к Лужину и Свидригайлову, заметим, что оба они – претенденты на подобную же роль родственников Родиона Романовича (возможные «зятья»). В итоге проигрывают Разумихину, а через него – Порфирию Петровичу.

Это выводит нас на второй ракурс, идеино-теоретический. Лужин ведь сродни Свидригайлову и в этом отношении. Они оба – двойники Раскольникова, только как бы с разных полюсов. Лужин – с полюса «теоретического» (известна его сентенция на тему «кафтана без рукава»). Лужин вообще остро заинтересован в новомодных теориях, оттого и внимателен к Лебезятникову.

Свидригайлов, напротив, теориями «не интересуется»¹⁴, «так себе теорийка; теория, как всякая другая»¹⁵. А в *идейном* отношении, напротив, он сродни как раз Раскольникову, поэтому и признает: «А шельма, однако ж, этот Раскольников! Много на себе перетащил. Большико шельмой может быть со временем, когда вздор повыскочит»¹⁶. Заметим, что «вздор» – это «теория», конечно. И надо признать, что это мнение знатока – явно по себе судит.

Сродни они, Лужин и Свидригайлов, и в третьем ракурсе – в эмоциональном отношении к ним со стороны центрального героя. Он их обоих ненавидит: с одной стороны, опять-таки по поводу сестры Дуни, а с другой – потому что угадывает в том и в другом такие ипостаси собственной позиции, которые его не радуют (и это еще одно преломление темы «двойников»).

Еще один ракурс сопоставления Лужина и Свидригайлова – их отношение друг к другу в связи с конкуренцией по поводу Дуни. Коротко говоря: они знают друг другу некую объективную цену. Лужин откровенно опасается Свидригайлова как конкурента (и уже поэтому он – далеко не дурак). Интересно, что он в этом отношении сразу распознал и в Разумихине некую опасность, но недооценил ее: «С болезненным ощущением припоминался ему, тоже как-то невольно, Разумихин... (заметим в скобках – по воле автора, конечно припомнился) но, впрочем, он скоро с этой стороны успокоился: «Еще бы и этого-то поставить с ним рядом!» Но кого он в самом деле *серьезно боялся*, – так это Свидригайлова...»¹⁷.

В свою очередь, Свидригайлов – *очень даже заметил обоих* конкурентов. Вот примечательное его признание Раскольникову о своем отношении к Дуне и к Лужину: «Верите ли, я до того тогда врезался, что скажи она мне: зарежь или отрави Марфу Петровну и женись на мне, – это тотчас же было бы сделано! Но кончилось все катастрофой, вам уже известно, и сами можете судить, до какого бешенства мог я дойти, узнав, что Марфа Петровна достала тогда этого *подлейшего приказного*, Лужина, и чуть не смастерила свадьбу»¹⁸. Обратим внимание: Аркадий Иванович и в этот момент признания не может сдержаться (для него это большая редкость). Он называет Лужина «подлейшим приказным», тогда как это по меньшей мере несправедливо. Петр Петрович – успешный адвокат и в той ситуации не такой уж подлейший человек. Он, как мы помним, *разглядел* Дуню, не поверил

¹⁴ Достоевский 1972–1990/7, 164.

¹⁵ Достоевский 1972–1990/6, 378.

¹⁶ Достоевский 1972–1990/6, 390.

¹⁷ Достоевский 1972–1990/6, 236.

¹⁸ Достоевский 1972–1990/6, 367.

сплетням и сделал максимум для себя возможного для спасения ее репутации. И потому он – *сильный конкурент*.

Свидригайлов тоже оказался на высоте, когда открыто взял на себя вину. Даже Пульхерия Александровна это признает: «...вся гнусность этого дела легла неизгладимым позором на ее мужа, как на главного виновника, так что *мне его даже и жаль; слишком уже строго поступили с этим сумасбродом*»¹⁹. Но на тот момент Аркадий Иванович явно проигрывал Лужину. И в Петербург он примчался, чтобы расстроить свадьбу. У него получилось – но только по двум причинам. Во-первых, он нашел сильного союзника в лице Родиона Раскольникова. А во-вторых, Лужин сам наглупил со своей самоуверенностью, склонностью и, наконец, подлостью по отношению к Соне Мармеладовой (когда попытался оклеветать ее).

Что касается отношения Аркадия Ивановича к Разумихину, то это вообще интригует. Раскольникову он говорит: «Я слышал что-то о каком-то господине *Разумихине*. Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает, семинарист должно быть), ну так пусть и бережет вашу сестру»²⁰. Впоследствие он Соню обеспечивает приличной суммой (кстати, тем самым обеспечивает и счастливый финал, потому что не будь этих денег, – не было бы и взаимного перерождения Родиона и Сони в Сибири). И, вручая деньги Соне, Аркадий Иванович советует: «*Родиону Романычу поклон. Кстати: держите-ка деньги-то до времени хоть у господина Разумихина. Знаете господина Разумихина? Уж конечно, знаете. Это малый так себе* (в данном контексте, конечно, в смысле «малый достойный»)». И затем добавляет: «*Кстати... скажите-ка господину Разумихину, что я велел ему кланяться. Так-таки и передайте: Аркадий, дескать, Иванович Свидригайлов кланяется. Да непременно же*»²¹.

Обратим внимание: поклон Раскольникову, и еще более настоятельный поклон – Разумихину. Это что-нибудь да значит. А интригует потому, что по сюжету романа взаимного очного знакомства Свидригайлова и Разумихина – *не предусмотрено!* Они лишь дважды пересекаются и даже не говорят друг с другом: на пороге комнаты Раскольникова и на улице, когда Свидригайлов увидел со стороны Родиона, Соню и Дмитрия Разумихина. Откуда же такое признание Аркадием Ивановичем достоинств Разумихина? Тем более что и Дуне, от которой Свидригайлов без ума, сам он говорит: «...зачем вам Разумихин? Я вас *также люблю...*»²². Можно понимать так, что и про любовь Разумихина к Дуне Свидригайлов знает и умеет ее оценить.

Возможны два предположения. Или автор это упустил из виду – забыл их ближе познакомить. Или же – что более вероятно – здесь выражена уникальная прозорливость Свидригайлова по отношению к встречным и поперечным. Подтекст этого образа, или, иначе говоря, его потенциал, художественная избыточность, – в романе вообще уникальны.

Добавим еще, что многое о Свидригайловой говорит отношение к нему Дуни. Судя по разным репликам с обеих сторон, это отношение было, мягко говоря, далеко не однозначным и временами достаточно интимным. Не будем разворачивать

¹⁹ Достоевский 1972–1990/6, 30.

²⁰ Достоевский 1972–1990/6, 365.

²¹ Достоевский 1972–1990/6, 385.

²² Достоевский 1972–1990/6, 380.

цитаты и укажем лишь на тот факт, что в финальной их встрече Свидригайлов к ней почти всегда – на «Вы», а Дуня, в свою очередь, то и дело невольно сбивается на «ты». А под занавес звучит: «– Отпусти меня! – умоляя сказала Дуня. – Свидригайлов вздрогнул: это *ты* было уже как-то не так проговорено, как давешнее. – Так не любишь? – тихо спросил он. Дуня отрицательно повела головой»²³.

В этом случае вновь вспоминается Пушкин: «Пустое вы сердечным ты / Она обмольвясь заменила». А Аркадий Иванович в этот момент тоже ведь невольно перешел на «ты» (кстати, чуть ли не единственный раз за всю сцену свидания).

Что касается Разумихина, то здесь – свои нюансы. С Лужиным – через Дуню – его отчасти роднит то, что он как бы «изменил себе», когда узнал ее. Про отношение Лужина к женщинам до встречи с Дуней мы ничего не знаем. У него вдруг возникшая влюбленность вступила в конфликт с расчетливостью. Разумихин же в романе (и особенно в черновиках) совершенно нерассчетлив и представлен, в отличие от Лужина, явным дамским угодником. В черновиках он даже, по намекам, не просто очаровал «Пашеньку», квартирную хозяйку Раскольникова, но и очнует у нее. Обаял он и кухарку Настасью. К тому же, по черновикам, Разумихин, вместе с Заметовым, – постоянный клиент «Лавизы», содергательницы публичного дома. В каноническом тексте также остаются следы всего этого. Примечательна сама тема статьи, которую Разумихин предлагает Родиону совместно переводить: «Человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек»²⁴.

Коротко говоря: первоначально ведь Разумихин – «дамский угодник» и не скрывает этого. Возникают ассоциации с другим его конкурентом относительно Дуни – со Свидригайловым. Аркадий Иванович признается Раскольникову: «Скажите, для чего я буду себя сдерживать? Зачем же бросать женщин, коли я хоть до них охотник?»²⁵. Первоначально Рузумихин под этим, пожалуй, «подписался» бы. Но встреча с Дуней все переменила. То есть образ Разумихина динамичен не менее, чем Лужин и Свидригайлов. До встречи с Дуней для героя характерны честность, деловитость и легкомысленное отношение к женщинам.

По поводу честности в черновиках автором специально было отмечено: «Разумихин с необыкновенным уважением говорит с дамами о Лужине на другой день и обходится с Лужиным. Он понял, что ему неприлично было вчера ругать Лужина, потому что он сам влюблен, а следственно, Лужин ему соперник»²⁶. И в романе это вполне реализовано.

Что касается его деловитости: «Дуня верила слепо, что он выполнит все свои намерения <...> в этом человеке виднелась железная воля <...> У них обоих составлялись поминутно планы будущего; оба твердо рассчитывали через пять лет наверное переселиться в Сибирь»²⁷.

И, наконец, по поводу отношения к женщинам. С первого взгляда покоренный Авдотьей Романовной, Разумихин в полной мере сохраняет первое свое свойство – честность, – лишь отчасти второе – деловитость, – и совершенно избавляется от

²³ Достоевский 1972–1990/6, 382.

²⁴ Достоевский 1972–1990/6, 88.

²⁵ Достоевский 1972–1990/6, 359.

²⁶ Достоевский 1972–1990/7, 174.

²⁷ Достоевский 1972–1990/6, 414.

третьего. Достоевский поясняет: «Понятно, что горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, и пьяный Разумихин, никогда не видавший ничего подобного, с первого взгляда потерял голову»²⁸.

Таким образом, взаимоотношения трех героев под влиянием их чувств к Авдотье Романовне Раскольниковой очень характерны. Свидригайлов и Лужин опасаются друг друга, поскольку оба достаточно равные конкуренты. Разумихину Свидригайлов знает истинную, высокую цену. А вот Лужин опять-таки по своему «глупит», когда склонен игнорировать Разумихина как соперника в «турнире» амбиций и в борьбе за сердце и руку Авдотьи Романовны Раскольниковой.

Здесь уместно припомнить сентенцию Свидригайлова (а фактически самого Достоевского): «...чтобы беспристрастно судить о некоторых людях (добавим: и о персонажах), нужно заранее отказаться от иных предвзятых взглядов и от обычной привычки к обыкновенно окружающим нас людям»²⁹.

Заключение

Резюмируем: у Достоевского в романе «Преступление и наказание» мужские образы динамичны во многом под женским влиянием (развитие Раскольникова под влиянием Сони Мармеладовой вообще более чем очевидно). Думается, можно говорить о жизненной тенденции, которую воспринимали и отражали лучшие художники слова. Вспомним о рефлексии Чацкого по поводу холодности Софьи Фамусовой; о перипетиях Евгения Онегина после знакомства с Татьяной Лариной; вспомним о рыдающем Печорине (который не смог догнать Веру); вспомним и о двух финансовых провалах Чичикова из-за увлечения женщинами... Так что Достоевский тут – не первооткрыватель. Но уж точно – ответственный и обективный писатель-мужчина.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, Т.А. 2013: «Билетцы» и гадательные двусмыслия А.П. Сумарокова: парадигма любовного чувства. *ПИФК* 3 (41), 161–168.
- Абрамзон, Т.Е., Зайцева, Т.Б., Рудакова, С.В. 2016: Романтическая концепция красоты в рассказе Чехова «Красавицы». *ПИФК* 2 (52), 343–355.
- Власкин, А.П. 2012: Лебезятников против Раскольникова: О дифференциации героев Достоевского. В сб.: *Три века русской литературы*. М.–Иркутск, 14–21.
- Власкин, А.П. 2003: Мужское и Женское: перспективы непонимания в художественной среде Достоевского. *ПИФК* 13, 78–89.
- Власкин, А.П. 2004: На перекрестках человеческой природы: Мужское – Женское – Детское в художественной среде Ф.М. Достоевского. *Вестник Российской литературы* 1, 51–60.
- Гоголь, Н.В. 1994: *Собр. соч.*: в 9 т. Т. 5. М.
- Достоевский, Ф.М. 1972–1990: *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Л.
- Зайцева, Т.Б. 2011: Концепт «Любовь» в творчестве А.П. Чехова (для антологии «художественные константы русской литературы»). *ПИФК* 3 (33), 705–710.

²⁸ Достоевский 1972–1990/6, 158.

²⁹ Достоевский 1972–1990/6, 364.

- Рудакова, С.В. 2013: *Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского*. Магнитогорск.
- Татаркина, С.В. 2002: Диалог «мужского» и «женского» в жанровой структуре прозы А.Я. Панаевой. В сб.: *Проблемы литературных жанров*. Томск, 219–224.
- Шорэ, Э., Хайдер, К. (ред.) 1999: *Пол. Гендер. Культура*. М.
- Demidova, O. 1996: Russian Women writers in the Nineteenth Century. In: R. Marsh (ed.), *Gender and Russian Literature*. Cambridge, 92–112.
- Marsh, R. (ed.) 1996: *Gender and Russian Literature*. Cambridge.
- Whitford, M. 1991: *Luce Irigaray: Philosophy in the feminine*. London.

REFERENCES

- Abramzon, T.A. 2013: «Biletcy» i gadatel'nye dvustishiya A.P. Sumarokova: paradigma ljubovnogo chuvstva [A.P. Sumarokov's 'Cards' and Fortune-Telling Distich: Paradigm of Love]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3 (41), 161–168.
- Abramzon, T.E., Zayceva, T.B., Rudakova, S.V. 2016: Romanticheskaya kontsepsiya krasoty v rasskaze Chehrova [The Romantic Concept of Beauty in Chekhov's Story "Beauty"]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2 (52), 343–355.
- Demidova, O. 1996: Russian Women writers in the Nineteenth Century. In: R. Marsh (ed.) *Gender and Russian Literature*. Cambridge, 92–112.
- Dostoevskiy, F.M. 1972–1990: *Polnoe sobranie sochineniy* [Full Composition of Writings]: v 30 t. L.
- Gogol', N.V. 1994: *Sobr. soch.* [Collected Works]: v 9 t. T. 5. Moscow.
- Marsh, R. (ed.) 1996: *Gender and Russian Literature*. Cambridge.
- Rudakova, S.V. 2013: *Osnovnye obrazno-semanticheskie kategorii poeticheskogo mira E.A. Boratynskogo* [The Main Image and Semantic Category of E.A. Boratynsky' Poetic World]. Magnitogorsk.
- Shore, Je., Hayder, K. (red.) 1999: *Pol. Gender: Kul'tura* [Gender: Culture]. Moscow.
- Tatarkina, S.V. 2002: Dialog «muzhskogo» i «zhenskogo» v zhanrovoy structure prozy A.Ya. Panaevoy zhanrov [Dialogue of "male" and "female" in the genre structure A.Ya. Panayeva's prose]. In: *Problemy literaturnyhr* [Problems of literary genres]. Tomsk, 219–224.
- Vlaskin, A.P. 2003: Muzhskoe i Zhenskoe: perspektivy neponimaniya v hudozhestvennoy srede Dostoevskogo [The Male and the Female: the Perspectives of Misunderstanding in Dostoyevsky's Artistic Environment]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 13, 78–89.
- Vlaskin, A.P. 2004: Na perekrestkahr chelovecheskoy prirody: Muzhskoe – Zhenskoe – Detskoe v hrudozhestvennoy srede F.M. Dostoevskogo [At the Crossroads of Human Nature: Male – Female – Child in the Artistic Environment of F.M. Dostoevsky] *Vestnik Rossiyskoy literatury* [Bulletin of the Russian literature] 1, 51–60.
- Vlaskin, A.P. 2012: Lebezyatnikov protiv Raskol'nikova: O differentsiatsii geroev Dostoevskogo [Lebeziatnikov against Raskolnikov: On the differentiation of Dostoevsky's heroes]. In: *Tri veka russkoy literatury* [Three Centuries of Russian Literature]. Moscow–Irkutsk 27, 14–21.
- Whitford, M. 1991: *Luce Irigaray: Philosophy in the feminine*. London.
- Zayceva, T.B. 2011: Koncept «Ljubov'» v tvorchestve A.P. Chehrova (dlya antologii «hrudozhestvennye konstanty russkoy literatury») [Concept "love" in A. Chekhov's Works

---

(for the Anthology of Russian literary Constants)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 705–710.

FIGURATIVE SYSTEM OF F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" IN THE GENDER ASPECT

Alexander P. Vlaskin, Tatiana B. Zaitseva, Svetlana V. Rudakova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
apvmgn@mail.ru, tbz@list.ru, rudakovamasu@mail.ru

Abstract. In the "Crime and punishment" at relative quantitative equality of male and female characters their "artistic inequality" according to the possibilities of their interaction is observed. Men's images are rather independent and stable in relation to each other. However, they become dynamic when they get to the competitive field under women's influence. As a result peculiar "love-art triangles" are formed. Dostoevsky provided even "polygons" in his draft materials to the novel.

In the article, the specified regularity is considered on the example of interference of images of Avdotya Raskolnikova, Luzhin, Svidrigaylov and Razumikhin. It is revealed that under the influence of the main character's sister in competitive relationship all three suitors to win her hand and heart considerably change. Thereby in these men's images under the influence of the female center of gravity the hidden art and psychological potential that is initially provided by Dostoevsky becomes known. At the same time, the evolution of three images is uneven and diverse. The initial stage in Luzhin's story fate is positive. He was the only one who did not believe the gossip, and saved the reputation of Avdotya Romanovna. However then he drastically degrades in the ethical relation. Svidrigaylov demonizes himself for a long time. Nevertheless, gradually, under the influence of feelings to Avdotya Raskolnikova, he begins to evolve in a positive direction. Razumikhin is initially shown in positive psychological aura. However, in his male reputation there were negative nuances – flippant attitude to women. The image is completely cleared of it after the contact with Avdotya Raskolnikova. His evolution is the most radical.

Key words: Russian literature of the 19th century, F.M. Dostoevsky, novel "Crime and punishment", psychological analysis

---

МЕТАФОРА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА И П.А. ВЯЗЕМСКОГО

А.В. Петров, Н.Н. Соловьев

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
alexpetrov72@mail.ru, kolya.solowey.89@mail.ru*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается метафорическое осмысление жизненного пути, которое представлено в стихотворениях А.С. Пушкина «Телега жизни» и П.А. Вяземского «Коляска». Метафорической подменой жизненного пути становится езда в «телеге» у Пушкина и «коляске» у Вяземского. «Коляска» Вяземского выступает в качестве идейной «наследницы» пушкинской «телеги». В то же время Вяземский осмысливает собственную метафору жизненного пути шире Пушкина. Это расширение достигается поэтом за счет конкретизации и увеличения пространства жизненного пути посредством внесения таких элементов, как творчество, друзья и другие. Данная статья прослеживает творческий диалог двух поэтов, позволяет выявить новшества, привнесенные Вяземским в осмысление данной метафоры.

Ключевые слова: метафора, жизненный путь, «телега», «коляска»

Введение

В современной теории метафоры, представленной, например, в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (когнитивный подход к метафоре), можно найти группу метафор жизни. Представленные там метафоры являются устойчивыми выражениями. В то же время там представлен и другой тип метафорических концептов, которые не структурируют одно понятие в терминах другого, а организуют систему понятий по образцу другой системы («ориентационные метафоры» – термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона). Высказанные исследователями мысли отчасти применимы к рассматриваемой нами метафоре. Для данной работы близки и наблюдения, сделанные исследователем метафоры Х. Блуменбергом (Blumenberg) в книге «Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence». В ней метафоры жизни представлены в виде морского путешествия: «Humans live their lives and build their institutions on dry land. Nevertheless they seek to grasp the movement of their existence above all through a meta-

---

Петров Алексей Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкоznания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

Соловьев Николай Николаевич – аспирант МГТУ им. Г.И. Носова.

phorics of the perilous sea voyage»¹. Материалу, который исследует Блуменберг, во многом близка метафора жизненного пути в стихотворениях А.С. Пушкина и П.А. Вяземского.

Назвать конкретную дату того, когда начинается поэтический диалог П.А. Вяземского и А.С. Пушкина, непросто. Поэты были связаны тесной дружбой не один год. Между ними происходит обмен идеями, что служит благодатной почвой для творческого диалога. Однако, по большому счету, в поле внимания исследователей попадают другие аспекты отношений поэтов: совместная деятельность в «Арзамасе», Вяземский как пушкинский критик, Вяземский как «биограф» Пушкина, Вяземский – защитник Пушкина. Указанные аспекты отношений поэтов представлены в работах: Д.Д. Благой «Социология творчества Пушкина» (1921), Ю.М. Лотман «В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь» (1988), В.Э. Вацуро «Записки комментатора» (1991), Э.Г. Бабаев «Творчество Пушкина» (1988) и др.

Цель нашего исследования – раскрыть особенности диалога двух поэтов. В рамках данной статьи мы рассмотрим два стихотворения, объединенные общностью темы; философскими, творческими подходами к осмыслиению жизненного пути; образно-метафорическим рядом, то есть способом выражения метафоры. Речь идет о «Телеге жизни» Пушкина и «Коляске» Вяземского.

О стихотворении «Телега жизни» (1823) Пушкин упоминает в письме к Вяземскому, датируемом 29 ноября 1824: «Знаешь ли ты мою Телегу жизни? Хоть тяжело подчас в ней бремя... Можно напечатать, пропустив русский титул...»². Вяземский уже был знаком с этим стихотворением Пушкина. Два месяца проходят в молчании. Через два месяца Пушкин интересуется судьбой своего произведения в письме 25 января 1825 г.: «Прочел я в Инвалиде объявление о Телеграфе. Что там моего? Море или Телега»³. Судьба «Телеги жизни» становится известной 19 февраля 1825 года: «Что же Телеграф обетованный? Ты в самом деле напечатал Телегу, проказник»⁴. Из переписки поэтов мы видим: для Пушкина не безразлична судьба стихотворения, он стремится его опубликовать. Однако в чистовике стихотворения присутствует ненормативная лексика. Вяземский становится редактором этого стихотворения – он убирает нецензурные фрагменты и в таком виде его публикует. В 1826 г. появляется ответ на «Телегу жизни» Пушкина – «Коляска» Вяземского. Перед нами стихотворения «дорожной» тематики. У Ю.М. Лотмана читаем: «дорожные стихи Пушкина <...> “Коляска” Вяземского и многое другое. Соединение мотивов дороги (коляски, кибитки, телеги) и окружающей ширы полей – отличительный признак этой поэтической темы»⁵. В обоих стихотворениях изображена дорога, герой, уносимый вдаль лошадьми, сходный ход мысли. Влияние «Телеги жизни» Пушкина на «Коляску» Вяземского ощутимо. Однако можно указать и «обратное влияние». Стихотворение Вяземского как будто вносит корректировки в стихотворение Пушкина, договаривает за него. Так, Д.Д. Благой отмечает: «Пушкин относится к своей литературной работе именно как к “цехово-

¹ Blumenberg 1997, 7.

² Пушкин 1951/10, 112.

³ Пушкин 1951/10, 119.

⁴ Пушкин 1951/10, 125.

⁵ Лотман 1993/3, 158–159.

му” ремеслу»⁶, то есть характеризует поэта строками из стихотворения «Коляска» Вяземского.

Пушкин в стихотворении «Телега жизни» создает метафору человеческой жизни, осмысливая основные этапы пути через три ключевые точки жизни: юность, зрелость, старость. Три этапа – три строфы. Повозка о четырех колесах, открытая ветрам и дождям, является основным образом, который отражает представление Пушкина о жизни. В отличие от открытой, демократичной телеги Пушкина, его современник и друг обращается к образу более комфортабельного средства передвижения – коляске.

Для удобства сопоставления наметим ключевые образы: «телега» и «коляска» – метафорические осмысливания жизненного пути; ямщик; образ ездока.

С первых строк стихотворения «Коляска» противопоставляются два образа: *дорога* и *столица*. Контраст сохраняется на протяжении всего стихотворения. Данные образы детально прорабатываются автором. Знаковый атрибут в формировании *образа дороги – коляска*.

Вяземский начинает с метафорических замен, перифразы: коляска – «*страннический дом*», «*о четырех колесах келья*», «*кочующий гроб*». *Дом, келья, гроб* – воплощение покоя – внешне статичные, но автор наделяет их динамическими характеристиками – они способны «*двигаться*».

Князь Вяземский, «садясь в *коляску*», принимает своеобразный постриг: «в коляске постригаюсь я». Он принимает добровольное «монашество» путника, дающего обеты молчания, одиночества, безбрачия. Как и в келье реальной, автор находится в одиночестве, в изолированном от мира пространстве – в *коляске*, в которой наблюдается простота быта, как в келье.

Гроб связан с мотивом смерти, который пронизывает стихотворение:

Когда же вздумается мыслить,
То умираю наяву⁷.

Автор садится в коляску и «умирает». Этим и объясняется появление метафоры «*кочующий гроб*». Коляска, как и гроб, – средство «*переправы*» в иной мир, характеризующееся замкнутостью пространства, одиночеством. По функции она сходна с переправой через реки в мир мертвых в греко-римской мифологии. Перед нами уже не просто жизнь, а *жизнь духовная*.

Наше предположение подтверждают и другие слова, которые связаны с данной тематической группой: *душа, чудо, постригаюсь, грешный раб. Грешный раб* – традиционная форма самоуничижения, принятая в средневековых духовных текстах.

Какое же чудо случается с автором в дороге? Он задумывается о *душе*: «*мысль <...> мимолетом обнимает <...> все, что на *душе* под спудом*». Он начинает мыслить о вечном, о высоком. С ним происходит чудо воскрешения. Коляска дарует лирическому герою временную «*физическую смерть*» и в то же время духовное *воскрешение*:

И все что на *душе* под спудом
Дремало в непробудном сне
На свежем воздухе, как *чудом*,

⁶ Благой 1931, 36.

⁷ Вяземский 1880/3, 396.

Все быстро *ожило* во мне⁸.

Автор способен мыслить вне зависимости от того, где находится, но в светской жизни этому мешает житейское угнетение, давление – мысли в нем дремлют. «Умирая», поэт избавляется от светского «спуда» и начинает мыслить.

Возникает закономерный вопрос: от чего освобождается герой? С самого начала стихотворения «Я» автора освобождается от «ярма привычек». Привычки могут быть хорошими и плохими, но дело не в этом. Они лишают человека *власти над самим собой*. Он принужден механически выполнять одни и те же действия *бездумно*. Более того, они привносят однообразие в жизнь («томясь житьем однобразным»), таким образом, «коляска» освобождает Вяземского от привычных оков светского мира. В ней он «сокрыт» от светской суэты (отгорожен от мира), в отличие от «телеги» Пушкина. Пушкинская телега, открытая ветрам, не защищает человека и не разделят пространство, *человек и мир* не отделены друг от друга.

Хоть тяжело подчас в ней *бремя*,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое *время*,
Везет, не слезет с облучка⁹.

Для поэта *вся его жизнь – езда в телеге*. Рифма *бремя/время* создает дополнительную смысловую связку, таким образом, прожитое время становится бременем.

Тяжесть «бремени» не мешает легкости хода телеги. Телега не может иметь легкого хода с размещенным на ней тяжелым «бременем», то есть грузом. Время персонифицировано у Пушкина в фигуре лихого ямщика, седого старика, много жившего и много повидавшего.

В «Коляске» Вяземского мы также находим рифму *время/бремя*, которая имеет схожее значение, однако получает иную разработку. По Вяземскому, одновременно жить и мыслить и есть двойное бремя:

Живет и мыслит в то же *время*,
То есть живет, как наше племя
Живет – под вихрем и грозой,
Мне – так не в мочь двойное *бремя*¹⁰.

Для Вяземского «двойным» бременем становятся не прожитые года, а бесмысленная светская жизнь. Несмотря на то, что время, проведенное героем Пушкина в телеге, – бремя, то есть тяжесть, она «на ходу легка». Очевидно, здесь автор дает характеристику жизненному пути, подчеркивает легкость собственной жизни.

В образе «седого» ямщика-времени прослеживаются параллели с образом Сатурна в греко-римской мифологии: «Будучи стариком, он наделяется костылем. Через Крона Сатурн стал персонификацией времени»¹¹. Время сливается воедино с человеком в образе ямщика. Причем этот ямщик никогда не слазит «с облучка», не останавливается, предвидится только одна остановка – *ночлег*, смерть. В отличие от Пушкина, у Вяземского *ночлег* реальный – это остановка в пути:

⁸ Вяземский 1880/3, 395.

⁹ Пушкин 1950/2, 160.

¹⁰ Вяземский 1880/3, 396.

¹¹ Холл 1996, 497.

То на *ночлеге* размышленья
С собой рассчитываюсь я
В расходной книжке бытия¹².

Для Пушкина время жизни – «бремя». «Телега» – образ жизни, «утро» (молодость) предстает временем лени и неги, но герой не понимает всего своего счастья и, торопя время, «кричит: пошел». В зрелости нет той «отваги», что в юности, героя страшат «косогоры и овраги», все то, что является неотъемлемой частью быстрой и бесшабашной езды в юности.

В «Коляске» мы не найдем образа ямщика – он отсутствует. Это знаковое отсутствие, которым поэт дает понять, что над ним никто не властен и он сам управляет движением по «жизненному» пути. Однако в стихотворении Вяземского «Памяти живописца Орловского» имеется отсылка к «телеге» Пушкина:

Толи дело в старь: телега,
Тройка, ухорьский ямщик:
Ночью – дуешь без ночлега,
Днем же, – высунив язык¹³.

Поэт делает ироничное и меткое замечание: *в старь*, себя же он не относит к тому времени, поэтому у него в стихотворении и появляется образ «коляски», появившейся позже «телеги». В этих строках ямщик все такой же «лихой» – «ухорьский». Вяземский иронично обыгрывает мотив постоянного движения – «дуешь без ночлега», «высунив язык».

Вторая часть нуждается в более подробном пояснении. Она представлена фразеологизмом «высунив язык» (т.е. усталость от быстрого движения, вызванного безрассудством юности), синонимичным пушкинскому стиху «мы рады голову сломать». Можно сказать, что в приведенных строках Вяземского наблюдается ироническое обыгрывание образа жизни, созданного Пушкиным.

Упомянем другой «минус-прием». В «Коляске» герой предстает не только в образе ездока, но и в образе всадника:

Бесился подо мной довольно,
Прекрасным всадником гордясь¹⁴.

Этого образа у Пушкина нет. Разумеется, Вяземский говорит о Пегасе, которого он оседлал. В «Коляске» происходит замена «пегаса» на «коней». Пушкин неоднократно обращался к мотиву езды в своей поэзии, но в «Телеге жизни» он предстает ездоком, а не всадником. В то же время в ряде рисунков Пушкин изображает себя всадником. Рисунки конных автопортретов поэта найдем в черновиках к пятой главе «Евгения Онегина» (рис. № 64)¹⁵, в черновике стихотворения «Делибаш» (рис. № 74)¹⁶, в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой (рис. № 79)¹⁷. По словам исследователя Е.Н. Егоровой: «Образ коня в поэзии часто ассоциируется с вольностью и свободой. Прекрасные зарисовки вольных лошадей, сделанные с удивительным мастерством, часто встречаются в пушкинских автографах»¹⁸.

¹² Вяземский 1880/3, 396.

¹³ Вяземский 1880/4, 217.

¹⁴ Вяземский 1880/3, 399.

¹⁵ Жуйкова 1996, 57.

¹⁶ Жуйкова 1996, 60.

¹⁷ Жуйкова 1996, 62.

¹⁸ <http://www.proza.ru/2008/10/31/16>

В противовес рисункам, на которых Пушкин предстает свободным – «оседлавшим лошадь», в стихотворении «Телега жизни» он не властен над лошадьми.

Таким образом, отсутствие в «Коляске» Вяземского «ямщика», изображение героя в виде всадника служат показателями свободы человека, независимости его жизненного пути, тогда как у Пушкина жизненный путь полностью подчинен времени и не подвластен герою.

ЛИТЕРАТУРА

- Благой, Д.Д. 1931: *Социология творчества Пушкина*. М.
- Вяземский, П.А. 1880: *Полное собрание сочинений*: в 12 т. Т.3, Т.4. СПб.
- Егорова, Е.Н. *Лошади в жизни и творчестве А. С. Пушкина*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2008/10/31/16>
- Жукова, Р.Г. 1996: *Портретные рисунки Пушкина*. СПб.
- Лермонтов, М.Ю. 1889: *Сочинения*. Т.1. М.
- Лотман, Ю.М. 1993: *Избранные статьи*: в 3 т. Т.3. Таллинн.
- Пушкин, А.С. 1950: *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Т.2. М.–Л.
- Холл, Дж. 1996: Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.
- Blumenberg, H. 1997: *Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence*. L.

REFERENCES

- Blagoy, D.D. 1931: *Sociologija tvorchestva Pushkina* [Sociology of Pushkin's Creative Work]. Moscow.
- Blumenberg, H. 1997: *Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence*. Leningrad.
- Egorova, E.N. *Loshadi v zhizni i tvorchestve A.S. Pushkina* [Horses in the Life and Work of A.S. Pushkin], <http://www.proza.ru/2008/10/31/16>
- Holl, Dzh. *Slovar' sjuzhetov i simvolov v iskusstve* [Dictionary of Subjects and Symbols in Art]. Moscow.
- Lermontov, M.Ju. 1889: *Sochineniya* [Works]. Т.1. Moscow.
- Lotman, Ju.M. 1993: *Izbrannye stat'i* [Selected Papers]: v 3 t. Т.3. Tallinn.
- Pushkin, A.S. 1950: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]: v 10 t. Т.2. Moscow – Leningrad.
- Vyazemskiy, P.A. 1880: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]: v 12 t. Т.3; Т.4. Saint-Petersburg.
- Zhukova, R.G. 1996: *Portretnye risunki Pushkina* [Portrait Drawings by Pushkin]. Saint-Petersburg.

METAPHOR OF LIFE COURSE IN A.S. PUSHKIN'S AND P.A. VYAZEMSKIY'S
POETRY

Aleksey V. Petrov, Nikolay N. Solov'ev

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
alexpetrov72@mail.ru, kolya.solowey.89@mail.ru*

Abstract. The author considers the metaphorical understanding of a course of life that is presented in A.S. Pushkin's poems «The cart of life» and “Carriage” by P. A. Vyazemskiy. The metaphorical substitution of the life journey becomes a ride in the “cart” of Pushkin and “the carriage” of Vyazemskiy. Vyazemskiy's “carriage” acts as the ideological “successor” of Pushkin's “cart”. At the same time, Vyazemskiy interprets his own metaphor for life's journey wider than Pushkin does. This extension is achieved by the poet through the specificity and increase the space path of life by introduction such elements as creativity, friends and others. This article traces the creative dialogue between two poets, allows us to identify innovations contributed by Vyazemskiy to the interpretation of this metaphor.

Key words: Russian literature of the 19th century, A.S. Pushkin, P.A. Vyazemskiy, metaphorical substitution of the life journey

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 213–221
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 213–221
© Автор(ы) 2017

МИФ О СИБИРИ «ГИПЕРБОРЕЙСКОЙ» И ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ-СИБИРЯКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX в.

Н.В. Проданик

*Омский государственный педагогический университет, Омск,
omsk.nadezhda@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются генезис и филиация мифа о Сибири «гипербoreйской» в русской словесности начала XIX в., а именно в творчестве Владимира Федосеевича Раевского и в дружеской переписке Гавриила Степановича Батенькова. Истоки мифа о Гиперборее находятся в античной мифологии и литературе – в лирике Пиндара и Вергилия: поэты воссоздают две несходные мифоверсии о блаженной, счастливой, летней гипербoreйской земле (Пиндар) и суровой, жестокой, зимней Гиперборее (Вергилий). В начале XIX в. антологическая образность наследуется русскими поэтами – В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, для них счастьем, светом, аполлоническими восторгами наполнена жизнь в северной родине поэта – России.

В творческом сознании будущих декабристов происходит контаминация древнегреческой и древнеримской версий гипербoreйского мифа: отличительными чертами сибирского пространства видятся домашний покой; счастливая удаленность Сибири от мировых и столичных политических сражений; здоровый и одновременно суровый климат. Сибиряку-гипербoreйцу оказываются знакомы аполлонические наслаждения – творчество и чтение. При этом круг его чтения достаточно широк: здесь мы найдем тексты самой разной тематики и языковой принадлежности – от художественной литературы до научной, философской и религиозной; от текстов на родном языке до изданий на французском, английском и немецком.

Декабрьское восстание прервало формирование сибирской мифopoэтической идиллии, генетически восходящей к античной мифологии и русской лирике Золотого века: после 1825 г. для философов, ученых и поэтов Сибирь стала местом ссылки и каторги, чтение – порой единственным интеллектуальным наслаждением, а книга – самым верным другом.

Ключевые слова: античная мифология, античная литература, русская поэзия Золотого века, русская культура начала XIX в., миф о Сибири «гипербoreйской», творчество В.Ф. Раевского, переписка Г.С. Батенькова

Проданик Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии ОГПУ.

Введение

В сознании наших современников закрепилось стереотипное представление, что художественная топология Сибири наделена лишь негативными чертами. Подтверждая свое мнение, читатели чаще всего апеллируют к творчеству А.С. Пушкина (имея в виду его послание декабристам «Во глубине сибирских руд...», 1827 г.), к произведениям Л.Н. Толстого (роман «Воскресение», 1889–1899 гг.) и Ф.М. Достоевского (повесть «Записки из Мертвого дома», 1860–1861 гг., роман «Преступление и наказание», 1865–1866 гг.). Сибирь в этих текстах показана местом испытания, тяжелого нравственного перерождения, Голгофы, предшествующей духовному воскресению, или даже дантовым адом. В целом, как настаивал В.И. Тюпа, говоря о негативной семантике сибирского топоса, «... сибирский интертекст русской литературы концентрируется вокруг мифологемы инициации (лиминального посещения страны мертвых)¹», эти «минус»-смыслы аккумулированы во многих литературоведческих исследованиях². Истоки подобного восприятия Сибири скрыты в причинах культурно-исторических (долгое время этот топос был местом ссылки и каторги), причем оформленся ссылкокаторжный сюжет и стал устойчивым в отечественной литературе и «устной мифологии русской культуры» задолго до декабрьской трагедии 1825 г.³. И все же бесспорным данное утверждение не назовешь, поскольку в русской лирике в пору ее Золотого века, кроме мрачных сюжетов, рождался светлый и жизнерадостный миф о Сибири – «земле гиперборейской».

Истоки гиперборейской образности в русской литературе восходят к двум античным мифоверсиям о северной стране Гипербореи. Согласно древнегреческому мифу, она находится за пределами Борея, это плодороднейшая страна, ее жители – слуги Аполлона. Они проводят всю жизнь в пирах, играх, сочинении стихов и песен, и даже смерть приходит к ним как избавление от пресыщения жизнью⁴. В десятой Пифийской оде Пиндара «Персей Гиперборейский» жизнь отважного народа представлена как нескончаемый дружеский симпосион, непременными участниками этого «хорового» веселья являются Аполлон и Музы. В стране гипербореев нет обид и раздоров, их дни преисполнены душевного покоя и счастья, потому здесь не властна карающая Немезида: «*Ни вплавь, ни впешь / Никто не вымерил дивного пути / К сходу гипербореев – / Лишь Персей ... Переступил порог их пиров. / Там длящимся весельем и хвалебным словам / Радуется Аполлон... / Не чуждается их нрава и Муза: / Хоры дев, звуки лир, свисты флейт / Мчатся повсюду, / Золотыми лаврами сплетены их волосы, / И благодушен их пир. / Ни болезни, ни губящая старость / Не вмешиваются в святой их род. / Без мук, без битв / Живут они, избежавшие / Давящей правды Немезиды...*» [курсив здесь и далее наш – Н.П.]⁵. Важно, что гиперборейская судьба – это «полнота жизни как в смысле хтонических стихий, просветленных аполлоновским воздействием» (здесь благоприятный климат, плодородная почва, повышенный срок человеческой жизни), «так и в смысле художественного творчества, столь характерного

¹ Тюпа 2009, 265

² Сошлемся на некоторые: Алексеев 1984, 421–444; Карлова 1974, 135–147; Штерн 2005, 78–91.

³ Лотман 1988, 173.

⁴ Мифы народов мира 1997, 304.

⁵ Пиндар. Вакхилид 1980, 108–110.

для Аполлона» (гиперборейцы заняты сочинением музыки и песен, созданием гимнов во славу Аполлона, они – поэты, музыканты и певцы)⁶.

Напротив, в изложении римлянина Вергилия образ гиперборейцев полон мрачных красок: это племя людей стойких, но безжалостных, рожденных суровым северным климатом. О гиперборейской земле Вергилий пишет: «... *Там постоянно зима... / Смурью мглу там солнце рассеять не в силах... / Сами же в землянках своих спокойно досуги проводят / Там, в глубине; натаскают полен дубовых и цельных / Вязов к своим очагам и жгут их в пламени дымном. / В играх зимнюю ночь проводят, вину подражая / Брагою или питьем из перебродившей рябины. / Так и живут дикари под Медведицей гиперборейской / Злобные...*» (Вергилий. «Георгики»)⁷.

Вергилий называет «гиперборейскими» все северные земли, в процитированном выше отрывке говорится о бесстрашных скифах, бесчинно пирующих долгими зимними ночами. Эти люди, как свидетельствует римский поэт, не боятся северной стужи, превращающей одежду в лед прямо на теле человека, не опасаются встречи с диким зверем и не догадываются об аполлонических наслаждениях – пении и танцах.

Как очевидно, перед нами две полярные мифоверсии: греческий гиперборейский топос пронзительно светел, полон тепла, аполлонически ясен, а мир гипербoreев Вергилия – мрачен и суров.

Русской лирике Золотого века оказалась близка светлая, древнегреческая версия мифа, она помогала «оправдывать» неэстетичность, неэкзотичность России как северной страны и служила мифоимпульсом для художественного конструирования российского, а затем и сибирского топосов. Заметим, что русская лирика конца XVIII – начала XIX в. начинается как весенне-летняя (вспомним дружеские послания К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, где как эхо из текста в текст повторяется комплекс мотивов о жизни-отдыхе и жизни-празднике юноши-поэта на лоне цветущей природы). Действительно, чувство родной природы у русских поэтов начала XIX в. формировалось вместе с чувством причастности европейской культуре и литературе, а потому их зрение закономерно смещалось к истокам европейской литературной традиции – к миру Древней Греции и Древнего Рима, и в русском пейзаже акцентировались античные (летние, идиллические) черты.

Бросив беглый взгляд на северную природу, поэты находили возможность антиклизировать и ее: так, В.А. Жуковский вспомнил и воспроизвел в своем стихотворении «Послание к Плещееву» греческий образ «гиперборейской» зимы. Поэт стремился не только «реабилитировать» Север перед лицом роскошного Юга, но и показать самобытную ценность первого. Мир южный, который всегда был привлекателен для поэта-романтика, по мысли Жуковского, – лишь «приманка»: в своей знойной тишине он таит угрозу и гибель (вспомним, призывает поэт, судьбу Геркулана, римского города, который погиб от извержения вулкана): «*Мой друг, взгляни на жребий Геркулана / И не ропщи, что ты гипербoreй...*» (В.А. Жуковский. «Послание к Плещееву», 1812 г.)⁸.

⁶ Лосев 1957, 407.

⁷ Вергилий 1994, 99–100.

⁸ Жуковский 1980, 160.

Бессспорно, северный мир (а «северной» стороной Жуковский называет имение А.А. Плещеева в Орловской губернии) не столь роскошен, как итальянский или испанский; в зимнюю пору жизнь скована мертвой тишиной и морозом: «*Ты сетуешь на наш климат печальный! / И я с тобой готов его винить! / Шесть месяцев в одежде погребальной / Зима у нас привыкнула гостить...*» (В.А. Жуковский. «Послание к Плещееву», 1812 г.)⁹.

И все же никто не властен сковать творческую фантазию: благодаря поэтической мечте (своеобразной аполлонической интенции), снежное и метельное пространство можно преобразить в весеннее (как пишет Жуковский: «*Кто запретит в медвежьих сапогах... / По холодку на лыжах, на коньках / Идти с певцом в пленительных мечтах / На снежный холм, чтоб зимнюю натуру / В ее красе весенней созерцать...*»). К тому же сама зима не вечна, она есть отдых природы, но спасительный дух жизни пролетит¹⁰ и пробудит весенние витальные силы. В послании к другу у Жуковского рождается образ гипербoreйца-читателя и поэта: силой своего аполлонического вдохновенья он «согревает» и преображает зимний мир, мечтая о весне; а прелести зимы открывает вместе с текстами Г. фон Клейста и Дж. Томсона (кстати, поэма Томсона «Зима» – первая из его цикла «Времена года» (1726–1730 гг.)): «*Томпсон и Клейст, друзья, певцы природы, / Соединят вокруг нас ее красы!*»¹¹. Таким образом, в русской классической литературе на заре XIX в. рождался миф о счастливой (поэтически насыщенной) жизни читателя и поэта-гипербoreйца.

Гипербoreя – условный топос, и поскольку Россия – северная страна, то все ее пространство – «гипербoreйское». Однако русских поэтов интересовала и более конкретная «география» мифа. В малоизвестном стихотворении В.Ф. Раевского «Послание Г.С. Батенькову» «гипербoreйская» земля получает еще одно географическое определение: земля эта находится там, «*где Лена, Обь волной / В гранитные брега плескают*»¹², иначе говоря, это – сибирский край. Раевский акцентирует: природа Сибири скучная, зимой здесь едва теплится жизнь, зато это пространство свободы мысли, здесь человек хранит семейный покой, сюда удаляются от битв и странствий. Именно так и сделал Г.С. Батеньков по окончании войны 1812 г., он поселился в своем родовом сибирском имении: «*Простясь с неласковой судьбою, / С печальным опытом, с мечтою, / Ты удалился на покой / Туда, где Лена, Обь волной / В гранитные брега плескают / И по седым во мгле лесам / К Гипербoreйским берегам, / Во льдах волнуясь, протекают...*» (В. Раевский. «Послание Г.С. Батенькову», 1818 г.)¹³.

В черновом варианте послания был дан невыразительный вариант художественной топологии Сибири; последние три строфы, из приведенных выше, звучали: «*И меж незнаемых лесов / До моря ледяных брегов, / Волнуясь, быстро пробегают...*»¹⁴. Поиск нужного слова, выбор определения «гипербoreйский» демонстрируют, что Раевский был знаком с литературной традицией, восходящей к

⁹ Жуковский 1980, 158.

¹⁰ Жуковский 1980, 159–160.

¹¹ Жуковский 1980, 158.

¹² Раевский 1952, 104.

¹³ Раевский 1952, 104–105.

¹⁴ Раевский 1967, 191.

античной мифологии, и он осознанно намекал на этот литературно-культурный континуум смысла.

Для понимания послания необходимо обратиться к биографическому контексту и уточнить: текст адресован Гавриилу Степановичу Батенькову (другой вариант написания фамилии – Батенков), который родился в 1793 г. в Тобольске. Батеньков – бесстрашный русский офицер, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, поэт, единственный декабрист-сибиряк.

Примечательно, что Сибирь у будущего декабриста Владимира Раевского предстает покойной и потому счастливой антиномией пространству столичных политических битв. Несмотря на суровый климат, именно Сибирь – это идиллический топос русской жизни; русский гипербореец, по мысли Раевского, знает цену аполлоническим наслаждениям – чтению, философствованию. Сибирская природа хотя и не названа роскошной или полноцветной, но это пространство интеллектуальной свободы: «*Где все в немых пустынях спит, / Где чуть приметен блеск природы, / Но где живут сыны свободы, / Где луч учения горит!..*» (В. Раевский. «Послание Г.С. Батенькову», 1818 г.)¹⁵.

Важно, что, по мысли Раевского, именно в Сибири человек погружается в семейный покой, обретает надежную пристань. Удаленная от эпицентров исторических событий (и в этом видится ее истинная прелесть), Сибирь полна мирной тишины: «*Туда кровавою рукой / Войну, убийства и пожары / Не понесет никто с собой!..*»¹⁶. Отстраненность от кипучей мировой политической и культурной жизни не означает интеллектуальной отсталости: книжная полка сибиряка довольно богата: «... В беседе там красноречивой / С тобой великий Архимед, / Декарт и Кант трудолюбивый / И Гершель с циркулом планет!» (В. Раевский. «Послание Г.С. Батенькову», 1818 г.)¹⁷.

В библиотеке Батенькова есть сочинения Архимеда, маркирующие его интерес к математике, физике, механике, к строительству и введению в жизнь инженерных проектов. В 1817 г. Гавриил Степанович приехал в Томск, где руководил работами по благоустройству улиц и строительству моста (в то время в Томске шла укладка гравийных дорог вместо полусгнивших деревянных мостовых, возводился мост через реку Ушайку). Кстати, сам Батеньков планировал соорудить металлический мост (по примеру петербургских), но в итоге остановился на деревянном; возведенный под его руководством, мост прослужил томичам более 100 лет.

Наш герой не чужд европейскому просвещению: в библиотеке Гавриила Степановича достойное место заняли философы Декарт и Кант. Поэты пушкинского круга называли подобного рода философию *скучной*¹⁸, но будущие декабристы и свободолюбивые студенты с вниманием относились к немецкой философии (вспомним о «поклоннике Канта» – Владимире Ленском из пушкинского романа)¹⁹. Труды Гершеля-астронома на книжной полке свидетельствует о «космичности» планов Батенькова: он считал, что для разгадывания тайн Земли нужны сведения о космосе.

¹⁵ Раевский 1952, 104–105.

¹⁶ Раевский 1952, 105.

¹⁷ Раевский 1952, 105.

¹⁸ Пушкин 1974, 308.

¹⁹ Пушкин 1975, 33.

Сибирь, по мысли Раевского, – гостеприимный край (действительно, Батеньков не раз приглашал друга в гости); впрочем, автор горько сетовал на несбыточную мечту – приобщиться к сибирскому покою: «*Почто ж зовешь меня, мой друг, / Делить все радости с тобою? / Могу ль покоем обладать?...*²⁰». Мечтательной интонацией полны и строки о том, что суровому краю не ведомы пороки мира европейского: здесь ... *все в гармонии с душою, / И чужд клевет и злобы слух...*²¹. Мирная, гостеприимная и дорогая сердцу Сибирь в тексте Раевского – это воплощенный рай для деятельного и свободомыслящего читателя-гражданина.

Наверняка в дружеской переписке Батенькова и Раевского неоднократно заходила речь о чтении, о книгах, но накануне ареста Гавриил Степанович уничтожил эти письма. Сохранились лишь письма Батенькова, датированные 1816–1819 гг. и обращенные к близкому другу – А.А. Елагину, участнику заграничных походов 1813–1815 гг., поклоннику немецкой идеалистической философии. Как мы уже упоминали, Гавриил Степанович был единственным декабристом-сибиряком, его возвращение в родное имение в 1817 г. оказалось вызвано и стремлением помочь матери, и желанием служения Родине (известно, что Батеньков принимал деятельное участие в снабжении Томска питьевой водой – создании резервуара чистой воды для горожан). Как писал он сам, легко переходя от прозы к поэзии, в сибирских просторах природных холод сдается перед теплом дружеского участия: «*В стране Борея, вечно льдистой, / Где нет движенья веществу, / ... Где солнце полгода сияет; / Но, косо падая на льдах, / Луч яркой в радужных цветах / Скользит – и тотчас замерзает... / Я буду жить в пустыне той, / Огнь дружбы гресть меня там станет...*²²» (с. 97).

Конечно, Батеньков замечал в своем внутреннем мире черты *жителя угрюмой Сибири*²³, но ему, как истинному гиперборею (в греческой мифоверсии), были знакомы и аполлонические восторги, в одном из писем Елагину Гавриил Степанович восклицал: «... Третьего дня девушки с удовольствием слушали, как я читал им *Людмилу* и *Громобоя*, они похвалили мое искусство, и я, пришед домой, прыгал от радости до тех пор, пока проклятые раны в моей левой ноге не доложили мне, что опоздал уже резвиться... Бываю иногда и стихотворцем. Недавно семидесятилетний старик взбесил меня своим слишком механическим поцелуем прекрасной ручки...»²⁴. И взбешенный Батеньков тут же написал «*весъма порядочный экспромт*»²⁵.

Читал Гавриил Степанович действительно очень много. Его библиотека не ограничивалась одними художественными текстами (заметим, что романтические баллады Жуковского, о которых выше идет речь, написаны в 1808 («*Людмила*») и в 1810 («*Громобой*»), и уже в 1817 г. они читаются Батеньковым для сибирских провинциальных дев). На его книжной полке стояли сочинения Ломоносова, Державина, Хераскова, Карамзина. Батеньков в Томске и Тобольске читал труды по механике, физике, астрономии, философии, этнографии, гидравлике, по грамма-

²⁰ Раевский 1952, 104.

²¹ Раевский 1952, 104.

²² Батеньков 1989, 97.

²³ Батеньков 1989, 113.

²⁴ Батеньков 1989, 113.

²⁵ Батеньков 1989, 113.

тике иностранных языков (английскому, немецкому и французскому); как свидетельствует описание его библиотеки, интересы этого читателя-сибиряка чрезвычайно разносторонни²⁶.

Итак, в отечественной литературе начала XIX в. рождался миф о Сибири «гиперборейской», его генезис восходил к древнегреческому мифосюжету о счастливой жизни юношей – слуг Аполлона, не знающих о вражде и страданиях, проводящих жизнь в радости и творческих наслаждениях – пении и танцах. В дружеско-поэтическом общении В.Ф. Раевского и Г.С. Батенькова 1817–1819 гг. Сибирь тоже оказалась наделена «гиперборейскими» чертами: акцентирована блаженная удаленность от политических сражений, домашний покой, гостеприимство, дружеское участие. Известны сибирякам и аполлонические восторги: творчество и чтение.

В заключение отметим, что судьба сыграла с Владимиром Раевским и Гавриилом Батеньковым злую шутку: Владимир Федосеевич не захотел приехать в Сибирь в качестве гостя, но побывать в этих местах ему все-таки пришлось; Отчизна обошлась с ним неласково. Раевский несколько лет еще до декабрьского восстания провел под арестом, а 25 октября 1827 г. по приговору следственной комиссии был лишен чинов, дворянства и сослан в Сибирь на поселение, вернулся из ссылки лишь в 1856 г. Напротив, Батеньков годы своего заключения после декабрьского восстания провел в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости. И даже после девятнадцатилетнего заключения вернулся в родные сибирские места в качестве ссыльного.

Чтение для сосланных декабристов стало избавлением от одиночества, Александр Бестужев признавался в письмах, что много читает или, как говорил он сам, часто беседует с более неизменными друзьями – книгами²⁷. Круг чтения ссыльных поражает: так, у Сергея Кривцова были издания по истории, политике, философии, географии, праву; было много художественных текстов: среди авторов встречались имена античных философов, а также имена писателей и поэтов – современников декабриста (Карамзина, Батюшкова, Пушкина). Характеризуя этот безмерный книжный спектр, брат Кривцова писал: «... *Все завоевания века ему знакомы и близки, и, вернувшись в общество, он будет на одном уровне со всеми, а по существу будет и выше общего уровня, благодаря размышлению, которые питали в нем разнообразные перипетии его жизни...*»²⁸.

В преддверии 1825 г. мифу о счастливой «гиперборейской» Сибири не суждено было осуществиться, однако его литературные «осколки» позволяют увидеть в сибирском пространстве позитивные интенции, свидетельствующие о богатой семантической «окраске» сибирского интертекста, и не последнюю роль в этой светлой черте сибирской топологии сыграли книги. Благодаря книгам-друзьям Сибирь оказалась своеобразным «читальным залом» для вдумчивого просвещенного человека.

²⁶ Канунова 2006, 77–80.

²⁷ Дунаева 1967, 48.

²⁸ Цит. по: Дунаева 1967, 49.

- Алексеев, М.П. 1984: *Пушкин: Сравнительно-исторические исследования*. Л.
- Батеньков, Г.С. 1989: *Сочинения и письма*. Т.1. *Письма*. Иркутск.
- Вергiliй 1994: *Собр. соч.* СПб.
- Дунаева, Е.Н. 1967: *Декабристы и книги*. М.
- Жуковский, В.А. 1980: *Сочинения*: в 3 т. Т. 1. М.
- Канунова, Ф.З. 2006: Библиотека Г.С. Батенькова в Томске. *Вестник Томского государственного университета* 291, 77–80.
- Карлова, Т.С. 1974: О структурном значении образа «мертвого дома». В кн.: *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 1. Л., 135–147.
- Лосев, А.Ф. 1957: *Античная мифология в ее историческом развитии*. М.
- Лотман, Ю.М. 1988: Декабрист в повседневной жизни. В кн.: Ю.М. Лотман (ред.), *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*: Кн. для учителя. М., 158–205.
- Мифы народов мира: Энциклопедия* 1997: в 2. т. Т. 1. М.
- Пиндар. Вахрилид 1980: *Оды. Фрагменты*. М.
- Пушкин, А.С. 1974: К студентам. В кн.: *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 1. М., 308–310.
- Пушкин, А.С. 1975: Евгений Онегин. В кн.: *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 4. М., 7–182.
- Раевский, В.Ф. 1952: Послание Г.С. Батенькову. В кн.: В.Ф. Раевский (ред.), *Стихотворения*. Л., 104–105.
- Раевский, В.Ф. 1967: Первая редакция. Послание Батенькову. В кн.: В.Ф. Раевский (ред.), *Полное собрание стихотворений*. М.–Л., 191–192.
- Тюпа, В.И. 2009: Сибирский интертекст русской литературы. В кн.: В.И. Тюпа (ред.), *Анализ художественного текста*. М., 254–263.
- Штерн, М.С. 2005: Текст провинциального города в творчестве Ф.М. Достоевского. В кн.: М.С.Штерн, Т.И. Подкорытова (ред.), *Культурологические аспекты анализа литературного произведения: учебно-методическое пособие*. Омск, 78–91.

REFERENCES

- Alekseev, M.P. 1984: *Pushkin: Srovnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin: Comparative-historical Literary Criticism]. Leningrad.
- Baten'kov, G.S. 1989: *Sochineniya i pis'ma*. [Essays and Letters]. T.1. *Pis'ma*. [Letters]. Irkutsk.
- Dunaeva, E.N. 1967: *Dekabristy i knigi* [Decembrists and Books]. Moscow.
- Kanunova, F.Z. 2006: Biblioteka G.S. Baten'kova v Tomske. [Batenkov's Library in Tomsk]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University] 291, 77–80.
- Karlova, T.S. 1974: O strukturnom znachenii obrazu «mertvogo doma» [On the Structural Meaning of the Image of the “Dead House”]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. T. 1. Leningrad, 135–147.
- Losev, A.F. 1957: *Antichnaya mifologiya v eye istoricheskem razvitiu* [Ancient Mythology in its Historical Development]. Moscow.
- Lotman, Yu.M. 1988: Dekabrist v povsednevnoy zhizni [Decembrist in Everyday Life]. In: Yu.M. Lotman (red.), *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'*: Kn. dlya uchitelya. [In the School of a Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol: A Book for the Teacher]. Moscow, 158–205.
- Mify narodov mira: Enciklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia] 1997: v 2. t. T. 1. Moscow.
- Pindar. Vakhrilid 1980: *Ody. Fragmenty* [Odes. Fragments]. Moscow.

-
- Pushkin, A.S. 1974: K studentam [To students]. In: *Sobr. soch. [Collected Works]*: v 10 t. T. 1. Moscow, 308–310.
- Pushkin, A.S. 1975: Evgeniy Onegin [Evgeniy Onegin]. In: *Sobr. soch. [Collected Works]*: v 10 t. T. 4. Moscow, 7–182
- Raevskiy, V.F. 1952: Poslanie G.S. Baten'kovu [The Letter of G.S. Batenkov]. In: V.F. Raevskiy (red.), *Stihotvoreniya [Poems]*. Leningrad, 104–05.
- Raevskiy, V.F. 1967: Pervaya redakciya. Poslanie Baten'kovu [First Edition. The Letter of G.S. Batenkov]. In: V.F. Raevskiy (red.), *Polnoe sobranie Stihotvorenij [Complete Collection of Poems]*. Moscow–Leningrad, 191–192.
- Tyupa, V.I. 2009: Sibirskiy intertekst russkoy literatury [Siberian Intertext of Russian Literature]. In: V.I. Tyupa (red.), *Analiz hrudozhestvennogo teksta [Analysis of Literary Text]*. Moscow, 254–263.
- Shtern, M.S. 2005: Tekst provincial'nogo goroda v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Text Provincial City in the Creation of F.M. Dostoevsky]. In: M.S. Shtern, T.I. Podkorytova (red.), *Kulturologicheskie aspekty analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebno-metodicheskoe posobie [Cultural Aspects of Literature Analysis: a Textbook]*. Omsk, 78–91.
- Vergiliy 1994: *Sobranie sochineniy [Collected Works]*. Saint-Peterburg.
- Zhukovskiy, V.A. 1980: *Sochineniya [Compositions]*: v 3 t. T. 1. Moscow.

THE MYTH OF “HYPERBOREAN” SIBERIA AND THE IMAGE OF SIBERIAN READER IN RUSSIAN LITERATURE OF THE BEGINNING OF THE 19th CENTURY

Nadezhda B. Prodanik

*Omsk State Pedagogical University, Russia,
omsk.nadezhda@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the genesis and filiation of the myth of Siberia “Hyperborean” in the poetry of Vladimir Rayevsky and correspondence of Gavril Baten’kov. The provenance of the myth about Hyperborea is found in ancient mythology and literature – in the lyrics of Pindarus and Vergilius: poets recreate two dissimilar myths about the blessed, happy, summer Hyperborean land (Pindarus) and the harsh, cruel, winter Hyperborea (Vergilius). Anthological imagery is inherited by Russian poets – V.A. Zhukovskiy, A.S. Pushkin at the beginning of the 19th century, the life of the poet in Russia is filled with light, happiness, Apollonian delights.

Poets-Dyiecmbrists combined the Ancient Greek and Roman versions of the Hyperborean myth: the distinctive features of the Siberian space are the home peace; the happy remoteness of Siberia from capital political battles; healthy and severe climate. Siberians were known Apollonian delights: creativity and reading. The circle of reading is wide enough: here we find texts of very different subjects and languages – literature, science and philosophy and religious; texts in Russian, English, French and German.

After the December uprising mythopoetic idyll was interrupted. Siberia became a place of exile and prison for the nobility. Read was only intellectual pleasure, and the book – a true friend.

Key words: ancient mythology, ancient literature, Russian poetry of the Golden Age, Russian culture in the beginning of the 19th century, the myth of Siberia “Hyperborean”, Siberian reading, creativity V.F. Rajewski, correspondence G.S. Baten’kov

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ КОМЕДИИ В.В. МАГАРА В СЕВАСТОПОЛЕ

Е.А. Смирнова

Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург,
helengri@mail.ru

Аннотация. Творчество режиссера Владимира Владимировича Магара, руководившего Севастопольским русским драматическим театром имени А.В. Луначарского в течение четырнадцати лет, совершенно не изучено. Данная статья продолжает серию публикаций о нем, анализируя поэтику его спектаклей разного периода, условно объединенных общей темой. Исследование его режиссерской манеры может стать показательным для выявления закономерностей, характерных для региональной театральной жизни, и восстановить страницы истории русского театра, выпавшие из контекста исследовательской работы. На примере как давних «сентиментальных комедий» режиссера («Подруга жизни» Л. Корсунского (1997), «Дорогая Памела, или Как нам пришить старушку?!...» Дж. Патрика (2003)), так и спектакля текущего репертуара «Голубка» по пьесе М. Дьярфаша «Проснись и пой» (2012) прослеживается усложнение режиссерской методологии, что свидетельствует о высоком профессиональном уровне спектаклей театра имени А.В. Луначарского. Устанавливается наличие таких способов организации спектакля, как монтажное построение действия (или его элементов), контраст и соединение игрового способа существования актера и проживания роли. Игровой способ и проживание рассматриваются как условия создания актерского ансамбля, являющегося одной из самых сильных сторон режиссуры В.В. Магара. Исследуется роль сценографии, пластики, музыки и прочих составляющих драматического действия. Статья основана на использовании сравнительно-исторического метода, личном зрительском опыте ее автора и анализе прессы, посвященной спектаклю. Указанные закономерности организации спектаклей поддерживали определенную профессиональную планку театра и способствовали развитию русского регионального театрального искусства.

Ключевые слова: Владимир Магар, Севастопольский театр имени А.В. Луначарского, спектакль «Подруга жизни», спектакль «Дорогая Памела», спектакль «Голубка», режиссерская методология, проживание, игровой способ существования, монтажное построение, лейтмотив

Севастопольский русский драматический театр имени А.В. Луначарского за 105-летнюю историю своего существования прошел несколько этапов развития, обусловленных политикой его руководителей. Наиболее содержательным для театроведа периодом представляются 1990-е–2010-е гг., связанные с именем Влади-

---

Смирнова Елена Александровна – аспирантка РИИИ.

мира Владимира Магара. С 2000 по 2014 гг. он был художественным руководителем театра имени А.В. Луначарского. Его творчество в этом театре можно условно разделить на периоды: от легких комедий к романтическим произведениям, затрагивающим основные вопросы человеческого существования.

Пресса освещала деятельность В.В. Магара крайне скрупульно, особенно период 1990-х – начала 2000-х гг. Те немногочисленные статьи, что стали появляться в дальнейшем, не давали представления ни о творческой методологии режиссера, ни о поэтике его спектаклей.

Имеет смысл проанализировать приемы и методы режиссерской методологии Магара, использованные в его ранних работах в этом театре, поскольку очевидна их преемственность и в дальнейшем творчестве постановщика. Следует также определить основные параметры постановок (сюжет, жанр, способ компоновки материала и т.д.) и их усложнение со временем.

В 1993 г. Магар, руководивший Московским драматическим театром им. Эгадзе, выросшим из театра-студии, в качестве приглашенного режиссера поставил в театре им. А.В. Луначарского свой первый спектакль «Плоды просвещения» по Л.Н. Толстому. После него состоялось еще несколько работ постановщика на этой сцене, а затем он возглавил театр – после скоропостижной смерти М.Е. Кондратенко в 2000 г. В это время Магар создал несколько комедий, представлявших на тот момент его любимый жанр: «Подруга жизни» Л. Корсунского (1997), «Темная история, или Фантазии на тему “Черного квадрата” Казимира Малевича» П. Шеффера (1999), «Миллениум, или Новый Новый Год» (2000) по пьесе Н. Птушкиной. Спектакль Магара «Дорогая Памела, или Как нам пришить старушку?!..» по пьесе Дж. Патрика появился немногим позже, в 2003 г., но его можно отнести к тому же жанру.

Много лет спустя Магар создал «Голубку» по пьесе М. Дьярфаша «Проснись и пой» (2012), в которой неуловимо угадывались взгляд на жизнь и манера постановщика «Подруги жизни». И хотя все три постановки – «Подруга жизни», «Дорогая Памела, или Как нам пришить старушку?!..» и «Голубка» – очень разные, в них можно найти общее, свойственное методологии этого режиссера, усложнившееся со временем, и отнести их к своеобразным «сентиментальным комедиям». Такое определение уместно применить к этим комедийным спектаклям потому, что в них именно эмоциональная составляющая, преобладая над фабулой, и создает основную драматическую активность происходящего на сцене. Можно сказать о том, что постановщик выступает своего рода наследником мировой литературоведческой традиции, изучающей этот жанр европейской драматургии XVIII в., поскольку чувствительность воспринимается им в соответствии с ранними представлениями сентименталистов: как «панацея от социального и нравственного зла, средство гармонизации человеческих и общественных отношений»¹. Эта чувствительность, шире понимаемая как человечность, является основой и зрительского восприятия указанных постановок.

Мелодраматический сюжет «Подруги жизни» был незатейлив и немного схож с пьесой Н. Птушкиной «Пока она умирала», регулярно идущей на сценах провинциальных театров, как и комедия Л. Корсунского. Магар тоже отдал ей

¹ Кожевников 2001, 3.

дань, поставив весной 2000 г. и снабдив характерным названием: «Миллениум, или Новый Новый Год». Но, как и в созданной годом ранее «Темной истории, или Фантазиях на тему “Черного квадрата” Казимира Малевича», сюжет пьесы здесь стал лишь одной из составляющих красочного действия, сочиненного режиссером. В масштабных массовых сценах «Миллениума» с Диной танцевал Вронский, происходило много других удивительных событий. В «Подруге жизни» не было массовых сцен, оставлено ее исконное количество действующих лиц – четверо, и постановка вращалась только вокруг ее лирического сюжета. Из текста были исключены все излишние бытовые подробности, вроде сырников, заказанных Феликсом на ужин, и поездок «на морковку», о чем сообщает матери Ирина, сюжеты ее сновидений и тому подобное, но оставлены самые «репризные» сентенции, например: «...муж – это нагрузка к ребенку» или «На кой мне эта икебана?» (слова Комарова о предложенном ему шампанском). Режиссер добавил несколько шуток вроде пакетика собачьего корма, которым Комаров (Борис Чернокульский) угощает Феликса (Анатолий Бобер). Он подчеркнул комические моменты, которые выделяются в каждом его спектакле. Неизменный смех в зале вызывала «погоня» Ирины за недотепистым «женихом», забавные попытки мужчин утверждаться друг перед другом и то, как Феликс, урча, жадно поглощал пищу.

Этот спектакль был одним из немногих, созданных Магаром повествовательным способом, в котором прослеживаются четкие причинно-следственные связи. Сюжет пьесы, проходящий через несколько дней, казался помещенным в один, настолько мало менялось сценическое пространство, что тоже нехарактерно для дальнейших работ режиссера. Только ночной разговор Надежды Андреевны и Ирины был выделен световым акцентом: сцена залита синим полумраком, и все предметы приобретали призрачный отблеск, как и белая ночная рубашка Ирины.

Художник Виталий Оксюзов создал подробную бытовую декорацию – просторную комнату. Слева от зрителя – ванна, в которой замочено белье, и куда смешно падает Феликс, спасаясь от неуклюжих заигрываний отчаявшейся Ирины. Далее – диван, стол и стулья, а в правой части – облезлый старенький холодильник, плита и раковина. Перемены в душевном состоянии героев отображались только в их костюмах. На Ирине (Юлия Нестранская) – строгий синий костюм, указывающий на то, что она – «синий чулок». На финальных поклонах на ней появлялось кокетливое подвенечное мини-платье и фата. Ее мать в исполнении Людмилы Кара-Гяур более всех преображалась по ходу действия. Вначале мы видели худую, угловатую Надежду Андреевну в рейтзурах «под леопарда», толстых носках, длинной мужской рубашке и бесформенной, тоже похожей на мужскую, куртке. К приходу Феликса она переодевалась по просьбе дочери и представляла перед ним в пестром кимоно, с воткнутыми в наспех уложенную прическу цветными нитяными клубками. В сцене с Комаровым на ней оказывался красивый жилет, белая блузка, длинная юбка и туфли на каблуках, делавшие ее фигуру изящной и женственной. Одежда Комарова проходила трансформацию от мешковатых коричневых брюк и «бомжеватого» свитера до элегантного пальто и шляпы, а растрепанные седые космы оказывались тщательно причесаны. Феликс, в первых сценах представавший в костюме (правда, к приходу Комарова он оставался только в пиджаке и «семейных» трусах), появлялся в джинсах с дырками на коленях, которые затем сменял нарядный костюм жениха.

Наиболее содержательным в этом спектакле, выводящим его за грань незамысловатой лирической комедии и обеспечивавшим ему постоянный зрительский успех в течение многих лет, было актерское существование. Система ролей была построена вроде бы и с помощью проживания, но отличавшегося такой буффонностью и эксцентрической окраской, что оно превращалось в своего рода игру. Здесь игра была практически неотделима от чувства и служила для творческого преобразования мира и «гармонизации отношений». Пара Ирина-Феликс – это рефлексия той творческой энергии, которую аккумулировал в себе дуэт старших героев – Надежды Андреевны и Сергея Павловича.

Критикой отмечена «многожанровость» спектакля – «от фарса до мелодрамы, с обертонами от бытовых до романтических»². В основном это достигалось за счет актерских работ.

Именно для того, чтобы создать острохарактерный образ Надежды Андреевны, Магару понадобилась неповторимая индивидуальность Л.Б. Кара-Гяур. В театре были еще великолепные актрисы старшего поколения – та же С.Ф. Рунцова, мать режиссера, всегда по праву считавшаяся одной из самых выдающихся актрис театра им. А.В. Луначарского, но обладавшая более лирическим, чем характерным, талантом. Многолетний учитель Людмилы Кара-Гяур, ее муж и партнер Е.Н. Кара-Гяур, говорил: «В чем причина ее сценического обаяния и этой силы воздействия на зал, я до сих пор не знаю»³. Скорее всего, это можно сформулировать так: в легкости переходов от лирики к буффонаде, в неуловимом сращивании игрового способа и переживания. Так создана в этом спектакле роль Надежды Андреевны. Критик Н. Ермакова написала о ней: «Этот персонаж – смесь эксцентричности, элегантности, лиризма, бытовой правды, женственности, остроумия, грусти, ироничности, достоинства и еще Бог знает чего – провокативно, игриво выплеснутого на подмостки в форме целиком законченного характера»⁴.

Актерская амплитуда Кара-Гяур колебалась от горьких интонаций шекспировского Лира, когда Ирина предлагала ей освободить квартиру, до переливчатого смеха застенчивой девчонки в ответ на тост Комарова. Каждая шутливая реплика звучала еще более объемно в ее исполнении. То, как она смотрела своими огромными, глубокими карими глазами на чавкающего Феликса, щадя чувства дочери и заставляя себя молчать, выдавало ее внутреннее смятение, превращаясь в своего рода трагическую клоунаду. Когда пожилая пара танцевала под «Я помню “Лунную рапсодию”», по щекам Надежды Андреевны катились слезы. И тут же она бросала в зал реплику, тонущую в хохоте. Переход от лирики к фарсу осуществлялся актрисой мгновенно, казалось, одним движением ресниц, обрамляющих ее бездонные глаза.

Еще в 1988 г. в связи с ролью грабителя Селздона в постановке В.С. Петрова «Театр» Н. Троицкая написала о Борисе Чернокульском так, как многие годы пишут об этом выдающемся актере, и что каждый раз неизменно оказывается правдой, хотя звучащей всегда по-разному: «Чернокульский фантастически естествен... наделен редкой способностью произносить текст как свой. Он ищет со-

² Ермакова 2002, 5.

³ Слава Севастополя 26.05.2006.

⁴ Ермакова 2002, 4.

циальную природу образа и играет биографию своего персонажа»⁵. Эти же слова могут быть в полной мере использованы для характеристики его Комарова.

Необходимо отметить, что в подобной драматургии Чернокульский всегда обладал свойством укрупнять роль. Много лет спустя А. Сенченко задаст вопрос в одной из статей в связи с 80-летием актера: «Что заставляет, глядя на тщедушного седовласого человека (отнюдь не высокого роста), видеть в нем настоящего гиганта, бонвивана и красавца?»⁶ Действительно, талант актера, его кипучая энергия, несмотря на преклонный возраст, и высокая требовательность к себе обладают таким свойством на протяжении всей его многолетней работы в театре.

Как и Л.Б. Кара-Гяур, Б.И. Чернокульский в «Подруге жизни» играл «крупным планом», придавая почти шекспировский масштаб переживаниям своего героя, его попыткам доказать партнерше, что они давно знакомы, и надежде на взаимную любовь. Забавный текст становился еще смешнее за счет тех трагических нот, которые вносил в постановку актер.

В постановке, наряду с сочными комедийными моментами, была акварельная психологическая тонкость – вроде того жеста, по которому Комаров «узнает» Надежду. Скорее всего, непроизвольно режиссер «улучшил» характеры действующих лиц, сделав их добре и симпатичнее, чем у драматурга. Здесь, как будет через 15 лет в «Голубке», такая же подлинность эмоций, отточенность диалогов, афористичность реплик, чувство партнера и зала. Это стало основными характеристиками «Подруги жизни», созданной отнюдь не в духе общего места мелодрамы.

Н. Ермакова сравнила эту работу севастопольского режиссера со спектаклем А.А. Васильева «Взрослая дочь молодого человека» (1979), поставленном в Московском театре им. К.С. Станиславского. Для нее предметом сопоставления стало внимание режиссера к внутреннему миру его героя⁷, и, продолжая ее мысль, нужно признать и отсутствие социальности, также характерное для постановки А.А. Васильева. Это сравнение не кажется слишком смелым. На наш взгляд, действительно есть некоторые точки соприкосновения. «Анатолий Васильев воссозданное до мелочей бытовое пространство наполнил удивительно непринужденной и игровой атмосферой, когда каждая реплика давалась с легкой долей шутки и издевки, словно бы в проброс»⁸, – эта мысль автора анонса к телеверсии спектакля представляется достаточно важной. Для «Подруги жизни» также характерно похожее сочетание игры и быта, которое превращает само пространство спектакля в лирическое, населенное поэтами, приподнявшимися над обыденностью. Вслед за исследователями творчества А.А. Васильева (П.Б. Богдановой и др.) оказывается уместным проанализировать и давний спектакль Магара в сходной системе координат.

Спектакль «Дорогая Памела, или Как нам пришить старушку?..» по фарсу Дж. Патрика в афише был назван музыкальной комедией. Созданный также на основе причинно-следственных связей, он сочетал в себе элементы как традиционного, так и монтажного способов построения, которые впоследствии будут отли-

⁵ Слава Севастополя 28.02.1988.

⁶ Слава Севастополя 10.11.2012.

⁷ Ермакова 2002, 5.

⁸ Взрослая дочь молодого человека 2016.

чать все постановки Магара. В спектакле были некоторые сцены, представлявшие собою завершенные фрагменты, объединенные музыкальными лейтмотивами. Постановку пронизывали два основных лейтмотива, превращавшихся в сюжето-образующие метафоры. Это «Moneu» из кинофильма «Кабаре» и лейтмотивная мелодия из мюзикла «Hello, Dolly». Под острое, гротескное звучание «Moneu» появлялся и делал первые танцевальные па дуэт молодых жуликов – Брэда Винера (Андрей Бронников) и Глории Гулок (Мария Брусицына). Эта музыка олицетворяла собою всякие мошеннические замыслы, под нее происходили танцы и потасовки. В финале обыгрывалось само слово, давшее название композиции, и Памела приносила с чердака чемодан. Открыв его, собравшаяся компания обнаруживала, что он набит пачками денег.

Нежные звуки «Hello, Dolly» сопровождали основные действия Памелы (Людмила Кара-Гяур) – ее молитвы, сбор всей компании за рождественским столом. В один из моментов она говорила о том, что покойный муж называл ее Долли. Ближе к финалу, когда ей наконец-то становилось очевидным предательство ее новых «друзей», Памела-Долли и превращалась в сломанную куклу: глаза наливались слезами, бессильно повисали руки, заплетались ноги; шатаясь, она делала несколько нетвердых шагов по авансцене под замедлявшуюся, будто тоже «сломавшуюся» мелодию.

Постановщик немного сократил текст пьесы, добавив один существенный момент: спектакль начинался монологом-письмом Памелы к Богу, в котором она благодарила его за всю прожитую жизнь. Экспозиция сразу же задавала действию экзистенциальное измерение. Среди действующих лиц не было Врача страховой компании и Человека театра. Магару не требовалось лишнего указания на театральность происходящего. Ее воплощали такие элементы сценографии, как карнавальные шапочки, розданные Памелой Солу, Брэду и Глории для празднования сочельника, а также заменявшая входную дверь рама, объединившая в себе функции экрана, телевизора и дополнительной сценической площадки.

Автором сценографии была Татьяна Карасева. Художница по-своему поняла рекомендации драматурга. «Вообще, все здесь напоминает свалку: какие-то бочки, пустые бутылки, коробки, связки пожелтевших газет, обломки скульптур. Справа входная дверь, слева лестница, ведущая наверх...», – указывает первая ремарка. Жилище Памелы выглядело чрезвычайно нарядно и клоунски-экстравагантно. Слева действительно была винтовая лестница, под ней – проволочная фигура огромного кота в шутовском полосатом колпаке на одном ухе. Плетеными из проволоки также были основания кушетки и пуфов, окружавших массивный стол в правой части сцены. Их сиденья были сшиты из красно-желтой полосатой ткани с помпонами. Кушетка подвешивалась к колосникам, и на ней поднималась Памела в финале и болтала ножками, раскачиваясь, как на облаке. Стол, загроможденный посудой, свечами, банками и прочим хламом, подпирали небольшие кариатиды.

В костюмах использовалось прихотливое рукоделие. Брэд, Глория и Джо Янки (Виталий Полусмак) были облачены в черную кожу, а одеяния Памелы были вязанными, цветными, с помпончиками, и отображали ее сущность трагической клоунессы, держащей на руках игрушечного полосатого кота.

Сразу за лестницей располагалась указанная рама – словно от огромной картины, перевитая сеткой, она заменяла присутствующий в пьесе телевизор и слу-

жила экраном диапроектора (сам аппарат был направлен на нее слева). Здесь в первой сцене транслировались кадры фотопленки, запечатлевшей родителей Памелы, затем спускалось роскошное подвенечное платье, которое Памела дарила Глории. Отсюда появлялись действующие лица и сбегали по ступенькам в комнату Памелы. В этой «картине» рассказывалась в рисунках история аварии, произошедшей с Памелой: вот их с котом сбивает автомобиль, вот ангелы возносят на небеса маленькую фигурку Памелы и огромную – упитанного белого кота, вот с Памелой беседует Господь и отпускает ее на землю. Выполненные в лубочном стиле, рисунки соединяли в себе и фарсовую, и глубокую экзистенциальную сущность.

О постановке написала одна из украинских газет, что «в зависимости от взгляда режиссера пьеса может стать комедией, а может – трагикомедией или фарсом»⁹, называя ее «рождественской историей». В этом словосочетании и заложена суть магаровской «сентиментальной комедии», в которой соединяется смешное и грустное, а фарс раскрывается через душевную боль героини. Человечностью преодолевается все – и смерть, и преступление, а частная история служит для понимания общих законов бытия. «Не ищи звезд на небе, любовь здесь, на земле», – говорила Глории Памела те слова, которых нет в пьесе.

В актерской палитре здесь, как и в «Подруге жизни», сочетались игровой способ (его было немного больше) и проживание. Тот же дуэт – Людмилы Кара-Гяур и Бориса Чернокульского – оказывался в иных условиях существования, превращаясь в квартет с участием пары молодых мошенников. Их взаимодействие строилось постановщиком как многоголосная партитура, в которой вел то один голос, то другой. Пиано лирических сцен превращалось в форте шутливых диалогов и фортиссимо фарсовых перебранок. Если образы Брэда и Глории носили более манящий характер, оставаясь неизменными в течение всего действия, то участники пожилого дуэта демонстрировали многообразие черт своих героев. Памела в исполнении Л.Б. Кара-Гяур действительно была «чудной старушкой», постаревшим, но не повзрослевшим ребенком. И в то же время, когда она в finale обращалась к Богу со словами: «Они моложе меня, им нужно время и время, чтоб, наконец, понять то, что нам с тобой ясно давно...», – в ее глазах светилась мудрость многих поколений любящих женщин. Фарс о Памеле приобретал черты притчи. Особен но трогательны были ее интимно-доверительные молитвы, и в эти моменты, как и в эпизоде воспоминаний о муже, лицо ее вдруг становилось молодым и прекрасным. За эту роль в 2004 г. актриса получила премию имени Г. Апитина Крымского отделения НСТД Украины.

Сол Бозо Б.И. Чернокульского здесь выглядел еще большим «бонвиваном и красавцем», особенно в алом пиджаке с дырками от пуль на спине, преображаясь под воздействием доброты и доверия Памелы. Изначально актер давал «крупным планом» мелкость черт своего персонажа: разнообразная гамма чувств отображалась на его лице при первом упоминании полицейского, а когда он говорил о страховке, оно поэтически светлело. Движения Сола были размашистыми, но незаконченными, будто он обрывал себя, начав что-то делать или куда-то идти. «Ну

⁹ Довгань 2006, 49.

вы, подонки, заткните пасти», – его слова действительно, как говорила Памела, звучали как музыка.

Исполнение Солом и Памелой песни «Hello, Dolly»казалось не вставным номером, а диалогом, почти признанием в любви. Задушевным разговором становились глуховатый низкий голос Чернокульского и прочувствованная выразительная мелодекламация Кара-Гяур. На поклонах ее подхватывали все участники спектакля, делясь своей радостью и любовью.

Эта постановка не давала повода говорить о том, что Кара-Гяур и Чернокульский укрупнили образы своих героев. Здесь режиссер извлек из пьесы то, что скрывалось под нагромождением фарсовых событий, и выяснил через мастерство актеров ее общечеловеческую, экзистенциальную сущность.

Выбрав годы спустя пьесу М. Дьярфаша «Проснись и пой», Владимир Магар удивил всех: на фоне спектаклей «Маскрадъ, или Заговор масок» (2001), «Дон Жуан» (2006), «Женитьба» (2009), «Городничий» (2010) и «Отелло» (2011) этот материал справедливо казался недостаточно масштабным. Незамысловатый сюжет о том, как приехавшая в другой город к тете прелестная девушка перевернула размеренную жизнь соседской семьи, открыв этим немолодым людям (и их сыну) глаза на мир, тем не менее, оказался созвучен и современности, и недавнему прошлому. Недаром в 1970-е гг. постановка М. Захарова и А. Ширвиндта «Проснись и пой» в московском Театре Сатиры пользовалась популярностью, особенно песни из нее. Постановщик по-своему обыграл отношения с ней, тоже наполнив свой вариант вокальными шлягерами, хотя совсем другими. Как и в том спектакле, некоторые песни исполняются под симитированый гитарный аккомпанемент. Тетя (и вместе с нею зрители) также слышит звучащую мелодию «Ave Maria» Ф. Шуберта, когда узнает из слов юной родственницы, что ее просил передать по радио один из бывших возлюбленных. Взаимодействие с постановкой Театра Сатиры происходит и на уровне сценографии: в «Голубке» Магара есть похожий балкон.

Несмотря на симпатии зрителей, критика была строга к «Проснись и пой». Не без некоторых оснований считая постановку очередным вариантом телепередачи «Кабачок 13 стульев», О.Е. Скорочкина писала: «Разумеется, никто и не ждал в том спектакле от Захарова театральных откровений. Понятно, что он как художник не был увлечен этим материалом, что постановка была случайная и проходная. Нелепо предъявлять к ней серьезные претензии – можно только удивляться, что подобную безделушку делал режиссер совсем иных возможностей и умудрился нигде не выдать себя, а просуществовать на уровне и по правилам немудреной игры, продиктованной переводным шлягером. Жизнерадостность героев спектакля не несла в себе ослепительной легкости духа – скорее была обволакивающе-мещанской и перекликалась с дежурным оптимизмом советской эстрады, за-клинившей в те годы: “Вся жизнь впереди, надейся и жди!” Кстати, эстрадное прошлое режиссера с его репризным мышлением, с механическим чередованием “разговоров” и музыкальных номеров именно в этом спектакле дало о себе знать, оно благополучно и победно распустило свои пышные цветы»¹⁰.

Можно предположить, что Магар, стажировавшийся в театре им. Ленинского комсомола и считающий Захарова своим учителем, избежал этих недостатков,

¹⁰ Скорочкина 1990, 109.

хотя сложно признать правоту критика в том, например, что в «Проснись и пой» имелось «механическое чередование “разговоров” и музыкальных номеров» – танцевальные номера, во всяком случае, были гармонично вписаны в ткань спектакля и исполнялись артистами на высоком профессиональном уровне.

Если согласиться с утверждением О.Е. Скорочкиной, что «в венгерском шляхере Захарова как автора не было видно и на его месте спокойно мог быть кто угодно иной...»¹¹, то необходимо заметить, что в «Голубке» очевидно авторство Магара. Стоит также подчеркнуть, что для него этот спектакль вовсе не был проходным, несмотря на качество драматургии. О «театральных откровениях», конечно, и здесь речь не идет, но режиссер явно был увлечен работой – созданием собственной версии. Как отозвалась впоследствии одна из газет, «Владимир Магар привнес в постановку необыкновенный южный колорит, атмосферу морского побережья с бытом крымского городка и его удивительных жителей»¹².

«Голубка» – так в переводе звучит девичья фамилия Эржи Орбок, жены Пищты, что стало отправной точкой для режиссера. События спектакля вместо Будапешта происходят в южном городе, в котором угадывается Севастополь: например, говорится не об «Аквинкуме», а об «Аквариуме» и т.д. Все персонажи носят русские имена. Мифиеский начальник Бодини так легко стал Болдиновым, что, кажется, им всегда и был. Чета Орбоков переименовалась в Сидоркиных, Петра Ивановича и Галину Петровну (это ее звали в школе Голубкой), Карола – в приехавшую из Киева Викторию, а Дьюла – в Диму. Тетя из иностранной «Тони» закономерно превратилась в «нашую» Тоню. Так же легко, как русские имена, герои приобрели и новые детали биографии, и незаметно в искрометности перипетий утонули некоторые сюжетные нестыковки типа советской гражданки-владелицы табачного магазина. Напротив, сохраненные отсылки к советской действительности напоминают элегантную ретроспективу и вносят в спектакль юмор, связанный с моментом узнавания реалий недавнего прошлого. В этом «Голубка» оказалась невольноозвучна «Городничему» (2010), хотя не отличалась сатирической направленностью.

Этот спектакль Магара, как и большинство созданных им, можно назвать многочастным, или многоэпизодным, где каждый фрагмент постановки имеет собственную драматургическую структуру (начало, середину и конец).

На сцене царит красивая осень – светло-золотистая и теплая благодаря художественному оформлению Ирины Сайковской. Художница построила двухуровневый павильон с вышеупомянутым балконом. Это дом главных героев, который легко превращается в эстраду, а окаймляющие палисадник разноцветные лампочки символизируют то осенние листья, то солнце, которое «шагает по бульварам» (об этом поется в одной из песен). Сцена излучает тепло, подобное весеннему, и не случайно на доме виден адрес: «Апрельская, 27». Это – не только дата премьеры, это состояние души постановщиков и героев, передающееся залу.

Будто солнцем пронизаны и костюмы участников. И. Сайковская подражает своему учителю Б.Л. Бланку в стремлении к насыщенности цвета и заострению тенденций моды (в данном случае, 1970-х гг.) Выразительный ретро-стиль одежды подчеркивает индивидуальность персонажей, приближая их к нашим современ-

¹¹ Скорочкина 1990, 109.

¹² Иванова 2014.

никам. Цветовая гамма разнообразит осеннюю палитру этого спектакля: короткий сиреневый комбинезон Виктории, а потом ее же красное платьице и ярко-желтые босоножки, голубые брюки-клеш Димы, умопомрачительные лиловые «дудочки» его отца, вызывающие стильные и современные (и почти на каждом спектакле разные) наряды тети Тони.

Магару удалось достичь той «ослепительной легкости духа», которой недоставало О.Е. Скорочкиной в захаровской постановке, и происходит это в основном за счет актерского существования и музыкальной составляющей, ставшей неотъемлемой частью режиссерского сюжета. Мелодии разных эпох возникают в спектакле так же естественно, как солнце, и сменяют одна другую, как времена года. Хабанера «Голубка» испанского композитора XIX в. Себастьяна де Ирадье (русский текст Т. Сикорской и С. Болотина), проходящая музыкальным лейтмотивом спектакля, символизирует здесь вечный полет души, любовь и молодость. Эти характеристики стали тем связующим звеном, благодаря которому оказалось возможным сочетание песен как 1950-х гг. и последующих десятилетий, так и наших дней. Эмоциональное состояние героев спектакля, пожалуй, лучше всего выражает «Осень» группы «7 Б», которую поет Дима (его роль делят Владимир Крючков и Александр Аккуратов):

А в доме моем всегда лето, солнце, жара, кайф.
В доме моем всегда песни, танцы, любовь, драйв.
И не стучись и не ломись ко мне, осень,
Желто-рыжая тоска, холода...

Тонко чувствуя музыку, Магар, тем не менее, всецело полагается на опыт профессионалов – композитора Екатерины Троценко, заведующей музыкальной частью (репетитора по вокалу в этом спектакле) и бессменного автора музыкального оформления всех его постановок – Бориса Люля. Здесь он также занимался подбором музыкального сопровождения. В «Голубке» Магара песни и танцы не менее значимы, чем в «Проснись и пой» М.А. Захарова.

Вокальная оснащенность труппы помогает не только музыкально характеризовать героев, а разыгрывать своего рода интермедию, входящие в драматургию спектакля. Героини Нателлы Абелевой или Юлии Нестранской (они делят роль Галины Петровны) и Марии Кондратенко (Виктория) или Светланы Глинка (Виктория в другом составе) разучивают «урок», исполняя «В краю магнолий» – песню А. Морозова на слова Ю. Марцинкевича. Когда тетя Тоня (Людмила Шестакова) вспоминает о пенсии, приходящей из Швеции, четверо героев становятся квартетом «АББА». Исполненная ими композиция «Money, money, money» напоминает о других «деньгах» – лейтмотиве постановки «Дорогая Памела». Виктория с тетей Тоней в ураганном темпе иллюстрируют разные музыкальные жанры, каждым из них характеризуя бывших возлюбленных жизнерадостной экстравагантной тетушки. Их здесь больше – семеро, и последнего (свою самую большую любовь, по ее собственным словам) тетя Тоня обретает в finale: появляется придуманный создателями спектакля водолаз Вася (Андрей Бронников). Песня группы «Запрещенные барабанщики» «А я рыба, я рыба...» бурлескно завершает музыкальную комедию, повествующую в первую очередь о том, как ко всем приходит любовь: к кому-то впервые, к кому-то – возвращается.

Этот спектакль также интересен сочетанием игрового способа и проживания. Актерское существование в нем Людмилы Шестаковой отчасти напоминает работу Людмилы Кара-Гяур в двух постановках, о которых шла речь ранее. Острохарактерная актриса делает свою тетю Тоню современной, экспрессивной и молодой (впрочем, все герои достаточно молоды), а ее неожиданно обнаружившееся красивое драматическое сопрано помогает исполнять мелодии на высоком профессиональном уровне.

Шестакову отличает своеобразное остранение, когда она взаимодействует и с песней, и с ролью. Но очевидно одно: когда во время «домашнего пикника» в палисаднике у Сидоркиных ей протягивают микрофон, петь сейчас будет именно тетя Тоня, а не актриса Шестакова. «Московские окна» Т. Хренникова на слова М. Матусовского подхватывают все участники этого эпизода. Романс «Сезон дождей» О. Фельцмана на слова Н. Олева (Розенфельда) становится личным лирическим высказыванием самодостаточной и способной на сильные чувства тети Тони-Шестаковой.

Работа актрисы во многом обеспечивает стабильный успех этого спектакля наряду с исполнением Виталием Тагановым роли Петра Ивановича Сидоркина. Особенно содержательно преображение его героя: из заурядного немолодого шофера (сам артист относительно молод), жалующегося на здоровье, он становится действительно молодым, почти ровесником своего сына, приобретая «крылья». Коротенький галстук в серую полоску, который он носит в первом действии, словно свидетельствует о его «низком полете», а во втором сменяется на цветастый шелковый, и сам Сидоркин в роскошном лиловом костюме «стиляги» вдохновенно исполняет хит В. Сюткина «Я не красавчик».

Преображается и его жена Галина-голубка – Нателла Абелева, заботливая, наивная и нежная, которую делает еще прекраснее любовь к мужу и сыну, а у них хватает мудрости оценить ее. Юлия Нестранская в этой роли строже и суще, хотя по возрасту актриса ближе к своему драматическому прообразу.

Этот спектакль вообще окрашен не бытовой, а поэтической мудростью, которая здесь – во всем, от сценического сюжета до мизансценического решения и актерских работ. Неожиданно красота и поэзия вносятся в самое привычное. Это происходит, в частности, за счет организации пространства, когда персонажи разговаривают то на скамейке, то за столиком в палисаднике, то на втором ярусе – балконе дома Сидоркиных и тети Тони. Эпизоды скомпонованы по контрасту, и смешное-грустное чередуется. Пожалуй, самой проникновенной лирической сценой можно считать ту, когда Вика ведет диалог с Сидоркиным-старшим, притворяясь, что принимает его за младшего, не видя с балкона. Магар по-своему заканчивает некоторые эпизоды, придавая им отсутствующую у драматурга определенность эмоциональных реакций, как, например, и в этой сцене. «Ты же любишь свою Мари!» – провоцирует Диму Вика, а он отвечает: «Нет, я не люблю ее, я люблю тебя, Вика!» Это признание добавлено режиссером.

«Проснись и пой» Театра Сатиры отличается достаточно ровным эмоциональным фоном, и песенка «Милый Пишта, что с тобою» служит средством примирения четы Орбоков. Размолвка супругов в «Голубке» едва не заканчивается уходом Галины. Ее переживания выражает песня С. Ковальского «Когда живем любовью», и затем она появляется в плаще и с чемоданчиком в руке, стараясь

сорвать с пальца кольцо. Испуганный супруг хватает ее, заключает в объятья и уносит в дом.

Мари (Валентина Огданская или Татьяна Сытова) появляется в образе эффектной официантки. Ее песенка «Дима, солнце, я тебя люблю, но замуж не пойду» (немного измененный вариант композиции «Лелик» группы «Фабрика») стилистически закономерно входит в музыкальную атмосферу спектакля. Затем Мари становится партнершей Сидоркина, исполняющего песню «Я встретил девушку» А. Бабаева на слова М. Турсун-заде. В этом эпизоде В. Таганов, как и в «Красавчике», оказывается несколько отделен от своего героя, чего нет, к примеру, в исполнении им лейтмотивной «Голубки». Эксцентрическая направленность исполнения присуща ряду сцен, что разнообразит ритмы спектакля.

Сочетание бытовых (хотя и сделанных художницей достаточно условно) подробностей с игровой атмосферой и лиризмом позволяет предположить, что здесь Магар тоже является скорее последователем А.А. Васильева, нежели М.А. Захарова.

Спектакль, как уже отмечалось, все годы проходит с успехом, нехарактерным для Севастополя, где аншлаг отличает преимущественно премьеры. Конечно, музыкальная насыщенность служит одним из факторов, делающих постановку особенно притягательной для зрителя. Важно также то, что, подобно давней «Подруге жизни», все персонажи добры и симпатичны. В этом Магар тоже отчасти наследует А.А. Васильеву, в спектакле которого «Взрослая дочь молодого человека» актерское существование отличала бесконфликтность предполагаемых антагонистов и восхитительная легкость.

В «Голубке», действительно, все кажутся такими же «красивыми и пристальными», как те дети, которых мечтает учить Вика, и верится, что таковы все люди. Во всяком случае, такие иллюзии сохраняются все то время, пока длится спектакль.

«Легко, воздушно, с удивительно тонким юмором и хорошей порцией романтизма актеры вели зрителя по лабиринтам человеческой души»¹³, – отмечала рецензент Карабинской районной газеты (спектакль участвовал в XXI фестивале «Славянские встречи», посвященном Году культуры в РФ и проводившемся в Брянской области). И сам его выбор для фестивального показа свидетельствует о высокой профессиональной планке спектакля, тем более что в фестивалях театр участвует редко.

«Романтизм», замеченный брянским корреспондентом, по-видимому, и делает столь привлекательной «Голубку», из «сентиментальной комедии» превращая ее в романтическую и приближая к более позднему излюбленному жанру Магара – романтической драме.

На примере давних «сентиментальных комедий» режиссера оказалось возможным установить в них наличие таких способов организации спектакля, как монтажное построение действия (или его элементы), контраст и соединение игрового способа существования актера и проживания роли. Стоит предположить, что особенности художественного мышления Магара и то, как он учитывает опыт своих выдающихся предшественников, позволяют ему создавать спектакли в разных жанрах, достойных изучения театроведами.

¹³ Иванова 2014.

Очевидно также усложнение режиссерской методологии Магара со временем, видимое даже в постановках с незамысловатым сюжетом, что свидетельствует о высоком профессиональном уровне спектаклей театра им. А.В. Луначарского в указанный период.

ЛИТЕРАТУРА

- Vzroslaya dochь молодого человека* 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culture.ru/movies/1708/vzroslaya-doch-molodogo-cheloveka>
- Довгань, Т.А. (отв. ред.) 2006: *Севастопольский академический русский драматический театр имени А.В. Луначарского. Сезон 2005–2006 гг.*, Севастополь.
- Ермакова, Н. 2002: Театр, который требует обоюдных усилий. *Украинский театр* 6, 4–9.
- Иванова, М. 2014: «Голубка» из Севастополя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zarya-karachev.ru/index.php?catid=2:2010-10-03-11-08-24&id=1329:qq&Itemid=5&option=com_content&view=article
- Кожевников, М.В. 2001: *Английская сентиментальная комедия в системе драматических жанров*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск.
- Скорочкина, О.Е. 1990: Марк Захаров. В сб.: *Режиссер и время*: сб. науч. тр. Л.

REFERENCES

- Dovgan', T.A. (otv. red.) 2006: *Sevastopol'skiy akademicheskiy russkiy dramaticheskiy teatr imeni A.V. Lunacharskogo. Sezon 2005–2006 gg.* [The Sevastopol Theatre Named after A.V. Lunacharsky]. Sevastopol.
- Ermakova, N. 2002: Teatr, kotoryy trebuet oboyudnyhr usiliy [The Theatre, which Requires Mutual Effort]. *Ukrainskiy teatr [Ukrainian Theatre]* 6, 4–9.
- Ivanova, M. 2014: «*Golubka*» iz Sevastopolya [«*Golubka*» from Sevastopol], http://www.zarya-karachev.ru/index.php?catid=2:2010-10-03-11-08-24&id=1329:q&Itemid=5&option=com_content&view=article
- Kozhevnikov, M.V. 2001: *Angliyskaya sentimentalnaya komediya v sisteme dramaticheskih zhанров*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [English Sentimental Comedy in the System of Dramatic Genres]. Magnitogorsk.
- Skorochkina, O.E. 1990: Mark Zahrarov. In: *Rezhisser i vremya*: sb. nauch. tr. [Director and time: Collection of scientific papers]. Leningrad.
- Vzroslaya dochь молодого человека* 2016 [The Adult Daughter of the Young Man], <http://www.culture.ru/movies/1708/vzroslaya-doch-molodogo-cheloveka>

SENTIMENTAL COMEDIES BY VLADIMIR MAGAR IN SEVASTOPOL

Elena A. Smirnova

*Russian Institute of History of the Arts, Russia,
helengri@mail.ru*

Abstract. The creative work of the stage director Vladimir Magar in Sevastopol, who had been the head of the Sevastopol Russian drama theatre named after A.V. Lunacharsky for fourteen years, hasn't been studied yet. The study continues the series of publications about him analyzing the poetics of his performances over the period. The subject of the research is the poetics of some his productions conventionally united with a common theme. The study of his directorial manner may be indicative for identifying the patterns specific to regional theatrical life and may restore some episodes of the history of Russian theatre, which were out of the context of research. In the article his longtime "sentimental comedies" "The Companien in Life" (1997), "Dear Pamela" (2003), as well as the current repertoire "Darling" (2012) are analyzed. The author defines the existence of such modes of organization performance, as the mounting construction of the steps (or elements thereof), contrast and connection of gaming way of existence of the living actor and the role. The complexity of the Director's methodology demonstrates the high professional level of performances staged at the Sevastopol theatre named after A.V. Lunacharsky. The role of scenographic solutions, plastic, music and other components of dramatic action is examined in the article too. The paper is based on using of the comparative-historical method, personal audience experience of the author, the analysis of different literary sources, devoted to the performance. Magar's principles of creation which are studied in the paper kept specific professional standards of the theatre and facilitated the regional development of the Russian theatrical art.

Key words: Vladimir Magar, the Sevastopol theatre named after A.V. Lunacharsky, the production 'The Companien in Life', the production "Darling", multi-piece basis, montage construction

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 236–244
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 236–244
© Автор(ы) 2017

КАТЕРИНА ИВАНОВНА И ЛИЗА ХОХЛАКОВА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ПУШКИНСКОГО СЮЖЕТА В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ»

Н.А. Макаричева

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург,
812nataly@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется функционирование пушкинского сюжета в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Анализ сюжета любовного признания в письмах, связывающих двух героинь романа Достоевского с романом «Евгений Онегин» помогает раскрыть психологические особенности одной из главных героинь «Братьев Карамазовых» – Катерины Ивановны Верховцевой, показать ее «далекость» от гармоничного пушкинского идеала русской женщины. Обращение к параллельному сюжету с Лизой Хохлаковой не только расширяет представление о характере этого персонажа, но и уточняет идейную и художественную функцию второстепенной героини в романном целом.

Ключевые слова: русская литература, XIX в., параллельный сюжет, образ женщины

Лиза Хохлакова – второстепенный персонаж в романе Ф.М. Достоевского. Однако с ней связаны почти все главные герои романа – Алеша, Иван, Катерина Ивановна и даже Грушенька. У литературоведов существуют разные, порой до противоположности, точки зрения на характер этой героини и на ее место в романе «Братья Карамазовы». Т.А. Касаткина утверждает, что «одним из самых загадочных персонажей романа является Лиза Хохлакова. Не принимая практически никакого участия в развитии сюжета <...> она получает информацию практически обо всем происходящем <...> ее внутренний мир исследуется подробно и глубоко, подробно прослеживается эволюция ее характера, ее взгляда на мир»¹. При этом «Лиза еще и двойник Алеши, бесенок его сердечка»², а «поход его (Алеши – Н.М.) к Грушеньке, чтобы пасть – перевертыш Лизиного обращения к Ивану»³. Ей почти вторит И.И. Евлампиев, считая, что «Лиза является очень странным персонажем»⁴.

Макаричева Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы СПбГЭУ.

¹ Касаткина 1996, 53.

² Касаткина 1996, 53.

³ Касаткина 1996, 53.

⁴ Евлампиев 2012, 502.

Е.М. Мелетинский указывает на то, что Бунт Лизы – «своеобразная параллель к бунту Ивана Карамазова»⁵, а «любовная истерическая диалектика является параллелью к метаниям Катерины Ивановны Верховцевой»⁶. Е.А. Гаричева, сравнивая героинь двух русских писателей, делает вывод, что «объединяет героинь Достоевского и Полонского очаровательная детскость, соединение в смехе простодушного и злобного, обнажение до предела своих чувств и сильная воля»⁷, а по мнению И.И. Евлампиева: «до рассматриваемой сцены (разговор с Алешей – Н.М.) она характеризуется как ребенок, “дитя”, у нее больна нога, и она постоянно находится в инвалидном кресле. Все это подчеркивает ее несамостоятельность, отсутствие в ней внутреннего “стержня”. Она полностью подчинена своей матери, которая управляет ею как марионеткой. И вот, в последней сцене с ее участием мы узнаем, что она встала с кресла, выздоровела, обрела самостоятельность и уже, наоборот, руководит своей матерью. Это означает, что она пришла к некоей ясности своего личностного бытия, дальше она будет развиваться уже не под влиянием внешних обстоятельств, а сама из себя, из своей первоначально сформировавшейся внутренней определенности»⁸.

Может быть, пролить свет на этот, действительно, необычный, на первый взгляд, образ, поможет еще один сюжет – пушкинский, на который уже не раз обращали внимание исследователи Достоевского. Так, почти аксиомой стало мнение, что Лиза пишет Алеше письмо в стиле Татьяны Лариной. Но в пушкинский контекст, на наш взгляд, попадает не только это письмо, но и еще как минимум два письма и два сюжета романа.

Письмо Лизы к Алеше на страницах романа появляется после рассказа Мити об истории любви с Катериной Ивановной. Не случайно глава называется «Еще одна погибшая репутация». «Секрет» Катерины Ивановны – ее тайный визит к Дмитрию за деньгами, чтобы спасти отца, даже ценой своей чести, – оказывается раскрыт Дмитрием, причем не однажды, и Алеше, и Грушеньке, и, возможно, Ивану. В исповеди Алеше Митя упоминает о письме Катерины Ивановны к нему, которое она написала уже из Москвы под впечатлением многих внезапных событий в ее жизни: неожиданного благородства Мити, смерти отца, внезапно полученного наследства и т.д. В отличие от письма Лизы, письмо Катерины Ивановны дается в пересказе и в восприятии Мити, причем в этом сюжетном ходе тоже улавливаются реминисценции на пушкинский сюжет «Письмо Татьяны предо мною;/ Его я свято берегу,/ Читаю с тайною тоскою/ И начитаться не могу»⁹. Для Дмитрия письмо имеет особую ценность, оно, может быть, единственное такое признание от гордой красавицы, готовой ради него на все, за всю его жизнь. Но, зная, что это любовное письмо незамужней девушки к нему, а значит, это – «секрет», от которого зависит репутация его невесты, он тут же предлагает прочесть его другому, пусть и «ангелу-Алеше». Конечно, все это происходит под воздействием чувства восторга то ли от самой Катерины Ивановны, то ли от того, какая любовь выпала на его долю, но вряд ли извиняет Митю вполне: «Оно и теперь у меня, оно всегда

⁵ Мелетинский 2001, 171.

⁶ Мелетинский 2001, 171.

⁷ Гаричева 2007, 366.

⁸ Евлампиев 2012, 502.

⁹ Пушкин 1957, 69.

со мной, и умру я с ним – хочешь, покажу? Непременно прочти: предлагаются в невесты, сама себя предлагает, “люблю, дескать, безумно, пусть вы меня не любите – все равно, будьте только моим мужем. Не пугайтесь – ни в чем вас стеснять не буду, буду ваша мебель, буду тот ковер, по которому вы ходите... Хочу любить вас вечно, хочу спасти вас от самого себя...”¹⁰.

Письмо Лизы написано уже в то время, когда все герои романа съехались в один город – Скотопригоньевск. А то, что лизино письмо Алеше передает служанка Катерины Ивановны, лишь подчеркивает осведомленность Лизы о том трагическом любовном многоугольнике, который объединил Митю, Катерину Ивановну, Ивана и Грушеньку. Поэтому письмо Лизы Хохлаковой «прочитывается» сразу в двух контекстах – отдаленном литературном (письмо Татьяны) и близком для девочки событийном (письмо Катерины Ивановны – Дмитрию): «Я вас избрала сердцем моим, чтобы с вами соединиться, а в старости кончить вместе нашу жизнь»¹¹; «Мой секрет у вас в руках; завтра, как придет, не знаю, как и взгляну на вас <...> Вот я написала вам любовное письмо, боже мой, что я сделала! Алеша, не презирайте меня, и если я что сделала очень дурное и вас огорчила, то извините меня. Теперь тайна моей, погибшей навеки может быть, репутации в ваших руках»¹².

Влияние пушкинского сюжета на этом не заканчивается. Конечно, не стоит утверждать, что Достоевский намеренно использовал как основу для развития отношений своих героев в романе «Братья Карамазовы» коллизии «Евгения Онегина». Но, может быть, прав был С.Г. Бочаров, назвав это чувство «генетической памятью» литературы: «...такие странные сближения более или менее удаленных друг от друга в пространстве и времени произведений и текстов, какие невозможно или трудно объяснить прямым влиянием текста на текст и сознательной целью писателя»¹³.

Татьяна Ларина волей судьбы оказывается перед сложным жизненным выбором между мужем и любимым человеком, между долгом и чувством. Трагедия женщины, которая понимает невозможность счастья, необратимость сделанного когда-то шага, выражена у пушкинской героини в таких простых словах, что осознаешь и бесповоротность решения, и отсутствие компромиссов, и всю безнадежность любви героев, которым уже никогда не быть вместе:

Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна¹⁴.

Один из излюбленных сюжетных приемов Достоевского – изображение любовных треугольников, в которые включены герои, порой противоположные по

¹⁰ Достоевский 1976/14, 107.

¹¹ Достоевский 1976/14, 107.

¹² Достоевский 1976/14, 147

¹³ Бочаров 2012, 7.

¹⁴ Пушкин 1957, 189.

своим личностным или нравственным качествам, темпераменту и т.д.: Ставрогин – Лиза Тушина – Маврикий Николаевич; Настасья Филипповна – Рогожин – Мышкин; Аглая – Мышкин – Настасья Филипповна; Аглая – Мышкин – Ганя Ивлгин; Катерина Ивановна – Дмитрий – Грушенька; Екатерина Осиповна Хохлакова – Ракитин – Перхотин и т.д. Но у Достоевского и принцип создания любовного конфликта, в который включены несколько героев, и ситуация выбора совершенно иные, чем у Пушкина. Делая свой нравственный и в итоге жизненный выбор, Татьяна остается внутренне сама собой. Она признается Онегину в том, что живет не той жизнью, которая ей была бы мила: «А мне, Онегин, пышность эта, / Постылой жизни мишура, / Мои успехи в вихре света, / Мой модный дом и вечера, / Что в них? Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад / За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище, / За те места, где в первый раз, / Онегин, видела я вас...»¹⁵. Есть несовпадение желаемого и действительного, есть трагедия несостоявшейся любви, навсегда упущеной возможности счастья, но в Татьяне нет душевной раздвоенности, расколотости; она – цельная натура, неизменная в своей искренности и любви. Ее последнее признание Онегину – это не отсутствие женской гордости, но проявление достоинства, честности перед собой и другим, это обращение к чести любимого человека. Достоевский высоко ставил «Татьяны милый идеал», считая ее воплощением национального идеала русской женщины и противопоставляя ее «скитальцу» Онегину: «Нет; чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счаствия, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубив другого!» Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя, уже поздно, и вот Татьяна отсылает Онегина»¹⁶.

Достоевский же изображает своих героев и героинь между двумя соперниками / соперницами с прямо противоположной целью: обнаружить двойственность человеческой природы, душевную расколотость, амбивалентность любовного чувства... Его Катерина Ивановна, оказавшись между Иваном и Дмитрием, делает почти невозможный выбор в пользу жениха, которого она сама себе «сосватала» и который выбрал себе другую спутницу жизни. Сама героиня начинает объяснение с апелляции к высоким чувствам, и кажется, что мы слышим уже знакомые по пушкинскому роману слова о чести и долге: «В этих делах, Алексей Федорович, в этих делах теперь главное – **честь и долг**, и не знаю, что еще, но нечто высшее, и даже, может быть, высшее самого **долга**. Мне сердце сказывает про это непреодолимое чувство, и оно непреодолимо влечет меня.

Всё, впрочем, в двух словах, я уже решилась: если даже он и женится на той... твари, – начала она торжественно, – которой я никогда, никогда простить не могу, то я все-таки не оставлю его! От этих пор я уже никогда, никогда не оставлю его! – произнесла она с каким-то надрывом какого-то бледного вымученного воссторга. – То есть не то чтоб я таскалась за ним, попадалась ему поминутно на глаза, мучила его – о нет, я уеду в другой город, куда хотите, но я всю жизнь, всю жизнь мою буду следить за ним не уставая. Когда же он станет с тою несчастен, а это непременно и сейчас же будет, то пусть придет ко мне, и он встретит друга, се-

¹⁵ Пушкин 1957, 189.

¹⁶ Достоевский 1984/26, 142.

стру... Только сестру, конечно, и это навеки так, но он убедится, наконец, что эта сестра действительно сестра его, любящая и всю жизнь ему пожертвовавшая»¹⁷. Кажется, что самопожертвование – такое знакомое по многим женским образам русской литературы качество – должно осветить и этот женский образ. Но гордая женщина неспособна на жертвенность в полной мере, она никогда не дойдет до самоотречения. Начав *со своего «долга»*, с данного когда-то слова своему жениху, с высокой цели спасти и преобразить любимого человека, Катерина Ивановна очень быстро переходит к «взиманию долгов» с самого Дмитрия:

«Я добьюсь того, я настою на том, что наконец он узнает меня и будет передавать мне всё, не стыдясь! – воскликнула она как бы в исступлении. – Я буду богом его, которому он будет молиться, – и это по меньшей мере он должен мне и за то, что я перенесла чрез него вчера. И пусть же он видит во всю жизнь свою, что я всю жизнь мою буду верна ему и моему данному ему раз слову, несмотря на то, что он был неверен и изменил. Я буду... Я обращусь лишь в средство для его счаствия (или как это сказать), в инструмент, в машину для его счаствия, и это на всю жизнь, на всю жизнь, и чтоб он видел это впредь всю жизнь свою! Вот всё мое решение! Иван Федорович в высшей степени одобряет меня»¹⁸. Катерина Ивановна не только пытается спасти Дмитрия против его воли, насилино, превратившись «в машину для его счаствия» и делая из этого спасения что-то почти бездушно-механическое. Идея самопожертвования почти незаметно подменяется идеей вечного упрека и нравственного наказания за измену, а служение любимому оборачивается мотивом полного подчинения его себе, своей воле. Катерина Ивановна не просто *не «наследница»* Татьяны Лариной, но она бесконечно далека от этого женского идеала. Она в чем-то даже оказывается ближе Лебедеву из романа «Идиот», который тиранил своего друга генерала Иволгина, постоянно напоминая ему о совершенной краже и заставляя генерала снова и снова переживать стыд и ужас разоблачения. Более того, Катерина Ивановна, возможно, вообще далека от женского идеала как такового. Наверное, многие женщины мечтали бы услышать признание, подобное признанию Онегина в письме к Татьяне:

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!¹⁹

Быть богиней для мужчины, для любимого человека – это понятно и может быть очень приятно для женщины. И, возможно, многие представительницы прекрасного пола мечтали бы вызывать такую онегинскую любовь, видеть подобное поклонение, слышать или читать такие слова... Но только не героини Достоевского. В основе решения Катерины Ивановны – уязвленное женское самолюбие, гордость, казуистически истолкованное «чувство долга», которое позволяет женщи-

¹⁷ Достоевский 1976/14, 172.

¹⁸ Достоевский 1976/14, 172.

¹⁹ Пушкин 1957, 181.

не сделать из себя, своей судьбы вечный укор мужчине, вечное напоминание о его вине перед ней. И компенсация, которой требует героиня, очень велика – «стать для Мити богом, которому он будет молиться». Не «Богиней», что было бы естественно для женского мироощущения, а «богом» – вершителем судьбы, судьей и карающей дланью. Как ни странно, но подобная самоидентификация больше характерна для мужского сознания. Например, точки соприкосновения можно обнаружить с психологией ростовщика в «Кроткой»: «Я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания – и я стоил того. О, я всегда был горд, я всегда хотел или всего, или ничего! Вот именно потому, что я не половинщик в счастье, а всего захотел, – именно потому я и вынужден был так поступить тогда: “Дескать, сама догадайся и оцени!” Потому что, согласитесь, ведь если б я сам начал ей объяснять и подсказывать, вилять и уважения просить, – так ведь я всё равно что просил бы милостины...»²⁰.

Решение Катерины Ивановны «не оставить» Митю больше похоже на месть, и оно выдает ее истинный мотив – оскорбленное самолюбие. Выбор женщины не освящен тем большим и светлым чувством любви, которое поставило бы Катерину Ивановну в один ряд со многими другими героями русской классики, ведь нельзя «любить» местью и надрывом, а у нее именно «надрыв». И дело даже не в «гордости» или «кротости» женского характера, а в том, что героине не хватает истинной «женственности». Катерина Ивановна выступает в романе, скорее, как двойник Ивана Карамазова – «умственного», рефлексирующего героя, силой своей казуистики загнавший самого себя в тупик. Настоящие чувства Катерины Ивановны прорываются лишь на суде, когда, спасая любимого ею Ивана, она предает Дмитрия.

Для Лизы Хохлаковой все происходящие вокруг нее события имеют колоссальное значение. И не только потому, что в провинциальном городе это спасает от скуки и однообразия жизни. Образ Лизы как девочки-подростка находится в одной плоскости с другими образами подростков у Достоевского. В самом романе это, прежде всего, Коля Красоткин. Как верно отмечалось многими исследователями, Лиза проходит определенное взросление²¹, и окружающие ее люди имеют огромное влияние на становление ее как человека и как женщины. Она, как подросток, и подражает окружающим, и ищет себя. Поэтому ее письмо Алеше – это и выражение искренних чувств, и, конечно, вольное или невольное подражание пушкинской Татьяне, и Катерине Ивановне, рядом с которой постоянно находится ее собственная мать – мадам Хохлакова. Письмо, которое Лиза пишет Ивану, не дано на страницах романа. Принципиально важна лишь реакция Ивана на него:

«– Шестнадцать лет еще нет, кажется, и уж предлагается! – презрительно проговорил он, опять зашагав по улице.

– Как предлагается? – восхликал Алеша.

– Известно, как развратные женщины предлагаются»²².

Но ведь будь Онегин циничнее и холоднее по отношению к Татьяне, про ее письмо («То в вышнем суждено совете... То воля неба: я твоя...») тоже мог бы сказать: «Предлагается...». Да и Катерина Ивановна «предлагалась в невесты»

²⁰ Достоевский 1982/24, 14.

²¹ Кузнецов, Лебедев 2003.

²² Достоевский 1976/14, 38.

Дмитрию. Может быть, дело прежде всего в женской активности, способности на первый шаг, который расценивается мужчиной как нечто, противоречащее стереотипным представлениям о поведении женщины?

Достоевский, включая в сюжет факт двойного обращения Лизы в письмах к Алеше и Ивану, конечно, преследует определенные задачи. Во-первых, это обнаруживает сущность каждого из братьев по отношению к ближнему, к тому самому «ребенку», о котором так много сказано было слов Иваном. Во-вторых, раскрывается процесс становления женского «я» героини, лишенного внутренней цельности и подверженного нравственным метаниям, подобно «взрослым» героям произведений. Ее стратегия поведения способна привести к разным результатам: к роли «святой грешницы» (Грушеньки), «святой мученицы» (Катерины Ивановны), «сестры милосердия» и т.д. А. Волынский считал, что между Алешей и Лизой невозможна страстная любовь, а лишь любовь-дружба²³. Это не противоречит художественной логике Достоевского. Герои, подобные Алеше, – Соня Мармеладова, Софья Версилова, князь Мышкин, Маврикий Николаевич – и не могут вызывать страстной любви. Страсти могут разгораться *вокруг* Мышкина и *из-за* Мышкина, но не *к* Мышкину. Функция этих героев в произведениях Достоевского иная – служить определенным нравственным полюсом для других героев. Их любовь и любовь к ним не имеет отношения к земному чувству любви между мужчиной и женщиной.

В-третьих, Лиза, действительно, во многом является двойником Алеши, и они проходят примерно одинаковые испытания в тот жизненный момент, когда развиваются события в романе. Достоевский использует один из излюбленных приемов поэтики – сюжетные параллели, о которых сказано у Е.М. Мелетинского. Иван оказывается в роли искусителя и по отношению к брату Алеше, и по отношению к Лизе, ведь ее мысли о распятом мальчике и «кананасном компоте» появляются под его влиянием.

Пушкинская Татьяна мучилась, пытаясь узнать личность Онегина, которого она выбрала сначала интуитивно, сердцем:

Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!²⁴

У Достоевского же «ангел-хранитель» и «коварный искуситель» – это два героя, в которых воплощены эти противоположные ипостаси. Так же, как и трех братьев Карамазовых можно было бы назвать воплощением *чувств, разума и веры* человека, но не соединенных в единую личность, а разделенных на три различные образы. «Обман неопытной души» – это та стадия взросления, через которую необходимо было пройти юной героине Достоевского, чтобы найти свое я. Процесс этот намечен, но, как и характерно для Достоевского, результат не определен до конца. И судя по логике развития характеров Алеши и Лизы, автор готовил им еще очень много испытаний в продолжении романа.

²³ Волынский 2011, 353.

²⁴ Пушкин 1957, 71.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров, С.Г. 2012: *Генетическая память литературы*. М.
- Волынский, А.Л. 2011: *Достоевский: философско-религиозные очерки*. СПб.
- Гаричева, Е.А. 2007: Тема безумия в творчестве Достоевского и Полонского. В сб.: *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб. Т.18. 144–167.
- Достоевский, Ф.М. 1972-1990: *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Л.
- Евлампиев, И.И. 2012: *Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»)*. СПб.
- Касаткина, Т.А. 1996: *Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценостных ориентаций*. М.
- Кузнецов, О.Н., Лебедев, В.И. 2003: Болезнь или развитие? В кн.: *Достоевский над бездной безумия*. М.
- Мелетинский, Е. М. 2001: *Заметки о творчестве Достоевского*. М.
- Пушкин, А.С. 1957: *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Т. 5. М.

REFERENCES

- Bocharov, S.G. 2012: *Geneticheskaya pamyat' literatury*. [The Genetic Memory of Literature]. Moscow.
- Volynskiy, A.L. 2011: *Dostoevskiy: filosofsko-religioznye ocherki* [Dostoevsky: Philosophical and Religious Sketches]. Saint-Petersburg.
- Garicheva, E.A. 2007: Tema bezumiya v tvorchestve Dostoevskogo i Polonskogo [The Theme of Insanity in the Works of Dostoevsky and Polonsky]. In: *Dostoevskiy. Materialy I issledovaniya* [Materials and Research] T.18. 144–167.
- Dostoevskiy, F.M. 1972-1990: *Polnoe sobranie sochineniy* [Thirty-volume Edition of Dostoevsky's Complete Works]: v 30 t. Leningrad.
- Evlampiev, I.I. 2012: *Filosofiya cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannih proizvedeniy k "Brat'yam Karamazovym")* [Philosophy of Man in Works of F. Dostoevsky (from Earlier Works to Karamazov Brothers)]. Saint-Petersburg.
- Kasatkina, T.A. 1996: *Haracterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional'no-tsennostnyh orientatsiy* [Characterology of Dostoevsky]. Moscow.
- Kuznetsov, O.N., Lebedev, V.I. 2003: Bolezn' ili razvitiye? [Disease or development?] In: *Dostoevskiy nad bezdnoy bezumia* [Dostoevsky over the Abyss of Madness]. Moscow.
- Meletinskij, E.M. 2001: *Zametki o tvorchestve Dostoevskogo* [Notes on Dostoevsky]. Moscow.
- Pushkin A.S. 1957: *Polnoe sobranie sochineniy* [Ten-volume Edition of Pushkin's Complete Works]: v 10 t. T. 5. Moscow.

KATERINA IVANOVNA AND LISA KHOKHLAKOVA: THE ART FUNCTION OF PUSHKIN'S PLOT IN "THE BROTHERS KARAMAZOV"

Natalia A. Makarycheva

*The St. Petersburg State University of Economics, Russia,
812nataly@mail.ru*

Abstract. In the article the functioning of Pushkin's plot in the novel "The Brothers Karamazov" by F.M. Dostoyevsky is investigated. The analysis of love-letter confession

connecting two heroines of Dostoyevsky's novel with the novel "Eugene Onegin" helps reveal psychological features of one of the main characters of "The Brothers Karamazov" – Katerina Ivanovna Verkhovtseva, to show her "dalekost'" [difference] from a harmonious Pushkin ideal of the Russian woman. The appeal to a parallel plot with Lisa Hokhlakova not only expands the idea of this personage's character, but also specifies the ideological and art function of the minor heroine in the whole of the novel.

Key words: Russian Literature of the 19th c., plot parallel, image of woman, ideal of the Russian woman

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 245–251
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 245–251
© Автор(ы) 2017

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА АННЫ АХМАТОВОЙ И ИРАНСКОЙ ПОЭТессы СИМИН БЕХБАХАНИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Х. Мостафави Геро, С. Сареми Геро

Мешхедский университет им. Фирдоуси, Мешхед,
mostafavigero@um.ac.ir, s.saremi66@yahoo.com

Аннотация. Автор рассматривает тему любви – эликсира жизни в романтической персидской и русской поэзии, сравнивая стихи Анны Ахматовой и иранской поэтессы Симин Бехбахани. Анализируется любовная лирика обеих поэтесс, раскрывающая различные стадии любви. Одни стихи прославляют первую стадию – открытие душевных секретов и тайн возлюбленными, другие отражают вторую стадию – рост романтических чувств в сердцах влюбленных. Третий цикл стихов прославляет «пик» любви, а четвертый посвящен ее затуханию. Обе поэтессы начинали с романтической поэзии, но позже перешли к серьезной социальной лирике.

Ключевые слова: русская и иранская литература, любовная лирика, Анна Ахматова, Симин Бехбахани

Введение

Любовь взвыает человечество к жизни и поискам. Никто не чужд ей. Многие поэты и писатели говорили о своих чувствах и привязанностях, причем они могут быть разного характера. Красота и искусство – это то, что дарует душевное наслаждение и удовлетворяет врожденное чувство поклонения им, создает предпосылки для совершенства духа, отсутствие же их ослабляет или уничтожает¹.

Женщины уже давно пытались занять достойное место в мировой литературе. В их числе появились знаменитые поэтессы, которые несут на своих плечах знамя поэзии своей страны. К числу таких поэтесс можно отнести Анну Ахматову из России и Симин Бехбахани из Ирана. Анна Ахматова уже с 11-ти лет начала писать стихи и опубликовала свой первый сборник в 18 лет. Следует отметить, что Симин Бехбахани так же, как и Анна Ахматова, начала писать свои стихи, еще будучи ребенком, т.е. в 12-тилетнем возрасте. Настоящее имя Анны Ахматовой – Анна Андреевна Горенко, а Ахматова – это фамилия ее матери, которую она выбрала для поэтического псевдонима. Настоящее имя Симин Бехбахани – Симин Халили, своим поэтическим псевдонимом она выбрала фамилию своего первого

Хусейн Мостафави Геро – кандидат филологических наук, преподаватель Мешхедского университета им. Фирдоуси.

Сакина Сареми Геро – аспирант Мешхедского университета им. Фирдоуси.

¹ Momtahan 1392, 54.

мужа – Хасана Бехбахани. Был еще второй брак, она вышла замуж за Манучехра Кушияра. У обеих поэтесс замужество было неудачным: у одной муж умер, другая разошлась. Результат этих браков мы видим в их стихах – образце разбитой любви.

Согласно проведенным исследованиям, мы пришли к выводу, что никто не предпринимал попытки провести сопоставительный анализ поэтического наследия любовного характера этих двух поэтесс. В качестве источника нами были взяты сборник стихов Симин Бехбахани и произведения Анны Ахматовой.

Методология и методика исследования. В процессе работы были использованы сравнительно-сопоставительный и описательный методы. В исследовании мы попытаемся на основе анализа поэзии о любви А. Ахматовой и С. Бехбахани понять мысли и переживания этих двух поэтесс, а также проанализировать сходство и различие их взглядов в вопросе любви.

Анна Ахматова и Симин Бехбахани в своих стихах воспевают женщин, противопоставляя их в плане построения отношений мужчинам. Симин всеми силами восстает против традиционной мужской культуры и не довольствуется ничем иным, как ее полным уничтожением². Первый брак Анны Ахматовой был со знаменитым поэтом и основателем литературной школы акмеизма Н. Гумилевым, а следующий – с другим поэтом В. Шилейко и тоже закончился разводом. В ранней поэзии обеих можно увидеть только драматические и романтические газели (классическая твердая поэтическая форма персидской поэзии, включающая в себя обычно от 5 до 12 байтов (двустиший)), но по истечении некоторого времени направление в произведениях обеих поэтесс изменяется и переходит в сторону социально-духовных и мистически-лирических настроений. Они обе преуспевали на поэтическом поприще своего времени. Самое значительное имя, которое прослеживается в литературной школе акмеизма, – это имя Анны Ахматовой, той, которая смогла сделать так, что эта школа стала известной во всем мире. Симин Бехбахани тоже с новым творческим подходом и возврением на лирическую поэзию смогла избавить от рецессии древнепоэтический иранский стиль. Она возродила иранские газели, введя новшества в культурную, политическую и социальную тематику. Поэтому Симин Бехбахани можно называть «матерью современной лирической газели» или, по словам Абу Махбуба в поэтической статье, в стихотворении Парвин Эйтесами, Симин Бехбахани и Форуг Фаррохзад называли ее «Нимой иранской газели» (Нима – основоположник новой поэзии в Иране)³.

Обе поэтессы были спасителями школы литературной поэзии своей страны. Ахматова школу символизма, которая в 1910 г. претерпевала кризис, спасла при помощи школы акмеизма⁴. Симин Бехбахани персидскую лирическую поэзию Ирана, которая в течение многих лет была в состоянии застоя, тоже сохранила путем введения значительных новшеств.

И А. Ахматова, и С. Бехбахани в последние годы своей жизни стали лауреатами международных премий: Ахматова за два года до своей смерти – лауреатом международной премии «Этна-Таормина» за свое стихотворение «Бег времени», а в 1965 г. – обладателем почетной степени доктора литературы Оксфордского уни-

² Zarghani 1391, 249.

³ Abumahboob 1387, 107.

⁴ Соколов 1988, 294.

верситета. Симин Бехбахани трижды была номинирована на нобелевскую премию, и, в конце концов, за год до своей кончины, в 2013 г., она стала обладателем премии Венгерской Международной Ассоциации.

Обе поэтессы пережили войну. Ахматова перенесла тяготы первой и второй мировых войн, а Симин Бехбахани прошла через испытания восьмилетней войны с соседним Ираком. Обе отобразили тяжелые годы войны в своих стихах. Война повлияла на их поэзию как с точки зрения содержания, так и с точки зрения качества и стала причиной того, что они написали трудные социальные и эпические стихи, в которых отражался иногда резкий тон, напоминающий произведения Данте⁵. В их поэзии отчетливо отражаются чувства горечи и печали того времени. Марина Цветаева назвала это «Музой плача»⁶. Однако кажется, что Симин Бехбахани надо назвать «Богиней слез и вздохов», т.к. во многих ее произведениях отражаются печаль и озабоченность по поводу катастрофических событий, проходящих в ее стране. Она выражает свою скорбь из-за тягот и несправедливости войны. В песне «Развратницы», ее душа вопиет об этой печали: «*O горе! Отпусти мое сердце! / Тогда оно возрадуется!*»⁷.

В этом стихотворении наблюдается нетрадиционное описание влюбленной женщины. Женщина, о которой говорит Симин Бехбахани, – развратница, но в стихотворении описывается не ее распутное поведение, а то, что происходит у нее в самом сердце. Если развратница пьет вино, то делает это для того, чтобы скрыть внутреннюю печаль. Однако чтобы выжить, она должна выглядеть эффектно и вести с собеседником оживленный разговор, чтобы предстать желанной в глазах покупателя: «*Moi губы – это губы продажной плутовки / Натянь занавес на тайну горя, / Чтобы мне дали еще побольше денег / Смейся, целуй, капризничай*».

И А. Ахматова, и С. Бехбахани в определенный период были в опале у своего правительства. Гнев и негодование правительства Сталина с 1945 по 1946 гг. в отношении А. Ахматовой, негативное отношение и крайнее недовольство центрального правительства Ирана в 1330–1357 гг. (1951–1978) в отношении С. Бехбахани – сходные этапы жизни обеих поэтесс. И все же в конце концов обе сумели найти отклик в сердцах людей (особенно молодежи) и занять достойное положение в своей стране.

Есть и другие особенности, сближающие указанных поэтесс, которые во время своей литературной деятельности написали короткие стихи. Сжатость и краткость – характерная черта стихов А. Ахматовой. Ее произведения не превышают 12–20 бейтов⁸. Стихи С. Бехбахани тоже по большей части не более 20 бейтов.

Основная тема творчества А. Ахматовой и С. Бехбахани – любовная. Однако в этих стихах про любовь просматриваются скорбь и печаль, которые проявляются в горестных чувствах обеих поэтесс. Можно говорить о том, что здесь при явной доле реализма прослеживается и традиционный сентиментализм. А. Блок называл А. Ахматову «христианской цыганкой»⁹. Интересно, что на арене поэзии газелей С. Бехбахани считалась самой известной поэтессой. И ее также можно называть

⁵ Mireski 1372, 319.

⁶ Atashbarab 1388, 253.

⁷ Behbahani 1378, 86.

⁸ Чижонкова 2009, 77.

⁹ Role 1391, 179.

«цыганкой иранской поэзии» или, иными словами, «мусульманской цыганкой». Она, введя новую структуру стихотворения под названием «цыганская клаузула», смогла негативное значение превратить в позитивное. В таком стихотворении главной героиней является женщина-цыганка, которая рисует облик иранских женщин и повествует об их историческом угнетении¹⁰. Цыганами в иранской культуре называют тех, кто постоянно кочует из одной деревни в другую, из города в город, из одного региона в другой и открыто говорит то, что думает. В толковом словаре Деххуда слово *цыганка* интерпретируется по-разному: «бесстыдная женщина, криуша, сварливая женщина, пройдоха, проныра и развратница»¹¹. Однако Бехбахани в своих стихах и высказываниях неоднократно отмечает, что цыганка в произведениях – она сама: «*Цыганка – это я! / Да! И здесь нет никого, кроме меня!*»

Любовь в сознании обеих поэтесс имеет особую ценность. А. Ахматова пятый сезон года называет сезоном любви: «*То пятое время года, / Только его славословье. / Дыши последней свободой, / Оттого, что это – любовь*»¹². Она считает, что осень – это время смерти для любви: «*Между кленов шепот осенний / Попросил: «Со мною умри!»*»¹³. С. Бехбахани также считает осень сезоном разлуки с возлюбленным и финалом любви: «*Я тот куст розы, / Куст, получивший осеннюю травму, / Куст, свисший от потрясающего шторма разлуки.*» А. Ахматова силу любви ставит выше всякой другой силы: «*Но если встретимся глазами / Тебе клянусь я небесами, / В огне расплывится гранит*». С. Бехбахани считает, что луч любви является причиной выявления человеческих ценностей и вызывает их развитие: «*Я была бесцветной капелькой росы, / Луч любви пронзил мое сердце, / И я, как радуга, взошла на небесах*».

В лирике обеих поэтесс формируются некие стадии любви. Первая стадия – знакомство, когда влюбленный человек осторожно пытается раскрыть душевые секреты и тайны своей (своего) возлюбленной (возлюбленного) и старается противостоять чувству. А. Ахматова в одном из своих стихотворений говорит о любви, которая пустила свои корни в ее душе, но она хочет сопротивляться ей: «*О нет, я не тебя любила, / Палима сладостным огнем, / Так объясни, какая сила / В печальном имени твоем*»¹⁴. С. Бехбахани в своем стихотворении «Нетерпеливый» также хочет противостоять любви: «*Ой! Верни мне мое письмо! / То, что я в нем написала – неправда! Сказала что «люблю»? – не люблю! / Поверь! Это ложь!*»

Вторая стадия любви – это рост романтических чувств в сердцах влюбленных. Они сгорают в лихорадке от ожидания встречи. Тело каждого из них пронзает приятный бриз. А. Ахматова свой восторг от свидания с любимым описывает следующими словами: «*Я к нему влетаю только песней / И ласкаюсь солнечным лучом*»¹⁵. С. Бехбахани также красиво изображает упоение от встречи и объятий со своим возлюбленным: «*Стану, как свет луны, и буду сиять через отверстие, / Чтобы прильнуть телом к твоей теплой постели*».

¹⁰ Zarghani 1391, 253.

¹¹ Dehkhoda 1368, 2368.

¹² Соколов 1988, 307.

¹³ Ахматова 1997, 30.

¹⁴ Ахматова 1997, 8.

¹⁵ Ахматова 1997, 24.

Третья стадия – это «пик» любви. Влюбленные не видят или не хотят видеть недостатки друг друга. То есть он или она считают своего (или свою) возлюбленного (возлюбленную) идеалом. А. Ахматова воспевает это состояние такими словами: «*Ты пришел меня утешить, милый, / Самый нежный, самый кроткий...*»¹⁶. С. Бехбахани в своем стихотворении «Сепидор» («Тополь») говорит с гордостью о своем возлюбленном, он лучше всех. Она считает настоящей только свою любовь, а любовь всех остальных – ложной. Она сравнивает ложную любовь с отражением луны на поверхности воды, которое искажается при каждом водном движении. С. Бехбахани считает, что истинная любовь – это не плотское пристрастие: «*Все эти соперники везде и всюду презрены, а ты нет. / Все они дьяволы и преклоняются перед дьяволом, а ты нет. / Как отражение света луны в воде и все ложь. / Свой блеск уничтожили вмиг, а ты нет*».

На этой стадии вырисовывается путаница ума влюбленного. Он заботится только о своих чувствах и не обращает внимания на окружающие его проблемы. По его мнению, любимый образ можно увидеть во всех предметах. На что бы ни посмотрел влюбленный человек, он везде улавливает образ своей (своего) возлюбленного (возлюбленной). Эта тема наиболее полно раскрывается в стихотворении А. Ахматовой «Песня последней встречи». Влюбленная очень рассеянна, надевает ошибочно левую перчатку на правую руку, ошибается в количестве ступенек, т.к. вся поглощена своей любовью: «*Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки. / Показалось, что много ступеней, / А я знала – их только три!*»¹⁷. С. Бехбахани тоже воспевает свою рассеянность подобными стихами: *В воображении однажды ночью я отвлеклась*.

Обе поэтессы принесли себя в жертву любви, и ее искра загорелась у них даже во взгляде. А. Ахматова растворяется в любви: «*Все тебе: и молитва дневная, / И бессонницы млеющий жар, / И стихов моих белая стая, / И очей моих синий пожар*»¹⁸. С. Бехбахани также видит свою сущность в возлюбленном. Это уже фактически кульминация любви: «*Моя грудь загорелась, и стал мой взгляд пламенным / Горит дом и видны языки пламени через отверстия*».

На четвертой стадии начинается спад любви. После сладостного опьянения наступает время боли, тревоги, ожидания и требование от любимого его присутствия. Обе поэтессы свои пожелания излагают в форме диалога с использованием слов *иди ко мне* и местоимений *я* и *ты*, ср. у С. Бехбахани: «*На звезду посмотри, она умерла и похоронена, приходи! / Свет вина проник в сосуды ночи, приходи! / Из-за того, что в ночи пролиты мои слезы ожидания, / Расцвел цветок и начал рассвет, приходи!*» В этих стихах в слове *ты* звучит смущение и стыд, а в слове *я* переливаются через край энтузиазм и эмоции. В этом стихотворении возлюбленный постоянно отступает, но влюбленная для достижения своей цели устраняет на своем пути все препятствия и говорит: «*Ты сказал, что поцелуешь меня, я сказала: молю тебя! / Ты сказал: а если кто увидит? Я сказала: отрицаю! / Ты сказал: а если не повезет, и вдруг придет соперник? / Я сказала, что устрани его заклинанием*».

¹⁶ Ахматова 1997, 54.

¹⁷ Голькар 1392, 130.

¹⁸ Ахматова 1997, 86.

А. Ахматова тоже написала стихотворение, где в романтическом диалоге влюбленных используются такие местоимения, как *я* и *ты*. Здесь человек готов пожертвовать своей жизнью ради любви и умереть вместе с любимым (любимой): «*Я ответила: «Милый, милый! / И я тоже. Умру с тобой...»*¹⁹.

Любовь – это процесс, который начинается с малейшей эмоции, расцветает и развивается до предела. В конце концов романтические чувства ослабевают и затихают. Любовь двух поэтесс в этом смысле не является исключением. Обе они в итоге испытывали разлуку любимого с любимой и смерть любви, женщины стонут при прощании со своей любовью. А. Ахматова не может понять уход любимого и говорит: «*Отчего ушел ты, / Я не понимаю...*²⁰. С. Бехбахани также не понимает уход своего любимого и говорит о его забывчивости и пренебрежении такими словами: *Что видел ты плохого? Что видел ты плохого / В моих горячих объятьях? / Поражаюсь твоей сделке (страсти), почему ты забыл меня?*»

Траур по любви, разочарование в любви можно увидеть в творчестве обеих поэтесс, где для А. Ахматовой соблюдает траур свеч (Только в спальне горели свечи / Равнодушно-желтым огнем²¹), а для С. Бехбахани луна (Луна бледна как траурная свеча, / Поле просто как мертвец мерцает в ее свете). В стихотворении «Восковая кукла» иранская поэтесса поднимает занавес своей неудачной любви и не слышит никакого ответа от любимого: «*Ox! Что за ночи, в которые с кончиками ресниц / украла звездочки с неба, / И, чтобы сделать медальон для твоей шеи, / Собирала их в ряд друг за другом... / Чтобы придать аромат твоей груди, / Я принесла тебе аромат весеннего утра*». Разочарование А. Ахматовой в любви и ее грусть обнаруживаются, в следующих строках: «*Дал Ты мне молодость трудную / Сколько печали в пути. / Как же мне душу скучную / Богатой Тебе принести?*»

Заключение

Симин Бехбахани и Анна Ахматова в персидской и русской литературе относятся к числу поэтов-романтиков, которые писали о своей земной реальной любви. Обе поэтессы имеют общие понятия относительно определения любви. Обе они начинали с романтической поэзии, а потом перешли на серьезную социальную лирику. С. Бехбахани и А. Ахматова в своей лирике описали схожие стадии процесса любви, который схож в разных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова, А. 1997: *Сочинения*: в 2 т. Т. 1. М.
 Голькар, А. 1392: *Литературные направления в истории русской литературы*. Тегеран.
 Соколов, А.Г. 1988: *История русской литературы конца XIX – начала XX века*. М.
 Чижонкова, Л.В. 2009: Стихи-эпиграф к лирике Анны Ахматовой. *Русский язык в школе* 4, 75–79.
 Abumahboob, A. 1387: *Gahvareye sabz afra. Zendegi va sh'er Simin Behbahani*. Tehran.
 Atashbarab, H. 1388: *Asre talayi va noghreyi sh'er roos*. Tehran.
 Behbahani, S. 1378: *Az salhaye ab va sarab*. Tehran.

¹⁹ Ахматова 1997, 30–31.

²⁰ Ахматова 1997, 29–30.

²¹ Ахматова 1997, 31.

- Behbahani, S. 1382: *Majmooye ash'ar*. Tehran.
Dehkhoda, A. 1368: *Farhang dehkhoda*. Tehran.
Mireski, D.S. 1372: *Tarikh adabiayt roosiyi. Tarjome Ibrahim Yoonesi*. Tehran.
Momtahan, M., Khoshkam, L. 1392: Barresi mazamin ash'ar asheghane Fereidoon Moshiri.
Nazar Ghabani. *Faslname adabiyat tatbighi daneshgah Azad Jiroft* 37.
Role, Y. 1391: *Adabyat enghlab. Tarjome Haddad*. Tehran.
Zarghani, M. 1391: *Chashm andaz sh'er moaser Iran*. Tehran.

REFERENCES

- Abumahboob, A. 1387: *Gahvareye sabz afra. Zendegi va sh'er Simin Behbahani*. Tehran.
Ahrmatova, A. 1997: *Sochineniya [Compositions]*: v 2 t. T. 1. M.
Atashbarab, H. 1388: *Asre talayi va noghreyi sh'er roos*. Tehran.
Behbahani, S. 1378: *Az salhaye ab va sarab*. Tehran.
Behbahani, S. 1382: *Majmooye ash'ar*. Tehran.
Chizhonkova, L.V. 2009: Stihri-epigraf k lirike Anny Ahrmatovoy [The Poems are Epigraph to the Lyrics of Anna Akhmatova]. *Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at school]* 4, 75–79.
Dehkhoda, A. 1368: *Farhang dehkhoda*. Tehran.
Gol'kar, A. 1392: *Literaturnye napravleniya v istorii russkoy literatury [Literary Trends in the History of Russian Literature]*. Tehran.
Mireski, D.S. 1372: *Tarikh adabiayt roosiyi. Tarjome Ibrahim Yoonesi*. Tehran.
Momtahan, M., Khoshkam, L. 1392: Barresi mazamin ash'ar asheghane Fereidoon Moshiri.
Nazar Ghabani. *Faslname adabiyat tatbighi daneshgah Azad Jiroft* 37.
Role, Y. 1391: *Adabyat enghlab. Tarjome Haddad*. Tehran.
Sokolov, A.G. 1988: *Istoriya russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka [History of Russian Literature of the Late XIX – Early XX Century]*. Moscow.
Zarghani, M. 1391: *Chashm andaz sh'er moaser Iran*. Tehran.

LOVE POEMS OF ANNA AKHMATOVA AND IRANIAN POETESS SIMIN BEHBAHANI: A COMPARATIVE ANALYSIS

Hussain Mostafavi Gero, Sakina Saremi Gero

Ferdowsi University of Mashhad, Mashhad, Iran,
mostafavigero@um.ac.ir, s.saremi66@yahoo.com

Abstract. The author examines the theme of love – the elixir of life in a romantic Persian and Russian poetry, comparing the poetry of Anna Akhmatova and the Iranian poetess Simin Behbahani. He analyses the love poetry of both poetesses, revealing the different stages of love. Some poems praise the first stage of love – opening soul secrets and mysteries of the beloved. Another cycle of poems reflects the second stage of love – its growth in the hearts of lovers. The third cycle of poems glorifying the “peak” of love, and the fourth is dedicated to its attenuation. Both poetesses began with romantic poetry and, eventually, began to write serious social lyrics.

Key words: Russian and Iranian literature, love poems, Anna Akhmatova, Simin Behbahani

---

ЛИНГВИСТИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 252–261
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 252–261
© Автор(ы) 2017

ВАТИКАНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ X в. И ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛАВИИ¹

С.Г. Шулежкова, А.Н. Михин

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
shulezkova@gmail.com, shulezkova@gmail.com*

Аннотация. В конце XX столетия произошло событие, которое заставило славистов заново взглянуть на ряд, казалось бы, незыблемых положений, связанных с историей возникновения славянской письменности, определением истоков первого литературного языка славян, степенью близости древнейших славянских памятников к кирилло-методиевским переводам, временем и местом появления первой богослужебной книги на славянском языке. Болгарский ученый Трендафил Крыстанов в Ватиканской библиотеке обнаружил письмо вселенского патриарха XIII века, нанесенное на пергамент, с которого был соскоблен кириллический славянский текст. Оказалось, что Герман II «пожертвовал» праздничным апракосным евангелием – копией древнейшего славянского перевода, выполненной в X в. болгарскими писцами. Длительная работа по восстановлению соскобленного текста этой сенсационной находки завершилась публикацией текста апракоса в 1996 г. Настало время детального изучения языка Ватиканского евангелия X века и объективной оценки его места в кругу других славянских памятников X–XI вв. Авторы статьи, опираясь на историко-лингвистический анализ текста Ватиканского евангелия, поддерживают мнение Крыстанова о статусе найденной рукописи как «наидревнейшей» славянской книги, которая строго следует кирилло-методиевским традициям. Доказательством тому может служить соблюдение в абсолютном большинстве случаев правил написания редуцированных и юсов; нормативное использование глагольных форм; наличие группы грецизмов, которые в текстах евангелий XI века уже заменены славянскими лексемами.

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова.

Михин Артем Николаевич – кандидат филологических наук, доцент словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова.

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного Министерством образования и науки РФ гранта «Историко-лингвистический комплекс как компонент действующей системы электронной поддержки изучения русского языка различными группами обучающихся и дистанционного образования на русском языке» (реализация федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы, соглашение № 09.з71.25.0152).

И все же лексико-фразеологический состав и грамматическая структура Ватиканского евангелия и евангелий-апракосов XI столетия свидетельствуют о том, что эти памятники написаны на одном и том же общеславянском литературном языке, имевшем хождение во всей христианизированной православной части Славии Средневековья.

Ключевые слова: Ватиканское евангелие, апракос, Трендафил Крыстанов, общеславянский литературный язык, рукопись, кирилло-мефодиевские традиции

Введение

В славистике не так часто совершаются открытия, которые влекут за собой пересмотр давно устоявшихся научных положений, воспринимаемых почти как аксиомы. И все же периодически наступает время, когда происходит переоценка значимости тех или иных рукописей, служащих базой для восстановления языка первопереводов Кирилла и Мефодия; уточняются хронологические данные древнейших славянских памятников; предлагаются новые концепции при определении этнической принадлежности наречия, послужившего источником для сакрального литературного языка славян Средневековья; появляются новые гипотезы относительно места (страны) начального этапа миссионерской деятельности солунской двоицы и т.д. Поводом для такого пересмотра стала находка тридцатипятилетней давности (срок для славистики не такой уж большой) болгарского ученого Трендафила Крыстанова. В 1982 г., работая в Ватиканской библиотеке, он обнаружил на пергаменте под письмом 1232 г. вселенского патриарха Германа II соскобленный текст изборного евангелия, писанный кириллицей. Сам факт введения в научный обиход этой рукописи стал настоящей сенсацией². В течение 12 лет с помощью ученых Болгарской Академии наук Крыстанов восстанавливал драгоценные строки, и в 1996 г. Ватиканское евангелие было опубликовано в Софии³. Вывод, сделанный Крыстановым и поддержанный другими болгарскими учеными⁴, оказался очень значимым для славистики. Работавшие над старинным текстом специалисты считают, что именно эта рукопись является древнейшим из известных памятников славянского письма, наиболее близким к переводам, выполненным Кириллом и Мефодием. До этого открытия, благодаря трудам российских славистов, особенно исследованиям Е.М. Верещагина⁵, считалось, что из всех известных науке славянских рукописей наиболее близким к первопереводам Кирилла и Мефодия является Остромирово евангелие 1056–1057 гг., также представляющее собой апракос – праздничное служебное евангелие. Болгарские ученые на основе анализа лексики Ватиканского евангелия и исследования его особенностей (фонетических, орфографических и палеографических) пришли к выводу, что этот памятник написан на древнеболгарском литературном языке⁶.

² Минчева 2003.

³ Ватиканско евангелие 1996.

⁴ См., например: Тотоманова 2001.

⁵ Верещагин 2012.

⁶ Крыстанов 1998, 38–66; Тотоманова 2001; Крыстанов 2010, 76–88; Плис 2013; Крыстанов 2013, 221–248 и др.

Обойти вниманием Ватиканское евангелие X в. не может сегодня ни один славист. Не только в Болгарии, но и в других странах вновь были поставлены вопросы, касающиеся истории возникновения письменности у славян, характера миссионерской деятельности солунских братьев; более подробно начала изучаться борьба Византии и Западной Римской империи за сферы влияния в процессе христианизации славян. Все это не могло не отразиться на решении проблем, имеющих отношение к концепции общеславянского статуса языка, сформировавшегося в результате переводческой деятельности Кирилла и Мефодия, и его влиянии на становление русского литературного языка. Не случайно известный филолог А.И. Горшков отметил: «... в последние годы было выдвинуто требование заменить понятие “старославянский язык” понятием “древнеболгарский язык” и вновь извлечено на свет положение о церковнославянском языке (по терминологии некоторых болгарских коллег “древнеболгарском языке русской редакции”) как единственном “древнерусском языке”»⁷.

Явление Ватиканского евангелия X в. научному миру не поколебало отношения славистов к подвигу Кирилла и Мефодия, какие бы славянские этносы они сейчас ни представляли. Это отношение эмоционально выразил чешский ученый В. Вавржинек: «Самой яркой характеристикой деятельности кирилло-мефодиевской миссии в Моравии было создание славянской письменности и введение богослужения на славянском языке. Это был эпохальный поступок, не имевший себе равных во всей тогдашней Европе <...> Константин был <...> гениальным филологом, о чем можно судить по его собственной переводческой и творческой деятельности, в которой <...> новый, созданный Константином славянский язык с самого начала (достиг) такого совершенства, которому последующие поколения авторов, пишущих на нем, лишь с трудом пытались подражать»⁸. Эта же мысль пронизывает работы О.Н. Трубачева (1992), Н.И. Толстого (1997), Е.М. Верещагина (1997, 2012), В.С. Ефимовой (2011) и многих других российских славистов⁹. Однако после обнаружения Ватиканского евангелия сами факты, связанные с миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия, обрастают в трудах славистов новыми версиями.

Так, например, совершенно иначе трактуются события, предшествующие поездке солунских братьев в Моравию; сомнению подвергаются причины и побудительные мотивы культурной миссии первоучителей славян. Ряд славистов полагают, что вовсе не «понуждение» византийского императора Михаила и не «мнимый запрос моравского князя», якобы «несомненно, не умевшего ни читать, ни писать» и «ни в коем случае» не нуждавшегося в «человеке для создания национальной культуры», стали подлинной причиной поездки Кирилла и Мефодия в славянское княжество: «Идея перевести на славянский язык книги Священного Писания, создать славянскую письменность, опирающуюся на собственный алфавит, и, наконец, петь литургию на славянском языке, возникла по инициативе самого Константина Философа»¹⁰, – утверждает, например, пражский славист В. Вавржинек. Что же касается позиции Византии, считают сторонники этой ги-

⁷ Горшков 1995.

⁸ Вавржинек 2013, 189–191.

⁹ Трубачев 1992, 30–31; Толстой 1997, 17; Верещагин 1997, 3–5; 2012, 4; Ефимова 2011, 3 и др.

¹⁰ Вавржинек 2013, 191.

потезы, то она вовсе не была заинтересована в миссии болунских братьев, ибо ее государственная, церковная (уже полностью эллинизированная) и в целом интеллектуальная элита была полна «высокомерного презрения ко всему негреческому» и уверена «в абсолютном превосходстве византийской цивилизации»¹¹. Не станем отрицать реальности этих обвинений: о высокомерии, как о и сребролюбии греческих священнослужителей, которых Византия отправляла в христианизированные славянские государства, свидетельств сохранилось немало. Можно согласиться и с тем, что патриарх Фотий и император Михаил III, которые, как сообщает предание, благословили Константина Философа на миссионерскую деятельность в Моравии, не были особо озабочены появлением четвертого сакрального языка христианской церкви и повышением культурного уровня славян. Но Византия, натерпевшаяся за два столетия от варварских набегов и не раз пожинавшая плоды поражений от славян-язычников, уже чувствовавших себя хозяевами на окраинных землях империи¹², не могла не быть заинтересована в распространении своего религиозного и в целом культурного влияния на непокорные славянские племена. Ей было необходимо обеспечить безопасность своих границ. Моравский же князь Ростислав отчаянно нуждался в проповеднике, который бы помог ему через христианское богослужение на родном для его подданных языке добиться конфессиональной независимости от баварского епископата. А потому Житие Константина, излагающее легенду о моравском посольстве в Константинополь, о письме Ростислава и обращении императора Михаила III к Константину Философи, исторически выглядит гораздо убедительней предположений о частной инициативе ученого, который должен был прекрасно понимать, что государственная поддержка в задуманном им деле просто необходима.

Обсуждая лингвистические свойства Ватиканского евангелия X в., современные слависты находят новые аргументы в поддержку Малоазийской гипотезы¹³ происхождения кирилло-методиевского языка¹⁴. Основания для этого есть. Крыстанов, как и другие исследователи, видит в языке памятника, представляющего собой древнейшую копию переводного творения Кирилла, болгарские корни¹⁵. В принципе большинство современных славистов сходятся в том, что основой для языка кирилло-методиевских переводов послужил один из диалектов именно болгарского языка. Но язык, созданный болунскими братьями, стал использоватьсь в качестве сакрального, литературного не только в Болгарии. Он был принят и в других государствах православной Славии, получившей название *Slavia Orthodoxa*¹⁶, в том числе, пусть на столетие позднее, чем в Болгарии, в Киевской Руси. Вполне резонно ученые Болгарии пишут о староболгарском (древнеболгарском) литературном языке, применяя данный термин по отношению к тем памятникам, которые появились на территории Болгарии. Но можно ли считать древнеболгарским тот литературный язык, который функционировал в других славянских странах? Как соотносятся между собой древнеболгарский литературный язык в

¹¹ Вавжинек 2013, 190.

¹² Оболенский 1998, 52–78, 79–111.

¹³ См. о Малоазийской гипотезе: Кузев 1940.

¹⁴ Крыстанов 1992, 22–25.

¹⁵ Крыстанов 1998.

¹⁶ Толстой 1997.

трактовке открывателя Ватиканского евангелия и его коллег, с одной стороны, и, с другой – сакральный литературный язык, общий для славян средневековой Славии, существование которого в IX –XI вв. вряд ли кто-либо станет сегодня оспаривать? Ведь речь идет об одном и том же языке, языке переводов первоучителей славян. Большинство терминов, обозначающих литературный язык, созданный Кириллом и Мефодием, не содержат сем, которые бы указывали на их принадлежность каким-либо конкретным славянским этносам. Не случайно, даже признавая болгарскую основу сакрального литературного языка славян Средневековья, российские слависты используют для него термины *старославянский язык, древнечерковнославянский язык, славянское литературное койне, (единий, общий) древнеславянский литературный язык; древнеславянский (международный, надэтнический) литературный язык*¹⁷, подчеркивая его принадлежность всем славянам.

В связи с вышесказанным не представляется убедительным первое положение, которое Крыстанов сформулировал, оценивая значимость для славистики открытого им славянского палимпсеста. В этом положении, в частности, утверждается, что Кирилл Философ взялся за перевод изборного евангелия на славянский язык для нужд европейских мизов (мезинов) или болгар, переселившихся в Византию из Малой Азии еще в VIII в.¹⁸ Далее, говоря о значимости Ватиканского палимпсеста как фактора, подтверждающего справедливость Малоазийской теории происхождения четвертого языка христианской церкви, Крыстанов ставит знак равенства между кирилло-мефодиевским сакральным литературным языком и живым разговорным языком мизов (мезинов) и болгар IX в. Приведем здесь буквальную цитату из работы болгарского исследователя 2013 г.: «подтверждава Малоазийската теория за Кирило-Методиевия език <...> като един и сущ говорим език на европейските мизи или българи от Мала Азия и от Мизия в Дунавска България от VIII–IX в., утвърден и като сакрален език от папа Адриан II 868 г. предимно с оглед на българите»¹⁹.

События славянской истории говорят о другом. Кирилл и Мефодий изобретали новую азбуку и переводили богослужебные книги не для одного этноса, пусть даже очень значительного. Солунские братья поставили перед собой масштабную задачу «создания и распространения сакрально-книжного языка для *всего славянства*, которое в те времена еще не было целиком христианским» (выделено нами)²⁰. Ни одно из славянских наречий IX в. не смогло бы выполнять те функции, которые выпали на долю сконструированного братьями языка. Ставя кирилло-мефодиевский сакральный литературный язык в один ряд с живым разговорным языком IX в., исследователь невольно принижает значимость колоссального лингвистического труда славянских просветителей. Этническая принадлежность той базы, на которую опирались перво переводчики богослужебных книг, уходит на второй план, когда рассматриваются принципы построения нового литературного языка Кириллом и Мефодием и языковая ситуация в славянском мире

¹⁷ См. об этом: Трубецкой 1992; Горшков 1995; Толстой 1997; Верещагин 2007; Шулежкова 2016.

¹⁸ Крыстанов 2013, 231.

¹⁹ Крыстанов 2013, 231.

²⁰ Толстой 1997, 17.

Средневековья²¹. Константин Философ к 863 г. из опыта общения со славянами не только в родном городе, но и во время своих миссионерских путешествий, в том числе в Северном Причерноморье, знал, что все «ветви великого племени славян» (так их в XIX в. назовет А.С. Будилович) еще не забыли о своем общеславянском прошлом и прекрасно понимают друг друга. Стремясь просветить всех славян, он придал новому языку силу, гибкость и мощь греческого литературного языка, но при этом мастерски воспользовался грамматической системой, доставшейся славянам от праславянского прошлого, и задействовал общий славянский лексический фонд, придавая привычным словам (таким, как *сынъ, мати, отъцъ, домъ, миръ, доуша* и пр.) символические христианские смыслы и формируя из них сверхсловные неологизмы, способные выражать абстрактные мировоззренческие понятия. «Ему нужно было, с одной стороны, отстоять истины православия <...> с другой же – вывести на исторический путь новое огромное племя и отстоять его духовную свободу»²².

Найденная рукопись, по мнению Крыстанова, свидетельствует о том, что первый перевод изборного евангелия был выполнен Константином Философом до моравской миссии 863 г. Ссылаясь на «Список архиепископов Болгарии», где значится и имя св. *Методий Моравски*, Крыстанов утверждает: «св. Кирилл и Методий са покръстили най-наперед българите и след това моравците»²³. О том, что перед отправкой в Моравию Константин Философ уже создал славянскую азбуку и перевел ряд богослужебных текстов, славистам было известно; разыскания же Крыстанова служат ценным уточнением, касающимся места начала миссионерской деятельности болунских братьев и подтверждением гипотезы об апракосе как первой служебной книге, переведенной с греческого на славянский язык.

Благодаря исследованиям, связанным с Ватиканским евангелием X в., уточнились многие детали, касающиеся роли римской католической церкви в христианизации славян и в судьбе общелитературного языка славян в качестве четвертого сакрального языка христианской веры. Как и другие болгарские исследователи, Крыстанов поддерживает точку зрения американского слависта украинского происхождения И. Шевченко²⁴ и чешского слависта В. Вавжинека о том, что византийские церковные власти ни в IX в., ни позднее, до захвата Константинополя турками, ни во времена османского ига не поддерживали славянское богослужение и были причастны к уничтожению древних славянских богослужебных книг, о чем свидетельствует судьба Ватиканского палимпсеста.

Заключение

Анализ работ, посвященных Ватиканскому палимпсесту, подтверждает огромную значимость для современной славистики открытия, сделанного Трендафилом Крыстановым. Восстановив безжалостно стертый текст копии славянского изборного евангелия X в. и опубликовав его, болгарские ученые Тр. Крыстанов, А.-М. Тотоманова и И. Добрев дали возможность исследователям разных

²¹ См. об этом: Верещагин 1997; Толстой 1997.

²² Будилович 1898, 345.

²³ Будилович 1898, 345.

²⁴ Ševčenko 1991.

стран погрузиться в фактически не тронутый временем кирилло-методиевский сакральный литературный язык, который в течение двух с половиной столетий был общим литературным языком православной Славии и дал мощный толчок к развитию славянских культур. Сравнение текста Ватиканского палимпсеста с текстами апракосных евангелий, созданных на территории Древней Руси в XI в., свидетельствует о том, что не только грамматический строй и лексика, но, что самое удивительное, и основной фразеологический состав памятников этого жанра фактически совпадает²⁵. Это значит, что идея солунских братьев была реализована: общеславянский сакральный литературный язык существовал, и попытки представить этот язык собственностью лишь какого-либо одного этноса некорректны.

ЛИТЕРАТУРА

- Будилович, А.С. 1892: *Общеславянский язык в кругу других общих языков древней и новой Европы*: в 2 т. Варшава.
- Вавржинек, В. 2013: Боръба о славянской литургии во (sic!) Великой Моравии и события в Болгарии. В сб.: В. Панайотов (ред.), *In honorem Триантафулло*. Шумен, 189–199.
- Кърстенов, Тр., Тотоманова, А.-М., Добрев, И. 1996: *Ватиканско евангелие. Старобългарско евангелие: Старобългарски апракос от X в. в палимпсестен кодекс*. Vat. Gr. 2502. София, 27–210.
- Верещагин, Е.М. 1997: *История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников*. М.
- Верещагин, Е.М. 2012: *Кирилло-методиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные и междисциплинарные разыскания*. М.
- Горшков, А.И. 1995: *Старославянский и древнерусский литературный язык*. Ботаник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: archive.is/JiVfI
- Ефимова, В.С. 2011: *Наименования лиц в старославянском языке*. М.
- Кърстенов, Тр. 1992: Откритието на «Българския ватикански палимпсест» в подкрепа на Малоазийская теория за Кирило-Методевия език. *Наука* 1, 22–25.
- Кърстенов, Тр. 1998: Българският Ватикански палимпсест. *Palaebulgarica* X, 1, 38–66.
- Кърстенов, Тр. 2010: Какъв е езикът на св. Йоан Екзарх Български и на св. Кирил и Методий? *Многообразие в единството* 1, 76–88.
- Кърстенов, Тр. 2013: Славянският палимпсест в Cod. Vat. Gr. 2502. Парадокси на кирилло-методиевската мисия, итало-българска следа и аксиома за езика. В сб.: Панайотов В. (ред.), *In honorem Триантафулло: Юбилеен сборник в чест на 60 годишнината на проф. д. фил. Н. Христо Трендафилов*. Шумен, 221–248.
- Куев, К. Малоазийската теория за езика на св. Кирил и Методий. *Училищен преглед* 39(1), 25–36.
- Минчева, Г. 2003: Житие. Трендафил Кърстенов открива най-старата славянска книга. *Сега: български вестник* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.segabg.com/article.php?issueid=862&sectionid=9&id=00003>
- Михин, А.Н., Осипова, Л.Н., Мишина, В.Ф., Шулежкова, С.Г. (сост.) 2012: *Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения X – XI вв.* Магнитогорск.
- Михин, А.Н., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. (сост.) 2014: *Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия*. Магнитогорск.
- Оболенский, Д.Д. 1998: *Византийское содружество наций*. М.

²⁵ См. данные в кн.: Индекс 2012; 2014; 2015.

- Позднякова, Н.В., Шулежкова, С.Г., Жигулина, Д.В. (сост.) 2015: *Индекс устойчивых словесных комплексов Архангельского и Туровского евангелий*. Магнитогорск.
- Толстой, Н.И. 1997: *Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации. Вопросы языкоznания* 2, 16–23.
- Тотоманова, А.-М. 2001: Текстологични бележки върху ватиканския палимпсест. *Преславска книжовна школа*. Т. V. *Исследования в чест на проф. Т. Томев*. София, 185–197.
- Трубачев, О.Н. 1992: *В поисках единства*. М.
- Трубецкой, Н.С. 1927: *К проблеме русского самопознания*. Париж.
- Шулежкова, С.Г. 2016: Мерцающий свет древнего слова: Старославянский язык – общий литературный язык средневековой Славии. *Русская словесность* 1, 7–10.
- Шулежкова, С.Г., Дворжецкий, Р.В., Косминская, Е.А. 2017: *Индекс устойчивых словесных комплексов Ватиканского евангелия X века*. Магнитогорск.
- Ševčenko, I. 1991: *Byzantium and the Slavs in Letters and Culture*. Harward University Press.

REFERENCES

- Budilovich, A.S. 1892: *Obshcheslav'anskiy yazyk vkrugu drugih obshchih yazykov drevnej I novoy Evropy* [Common Slavonic Language Among the other Common Languages of Ancient and New Europe]: v 2 t. Varshava.
- Efimova, V.S. 2011: *Naimenovaniya lits v Staroslav'anskom yazyke* [The Names of Persons in Old Slavonic]. Moscow.
- Gorshkov, A.I. 1995: *Staroslav'anskiy i drevnerusskiy literaturnyy yazyk. Botanik* [Old Church Slavonic and Old Russian Literary Language. Botanist], archive.is/JiVfI
- Krystanov, Tr. 1992: Otkritieto na «Bulgarskiya vatikanskiya palimpsest» v podrrepa na Maloazijskaja teorija za Kirilo-Metodijevija ezik [Opening of “Bulgarian Vatican Palimpsest” of Asia Minor in Support of the Theory of Cyril and Methodius Language]. *Nauka* [Science] 1, 22–25.
- Krystanov, Tr. 1998: Bulgarskiyat vatikanski palimpsest [Bulgarian Vatican Palimpsest]. *Palaebulgarica* [Palaebulgarica] X, 1, 38–66.
- Krystanov, Tr. 2010: Kakov e ezikъ na sv. Joan Ekzarh Bulgarski i na sv. Kiril i Metodiy? [What is the Language of the Holy. John, the Bulgarian Exarch, and St. Cyril and Methodius?]. *Mnogoobrazie v edinstvotoomo* [The Diversity of Unity] 1, 76–88.
- Krystanov, Tr. 2013: Slav'anskijat palimpsest v Cod. Vat. Gr. 2502. Paradoksi na kirilo-metodijevskata misija, italo-dolgarska sleda I aksioma za ezika [Slavyanskie the Palimpsest Cod. Vat. Gr. 2502. Paradoxes of Cyril and Methodius Mission, the Italian-Bulgarian Track an Axiom of the Language]. In: Panayotov V. (red.), *In honorem Triantafyllo. Jubilee sbornik v chest na 60 godishniata na prof. d. fil. N. Hristo Trendafilov* [In Honorem Triantafyllo: Jubilee Collection in Honor of the 60th Anniversary of Professor. D. Phil. N. Hristo Trendafilov]. Shuven, 221–248.
- Krystanov, Tr., Totomanova, A.-M., Dobrev, I. 1996: *Vatikansko evangeliie. Starobulgarsko evangeliie: Starobulgarski aprakos ot X v. v palimpsesten kodeks*. Vat. Gr. 2502 [The Gospel of the Vatican. The gospel of Starobulgarska: Starobulgarski Aprakos from X Century in Palimpseste Code. Vat. Gr. 2502]. Sofiya, 27–210.
- Kuev, K. Maloazijskaya teoriya za ezika na sv. Kiril i Metodiy [Asia Minor Theories about the Language of St. Cyril and Methodius]. *Uchilishcheni pregled* [School Review] 39(1), 25–36.
- Mihin, A.N., Osipova, A.A., Shulezhkova, S.G. (sost.) 2014: *Indeks ustoychivih slovesnyh komplexov Ostromirova evangeliya* [The Index of Sustainable Verbal Complexes of Ostromir Gospels]. Magnitogorsk.

-
- Mihin, A.N., Osipova, L.N., Mishina, V.F., Shulezhkova, S.G. (sost.) 2012: *Indeks ustoychivyh slovesnyh kompleksov pamjatnikov vostochnoslavjanskogo proishozhdeniya X–XI vv.* [The Index of Sustainable Verbal Complexes of Monuments of the East Slavic Origin of the X–XI Centuries]. Magnitogorsk.
- Mincheva, G. 2003: *Zhitie. Trendafil Krystanov otkriva naj-starita slav'anska kniga* [Life. Trendafil Krysanov Otkriva Nai Strata Slavic book]. Sega: bulgarski vestnik [Sega Bulgarian Bulletin], <http://www.segabg.com/article.php?issueid=862&sectionid=9&id=00003>
- Obolenskiy, D.D. 1998: *Vizantiyskoe sodruzhestvo naciy* [The Byzantine Commonwealth of Nations]. Moscow.
- Pozdnyakova, N.V., Shulezhkova, S.G., Zhigulina, D.V. (sost.) 2015: *Indeks ustoychivyh slovesnyh kompleksov Arhangel'skogo i Turovskogo evangeliy* [The Index of Sustainable Verbal Complexes of Archangel and Turov Gospels]. Magnitogorsk.
- Ševčenko, I 1991: *Byzantium and the Slavs in Letters and Culture*. Harward University Press.
- Shulezhkova, S.G. 2016: *Mertsauščiy svet drevnego slova: Staroslav'anskiy yazyk – obshchiy literaturny yazyk srednevekovoy Slavii* [The Flickering Light of the Ancient Word: the Old Slavonic Language – a Common Literary Language of Medieval Slavia]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature]1, 7–10.
- Shulezhkova, S.G., Dvorzhetskiy, R.V., Kosminsraya, E.A. 2017: *Indeks ustojchivyh slovesnyh kompleksov Vatikanskogo evangeliya X veka* [The Index of Sustainable Verbal Complexes of Vatican Gospels of the X Century]. Magnitogorsk.
- Tolstoy, N.I. 1997. Slavia Orthodoxa i Slavia Latina – obshhee i razlichnoe v literaturno-yazykovoy situacii [Slavia Orthodoxa and Slavia Latina – Common and Different in the Literary and Linguistic Situation]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics] 2, 16–23.
- Totomanova, A.-M. 2001: Tekstologichni belezhki vъru vatikanskiya palimpsest [Tekstologii of Beliki Vyrus Vatican Palimpsest. Preslavskaya Knizhovna School]. *Preslavskaya knizhovna shkola. T.V. Issledovaniya v chest na prof. T. Totev* [Preslavskaya Knizhovna School. T. V. Studies in Honour of prof. T. Totev]. Sofia, 185–197.
- Trubachov, O.N. 1992: *V poiskah edinstva* [In Search of Unity]. Moscow.
- Trubetskoy, N.S. 1 927: *K probleme russkogo samopoznaniya* [The Problem of Russian Self-knowledge]. Paris.
- Vavrzhinek, V. 2013: *Bor'ba o slav'anskoy liturgii vo Velikoy Moravii I sobtyiya v Bolgarii* [Dispute on the Slavonic Liturgy in (sic!) Great Moravia and Events in Bulgaria]. In: Panayotov V. (red.), *In honorem Триантаφύλλο* [In Honorem Триантаφύλλο]. Shumen, 189–199.
- Vereshchagin, E.M. 1997: *Istoriya vozniknoveniya drevnego Obshcheslav'anskogo literaturnogo jazyka. Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla I Mefodiya i ego uchenikov* [The History of the Ancient Slavic Literary Languages: the Linguistic Activity of Cyril and Methodius and Their Disciples]. Moscow.
- Vereshchagin, E.M. 2012: *Kirillo-Mefodievske knizhnoe nasledie. Mezhazykovye, mezhkul'turnyye i mezhdisciplinarnyye razyskaniya* [Cyril and Methodius Book Heritage. Interlingual, Intercultural and Interdisciplinary Researches]. Moscow.

VATICAN EVANGELIUM OF THE 10th CENTURY AND THE COMMON
LITERARY LANGUAGE OF THE MEDIEVAL SLAVIA

Svetlana G. Shulezhkova, Artem N. Mikhin

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
shulezkova@gmail.com, shulezkova@gmail.com

Abstract. At the end of the 20th century, there was an event, which made slavists pay their attention to a number of firm attitudes on the history of Slavic writing and its origin. Once again, linguists tried to define the sources of the first literary language of the Slavs and worked on the problem of linguistic similarity of the most ancient Slavic manuscripts and Cyril and Methodius's texts. The issue of the time and the place of appearance of the first service book in Slavonic language was also raised then. Bulgarian researcher, Trendafil Krystanov, found the letter of the Ecumenical Patriarch of the 13th century, which was written on parchment, from which the Cyrillic Slavic text has been scratched out. It turned out that Herman II sacrificed Aprakos Evangelium (the copy of the ancient Slavic text, made in the 10th century by Bulgarian copyists) to the letter. After a very long work, the scratched-out text of the Aprokos was recovered and published in 1996. The period of the detailed study of the Vatican Evangelium of the 10th century has begun and now it is the time to analyze its value and place among the other Slavic manuscripts of the 10–11th centuries. The author of the article uses the historical and linguistic analysis of the text and endorses Krystanov's view on the manuscript status – as the most ancient Slavic book, which was written according to Cyril and Methodius's tradition. The copyist kept the tradition of reduced vowels and yuses and used standard verbal forms. The text had Greek words, which were replaced with Slavic lexemes in texts of the Aprokos of the 11th century. The lexicological and phraseological structure and grammatical structure of the Vatican Evangelium and Aprokoses of the 11th century demonstrate that these texts are written in the same all-Slavic literary language, which was in use in all Christianize part of the Medieval Slavia.

Key words: Vatican Evangelium, aprokos, Trendafil Krystanov, common literary language of the Slavs, manuscripts, Cyril and Methodius's tradition

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 262–268
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 262–268
© Автор(ы) 2017

СИНТАКСИС ОПИСНЫХ КНИГ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVI–XIX вв. КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

А.Д. Бондарева

*Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Северодвинск,
aleksandra.bondareva2015@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу синтаксических единиц в составе текстов описных книг среднерусских и северорусских монастырей XVI–XIX вв. с позиций семантического синтаксиса. Структурно-семантические особенности исследуемых текстов обусловлены рядом факторов: pragmatikoy (как совокупностью экстралингвистических условий порождения текста), онтологическими свойствами описываемых предметов, спецификой речемыслительного процесса. Описная книга представляет собой один из жанров деловой письменности, целью которого являлась инвентаризация движимого и недвижимого монастырского имущества. Аннотируемая работа выполнена на материале фрагментов описных книг, фиксирующих и описывающих храмовые иконы.

Для решения определенной коммуникативной задачи с учетом особенностей описываемой экстралингвистической ситуации происходит отбор определенных логико-синтаксических структур и их наложение друг на друга. Анализ смысловой структуры текстов позволяет выделить в структурно-семантической организации текстов элементы бытийных отношений и отношений характеристизации в рамках одного предложения. Так, в исследуемых примерах наблюдается контаминация двух логико-синтаксических типов в рамках одного предложения, обусловленная их глубокой семантической связью. Следствием этого является полипропозитивность и высокая степень информативности данных синтаксических единиц.

Контаминация двух типов предложений в большинстве исследованных документов является постоянной характеристикой описных книг. Если языковые средства выражения тех или иных структурных компонентов предложения варьируются в зависимости от места и времени создания документа, то смысловая структура синтаксических единиц остается неизменной. Так как обращение к таким логико-синтаксическим типам предложений как бытийные и характеристизации – единственный способ вербализации синхронных признаков статичного объекта, мы считаем возможным рассматривать данную особенность в качестве одной из составляющих жанровой специфики описных книг.

Ключевые слова: описная книга, генологический анализ, семантический синтаксис, смысловая структура предложения, логико-синтаксические типы предложений

Бондарева Александра Дмитриевна – аспирантка кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) Федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Генологический анализ текста (основная цель которого – распознавание жанра) предполагает проведение ряда процедур: определение жанровых сигналов, анализ структуры, прагматики, стилистики и семантики текста¹. В то же время антропоцентрический подход в языковедении направляет внимание исследователя к смысловой стороне языковых единиц любого уровня. Поэтому в качестве одного из этапов жанровой атрибуции текста представляется естественным рассмотрение его синтаксиса с семантических позиций.

В данной статье мы обратимся к анализу синтаксиса текстов одного из жанров делопроизводства XVI–XIX веков, а именно – к описным книгам. Материалом нашего исследования будут фрагменты книг, фиксирующие наличие и описание храмовых икон, так называемый «иконный инвентарь».

Структурно-семантические особенности синтаксиса описных книг обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, это прагматический фактор. Он представляется ключевым, так как рассматриваемые нами тексты (как и любые тексты вообще) являются результатом решения конкретных коммуникативных задач. «Речь понимается как деятельность, исходящая от субъекта и направленная адресату, а текст – это ее материализованный результат, в котором заключено не только объективно-информационное, но и прагматическое содержание»². Прагматическая функция рассматриваемых документов – описание предметов монастырского обихода с целью определения имущественного состояния монастыря – задает тему текста, его содержание, композицию, стилистические особенности. Следовательно, данным фактором обусловлен и отбор семантических структур предложения как одной из строевых единиц текста.

Во-вторых, на выбор тех или иных смысловых структур, организующих предложение, влияют онтологические свойства описываемых фрагментов действительности. В нашем случае объектом описания являются храмовые иконы. Икона, как предмет вещного мира, принадлежит одновременно религиозной, эстетической и ремесленной сферам³ и потому обладает набором статичных признаков. Поскольку целью описных книг являлась инвентаризация монастырского имущества, то главным для составителя описи было атрибутировать каждый предмет, то есть выделить и описать его «вещные» признаки.

В-третьих, на структурно-семантические характеристики предложений влияют особенности протекания речемыслительного процесса: процесс восприятия (в нашем случае – визуального) информации, и ее кодирование средствами языка. Закономерности языкового мышления позволяют ученым говорить о существовании конечного числа логико-синтаксических начал, на языковом уровне проявляющихся в существовании четырех логико-синтаксических типов предложений: бытийных (экзистенциальных), характеризации, номинации, идентификации (тождества)⁴.

Поскольку в данной работе нас будут интересовать первые два типа, напомним, что в бытийных предложениях находит языковое выражение утверждение

¹ Войтак 2014, 77.

² Матвеева 1990, 5.

³ Баландина 1997, 3.

⁴ Арутюнова 1976, 18.

существования (или несуществования) объекта, а основными компонентами таких предложений являются: 1) область бытия (локатив), 2) указатель факта бытия (бытийный глагол), 3) сам бытующий объект⁵. В предложениях характеризации со структурой «объект–предицируемый признак» отражается предикативная характеристика объекта⁶.

Рассмотрим, каким образом названные факторы отражаются в памятниках письменности, относящихся к жанру описных книг.

Как уже говорилось, основная коммуникативная задача составителя описной книги как жанра делопроизводства – атрибутировать тот или иной предмет. Однако «логика языкового мышления требует утвердить наличие предмета, события, явления и только после этого – характеризовать их»⁷. В соответствии с данной логикой, каждое предложение, представляющее новый объект, содержит маркеры бытийных предложений в следующей последовательности: 1) локатив, 2) бытийный глагол, 3) бытующий объект: *Рядом с иконостасом св. Арсения у южной стены висит икона Божией Матери Скорой Помощи в киоте столярной работы...*⁸

Локатив представляет информацию о размещении иконы в пространстве храма (*на правой стороне; меж царьскими дверьми и северными; на тябле вверху; подле южных врат*). Исследователи отмечают, что в русском языке понятие существования представлено пространственно и «соответствует толкованию этого понятия в древнегреческой философии: “существовать – значит быть где-то”»⁹.

Бытийный глагол может иметь языковое выражение в лексикализованном виде: ‘висит’, ‘стоит’, либо присутствовать в предложении имплицитно: *На правой стороне икона Преображение Спасово на золоте семи пядей*¹⁰; *Подле южных врат образ Богоявления Господня на красках, длиною два аришина полпята вершка, шириной два аришина с полувершком*¹¹.

Бытующий объект – это собственно объект описания. Он составляет макротему соответствующего фрагмента описной книги и выражается различными способами: ‘образ’, ‘икона’, ‘десис’, ‘пядница’, ‘Спас’ (или любое имя собственное, отражающее название иконы).

Необходимость реализации основной коммуникативной задачи (собственно описание предмета) ведет к изменению мыслительного процесса, его направленности «от объекта к его признакам, набору признаков, состоянию, свойствам, действию»¹². Это отражается в актуализации элементов характеризующих предложений: *А на тябле вверху образ архангела Гавриила обложен серебром, венцы сканные с жемчуги и с камышки, одного камышка нет (ССУМ, 1607); А в церкви у Пречистые Богородицы на правой стороне царских дверей образ Пречистые Богородицы Одегитрия чудотворной с Превечным Младенцем, месной, что явилася*

⁵ Арутюнова 1976, 212.

⁶ Арутюнова 1976, 19.

⁷ Ширяева 1997, 115.

⁸ Христенко 2012, 200.

⁹ Селиверстова 2004, 560.

¹⁰ Мильчик 2003, 39.

¹¹ Ермолаев, Никонов 2013, 77.

¹² Арутюнова 1976, 19.

чюдотворцу Кирилу¹³. В данном случае имя бытующего объекта одновременно является субъектом, которому предицируется ряд признаков. Стоит отметить, что предицируемые признаки могут выражать разнообразные характеристики предмета: размер (*большой, малый, штильдный, посредственной величины*), состояние (*ветхой, поновлен*), основу (*на белой кости, на краном камени, на полотне, на кипарисной доске*), технику (*писан, резан, шит*), украшения, авторство и др.

В предложениях характеристизации мы также имеем дело с глаголом «быть», поскольку «глагол *быть* в русском языке <...> используется для образования предикатов со значением качества или набора качеств, объединенных в предмете»¹⁴. Однако в отличие от предыдущего логико-синтаксического типа, где данный глагол является полнозначным глаголом со значением бытийности, в предложениях характеристизации он выполняет роль связки. Поскольку данный глагол (независимо от того, является ли он экзистенциальным или связочным) несет временную и модальную информацию, которая не является существенной для констатации вневременного значения существования объекта и описания его статичных признаков, он легко опускается в обоих случаях.

Следовательно, мы можем говорить о совмещении в одном предложении элементов двух логико-синтаксических типов предложений: бытийных и характеристизирующих. Происходит наложение двух структурных схем, отражающих различные логико-синтаксические начала. «Можно рассматривать бытийные предложения в качестве первичных, отражающих более простой, элементарный взгляд человека на мир, а характеристизирующие предложения считать отражением более глубокого проникновения человека в сущность окружающей его действительности»¹⁵. Однако по отношению к рассматриваемым документам мы придерживаемся той точки зрения, которая снимает принципиальные различия между этими двумя типами предложений: «В контексте описательного текста дифференциация бытийных и характеристизирующих предложений теряет свою значимость»¹⁶.

Перемещение локатива из позиции «актанта справа» по отношению к предикату в позицию «актанта слева» ведет к трансформации бытийного предложения в предложение характеристизации: *Пречистыя образ стоит на кутейнике, седми пядей высота, на золоте¹⁷*; *Образ кипарисной стоит над царскими дверми, в начале Господь Саваоф и с прочими святыми¹⁸*. Несмотря на перемещение акцента с факта бытия предмета на место его бытования, глубокая семантическая связь этих двух типов предложений очевидна.

Приведенные в качестве примеров предложения имеют полипропозитивную структуру, поскольку отражают несколько гетерогенных ситуаций¹⁹: 1) ‘в данном пространстве существует некий объект’; 2) ‘этот объект обладает набором опре-

¹³ Дмитриева, Шаромазов 1998, 42.

¹⁴ Селиверстова 2004, 590.

¹⁵ Чайрова 1991, 14.

¹⁶ Хамаганова 2002, 69.

¹⁷ Макарий (Булгаков) 1879,

¹⁸ Христенко 2012, 59.

¹⁹ В нашем исследовании мы отталкиваемся от знаковой природы предложения и рассматриваем ситуацию как «обобщенное название действий, процессов, состояний, событий в действительности, с которыми соотносится предложение в контексте высказывания» (Чайрова 1991, 6), то есть как экстралингвистический денотат предложения.

деленных признаков'. Полипропозитивная структура выявляет стремление к передаче максимального количества информации минимальными средствами языка, что характерно как для делового стиля в целом, так и для его отдельных жанровых разновидностей в частности. Благодаря этому описные книги являются текстами с высокой степенью лингвистической и лингвокультурологической значимости.

Таким образом, для решения определенной коммуникативной задачи с учетом особенностей описываемой экстралингвистической ситуации происходит отбор определенных логико-синтаксических структур и их наложение друг на друга. Контаминация двух типов предложений в большинстве исследованных документов является постоянной характеристикой описных книг. Если средства выражения тех или иных структурных компонентов предложения варьируются в зависимости от места и времени создания документа, то смысловая структура синтаксических единиц остается неизменной. Так как «другого способа текстовой вербализации синхронных признаков статичного объекта нет»²⁰, мы считаем возможным рассматривать данную особенность в качестве одной из составляющих жанровой специфики описных книг.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н.Д. 1976: *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. М.
- Баландина, А.А. 1997: *Лексика иконописи XVI-XVIII вв. (на материале севернорусской и среднерусской деловой письменности)*: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Вологда.
- Дмитриева, З.В., Шаромазов, М.Н. (сост.) 1998: *Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года*. СПб.
- Войтак, М. 2014: Генологический анализ текста. В сб.: Баженова, Е.А. (ред.), *Сtereотипность в творчестве и тексте*. Пермь, 77-85.
- Ермоляев, Д.А., Никонов, С.А. (сост. и авт. статей) 2013: *Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков*. Мурманск.
- Мильчик, М.И. (отв. ред.) 2003: *Описи Соловецкого монастыря XVI века*. СПб.
- Булгаков, М.П. 1879: *Историко-статистическое описание Николаевского Корельского монастыря*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://orthonord.ru/books/nikolo-korel/historical/makarij_opis_nik_kor_mon-rus.htm].
- Матвеева, Т.В. 1990: *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк*. Свердловск.
- Селиверстова, О.Н. 2004: *Труды по семантике*. М.
- Хамаганова, В.М. 2002: *Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии)*: дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Христенко, В.Б. (ред.). 2013: *Святыни и древности: Переписные книги и описи Старицкого Свято-Успенского монастыря*. М.
- Чайрова, В.Т. 1991: *Русские бытийные предложения и их эквиваленты в сфере предложений характеризации*: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.
- Черкасова, М.С. (отв. ред.). 2011: *Переписные книги вологодских монастырей XVI-XVIII вв.: исследование и тексты*. Вологда.
- Ширяева, Е.Н. 1997: *Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация*. М.

²⁰ Хамаганова 2002, 149.

REFERENCES

- Arutyunova, N.D. 1976: *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problem* [The Sentence and its Sense: Logical and Semantic Problems]. Moscow.
- Balandina, A.A. 1997: *Leksika ikonopisi XVI-XVIII vv. (na materiale severnorusskoy i srednerusskoy delovoy pis'mennosti)* [Lexicon of the Iconography of the XVI–XVIII Centuries (Based on the Northern Russian and Central Russian Business Writing)]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Vologda.
- Bulgakov, M.P. 1879: *Istoriko-statisticheskoe opisanie Nikolaevskogo Korel'skogo monastyrya* [Historical and Statistical Description of the Nikolayevsky Korel Monastery], http://orthonord.ru/books/nikolo-korel/historical/makarij_opis_nik_kor_mon-rus.htm.
- Chairova, V.T. 1991: *Russkie bytijnye predlozhenija i ih ekvivalenty v sfere predlozhenij harakterizacii* [Russian Existential Sentences and their Equivalents in the Scope of Proposals Characterization]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Moscow.
- Cherkasova, M.S. (ed.) 2011: *Perepisnye knigi vologodskih monastyrey XVI-XVIII vv.: issledovanie i teksty* [The Census Book of the Vologda Monasteries of XVI–XVIII Centuries: a Study and Texts]. Vologda.
- Dmitrieva, Z.V., Sharomazov, M.N. (ed.) 1998: *Opis' stroeniy i imushhestva Kirillo-Belozerского monastyrya 1601 goda* [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1601]. Saint-Petersburg.
- Ermolaev, D.A., Nikonorov, S.A. (eds.) 2013: *Opisi cerkvnogo imushhestva Kol'skogo Pechengskogo monastyrya i Voskresenskogo sobora goroda Koly XVIII – serediny XIX vekov* [Inventories of Church Property of the Kola Pechenga Monastery and the Resurrection Cathedral of the City of Kola XVIII – Mid XIX Centuries]. Murmansk.
- Hamaganova, V.M. 2002: *Strukturno-semanticheskaja i leksicheskaja model' teksta tipa «opisanie» (problemy semiotiki i ontologii)* [Structural-Semantic and Lexical Model of the Text Type “Description” (Problems of Semiotics and Ontology)]: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow.
- Hristenko, V.B. (ed.) 2013: *Svyatyni i drevnosti: Perepisnye knigi i opisi Starickogo Svyato-Uspenskogo monastyrya* [Shrines and Antiquities: Census Books and Inventories of the Starytsky Holy Assumption Monastery]. Moscow.
- Matveeva, T.V. 1990: *Funktional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij. Sinhronno-sopostavitel'ny ocherk* [Functional Styles in the Aspect of Text Categories. Synchronous-Comparative Essay]. Sverdlovsk.
- Mil'chik, M.I. (ed.) 2003: *Opisi Soloveckogo monastyrya XVI veka* [Inventories of the Solovetsky Monastery of the XVI Century]. Saint-Petersburg.
- Seliverstova, O.N. 2004: *Trudy po semantike* [Works on Semantics]. Moscow.
- Shiryaeva, E.N. 1997: *Teoreticheskiy kurs. Sintaksis. Punktuaciya* [The Modern Russian Language. Theoretical Course. Syntax. Punctuation]. Moscow.
- Voytak, M. 2014: Genologicheskiy analiz teksta [Genealogical Analysis of the Text. In the Collection]. In: E.A. Bazhenova (red.), *Stereotipnost' v tvorchestve i tekste* [Stereotype in Creativity and Text]. Perm', 77–85.

INVENTORY BOOKS SYNTAX OF MIDDLE RUSSIAN AND NORTH RUSSIAN
MONASTERIES OF 16th – 19th CENTURIES AS FACTOR FOR FORMATION
OF THE GENRE

Aleksandra D. Bondareva

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia,
aleksandra.bondareva2015@yandex.ru*

Abstract. The article focuses on the analysis of syntactic units as a part of the texts of the inventory books of Middle Russian and North Russian monasteries of the 16th – 19th centuries. Structural and semantic features of the texts are determined by a number of factors: pragmatics (as a set of extralinguistic conditions for the generation of text), ontological properties of the described objects, specificity of the process of the speech and minding. The inventory book is one of the genres of business writing, the purpose of which was the inventory of movable and immovable monastic property. The annotated work is based on the material of fragments of the descriptive books that fix and describe the icons.

To solve a specific communicative problem, taking into account the peculiarities of the described extra-linguistic situation, certain logical-syntactic structures are selected and superimposed on each other. Analysing the semantic structure of the texts allows us to allot the elements of existential relations and characterizatization relations within a single sentence in it. Thus, in the examples studied, two logical-syntactic types are contaminated within the framework of one sentence, due to their deep semantic connection. The consequence of this is a high degree of informational content of these syntactic units.

The contamination of the two types of proposals in the majority of the documents examined is a constant characteristic of the reference books. The linguistic means of expressing one or another of the structural components of a sentence varies depending on the place and time of document creation, but the semantic structure of syntactic units remains unchanged. Since the reference to such logical-syntactic types of sentences as being and characterizations is the only way to verbalize the synchronous signs of a static object, we consider it possible to consider this feature as one of the components of the genre specificity of the inventory books.

Key words: inventory book, genre analysis of text, semantic syntax, semantic structure, logical-syntactic types of sentences

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 269–277
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 269–277
© Автор(ы) 2017

ЗАМЕТКИ О ЛЕКСИКЕ ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО

Т.Г. Попова

*Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета
им. М.В. Ломоносова, Северодвинск,
lestvic@mail.ru*

Аннотация. Одна из самых популярных книг в средневековой письменности, Лествица Иоанна Синайского, остается крайне мало изученной. В статье предлагаются наблюдения над лексическим составом книги по тексту древнейшей русской рукописи, созданной в середине XII в. на киевских землях. В рукописи функционирует множество слов, указывающих на время и место выполнения первого славянского перевода Лествицы (Преславская книжная школа). Автором перевода может быть выдающийся болгарский книжник Иоанн Экзарх. В статье рассматриваются медицинская и астрономическая лексика, слова, именующие животных и растения, названия химических элементов. Описывается лексика, относящаяся к монастырскому быту: названия жилищ, слова, передающие уклад жизни в монастыре, именования иноков. Особое внимание уделяется словам, именующим нечистую силу. Эта группа лексем в Лествице чрезвычайно разнообразна. Против монаха изощренно действуют дьявол и его свита (бесы), олицетворяющие тот или иной порок. Лествичник выразительно описывает борьбу монаха с этими бесами (бесом тщеславия, бесом блуда, бесом уныния и др.). В оригинальном тексте автор старается заменять лексемы *дьявол* и *бес* непрямыми наименованиями (*враг*, *волк*, *змей*, *разбойник* и т.д.). Еще большим стремлением избегать употребление этих слов характеризуется славянский текст памятника. При чтении рукописи складывается впечатление, что писец специально пропускает названия бесов. В целом, наблюдения над текстом славянской рукописи в со-поставлении с греческим оригиналом приводят к убеждению, что первый славянский перевод Лествицы был выполнен на высоком уровне. Но в славянской рукописи отсутствуют греческие лексемы, которые несут большую смысловую нагрузку, часто являясь ключевыми в своих контекстах. В результате такой писцовой «деятельности» напрочь утрачивается смысл целых фрагментов текста.

Ключевые слова: Лексика, славянские тексты, Лествица, Иоанн Синайский

Одной из самых популярных книг в средневековой славянской письменности был обширный трактат о подвигах монашеской жизни, написанный в первой половине VII в. игуменом Синайского монастыря Иоанном. Этот памятник учитель-

---

Попова Татьяна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и русского языка Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 16-04-00420 «Текстологическое и лингвистическое исследование древнейшей русской рукописи Лествицы Иоанна Синайского».

ной ранневизантийской литературы широко известен в славянской книжности под названием «Лествица» (современное русское *лестница* является поздним словообразовательным вариантом общеславянского слова *лествица*). Книга содержит 30 глав, символизирующих ступени, ведущие человека к Богу. До настоящего времени от XII–XIX вв. дошло более 500 славянских списков книги¹. Особенно почитаема была Лествица у русского читателя: об этом свидетельствуют и сотни дошедших русских рукописей книги, и множество выписок из Лествицы в самых разных сборниках (начиная с Изборника Святослава 1073 г.), и множество храмов, воздвигнутых на Руси во имя святого Иоанна, и большое число русских икон с изображением святого (или с «Видением Лествицы»). Огромная популярность памятника обусловлена многими причинами, к числу которых относятся такие несомненные достоинства книги, как содержательная глубина, тонкий психологический анализ, красота и выразительность языка.

Чрезвычайно богат и разнообразен лексический состав Лествицы. Его изучение крайне важно для истории русского литературного языка разных периодов его развития. «Историю языка изучают не по памятникам, а по рукописям», и «источником историко-лингвистических выводов является конкретная рукопись»². Обратимся к древнейшей славянской рукописи Лествицы, написанной, вероятно, в середине XII в. на территории, близкой к Киеву (или в другом месте писцом – носителем киевского диалекта). Рукопись хранится в Румянцевском собрании Российской государственной библиотеки под номером 198 (далее – Рум. 198).

Первой задачей, встающей перед исследователем текста переводного памятника, является поиск «оригинала» перевода, без привлечения которого любые наблюдения над языком рукописи будут гипотетическими. Найти греческую рукопись, текст которой находился перед глазами славянского переводчика, представляется задачей невыполнимой (число дошедших до настоящего времени греческих рукописей Лествицы составляет не менее 518). Сравнение славянского текста Лествицы (по рукописи Рум. 198) с опубликованными и неопубликованными греческими текстами памятника привело к однозначному выводу о том, что в основе первого славянского перевода Лествицы лежит та версия греческого текста, которая была опубликована М. Радером и переиздана Минем³.

Наблюдения над лексическим составом Рум. 198 (в сопоставлении с «оригинальным» греческим текстом) позволяют сделать ряд выводов, важных и для исторической лексикологии русского языка, и для изучения раннеславянских переводческих школ, и для исследования истории славянского текста Лествицы.

Прежде всего, в тексте Рум. 198 функционирует множество слов, связанных с Преславской переводческой школой («преславизмов»). Перечислим некоторые характерные лексемы Рум. 198, наличие которых в древнейших славянских рукописях является яркой текстологической приметой памятников преславского происхождения: **εγχύμα πάντη, εἰς ἄπαν, τὸ σύνολον; васнь** ἵσως, τάχα;

¹ В Каталоге славянских рукописей Лествицы (Popova 2012) дается археографическая информация о 514 списках памятника. На сегодняшний день автору известно местонахождение 541 рукописи Лествицы.

² Камчатнов 1995, 6.

³ См.: S. Ioannis Scholastici, abbatis Montis Sina, qui vulgo Climacus appellatur, opera omnia / Interprete Matthaeo Radero. Lutetiae-Parisiorum, 1633; Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 88. Col. 631–1210. Parisiis, 1860.

гολέμъи *μέγας*; *κρъмъи* *ή* *τροφή*, *ή* *τρυφή*; *κρъунн* *ό* *χαλκεύς*; *пастоуχъ* *δ* *ποιμήν*, *δ* *προεστώς*; *пословчъ* *δ* *μάρτυς*; *поѹвръзенни* *ή* *κατάνυξις*; *шаръунн* *ό* *ζωγράφος* и др. В других (более поздних) славянских переводах Лествицы этим словам соответствуют другие лексемы. Как выявила Н. Василева, в целом, лексика Рум. 198 очень похожа на лексику таких памятников преславской переводческой школы, как Шестоднев, Слова Григория Назианзина, преславская часть Супрасльской рукописи, Минеи Четыи, однако в Рум. 198 имеются и такие единично употребляемые слова, которые, по наблюдениям исследовательницы, не встречаются в других преславских памятниках, напр.: *кръшъна* *ή* *πυγμή*; *новакъ* *δ* *ἀρχαῖος*; *хлопъцъ* (*χλέβънън*) *δ* *προσαίτης*.⁴ Заметим, что в Рум. 198 имеются и моравизмы (напр., *раунгн* *άνεχомαι*, *φύω*, который встречается в Синайском Патерике и Номоканоне Мефодия⁴).

Конечно, обилие «преславизмов» в Рум. 198 позволяет однозначно определить локализацию первого перевода Лествицы. Однако, как и всякий древний текст, Лествица имеет сложный и смешанный по своему происхождению лексический состав. Как писала Л.П. Жуковская, «в первых сохранившихся памятниках можно пытаться определять солунские, моравские, паннонские, плисковские <...> древнерусские <...> хорватские <...> охридские, преславские <...> вторичные древнерусские <...> языковые особенности»; однако «сводить все многообразие лексических вариантов <...> только к охридизмам, преславизмам или моравизмам <...> явно недостаточно»⁵. Думается, что факты единичного употребления «не-преславских» слов в, несомненно, преславском памятнике восходят не к протографу перевода, а к промежуточным спискам, писцы которых отразили в рукописях черты своей речи. Древнейшая рукопись перевода, Рум. 198, была написана примерно через полтора-два века после выполнения этого перевода; за это время первоначальный текст перевода не мог не претерпеть изменений.

В целом, переводческая манера автора первого славянского перевода Лествицы обнаруживает большое сходство с переводческой техникой и словоупотреблением выдающегося деятеля золотого века болгарской литературы – Иоанна Экзарха, переводы которого представляют собой совершенно особое направление средневековой переводческой техники. Наблюдения над лексическим составом Рум. 198 показывают, что преславский перевод Лествицы вполне может принадлежать если не самому Иоанну Экзарху, то, во всяком случае, переводчикам его школы: в переводе отражены основные принципы переводческой деятельности Иоанна Экзарха Болгарского – чуткого, талантливого художника слова⁶.

Удивительным художником слова представляется и автор текста – Иоанн Синайский, или «Лествичник», или «Схоластик». Особых замечаний требует атрибут «Схоластик». Этим словом в византийской традиции называли человека универсального таланта, одновременно художника и ученого⁷. Е.М. Верещагин нашел точные слова, характеризующие стиль памятника: «... встреча *науки и художества*⁸» [курсив наш – Т.П.]. Именно человеком «науки и художества» одновре-

⁴ Иванова 1965, 152.

⁵ Жуковская 1974, 469.

⁶ См. об этом подробно: Попова 2010а.

⁷ Ball 1931, 3.

⁸ Верещагин 1996, 71.

менно предстает в своей книге Иоанн Синайский. Огромная эрудиция и широкий жизненный кругозор автора особенно ярко выявляются в результате наблюдений над лексическим составом его книги.

В Лествице встречается лексика самых разных тематических групп. Назовем некоторые из них.

Одним из основных образов книги является образ пастыря, наставника, духовного отца, труда которого уподобляется труду врача. Часто Лествичник использует медицинскую терминологию. Иногда для лечения болезней своих учеников пастырь использует такие манипуляции, как *пластырь* ἡ ἔμπλαστρον, *проногти* ἡ ἔμπλαστρον, ἡ προσθήκη, *приножение* ἡ ἔμπλαστρον, ἡ προσβολή, *принадлежащие* ἡ ἔμπλαστρον, а иногда для искоренения порока бывает необходимо и хирургическое вмешательство: *мланк* ἡ μήλη. В Лествице встречаются названия таких болезней, как *главоболник* ἡ κεφαλαλγία, *огнь* δ πυρετός, *вн-тник огровей* δ στρόφος, *грожение* (гроза) ἡ φρίκη.

Излюбленным художественным средством Лествичника является сравнение, и при этом один из сопоставляемых элементов – это вполне конкретный образ: ярость подобна *червю*; болезнь – это *змей*, которого надо поймать за хвост; родные кружат над решившим оставить мирскую жизнь будто рой *ос* или *пчел*; как *вонь* кроется в *голубе*, так блуд приближается к любви и т.п. В связи с этим в Лествице множество слов, обозначающих названия животных (*львъ* δ λέων, *леопардъ* δ λεόπαρδος, *влькъ* δ λύκος, *пъсъ* δ κύον, *лисица* ἡ ἀλώπηξ, *днвнн осъль* δ ὄναγρος, *заяцъ* δ λαγώς, *овьца* τὸ πρόβατον, *конь* δ ήππος, *павунна* ἡ ἀράχνη, *урьвъ* δ σκώληξ), птиц (*пътница* τὸ πετεινόν, *голубъ* ἡ περιστερά, *гастровъ* δ πέρδιξ, *коура* δ ὄρνις), насекомых (*въшъ* δ οθείρ, ἡ οθείρα, *бъгела* ἡ μέλισσα, *оса* δ σοῆξ, *мравнн* δ μύρμηξ).

Довольно широко представлена и лексика, именующая растительный мир: *пшеница* δ σῖτος, *зърно* ἡ βάξ, *плава* δ χόρτος, *сѣно* δ χόρτος, *трава* δ χόρτος, *днвнн маслнна* δ ἀγριέλαιος, *добрая маслнна* δ καλλιέλαιος, *шнпъкъ* ἡ βοιά).

Часто в тексте используется астрономическая лексика (*днъннца* (свѣтоносъцъ) δ ἐωσφόρος, *лунна* ἡ σελήνη, *слънце* δ ἥλιος).

Высочайший уровень образованности Лествичника проявляется, к примеру, в знакомстве с химией. В своей книге он пишет о свойствах таких металлов, как *злато* τὸ χρυσίον, δ χρυσός, *съребро* δ ἄργυρος, *желѣзо* δ σίδηρος, τὸ σίδηρον, *водъное съребро* 'ртуть' δ ὄνδρωδης ἄργυρος, *каснгэръ* 'олово' δ καστίτηρος.

Однако Лествица – это, в первую очередь, памятник, который служил энциклопедией духовной жизни христианина. Поэтому она сохранила множество слов, относящихся к религии и монастырскому быту.

Для обозначения монастырской общины употребляются слова *манастыръ* τὸ κοινόβιον, τὸ μοναστήριον, ἡ μονή, *обищеи жилице* τὸ κοινόβιον, *обищеи житнк* τὸ κοινόβιον, *иночество* ἡ μονή. Глава этого учреждения именуется *старѣншина* δ ἄρχων, δ μέγας, δ προεστώς, *въшестоян* δ προεστώς, δ προенстѣкѡс, *игоуменъ* δ ἡγούμενος, δ προенстѣкѡс, *пастохъ* δ προенстѣкѡс, *старѣн* δ προенстѣкѡс, δ ἡγεμών. Жилище монахов называется *клѣть* ἡ κέλλα,

τὸ κελλίον, ἡ μονή, κοττύκα ἡ κέλλα, χλίβενηα ἡ κέλλα, τὸ κελλίον, δοῖκος.

Множество слов передает уклад жизни в монастыре: **монастырь** ή δέησις, ή εύχη, ή ίκεσία, ή προσευχή, **съборъ** ή συναγογή, ή συνάθροισις, ή συνодία, ή σύνοδος, **събраниe** ή σύναξις, τὸ συνακτήριον, **съхождениe** ή σύναξις, ή συνόδος, **пътнiк** ή μελῳδία, δψαλμός, ή ψαλμῳδία, **пънниe** ή ψαλμῳδία, **трапеза** ή τράπεζα и т.д.

В рукописи функционируют лексемы, обозначающие род деятельности живущих в монастыре иноков: **αρχηδημάκτη** δ ἀρχιδιάκονος, **πρισταύνηκτη** δ προεστώς, δ προεστηκώς, **σοκαύνη** (сокавннъ тοῦ ὁψοποιοῦ), **στροντέλη** δ οἰκονόμος, **βραταρή** δ θυρορός, δ πυλορός, **ραβοτύνηκτη** δ ὑπηρέτης, δ **ὑπουργός**, **σλογγα** δ διάκονος, δ διακονῶν, δ **ὑπηρέτης**, δ **ὑπουργός**, **гостнтель** δ ἑστιάτορ, **намѣстннкъ** δ τοποποιός. Монашествующее лицо именуется **инокъ** δ μοναχός, **инокын** δ μοναχός, **уриныцъ** δ μοναχός. Человек, только что ступивший на путь отречения от мира, называется **новакъ** δ ἀρχαῖος, **нововѣдѣын** δ εἰσαγογικός.

Аскетическая терминология Лествицы отличается военной и спортивной об разностью. Некоторые из подобных выражений восходят к посланиям апостола Павла, например, броня веры (ср.: 1 Фес 5, 8). Монах как духовный воин должен быть хорошо вооружен: он должен иметь броню *железную кротости и терпения*, меч духовный для умерщвления собственной воли, щит истинной веры, шлем спасения – молитвы наставника, и оружие – собственные молитвы. Для обозначения инока Лествичник использует ряд лексем с семантикой ‘борец’: δ ἀθλητής *страстотрельцы* или *страдальцы*, δ πολεμιστής *борьцы*, δ βιαστής *нуждники*. Помимо этого, Лествичник называет монаха δ πύκτης ‘кулачный боец’ *тробынкъ*. Пастыря, в свою очередь, Лествичник именует δ γυμναστής ‘тренер бойцов’ *оғынтель* и *овоғынанынкъ* и δ ἀγονοφέτης ‘устроитель, судья спортивных состязаний’ *тәрәннәп оложынкъ* и *тәрәннәп оложынкъ*.

Вступивший на путь отречения от мира ведет непрерывную изнурительную борьбу со страстями, персонифицированными в виде бесов. Лексика, относящаяся к нечистой силе, чрезвычайно разнообразна. Против монаха изощренно действуют дьявол (διάβολος) и его свита (εἴκεση οἵ δαίμονες): Πάντες μὲν οἱ δαίμονες σκοτοῦν τὸν νοῦν докιμάζουσιν вѣн дѣбло вѣн отъмыгнѣвати ѿмъ оконшаютъ 108в, 15–16.

Вообще, христианские подвижники, писавшие о страстях как болезнях души и о методах лечения этих болезней (кроме Иоанна Лествичника, это Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Нил Синайский и многие другие), вероятно, основывались на какой-то античной по происхождению психологической теории⁹. Согласно сочинениям этих писателей, греховных страстей всего восемь: это чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Взгляды Лествичника на эту систему страстей особенные: он объединяет тщеславие и гордость в одну страсть (считая тщеславие начальной стадией гордости), и, таким образом, он говорит не о восьми, а о семи «злых помыслах». При этом, по мнению Лествичника, главными страстями являются сла-

⁹ См. об этом: Прохоров 2010, 205–208.

волюбие, сластолюбие и сребролюбие – они порождают все остальные болезни души. Лествичник выразительно описывает борьбу монаха с бесами, олицетворяющими тот или иной порок.

Постоянно находится рядом с иноком бес тщеславия, δ τῆς κενοδοξίας δαίμων (в переводе: **беславынын, любославынын, славолюбынын, тъщеславынын бъесъ**). Он даже спать человеку не дает: ἐχθραίνει τοῖς λαγωῖς δοκύων, καὶ τῷ υπνῷ δ τῆς κενοδοξίας δαίμων **Вражъдочетъ на затаицъ пъсъ. и на сънъ тъщеславынын бъесъ** 117в, 2–4. Это он тычет своим пальцем в ребро монаха, заставляя его рассказывать о своих подвигах (122г, 22 – 123а, 6); это он внушает одному брату нечистые помыслы, в то же время открывая их другому (121а, 5–13); это он внушает инокам амбициозные планы: стать епископом, или игуменом, или учителем (121а, 17–21).

Люто борются с иноком бесы *блуда*: *Полемоūсιν ἡσυχαστῇ χαλεπῷς οἱ τῆς πορνείας δαίμονες εοριοῦνται съ мълчальникъмъ блогднн бъесове* 103г, 11–13. Они внушают человеку нечистые помыслы (109а, 14–19); они не дают покоя и во сне, посылая иноку видения земных *красот* (96г, 20–97а, 1).

Корнем всего зла, вслед за апостолом Павлом, Лествичник называет сребролюбие (112а, 1–3; ср.: 1 Тим 6, 10). *Бес сребролюбия, δ τῆς φιλαργυρίας δαίμων* (в переводе: **съребролюбынын, златолюбынын бъесъ**), бесконечно коварен и воплощен в бесчисленном множестве видов (μυριοκέφαλος, **мъногоглавынын**). Множество «голов» имеет и такой бес, как *бес идолопоклонничества, δ πολυκέφαλος τῆς εἰδωλολατρίας ὄφις, многоглавынын коумирънънъ змнн*.

Постоянным врагом инока является ἡ κοιλομανία υρεβъноюк бъшеник. *Бес объедения* всегда сидит у человека в желудке и не дает ему насытиться. Против инока строят многочисленные козни бъесъ *пенали* (τῆς λύπης), бъесъ *гнѣва* (τοῦ θυμοῦ), *хорлынын бъесъ* (τῆς βλασφημίας). В борьбе против подвижника коварные бесы объединяются. Например, *бес объедения*, после того, как заставит монаха пресытиться, посыпает на него беса *блуда*: *бъесъ въ сырнцин | сѣднть. и не насытнти съ улкокъ творнть. | аще и въсь егуптъ нѣстъ. и нналь испннть. | по брашнѣ юходнть нѣподовынын. и блогднн намъ постылкетъ. | заповѣдавъ емоу въвъшал. идн идн възмутнти* того 93в, 11–21.

Наблюдения над функционированием тематической группы лексики, именующей в Лествице «нечистую силу», привели к следующим выводам:

1. И в оригинальном, и в переводном текстах памятника лексемы *днаволь* (δ διάβολος) и *бъесъ* (δ δαίμων) могут отсутствовать. Автор Лествицы, Иоанн Синайский, в целом ряде случаев намеренно избегает употреблять названные лексемы. *Дьявола*, например, он именует δ μισόκαλος (*ненавидн добра* 46в, 7–8). Для обозначения беса Иоанн Лествичник использует множество непрямых наименований: δ ἀνόσιος (*неподовынын* 93в, 16–17), δ φόνιος (*разбонникъ* 99б, 16–17; *оубнвъца* 85г, 11–12); δ ἀπατεών (*льстъцъ* 104а, 21); δ Αἰγύπτιος (*егуптнн* 101а, 12); δ λύκος (*влькъ* 101а, 17); δ ὄφις (*змнн* 112б, 9–10).

2. Еще большим стремлением избегать употребление слов, именующих «нечистую силу», характеризуется славянский текст памятника. При чтении Рум. 198 складывается такое впечатление, как будто писец специально пропускает названия тех или иных бесов, ср.: τὸν παρόντα μυριοκέφαλον δαίμονα φιλαργυρίας ἐντάττειν. *соуцааго мнногоглавынаго. въуннгаютъ* 110б, 10–11;

ἀνατρέπειν τὸν τῆς πορνείας δαίμονα **възържати** εἴ|са 98а, 15–16; Οἱ ἐν καρδίᾳ ἀκάθαρτοι καὶ αἰσχροὶ λόγοι ἐκ τοῦ ἀπατεῶνος τῆς καρδίας, τοῦ τῆς πορνείας δαίμονος, πεφύκασι τίκτεσθαι **такоже** [Так! – Т.П., вместо: **таже?**] въ срѣди неунстала· | и сквирънала слове|са· ѿ прельстънка | срѣднаго· блогданаа|го ражаютъ|са 109а, 14–19; каталимпавонтвон **нѣтъ** τὸν τῆς οἰήσεως δαίμονα, τὸν τόπον πάντων ἀναπληροῦντα **о|ставляющемъ намъ· | мынѣннія мѣсто все | напълняюще** 104а, 17–20 и т.д.

Подчеркнутые греческие лексемы, «выброшенные» из славянского текста, несут большую смысловую нагрузку, часто являясь ключевыми в своих контекстах. В результате такой писцовой «деятельности» напрочь утрачивается смысл целых фрагментов текста. Таким образом, первый славянский перевод Лествицы, сохранившийся в Рум. 198, если изучать его по тексту только одной рукописи, действительно, может показаться «темным», «маловразумительным» и «во многих местах совсем неверным» – именно такие нелестные характеристики дали этому переводу А.В. Горский и К.И. Невоструев¹⁰. Однако для того, чтобы делать выводы об особенностях перевода, необходимо привлекать к исследованию максимально большое число списков этого перевода, поскольку «материал каждой рукописи может быть правильно интерпретирован <...> только при учете данных из ближайших родственных списков»¹¹.

Рум. 198 является древнейшей славянской Лествицей, однако, кроме нее, текст первого славянского перевода сохранился в десятках других рукописей Лествицы, рассеянных по библиотекам многих стран мира (России, Сербии, Румынии, Болгарии, Греции)¹². «Потерянные» Рум. 198 фрагменты текста можно восстановить по другим рукописям перевода. Вообще, писец Рум. 198 представляется неопытным, слабо обладающим писцовой выучкой, но думается, что не только он один мог «терять» текст – это могли делать и писцы предыдущих списков. В любом случае, отсутствие фрагментов текста, повлекшее утраты его смысла, не характеризует ни протограф, ни работу переводчика. «Темнота» и «маловразумительность» текста рукописей преславского перевода объясняется, на наш взгляд, не деятельностью переводчика, а деятельностью позднейших переписчиков многочисленных рукописей перевода, сохранивших несколько его редакций.

Рум. 198, древнейшая славянская рукопись Лествицы, является чрезвычайно ценным источником для историко-лексикологических исследований русского языка. Однако корректная оценка отраженных в ней лингвистических фактов невозможна, с одной стороны, без привлечения греческого текста и, с другой стороны, без учета материала генетически близких ей славянских рукописей, т.е. без текстологического анализа. Это относится и к любым другим переводным памятникам древнейшей славянской письменности.

¹⁰ Горский, Невоструев 1859, 203, 204.

¹¹ Жуковская 1976, 5.

¹² См. об этом: Попова 2010б, 119–141.

- Василева, Н. 2002: *Лексиката на Лествицата*. Варна.
- Верещагин, Е.М. 1996: *Христианская книжность Древней Руси*. М.
- Горский, А.В., Невоструев, К.И. 1859: *Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки*. Т. II, 2. М.
- Жуковская, Л.П. 1974: О исследованиях по старославянскому языку. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка* 33 (5), 465–471.
- Жуковская, Л.П. 1976: *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. М.
- Иванова, Т.А. 1965: Заметки о лексике Синайского патерика (к вопросу о переводе Патерика Мефодием). В сб.: М.Б. Храпченко (ред.), *Проблемы современной филологии: сборник статей к семидесятилетию академика В.В. Виноградова*. М., 149–152.
- Камчатнов, А.М. 1995: *Лингвистическая герменевтика*. М.
- Попова, Т.Г. 2010а: К вопросу об авторе преславского перевода Лествицы Иоанна Синайского. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»* 4, 44–47.
- Попова, Т.Г. 2010б: *Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского*. Северодвинск.
- Прохоров, Г.М. 2010: *Древняя Русь как историко-культурный феномен*. СПб.
- Ball, H. 1931: *Byzantinisches Christentum. Drei Heiligenleben*. München.
- Popova, T.G. 2012: *Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften*. Köln – Weimar – Wien.

REFERENCES

- Ball, H. 1931: *Byzantinisches Christentum. Drei Heiligenleben*. München.
- Gorskiy, A.V., Nevostruev, K.I. 1859: *Opisanie slavyanskih rukopisey Moskovskoy Sinodal'noy (patriarshey) biblioteki* [Description of the Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal (Patriarchal) Library]. Т. II, 2. Moscow.
- Ivanova, T.A. 1965: Zametki o leksike Sinayskogo paterika (k voprosu o perevode Paterika Meфодием) [Notes on the Vocabulary of the Sinai Patericon (on the Issue of the Translation of Paterik Methodius)]. In: M.B. Hrapchenko (ed.), *Problemy sovremennoy filologii: sbornik statey k semidesyatiletiju akademika V.V. Vinogradova* [Problems of Modern Philology: a Collection of Articles on the Seventieth Birthday of Academician V.V. Vinogradova]. Moscow, 149–152.
- Kamchatnov, A.М. 1995: *Lingvisticheskaya germenevtika* [Linguistic Hermeneutics]. Moscow.
- Popova, T.G. 2010а: K voprosu ob avtore preslavskogo perevoda Lestvitsy Ioanna Sinayskogo [To the Question of the Author of the Persian Translation of the Ladder of St. John of Sinai]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series “Russian Philology”] 4, 44–47.
- Popova, T.G. 2010б: *Slavyanskaya rukopisnaya traditsiya Lestvitsy Ioanna Sinayskogo* [Slavic Manuscript Tradition of the Ladder of St. John of Sinai]. Severodvinsk.
- Popova, T.G. 2012: *Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften*. Köln – Weimar – Wien.
- Prohrorov, G.M. 2010: *Drevnyaya Rus' kak istoriko-kul'turnyy fenomen* [Ancient Russia as a Historical and Cultural Phenomenon]. Saint-Petersburg.
- Vasileva, N. 2002: *Leksikata na Lestvitsata* [Vocabulary for Ladder]. Varna.
- Vereshchagin, E.М. 1996: *Hristianskaya knizhnost' Drevney Rusi* [Christian Bookishness of Ancient Russia]. Moscow.

- Zhukovskaya, L.P. 1974: O issledovaniyakh po staroslavjanskemu yazyku [About Research on the Old Slavonic Language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language]* 33 (5), 465–471.
- Zhukovskaya, L.P. 1976: *Tekstologiya i yazyk drevneyshih slavyanskih pamiatnikov [Text and Language of the Oldest Slavic Monuments]*. Moscow.

NOTES ON THE LEXICON OF JOHN CLIMACUS' "THE LADDER"

Tatyana G. Popova

*Institute of Humanities of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia,
lestvic@mail.ru*

Abstract. One of the most popular medieval books, "The Ladder" (Lestvica) by John Climacus, is still to be a subject that has been little explored. The article deals with the lexical structure of the book by analysis of the text of the most ancient Russian manuscript created in the middle of the 12th century in the Kiev territory. In the manuscript, there are many words indicating the time and the place of the first Slavic translation of "The Ladder" (Preslav Literary School). The outstanding medieval Bulgarian scholar and writer John the Exarch was possibly the translator. The medical and astronomical terms, names of animals, plants and chemical elements are considered in the article. The terms related to the monastic life are described: the names of dwellings, words conveying a way of life in the monastery, names of monks. Special attention is paid to the words calling evil spirits. This group of words in "The Ladder" is extremely diverse. The devil and his suite (demons) do their sophisticated work against the monk, personifying a particular vice. John Climacus expressively describes the struggle of the monk against these demons (the demon of vanity, the demon of adultery, the demon of despondency etc.). In the original text, the author tries to replace lexemes of the devil or a demon with indirect names (the enemy, the wolf, the dragon, the robber etc.). The Slavic text of the monument is still characterized by big aspiration to avoid the use of the direct names. When reading the manuscript one gets the impression that the scribe specifically omits the names of the demons. In general, observations on the text of the Slavic manuscript in comparison with the Greek original lead to the belief that the first Slavic translation of "The Ladder" was done at a high level. In the Slavic manuscript there are missing text fragments and therefore the meaning of the original text is often lost. However, this is not due to bad translation, but the activity of copyists of this text translation is to be blamed.

Key words: John Climacus, The Ladder, Medieval Slavic Manuscripts, Old Russian language, Lexicon, Translation of Greek into Old Church Slavonic

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 278–285
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 278–285
© Автор(ы) 2017

ЭМОТИВНАЯ ИОНИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА

А.А. Штеба

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград,
alexchteba@yandex.ru*

Слово в предложении перестает быть словом.

Э.С. Азнаурова

Аннотация. В статье рассматривается вопрос места в семантике слова потенциальных смысловых компонентов. Постулируется: семы ‘эмоция’ и ‘оценка’ принадлежат интенсионалу значения слова, что делает возможным как потерю и/или мену оценочного знака слов-эмотивов, эксплицирующих эмоциональные переживания, так и превращение нейтральных слов в эмотивы. Механизм актуализации скрытых сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ значения нейтрального слова заключается в реактивной природе эмоций в целом, когда стрессогенная, лично значимая ситуация актуализирует имплицитный эмотивный потенциал слова. Данный процесс, подтверждаемый примерами из художественной литературы, предложено называть эмотивной ионизацией семантики слова.

Ключевые слова: эмотивность, эмосема, эмотив, стимул, реакция, ионизация, нейтральное слово

Современное состояние проблем лексической семантики в целом и семасиологии в частности, характеризуется все возрастающим интересом к структуре значения слова. Данная тенденция сопровождается пересмотром ставших классическими представлений об ограниченности основных и дополнительных семантических компонентов слова и более детальным разбором лексических единиц на составляющие его значения элементы.

Подобное исследовательское направление представляет собой, по сути, попытку не конкретизации значения, а систематизации смысла слова, что предполагает ряд, как минимум, методологических трудностей ввиду неданности смыслового наполнения лексических единиц непосредственному наблюдению, преимущественно личностной ментально-опытной организации смысла.

Анализ ставших классическими работ по семасиологии позволяет заключить, что авторами в них неоднократно указывалось на наличие в семантике слов скрытых сем, которые значительно расширяют упрощенную модель смысловой струк-

---

Штеба Алексей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ВГСПУ.

туры слова. М.В. Никитин отдельное внимание акцентирует на потенциальных семах, которые актуализирует, но не обуславливает контекст¹, т.е. семантические компоненты являются данностью семантики слова, его интенсионала. Это мнение сближается с позицией В.И. Шаховского², относящего коннотацию (как, бесспорно, более семантически стабильное со-значение слова) к денотату. Индукция потенциальных сем слова происходит в речи, когда структура значения лексической единицы может изменяться. Таким образом нейтральное слово может превращаться в коннотатив, если языковым сообществом будет одобрено использование данной лексической единицы для выражения определенного кластера эмоций. А поскольку семы ‘эмоция’ и ‘оценка’ универсальны, то они лишены сочетаемостного ограничения, что обуславливает возможность превращения нейтрального слова в эмотив, как это будет показано далее.

В исследовании Е.М. Вольф указывается на безразличное для оценки. Исследователь пишет, что одним предметам свойственно быть предметом оценки, а другим нет. Однако условие функциональной значимости данного, казалось бы, безразличного к оценке предмета (в цитируемой работе приводятся примеры таких слов, как *столб* или *планета*) переводит данный предмет в разряд оценочных. Автор приходит к выводу о том, что оценочным может быть любой предмет или явление. Оценочный предикат выполняет роль конкретизатора скрытого, но ингерентного признака оценки, заложенного в семантике любого слова. Данный конкретизатор может имплицироваться в той или иной коммуникативной ситуации. В таком случае мировосприятие, ассоциации и опыт субъекта становятся диагностирующим фактором оценки безразличного. Для активизации скрытых семантических компонентов в семантике слова, в частности, оценочной семы, необходимо взаимодействие субъекта оценки с ее объектом³. В таком случае происходит наделение конвенционально нейтрального слова оценочностью.

Интересно, что в семантику нейтрального слова оценочным предикатом находитя адгерентная (внешняя) эмотивность, когда семы ‘эмоция’ и ‘оценка’ ингерентно присутствуют в семантике любого слова. С позиции субъекта оценки лично значимое и эмоционально-оценочное нейтральное слово становится мощным энергично заряженным эмотивом, статус которого варьируется от коннотатива до аффектива. Для данного говорящего в любой коммуникативной ситуации эта лексическая единица будет вызывать активную эмоциональную реакцию.

Учет точки зрения субъекта позволяет увидеть обратное: конвенционально оценочная лексика может терять свою оценочность и становиться нейтральной единицей на шкале оценочности (ярким примером является использование инвективной лексики в аффективной функции экспликации эмоций). Одновременно проявляется асимметрия положительной и отрицательной оценки, когда «хорошо» может соответствовать как зоне положительного, так и нулю, а «плохо» тяготеет только к полюсу отрицательного.

И.В. Арнольд⁴ также рассматривает скрытые или потенциальные семы, которые относятся к сфере действия импликационала и которые актуализируются в

¹ Никитин 2007, 302.

² Шаховский 2009, 306–316.

³ Вольф 2002, 16–27.

⁴ Арнольд 1999.

речи. Окказиональные семы наводятся контекстуальным окружением слова. Как правило, семантические осложнения вносятся стилистическим контекстом. Э.С. Азнаурова предложила выделять не только прагматический компонент значения слова, обнаруживающий в речи, в процессе коммуникации, но и указала на сложный и неоднородный характер данного значения, т.е. его доступность дроблению на более мелкие единицы. Под такими элементами цитируемый ученый понимает составляющие коммуникативно-прагматической ситуации, такие как обстановка и место коммуникативного акта, предмет и цель коммуникации, социальные, этнические и индивидуальные характеристики участников общения, к которым относят также биологические семы (возраст, пол, темперамент и т.д.), ролевые или статусные⁵ и личностные отношения между коммуникантами⁶. Помимо прагматических сем значение слова имеет стилистические семы, являющиеся скрытыми показателями, к примеру, функционального коммуникативного стиля, регистра речи и под.

Рассматривая проблематику изучения прагматического компонента в структуре значения слова, Э.С. Азнаурова приводит уже ставший традиционным пример с приращением семантики слова *луддит* особого социального смысла. Исследователь отмечает, что слово может приобрести дополнительное значение в форме оценочно-прагматических сем, которые повторяются в однотипных коммуникативных ситуациях и получают узальное закрепление.⁷

В настоящее время интерес специалистов в области лексической семантики вновь стала привлекать проблема организации значения слов. Его структура получает сравнительно более дробное представление. Т.Д. Полуэктова отмечает, что в структуре значения слов, используемых в качестве номинации лица, взаимодействуют оценочная и статусная семы. Оценочная сема определяется как принадлежность горизонтальной шкалы оценки, с помощью которой определяют отношение говорящего к предмету речи. Исследователь указывает, что оценочная сема может быть нейтральной (потенциальной)⁸.

Е.А. Маклакова, И.А. Стернин относят семы ‘эмоция’ и ‘оценка’ к коннотативному макрокомпоненту семантики, неэмоциональность и неоценочность при этом также рассматриваются как проявление определенной эмоции и оценки (неэмоциональное, неоценочное)⁹. Функциональный макрокомпонент значения включает стилистические, социальные, темпоральные, частотные и территориальные семы, а также институционально-нормативную и коммуникативно-тональную семы. Данные семы были объединены Е.А. Маклаковой в трафаретную модель описания лексического значения семемы, форма которой включает три элемента: семенные составы денотативного (архисема, полуразличительная сема, доминирующая опорная дифференциальная сема, другие яркие дифференциальные семы, слабые (периферийные) дифференциальные семы), коннотативного (оценочная сема, эмоциональная сема) и функционального аспектов (стилистическая сема,

⁵ ср.: Карасик 1992; ван Дейк 2015.

⁶ Азнаурова 1988, 37–43.

⁷ Азнаурова 1988, 47.

⁸ Полуэктова 2016, 13–14.

⁹ Маклакова, Стернин, 2013, 39.

социальная сема, темпоральная сема, территориальная сема, частотная сема, институционально-нормативная сема, коммуникативно-тональная сема)¹⁰.

Приращение оценочной семантики нейтрального слова сопоставимо с процессом ионизации, когда нейтральные атомы под влиянием химических процессов, активных излучений, высоких температур и др. превращаются в положительно или отрицательно заряженные ионы. Анализ творчества М. Цветаевой позволил Е.Ю. Муратовой прийти к выводу о том, что данная поэтесса может «самый заурядный предмет быта “перевести” в художественную и даже философскую плоскость»¹¹. Для подтверждения данного тезиса исследователь опирается на анализ слова *стол*, приобретающего в контексте поэтических произведений новый глубинный смысл (*письменный вьючный мул; стол, твердивший, что каждой строчки сегодня – последний срок*).

Наше особое внимание привлекает место эмосемы в структуре значения слова. Эмотивный компонент семантики состоит из семантического признака ‘эмоция’ и семантического конкретизатора (‘любовь’, ‘ненависть’, ‘отвращение’ и пр.)¹². В.И. Шаховский, обосновывая принципы формирования эмотивных слово-сочетаний (*балаган демократии, разгул демократии, скоропостижно женился*), указывает на следующий процесс: для создания подобных сочетаний необходимо соединение актуальной (в представленных примерах это эмосемы у слов *балаган, разгул, скоропостижно*) и потенциальной эмосем слов¹³. Соглашается с описанной моделью И.А. Стернин, который подчеркивает, что в структуре значения каждой лексемы наличествуют автономные или актуальные признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’¹⁴. Следует также указать на условность разграничения понятий эмоция и оценка, но это разбиение эмосемы на данные компоненты обусловлено методологической задачей наглядного представления одного из облигаторных компонентов значения любой лексической единицы.

В произведении Г. Мюллера¹⁵ словарно нейтральное слово *лебеда* становится амбивалентным: оно оценивается положительно в контексте утоления голода и отрицательно – в ситуациях описания непригодной для употребления лебеды (*Знала ли лебеда сама, что большие не служат нам, утоляя голод, а служат Ангелу голода*). Примечательно, что приращение семантики нейтрального слова сопровождается актуализацией стилистического приема персонификации, когда растение одушевляется, наделяется властью, силой, сознанием. Вероятно, данное явление можно объяснить цикличностью соотношения слова и текста, когда не только текст (контекст, коммуникативная ситуация) задает употребление определенных слов, но и сами слова организуют вокруг себя текстовое семиотическое пространство. Автор становится лишь проводником между энергийными смысловыми потенциями слова и текста. Процесс конкретизации сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ в семантике нейтрального слова *лебеда* многоэтапен: происходит актуализация потенциальной семы ‘употребление в пищу’, что сопровождается затем реализа-

¹⁰ Маклакова 2014, 44.

¹¹ Муратова 2016, 25.

¹² Шаховский, Сорокин, Томашева 1998.

¹³ Шаховский 1987, 240.

¹⁴ см. Стернин 1985, 76, 119.

¹⁵ Мюллер 2011.

цией универсального логического закона причины и следствия (употребление в пищу – утоление голода); далее семы ‘утоление голода’ и ‘голод’ экстенсионала слова *лебеда* конкретизируют скрытую эмотивность данной лексической единицы.

Приведенный пример колеблет эмотивную норму, которая обусловливает нейтральность этой лексической единицы. Языковая эмотивная норма разрушается бессознательно – это является следствием реагирования на внешний стимул. Однако подобные неконтролируемые речевые действия «кристаллизуют» значение¹⁶.

Подтверждает факт того, что слово задает контекст своего употребления и организует содержание текста, в котором будет употреблено, следующий пример из произведения Г. Мюллера: в нем автор описывает состояние скучающего персонажа, когда его скуча переходит в форму болезненно протекающей депрессии и на-деляет своими ключевыми характеристиками (скуча – томление, уныние, тоска от безделья или отсутствие интереса к окружающему) те объекты, с которыми прямо или косвенно контактирует герой произведения: *скуча луны; скуча колючей проволоки; скуча охранников на вышках; скуча начищенных до блеска башмаков Тура Прикулича; скуча порванных галош; скуча белых простыней, прикрывающих хлеб; скуча волнистых листов асбеста; скуча испарений смолы и старых масляных луж; скуча солнца; скуча свежевыпавшего снега с угольной пылью; скуча старого снега с угольной пылью; скуча старого снега с картофельными очистками; скуча снега с морщинами цемента и со смоляными пятнами, с мучнистой шерстью сторожевых псов и с их гортанно-жестяным или сопрано-высоким лаем; скуча капающих труб; скуча плюшевого снега на ступенях в подвал; скуча снега с мертвцом; скуча брошенной мертвцом лопаты*. Данный пример показывает, что слово создает текст вокруг себя, его эмоционально-смысловую тональность. Бесспорно, слово *скуча* эмотивно, но при этом оно конкретизирует скрытую потенциальную эмотивность нейтральных слов, когда вступает с ними в лексико-грамматические связи. Сема ‘грусть’ таких слов и словосочетаний, как *простынь, лист асбеста, снег, масляная лужа*, является адгерентной, т.е. наведенной извне. Это становится возможным не только грамматически, но и семантически, поскольку в импликационале указанных лексических единиц есть семы ‘обыденность’ и ‘вещественность’. Слово-эмотив *скуча* актуализирует в их семантике данные вещественные смысловые компоненты, что становится семантической основой для их объединения. Наблюдается также персонификация нейтральных слов в процессе трансформации их в эмотивы-потенциативы.

Следует отметить, что в основе персонификации как стилистического приема лежит особенность древнего человека – анимализация или одушевление предметов, их сакрализация и обожествление. Эмоционально-смысловая энергетика слова, под которой нами понимается способность лексической единицы являться или становиться эмотивом для выражения эмоциональных переживаний, а, следовательно, увеличение и расширение семантики данного слова, представляет ту «жизненную силу», которая трансформирует указанные нейтральные слова в эмотивы. Прием персонификации позволяет объективировать, овеществить данный внутренний процесс «оживления» семантики.

¹⁶ Карасик 2010.

Явные или скрытые семантические компоненты ‘эмоция’ и ‘оценка’, а также их конкретизация является категорией говорящего, т.е. имеет субъективно-личностную значимость. Их актуализация реактивна на внешний активный стимул. Роль последнего может играть личностно значимая эмоциональная ситуация, в которой оказывается субъект речевого действия. Другими словами, эмосема представляет собой эмотивную реакцию (в форме употребления некой лексической единицы) на внешний эмоциональный стимул. Подобный механизм актуализации скрытых эмоционально-оценочных сем у нейтрального слова и их конкретизации сопоставим с эффектом «шоковой терапии», когда, для того чтобы человек преодолел стрессовую ситуацию, для него искусственно создаются условия, на фоне которых предыдущее событие должно быть субъективно оценено как менее опасное, трудное.

Таким образом, любое слово эмотивно, однако степень эксплицитности эмотивной составляющей в семантике обладает сравнительно большей или меньшей явностью. Скрытая эмосема нейтрального слова актуализируется в актуально стрессогенных ситуациях, не только вызывающих активные чувственные переживания субъекта, но и (по этой причине) связанных с базовыми потребностями человека. Изначально ассоциативный характер конкретизации эмотивности нейтрального слова свидетельствует о потенциале слова переходить из нейтрального в разряд эмотивов. Возможность подобного перехода объясняется актуальным членением семантики лексических единиц, которое позволяет выделить наряду с прочими компонентами экстенсионала такие семы, как ‘эмоция’ и ‘оценка’.

ЛИТЕРАТУРА

- Азнаурова, Э.С. 1988: *Прагматика художественного слова*. Ташкент.
- Арнольд, И.В. 1999: *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. СПб.
- Ван Дейк Тён 2015: *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.
- Вольф, Е.М. 2002: *Функциональная семантика оценки*. М.
- Карасик, В.И. 1992: *Язык социального статуса*. М.
- Карасик, В.И. 2010: *Языковая кристаллизация смысла*. Волгоград.
- Маклакова, Е.А. 2014: *Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков)*. Воронеж.
- Маклакова, Е.А., Стернин, И.А. 2013: *Теоретические проблемы семной семасиологии*. Воронеж.
- Муратова, Е.Ю. 2016: *Языковые средства выражения аллотропичности русского поэтического текста*. Архангельск.
- Мюллер, Г. 2011: *Качели дыхания*. М.
- Никитин, М.В. 2007: *Курс лингвистической семантики*. СПб.
- Полуэктова, Т.Д. 2016: *Реализация семантики статуса в русском языке (на материале номинаций лиц медиа-политического текста)*. Архангельск.
- Стернин, И.А. 1985: *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж.
- Шаховский, В.И. 1988: *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале англ. языка)*. М.
- Шаховский, В.И., Сорокин, Ю.А., Томашева, И.В. 1998: *Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология)*. Волгоград.

REFERENCES

- Aznaurova, E.S. 1988: *Pragmatika hudozhestvennogo slova* [Pragmatics of the Artistic Word]. Tashkent.
- Arnol'd, I.V. 1999: *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Saint-Petersburg.
- Van Deyk Tyen. 2015: *Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication]. Moscow.
- Vol'f, E.M. 2002: *Funcional'naya semantika ocenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow.
- Karasik, V.I. 1992: *Yazyk social'nogo statusa* [Language of Social Status]. Moscow.
- Karasik, V.I. 2010: *Yazykovaya kristallizaciya smysla* [Language Crystallization of Meaning]. Volgograd.
- Maklakova, E.A. 2014: *Teoreticheskie principy semnoy semasiologii i leksikograficheskoe opisanie yazykovykh edinic (na materiale naimenovaniy lic russkogo i anglijskogo yazykov)* [Theoretical Principles of Seed Semasiology and Lexicographic Description of Linguistic Units (on the Material of names of Persons of Russian and English Languages)]. Voronezh.
- Maklakova, E.A., Sternin, I.A. 2013: *Teoreticheskie problemy semnoy semasiologii* [Theoretical Problems of Seed Semasiology]. Voronezh.
- Muratova, E.YU. 2016: *Yazykovye sredstva vyrazheniya allotropichnosti russkogo poehticheskogo teksta* [Language Means of Expressing the Allotropy of the Russian Poetic Text]. Arhangelsk.
- Nikitin, M.V. 2007: *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of Linguistic Semantics]. Saint-Petersburg.
- Poluehktova, T.D. 2016: *Realizaciya semantiki statusa v russkom yazyke (na materiale nominačiy lic media-politicheskogo teksta)* [Realization of Semantics of the Status in the Russian Language (on the Material of the Nominations of Persons of the Media-Political Text)]. Arhangelsk.
- Sternin, I.A. 1985: *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical Meaning of a Word in Speech]. Voronezh.
- Shahovskiy, V.I. 1988: *Kategorizaciya ehmociy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka (na materiale angl. yazyka)* [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language (on the Material of the English Language)]. Moscow.
- Shahovskiy, V.I., Sorokin, YU.A., Tomasheva, I.V. 1998: *Tekst i ego kognitivno-ehmotivnye metamorfozy (mezhkul'turnoe ponimanie i lingvoekologiya)* [The Text and its Cognitive-Emotional Metamorphosis (Intercultural Understanding and Linguoecology)]. Volgograd.
- Myuller, G. 2011: *Kacheli dyhaniya* [Swings of Breath]. Moscow.

EMOTIVE IONIZATION OF SEMANTICS

Alexander A. Shteba

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia,
alexchteba@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of the place of potential semes in words' meaning. It is shown that such semes as 'emotion' and 'emotional valency' are parts of the intensional dimension of semantics. It leads to the phenomena of the loss and/or change of

---

emotional valency or the transformation of emotively neutral words to connotative lexical units. The process which is responsible for such transformations is a reactive nature of emotions when a stressful situation objectifies a hidden emotional potential of a word. It is also proposed to name this way of changing an emotional component of semantics as the emotive ionization of a word.

Key words: emotiveness, emoseme, emotive words, stimulus, reaction ionization, neutral word

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 286–293
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 286–293
© Автор(ы) 2017

ОККАЗИОНАЛИЗМ «ГИНОЦИД»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТОВ Л. фон ТРИЕРА)

О.Н. Турышева

Уральский федеральный университет имени первого Президента Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург,
oltur3@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена номинации «геноцид», возникшей в феминистской публицистике 70-х гг. ХХ в. Исследуется происхождение лексемы и характер ее использования в научной и художественной сфере. Авторство термина принадлежит американской феминистке Андреа Дворкин. Объединяя тысячелетнюю китайскую традицию бинтования ног и преследование ведьм в средневековой Европе, Дворкин в изобретенной лексеме подразумевает глубинную преступность патриархальной культуры в отношении женщины. Исследованные культурные практики характеризуются ей как выражение страха перед женской природой и стремления установить над ней контроль для того, чтобы обеспечить доминирование мужского начала в культуре. Окказионализм Дворкин вошел и в современный научный лексикон, и в современную художественную культуру. Первостепенным предметом рассмотрения в статье является творчество современного датского сценариста и режиссера Л. фон Триера. Анализ образной системы фильма «Антихрист» в совокупности с анализом функционирования в нем окказионализма «геноцид», а также анализ других кинотекстов Л. фон Триера позволяет опровергнуть распространенное мнение об антифеминизме его кинематографа. В статье делается вывод о том, что кинематограф Ларса фон Триера вскрывает глубинный драматизм положения женщины в культуре. Анализ осуществляется на материале последнего в творчестве датского режиссера цикла «Depression Trilogy». В него входят фильмы «Antichrist» (2009), «Melancholia» (2011), «Nymphomaniac» (2013). Статья выполнена в междисциплинарном ключе: гендерная антропология в ней сочетается с аналитикой лексического новообразования и аналитикой кинематографического текста.

Ключевые слова: лингвистика, окказионализм, концепт, феминизм, христианский антифеминизм, Ларс фон Триер, образ женщины

В исследованиях креативного словообразования общепринятым считается, что окказионализм является способом объективации новой мысли, которая в свою очередь может стать источником формирования новых художественных концептов¹. В данной статье предлагается опыт анализа прагматики окказиона-

Турышева Ольга Наумовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы УрФУ им. первого Президента Б. Н. Ельцина.

¹ Бабенко 1997; Дюндик 2011.

лизма «геноцид», созданного в рамках феминистской научной публицистики и востребованного художественной мыслью в качестве нового концепта. При этом аналитика функционирования этого концепта в художественном тексте позволяет, с одной стороны, предложить его (текста) рациональную интерпретацию, а с другой стороны, наряду с реконструкцией авторской позиции, выявить и важнейшие характеристики современной культуры, «востребовавшей» появление самого оккзионализма и обусловившей характер его рецепции в произведении искусства.

«Геноцид» (в пер. с греч. «убийство женщин») – оккзионализм, изобретенный американской феминисткой Андреа Дворкин по созвучию с термином «геноцид». Подразумевая это созвучие, Дворкин символически уравнивает расовую дискриминацию с дискриминацией, направленной на женщин. Номинация «геноцид» вынесена в заглавие двух глав книги Андреа Дворкин «Ненависть к женщинам: новый взгляд на сексуальность» (1974)². Это глава шестая, посвященная тысячелетней китайской традиции бинтования ног, и глава седьмая, посвященная охоте на ведьм в средневековой Европе. Уродование женских стоп в китайской культуре и европейскую демофобию Дворкин впервые объединяет как самые выразительные проявления страха перед женской сексуальностью, стремления установить над ней контроль и так обеспечить мужское доминирование в культуре.

Следует признать, что если геноцид получил многоаспектную (историческую, психологическую, философскую, юридическую, художественную) рефлексию – в силу того, что стал признанным фактом истории человеческой цивилизации, то геноцид – явление, которое только ожидает своего признания и осмысления. При этом оно вовсе не тождественно сексизму – предмету феминистской критики, так как подразумевает не просто подавление женских прав в обществе, но акцентирует глубинную преступность патриархальной культуры в отношении женщины, убийственное унижение ее природы. (Точно также геноцид не тождественен расизму и ксенофобии, но является их очевидным следствием.)

Термин «геноцид», введенный А. Дворкин в 1974 г., скоро был востребован представителями феминистского движения и стал фигурировать в западной научной литературе в качестве общепринятой дефиниции, наряду с целым рядом других синонимических понятий: феминоцид, гендероцид, сексоцид. Причем он был распространен на самые разные проявления феминофобии в культуре. Выразительный пример: сборник научных статей «Геноцид: гистерэктомия, капиталистический патриархат и медицинское насилие над женщинами», вышедший в 2007 г. под редакцией известной представительницы феминистского движения в Италии Марии-Розы Далла Кости³. Исследования, составляющие это издание, в большинстве своем касаются тех медицинских практик, которые так или иначе репрессируют женскую природу: от косметологической пластики до гинекологической хирургии.

В рамках данной статьи предлагается анализ художественного осмысления того аспекта западной культуры, который получил свою фиксацию в слове «геноцид». Одной из первых последовательных попыток художественной рефлексии о генезисе геноцида в европейской цивилизации является творчество современно-

² Dworkin 1974.

³ Dalla Costa 2007.

го датского режиссера и сценариста Ларса фон Триера, а именно фильм «Антихрист», первый фильм его последней кинематографической трилогии «Депрессия». Слово «геноцид» непосредственно звучит в фильме – в названии одной из его частей. Представляется, что Л. фон Триер позаимствовал этот окказионализм у Андреа Дворкин для того, чтобы с его помощью описать дегуманизацию женщины в христианской культуре. Главный аргумент, поддерживающий это предположение, следующий: в фильме присутствует и мотив искривленных стоп, и мотив расправы над ведьмой, сопряженные воедино в книге А. Дворкин о ненависти к женщинам.

Именно этот упрек – в ненависти к женщинам – Ларс фон Триер заслужил, представив «Антихриста» на Каннском кинофестивале в 2009 г. Экуменическое жюри конкурса присвоило ему беспрецедентную награду – антиприз за женоненавистничество. Скоро мизогиния фон Триера стала общим местом критических рассуждений об «Антихристе»⁴. Ее поддерживает и очень тонкий исследователь фон Триера, автор русской монографии о его кинематографе, А. Долин. Героиня этого фильма, пишет Долин, «несет в себе <...> силу неведомого зла и мстительного разрушения»⁵.

Подобная интерпретация представляется вряд ли верной расшифровкой авторской интенции. Скорее всего, такое «прочтение» возникло на почве неприятия действительно шокирующей эстетики этого кинотекста, содержащего откровенные сексуальные сцены, а также сцены насилия, мучительства, автоагgressии и убийства.

Субъектом агрессии, направленной как на себя, так и на другого, в фильме выведена женщина. Потеряв сына и страдая от бремени собственной ответственности за его смерть, она в finale фильма совершает потрясающие в своей, казалось бы, бессмысленной жестокости поступки в отношении мужа и в отношении своей женской природы, нанося увечья своимовым органам. Чудовищное в своей разрушительности безумие женщины останавливает ее муж, после убийства сжигая ее тело на костре. Этот мотив, конечно, аллюзивно напоминает средневековые казни обвиненных в ведьмовстве женщин. Именно эта часть фильма предваряется названием «Геноцид».

Намек на ведьмовскую природу женского поведения, подчеркнутый в фильме прямыми отсылками к средневековым процессам над колдуньями (героиня, историк культуры, пишет диссертацию о средневековых гонениях на женщин⁶), также подкрепил мизогенические трактовки данного фильма в критике. Критика и название фильма почти исключительно связывает с образом помешанной на собственной вине женщины, в которую, дескать, вселился дьявол. Однако внимание к тому, на какой почве происходит женское помешательство, позволит предложить иную, прямо противоположную трактовку изображенного в фильме события и, следовательно, его авторской концепции.

На первый взгляд кажется, что причиной безумия героини является трагическая смерть сына. Однако целый ряд мотивов противоречит такому толкованию.

⁴ Торсен 2013, 6010–613; Долин 2009.

⁵ Долин 2015, 247.

⁶ Собственно, ей и принадлежит окказионализм «геноцид». Он вынесен в название ее диссертации.

нию: по ходу действия фильма оказывается, что болезнь проявила себя задолго до трагедии потери ребенка. Так, уже после гибели мальчика потрясенный герой узнает, что его жена систематически принуждала своего сына носить обувь, надевая левый ботинок на правую ножку, а правый – на левую, что в итоге привело к искривлению его маленьких стоп⁷. Но главный аргумент, опровергающий версию о том, что причиной безумия героини стала потеря сына, – это тот факт, что она сама сознательно допустила его смерть. Подчинившись власти секса и не желая жертвовать оргазмом, она не остановила своего сына от рокового шага в открытое окно, хотя и видела, какой опасности он себя подвергает.

Критика, будучи тотально сосредоточена на жестокости героини в отношении своего мужа, странным образом не ищет объяснения чудовищных девиаций в ее отношении к сыну. Между тем текст фильма недвусмысленно связывает парадоксальность материнского поведения женщины с тем, как она переживает библейскую концепцию женской природы. Профессиональное погружение в историю отношения христианского мира к женщине убедило ее в изначальной преступности женского естества. Очевидно, этим переживанием и объясняется странное мучительство маленького сына и еще более странное допущение его смерти. Причиняя сыну неудобство и боль в неправильном ношении обуви, она как бы намеренно усугубляет свою преступность, связываемую с принадлежностью к женскому полу вообще. А в согласии на смерть сына это переживание достигает своего кульминационного разрешения. В свою очередь, присвоение себе библейской вины сопрягается в сознании героини с идеей необходимого возмездия, которого она и взыскивает, в финале фильма доходя в этом требовании до самоистребления. Таким образом, повторим, переживание вины является не следствием потери ребенка, а наоборот, причиной допущения его страданий и смерти. Вина, терзающая героянку, возникла не на почве утраты ребенка, а на почве переживания греховности женской природы вообще. А ее источником, по Триеру, является «гинойцид», антифеминизм христианской религии, для героянки ставший предметом болезненного признания и детерминантой поведения по отношению к сыну, фактически принесенному ей в жертву собственной чувственности. Впрочем, как и детерминантой ее поведения по отношению к мужу, которого она истязает, очевидно, в надежде на то, что будет им уничтожена как носительница изначального зла, что и происходит в финале.

Место, где происходит убийство женщины, в фильме называется Эдем. Думается, что, разворачивая сюжет убийства женщины в библейском раю, фон Триер указывает на него как место, с которым связана фатальная ошибка христианской культуры, а именно присвоение женщине вины за грех, повлекший за собой наказание смертью, и фактическое освобождение мужчины от необходимости делить с женщиной ответственность за произошедшее. Ведь, как повествует Библия, Адам, желая избавить себя от обвинений, указывает на Еву как единственную виновную в грехе. Заставляя зрителя вспоминать эдемскую историю, фон Триер подчеркивает, что у истоков христианской культуры лежит унижение и предательство женщины. Христианская культура непосредственно осмысливается им как культура маскулинная и неизбежно утверждающая себя через гинойцид. Эта мысль прямо

⁷ Мотив искривленных стоп в «Антихристе» непосредственно восходит, на наш взгляд, к концепции А. Дворкин.

была выражена фон Триером в одном интервью, где он отвергает обвинения своего творчества в мизогинии: «Я считаю себя феминистом <...> Я считаю, что религию придумали мужчины. Поэтому и сделал Антихристом женщину. Просто потому, что она противостоит религиозному мужскому началу»⁸. Это высказывание фон Триера позволяет прояснить и авторскую концепцию названия фильма: номинация «Антихрист» с финальной буквой в виде зеркала Венеры (символ женского начала) фиксирует то отношение к женщине, которое сложилось в западной культуре с благословения христианской религии. Женщина именуется в фильме Антихристом не потому, что якобы является носительницей дьявольской природы, а потому, что этот образ ей неправомерно присвоила мужская христианская культура, так вызвав в ней самой самую разрушительную из возможных реакции. Религия, по убеждению автора, придуманная мужчинами, выдворила ее за скобки культуры. Поэтому она и именуется Антихристом.

Такую интерпретацию подкрепляет и анализ персонажной системы в других фильмах Ларса фон Триера – как предшествующих «Антихристу», так и вышедших на экраны вслед за ним. Мужчина и женщина – постоянная пара в фильмографии датского режиссера. При этом интересно, что мужчина почти всегда изображается как предатель по отношению к женщине: в самый трагический момент он либо требует от нее жертвы, несовместимой с ее жизнью (как, например, в фильмах «Рассекая волны» и «Танцующая в темноте»), либо самоустраниется (как в «Меланхолии», оставляя женщин и детей в преддверии наступающего апокалипсиса), либо отказывается делить с ней страдание (как в «Антихристе», не признавая себя виноватым в смерти ребенка), либо предает ее во имя своих эгоистических интересов (как в «Медее», «Догвилле» и «Нимфоманке»). При этом сама героиня часто наделяется откровенными атрибутами Христа, в ряде фильмов прямо проживая его историю: от предательства до принятия жертвенных мук и даже вознесения (как в фильме «Рассекая волны»).

При этом очевидно, что проблематика, связанная с вопросом положения женщины в культуре, у фон Триера меняется. Так, в ранних фильмах режиссер исследует возможности женского духа, изображая женщину в героическом ключе. Например, в «Медее» страшный протест героини против мужского предательства получает однозначное авторское оправдание, а в ранней трилогии «Золотое сердце» («Рассекая волны», «Идиоты», «Танцующая в темноте») женщина становится носительницей христоподобного поступка: жертвуя во имя другого, она добровольно и сознательно губит себя.

В цикле «USA» («Догвилль», «Мандерлей»), следующем за трилогией «Золотое сердце», взгляд на христоподобную природу женщины меняется: героизация ее жертвы уступает место размышлению о невозможности ее осуществления в мире, исполненном зла.

И наконец, в трилогии «Депрессия», открывающейся фильмом «Антихрист», откровенно осуществляется замысел утверждения вины христианского мира перед женщиной. Конечно, этот замысел не является исчерпывающим в многосмысленном пространстве этого цикла, но он, очевидно, составляет его важнейший содер жательный аспект, что опять же подкрепляется рядом высказываний самого

⁸ Тыркин 2009.

автора. Так, в самых разных интервью фон Триер всегда противопоставляет себя героям мужского пола, именуя их карикатурными⁹, и, наоборот, отождествляет себя со своими героями, настаивая на героическом содержании их поведения – даже в фильмах «Депрессии»¹⁰. Причем в последнем фильме этого цикла – «Нимфоманке» – прямо говорится о вине культуры перед женщиной. В «Антихристе» эта идея не представлена в прямом слове кого-либо из героев, она реконструируется на почве анализа всей его образной системы. В «Нимфоманке» же эта мысль прямо вложена в уста мужчины.

Вообще «Антихрист» и «Нимфоманка», являясь рамочными фильмами последней трилогии фон Триера, вступают в очевидные диалогические отношения. В обеих картинах речь идет о положении женщины в культуре христианского мира, но их героини выведены как носительницы противоположных типов реакций на культурный геноцид. Героиня «Антихриста» до абсолютного предела доводит **подчинение** христианскому взгляду на женщину и реализует навязанный культурой комплекс женской вины сначала в преступлениях в отношении сына и мужа, а потом – и в истреблении женского начала собственного тела. Героиня «Нимфоманки» Джо, наоборот, на требования, предъявляемые христианской культурой к женщине, реагирует программным бунтом. Действие фильма целиком сосредоточено на том, как она пытается реабилитировать сексуальные права женщины. То, что героиня «Антихриста» в акте подчинения культуре уничтожает, то героиня «Нимфоманки» в акте сопротивления культуре возводит в культ: первая производит клитеротомию, вторая становится адептом обожествления вульвы – в противовес извечному обожествлению фаллического начала.

Собеседник героини Селигман поддерживает ее чувственные права. В его монологе и излагается идея геноцида и вины христианской религии перед человеком: наложив проклятие на человеческую природу, христианство, с его точки зрения, сакрализовало переживание вины, что, в свою очередь, и повлекло за собой самые чудовищные девиации. Селигман очевидно опирается здесь на идеи Ницшевского «Антихриста». При этом, продолжая пафос Ницше, а также в опоре на феминистскую философию, он разоблачает маскулинизм XX века за то, что тот закрепил христианское проклятие исключительно за женской природой, освободив от него мужчину. Сексуальное поведение Джо Селигман трактует как форму защиты женщиной своих человеческих прав – против той вины, которую ей навязывает христианская культура. Исходя из этой идеи, он и оправдывает бунтарское поведение героини в самых его отвратительных формах.

Однако для самой Джо бунт оборачивается страшным бременем, сопоставляемым ей самой с несением гольгофского креста. Бунт не освобождает героиню от чувства вины. Разрушительность вины в «Нимфоманке» подчеркнута не менее выразительно, нежели в «Антихристе». Как и безымянная героиня «Антихриста», Джо ищет наказания: но если первая осуществляет наказание своими руками, то последняя – в обращении к садисту, в надежде оправдать наслаждение болью. Удивительна сцена ее первого прихода к профессиональному истязателю: у дверей его кабинета она встречает целую очередь безмолвствующих женщин. В этом

⁹ Такую характеристику фон Триер дает герою «Антихриста», но ее вполне возможно распространить и на мужских персонажей других фильмов.

¹⁰ Долин 2011.

эпизоде Джо сближается с героиней «Антихриста», подчиняясь идее необходимого воздаяния. Однако это только эпизод в истории ее бунта.

В итоге героиня убеждается в разрушительности протеста и принимает необходимость отказа от прежней веры в правоту желания. Найдя в Селигмане сострадательное понимание и поддержку, она готова начать новую жизнь. Однако ее надежды оказываются не осуществимы: предательство Селигмана, потребовавшего за поддержку сексуального возмещения, превращает ее в убийцу.

Таким образом, и подчинение христианскому антифеминизму, и бунт против него имеют одно и то же завершение: поражение терпят обе героини, развязка обоих фильмов катастрофична¹¹. Причем в обоих фильмах катастрофизм положения женщины в культуре связывается с общей ситуацией «гиноцида», санкционированной, по фон Триеру, христианством. В связи с этим напомним, что название «Антихриста» воспроизводит имя знаменитого трактата Ницше, имеющего подзаголовок «Проклятие христианства». Очевидно, рассчитывая на память зрителя относительно подзаголовка первоисточника, фон Триер возлагает ответственность за репрессию женщины именно на христианство, при том, что женщина, в контексте его философии, несравненно ближе к христианскому идеалу человека, нежели мужчина. Это утверждается во всех его фильмах, и в «Депрессии» в том числе.

В рамках предложенной интерпретации творчества Л. фон Триера его позиция проявляет свою явную феминистскую основу. Такая реконструкция поддерживается и характером использования им феминистского окказионализма «гиноцид», которому в рамках творчества датского режиссера, очевидно, придается статус концепта, отсылающего к переживанию моральных основ христианской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко, Н.Г. 1997: *Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ*. Калининград.
- Долин, А. 2009: *Самосуд. Фильм Ларса фон Триера «Антихрист»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2009/07/n7-article7>.
- Долин, А. 2011: *Интервью с Ларсом фон Триером*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/culture/2011/06/29/a_3679141.shtml.
- Долин, А. 2015: *Ларс фон Триер. Контрольные работы*. М.
- Дюндик, Ю. Б. 2011: *Наречие оценки и категоризация опыта*. Иркутск.
- Торсен, Н. 2013: *Меланхолия гения. Ларс фон Триер. Жизнь, фильмы, фобии*. М.
- Тыркин, С. 2009: *Ларс фон Триер: «Всю свою жизнь я воровал у Тарковского»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24320.4/512725/>
- Dalla Costa, M. (ed.) 2007: *Gynocide: Hysterectomy, Capitalist Patriarchy and the Medical Abuse of Women*. New York.
- Dworkin, A. 1974: *Woman hating: A radical look at sexuality*. New York.

¹¹ Неслучайно обе роли играет одна актриса – Шарлотта Гейнсбур.

REFERENCES

- Babenko, N.G. 1997: *Okkzionalnoe v hudozhestvennom tekste strukturno-semanticcheskiy analiz* [Occasional in the Artistic Text. Structural and Semantic Analysis]. Kaliningrad.
- Dalla Costa, M. (ed.) 2007: *Gynocide: Hysterectomy, Capitalist Patriarchy and the Medical Abuse of Women*. New York.
- Dolin, A. 2009: *Samosud Film Larsa fon Trier "Antihrist"* [Samossud. The Film "Antichrist" by Lars von Trier], <http://kinoart.ru/archive/2009/07/n7-article7>
- Dolin, A. 2011: *Intervyu s Larsom fon Trierom* [Interview with Lars von Trier], http://www.gazeta.ru/culture/2011/06/29/a_3679141.shtml
- Dolin, A. 2015: *Lars fon Trier. Kontrolnye raboty* [Lars von Trier. Testing]. Moscow.
- Dworkin, A. 1974: *Woman hating: A radical look at sexuality*. New York.
- Dyundik, Y.U. 2011: *B Narechie ocenki i kategorizaciya opyta* [An Adverb of Evaluation and Categorization of Experience]. Irkutsk.
- Torsen, N. 2013: *Melanholiya geniya. Lars fon Trier. Zhizn filmy fobii* [Melancholy is a Genius. Lars von Trier. Life, Movies, Phobias]. Moscow.
- Tyrkin, S. 2009: *Lars fon Trier: «Vsyu svoyu zhizn ya voroval u Tarkovskogo»* [Lars von Trier: "All my Life I've been Stealing from Tarkovsky"], <http://www.kp.ru/daily/24320.4/512725/>

THE OCCASIONALISM “GYNOCIDE”: THE ORIGIN AND FUNCTIONING IN ARTISTIC REFLECTION (ON MATERIALS OF CREATIVITY OF L. von TRIER)

Olga N. Turysheva

Ural Federal University, Russia,
 oltur3@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the nomination “gynocide” emerged in feminist literature of the 1970s. The author examines the origin of a lexeme and the nature of its use in the scientific and art sphere. The authorship of the term belongs to the American feminist Andrea Dworkin. Combining the millennia-old Chinese tradition of foot binding and the prosecution of witches in medieval Europe, Dworkin implies the underlying crime of Patriarchal culture against women in the invented lexeme. She characterizes the studied cultural practices as an expression of the fear of the feminine nature and the desire to establish control over it in order to ensure the dominance of masculinity in the culture. Dworkin’s occasionalism came both in modern scientific vocabulary and in modern artistic culture. The primary subject of the article is the work of the contemporary Danish film screenwriter and director L. von Trier. The analysis of the image system of the film “Antichrist” in conjunction with the analysis of functioning the concept “gynocide” in it as well as other analysis of movie texts by L. von Trier allows us to refute the common opinion about anti-feminism of his work. The author of the article concludes that the cinema of Lars von Trier reveals the deep drama of the women’s position in the culture. The analysis is carried out on the material of the series “Depression Trilogy” which includes the films “Antichrist” (2009), “Melancholia” (2011), “Nymphomaniac” (2013). The paper has been written in an interdisciplinary way: the gender anthropology is combined with a lexical analysis of genesis and the analysis of cinematic text.

Key words: occasionalism, feminism, Christian anti-feminism, Lars von Trier, image of the woman

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 294–306
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 294–306
©Автор(ы) 2017

ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТИЛЬ АХЕМЕНИДОВ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ИСКУССТВЕ СЕВЕРНЫХ САТРАПИЙ НА МАТЕРИАЛЕ АРХИТЕКТУРЫ

Р.Р. Вергазов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
vergazov-ramil@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния официального стиля Ахеменидов на провинциальную архитектуру северных областей империи, предоставляющих репрезентативный материал памятников ахеменидского круга. Анализ основных типов древнеперсидских построек (дворца ападаны, «хадиша», входных ворот-пропилей и башенных сооружений) в Пасаргадах, Сузах и Персеполе позволил выявить характерные черты официальной архитектуры Ахеменидов, которые внедряются в провинциальное зодчество сатрапий. К их числу относятся колонные гипостильные залы, унифицированный тип башенного фасада-портика, принцип симметрии в планировке, специфическая ордерная декорация и общие планировочные решения, основанные на типологии дворцов Персеполя. Автором была предложена классификация памятников северного региона империи по культурным особенностям областей, на ее основе выделены две группы построек, различающихся спецификой влияния официального стиля Ахеменидов. Первая группа представляет симбиоз древнеперсидской архитектуры с местной развитой строительной традицией, унаследовавшей достижения зодчества Урарту. К первой группе относятся памятники ахеменидской эпохи в Эребуни, Алтын-тепе, Аргишихинили и Драсханакерте. Постройки второй группы примечательны прямой ориентацией на классические образцы официальной архитектуры Ахеменидов V в. до н.э. при незначительном влиянии местного зодчества. Ко второй группе можно отнести памятники Гурбан и Идеал Тепе (близ Гараджамирили), Сары Тепе, Гумбати и Самадло. В статье рассмотрены особенности типологии, конструктивных принципов и ордерных форм памятников провинциальной архитектуры северных областей державы Ахеменидов, а также дана характеристика процессов синтеза официального стиля с местными строительными традициями в обеих группах.

Вергазов Рамиль Рафаилович – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

© IA RAS, NMSTU, JHPCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-2-56-294-306

Ключевые слова: архитектура, Ахемениды, официальный стиль, север империи, сатрапия Армения

Введение

Искусство Ахеменидского Ирана (VI–IV вв. до н.э.) представляет собой завершающий период развития художественной культуры Древнего Востока I тыс. до н.э. Наивысшим достижением древнеперсидского искусства по праву считается официальный стиль, реализованный в классических памятниках дворцовых комплексов V в. до н.э. в Сузах и Персеполе.

Официальное искусство персов послужило важным инструментом внутренней политики Ахеменидов, направленной на интеграцию («иранизацию») различных областей империи и создание на их основе единого культурного пространства *Pax Persica*¹. В период своего расцвета официальный стиль оказал мощное влияние на развитие локальных художественных традиций сатрапий. Особое место среди провинциального искусства Ахеменидов занимают памятники северной части империи (территории Закавказья). Данный регион интересен для исследования проблемы влияния официального искусства Ахеменидов на местную художественную традицию, поскольку Закавказье предоставляет репрезентативный материал памятников ахеменидского круга, позволяющий исследовать их особенности, выявить степень влияния образцов официального стиля, а также затронуть проблему классификации зодчества данного региона.

Выбор материала архитектуры обусловлен ее большим значением в художественной культуре Ахеменидов – зодчество является стилемобразующим элементом для классического искусства древней Персии. Унифицированные строительные принципы и архитектурная типология Ахеменидов для памятников Закавказья служат важнейшим маркером не только влияния официального стиля, но и присутствия персов в этом регионе. В отличие от более «мобильных» ювелирных произведений и торевтики, архитектурные формы значительно труднее импортировать без участия столичных мастеров. В этой связи важно отметить, что обилие ахеменидских черт и относительно хорошая сохранность найденных построек VI–IV вв. до н.э. в Закавказье дает возможность не только рассмотреть особенности отдельных памятников, но и проанализировать данный материал в общем контексте развития архитектуры древнеперсидской империи.

* * *

Архитектура Ахеменидского Ирана является одним из основных компонентов официального стиля, отражающего идеологические задачи искусства персов². Для создания своего дворцового зодчества персы действовали архитектурное наследие Месопотамии, Мидии, Анатолии, Хеттского царства, Египта и Урарту. Всего за полстолетия (550–500 гг. до н.э.) произошел процесс отбора архитектурных форм и их трансформации в новые специфически ахеменидские строительные решения. Одним из главных достижений классической древнеперсидской архитектуры является типология дворца аудиенций (ападаны). Данный тип стал

¹ Brosius 2010, 33–34.

² См.: Root 1979, 1–5, 309–311.

образцом для создания других построек Ахеменидов, воплотивших церемониальные концепции официального стиля персов.

Ападаны были построены в эпоху Дария I (нач. V в. до н.э.) в столичных ансамблях Суз и Персеполя. Изучение особенностей этих построек позволяет выявить характерные черты официальной архитектуры Ахеменидов V-IV вв. до н.э. Классическая ападана представляет собой квадратное в плане сооружение, построенное из кирпича сырца (стены) и камня (колонны, лестницы, цоколь и портики)³. Дворец возводился на *искусственной каменной платформе*. Цоколь ападаны Персеполя украшают рельефы, архитектонически не утяжеляющие конструкцию. Планировочное решение дворца аудиенций основано на *квадратном* 36-колонном (6×6) *гипостильном зале* – характерном элементе классической архитектуры Ахеменидов. Гипостиль окружен с трех сторон 12-колонными (2×6) фасадами-портиками, а также фланкирован по углам башнями – квадратными помещениями, где, по-видимому, располагались посты царской охраны. *Унифицированный тип башенного фасада*, впервые разработанный в раннеахеменидских постройках Пасаргад, стал основным принципом организации фасада классических дворцов Персеполя. С четвертой стороны ападаны расположены служебные помещения, соединенные с другими постройками. Планировка дворца выявляет еще одну характерную черту архитектуры персов – *строгую симметричность в расположении частей сооружения*.

Гипостильный зал является конструктивным и смысловым центром ападаны. Его пространство обладает выраженной центрической композицией с пересекающимися осями входов. Гипостиль ападаны полностью отвечает задачам официального стиля Ахеменидов, связанным с созданием необходимой обстановки для царского церемониала. Большое пространство гипостиля облегчалось для лучшей видимости царя предстоящими перед его троном подданными за счет длинных тонких каменных колонн (отношение диаметра к высоте 1:10). В связи с ахеменидским ордером важно отметить *принцип распределения разных форм баз колонн*, выделяющих гипостиль (квадратные ступенчатые базы «пасаргадского типа») и портики (колоколовидные базы «персепольского типа»). Кроме того, этот принцип в Персеполе коснулся и капителей: в гипостиле применяются капители с протомами быков, а в портике – с полуфигурами львов. В результате классический тип ападаны является квинтэссенцией конструктивных решений архитектуры Ахеменидов, а также отражает программу официального стиля.

Следует отметить, что типология ападаны оказала влияние на архитектуру жилых дворцов Ахеменидов. В частности, дворец «хадиш» Ксеркса (480-460-е гг. до н.э.) в Персеполе повторяет в уменьшенном виде ападану⁴. Планировка центральной части дворца состоит из 36-колонного квадратного гипостиля и 12-колонного башенного фасада. При этом «хадиш» не имеет боковых портиков. Их место занимают внутренние комнаты, среди которых выделяются квадратные в плане *четырехколонные помещения*. Они являются характерным архитектурным элементом классических построек Ахеменидов и встречаются также в здании Гарема и трипилоне⁵. Вход на террасу с «хадишем» был оформлен парадной лестницей

³ Schmidt 1953, 70–82, fig. 30.

⁴ Schmidt 1953, fig. 97.

⁵ Schmidt 1953, 121, 258–259, fig. 52, 105.

и квадратным четырехколонным павильоном (или скорее воротами), соединенным стеной с северной частью дворца. Видимо, сам тип «хадиша» подразумевал наличие монументальных ворот и это отчасти подтверждается провинциальным комплексом Ахеменидов близ Гараджамирли⁶.

Не менее значима для классической архитектуры персов *типология входных ворот-пропилей*. Данный тип был взят персами из греческих памятников Анатолии, восходящих к крито-микенским образцам. Трансформация исходного прототипа связана с внедрением колонного зала и заменой фасада-портика порталом с монументальными скульптурами. Развитие ахеменидских пропилей шло по пути от прямоугольных ворот с восьмиколонным залом в Пасаргадах («дворец R», 540-е гг. до н.э.)⁷ к более компактным квадратным в плане пропилеям с *четырехколонным залом* (ворота Суз и Персеполя). В классической архитектуре Ахеменидов можно выделить два варианта ворот в рамках этой типологии. *Первый вариант* представлен пропилеями Дария-Ксеркса (1 четв. V в. до н.э.) и незаконченными воротами (кон. V в. до н.э.) в Персеполе⁸. Их основу составляет компактный *квадратный четырехколонный зал*, входы в который оформлены *масштабными скульптурами*. *Второй вариант* связан с «воротами-пропилеями», монументальными «воротами Дария» в Сузах (нач. V в. до н.э.) и зданием трипилона в Персеполе. Характерными чертами этих построек является наличие *боковых вытянутых помещений* и организация фасадов *двухколонными портиками*, фланкированными башнями. При этом они сохраняют в своей основе квадратный четырехколонный зал (кроме более упрощенных «пропилей» в Сузах). Основным декором ворот являются *ступенчатые ниши*, украшавшие как внешние стены, так и внутреннее пространство залов. В результате классическая архитектура Ахеменидов предлагает свой тип входных ворот в виде отдельно стоящего здания, служившего парадным входом в дворцовый комплекс.

В контексте наследия зодчества Урарту следует выделить и типологию *ахеменидских башнеобразных сооружений*. Впервые возникший в архитектуре Пасаргад (башня т.н. «Зиндан-и Сулейман») данный тип на протяжении столетия практически не изменился. Второе башенное сооружение (т.н. «Кааба Зороастра») в Накш-и Рустаме фактически копирует раннеахеменидский образец. Он представляет собой массивную квадратную в плане каменную постройку на трехступенчатом цоколе с высокой лестницей, ведущей в небольшое помещение в верхней части сооружения. Углы башен усилены контрфорсами. Архитектурный декор состоит из слепых окон, узких вертикальных ниш и зубчатого карниза. Единственное отличие – в башне Пасаргад внутреннее помещение имеет не квадратную (как в Накш-и Рустаме), а прямоугольную форму. По своей планировке и декорации эти сооружения восходят к урартскому типу храмов-башен, найденных в Алтын-Тепе, Топраккале и др. Однако назначение ахеменидских башен остается неясным. По-видимому, они были связаны с церемониалом и могли предназначаться для хранения царского штандарта и других инсигний⁹.

⁶ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 8–17.

⁷ Stronach 1978, fig. 24.

⁸ Schmidt 1953, fig. 26, 59.

⁹ Stronach 1978, 131–136, fig. 59, 63.

Таким образом, официальная архитектура Ахеменидского Ирана на основе синтеза различных строительных традиций создала собственный персидский архитектурный язык, типологию, ордерные формы и декорацию. Церемониальная программа официального стиля получила воплощение в композиционных решениях построек столичных комплексов Суз и Персеполя¹⁰. Очевидно, что классическая архитектура Ахеменидов повлияла на развитие провинциального зодчества сатрапий. При этом процесс влияния столичных архитектурных форм на местные традиции порождал симбиоз двух культур. Во многом степень «иранизации» провинциальной архитектуры зависела как от развитости местных строительных школ, так и от уровня интеграции региона в официальную культуру Ахеменидов. В этом отношении памятники северного региона империи представляют локальный вариант официального стиля, обладающий своей спецификой.

* * *

Проблема классификации провинциального зодчества севера империи Ахеменидов неминуемо затрагивает вопрос о критериях отбора материала. В качестве таковых выступают характерные черты ахеменидской архитектуры. К их числу следует отнести *типологию, планировку, ордерные формы, а также унифицированные строительные принципы*. Именно эти особенности, наряду с находками материальной культуры, являются объективными критериями атрибуции памятников древнеперсидской эпохи.

Архитектурные сооружения Ахеменидов в Закавказье можно классифицировать по степени внедрения черт столичных памятников официального стиля в местное зодчество. В этой связи следует выделить две группы построек, связанных с различными областями закавказского региона. Дело в том, что сатрапия Армения, охватывавшая всю северную часть империи, вероятно, состояла из трех административных округов: «западная Армения» (от севера Евфрата до озера Севан); «центральная Армения» (земли саспиров и алародиев до Большого Кавказского хребта) и «Колхида» (восточное побережье Черного Моря до реки Риони)¹¹.

В контексте нашей классификации *первая группа памятников* связана с «западной Арменией». Эта область имела тесные политические и культурные связи с Ираном, поскольку с конца VII в. до н.э. была присоединена к Мидии. При этом данный регион был наследником богатой художественной традиции царства Урарту (IX–VII вв. до н.э.). Влияние памятников официального стиля Ахеменидов на местную архитектуру породило свой вариант провинциального зодчества. Его специфика связана с процессом синтеза конструктивных принципов официальной архитектуры Ахеменидов с местной традицией. Данный синтез выражается в сохранении планировочных решений урартских построек, которые адаптируются под персидский тип гипостильных залов. Выбор гипостиля не случаен – это ключевой элемент официальной архитектуры Ахеменидов. Тем не менее использование изначальных построек эпохи Урарту накладывало свой отпечаток на композицию новых дворцов (отсутствие башенных портиков, асимметрия в плане, уменьшение количества колонн в гипостиле), которые встраивались в уже существующий контекст постройки. В результате, отражение официального сти-

¹⁰ Razmjou 2010, 233–244.

¹¹ Jacobs 1994, 183–186.

ля персов в памятниках «западной Армении» происходило через призму местной развитой архитектуры, обеспечивавшей сочетание новых решений с традиционными чертами. К *первой группе* можно отнести ахеменидские памятники в Эребуни, Алтын-тепе, Аргиштихинили и Драсханакерте.

Вторая группа представлена «центральной Арменией» и Колхидой. Эти области были заселены племенами саспиров, колхов и алародиев, которые находились на разных уровнях развития общественных институтов и культуры. Колхи переживали становление государственности¹², в то время как у саспиров и алародиев все еще существовал родоплеменной строй. Учитывая специфику развития местных культур, Ахемениды применили здесь модель «иранизации» с акцентом на большую аккультурацию и импорт своих художественных форм. Это обстоятельство и определило облик провинциальной архитектуры Ахеменидов в этом регионе, где в I пол. I тыс. до н.э. отсутствовали развитые строительные традиции¹³. Специфика этой группы обусловлена прямой ориентацией на классические образцы официальной архитектуры Персеполя. Местные постройки вельмож и родовой знати следовали типологии, строительным принципам и ордерным формам дворцов Ахеменидов, воспроизводя их как знак своего высокого статуса в иерархичной системе управления империи. Кроме того, архитектура нескольких укрепленных центров на северной окраине находит аналогии в планировке ахеменидских памятников Бактрии¹⁴, т.е. соотносится с общим развитием зодчества сатрапий. Ко *второй группе* относятся ахеменидские постройки близ Гараджамирили, в Сары Тепе, Гумбати и Самадло. Провинциальная архитектура «центральной Армении» и Колхи в большей степени восприняла влияние официального стиля, образцы которого нашли прямое отражение в постройках этих областей.

Наиболее показательным памятником *первой группы* является «дворец-ападана» в бывшей урартской крепости Эребуни – новом административном центре сатрапии Армения¹⁵. Это сооружение возникло после перестройки урартского храма бога Халди в V в. до н.э. Процесс трансформации архитектурных форм происходил путем присоединения к 12-колонному портику храма еще 18 колонн. В результате возник 30-колонный (6×5) почти квадратный (29×33 м) в плане гипостильный зал¹⁶. В этой связи важно отметить, что общее количество и расстановка колонн в Эребуни следует планировке 30-колонного гипостиля «дворца Р» эпохи Кира II в Пасаргадах. В Эребуни применены квадратные базы колонн, состоящие из двух плинтов – они также восходят к пасаргадским образцам. Эти параллели указывают на высокий статус постройки, предназначавшейся для сатрапа. Большой гипостильный зал ападаны Эребуни служил парадным пространством для официальных церемоний и аудиенций. К урартской части постройки относятся прямоугольный зал и квадратное служебное помещение с юго-западной стороны. Сохранение этого помещения эпохи Урарту не случайно – вероятно, оно выполняло те же охранные функции, что и угловые башни, фланкировавшие фасады построек Ахеменидов. В целом дворец Эребуни следует архитектурному

¹² Лордкипанидзе 1978, 14–19.

¹³ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2010, 113.

¹⁴ Сагдуллаев 1987, 45.

¹⁵ Ter-Martirossov 2001, 157, fig. 3.

¹⁶ Оганесян 1961, 79.

типу ападаны в части гипостильного квадратного зала, а также наличия выраженной поперечно-осевой композиции порталов. При этом постройка в Эребуни органично сочетает ахеменидский гипостиль и старые элементы урартского храма.

«Дворец-ападана» в Алтын-тепе II продолжает линию синтеза двух строительных традиций. Новое сооружение появилось здесь после разрушительного землетрясения. Дворец был встроен в бывший урартский храмовый комплекс: для его создания использовались стены крепости, двора храма и части служебных построек¹⁷. Ападана Алтын-тепе представляет собой прямоугольный (44×25 м) в плане 18-колонный (3×6) гипостильный зал на искусственной каменной террасе. Такое решение гипостиля ближе к раннеахеменидскому зодчеству – колонному залу «дворца S» в Пасаргадах. При этом круглая ступенчатая форма каменных баз колонн Алтын-тепе не характерна для персидских образцов и, по-видимому, следовала местным прототипам. Гипостиль имеет осевую композицию с одним северо-восточным входом в зал. В результате архитектура дворца Алтын-тепе при наличии характерных ахеменидских черт в большей степени отражает специфику местного зодчества западной Армении. Примечательно, что решение гипостиля дворца Алтын-Тепе напоминает конфигурацию колонных залов «протоападан» в Пасаргадах. Эти параллели могут указывать на более раннюю дату постройки ападаны Алтын-тепе, возведенной, возможно, в эпоху Кира II или Камбиза как одна из резиденций в новой сатрапии.

Ахеменидская постройка в Аргиштихинили является сложным для однозначной трактовки памятником, сильно перестроенным в последующую эпоху. Вероятно, к ахеменидскому периоду относится вытянутый прямоугольный 20-колонный (2×10) зал, возведенный в 1 пол. V в. до н.э. в западной части бывшей урартской крепости на месте более раннего дворца¹⁸. Судя по цилиндрической форме баз колонн урартского типа¹⁹, они были повторно использованы. Аналогично Алтын-тепе, постройка в Аргиштихинили расположена вблизи входа в комплекс. Зал имеет выраженную осевую композицию с двумя входами по оси запад-восток. С южной стороны находится продольное прямоугольное помещение, а с севера – шесть поперечных вытянутых жилых комнат, выходящих к крепостной стене с контрфорсами. Очевидно, что планировка колонного зала Аргиштихинили имеет явное сходство с гипостилем ападаны Алтын-тепе. В целом архитектура новой постройки преимущественно следует традициям местного зодчества с опорой на уже созданное урартское сооружение. Однако это не противоречит процессам «иранизации». Персидская практика повторного использования древних комплексов была продуктивной с точки зрения создания новых административных центров на местах, имеющих значимость и запечатлевших историко-культурные достижения региона.

Дворец в Драсханакерте завершает первую группу памятников провинциального зодчества Ахеменидов. Несмотря на перестройки, его архитектура сохранила изначальный облик V в. до н.э. Дворец из кирпича-сырца имеет квадратную планировку. Он состоит из трех квадратных и прямоугольных четырехколонных залов, окруженных вытянутыми узкими помещениями. Постройка стоит на до-

¹⁷ Summers 1993, 91–92, fig. 2, 4.

¹⁸ Мартиросян 1974, рис. 30.

¹⁹ Ter-Martirossov 2001, 156.

полнительном каменном цоколе; входы расположены с юга и востока. В западном прямоугольном зале была найдена колоколовидная база колонны персепольского типа²⁰. Найдки курильниц и ритуальной пластики указывают на сакральные функции восточной части постройки²¹, состоящей из квадратной (северной) и прямоугольной (южной) четырехколонной залы. Здесь было найдено два типа баз колонн: упрощенные базы из квадратного плинта и торуса и композитные базы с плинтом, усеченным колоколом и торусом. Второй тип с лепестковым декором является местной вариацией классических баз Персеполя эпохи Артаксеркса I, благодаря чему можно датировать этот памятник серединой V в. до н.э.²². Планировка центральной части дворца с двумя прямоугольными четырехколонными залами обнаруживает сходство с композицией северных помещений «тачары» Дария I в Персеполе. Найденная параллель является не случайной, поскольку «тачара» также имела сакральное назначение²³. В целом архитектура дворца в Драсханакерте обладает выраженными чертами классического зодчества Ахеменидов как в планировке, так и в решении баз колонн. Данный памятник свидетельствует о важных процессах адаптации архитектурных форм официального стиля и возникновения симбиоза местной и ахеменидской традиций. В результате рассмотренные особенности памятников первой группы наглядно показывают компромиссный характер провинциальной архитектуры «западной Армении», образующей сплав урартского наследия с официальным зодчеством Ахеменидов.

Вторая группа открывается провинциальным комплексом близ села Гараджамирли, состоящим из дворца (*Гурбан Тене*) и ворот (*Идеал Тене*). На сегодняшний день ансамбль Гараджамирли является уникальным памятником провинциальной архитектуры Ахеменидов, поскольку в сатрапиях до сих пор не было обнаружено подобных ансамблей, созданных единовременно по столичным образцам Суз и Персеполя. Вероятно, его строительство относится к периоду 510-х – 470-х гг. до н.э., т.е. синхронно с возведением классических ансамблей Ахеменидов²⁴.

Масштабный *дворец* в *Гурбан Тене* представляет собой почти квадратное в плане сооружение из кирпича-сырца. Главный фасад состоит из 12-колонного (2×6) портика, фланкированного по бокам прямоугольными помещениями. В центре дворца расположен квадратный в плане 36-колонный гипостильный зал с выраженной центрической композицией, распространенной в официальной архитектуре Ахеменидов. У западной стены гипостиля напротив входа находится пьедестал для тронного места «Великого царя», что указывает на важную роль этой постройки, по-видимому, предназначавшейся для царских аудиенций и других церемониальных функций. С трех сторон гипостиль огибает единый узкий коридор, прорезающий дворец по всей ширине. С севера и юга от центрального зала находятся квадратные и прямоугольные четырех/шестиколонные помещения. Западная часть дворца состоит из ряда колонных помещений, а также огибающих их коридоров. Найденные базы колонн из местного известняка можно разделить на

²⁰ Аналогичные базы найдены в Гараджамирли и Сары Тене.

²¹ Ter-Martirossov 2001, 159, fig. 4; Схожий прямоугольный колонный зал с сакральными функциями был обнаружен в Ошакане.

²² Ibid., 160, fig. 5.

²³ Razmjou 2010, 241.

²⁴ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 23.

две группы. Первая представлена колоколовидными базами персепольского типа с круглым плинтом, колоколообразным корпусом, украшенным пальмовыми листьями и торусом. Вторая группа – ступенчатые базы пасаргадского типа с двумя квадратными плинтами и торусом. В этой связи показателен разный уровень качества исполнения баз колонн, что свидетельствует о работе как столичных, так и местных бригад мастеров. За основу планировочного решения центральной части дворца был взят «хадиш» Ксеркса (гипостиль и унифицированный тип башенного фасада, боковые четырехколонные залы)²⁵. В целом дворец Гурбан Тепе отражает основные черты архитектуры официального стиля Ахеменидов. Дополнительная особенность может быть объяснена работой зодчих «Великого царя», создававших этот дворец как царскую резиденцию и форпост на северной окраине империи.

Монументальные входные ворота в Идеал Тепе состоят из квадратного в плане четырехколонного зала с двух- (восточный) и четырехколонными (западный) фасадами-портиками, фланкированными угловыми помещениями. С севера и юга к залу примыкают боковые прямоугольные комнаты. Оба портика и колонный зал расположены на единой оси. Колоколовидные базы колонн аналогичны образцам из Гурбан Тепе. Регулярный формат кирпича сырца ($34\times34\times12$ см) ворот следует ахеменидскому стандарту ($33\times33\times9$ см)²⁶. Внешние толстые стены, соединенные с северной и южной частью ворот, огораживали почти квадратный в плане большой (400×450 м) участок внутреннего пространства дворцового комплекса²⁷, где мог располагаться персидский регулярный сад-парадиз²⁸. Очевидно, что ворота Идеал Тепе принадлежат к ахеменидской типологии пропилей. Прямыми прототипом постройки послужила архитектура трипилона в Персеполе. Ворота-пропилеи в Идеал Тепе служили главным парадным входом в комплекс близ Гараджамири-ли, который следовал принципам официальной архитектуры Ахеменидов. Столь успешный пример «иранизации» провинциальных памятников может объясняться как царским заказом, так и отсутствием развитой местной строительной традиции.

Ахеменидские памятники в Гумбати и Сары Тепе образуют типологию укрепленной резиденции в провинциальной архитектуре «центральной Армении». По всей вероятности, они являются частью строительной программы Дария I, целью которой было обезопасить северные рубежи империи путем создания целой группы крепостей в восточной части Закавказья. От постройки в Гумбати сохранилась лишь южная часть – прямоугольная в плане вытянутая галерея с внутренними помещениями (прямоугольным вестибюлем, квадратной комнатой). В юго-западной части сохранился вход во внутренний двор галереи. Толстые стены, оформленные пилонами, сложены из кирпича-сырца, размеры которого ($32\times32\times12$ см)²⁹ близки к ахеменидским образцам. По углам галереи находятся квадратные башни. Вероятно, изначально они были на всех четырех углах постройки. Центр постройки не сохранился, по-видимому, там находился колонный зал. Это предположение основано на находках пяти фрагментов колоколовидных баз колонн персепольско-

²⁵ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 17, abb. 17, 26.

²⁶ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2010, 122.

²⁷ Knauss, Gagoshidze, Babaev 120, fig. 2.

²⁸ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 19.

²⁹ Knauss 2001, 126, fig. 3.

го типа, схожих с базами в Гараджамирли и Драсханакерте. Масштаб постройки и характерные черты архитектуры Ахеменидов указывают на то, что в Гумбати располагалась резиденция персидского вельможи или местного вождя, находящегося на службе у «Великого царя». Такие сооружения выступали в качестве укрепленных административных центров, осуществлявших контроль над приграничными регионами.

Памятник в Сары Тепе сохранился наполовину. Изначально он представлял собой большую квадратную в плане галерею, состоящую из 23-х вытянутых помещений. По углам и середине внешних толстых стен галереи из кирпич-сырца находятся выступающие квадратные башни. Размеры кирпича (36×36×12 см)³⁰ также близки к ахеменидскому стандарту. Главный восточный вход в резиденцию расположен между двумя башнями. За галереей располагался двор и квадратное здание с центральным колонным залом, окруженным по периметру 12 помещениями со сквозным проходом. В зале были обнаружены две колоколовидные базы колонн персепольского типа с декором из пальмовых листьев. Они схожи с образцами из Суз, Гараджамирли и Гумбати. Внешние стены галереи, как и центрального здания, оформлены пилястрами. Памятник в Сары Тепе представляет собой тот же тип укрепленной резиденции с выраженными оборонительными функциями. Особенности построек в Гумбати и Сары Тепе, на наш взгляд, позволяют выделить их в отдельную архитектурную типологию ахеменидских приграничных резиденций. Общие принципы планировки этого типа основаны на центральном колонном зале, окруженном по периметру мощной галереей с башнями. В этой связи показательно, что аналогичный принцип построения плана обходной галерей распространен в архитектуре ахеменидских усадеб Бактрии (Кызылча 6, Алтын 10)³¹. В результате данный тип не только находит параллели в столичном зодчестве персов, но и отражает общие тенденции провинциальной архитектуры Ахеменидов.

Завершает вторую группу *памятник в Самадло* (ок. V в. до н.э.), представляющий собой квадратное в плане башенное сооружение из светлого известняка с толстыми стенами. Углы постройки и середины стен выделены контрфорсами. Внутри башни расположено квадратное помещение, вход к которому предположительно находился с южной стороны³². По-видимому, эта постройка имела сакральное значение³³. Сам материал и архитектура башни в Самадло находит прямые параллели в ахеменидских башнеобразных сооружениях Пасаргад и Накш-и Рустама. В то же время по соотношению ширины стен и размера внутреннего помещения постройка Самадло ближе к пропорциям урартских храмов-башен. Вероятно, данный памятник испытал влияние официального ахеменидского зодчества, дополненного чертами урартских прототипов, в результате чего возник синcretический образец постройки башенного типа в провинциальной архитектуре Ахеменидов севера империи. Важно отметить, что для второй группы в целом характерно прямое обращение к образцам официального стиля персов при незначительном влиянии локальной традиции.

³⁰ Нариманов 1960, 163, рис. 1.

³¹ Сагдуллаев 1987, 45–46, рис. 35.

³² Knauss 2006, fig. 9.

³³ Гагошидзе 1979, 41.

Заключение

Рассмотренный материал провинциальной архитектуры Ахеменидов в северных областях империи позволяет выделить как минимум две группы памятников, в которых получил свое отражение официальный стиль. Предложенная классификация по территориальным и культурным особенностям областей дает возможность подробно изучить проблему влияния официального стиля Ахеменидов на локальные традиции в соответствии со спецификой регионов. Первая группа представляет свой вариант провинциальной архитектуры, в которой большое значение имеет наследие Урарту. Консерватизм этой группы обусловлен не только местной развитой строительной традицией, но и прагматичной политикой Ахеменидов, направленной на трансформацию уже имеющихся комплексов в новые центры сатрапий. В этой связи урартские реминисценции являются логичным результатом этой политики. Отражение официального стиля в первой группе памятников можно охарактеризовать как баланс привнесенных архитектурных форм с традиционным зодчеством, определившим степень внедрения новых решений.

Вторая группа более примечательна для исследования проблемы влияния официальной архитектуры Ахеменидов, поскольку предоставляет редкий для провинциального зодчества империи вариант прямого следования типологии, конструктивным приемам и ордерным формам столичных памятников Ахеменидов. Столь успешное внедрение образцов официального стиля может быть объяснено высокой степенью интеграции данного региона в административную систему империи из-за выбранной персами для этой области стратегии аккультурации. Архитектурные особенности памятников второй группы указывают на работу приглашенных из Ирана мастеров либо местных строителей, обучавшихся в столичных мастерских. Специфика этого варианта провинциальной архитектуры связана с ориентацией на официальные постройки Ахеменидов в Сузах и Персеполе, а также на общие тенденции в зодчестве восточных сатрапий, реализованные в типологии укрепленных резиденций. При этом местный компонент для второй группы остается слабо выраженным и заменяется унифицированными принципами официальной архитектуры Ахеменидов.

Подводя итог, важно отметить, что провинциальное зодчество северных областей империи является актуальным направлением в исследовании процессов влияния официального стиля Ахеменидов на локальные художественные школы сатрапий. Особая ценность памятников севера заключается в их репрезентативности и сохранности, позволяющей изучить их в контексте общего развития архитектуры империи Ахеменидов.

ЛИТЕРАТУРА

- Гагошидзе, Ю.М. 1979: *Самадло. Археологические раскопки*. Тбилиси.
- Лордкипанидзе, Г.А. 1978: *Колхида в VI—II вв. до н.э.* Тбилиси.
- Мартиросян, А.А. 1974: *Аргиштихинили*. Ереван.
- Нариманов, Я.Г. 1960: Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. *Советская Археология* 4, 162—164.
- Оганесян, К.Л. 1961: *Арин-Берд I, Архитектура Эребуни по материалам раскопок 1950—1959 гг.* Ереван.

-
- Сагдулаев, А.С. 1987: *Усадьбы древней Бактрии*. Ташкент.
- Brosius, M. 2010: Pax Persica and the People of the Black Sea Region Extents and Limits of Achaemenid Imperial Ideology. In: Nieling, J. & Rehm, E. (ed.), *Achaemenid Impacts in the Black Sea: Communication of Powers*, 29–40.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. L. Reichert, Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B, Geisteswissenschaften Nr. 87. Wiesbaden.
- Knauss, F. 2001: Persian rule in the North: Achaemenid palaces on the periphery of the empire. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens* 4 (Aarhus), 125–143.
- Knauss, F. 2006: Ancient Persia and the Caucasus. *Iranica Antiqua* 41, 79–118.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2010: A Persian Propyleion in Azerbaijan: Excavations at Karacamirli. *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*, 111–122.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2013: Karacamirli: Ein persisches Paradies. *Achaemenid Research on Texts and Archaeology* 004, 1–28.
- Razmjou, S. 2010: A Reinterpretation of Palaces and Their Function. In: Curtis J., Simpson St. J., Tauris, I.B. (ed.), *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East, Proceedings of a conference at the British Museum*. L., 240–241.
- Root, M.C. 1979: *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays in the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden.
- Schmidt, E. 1953: *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago.
- Stronach, D. 1978: *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963*. Oxford.
- Summers, G.D. 1993: Archaeological Evidence for the Achaemenid Period in Eastern Turkey. *Anatolian Studies* 43, 85–108.
- Ter-Martirosov, F. 2000: The Typology of the Columnar Structure of Armenia in the Achaemenid Period. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens*, 4 (Aarhus), 155–163.

REFERENCES

- Brosius, M. 2010: Pax Persica and the People of the Black Sea Region Extents and Limits of Achaemenid Imperial Ideology. In: Nieling, J. & Rehm, E. (ed.), *Achaemenid Impacts in the Black Sea: Communication of Powers*, 29–40.
- Gagoshidze, Y.U.M. 1979: *Samadlo. Arheologicheskie raskopki [Samadlo. Archeological Excavations]*. Tbilisi.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. L. Reichert, Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B, Geisteswissenschaften Nr. 87. Wiesbaden.
- Knauss, F. 2001: Persian rule in the North: Achaemenid palaces on the periphery of the empire. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens* 4 (Aarhus), 125–143.
- Knauss, F. 2006: Ancient Persia and the Caucasus. *Iranica Antiqua* 41, 79–118.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2010: A Persian Propyleion in Azerbaijan: Excavations at Karacamirli. *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*, 111–122.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2013: Karacamirli: Ein persisches Paradies. *Achaemenid Research on Texts and Archaeology* 004, 1–28.
- Lordkipanidze, G.A. 1978: *Kolchida v VI–II vv. do n.e. [Colchis in VI–II BC.]*. Tbilisi.
- Martirosyan, A.A. 1974: *Argishtihinili*. Erevan.

- Narimanov, YA.G. 1960: Nahodki baz koloni V–IV v. do n. e. v Azerbajdzhanie [Findings of column bases of V–IV BC. in Azerbaijan]. *Sovetskaya Arheologiya [The Soviet Archeology]* 4, 162–164.
- Oganesyan, K.L. 1961: *Arin-Berd I, Arhitektura Erebuni po materialam raskopok 1950–1959 g. [Arib-Berd I, The Architecture of Erebuni According to Excavations of 1950–1959]*. Erevan.
- Razmjou, S. 2010: A Reinterpretation of Palaces and Their Function. In: Curtis J., Simpson St. J., Tauris, I.B. (ed.), *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East, Proceedings of a conference at the British Museum*. L., 240–241.
- Root, M.C. 1979: *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays in the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden.
- Schmidt, E. 1953: *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago.
- Stronach, D. 1978: *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963*. Oxford.
- Summers, G.D. 1993: Archaeological Evidence for the Achaemenid Period in Eastern Turkey. *Anatolian Studies* 43, 85–108.
- Ter-Martirossov, F. 2000: The Typology of the Columnar Structure of Armenia in the Achaemenid Period. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens* 4 (Aarhus), 155–163.

THE ACHAEMENID OFFICIAL STYLE AND ITS REFLECTION IN THE ART OF NORTHERN SATRAPIES ON THE MATERIAL OF ARCHITECTURE

Ramil' R. Vergazov

*Lomonosov Moscow State University, Russia,
vergazov-ramil@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of the Achaemenid official style on the architecture of northern satrapies of the Empire, providing the representative range of Achaemenid-related monuments. The investigation of main building types (apadana palace, “Khadisha”, entrance gate-propylaea and the tower structures) in Pasargadae, Susa and Persepolis revealed characteristic features of the official Achaemenid architecture, which are implemented in the provincial architecture of the satrapies. These include the hypostyle multicolumn halls, the standardized type of façade-portico, the principle of the strict symmetry in layout, the specific order decoration and general planning principles based on the typology of the palaces of Persepolis. The first group represents the synthesis of the official Persian architecture with the local developed building tradition, inherited the achievements of Urartu architecture. The first group includes monuments of the Achaemenid era in Erebuni, Altyn-Tepe, Argishtikhinili and Draskhanakert. Buildings of the second group are remarkable for the direct emulation of the classic examples of the official Achaemenid architecture with the slight influence of the local tradition. The second group consists of monuments in Qurban and Ideal Tepe (near Karadzhamirli), Sara Tepe, Gumbati and Samadlo. The article describes the typology, building principles and order forms of provincial monuments in northern regions, as well as examines the characteristic of the synthesis of the Persian official style and local building traditions in both groups.

Key words: architecture, Achaemenid Empire, the official style, the north of empire, satrapy Armenia

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 307–322
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 307–322
© Автор(ы) 2017

ОБРАЗЫ ПЕРСОВ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Т.С. Терещенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
tatere@yandex.ru

Аннотация. Среди народов, с которыми взаимодействовали греки, персы играли особую роль. С этим связано значительное количество их изображений в искусстве греков. Существует ряд проблем, связанных с дифференциацией их изображений, поскольку греческое искусство было чрезвычайно неточным в изображении других народов. Кроме того, есть много общего в изображениях персов и других восточных народов – прежде всего, скифов, однако есть и определенные критерии, по которым их можно дифференцировать: время создания (скифы: преимущественно втор. пол. VI в. до н.э., персы – V в. до н.э.), детали одежды (хитон до колен, другой декор штанов и др.), вооружение (сагарис, копье), черты внешности (остроконечная борода у скифов, окладистая – у персов и др.), сюжеты (скифы – помощники, персы – противники и др.), семиотика. Изображения персов вытеснили изображения скифов, что было связано как с их сходством, так и сходством их коннотаций (Восток), а также с внешне- и внутриполитическими событиями (греко-персидские войны, борьба с медизмом). Переход от изображений скифов к изображениям персов был постепенным. Со временем изображения персов претерпели определенную трансформацию: с середины V в. до н.э. более диверсифицированными стали их одежда и вооружение, а также сюжеты, в которых они фигурировали. В эпоху эллинизма противостояния с персами осмысливались в произведениях более крупных форм – мозаике и скульптуре. На протяжении всего времени для презентации персов был присущ синкретизм реального (исторического) и мифологического, характерный для осмысления древними греками этнокультурных контактов и Других в целом. Изображениям битв персов и греков придавалась мифологический оттенок, персидские детали присутствовали в ряде мифологических сюжетов, ряд из них, в свою очередь, служил осмыслению современных грекам событий.

Ключевые слова: искусство Древней Греции, образы персов, вазопись, античность

Среди народов, с которыми взаимодействовали греки, персам принадлежало особое место. Противостояние с ними в ходе греко-персидских войн заняло полстолетия (499–449 гг. до н.э.) и способствовало консолидации греков и кристаллизации их самосознания. В дальнейшем греки тесно взаимодействовали с персами и культуры этих народов оказали заметное влияние друг на друга. Позже, bla-

---

Терещенко Татьяна Сергеевна – соискатель кафедры культурологии, философии культуры и эстетики СПбГУ.

годаря завоеваниям Александра Македонского (334–324 гг. до н.э.), территории бывшей Персидской империи оказались включенными в греческий мир. Все это обусловило ту важную роль, которую образы персов занимали в изобразительном искусстве Древней Греции, прежде всего вазописи.

Необходимо оговориться, что исследователи последних десятилетий отказались от однозначной идентификации изображений Других в греческой образности (в первую очередь, вазописи) с конкретными народами, все чаще отмечая их неточность и недифференцированность. Греческое искусство оперировало определенным набором визуальных знаков инаковости и использовало их в разном количестве, сочетании и с разной степенью правдоподобия. Детали одежды и вооружения разных народов Востока (персов, скифов, фракийцев) в отдельных изображениях были сходны: высокая остроконечная шапка, лук и стрелы и др. В отдельных изображениях часто сочетались детали одежды и вооружения (реже внешности) разных народов Востока: в изображениях персов это были скифский S-образный лук, горит или копье и пельта¹. Существовали даже изображения чернокожих в восточной одежде² или изображения амазонок в, условно говоря, скифской, персидской или фракийской одежде³. В этой связи исследователи последних десятилетий все чаще склоняются к тому, чтобы идентифицировать изображения персов и скифов как собирательные образы разных народов Востока⁴. Поэтому термины «скифы» и «персы» применительно к древнегреческой образности все чаще используются как условные⁵, а в англоязычной литературе последних двух-трех десятилетий вместо определения «перс» часто можно встретить определение “Oriental” (представитель Востока) или персонаж в восточной одежде (“oriental dress”). Кроме того, изображения Других в греческом искусстве в целом составляли своеобразную целостную семиотическую систему и отличались довольно единообразными характеристиками и семиотикой, которые обретали наиболее полное звучание в совокупности, соотнесении и сопоставлении друг с другом, образуя единую визуализированную этническую картину мира.

В изображениях условных скифов и персов много общего. Тем не менее существует определенный набор признаков, позволяющий их дифференцировать.

1. Время создания. Изображения скифов присутствовали в греческой вазописи с 570-х по 470-е гг. до н.э.⁶, персов – появились в первые десятилетия V в. до н.э. – с началом греко-персидских войн. Они сохранялись в вазописи IV в. до н.э., а также присутствовали в скульптуре эпохи эллинизма.

2. Детали одежды.

Во-первых, скифы, как правило, изображались одетыми в облегающий монолитный «комбинезон» с мелким яйцевидным или чешуйчатым декором. Реже они могли изображаться и как их греческие компании – полуобнаженными, только в набедренной повязке (аттическая чернофигурная шейная амфора, художник Антимена, ок. 520–510 гг. до н.э., Лувр, Париж). Одежда персов была гораздо более

¹ Lissarrague 1990, 130.

² Lissarrague 1990, 156.

³ Shapiro 1983.

⁴ Об образах «скифов» как собирательного образа народов Востока см.: Иванчик 2002; 2002б.

⁵ Miller 1995.

⁶ Lissarrague 1990.

разнообразной. Они также изображались в облегающей одежде, но она состояла из двух частей⁷: штанов и кафтана. Штаны декорировались горизонтальными зигзагообразными полосами, а кафтан – точками, звездочками и т.п. С середины V в. до н.э. в изображениях персов их одежда изменилась: добавился хитон до колен без декора или с декором в виде точек, звездочек и т.п. (краснофигурная ойнохоя, сер. V в. до н.э., Лувр, Париж). Существовали также изображения персов в широкой длинной накидке, похожей на хламиду (краснофигурный скифос с росписью ученика Дуриса, ок. 450 г. до н.э., Античное собрание, Государственные музеи Берлина). В целом такие детали соответствовали реально существовавшему костюму персов (который, впрочем, был очень разным, зависел от статуса, менялся со временем и включал в себя много заимствований как с Запада, так и с Востока), хотя и не отличались этнографической точностью. Они репрезентировали бытавшие у персов меховые штаны и кафтан (полоски и точки изображали мех); хитон до колен – вероятно, мужскую юбку; хламида – заимствованную из Индии верхнюю одежду, которую носила знать⁸.

Во-вторых, и скифы, и персы изображались в высоком головном уборе, который исследователи называют по-разному: шапка, колпак, башлык (он напоминает головной убор народов Кавказа с прикрывающими уши и заднюю часть шеи детали), алопекис. Однако у скифов он был высокий, тонкий, часто остроконечный (иногда закрученный вперед), а у персов – мягкий, бесформенный.

3. Вооружение. Скифы изображались с S-образным луком и горитом. Вооружение персов было более разнообразным: S-образный (краснофигурная ойнохоя, сер. V в. до н.э. Лувр, Париж) или простой лук (аттическая краснофигурная ойнохоя художника Чикаго (?), ок. 490 г. до н.э., Музей изящных искусств, Бостон); сагарис – боевой топор иранских народов; копье, а также пельта – щит в форме полумесяца: она служила маркером отличия греков от персов, связи персов с Востоком, в случае, если те изображались с копьем (краснофигурная ойнохоя, сер. V в. до н.э., Лувр, Париж). Встречались даже изображения персов и греков, сражающихся друг с другом на мечах (аттический краснофигурный килик с росписью художника Триптолема, Национальный музей Шотландии, Эдинбург). Существовали и изображения со смешанным вооружением: с персом, вооруженным сагарисом и горитом (краснофигурная ноланская амфора с росписью художника Оинокла, 475 г. до н.э., государственные музеи Берлина, Прусское культурное собрание) и даже сагарисом и луком одновременно (ноланская краснофигурная шейная амфора, художник Карлика (?), 440–430 гг. до н.э., Музей искусств Метрополитэн, Нью-Йорк). Возможно, такое разнообразие вооружения, как и одежды, было связано с пестрым национальным составом войска персов и Персидской империи в целом.

4. Внешность, в первую очередь борода. У скифов она была остроконечной, у персов – окладистой, часто густой и курчавой. Иногда художники обращали вни-

⁷ В ранних изображениях эта двухчастность еще не так выражена (аттический чернофигурный лекиф, ок. 490 г. до н.э., Национальный археологический музей, Афины; аттическая краснофигурная чаша мастера Брига, ок. 480 г. до н.э., музей Эшмола, Оксфорд).

⁸ Видимо на скифосе с росписью ученика Дуриса изображен как раз представитель знати. На это указывает и его поза: на одной стороне он представлен сидящим фронтально, уперев руку в бедро, на другой – идущим, с властно вытянутой вперед рукой, что предает его образу импозантность и уверенность; а также то, что он изображен один, а не в сцене битвы с греком.

мание и на другие детали внешности: в ряде случаев у персов были характерные профили с крупными носами (аттический краснофигурный килик с росписью художника Триптолема, Национальный музей Шотландии, Эдинбург). Ряд исследователей полагают, что изображения персов в греческой вазописи эпохи классики находились под влиянием искусства эпохи Ахеменидов⁹. Однако, если учесть, что само искусство той эпохи находилось под влиянием греческого и греческие мастера работали в Персии (создавая, в частности, рельефы Персеполя), то эти влияния предстают гораздо более сложными, неоднозначными и разнонаправленными.

Таким образом, визуальные характеристики персов были вариативны: по-разному могло изображаться не только вооружение, но и детали одежды (в первую очередь головной убор – более / менее высокий / бесформенный), и профили персонажей. Тем не менее все эти детали маркировали ключевые визуальные характеристики, условно говоря, персов (или шире: народов Персидской империи), отличавшие их от греков. В сценах противостояний греков и персов эти визуальные характеристики были дихотомичны, тем самым выявлялись и репрезентировались отличительные черты греков и «условных» персов: одежда (голые ноги – штаны; греческая одежда (в которой доминировало небольшое количество вертикальных прямых линий, что создавало впечатление регулярности, порядка, упорядоченности) – персидская (в которой доминировали мелкие изогнутые линии, либо точки, что создавало впечатление дробности, некой зыбкости); обнаженный (т.е. представленный в героической наготе) грек – одетый в восточную одежду перс; головные уборы (греческий шлем – персидский высокий головной убор); вооружение (копье – лук/сагарис, круглый щит-пельта), реже черты внешности (голое лицо – борода (часто очень густая), прямой нос – крупный с горбинкой).

5. Сюжеты. Скифы не изображались сражающимися с греками, они изображались как их спутники или помощники, как правило, в сценах троянского цикла, связанных с подготовкой к войне или ее завершением: отъезд, облачение воина, возвращение или битва за тело воина¹⁰. Персы же репрезентировались в сценах сражений с греками. Их композиция отталкивалась от композиции сцен мифологических сражений (гиганто-, кентавро-, и амазономахии и др.), одним из семиотических слоев которых (и не только изображений сражений, но и самих фигур их участников) было осмысление контактов и противостояний греков с другими народами¹¹. Эта композиция строилась по диагонали и разворачивалась слева направо: один из персонажей изображался довлеющим над другим, заносящим над ним копье; тот, в свою очередь, изображался падающим, защищающимся. В сценах противостояний греков и персов грек, как правило, репрезентировался как более сильный, побеждающий перса. Такая композиция дополнялась дихотомичными визуальными характеристиками персонажей. Примерами такой репрезентации являются ойнохоя с росписью художника Чикаго (460 г. до н.э., Музей изящных искусств, Бостон) и ноланская шейная амфора (440-430 гг. до н.э., Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк). Некоторые трактовки этого противостояния шли еще дальше. Так, фигуры грека и перса, сражающиеся друг с другом, вписаны в круглое донышко (тондо) килика, расписанного мастером Триптолема (460 г. до н.э.,

⁹ Dench 2005, сноска 120.

¹⁰ Lissarrague 1990.

¹¹ Hall 1991.

Национальный археологический музей, Афины). Вписанность в круг подчеркивает наступательный заряд грека и подавленность перса, как бы бессильно сползающего, стекающего вниз круглого пространства изображения¹². Поскольку образы противостояний греков с персами создавались уже в другую эпоху, чем схематичные и застывшие образы противостояний эпохи архаики, эта схема не была столь однообразной и жесткой, и противостояния с персами могли трактоваться по-разному. Так, фрагментарно сохранившаяся роспись чаши Брига (480 г. до н.э. Музей Ашмолова, Оксфорд) репрезентирует перса и грека как равных, стоящих вертикально и параллельно друг другу. По мнению австралийского антиковеда М.С. Миллер, такая репрезентация противников-персов как достойных соперников связана с аристократическим ethos ведения военных действий как сражения двух равных воинов-гоплитов – представителей верхушки афинского общества и армии. В этом изображении исследователь видит осмысление Марафонской победы как победы гоплитов¹³.

Существовали также единичные изображения персов, побеждающих греков (или персонажей в персидской (восточной) одежде, побеждающих персонажей в греческой одежде). Среди них, пожалуй, самым известным является ритон в форме фигуры амазонки, созданный в мастерской Сотада в середине V в. до н.э. На его горлышке изображен «перс» на коне, заносящий копье над упавшим «греком». В. Рэк отмечает, что подобные схемы в дальнейшем использовались греческим искусством для репрезентации битв амазонок (одетых в восточную одежду) с греками¹⁴. В качестве примера такой репрезентации можно привести краснофигурную роспись лекифа из Британского музея (450–430-е гг. до н.э.). Такая необычная репрезентация битв греков с персами явно была продиктована желаниями заказчиков-персов¹⁵ и, очевидно, связана с тем, что сосуд был обнаружен в Египте, который в середине V в. до н.э. был частью Персидской империи. Наряду с большим разнообразием композиций в трактовке образов противостояний греков и персов могла сохраняться и более традиционная для греческого искусства черта: греки часто изображались обнаженными (в т.н. «героической наготе»), что придавало этим сценам вневременное мифологическое звучание и роднило их с изображениями мифологических сражений. Так они представлены на упомянутой луврской ойнохое, ойнохое художника Чикаго, а также ноланской амфоре из Нью-Йорка. По мнению М.С. Миллер, семиотика таких изображений состояла в героизации греков и умалении персов¹⁶.

Позже, с середины V в. до н.э., появились сцены, связанные с жизнью персидской аристократии, а также мифологические сюжеты с персонажами в персидской одежде. В композиции и сюжетах многих сцен первого типа чувствуется влияние произведений персидского искусства эпохи Ахеменидов: в первую очередь, изображений процессий, а также изображений персидского царя, сидящего на троне,

¹² Греческие мастера в изображениях противостояний греков и персов довольно часто обыгрывали изогнутую поверхность сосудов, что придавало позам дополнительную выразительность (ойнохое художника Чикаго (?), ок. 490 г. до н.э., Музей изящных искусств, Бостон; ноланская шейная амфора, художник Карлика (?), 440–430-е гг. до н.э., Музей искусств Метрополитэн, Нью-Йорк).

¹³ Miller 1995, 39.

¹⁴ Raeck 1980, 125.

¹⁵ Raeck 1980, 125–126.

¹⁶ Miller 1995, 43.

и слуг, держащих над ним веер. Процессия персидского царя или сатрапа представлена на лекифе из Британского музея (410-400 г. до н.э., Лондон). Фигура царя является смысловым и композиционным центром росписи: он сидит на верблюде, составляющим с ним единую группу, почти вдвое превосходя всех остальных по размеру, что свидетельствует о его высоком статусе. Статус подчеркивается и фланкирующими его изображениями членов свиты: обмахивающими его веером, танцующими и играющими для него в музыкальные инструменты. Роспись лекифа в целом (с персонажами в восточных одеждах, с фигурой верблюда в центре композиции) является собой и знак экзотизма – мира, радикально отличного от греческого. Однако, вероятно, главным ее содержанием является осмысление и презентация ключевых элементов восприятия персов греками – любви к роскоши и всевластия царя над своими подданными, противоположных греческим идеалам – умеренности и демократии¹⁷. Более того, такие изображения могли презентировать восприятие греками персов не как достойных в прошлом противников, а как слабых, любящих роскошь, изнеженных рабов, противопоставленных афинскому идеалу мужчины¹⁸.

Особняком среди изображений персидской аристократии стоит т.н. «ваза Да-рия» (кон. IV в. до н.э., Национальный археологический музей, Неаполь) – кратер с волютами, обнаруженный в Апулии и, судя по стилистике, явно созданный на территории Италии. Роспись этого кратера выделяется большим количеством изображенных персонажей. Они расположены в трех регистрах – от более высокого к более низкому статусу. В верхнем регистре представлены греческие боги и персонифицированные изображения; почти все они подписаны. В центре стоит фигура Эллады, слева от нее – Зевс и Ника, справа – Афина с рукой на плече Эллады. Далее, крайняя справа – сидящая Азия. Причем за ее спиной находится Герма (маркирующая границы Греции или ойкумены?). Между Азией и центральной группой стоит Апата – богиня лжи и обмана. Она держит в руках два факела: правый протягивает к центральной группе (Афине (?), Элладе (?)), а левый как бы отводит от Азии. Позу Азии сложно интерпретировать однозначно: с одной стороны, она не изображена скорбящей, плачущей, согбенной и т.п., но с другой – делает правой рукой некий жест, то ли закрываясь накидкой, то ли протягивая ее к факелу. Э.С. Грюэн предлагает интерпретировать это изображение как презентацию Азии, находящейся на краю пагубной войны и ведомой Апатией к катастрофе¹⁹. Однако с учетом того, что Эллада представлена в окружении богов, демонстрирующих ей свою поддержку, а Азия – как всеми покинутая, изображение выглядит как презентация победы греков над персами. В центре среднего регистра представлен Дарий (его фигура подписана) на троне со скипетром. За ним слева стоит стражник с мечом, перед ним справа на круглом постаменте – Персия (эта фигура также подписана). Справа и слева от этой группы представлены некие персидские сановники: об этом говорят их позы, одежда, атрибутика. Фигура Персии наклонилась к Дарию и явно что-то ему сообщает – это, конечно, дает повод для спекуляций: дает ли совет, сообщает ли о новом ионийском восстании,

¹⁷ Об этом см. Hall 1991.

¹⁸ Miller 1995, 43–44.

¹⁹ Gruen 2011, 47.

отговаривает ли от войны в Греции²⁰. Окружающие Дария сановники также ведут дискуссию. В нижнем ярусе (второй слева) представлено сидящее за столом некое должностное лицо, вероятно, ведущее какой-то подсчет, и две фланкирующие его фигуры с приношениями, дарами или чем-то подобным. Любопытно, что фигура за столом одета не в «персидскую» или «восточную», а в греческую одежду (хитон), стул тоже явно греческий, как и надпись, сделанная буквами греческого алфавита на доске. При этом персонажи с приношениями одеты в персидскую (восточную одежду): высокие шапки, хитоны до колен, штаны. Причем они представлены несколько согбенными. Кроме того, эти персонажи дополнены тремя фигурами справа: они изображены упавшими на колени, воздев руки в мольбе, под их ногами – голая земля. Как можно идентифицировать эту группу и интерпретировать ее семиотику? Как изображение некоего должностного лица персов (с этой точки зрения его греческий внешний облик можно трактовать как результат активного влияния греческой культуры на персидскую или как изображение одного из многочисленных греков на персидской службе) и несущего ему налоги народа. Молящие коленопреклоненные фигуры на голой земле в этом контексте могут репрезентировать изнывающий от налогового бремени бесправный народ (к тому же противопоставленный представленной в среднем регистре верхушке). Если принять подобную трактовку, то можно увидеть визуальное осмысление и репрезентацию восприятия греками социального устройства персов. С другой стороны, в контексте изображений всех трех регистров эту сцену можно предположительно интерпретировать как победу греков и ту дань, которую Персия вынуждена платить победителям, а также те бедствия, которые принесло Персии ее поражение.

Семиотика этой росписи до сих пор является дискуссионной, хотя все исследователи так или иначе связывают ее с греко-персидскими войнами. Одни видят в ней репрезентацию победу греческой демократии над восточной тиранней, другие связывают ее с Марафонской победой греков, третьи – с театром²¹. Однако, учитывая, что роспись эта была создана в IV в. до н.э. в Южной Италии, нельзя, вслед за Э.С. Грюэном, не задаться вопросом: какое значение этот сюжет мог иметь в то время и в том месте? К. Шмидт²² связывает данный сюжет с противостоянием западных греков с варварами Южной Италии, а также с панэллинизмом Исократа. Э.С. Грюэн видит в этом изображении репрезентацию Персии как достойного соперника, не обращая внимания на неоднозначную трактовку фигуры Азии, а также весьма непростую семиотику фигур нижнего регистра. Исследователь подчеркивает, что такое видение Персии сохраняло значение для Великой Греции и спустя полтора века после греко-персидских войн и могло быть вдохновлено походами Александра Македонского²³.

Интересно и другое созданное на территории Италии изображение на историческую тему вазописца Наццано (IV в. до н.э., Национальный музей этрусского искусства, Вилла Джулия, Рим). На вазе запечатлен захват Трои ахейцами, которые изображены как персы, нападающие на женщину, ребенка и старика. Однако

²⁰ Gruen 2011, 48.

²¹ Gruen 2011, сноска № 194.

²² Gruen 2011.

²³ Gruen 2011, 50.

поскольку это позднее изображение, то характеристики персов эклектичны. Здесь присутствует и «классический» перс с луком в характерной декорированной мелкими зигзагами одежде со штанами, стреляющий с колена; другой одет скорее в греческую одежду; третий и вовсе обнажен, что было нехарактерно для изображений V в. до н.э. При этом в их профилях – с густыми бородами, с гордой посадкой голов в характерных персидских головных уборах – чувствуется влияние персидских рельефов.

Проникновение персидских деталей в греческую образность было связано с персианизацией греческой культуры и искусства. С одной стороны, детали «персидской» (напомним, что исследователи все чаще определяют ее как обобщенную «восточную») одежды стали часто присутствовать в изображениях героев сцен греческой мифологии второй половины V–IV вв. до н.э. В первую очередь это были высокая шапка (ряд исследователей атрибутирует ее как фригийскую), штаны, хитон до колен, а также характерный декор одежды (зигзаги, точки и т.п.). Эта высокая шапка – персидский (фракийский, восточный) колпак – со временем приобретает в греческой культуре совершенно особую символику. Как отмечает М.С. Миллер, ношение колпака являло собой свидетельство проперсидских симпатий части афинской аристократии²⁴. Кроме того, использование некоторых восточных предметов, в том числе колпака, демонстрировало принадлежность к элите²⁵. С другой стороны, часто в росписи ваз персидская (или восточная) одежда могла указывать на связь того или иного мифологического героя с Востоком. Так, на пелике росписи мастера круга художника Ниобид (V в. до н.э., Музей изящных искусств, Бостон) изображена Андромеда в «персидской» одежде. Таким образом осмысливается ее связь не только с Востоком, но и с Африкой: она была дочерью эфиопского царя Кефея и, по одной из версий, была прикована своим отцом в качестве жертвы чудовищу на Восточном побережье Средиземноморья. Связь с Африкой репрезентируется фигурой чернокожего слуги рядом с ней. Условно персидская одежда отражала и связь с Востоком и варварские поступки: сначала отце- и братоубийство, а потом и детоубийство – колхидянки Медеи (апулийский кратер с росписью мастера Подземного мира, 330–320 гг. до н.э., Античное собрание, Мюнхен). В греческой вазописи V в. до н.э. в «персидской», «фригийской» (или «восточной»), как ранее в «скифской» одежде²⁶, стали изображаться амазонки²⁷ (кратер с волютами, ок. 450 г. до н.э., Музей искусств Метрополитэн, Нью-Йорк). В «персидской» одежде часто стал изображаться и Парис – сын троянского царя Приама.

Порой такие мифологизированные изображения могли репрезентировать и реальные исторические события. Так, по мнению американской исследовательницы Х.М. Франкс, т.н. лекиф Ксенофанта (нач. IV в. до н.э., Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) с рельефными изображениями персов, охотящихся на грифонов, кабанов и др., представляет собой «визуальную концепцию имперской экспансии персов» – их попыток экспансии на Юг и захвата Египта. Однако, как утверждает автор, оснований для экспансии в данном изображении не видно:

²⁴ Miller 1995, 39.

²⁵ Miller 1991, 67.

²⁶ Shapiro 1983.

²⁷ Sparkes 1997, 144.

высокомерные амбиции персов не оправданы и поэтому неизбежно останутся не реализованными²⁸. Сюжет с битвами персов и грифонов был заимствован греческой вазописью кон. V–IV вв. до н.э. из искусства Ахеменидов (аттическая краснофигурная ойнохоя, кон. V в. до н.э., Национальная библиотека, Париж). Для презентации битв с персами (или, если следовать логике Х.М. Фрэнкс, противостояний персов с другими народами) греческое искусство заимствовало и любимый персидским искусством мотив битв со львами (аттическая краснофигурная пелика, нач. IV в. до н.э., Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).

Отдельную проблему среди «бытовых» изображений персов составляют т.н. «сцены прощания персидского воина», присутствовавшие в греческой вазописи во второй половине V в. до н.э.²⁹ Они в целом аналогичны сценам прощания греческого воина: там представлен воин в «персидской» («восточной») одежде (высокая шапка, длинная накидка или короткий хитон и штаны – одежда могла варьироваться) и женщина (иногда две) в греческой одежде с сосудом в руках, совершающая возлияние в сосуд, который держит в руках «перс»; в ряде случаев они изображались у алтаря. Существует ряд версий интерпретации отдельных из них. По одной версии – это персонификация Персии и Греции и презентация Калиева мира, по второй – сцена из трагедии Эсхила «Персы», по-третий – жертвенное возлияние с целью оживить умерших или посвящение умершим в Афинах персам³⁰. В. Рэк, критикуя такие «единичные» интерпретации, призывает рассматривать их в общем историко-культурном контексте. Однако учитывая, что объем персидских деталей в изображениях различен (так, в одной из росписи одетая в греческое женщина держит в руке персидский ритон), признает, что значение каждого изображения может быть уникальным³¹. При этом следует отметить, что в росписях наблюдается сближение, взаимовлияние персидской и греческой культур.

Особое место среди изображений условных персов принадлежит т.н. «вазе Эвримедонта» (460 г. до н.э., Музей искусств и ремесел, Гамбург). Это абсолютно уникальное для греческой вазописи изображение, вызывающее самые разные толкования. На одной ее стороне представлен похожий на грека(?) обнаженный персонаж в накидке, держащий в руке свой эрегированный половой орган, на другой – наклонившийся вперед «перс» или какой-то другой восточный персонаж. На нем только комбинезон с рисунками в виде кругов, на левой руке висят сползшие горит и лук, то есть он полураздет и полуразоружен (не находится в состоянии боевой готовности). По сути дела, позы «грека» и «перса» параллельны традиционным фигурам греческих и персидских воинов, представленных в сценах противостояний, или пародируют их: поза грека – поза атаки, поза перса – поза поражения, подчинения, обладая при этом сексуальной коннотацией. Лицо перса представлено в фас – в ряде случаев в греческой вазописи так презентировались побежденные враги³². Однако перс с вазы Эвримедонта держит руки у ушей, ла-

²⁸ Franks 2009.

²⁹ Подробнее см. Raeck 1980, 138–145.

³⁰ Raeck 1980, 140.

³¹ Raeck 1980, 145.

³² Орфей, убиваемый фракийской женщиной (краснофигурный стамнос мастера Докимасии (?), 490–480 гг. до н.э., Археологическое собрание Университета, Цюрих); амазонка, побежденная греческим героем (краснофигурный кратер с волютами, художник Ниобид, V в. до н.э., Национальный музей, Палермо).

донями к зрителю, как бы дразня его. Это придает изображению не драматически-космологический, а комический оттенок. Надпись на стороне перса переводится примерно как «Я Эвримедонт. Я нагнут», на стороне грека – «Я имею тебя»³³. Эта надпись делает еще более убедительной наиболее очевидную и распространенную сексуальную трактовку изображения как специфической презентации одной из важнейших побед греков в ходе греко-персидских войн – в сражении при Эвримедонте (466/469(?) г. до н.э.)³⁴. Однако многие исследователи отвергают такую интерпретацию, указывая на ряд нестыковок. Так, по мнению американского антиковеда Г. Феррари Пинни, если смысл этого изображения – триумф одной страны (или народа) над другой (другим), то характерные этнические черты внешности персонажей должны быть подчеркнуты или, по крайней мере, выражены. Вместо этого их характеристики очевидно неопределены и двусмысленны: так, в изображении «грека» также присутствуют варварские, по ее мнению, черты: фракийская накидка, козлиная бородка, бакенбарды. Исследовательница предпочитает идентифицировать это изображение как театральную сцену добровольного соития некоего мифологического героя Эвримедонта (надпись автор считает именем героя) и его скифского помощника³⁵. По мнению другого американского исследователя, оба персонажа являются варварами и вся эта комично-нелепая сцена была предназначена для того, чтобы настоящий грек-гоплит, который пил из этой ойнохой, посмеялся над изображением и почувствовал свое превосходство над варварами во время симпозиума³⁶. С феноменом симпозиума связывает это изображение и А. Коэн. Подчеркивая противоречивый характер позы и жеста «восточного» персонажа³⁷ и видя в нем и в сцене в целом юмористический и агрессивный, но не военный подтекст³⁸, она связывает это изображение с «постсимпозиастическими занятиями» («постсимпозиастической маскулинностью») афинской аристократии: например, с участием в бандах, устраивавших шуточные нападения и избиения прохожих. Варварская внешность и атрибуты персонажей, по ее мнению, могут быть связаны с названием одной из таких банд – Трибаллы (фракийское племя)³⁹.

Таким образом, атрибуция и интерпретация росписи вазы Эвримедонта являются весьма проблематичными. Все ее составляющие (перевод и трактовка надписей, идентификация обоих персонажей, деталей их одежды и жестов) настолько сложны и противоречивы, что допускают множественность трактовок, а любые версии их интерпретации легко опровергнуть. Единственное, в чем у современных исследователей сходится мнение – ироничный (или пародийный) подтекст, а также (по крайней мере, у большинства) – связь с симпозиумом. Рассмотренные версии интерпретации росписи демонстрируют не только сложный и неоднозначный характер ее семиотики, но и возможную (скорее даже не однозначно-прямо-

³³ Относительно ее перевода также нет единого мнения. См.: Smith 1999, 128–129.

³⁴ Иванчик 2002б, 35.

³⁵ Иванчик 2002б, 181–182.

³⁶ Cohen 2011 (там же см. больше версий). Эта точка зрения перекликается с идеями Ф. Лиссардага, который рассматривает изображения Других (прежде всего чернокожих), декорирующие сосуды для вина, как средство осмыслиения греком-мужчиной – участника симпозиума – собственной идентичности.

³⁷ Cohen 2011, 473–474.

³⁸ Cohen 2011, 474.

³⁹ Cohen 2011, 476.

линейную, а посредством смутных отсылок) связь с самыми разными феноменами греческой культуры. Однако, вероятно, ошибочными являются поиск в этом изображении логической выверенности и требование от него четких визуальных характеристик национальной принадлежности персонажей, поскольку в такой нечеткости характеристик, смутности и неясности смыслов и состоит специфика образов Других в греческом искусстве. Специфика достигает своего апофеоза в сочетании нечетких визуальных характеристик, которые можно ассоциировать с разными народами, с противоречивыми позами и жестами. Уникальность ойнохоя, которая могла быть создана для определенного мероприятия (банкета) в честь определенного события, известного ограниченному кругу его участников, с использованием определенного, понятного только этому кругу языка, может объяснить противоречивость и неясность ее смысла. Этот факт, возможно, не позволит до конца дешифровать изображение.

Сходство изображений условных скифов и персов, а также их коннотации стали причинами исчезновения изображений скифов, которые были вытеснены изображениями персов. Изображения восточных лучников стали ассоциироваться с врагами-персами⁴⁰, что может быть связано с той внутриполитической борьбой, которая шла в материковой Греции, прежде всего, в Афинах: в частности, борьбой с возможными сторонниками персов и боязнью обвинений в медизме.

Изменения семиотики образов восточных лучников маркируются в ряде изображений начала V в. до н.э., прежде всего в остраконе с афинского керамика (ок. 480 г. до н.э.), где под схематичным изображением лучника в высокой шапке стоит подпись «Каллий, сын Кратия, медиец» (т.е. перс)⁴¹. Трансформацию изображений восточных народов и вытеснение изображений скифов изображениями персов любопытным образом иллюстрирует роспись чернофигурного лекифа (после 490 г. до н.э., Национальный музей, Афины) и чернофигурного аттического ала-бастра (470-е гг. до н.э., Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). В росписи афинского лекифа (от ручки против часовой стрелки) представлен стоящий за спиной грека-гоплита стреляющий из лука «скиф» в высокой шапке, с горитом и в комбинезоне с пестрым декором. Стоящий гоплит замахивается копьем на упавшего на колени (справа от него) «перса»; другой, стоящий за его спиной сходный персонаж стреляет из лука. Пущенная им стрела почти вонзается в голову грека-гоплита. Образы этих «персов» представляют особый интерес. Их характеристики, с одной стороны, схожи с характеристиками «скифов», а с другой – имеют ряд перечисленных выше отличий: иной (горизонтальный) декор и ситуация, в которой представлены герои: не как спутники, помощники или союзники, а как противники греков. Причем, эти «персы» изображены не как однозначно побеждаемые, подавляемые греками, как в большинстве более поздних изображений, а двойственно: более близкий к греку перс представлен упавшим на колени, т.е. побежденным, и грек вонзает в него копье, зато изображенный за ним соплеменник твердо стоит на ногах, стреляет и почти (?) попадает в грека. Можно только предполагать, что хотел изобразить художник: союзнические отношения греков с народами Северного Причерноморья в противостоянии с персами, ожесточенность противостояния греков с персами (перелом в котором в пользу греков наступил

⁴⁰ Иванчик 2002а, 32–33.

⁴¹ Иванчик 2002а, 34.

только после 480-х гг. до н.э.) или что-то еще. При этом еще одним семиотическим слоем этих изображений является осмысление отличий двух восточных народов. Композиция более позднего петербургского алабастра сходна с афинским лекифом, однако более упрощена. Здесь остались уже только изображения стоящего, заносящего копье грека на одной стороне и стреляющего с колен перса – на другой.

Трансформацию изображений персов в греческой вазописи в общих чертах можно представить так. Переход от изображений скифов к изображениям персов был постепенным. В ранних изображениях противостояний персов с греками (Аттический чернофигурный лекиф, ок. 490 г., Национальный археологический музей, Афины) персы репрезентировались в «комбинезонах», с S-образными луками. Главными их отличиями от изображений скифов, помимо сюжета, являлись другой рисунок (горизонтальные зигзагообразные полоски) на одежде и окладистая густая борода, при этом греки репрезентировались как гоплиты в соответствующем боевом облачении. С середины V в. до н.э. вооружение персов становится более диверсифицированным: появляется сагарис, копье, пельта, к одежде добавляется хитон; более разнообразными становятся позы героев. В это же время диверсифицируются и сюжеты с участием персов / персонажей в персидской одежде: это уже не только сцены сражений, но и сцены из жизни персидской знати, а также мифологические сюжеты. В дальнейшем, в эпоху эллинизма, противостояния с персами станут осмысливаться в произведениях более крупных форм – мозаике и скульптуре.

Так, битва греков и персов представлена в рельефе одной из сторон т.н. «саркофага Александра Македонского» из Сидона (4-я четв. IV в. до н.э., Археологический музей, Стамбул). Он носит переходный характер от классики к эллинизму. Греки изображены на вздыбленных конях с занесенными в ударе руками, многие – в героической наготе. Персы же представлены падающими, закрывающимися от ударов. И те, и другие лишены индивидуальных черт – это по-прежнему лишь идеальные типы. Эллинистические тенденции проявляются здесь в более разнообразных и выразительных позах, жестах и мимике персонажей, в особенности, персов. Их одежда изображена гораздо более «этнографично»: детализирована и приближена к реальности. Согласно трактовке Ж. Поллита, этот рельеф репрезентировал подчиненность Востока – места его создания – державе Александра Македонского⁴². С ним сходна по сюжету мозаика «Битва Александра с Дарием» (200 г. до н.э., Национальный археологический музей, Неаполь). Считается, что рельеф и мозаика отталкиваются от сюжета несохранившейся картины Филоксена из Эритреи (IV в. до н.э.), изображавшей битву Александра и Дария при Иссе. Однако авторы мозаики гораздо дальше отходят от схематизма и визуальных характеристик, репрезентирующих греков как победителей, а их противников – Других – как побежденных: персы изображены здесь не как смятенные и побежденные жертвы, а как сильные энергичные соперники. В ней даются глубокие и выразительные психологические характеристики эмоций воинов, особенно Александра и Дария I – композиционного, драматического и семиотического центра мозаики.

⁴² Pollitt 1986, 38.

Последнее крупное произведение скульптуры, в котором присутствовали изображения персов, – т.н. «малая» и «большая» скульптурная группа Аттала I (посл. треть III в. до н.э.), являющая каталог значимых для древнегреческой культуры Других. Этот правитель эллинистического Пергамского царства одержал победу над Селевкидами в Сирии, стал властителем большей части Малой Азии, а также разгромил галлов. Помещенные в афинском Акрополе, составляющие эту группу фигуры продолжали ассоциативный ряд его скульптурной программы. Фигура гиганта символизировала победу над первобытным хаосом, разрушение первобытного синкретизма; фигура амазонки – победу над дикостью; фигура перса – победу над рабством, т.е. победу греков в греко-персидских войнах (а также, вероятно, и победу Аттала I над Селевкидами), защиту свободы; фигура галла – побежденных Атталом I варваров⁴³. Согласно реконструкции этого памятника Дж. Онианс, фигуры были расположены в следующем порядке: лежащие на спине мертвые гигант и амазонка; умирающий перс; сидящий, теряющий силы раненный галл то есть чем ближе персонаж ко времени создания памятника, тем больше в нем признаков жизни⁴⁴.

Таким образом, восприятие образов персов в греческом искусстве обусловлено синкретизмом реального и мифологического – характерной особенностью осмыслиения древними греками этнокультурных контактов и Других в целом. Это связано с тем, что рациональный, протонаучный способ познания мира на тот момент только зародился, а инерция мифологического мышления была еще очень сильна. Так, по мнению ряда ученых, в фигурах мифологических персонажей нашли отражения впечатления греков от контактов с другими народами⁴⁵. В тесной связи с мифологическими сюжетами осмысливались и репрезентировались и другие народы (или их обобщенные образы): скифы (тroyянские сюжеты⁴⁶), фригийцы (царь Мидас⁴⁷), фракийцы (Орфей⁴⁸), чернокожие (войны Мемнона и др.⁴⁹). С другой стороны, посредством таких мифов окраинные территории ойкумены включались в греческую картину мира. Однако интерпретация образов персов в греческом искусстве отличалась своей спецификой, связанной со спецификой отношений греков и персов: греко-персидскими войнами, тесными культурными контактами, завоеваниями Александра Македонского на Востоке, а также с тем, что, в отличие от изображений скифов, чернокожих, фригийцев и фракийцев, которые появились в эпоху архаики (втор. пол. VI в. до н.э.), изображения персов появились в эпоху классики (первые десятилетия V в. до н.э.), когда в искусстве и культуре более сильными были реалистические тенденции. Однако соотношение реалистических и мифологических тенденций в трактовке образов персов могло быть разным. В изображениях персов первых десятилетий V в. до н.э. реалистическое начало доминировало: художники вырабатывали ключевые визуальные маркеры, отличающие изображения персов от скифов (пусть даже и те, и другие были условными), обладающих сходной коннотацией. С середины

⁴³ Pollitt 1986, 93.

⁴⁴ Onians 1979, 84.

⁴⁵ Hall 1991, 52.

⁴⁶ Lissarrague 1990.

⁴⁷ DeVries 2000.

⁴⁸ Tsiafakis 2000.

⁴⁹ Snowden 2010.

V в. до н.э., когда греко-персидские войны отошли в историю, греки в сценах противостояний с персами все чаще стали изображаться в т.н. «героической наготе». Кроме того, противостояния греков с персами, а также персов с другими народами стали визуально осмысливаться посредством изображений мифологизированных сцен битв персов с грифонами, львами и т.п. В «персидской» (или обобщенно – восточной) одежде стал изображаться ряд связанных с Востоком мифологических персонажей. Таким образом, снова возобладало мифологическое осмысление образов персов и отношений с ними. Однако и реалистическая трактовка образов персов не исчезла, изменился лишь ее характер, переданный сценами из придворной жизни. Изображения персов эпохи эллинизма были связаны с завоеваниями Александра Македонского на Востоке. В них абсолютно доминировало реалистическое начало: подробно и близко к реальности изображена одежда, вооружение, эмоции. Однако последнее значительное изображение персов включено в каталог значимых для древнегреческой культуры Других и, наряду с этническими Другими (галлами), встроено в один ряд с мифологическими Другими (гигантами и амазонками).

ЛИТЕРАТУРА

- Иванчик, А.И. 2002а: Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? *ВДИ* 3, 33–55.
- Иванчик, А.И. 2002б: Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? *ВДИ* 4, 23–42.
- Cohen, A. 2011: The Self as Other. Performing Humor in Ancient Greek Art. In: E.S. Gruen (ed.), *Cultural Identity in the Ancient Mediterranean*. Los Angeles, 465–490.
- Dench, E. 2005: *Romulus Asylum: Roman Identities from the Age of Hadrian*. Oxford.
- DeVries, K. 2000: The Nearly Other: the Attic vision of Phrygians and Lydians. In: B. Cohen (ed.), *Not the Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art*. Leiden, 338–363.
- Ferrari Pinney, G. 1984: For the Heroes are at Hand. *JHS* 104, 181–183.
- Franks, H.M. 2009: Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xeno-phantos. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 78, 4, 455–480.
- Gruen, E.S. 2011: *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton.
- Hall, E. 1991: *Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford.
- Lissarrague F. 1990: *L'autre guerrier: Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie antique*. Paris–Rome.
- Miller, M.C. 1991: Foreigners at the Greek Symposium? In: W.J. Slater (ed.), *Dining in a Classical Context*. Ann Arbor.
- Miller, M.C. 1995: Persians: The Oriental Other. *SOURCE* 15, 1, 39–44.
- Onians, J. 1979: *Art and Thought in the Hellenistic Age: Greek World View, 350-5 B.C.* London.
- Pollitt, J. 1986: *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge.
- Raeck, W. 1981: *Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im VI und V Jahrhundert vor Christ.* Bonn.
- Shapiro, H.A. 1983: Amazons, Thracians, and Scythians. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 24, 2, 105–114.
- Smith, A.C. 1999: Eurymedon and the Evolution of Political Personifications in the Early Classical Period. *JHS* 119, 128–141.

- Snowden, F.M.Jr. 2010: Iconographical Evidence on the Black Populations in Greco-Roman Antiquity. In: D. Bindman (ed.), *The Image of the Black in Western Art*. Cambridge, 143–250.
- Sparkes, B.A. 1997: *Some Greek Images of Others*. In: B. Molyneaux (ed.), *The Cultural Life of Images: Visual Representation in Archaeology*. London.
- Tsiafakis, D. 2000: The Allure and Repulsion of Thracians in the Art of Classical Athens. In: B. Cohen (ed.), *Not the Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art*. Leiden, 364–389.

REFERENCES

- Cohen, A. 2011: The Self as Other. Performing Humor in Ancient Greek Art. In: E.S. Gruen (ed.), *Cultural Identity in the Ancient Mediterranean*. Los Angeles, 465–490.
- Dench, E. 2005: *Romulus Asylum: Roman Identities from the Age of Hadrian*. Oxford.
- DeVries, K. 2000: The Nearly Other: the Attic vision of Phrygians and Lydians. In: B. Cohen (ed.), *Not the Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art*. Leiden, 338–363.
- Ferrari Pinney, G. 1984: For the Heroes are at Hand. *The Journal of Hellenistic Studies* 104, 181–183.
- Franks, H.M. 2009: Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 78, 4, 455–480.
- Gruen, E.S. 2011: *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton.
- Hall, E. 1991: *Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford.
- Ivanchik, A.I. 2002a: Kem byli "skifskie" luchniki na atticheskikh vazakh epokhi arkhaiki? [Who were the "Scythian" archers at the Attic vases of the Archaic era] *Vestnik drevney istorii [The journal of Ancient History]* 3, 33–55.
- Ivanchik, A.I. 2002a: Kem byli "skifskie" luchniki na atticheskikh vazakh epokhi arkhaiki? [Who were the "Scythian" archers at the Attic vases of the Archaic era] *Vestnik drevney istorii [The journal of Ancient History]* 4, 23–42.
- Lissarrague F. 1990: *L'autre guerrier: Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie antique*. Paris–Rome.
- Miller, M.C. 1995: Persians: The Oriental Other. *SOURCE* 15, 1, 39–44.
- Miller, M.C. 1991: Foreigners at the Greek Symposium? In: W.J. Slater (ed.), *Dining in a Classical Context*. Ann Arbor.
- Onians, J. 1979: *Art and Thought in the Hellenistic Age: Greek World View, 350-5 B.C.* London.
- Pollitt, J. 1986: *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge.
- Raeck, W. 1981: *Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im VI und V Jahrhundert vor Christ*. Bonn.
- Shapiro, H.A. 1983: Amazons, Thracians, and Scythians. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 24, 2, 105–114.
- Smith, A.C. 1999: Eurymedon and the Evolution of Political Personifications in the Early Classical Period. *JHS* 119, 128–141.
- Snowden, F.M.Jr. 2010: Iconographical Evidence on the Black Populations in Greco-Roman Antiquity. In: D. Bindman (ed.), *The Image of the Black in Western Art*. Cambridge, 143–250.
- Sparkes, B.A. 1997: *Some Greek Images of Others*. In: B. Molyneaux (ed.), *The Cultural Life of Images: Visual Representation in Archaeology*. London.
- Tsiafakis, D. 2000: The Allure and Repulsion of Thracians in the Art of Classical Athens. In: B. Cohen (ed.), *Not the Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art*. Leiden, 364–389.

IMAGES OF THE PERSIANS IN THE ART OF ANCIENT GREECE: ISSUES
OF DIFFERENTIATION AND TRANSFORMATION

Tatyana S. Tereshchenko

Saint Petersburg University, Russia,
tatere@yandex.ru

Abstract. Among the peoples the Greeks interacted with, the Persians played a very important role. There are some problems with differentiating of their images, as Greek art was extremely unprecise in the depicting of other peoples. Besides there are many common traits in the images of Persians and other Eastern peoples – primarily Scythians. There are some criteria which help to differentiate them: date of creation (the Scythians: mainly second half of the 6th century BC, the Persians – the 5th century B.C.), parts of clothing (knee-long chiton, different decorative pattern of pants etc.), weapons (sagaris, spear), features of appearance (the Scythians' pointed beard, bushy – Persians, etc.), plots (the Scythians – assistants, the Persians – opponents), semiotics. Images of the Persians displaced those of the Scythians that was associated with both their resemblance and the similarity of their connotations (East), as well as with the external and domestic political events (Greco-Persian war, the fight against medism). The transition from the images of the Scythians to those of the Persians was gradual. With time, the images of the Persians underwent a certain transformation: from the middle of the 5th century BC clothes and weapons of the Persians and the plots where they were represented become more diverse. During the Hellenistic period, the confrontation with the Persians was materialized in objects of bigger scale: mosaics and sculpture. Representations of the Persians were always syncretic: they combined the real (historical) and mythological that was characteristic for Greek culture in general. Images of battles between the Persians and the Greeks had some mythological connotation, Persian details were present in some mythological subjects, and some of them in turn conceptualized contemporary events for the Greeks.

Key words: Ancient Greek art, images of Persians, vase painting, Antiquity

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 323–338
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 323–338
© Автор(ы) 2017

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ: ИЗОБРАЖЕНИЕ БЫЧЬЕЙ ГОЛОВЫ В АРХИТЕКТУРНОЙ ПЛАСТИКЕ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Е.Ю. Ендольцева

*Институт Востоковедения РАН, Москва,
ekaterina.endoltseva@gmail.com*

Аннотация. В статье разбираются проблемы, касающиеся соотношения традиционных верований и монотеистических религий на Кавказе. В качестве примера берется мотив бычьеи головы. Во внешней облицовке некоторых христианских храмов Закавказья (по преимуществу Армения и Грузия) в эпоху средневековья появляются изображения бычьеи головы. Для выяснения значения этого мотива предлагается для начала выявить подобные изображения в нехристианском контексте того же времени (археологические находки, погребальные комплексы, курганы и т.д.). Затем прослеживается бытование этого образа в более ранние исторические эпохи. И, наконец, при помощи этнографических свидетельств, происходящих из наиболее архаических обществ (нагорный Дагестан, Сванетия), выдвигается гипотеза о том, что изображения бычьеи головы имели значение апотропея как в христианской, так и в нехристианской среде. При этом в тех случаях, когда изображение бычьеи головы соседствует с изображением жертвенного сосуда, скорее всего можно воспринимать его как аллюзию на идею жертвенности и искупления.

Ключевые слова: архитектурная пластика, Закавказье, бычья голова, апотропей

В архитектурной пластике христианских храмов южного Кавказа в период средневековья (VI–XIV вв.) встречаются зооморфные образы, значение которых не очевидно с точки зрения богословия. Среди них можно обнаружить изображения реальных (лев, орел, бык, олень, змея, птицы и др.) и фантастических (грифон, сэнмурв, крылатый лев, крылатый конь и др.) животных. В некоторых случаях они представлены поодиночке, а иногда во взаимодействии друг с другом (бык и лев в сценах терзаний и др.).

Изображению животных в грузинской скульптуре посвящена одна из глав в исследовании Н.А. Аладашвили¹. Автор рассматривает известные на территории Грузии зооморфные образы и высказывает идею об их возможной связи с более древними археологическими культурами. В частности, нельзя не отметить

Ендольцева Екатерина Юрьевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15 – 24-12001 а/м.

¹ Аладашвили 1977, 217–234.

некоторое типологическое сходство между изображениями зверей в христианской пластике и древнейшими памятниками торевтики из Триалети (кон. III тыс. до н.э.)². О методологической возможности соотнесения археологических артефактов, относящихся к древним культурам, и бытовых предметов XVIII–XX вв., происходящих из районов с традиционным укладом жизни, рассуждали многие этнографы. Так, А.А. Миллер отмечал консерватизм и устойчивость материальной культуры многих народов Кавказа, в особенности тех, кто населял горные районы (авары, лаки). Он указывал на удивительную сохранность «архаизмов в живом обиходе <...> по крайней мере, в части культуры материальной»³. Исследователь иллюстрировал свое наблюдение, показывая идентичность форм и узоров, использовавшихся в резьбе традиционной современной ему деревянной посуды в Дагестане, с глиняными сосудами Кобанской культуры⁴. Последняя, в свою очередь, в ряде черт сопоставима с одновременными ей культурами более отдаленных регионов. «Аналитическое рассмотрение материалов так называемой Кобанской культуры нас приводит к мысли о туземном, Кавказском ее оформлении, но, конечно, в условиях наличия императивных данных того наследия, которое в его древних частях целиком приводит нас к основным выражениям культур всего Средиземноморского бассейна Срединной Европы и, даже, Скандинавии»⁵.

Идею А.А. Миллера о преемственности форм и орнаментов деревянной посуды западного Дагестана от глиняных сосудов отдаленных эпох развивает Ю.Ю. Карпов⁶. Эта мысль проиллюстрирована на примере так называемых «рогатых» сосудов. Рассуждая о сакральном значении этого символа (рога), автор просматривает его связь «с древними культурами Ближнего и Среднего Востока»⁷. Схожие соображения, касающиеся архаизмов в концепции украшения традиционного аварского дома, высказывает Г.Я. Мовчан⁸. Размышая о возможных датировках некоторых, наиболее архаичных по виду жилых домов, автор подчеркивает: «Искусство горцев манит заглянуть в бездонную глубь прошлого. А там любое начало оказывается на проверку, при взгляду, мнимым, ведущим дальше вглубь»⁹. Анализируя памятники, исследователь отмечает «поистине феноменальную сохранность древнейших реликтовых свойств, возникновение которых и породившие их жизненные условия уходят вглубь на многие тысячелетия»¹⁰. А семантика, стиль и техника исполнения петроглифов на камнях стен домов «уводит нас в глубину веков вплоть до неолита»¹¹. Похожим образом рассуждает В.В. Бардавелидзе, анализируя графическое искусство и концепцию жилища в горной северо-западной части Грузии, Сванетии¹². Как и в случае с горными областями Дагестана, автор обращает внимание на обилие архаизмов в материальной культуре людей,

² Аладашвили 1977, 218.

³ Миллер 1927, 18.

⁴ Миллер 1927, 26, 56.

⁵ Миллер 1927, 57.

⁶ Карпов 1998, 5–13.

⁷ Карпов 1998, 11.

⁸ Мовчан 2001.

⁹ Мовчан 2001, 368.

¹⁰ Мовчан 2001, 370.

¹¹ Мовчан 2001, 370.

¹² Бардавелидзе 1957.

проживающих на этой территории. Это, в частности, касается конструкции традиционного сванского дома¹³. Исследовательнице удалось сформулировать гипотезу интерпретации нескольких серий древних обрядовых петроглифических рисунков сванов благодаря сведениям современных ей информаторов и благодаря изучению традиционного уклада их жизни. Более того, оказалось, что многие обряды некогда практиковались не только жителями горных районов Грузии, но и ее равнинных и приморских регионов¹⁴. Для их расшифровки она привлекает артефакты XII–VIII вв. до н.э., происходящих из археологических раскопок на территории Грузии¹⁵. Рассуждая о продуктивности такого подхода, автор подчеркивает, что «в грузинском народном изобразительном искусстве <...> находим как бы окаменелые формы древнейших мотивов, совершенно утративших свой первоначальный смысл и значение, тогда как в этнографических и фольклорных пережитках <...> с одной стороны, улавливается наиболее древняя ступень развития культов <...> а с другой, восстанавливается их форма и более или менее полная концепция»¹⁶. Предпринимались также методологические попытки установить связь не только между народным изобразительным искусством и его древними археологическими прототипами, но и между народной культурой и искусством монотеистических религий, в частности христианства. Этой теме посвящена статья Ю.Ю. Карпова «Горско-кавказская божественная триада»¹⁷. В ней рельеф на восточном фасаде храма Тхаба-Ерды в Ингушетии интерпретируется с точки зрения традиционных представлений горцев о божественной триаде¹⁸.

Настоящее исследование посвящено мотиву бычьей головы в христианской пластике Кавказа в эпоху Средневековья. Учитывая методологические разработки вышеперечисленных исследователей, предлагается, во-первых, установить ареал распространения букинаний в архитектурной пластике христианских храмов. Затем, в целях прояснения семантического значения этого образа, необходимо сопоставить обстоятельства его появления в христианском искусстве и в традиционной культуре местных племен того же времени. Для этого потребуется проследить бытование мотива бычьей головы в более древних археологических культурах Кавказа и сопредельных регионов. Адекватной интерпретации рассматриваемого знака послужит также обращение к этнографическим свидетельствам, собранным в наиболее консервативных с точки зрения бытовой культуры районах горного Кавказа.

Одиночные изображения бычьих голов встречаются, насколько это известно, в нескольких памятниках. Один из самых ранних примеров происходит с территории Грузии. На капители пилястры крещальни храма Болниssкий Сион (V в.)¹⁹ голова быка узнается по характерным именно для этого животного рогам в форме полумесяца с поднятыми вверх концами (в отличие от завивающихся кольцами рогов барана, например). Несколько веков спустя этот же мотив появляется на

¹³ Бардавелидзе 1957, 262.

¹⁴ Бардавелидзе 1957, 195.

¹⁵ Бардавелидзе 1957, 248, 251, 259.

¹⁶ Бардавелидзе 1957, 244.

¹⁷ Карпов 2002, 172–179.

¹⁸ Карпов 2002, сноска 11.

¹⁹ Аладашвили 1977, илл. 207.

Рис. 1. Монастырь Мцхета. Фотография П. И. Тахнаевой

Рис. 2. Входные ворота монастыря Мцхета. Фотография П. И. Тахнаевой

восточном фасаде храма Свети-Цховели в Мцхета²⁰ (XI в.) (рис. 1, 2). Как известно, долгое время этот собор являлся главной христианской святыней Грузии²¹. Интересно, что в этом месте букраний появляется еще раз. Так, над входными воротами, прорезывающими массивную кирпичную стену вокруг собора (относится к тому же времени), он представлен дважды. В данном случае бык показан достаточно реалистично: большие круглые глаза по обе стороны головы и поднятые вверх рога в форме полумесяца.

Другие изображения подобного рода происходят с территории исторической Армении (ныне юго-восточная Турция). Среди рельефно выступающих голов животных (баран, лев, олень), как бы опоясывающих церковь св. Креста на о. Ах-

²⁰ Аладашвили 1977, илл. 208.

²¹ Северов, Чубинашвили 1946.

Рис. 3. Собор Святого Креста на о. Ахтамар. Фотография Е.Ю. Ендольцевой

тамар (Х в.)²², есть бык (рис. 3). К сожалению, характерные для этого зверя рога плохо сохранились.

На территории современной Армении изображения бычьей головы в архитектурной пластике христианского времени встречаются, к примеру, на барабане главного собора монастыря Гегард (нач. XIII в.)²³ (рис. 4). Здесь рассматриваемый

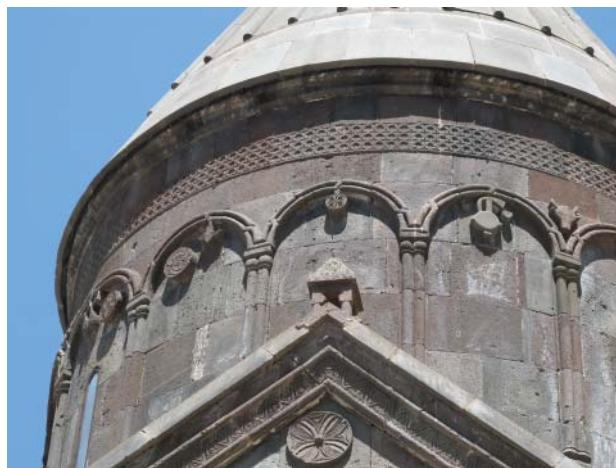

Рис. 4. Собор в Гегарде, Армения. Барабан. Фотография Е.Ю. Ендольцевой

²² Der Nersessian 1965.

²³ Дурново 1979, 90–91.

Рис. 5. Капитель колонны гавита. Монастырь Сананин, Армения. Фотография Е.Ю. Ендольцевой

мотив представлен над аркатурно-колончатым поясом. Рога в виде полумесяца не позволяют ошибиться в идентификации животного. В непосредственной близости от него представлен сосуд, наличие которого может, вероятно, восприниматься как аллюзия на идею жертвенности. В таком же соседстве бычья голова появляется несколько раз и на капителях колонн, поддерживающих своды гавита (кон. XII в.)²⁴ в монастырском комплексе Сананин (рис. 5). В этом же здании интересующий нас мотив появляется еще раз в пролете щелевидного окна (рис. 6). Как и в предыдущих случаях, рога в виде полумесяца однозначно свидетельствуют в пользу идентификации зверя.

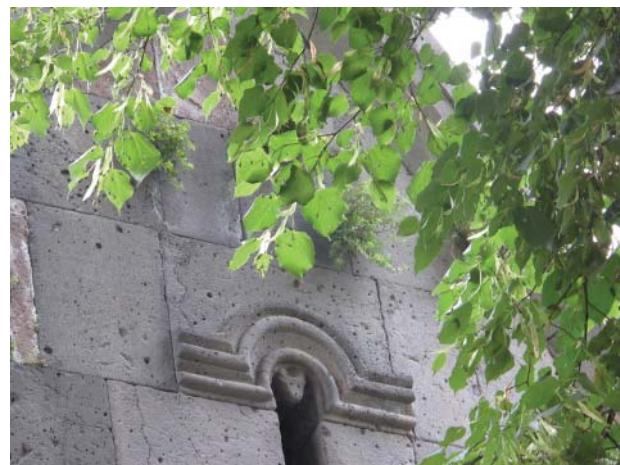

Рис. 6. Щелевидное окно в монастыре Сананин, Армения. Фотография Е.Ю. Ендольцевой.

²⁴ Токарский 1961.

Наряду с христианским, мотив бычьей головы встречается и в нехристианском контексте. Среди археологических памятников аланская культуры – открытый в 1977 г. близ села Тарское (правый берег реки Камбилиевка, Пригородный район, РСО) катакомбный могильник, датируемый VIII–IX вв. н.э.²⁵. Здесь, в катакомбе № 29, среди погребального инвентаря были найдены четыре бронзовые поясные бляшки, имевшие форму бычьих голов²⁶, которые, возможно, выполняли функции амулетов²⁷.

Изображения бычьих голов встречаются также и на некоторых поясных пряжках, выявленных около селения Бежта в западном высокогорном Дагестане (Бежтинский участок, Западный Дагестан) при исследовании одноименного могильника²⁸. Большинство исследователей сходятся в датировке этих изделий VIII–X вв. н.э.²⁹. По словам археологов, «большие размеры многих пряжек, их массивность, тяжеловесность наводят на мысль о том, что они носились в качестве украшений не повседневно, а лишь во время каких-то особых ритуальных церемоний и обрядов, связанных с важными событиями религиозной, хозяйственной и семейной жизни»³⁰. На двух пряжках VI группы (по классификации О.М. Давудова и М.М. Маммаева) встречается неоднократно повторенное изображение головы медведя с бычьей головой в пасти³¹. Этот же мотив появляется на бронзовой подвеске из Бежтинского могильника³². Другая рельефная бронзовая подвеска из того же могильника изображает голову быка³³.

Одна из пряжек хранится в коллекции Государственного Эрмитажа. Она массивна (16x21 см), имеет полуovalную форму. Пространство внутри разделено горизонтальными полосами на три зоны, где показаны изображения голов различных животных. В нижней зоне – изображения трех голов медведей, в средней – фигуры пяти голов медведей с головами баранов в пастих, в самом верхнем ряду – пять изображений вышеописанного мотива (голова медведя с головой быка в пасти). Другая пряжка сохранилась во фрагментированном состоянии и происходит из Бежтинского могильника. В единственно сохранившейся верхней зоне фигура медведя с головой быка во рту повторена четыре раза. Пока не существует единого мнения по поводу истоков этого мотива, однако ясно, что культура, представленная материалами из Бежты, была чрезвычайно самобытна и исключительна³⁴.

Несмотря на то, что определить истоки многих зооморфных изображений, украшающих Бежтинские пряжки, не всегда возможно, следует отметить, что мотив бычьей головы (или его дериваты в виде бычьих рогов) встречается достаточно часто на археологических артефактах из различных регионов Кавказа, относящихся к более отдаленным эпохам. В большинстве случаев, судя по всему, они украшали ритуальные объекты. Среди них встречаются разнообразные по форме

²⁵ Кантемиров, Дзаттиаты 1995, 259.

²⁶ Кантемиров, Дзаттиаты 1995, 267.

²⁷ Кантемиров, Дзаттиаты 1995, 271.

²⁸ Давудов, Маммаев 2005, 166.

²⁹ Давудов, Маммаев 2005, 167, 194–195.

³⁰ Давудов, Маммаев 2005, 168.

³¹ Давудов, Маммаев 2005, рис. 22, 23.

³² Давудов, Маммаев 2005, рис. 25А.

³³ Давудов, Маммаев 2005, рис. 25В.

³⁴ Давудов, Маммаев 2005, 194.

и функции предметы: рогатые антропоморфные статуэтки, навершия штандартов, ритуальные переносные очажки, сакральные камни (вишапы) и др. Эпохой железа (VI–I вв. до н.э.) датируют группу бронзовых антропоморфных статуэток с рогами на голове. Их находили, например, на территории Армении³⁵ (с. Арцеваник)³⁶, Грузии³⁷, Дагестана³⁸ (Андейский округ³⁹, Цунтинский район⁴⁰), Кабардино-Балкарии (река Малка⁴¹, г. Нальчик⁴²) и др. В эпоху средней и поздней бронзы бычьи головы появляются на вишапах (Аждаха-Юрт)⁴³, навершиях жезла (Толорс)⁴⁴ или частей повозки (Лчашен)⁴⁵. К периоду раннего бронзового века относятся свидетельства почитания бычьих черепов на Кавказе (культовое здание на поселении Гудабертка с распиленными бычьими черепами с рогами)⁴⁶. Известны также ритуальные переносные очажки, украшенные головами и рогами быков, использовавшиеся для домашних молений у очагов⁴⁷ (Шенгавит, Амиранис-гора, Мохраблур, Шреш блур⁴⁸) или во время путешествий. Появление этого мотива в данном случае, вероятно, можно объяснить тем, что мужское начало связывалось с астральными культурами, выраженнымими такими символами, как изображение молодой луны, напоминающей своими очертаниями рога быка⁴⁹.

Как известно, куль быка и бычьей головы было широко распространено не только на Кавказе, но и в Малой Азии, на территории всего Средиземноморья и Ближнего Востока. Судя по всему, бык особо почитался в большинстве развитых обществ древнего мира⁵⁰. Зарождение его культа связывается с развитием земледелия и переходом к оседлому образу жизни, когда бык становится одним из главных атрибутов сельскохозяйственных обществ. Бык был единственным зверем, широко почитаемым во всех европейских культурах, включая Средиземноморье, Ближний и Средний восток и южную Азию. В основном это ареал распространения индоевропейских культур, в который можно включить также семитов, шумеров и эламитов: жители северной Европы, западного и восточного Средиземноморья, Иберийского полуострова, Италийского полуострова, Греции, Крита, Кипра, Анатолии Ближнего и Среднего востока, Египта и Индии (где белый бык Нандин, инкарнация верховного бога Шивы, считался божеством плодородия)⁵¹. В большинстве этих культур бык воспринимался как земное воплощение бога или как его атрибут (например, бог луны Син у шумер; два быка бога грозы в хурритской мифологии; Бык неба – сын небесной коровы у египтян; атрибут бога Тора у

³⁵ Брилева 2012, кат. 521, 522.

³⁶ Есаян 1980, табл. 57. 1–7. Брилева 2012, кат. 510, 511, 512, 517.

³⁷ Брилева 2012, кат. 551, 552.

³⁸ Брилева 2012, кат. 535.

³⁹ Брилева 2012, кат. 503.

⁴⁰ Брилева 2012, кат. 546.

⁴¹ Брилева 2012, кат. 525.

⁴² Брилева 2012, кат. 530.

⁴³ Есаян 1980, табл. 19, 1.

⁴⁴ Есаян 1980, табл. 28, 3.

⁴⁵ Есаян 1980, табл. 28, 7.

⁴⁶ Кушнарева, Чубинашвили 1970, 165.

⁴⁷ Кушнарева, Чубинашвили 1970, 164–166.

⁴⁸ Есаян 1980, табл. 15. 4, 5, табл. 16. 6, 8, 10.

⁴⁹ Кушнарева, Чубинашвили 1970, 166.

⁵⁰ Rice 1998, 62–252.

⁵¹ Azara 2002, 29.

скандинавов; облик священного белого быка принимали Зевс и Посейдон; бык – атрибут и воплощение бога Ваала у хананеев и др.). Белых быков как священных животных приносили в жертву божествам⁵², они становились главными участниками обрядовых состязаний (Крито-микенская цивилизация)⁵³, символизируя мужскую силу и плодородие. Многочисленны также материальные свидетельства почитания именно бычьих голов (черепов, букраниев) либо бычьих рогов. Например, со священного участка Артемиды в Эфесе (Малая Азия) происходит терракотовый сосуд-арибал в виде головы быка (VI в. до н.э.)⁵⁴. Глиняное изображение святилища с богиней и двумя бычьими головами происходит из Фамагусты (IX–VIII вв. до н.э., Кипр)⁵⁵. Известны и другие глиняные модели святилищ, увенчанные бычьими рогами (Кипр, ранний бронзовый век⁵⁶; композиция из священных рогов (Крит, 2100–1560 г.г. до н.э.)⁵⁷), а также глиняные модели жертвенных столов с изображением головы быка (Египет, 2145–2020 г.г. до н.э.)⁵⁸. Судя по материальным свидетельствам различных эпох, бычьи головы воспринимались и как символы, имеющие охранное значение в потусторонней жизни⁵⁹. Например, гробницы римского времени зачастую украшены снаружи и изнутри букраниями⁶⁰. Этруски украшали погребальные урны в форме жилища бычьими рогами⁶¹. Известны также бронзовые модели лодок, перевозящих души в загробный мир, украшенные протомой быка (Сардиния, X–VIII вв. до н.э.)⁶². Вероятно, эти знаки, будучи представленными на погребальных склепах более раннего времени, имели то же значение. Среди многочисленных примеров, происходящих с Сардинии, – каменный блок со схематическим изображением головы быка (гробница № 19, некрополь Ангелу Руйу, 4000–3500 г.г. до н.э.)⁶³. Блок снят с центрального столба главной камеры склепа, два идентичных рельефа украшали вход в нее.

Начиная с IV тыс. до н.э. известны также амулеты различного рода в виде букрания. Самые ранние происходят из Египта (головы быка из малахита, 4000–3000 г.г. до н.э.,⁶⁴ и из слоновой кости,⁶⁵ приблизительно того же времени). Сердоликовая гемма в виде головы быка происходит из Угарита (II тыс. до н.э.)⁶⁶. К архаическому времени относится золотая подвеска с таким же изображением из музея Бенаки в Афинах (VI–V вв. до н.э.), которая использовалась как амулет или как украшение⁶⁷.

Предметы в виде быков или бычьих голов повсеместно использовались во время священнодействий в честь богов-быков. Жрецы использовали различные

⁵² Azara 2002, 137, 241.

⁵³ Azara 2002, 128–142, 145, 160–176.

⁵⁴ Das Artemision von Ephesos 2008, kat. № 277.

⁵⁵ Molist 2002, 210.

⁵⁶ Bull, no. 79.

⁵⁷ Bull, no 49.

⁵⁸ Bull, no 197.

⁵⁹ Bull, no 77.

⁶⁰ Bull.

⁶¹ Bull, no 204–205.

⁶² Bull, no 200.

⁶³ Bull, no 206.

⁶⁴ Bull, no 139.

⁶⁵ Bull, no 140.

⁶⁶ Bull, no 142.

⁶⁷ Bull, no 143.

культовые объекты в форме, напоминающей этих зверей. Среди них: сосуды (ритоны) (Крит, XIV–XII вв. до н.э.⁶⁸; Италия, Апулия, IV в. до н.э.⁶⁹; Италия, Апулия, I в. н.э.⁷⁰), керамическая посуда с бычьими головами (Кратер, Кипр, XIII в. до н.э.)⁷¹, рога или сосуды в виде рогов и т.д. Участники мистерий надевали маски в виде головы быка (Терракотовая ваза из Испании с изображением маски быка, I в. до н.э.)⁷². Начиная с Бронзового века встречаются изображения жрецов и богов с бычьими ушами, рогами или диадемами из бычьих рогов⁷³. Например, лежащий бык с человеческой головой (Месопотамия, 2100 г.г. до н.э.)⁷⁴, фрагмент плакетки с изображением бога с бычьими ушами (Месопотамия, II тыс. до н.э.)⁷⁵, голова Зевса с рогами (Кипр, III в. до н.э.)⁷⁶, арибал с рогатой головой Ахелоя (Родос, 570 г. до н.э.)⁷⁷, бронзовая голова Ахелоя с бычьими рогами и ушами (Франция, I в. н.э.)⁷⁸. В более отдаленные эпохи изображения букиниев встречаются на Халафской керамике (VII тыс. до н.э., Ирак, северная Сирия, юго-восточная Турция)⁷⁹.

Среди наиболее ранних свидетельств почитания бычьих черепов – культовые изображения в домашних святилищах на поселении Чатал-Гуюк (южная Анатolia, VIII–VI тыс. до н.э.). Здесь они могли принимать форму рельефов, глиняных черепов с натуральными рогами. Рога использовались также для создания скамеек⁸⁰. Кроме того, в ранних земледельческих поселениях кости быка, его череп или рога находят заложенными в фундаменты домов (Телль Халула); черепа могли использоваться в конструкции сидений (Мюрейбит, Телль Аббар III)⁸¹. В древнейшем из известных святилищ в Гебекли-Тепе (Армянское нагорье, XI тыс. до н.э.)⁸² также заметны следы почитания быков и бычьих голов (изображение быка на правой стороне стержня столба 2 из сооружения А или здания со змеями на столбах⁸³, там же на задней стороне стержня столба 2 имеется букиния; на груди центрального западного столба 31 сооружения D также имеется рельефное изображение букиния⁸⁴). Бык здесь, как и в случае с изображениями на христианских памятниках, узнается по рогам в форме полумесяца с опущенными или поднятыми вверх концами.

Как было показано выше, изображение бычьей головы в качестве сакрального знака, заключающего в себе различные оттенки смысла (например, атрибут верховной жреческой власти и символ богов, атрибут мужской силы и плодородия, охранительная функция при переходе в иной мир, оберег), было достаточно рас-

⁶⁸ Bull, no 58, 59.

⁶⁹ Bull, no 132.

⁷⁰ Bull, no 133.

⁷¹ Bull, no 105.

⁷² Bull, 55, no 134.

⁷³ Bull, 39.

⁷⁴ Bull, no 24.

⁷⁵ Bull, no 10.

⁷⁶ Bull, no 28.

⁷⁷ Bull, no 38.

⁷⁸ Bull, no 39.

⁷⁹ Bull, no 8.

⁸⁰ Bull, 195.

⁸¹ Bull, 191.

⁸² Шмидт 2011, 120.

⁸³ Шмидт 2011, рис. 46.

⁸⁴ Шмидт 2011, рис. 81.

пространено в дохристианском мире как на территории Кавказа, так и в целом Средиземноморского мира и Ближнего востока.

Многочисленные этнографические данные свидетельствуют, что в различных регионах Кавказа в традиционной культуре вплоть до недавнего времени также сохранялись следы почитания быков, бычьих рогов и голов. Так, например, бык занимал важное место в традиционной религии осетин. Его изображения на позднекобанских пряжках многие исследователи связывают с «архаическими представлениями осетин о поддерживающем землю быке, который несет ее на своих рогах»⁸⁵. В честь быка устраивался специальный праздник, а в горной Осетии сохранилось даже святилище быка⁸⁶. Как и у некоторых других народов Кавказа, бык играл важную роль в традиционных сельскохозяйственных праздниках (начало пахоты и праздник первой борозды и др.). Так, для сохранности всходов перед колосованием «в середине нивы втыкали в землю куклу из лохмотьев, череп жертвенного животного (бычка), ветки шиповника»⁸⁷. Выполнялись и другие магические процедуры, напоминающие об архаических магико-totемических представлениях народа. Например, чтобы росту и вызреванию будущего урожая ничего не мешало, брали с собой на поле железные прутики (против нечистых сил), а также смазывали рога и шеи быков маслом⁸⁸. Для защиты лучших нив, покосов и посевов от дурного глаза в середину нивы ставили череп посвященного Богу быка⁸⁹. Похожие верования фиксируются и у некоторых народов нагорного Дагестана. «За быком ухаживали, как за человеком, на него вешали амулеты, призванные уберечь от сглаза. В представлениях верующих бык непосредственно связывался с символом плодородия»⁹⁰. Череп этого животного так же, как и у осетин, служил оберегом против сглаза для дома, пасева, пасек и т.д., где его выставляли на палках, а также использовали в обрядах вызова дождя⁹¹. Вероятно, влиянием именно этих верований можно объяснить появление рогатого черепа или дери-вата бычьего рога на дверях некоторых традиционных аварских домов⁹² или, к примеру, в кладке минарета мечети в с. Гочоб в Чародинском районе Дагестана⁹³ (рис. 7). Во время праздника первой борозды бык становился главным героем обрядов иммитативно-репродуктивной магии, так как воспринимался в сочетании с плугом как брачный партнер земли, пашни⁹⁴. В этой ситуации во многих аварских и даргинских селениях его рога смазывали маслом, украшали цветной тесьмой, обвязывали жгутами из сена⁹⁵ или на них навешивали специально приготовленные из теста калачи, украшенные орехами и яйцами, надевали хинкал большого размера⁹⁶.

⁸⁵ Чибиров 2008, 183.

⁸⁶ Чибиров 2008, 184.

⁸⁷ Чибиров 2008, 211.

⁸⁸ Чибиров 2008, 212.

⁸⁹ Чибиров 2008, 212.

⁹⁰ Гаджиев 1991, 99.

⁹¹ Гаджиев 1991,

⁹² Деревянная входная дверь Умарилова, с. Корода. Мовчан 2001, 246, ил. 388.

⁹³ Благодарю за предоставленные фотографии и информацию П. И. Тахнаеву.

⁹⁴ Булатов 1999, 182.

⁹⁵ Булатов 1999, 178.

⁹⁶ Булатов 1999, 181.

Рис. 7. Стена минарета мечети в селе Гочоб в Дагестане. Фотография П. И. Тахнаевой

Однако, пожалуй, в наиболее ярком виде древние верования, связанные с образом быка, сохранились в горных районах Грузии (Сванетия). Этот зверь имел большое значение в системе заупокойных представлений. В поминальные дни, известные под названием Лапана ликдал, самой почетной жертвой был бык. Бычка ставили возле гроба покойника, зажигая на его рогах пару свечей⁹⁷.

В новогоднем цикле сванских народных праздников, в котором отражается кульп Владыки неба, известного под именем Хоша гермет, пеклись специальные обрядовые хлебцы. Одна из разновидностей таких хлебцев в честь «владыки неба» (распространены в низне-бальских обществах Верхней Сванетии) имела форму схематического изображения бычьей головы⁹⁸. Таким образом, бык был символом этого божества, за кульпом которого «скрывался комплекс различных культов, в особенности кульп солнца и кульп быка»⁹⁹.

Кроме того, грузинские племена, как и некоторые другие народы Кавказа, почитали быка в качестве божественного производителя, который благодаря своей оплодотворяющей силе был связан с «развитой аграрной деятельностью населения»¹⁰⁰. В дни весеннего праздника Лилашуне (с этого времени сваны начинали готовиться к пахоте и пасеву) также пеклись обрядовые хлебцы, изображавшие «пашущих волов», «обороняющих волов» и т.д.¹⁰¹ «Очевидно, по древним народным воззрениям, участие этих символов в сакральном земледельческом процессе должно было оказать влияние на оплодотворение верхнего почвенного слоя земли и на зарождение в нем растительной жизни»¹⁰².

В другого рода представлениях священные быки и коровы выступают в качестве посвященных астральным божествам животных, которые в христианском

⁹⁷ Бардавелидзе 1957, 166.

⁹⁸ Бардавелидзе 1957, 175.

⁹⁹ Бардавелидзе 1957, 176.

¹⁰⁰ Бардавелидзе 1957, 192.

¹⁰¹ Бардавелидзе 1957, 193.

¹⁰² Бардавелидзе 1957, 193.

контексте заменяются святыми (св. Георгий) и Богородицей¹⁰³. «В Мегрелии, Имеретии, Гурии и Раче быка, бычка, теленка или курицу со словами посвящения во имя того или иного святого обводили трижды вокруг церкви, а затем отпускали на свободу»¹⁰⁴.

Изображения быка и бычьей головы в качестве священной эмблемы (джвар) было настолько распространено, что даже вошло как одна из графем в древнегрузинское письмо¹⁰⁵.

В христианском контексте многочисленны также грузинские легенды о божественных быках, которые чудесным образом появляются в оградах храмов в дни сельских храмовых праздников, обходят три раза вокруг церкви, а потом добровольно идут на заклание. Такого рода сказания фиксируются и на территории Абхазии. Среди самых известных христианских святынь Абхазии, связанных с историями о быках, – храм св. Георгия в Илори. Согласно легенде, известной по письменным источникам, начиная с XVII в., ночью накануне храмового праздника к запертой ограде Илорского храма чудесным образом приходил бык, которого потом торжественно приносили в жертву¹⁰⁶.

У абхазов практикуется также обряд ежегодного семейного моления св. Георгию Илорскому с обязательным принесением в жертву быка¹⁰⁷. Причем совершили его все «природные абхазцы без различия вероисповедания»¹⁰⁸ по преимуществу на первый день Пасхи.

Помимо этого, по словам информатора из с. Джгерда¹⁰⁹ (соседнее с Илори село Очамчирского района), у абхазов также до сих пор сохраняется обычай вывешивать на забор череп быка в качестве оберега.

В свете приведенных выше этнографических свидетельств можно утверждать, что многие архаические традиционные верования некоторых народов Кавказа (в частности, отголоски культа быка в разных вариантах) практиковались до недавнего времени или продолжают практиковаться до сих пор. В некоторых случаях они сосуществуют с христианской и исламской культовыми традициями. Вероятно, нечто похожее можно было наблюдать и в Средневековье. Учитывая вышеупомянутые сведения, можно предположить, что скульптурные изображения бычьих голов над входом на территорию храма Свети-Цховели, или в пролете щелевидного окна в Сананине, или на стене церкви св. Креста на о. Ахтамар могли быть отголоском традиционной обрядовой практики (выставления бычьих голов над входом в жилище и над окном в качестве оберега от нечистой силы), берущей начало в более древних исторических периодах.

В христианской культуре бык и бычья голова воспринимались как символ Христа и Его искупительной жертвы¹¹⁰. Об этом пишет, например, Тертулиан

¹⁰³ Бардавелидзе 1957, 195.

¹⁰⁴ Бардавелидзе 1957, 195.

¹⁰⁵ Бардавелидзе 1957, 202 – 203.

¹⁰⁶ Чурсин 1956, 30.

¹⁰⁷ Званба 1982, 24–26.

¹⁰⁸ Званба 1982? 25.

¹⁰⁹ Информатор Г.А. Сангалия, уроженец села Джгерда Очамчирского района.

¹¹⁰ См. подробнее о теологической интерпретации образа быка в христианском контексте: Azara 2002, 87–91.

(«Против Маркиона»)¹¹¹, комментируя стих из Второзакония (33.17)¹¹². В послании апостола Павла к Евреям также встречается эта аллюзия: «И не с кровью козлов и тельцов, но со Своюю Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление»¹¹³. Возможно, эта идея акцентируется в тех случаях, когда бычья голова изображается рядом с ритуальным сосудом (например, барабан главного собора в Гегарде, капители колон гавита в монастыре Санаин). Предложенные варианты интерпретаций носят, однако, гипотетический характер.

Среди причин появления этого знака в христианском контексте, вероятно, следует назвать опосредованное влияние дохристианской обрядовой традиции. Дальнейшее изучение подобного рода свидетельств позволит яснее раскрыть характер взаимовлияний монотеистических и традиционных религий в материальной культуре Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

- Аладашвили, Н.А. 1977: *Монументальная скульптура Грузии*. Москва.
- Бардавелидзе, В.В. 1957: *Древнейшие верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен*. Тбилиси.
- Бардавелидзе, В.В. 1957: *Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен*. Тбилиси.
- Брилева, О.А. 2012: *Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV вв. до н. э. – X в. н. э.)*. М.
- Булатов, А.Г. 1999: *Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана*. СПб.
- Гаджиев, Г.А. 1991: *Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана*. М.
- Давудов, О.М., Маммаев, М.М. 2005: Типология и художественно-стилистические особенности средневековых зооморфных пряжек из Западного Дагестана. В сб.: *Древности Кавказа и Ближнего Востока*. Махачкала.
- Дурново, Л.А. 1979: *Очерки изобразительного искусства средневековой Армении*. М.
- Есаян, С.А. 1980: *Скульптура древней Армении*. Ереван.
- Званба, С.Т. 1982: *Абхазские этнографические этюды*. Сухуми.
- Кантемиров, Э.С., Дзаттиаты, Р.Г. 1995: Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. В кн.: *Аланы: история и культура*. Владикавказ.
- Карпов, Ю.Ю. 1998: «Рогатые» деревянные сосуды западного Дагестана. *Этнографические тетради* 12, 5–13.
- Карпов, Ю. Ю. 2002: Горско-кавказская божественная триада. В кн.: *Христианство в регионах мира*. СПб., 172–179.
- Кушнарева, К.Х., Чубинашвили, Т.Н. 1970: *Древние культуры южного Кавказа*. Л.
- Миллер, А.А. 1927: Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. В сб.: *Материалы по этнографии*. Л.
- Мовчан, Г.Я. 2001: *Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. По материалам авторских обследований 1945–1964 гг.* М.
- Северов, Н.П., Чубинашвили, Г.Н. 1946: *Мцхета*. М.
- Токарский, Н.М. 1961: *Архитектура Армении. IV–XIV века*. Ереван.
- Чибиров, Л.А. 2008: *Традиционная духовная культура осетин*. М.

¹¹¹ Christianorum. Latin Series 1954/1.

¹¹² «Крепость его как первородного тельца, и роги его, как роги буйвола; ими избодет он народы все до пределов земли: это тьмы Ефремовы, это тысячи Манассиины».

¹¹³ Евр. 9:12

- Чурсин, Г.Ф. 1956: *Материалы по этнографии Абхазии*. Сухуми.
- Шмидт, К. 2011: *Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тене*. СПб.
- Azara, P. 2002: The Golden calf. The Bull in the collective imagination of the ancient Mediterranean. In: *Bulls: image and cult in the ancient Mediterranean. Exhibition in Barcelona. Salo del Tinell, 14.11.02 – 06.03.03. Catalogue of the exhibition*. Barcelona.
- Der Nersessian, S. 1965: *Aghfamar. Church of the Holy Cross*. Cambridge.
- Rice, M. 1998: *The power of the bull*. London–New York.

REFERENCES

- Aladashvili, N.A. 1977: *Monumentalnaya skulptura Gruziyi [Monumental sculpture of Georgia]*. Moscow.
- Azara, P. 2002: The Golden calf. The Bull in the collective imagination of the ancient Mediterranean. In: *Bulls: image and cult in the ancient Mediterranean. Exhibition in Barcelona. Salo del Tinell, 14.11.02 – 06.03.03. Catalogue of the exhibition*. Barcelona.
- Bardavelidze, V.V. 1957: *Drevneye verovaniya i obryadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen [The Oldest Beliefs and Ceremonial Graphic art of Georgian Tribes]*. Tbilisi.
- Brileva, O.A. 2012: *Drevnay bronzovaya antropomorfnaia plastika Kavkaza (XV vv. do n.e. – X v. n.e.) [Bronze Anthropomorphic Plastic of the Caucasus (XV Centuries BC – X Century AD)]*. Moscow.
- Bulatov, A.G. 1999: *Selskohozyaystvennyi calendar i kalendarne obichai i obriyadi narodov Dagestana [Agricultural calendar and calendar customs and ceremonies of the peoples of Dagestan]*. Saint-Petersburg.
- Chibirov, L.A. 2008: *Traditsionnaya duhovnaya kultura osetin [Traditional Spiritual Culture of Ossetians]*. Moscow.
- Chursin, G.F. 1956: *Materiali po etnografiji Abkhazii [Materials on Ethnography of Abkhazia]*. Sukhumi.
- Davudov, O.M., Mammaev, M.M. 2005: Tipologiya i hudozestvenno-stilisticheskie osobennosti srednevekovih zoomorfnyih priyazek iz Zapadnogo Dagestana [Typology and Artistic and Stylistic Features of Medieval Zoomorphic Buckles from Western Dagestan]. In: *Drevnosti Kavkaza i Bliznego Vostoka [Antiquities of the Caucasus and the Middle East]*. Makhachkala.
- Der Nersessian, S. 1965: *Aghfamar. Church of the Holy Cross*. Cambridge.
- Durnovo, L.A. 1979: *Ocherki izobrazitelnogo iskusstva srednevekovoy Armenii [Essays on the Fine Arts of Medieval Armenia]*. Moscow.
- Esayan, S.A. 1980: *Skulptura drevney Armenii [Sculpture of Ancient Armenia]*. Yerevan.
- Gadziev, G.A. 1991: *Doislamskie verovaniya i obryadi narodov nagornogo Dagestana [Pre-Islamic Beliefs and Rites of the Peoples of Nagorno-Dagestan]*. Moscow.
- Kantemirov, E.S., Dzattiati, P.G. 1995: Tarskiy katakombniy mogilnik VIII–IX vv. n.e. [Tarsky Catacomb Cemetery VIII–IX cc. AD] In: *Alani: istoriya i kultura [Alans: History and Culture]*. Vladikavkaz.
- Karpov Y.Y., 2002: Gorsko-kavkazskaya bozestvennaya triada [The Mountain-Caucasian Divine Triad]. In: *Hristianstvo v regionah mira [Christianity in the Regions of the World]*. Saint-Petersburg, 172–179.
- Karpov, Y.Y. 1998: “Rogatye” derevyanie sosudi zapadnogo Dagestana [“Horned” Wooden Vessels of Western Dagestan]. *Etnograficheskie tetradi [Ethnographic Notebooks]* 12, 5–13.
- Kushnareva, K.H., Chubinashvili, T.N. 1970: *Drevnie kulturi uznogo Kavkaza [Ancient Cultures of the South Caucasus]*. Leningrad.

-
- Miller, A.A. 1927: *Drevnie formi v materialnoy culture sovremennoy naseleniya Dagestana* [Ancient Forms in the Material Culture of the Modern Population of Dagestan]. In: *Materiali po etnografiji*. Leningrad.
- Movchan, G. J. 2001: *Starii avarskiy dom v gorah Dagestana I ego sudba. Po materialam avtorskih obsledovaniy 1945–1964 gg.* [Old Avar House in the Mountains of Dagestan and its Fate. Based on the Materials of the Author's Surveys of 1945–1964]. Moscow.
- Rice, M. 1998: *The power of the bull*. London–New York.
- Schmidt, K. 2011: *Oni stroili pervije hrami. Tainstvennoe svatilitse ohotnikov kamennogo veka. Arheologicheskie otkritija v Gebekli Tepe* [They Built the First Temples. The Mysterious Sanctuary of Stone Age hunters. Archaeological Discoveries in Gebekli Tepe]. Saint-Petersburg.
- Severov, N.P., Chubinashvili, G.N. 1946: *Mtsheta* [Mtskheta]. Moscow.
- Tokarskiy, N.M. 1961: *Arhitektura Armenii IV–XIV veka* [Architecture of Armenia. IV–XIV Century]. Yerevan.
- Zvanba, S.T. 1982: *Abhazskie etnograficheskie etudi* [Abkhaz Ethnographic Studies]. Sukhumi.

SYNCRETIC IMAGES: REPRESENTATION OF BULL'S HEAD IN ARCHITECTURAL DECORATION OF CHRISTIAN CHURCHES IN THE SOUTHERN CAUCASUS IN MEDIEVAL PERIOD

Ekaterina Yu. Endoltseva

*Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Russia,
ekaterina.endoltseva@gmail.com*

Abstract. The article deals with the problem of coexistence of traditional beliefs and monotheistic religions on the territory of the Caucasus in medieval period. The author takes as an example the motif of bull's head. In the facing of some Christian churches of the South Caucasus (mostly in Armenia and Georgia) in medieval period the representations of bull's heads appeared. To understand their meaning it is supposed to find the same images in the non-Christian context of the same period (archaeological findings, burial complexes, burial mounds etc.). Then the appearance of this motif during earlier historical periods is traced. Finally, by means of ethnographic witnesses deriving from the most archaic societies (mountainous Dagestan, Svanetia), a hypothesis is proposed that the images of bull's head could be used as apotropeia both in the Christian and as in secular milieu. When the image of bull's head is represented near the sacrificial vessel, it could be interpreted in Christian sense as an illusion to the idea of sacrifice and redemption.

Key words: Medieval architecture, bull's head, architectural decoration, the Southern Caucasus, churches

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 339–350
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 339–350
© Автор(ы) 2017

РАБОТА А. АЛЬДОРФЕРА НАД ЗАКАЗАМИ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА I КАК ЭТАП ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ МАСТЕРА

Л.В. Фролова

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург,
mila_grafik@mail.ru*

Аннотация. В статье впервые рассмотрена работа А. Альтдорфера по заказам императора Максимилиана I как самостоятельный этап в развитии стиля художника. Проанализированы памятники, созданные А. Альтдорфером и его мастерской по заказу императора в 1512–1516 гг. Среди этих памятников гравюры «Триумфальной арки», миниатюры и гравюры «Триумфальной процессии», рисунки к «Молитвеннику» императора Максимилиана I. Выявлено значение этого периода для переосмысливания проблем, решение которых принципиально для творческой эволюции мастера. Художника на этом этапе занимает проблема организации большого цикла изображений, намеченная уже в более раннем цикле гравюр «Грехопадение и спасение человечества». Во время работы по заказам императора происходит перелом в отношении А. Альтдорфера к пластическому языку античности, построению пространства и фигуры человека, трактовке пейзажа. Под влиянием А. Дюрера мастер приходит к более упорядоченной системе перспективы, не утратив при этом интереса к передаче пространства за счет сложных сокращений человеческих фигур. Именно в рамках работы для императора А. Альтдорфер приходит к оригинальному пониманию пейзажа. Пейзажи мастера приобретают панорамность, размах, тягу к всеобщности, которые сохраняются в творчестве художника в дальнейшем. Выявлены черты сходства между образом пейзажа в работах А. Альтдорфера и в поэтических произведениях К. Цельтиса, автора, игравшего значимую роль в составлении программы художественных произведений, заказанных императором Максимилианом I. Также именно в этот период наметилось то оригинальное понимание войны как трагического события, которое оказалось принципиальным для более поздних работ А. Альтдорфера.

Ключевые слова: А. Альтдорфер, Максимилиан I, пейзаж, «Триумфальная арка», «Молитвенник» Максимилиана I

Введение

А. Альтдорфер – один из ведущих мастеров немецкого Возрождения. Наряду с А. Дюрером, Л. Кранахом Старшим, Г. Бургкмайром и другими мастерами он был привлечен к многочисленным художественным заказам императора Максимилиана I, стремившегося средствами искусства поднять престиж своего государства и собственной власти, а также увековечить память о себе.

Работы по императорскому заказу, длившиеся в течение 1512–1516 гг., пришлись на время творческого расцвета мастера. Однако до сих пор исследователи

Фролова Людмила Валерьевна – экскурсовод Государственного Эрмитажа.

не пришли к единому мнению о значении произведений этого периода для становления и развития стиля художника. Оценки разнятся от резко негативных¹ до весьма восторженных². Но нет сомнений в том, что эти памятники составляют особую страницу в творчестве мастера, отличаются от предшествующих и последующих работ и не являются досадной помехой на творческом пути художника³. Во многом сложности оценки этого периода творчества А. Альтдорфера связаны с проблемами атрибуции. Сейчас корпус работ, созданных А. Альтдорфером для Максимилиана I, очерчен достаточно четко и настало время по-новому взглянуть на эту группу произведений, учитя те памятники, которым долгое время в авторстве А. Альдрофера отказывали.

К бесспорными работам А. Альтдорфера для императора Максимилиана I относится ряд ксилографий для «Триумфальной процессии» (1516–1519 гг.) и «Триумфальной арки» (1515 г., Н. VII.251)⁴. Эти масштабные графические работы были выполнены при участии многих мастеров. Помимо А. Альтдорфера, над гравюрами трудились А. Дюрер, Г. Бургкмайр и некоторые другие художники. Композицию «Триумфальной арки» А. Альтдорфер дополнил двумя башнями. На них расположились сцены из жизни Максимилиана I, десять из которых также были выполнены мастером лично (N. H. Altdorfer, w.77–w.86). Среди гравюр «Триумфальной процессии» А. Альтдорфером были созданы листы № 57–88 с фигурами знаменосцев (N. H. Altdorfer, w.90.1–w.90.32) и № 132–137 с изображением обоза (N. H. Altdorfer, w.90.33–w.90.38). Помимо ксилографий «Триумфальной процессии» существует серия миниатюр (1512–1515, Вена, Графическое собрание Альбертина), созданных, очевидно, и как самостоятельное произведение, и как некий образец для печатного варианта. Эти листы, долгое время приписывавшиеся придворному художнику Максимилиана I Й. Кёльдереру, считаются сейчас работами А. Альтдорфера и мастеров его круга. Среди авторов, работавших совместно с А. Альтдорфером, называют Мастера истории Фридриха и Максимилиана и Г. Лембергера. Собственноручными работами А. Альтдорфера считаются изображения статуй предков императора (мин. 80–84) и некоторые сцены сражений (Мин. 52, 53, 65, 66, 68)⁵. Вопросы атрибуции некоторых миниатюр решены не до конца и, возможно, принципиально неразрешимы, однако участие А. Альтдорфера в этой работе не подвергается сомнению⁶.

Долгое время не очевидным было авторство рисунков к «Молитвеннику» Максимилиана I. Эта книга, напечатанная на пергаменте в типографии И. Шёншпергера в Аугсбурге в 1513 г., была украшена изысканными рисунками пером на полях⁷. Каждый из них несет монограмму художника, проставленную, очевидно, позже. Эти монограммы на некоторое время стали источником заблуждений⁸. Сейчас работами А. Альтдорфера считаются рисунки, подписанные монограм-

¹ Friedländer 1923, 70.

² Voss 1910, 20.

³ Tietze 1923, 90; Winzinger 1963, 25–27.

⁴ Здесь и далее обозначения гравюр приводятся по изданию: Hollstein 1997.

⁵ Michel 2013, 55.

⁶ Hess 2005, 77.

⁷ Сейчас этот экземпляр разделен на две части: часть I – Мюнхен, Национальная Библиотека Баварии, часть II – Безансон, Городская библиотека.

⁸ Leidinger 1922, 13.

мой HD (II, fol.36r–56r), некогда приписывавшиеся Г. Дюреру, тогда как листы с монограммой А. Альтдорфера, принято рассматривать как продукцию мастерской художника⁹.

Делались попытки анализа работ Альтдорфера по императорскому заказу в контексте развития его творчества. О гравюрах мастера для «Триумфальной арки» и «Триумфальной процессии» и их месте в творческой эволюции художника упоминает Г. Восс, подробно пишут Ф. Винцингер, И. Г. Вельчинская¹⁰. Однако значение рисунков для «Молитвенника» и миниатюр «Триумфальной процессии» в этом контексте не обсуждается. Также оставлен без внимания ряд проблемных вопросов творческой биографии мастера: его интерес к архитектуре, способы изображения фигур и пространства, влияния А. Дюрера и немецких гуманистов круга Максимилиана I.

Достаточно рано в творчестве А. Альтдорфера появляется интерес к итальянским образцам. Античная манера, не будучи догмой для А. Альтдорфера, тем не менее живо его увлекала и была мастеру хорошо знакома¹¹. При этом ко времени работ по императорским заказам Альтдорфер виртуозно овладел разнообразными техниками и приемами и легко менял свой художественный почерк в зависимости от предпочтений заказчика. В его работах можно встретить как терпкую изысканность интернациональной готики, так и величие антиклизирующих форм в духе итальянского Ренессанса или типично немецкую экспрессию¹². Дух античности был определяющим для официального искусства Максимилиана I, его художественные заказы в некоторой степени преследовали цель воссоздать величие Древнего Рима¹³. Очарованы античностью были А. Дюрер и Г. Бургмайр, мастера, игравшие ведущую роль в работах для императора. Кажется, интерес А. Альтдорфера к ясности антиклизирующих форм мог в такой среде лишь усиливаться. И, на первый взгляд, увлечение античностью не покидает А. Альтдорфера во время работы для императора. Гравюры со знаменитого «Триумфа Цезаря» А. Мантены (после 1486 г., Лондон, Королевское собрание, Хэмптон-корт) стали источником не только отдельных мотивов, но и общего замысла в работах А. Альтдорфера по императорскому заказу. Видимо, именно из этих гравюр позаимствованы штандарты, на которых несут сцены сражений фигуры в миниатюрах «Триумфальной процессии», хотя трактовка этого мотива у А. Альтдорфера необыкновенно самобытна. На страницах «Молитвенника» встречаются прямые заимствования из гравюр А. Мантены (II fol. 42v) и гротески в античном духе (II, fol.44r, 47r, 55r). Однако пластический язык работ, созданных по императорскому заказу, далек от ясности и величия античных форм. Пластика фигур в античном духе, «античное» чувство формы не чужды творчеству А. Альтдорфера к началу его работы для императора. Телесность, пластическая мощь, любование человеческим телом – все это встречается в гравюрах мастера на меди («Святой Себастьян», ок. 1512 (N. H. Altdorfer, e. 26), «Венера» (N. H. Altdorfer, e. 39)). Однако в работах, созданных для Максимилиана I, развивается не эта грань творчества

⁹ Tietze 1923, 94.

¹⁰ Voss 1910, 20; Winzinger 1963, 22–27, 71–77; Вельчинская 1977, 71–74.

¹¹ Voss 1910, 17; Bredt 1919, 9.

¹² Noll 2009, 332.

¹³ Müller, Röver-Kann 2003, 20–21.

художника. Фигуры легкие с удлиненными пропорциями. Даже в казалось бы застылых фигурах чувствуется динамика. Особенно отчетливо это ощущается в миниатюрах «Триумфальной процессии». В сценах битв мастер будто нарочно искажает пропорции фигур, делая их подчеркнуто экспрессивными.

Архитектура боковых башен «Триумфальной арки» напоминает средневековые башни, хотя их декор скорее ренессансный (гирлянды и гротески в античном вкусе). А. Альтдорфер к моменту работы над этими гравюрами, очевидно, имел некое представление об античной архитектуре. Античные руины появляются в его гравюрах и рисунках 1511–1512 гг. («Избиение младенцев» (1511, N. H. Altdorfer, w. 46), «Жертвоприношение Авраама» (ок. 1511, Вена Графическое собрание Альбертина)). В античном духе оформлены фонтаны, близ которых расположились главные герои картины «Отдых на пути в Египет» (1510, Берлин, Картинная галерея, Гос. музеи прусского культурного наследия) и ксилографии «Суд Париса» (1511, N. H. Altdorfer, w. 75). А. Альтдорфер будто бы принципиально избегает антиклизирующих форм, создавая произведения, должны стать подражанием античному духу величия. Принципиальное неприятие антиклизирующих форм итальянского Ренессанса отмечают и как характерную черту композиций «Алтаря Св. Себастьяна» для монастыря Св. Флориана¹⁴. Создание этого памятника близко по времени с работами А. Альтдорфера по императорскому заказу. И обе группы произведений свидетельствуют о том, сколь важное значение имели 1510-е гг. для становления оригинального художественного языка мастера.

Наиболее близки к антиклизирующему искусству ксилографии «Триумфальной арки» и рисунки к «Молитвеннику». Вероятно, это обусловлено необходимости следовать стилю, заданному А. Дюрером. А. Альтдорфер последним приступил к работам над «Молитвенником», очевидно, получив некоторые готовые рисунки в качестве образца¹⁵. Таким же образом строилась работа над ксилографиями «Триумфальной арки». Одна из сюжетных сцен была выполнена А. Дюрером в качестве образца для А. Альтдорфера¹⁶. В иллюстрациях к «Молитвеннику» появляется много античных персонажей. При этом зачастую они служат олицетворением тех или иных пороков. Примечательно, что рисунки к «Молитвеннику» – единственный пример искусства, заказанного Максимилианом I, где античность выступает темной, языческой стороной, где античные образы связываются с темой зла. Именно в этих изображениях живее всего чувствуется античная тяга к осязаемости, телесности, к любованию идеальными пропорциями человеческих тел. Это стремление выработать особый художественный язык для тем, отсылающих к величию античной культуры, и использование антиклизирующих форм при трактовке религиозных сюжетов отсылают к средневековому искусству¹⁷. Музицирующие ангелы (fol. 51v) напоминают скорее античных амурров, а на листах 49v и 50v и вовсе игривых и жизнерадостных путти. Строки псалма 68 (II, fol. 42r), повествующие о тяжести гонений, которым подвергся Давид, проиллюстрированы изображением ангела, стреляющего из лука в женщин, восседающих на спине морского чудовища. Эти женские фигуры, одна из которых обнажена, изображе-

¹⁴ Степанов 2009, 357.

¹⁵ Silver 2008, 142.

¹⁶ Tietze 1923, 99.

¹⁷ Панофский 1999, 58.

ны с тем свободным ощущением телесности, живописной чувственности, которое присуще итальянским мастерам. Фигуры вылеплены светом и тенью, контур очерчен живой упругой линией, которая в некоторых местах вовсе исчезает. Мастеру удается скромными средствами рисунка передать мягкость волос, блеск чешуи морского животного, тяжесть складок. И все это оттеняет нежность и мягкость будто сияющего человеческого тела. Здесь, как и в гравюрах на меди 1510-х гг., А. Альтдорфер изобразил прекрасную обнаженную фигуру, основываясь на эмоциональном восприятии и чисто живописных приемах. В этом его подход совершенно не схож с более рассудочными поисками идеальной фигуры в творчестве А. Дюрера¹⁸.

Влияние творчества А. Дюрера на ранние работы А. Альтдорфера удивительно невелико. Безусловно, мастер знал знаменитые серии ксилографий великого нюрнбергца. Обращение к технике ксилографии в 1511 г., очевидно, произошло не без влияния А. Дюрера. Однако даже в работах, непосредственно восходящих к образцам А. Дюрера, А. Альтдорфер вырабатывает собственный пластический язык, более живописный и менее рассудочный. Тем не менее гравюры, созданные А. Альтдорфером для «Триумфальной арки», перенимают величественное спокойствие и сдержанность работ А. Дюрера. В этих ксилографиях А. Альтдорфер более строго и упорядочено изображает пространство, обнаруживая при этом более глубокие познания линейной перспективы, чем те, о которых говорят его ранние работы. Ксилография А. Дюрера, служившая для А. Альтдорфера образцом, демонстрирует виртуозное изображение пространства. Прославление Св. Роха происходит в храме, интерьер которого выстроен так, будто автор создавал учебное пособие по перспективе. Строгая и ясная перспектива, с изображением которой А. Альтдорфер столкнулся именно в процессе работы над «Триумфальной Аркой», сохранилась и в более позднем творчестве мастера¹⁹. Кроме того, эти ксилографии кажутся более сдержанными, менее напряженными, более рациональными, чем созданные несколько раньше ксилографии серии «Грехопадения и спасения человечества» (1513, N. H. Altdorfer, w. 1–40). Более сложная светотеневая моделировка, более тонкие градации тона, большее внимание к мелким деталям отличают гравюры «Триумфальной арки» от ранних листов. Однако объяснение этому легко увидеть не только во влиянии А. Дюрера, но и в различном социальном адресе этих изображений: утонченный и высокообразованный заказчик в одном случае и малограмотный простолюдин в другом. Есть и общие черты у этих казалось бы непохожих графических циклов. А. Альтдорфер и там и там выводит на передний план человеческие фигуры, приближает их к зрителю, помещает на неглубокую полосу пространства, напоминающую площадку сцены.

Стремление создать единую серию и увидеть каждую ксилографию не как обособленный лист, но как часть единого ансамбля, – вот что занимает А. Альтдорфера в это время. Он умело чередует симметричные и асимметричные, темные и светлые, контрастные и однородные по тону композиции так, чтобы глаз не уставал, переходя от изображения к изображению. Эта задача, видимо, была важна для художника и при работе над серией «Грехопадения», и при работах для императора.

¹⁸ Winzinger 1963, 36.

¹⁹ Winzinger 1963, 18.

Ксилографии, созданные А. Альтдорфером для «Триумфальной процессии», также демонстрируют стремление выстроить общий ритм следующих друг за другом композиций. Однако здесь задача усложняется тем, что сюжеты на соседних листах однотипны. И при этом мастеру удалось сделать немонотонными даже процессии всадников²⁰. В пределах каждого листа лошади то шествуют, то, ускоряя шаг, начинают скакать, то вновь замедляются. В одном листе автор будто бы показывает разные стадии одного и того же движения, будто мы видим не трех лошадей, а одну, переходящую с шага на бег. В соседних листах это движение меняет свой характер. Скачущие лошади останавливаются, накренившись флаги выравниваются, отставшие знаменосцы догоняют своих товарищей.

Эта динамика, интерес к передаче движения и к созданию единого ритма протяженной фризообразной композиции характерно не только для гравюр А. Альтдорфера, но и для серии миниатюр «Триумфальной процессии». Пешие знаменосцы то сгибаются под тяжестью штандартов, то переходят почти на бег. Хотя миниатюры создавались целым коллективом художников мастерской Альтдорфера и фигуры зачастую рисовались по заданным образцам²¹, общая структура композиции, ее ритмический рисунок, выдает тот интерес к созданию больших серий, который, видимо, был особенно важен для А. Альтдорфера в начале 1510-х гг. Этот же интерес нашел закономерное завершение в живописи мастера при создании знаменитого «Алтаря Св. Себастьяна» для монастыря Св. Флориана. Примечательно стремление мастера не просто выразительно решить каждую композицию, но выстроить последовательное повествование со строго продуманным соотношением темных и светлых, динамичных и спокойных композиций. При этом именно в этой последовательности, в целостности комплекса, в порядке следования композиций друг за другом выкристаллизовывается одна из основных идей алтаря – «идея движения от мрака к свету»²². До сих пор остается спорным вопрос о времени создания алтаря. Этот заказ упомянут в документах 1509 г., на самом алтаре сохранилась надпись 1518 г. Чаще всего работу А. Альтдорфера над алтарем относят к 1516–18 гг.²³, хотя стилистический анализ позволяет достаточно убедительно связать некоторые композиции алтаря с работами мастера 1512–1513 гг.²⁴. В любом случае алтарь для монастыря Св. Флориана создавался сразу же после окончания А. Альтдорфером работ по императорскому заказу, а, возможно, и параллельно с ним, что нашло отражение в интересе серии изображений.

Наиболее самобытно дар А. Альтдорфера проявился в создании миниатюр «Триумфальной процессии». Над этим памятником трудился целый коллектив художников, среди которых, помимо А. Альтдорфера, называют Мастера Истории Фридриха и Максимилиана и Г. Лембергера. Однако в отношении ряда композиций, среди которых присутствуют изображения битв, исследователи единодушно признают авторство А. Альтдорфера.

Создавая эти композиции, мастер широко обращается к накопленному художественному опыту. Часто на переднем плане появляются фигуры поверженных

²⁰ Winzinger 1963, 27.

²¹ Michel 2013, 52–54.

²² Донин 2005, 227.

²³ Либман 1972, 140.

²⁴ Winzinger 1964, 119.

коней или воинов, виртуозно изображенные в резком перспективном сокращении. Эта особенность миниатюр А. Альтдорфера отличает его композиции от аналогичных сцен Мастера Истории Фридриха и Максимилиана, однако не вполне верно считать эту тягу к сложным позам и ракурсам чуждой другим соавторам А. Альтдорфера²⁵. Сцены битв на листе 51 («Война в Хальнауте и Пикардии» и «Битва близ Терруана в Артуа»), приписываемые Г. Лембергеру, демонстрируют не меньший интерес к передаче сложных движений и поз бегущих, падающих и поверженных воинов. Безусловно, эти черты появились не без влияния А. Альтдорфера. Фигура павшего воина, лежащего ногами к зрителю, на переднем плане «Битвы близ Терруана в Артуа» кажется прямой цитатой из работ А. Альтдорфера 1500-х гг. Действительно, особый интерес к перспективе и сложным ракурсам лежащих фигур, способствующих передаче глубокого пространства, появился в творчестве А. Альтдорфера рано²⁶. В работе по императорскому заказу мастер продолжил развивать этот интерес. Безусловно, не только стремление щеголнуть умением изображать сложнейшие ракурсы побудило мастера к изображению подобных фигур. В творчестве А. Альтдорфера появляется совершенно новое осмысление военной темы. Из демонстрации рыцарской доблести войны превращается в безусловное зло, кровавую драму. Фигуры, искаженные будто бы предчувствием близкой смерти, стали одним из способов выразить это новое отношение к войне. Именно такой подход к изображению битвы, впервые сформулированный А. Альтдорфером в рамках работы по императорскому заказу, стал определяющим для картин мастера на военную тему. Сходным образом понята битва в таких картинах как «Победа Карла Великого над аварами под Регенсбургом» (1518, Нюрнберг, Германский Национальный музей) и «Битва Александра Македонского с персидским царем Дарием при Иссе» (1529, Мюнхен, Старая Пинакотека).

Не менее важным средством выразить настроение битвы, передать дух боя становится изображение пейзажа, на фоне которого разворачивается действие. Этот прием также используется А. Альтдорфером впервые именно в миниатюрах «Триумфальной процессии» и берется мастером на вооружение в картинах, упомянутых выше. Именно за счет пейзажа композиции с изображениями битв из «Триумфальной процессии» выглядят особенно самобытно. Неслучайно их причисляют к лучшим образцам раннего немецкого пейзажа²⁷. Тем не менее роль этих миниатюр в пейзажных поисках художника остается практически без внимания.

Пейзажи, на фоне которых происходят битвы, выглядят величественно и монументально. Действию отдана широкая полоса переднего плана, где царит суета, вздымаются вверх тонкие копья, отдельные фигуры чередуются с изображением толпы. При этом огромная равнина, служащая полем сражения, изображена так, будто зритель находится высоко над ней, а фигуры воинов, холмы деревья, замки находятся будто на уровне глаз зрителя. Так принято было изображать земную поверхность на географических картах в начале XVI в. Вряд ли мастер мог иметь перед глазами иной образец, ибо задача передать огромное, бескрайнее про-

²⁵ Hess 2005, 87.

²⁶ Такие фигуры встречаются, например, в гравюрах «Пирам и Тисба» (N.H. Altdorfer, w. 76), «Оплакивание» (N. H. Altdorfer, w. 48), рисунках «Конец Серебряного века» (ок. 1510, Вена, Графическое собрание Альбертина), «Моление о чаше» (Берлин, Гравюрный Кабинет).

²⁷ Hess 2005, 77.

странство принципиально нова для искусства времени А. Альтдорфера. В ранних работах мастера далевой пейзаж появляется достаточно робко, встраиваясь в небольшой проем между кулисами, которые формируют кроны деревьев или архитектура на первом плане. Именно на этой площадке появляются и главные герои, будто бы отделенные от необъятной дали. Такая композиционная схема, разработанная еще М. Пахером, перешла в работы многих мастеров дунайского стиля²⁸. Первые опыты по преодолению границы между ближним и дальним пространством появляются в рисунках А. Альтдорфера, созданных непосредственно перед началом работы для императора. В знаменитых рисунках «Вид Сармингштейна» (1511, Будапешт, Музей изобразительных искусств) и «Альпийский пейзаж» (Вена, Академия изящных искусств) пространство уверенно устремляется вдаль, грандиозный, величественный и одновременно пугающий мир становится в этих рисунках главным героем. Такое же впечатление производят пейзажи миниатюр «Триумфальной процессии». На заднем плане – колоссальные горные цепи. Зачастую за основу взяты реальные пейзажи²⁹, но мир выглядит бесконечно огромным. Ощущение внутреннего смятения усиливается за счет передачи атмосферных эффектов. Сгущающиеся тучи, вспышки света, порывы ветра – все это создает ощущение шума битвы. Отношение к окружающему миру кажется двойственным. С одной стороны, природа выступает неупорядоченной, дикой и враждебной стихией, настроение которой соответствует опасности битвы. С другой стороны, через эту враждебность проступает восхищение мощью, величием и красотой мира вокруг. Оба взгляда на природу характерны для духовной культуры немецких земель начала XVI в. Мир, населенный опасными и враждебными членами мифологическими существами, предстает в сочинениях Агриппы Неттесгеймского³⁰. Такое восприятие природы характерно для ранних работ А. Альтдорфера, таких как «Конец Серебряного века» (ок. 1510, Вена, Графическое собрание Альбертина), «Святой Георгий» (1510, Мюнхен, Старая Пинакотека)³¹. И одновременно в стихах К. Цельтиса появляется любование окружающей природой. В своей поэме «Целокупная Германия» К. Цельтис не просто фиксирует картины немецкой природы, его стихи проникнуты глубоким личным отношением к природе. В «Элегиях» природаозвучна состоянию героя, она может быть опасной и враждебной, а может вызывать восторг и восхищение. Природа у К. Цельтиса выглядит грандиозной, колоссальной, пугающей и одновременно завораживающей, так же, как и в пейзажах А. Альтдорфера³².

К. Цельтис – один из поэтов, тесно связанных с кругом Максимилиана I, один из авторов программы тех художественных произведений, исполнителем которых был А. Альтдорфер. Конечно, написанные на латыни стихи К. Цельтиса вряд ли

²⁸ Донин 2014, 41, 55.

²⁹ Pfeiffer 1993, 76.

³⁰ Дмитриева 1978, 172.

³¹ Степанов 2009, 354–355.

³² Примером могут служить строки с описанием гор из элегии «К Хазилине, с описанием Карпат или Свевских гор» (Цельтис 1990, 151).

«Горы стоят, головой подпирая эфирное небо,

Крут от утесов и скал весь их зубчатый хребет.

Гиперборейских небес они достигают спиною,

Тянут отроги свои к дальним Рифейским горам».

были известны А. Альтдорферу. Но не исключено, что А. Альтдорфер мог знать пьесу К. Цельтиса «Игра Дианы», показанную в Линце на немецком языке в 1501 г.³³. В любом случае то эпическое отношение к миру, которое присуще описаниям природы у К. Цельтиса³⁴, проникает в пейзажи А. Альтдорфера именно во время работ для императора Максимилиана I, соединяясь с его собственным взволнованным, эмоциональным восприятием природы. Элегическое воспевание природы, родственное поэзии К. Цельтиса проявляется в еще большей мере в более поздней работе А. Альтдорфера по императорскому заказу, в рисунке к «Молитвеннику» (II, fol. 38v). Замок возвышается на вершине холма, за которым открывается вид на протяженную горную цепь. Стены и башни замка, украшенные затейливыми узорами, будто бы вырастают из скалы, поросшей мощными деревьями. Мир природы и мир человека сосуществуют, чуть ли не сливаются воедино, создавая образ, исполненный спокойствия, величия и одновременно необыкновенной жизненной силы.

Пейзажные офорты, созданные А. Альтдорфером в 1517–1518 гг. тесно связаны с памятниками, которые мастер создавал по заказу императора. В этих листах есть и мотивы, напрямую заимствованные из более ранних работ. Так, изображение дерева в ксилографии с изображением обоза из «Триумфальной процессии» (N.H. Altdorfer, w. 90.33–34, 38) повторяется с некоторыми дополнениями в офорте «Большая ель» (N.H. Altdorfer, e.85). Помимо прямых заимствований отдельных мотивов, эти листы перенимают двойственное отношение к пейзажу, совмещающее страх перед природой и восторг перед ней, впервые явственно сформулированное в миниатюрах «Триумфальной процессии».

Заключение

Работа по заказам императора Максимилиана I была важным этапом в творческой биографии А. Альтдорфера, тесно связанным как с предшествующим, так и с последующим развитием его художественной индивидуальности. Ряд мотивов, использованных Альтдорфером в его раннем творчестве, перешел в листы «Триумфальной арки», «Триумфальной процессии», «Молитвенника». При этом набор типажей и приемов, разработанных во время работы над этими памятниками, использовался и в последующие годы творчества художника. Особенно важными для А. Альтдорфера при работе над императорскими заказами становятся проблемы организации большого цикла изображений, проблемы передачи пространства, изображения человеческого тела. Под влиянием А. Дюрера мастер приходит к более упорядоченной системе перспективы, не утратив при этом интереса к передаче пространства за счет сложных сокращений человеческих фигур. В изображении человеческого тела А. Альтдорфер добивается, с одной стороны, чувственной телесности, присущей итальянским мастерам, с другой – экспрессии и динамики, характерной для немецкой школы. Именно в рамках работы для императора А. Альтдорфер приходит к оригинальному пониманию пейзажа. Пейзажи мастера приобретают панорамность, размах, тягу к всеобщности, которые сохранятся в творчестве художника в дальнейшем. Также именно в этот период А. Альтдорфер

³³ Schmidt 1964, 105.

³⁴ Донин 2006, 221.

выработал принципиально новый способ изображения битвы как трагического и при этом грандиозного события, разворачивающегося на фоне пугающего и одновременно вызывающего восхищение пейзажа. Без этих находок вряд ли могла появиться «Битва Александра Македонского с персидским царем Дарием при Иссе», главная картина в творчестве А. Альтдорфера.

ЛИТЕРАТУРА

- Вельчинская, И.Л. 1977: *Альбрехт Альтдорфер*. М.
- Дмитриева, М.Э. 1978: Античные образы и сюжеты в искусстве Немецкого Возрождения. В сб.: Ю.М. Сапрыкин (ред.), *Проблемы истории античности и средних веков*. М., 158–174
- Донин, А.Н. 2005: *Пейзаж немецкого Возрождения*. Нижний Новгород.
- Донин, А.Н. 2006: Ранний немецкий пейзаж и поэзия Конрада Цельтиса. В сб.: *Русско-зарубежные литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов II*, 211–222.
- Донин, А.Н. 2014: Михаэль Пахер как предшественник дунайской школы. *ARS: исследования нижегородских искусствоведов: сборник научных статей 2*, 40–56.
- Либман, М.Я. 1972: *Дюрер и его эпоха. Живопись и графика Германии конца XV и первой половины XVI века*. М.
- Панофский, Э. 1999: Иконография и иконология. Введение в изучение искусства Ренессанса. В кн.: В.В. Симонова (пер.), А.К. Лепорк (ред.), *Смысл и толкование изобразительного искусства*. СПб., 43–73
- Степанов, А.В. 2009: *Искусство эпохи Возрождения. Нидерланды, Германия, Франция, Испания, Англия*. СПб.
- Цельтис, К. 1990: *Стихотворения*. М.
- Bredt, E.W. 1919: *Albrecht Altdorfer*. München.
- Friedländer, M. 1923: *Albrecht Altdorfer*. Berlin.
- Hess, D. 2005: Altdorfers Weg zur Alexanderschlacht. Eine Neubewertung seiner «Tischplatte» im Germanischen Nationalmuseum. In: *Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums*, 77–96.
- Hollstein, F.W.H. 1997: *The New Hollstein: German engravings, etchings and woodcuts 1400–1700*. Altdorfer.
- Leidinger, G. 1922: *Albrecht Dürers und Lukas Cranachs Randzeichnungen zum Gebetbuch Kaiser Maximilians I in der Bayerischen Staatsbibliothek zu München*. München.
- Michel, E. «Zu Lob und ewiger Gedenknis» Albrecht Altdorfer's Triumphzug für Kaiser Maximilian I. In: E. Michel, M.L. Sternath (eds.), *Kaiser Maximilian und die Kunst der Dürerzeit*. München–London–New York, 49–65.
- Müller, M.F., Röver-Kann, A. 2003: *Künstler und Kaiser. Albrecht Dürer und Kaiser Maximilian I. Der Triumph des römischdeutschen Kaiserhofes*. Ausstellungskatalog Kunsthalle Bremen (25.11.2003–18.01.2004). Bremen.
- Noll, T. 2009: Spielräume der Stilbildung bei Albrecht Altdorfer. *Zeitschrift für Kunstgeschichte* 72, 3, 329–350.
- Pfeiffer, W. 1993: Zur Ikonographie der «Alexanderschlacht» Albrecht Altdorfers. *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst III Folge XLIV*, 73–97.
- Silver, L. 2008: *Marketing Maximilian. The Virtual Ideology of a Holy Roman Emperor*. Princeton.
- Schmidt, J. 1964: Die Donauschule in Linz. *Kunstjahrbuch der Stadt Linz*, 99–113.
- Tietze, H. 1923: *Albrecht Altdorfer*. Leipzig.
- Voss, H.G.A. 1910: *Albrecht Altdorfer und Wolf Huber*. Leipzig.

Winzinger, F. 1963: *Albrecht Altdorfer – Graphik. Holzschnitte, Kupferstiche, Radierungen. Gesamtausgabe*. München.

Winzinger F. 1964: Zur Datierung des Altdorfer-Altares in St. Florian. *Kunstjahrbuch der Stadt Linz*, 113–119.

REFERENCES

- Bredt, E.W. 1919: *Albrecht Altdorfer*. München.
- Celtis, K. 1990: Gasparova, M L. (per., red.) *Stihrotvorenija [Poems]*. Moscow.
- Dmitrieva, M.E. 1978: Antichnye obrazy i syuzhetы v iskusstve Nemetskogo Vozrozhdeniya [Ancient Images and Subjects in the German Renaissance Art]. In: Yu.M. Saprykin (red.) *Problemy istorii antichnosti i sredniy vekov [Subjects of History of Antiquity and Middle Ages]*. Moscow, 158–174/
- Donin, A.N. 2005: *Peyzazh nemetskogo Vozrozhdeniya [Landscape of the German Renaissance]*. Nizhniy Novgorod.
- Donin, A.N. 2006: Ranniy nemetskiy peyzazh i poeziya Konrada Tsel'tisa [Early German Landscape and the Poetry of Konrad Celtis]. In: *Russko-zarubezhnye literaturnye svyazi: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh trudov [Russian-Foreign Contacts in the Literature: Interacademic Collection of Scientific Works]* II, 211–222.
- Donin, A.N. 2014: Mihael' Pahrer kak predstvennik dunayskoy shkoly [Michael Pacher as a Predecessor of Danube School]. *ARS: issledovaniya nizhegorodskih iskusstvovedov: sbornik nauchnyh statej [ARS: Researches of Art Historian of Nizhny Novgorod]* 2, 40–56.
- Friedländer, M. 1923: *Albrecht Altdorfer*. Berlin.
- Hess, D. 2005: Altdorfers Weg zur Alexanderschlacht. Eine Neubewertung seiner «Tischplatte» im Germanischen Nationalmuseum. In: *Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums*, 77–96.
- Hollstein, F.W.H. 1997: *The New Hollstein: German engravings, etchings and woodcuts 1400–1700*. Altdorfer.
- Leidinger, G. 1922: *Albrecht Dürers und Lukas Cranachs Randzeichnungen zum Gebetbuche Kaiser Maximilians I in der Bayerischen Staatsbibliothek zu München*. München.
- Libman, M.Ya. 1972: *Dyurer i ego epohra. Zhivopis' i grafika Germanii kontsa XV i pervoy poloviny XVI veka [Dürer and his Age. Painting and Graphic Arts in the End of XV and the First Half of XVI Centuries]*. Moscow.
- Michel, E. «Zu Lob und ewiger Gedenchnis» Albrecht Altdorfer's Triumphzug für Kaiser Maximilian I. In: E. Michel, M.L. Sternath (eds.), *Kaiser Maximilian und die Kunst der Dürerzeit*. München–London–New York, 49–65.
- Müller, M.F., Röver-Kann, A. 2003: *Künstler und Kaiser. Albrecht Dürer und Kaiser Maximilian I. Der Triumph des römischdeutschen Kaiserhofes. Ausstellungskatalog Kunsthalle Bremen (25.11.2003–18.01.2004)*. Bremen.
- Noll, T. 2009: Spielräume der Stilbildung bei Albrecht Altdorfer. *Zeitschrift für Kunstgeschichte* 72, 3, 329–350.
- Panofsky, E. 1999: Ikonografiya i ikonologiya. Vvedenie v izuchenie iskusstva Renessansa [Iconography and Iconology: an Introduction to the Study of Renaissance Art]. In: V.V. Simonova (transl.), A.K. Lepork, (red), *Smysl i tolkovanie izobrazitel'nogo iskusstva [Meaning in the Visual Arts]*. Saint-Petersburg, 43–73.
- Pfeiffer, W. 1993: Zur Ikonographie der «Alexanderschlacht» Albrecht Altdorfers. *Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst III Folge XLIV*, 73–97.
- Schmidt, J. 1964: Die Donauschule in Linz. *Kunstjahrbuch der Stadt Linz*, 99–113.
- Silver, L. 2008: *Marketing Maximilian. The Virtual Ideology of a Holy Roman Emperor*. Princeton.

-
- Stepanov, A.V. 2009: *Iskusstvo epohi Vozrozhdeniya. Niderlandy, Germaniya, Franciya, Ispaniya, Angliya* [Renaissance art. Netherlands, German, France, Spain]. Saint-Petersburg.
- Tietze, H. 1923: *Albrecht Altdorfer*. Leipzig.
- Vel'chinskaya, I.L. 1977: *Albrecht Altdorfer*. Moscow.
- Voss, H.G.A. 1910: *Albrecht Altdorfer und Wolf Huber*. Leipzig.
- Winzinger F. 1964: Zur Datierung des Altdorfer-Altares in St. Florian. *Kunstjahrbuch der Stadt Linz*, 113–119.
- Winzinger, F. 1963: *Albrecht Altdorfer – Graphik. Holzschnitte, Kupferstiche, Radierungen. Gesamtausgabe*. München.

A. ALTDORFER'S WORK BY THE REQUEST OF MAXIMILIAN I AS THE PHASE IN CREATIVE EVOLUTION OF THE MASTER

Liudmila V. Frolova

*The State Hermitage Museum, Russia,
mila_grafik@mail.ru*

Abstract. In the article, the work of A. Altdorfer by request of Maximilian I for the first time has been considered in detail as a separate stage in the development of the artist's style. The masterpieces created by A. Altdorfer and his workshop by the order of the Emperor in 1512–1516 are analyzed. The article focuses on such art works as the xylograph "The Triumphal Arch" (1515), miniatures and xylograph "Triumphal carriage" (1516–1519) and the illustrations for the «Prayer book» of Maximilian I. The value of this period for reconsideration of problems which solution is essential for creative evolution of the master is revealed. The artist's special importance attaches to the problem of organizing a large series of images, has already been scheduled in an earlier cycle of xylographs "The fall and salvation of mankind". This period is discussed in connection with the evolution of A. Altdorfer's attitude to the ancient tradition, the depiction of space and human body. The influence of A. Dürer resulted in a more streamlined system of perspective, without losing interest in the space demonstration by the complex reduction of human figures. The original approach to the landscape understanding was formed in the art of Altdorfer during his work for the emperor under the influence of court humanists and developed in later works of the master. The landscapes, created by Altdorfer become panoramic; get the scope, the craving for generality, stored in the artist's work in the future. This image is similar to the poems of K. Celtis, the author played a significant role in establishing the programme of art works, commissioned by the Emperor Maximilian I. At the same time Altdorfer's original understanding of war as a tragic event was formed and turned out to be principal for his later works.

Key words: A. Altdorfer, Maximilian I, landscape, «The Triumphal Arch», Prayer Book of Emperor Maximilian I

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории. Москва
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
- РА – Российская археология. Москва
- РГВА – Российский государственный военный архив
- ЭО – Этнографическое обозрение. Москва
- Edf. I. – Le Temple d'Edfou / Ed. É. Chassinat, M de. Rochemonteix Vol. I. Paris
- JHS – The Journal of Hellenistic Studies. Cambridge
- KRI – Ramesside Inscriptions: Historical and Biographical / Ed. K.A. Kitchen. Oxford, 1975–1990.
- Urk IV. – Urkunden der 18. Dynastie: Historisch-biographische Urkunden. Heft 20–22 / W. Helck (hrsg.). Berlin, 1955–1958.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Орехов Р.А. (Москва) – Когда же возник Мемфис Геродота?	5
Орфинская О.В., Толмачева Е.Г. (Москва) – Египетская туника с дионасийскими мотивами из раскопок ЦЕИ РАН на некрополе Дейр аль-Банат (Фаюм).....	21
Большаков В.А. (Москва) – К дискуссии о значении титула древнеегипетских царственных женщин «мать бога».....	38

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Король Г.Г., Наумова О.Б. (Москва) – Вопросы металлообработки у кочевых народов Центральной Азии (раннее средневековые и этнографическое времена)	52
Боталов С.Г., Баттулга О. (Челябинск) – История изучения поселенческих памятников хунну в Монголии.....	69

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Кулуева С.Н. (Казань) – The Key Aspects of Statehood Reinforcement in Turkey and Syria at the Beginning of XX Century. The First Diplomatic Interactions between the Countries	77
Никитин Л.В. (Челябинск) – Сан-Франциско в истории американской и мировой банковской системы (XIX – начало XXI вв.)	89

ИСТОРИЯ РОССИИ

Шапиро Б.Л. (Москва) – Сакральное в царском конном выезде: нарративные источники позднего русского средневековья	103
Суряев В.Н. (Минск) – Военная служба в восприятии российского общества начала ХХ в.	122
Бутовский А.Ю. (Тула) – К истории «партизанских отрядов» Таврического отделения Всероссийского союз земельных собственников (1918–1920 гг.)	136
Макарова Н.Н. (Магнитогорск) – Религиозная жизнь в Магнитогорске (1930–1980-е гг.)	146
Потемкина М.Н., Любецкий А.Е. (Магнитогорск) – Проблемы размещения и содержания иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг.	159

ЭТНОЛОГИЯ

Мусеева С.А. (Магнитогорск) – Текст невесты в свадебно–обрядовом цикле горнозаводского населения Башкортостана	170
Хуснутдинова Л.Г. (Уфа) – Integration and Adaptation of Migrants from other Cultures in the Ural-Volga Region.....	179

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Власкин А.П., Зайцева Т.Б., Рудакова С.В.</i> (Магнитогорск) – Образная система романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в гендерном аспекте	196
<i>Петров А.В., Соловьев Н.Н.</i> (Магнитогорск) – Метафора жизненного пути в поэзии А.С. Пушкина и П.А. Вяземского	206
<i>Проданик Н.В.</i> (Омск) – Миф о Сибири «гиперборейской» и образ читателя-сибирийца в русской литературе начала XIX в.	213
<i>Смирнова Е.А.</i> (Санкт-Петербург) – Сентиментальные комедии В.В. Магара в Севастополе.....	222
<i>Макаричева Н.А.</i> (Санкт-Петербург) – Катерина Ивановна и Лиза Хохлакова: художественная функция пушкинского сюжета в «Братьях Карамазовых»	236
<i>Геро Х.М., Геро С.С.</i> (Мешхед) – Любовная лирика Анны Ахматовой и иранской поэтессы Симин Бехбахани: сравнительный анализ	245

ЛИНГВИСТИКА

<i>Шулежкова С.Г., Михин А.Н.</i> (Магнитогорск) – Ватиканское Евангелие X в. и общелитературный язык средневековой Славии.....	252
<i>Бондарева А.Д.</i> (Северодвинск) – Синтаксис описных книг русских монастырей XVI–XIX вв. как жанрообразующий фактор	262
<i>Попова Т.Г.</i> (Северодвинск) – Заметки о лексике лестницы Иоанна Синайского	269
<i>Штеба А.А.</i> (Волгоград) – Эмотивная ионизация семантики слова.....	278
<i>Турышева О.Н.</i> (Екатеринбург) – Окказионализм «Гиноцид»: происхождение и функционирование в художественной мысли (на материале кинотекстов Л. Фон Триера).....	286

КУЛЬТУРА

ИСКУСТВОВЕДЕНИЕ

<i>Вергазов Р.Р.</i> (Москва) – Официальный стиль Ахеменидов и его отражение в искусстве Северных сатрапий на материале архитектуры	294
<i>Терещенко Т.С.</i> (Санкт-Петербург) – Образы персов в искусстве Древней Греции: вопросы дифференциации и трансформации	307
<i>Ендолычева Е.Ю.</i> (Москва) – Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на южном Кавказе в период средневековья	323
<i>Фролова Л.В.</i> (Санкт-Петербург) – Работа А. Альтдорфера над заказами императора Максимилиана I как этап творческой эволюции мастера.....	339

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

THE ANCIENT ORIENT

<i>R.A. Orekhov</i> (Moscow) – When did Memphis of Herodotus Arise?.....	5
<i>O.V. Orfinskaya, E.G. Tolmacheva</i> (Moscow) – The Egyptian Tunic with Dionysian Motifs from Excavation of CES RAS at the Necropolis of Deir al-Banat (Fayoum).....	21
<i>V.A. Bol'shakov</i> (Moscow) – To Discussion on the Significance of the Title of the Ancient Egyptian Royal Women “Mother of God”	38

PREHISTORY

<i>G.G. Korol, O.B. Naumova</i> (Moscow) – Issues of Metal Working of the Nomadic Peoples of Central Asia (Early Middle Ages and Ethnographic Time)	52
<i>S.G. Botalov, O. Battulga</i> (Chelyabinsk) – History of the Study of the Settlements of the Xiongnu in Mongolia	69

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

<i>S.N. Kulueva</i> (Kazan) – The Key Aspects of Statehood Reinforcement in Turkey and Syria at the Beginning of the 20 th Century. The First Bilateral Relations between the Countries	77
<i>L.V. Nikitin</i> (Chelyabinsk) – San Francisco in History of the American and Global Banking Systems (19 th – Early 21 st Centuries).....	89

RUSSIAN HISTORY

<i>B.L. Shapiro</i> (Moscow) – Sacral in the Royal Horse Eqiupage: Narrative Sources of the Late Russian Middle Age	103
<i>V.N. Suryaev</i> (Minsk) – Military Service in the Perception of Society in the Early 20 th Century	122
<i>A.Yu. Butovskiy</i> (Tula) – On the History of the “Partisan Detachments” of the Tauride branch of the Russian Union of Landowners (1918–1920)	136
<i>N.N. Makarova</i> (Magnitogorsk) – Religious Life in Magnitogorsk in 1930–1980	146
<i>M.N. Potemkina, A.E. Lybetskiy</i> (Magnitogorsk) – Allocation and Maintenance Issues of Foreign war Prisoners in Chelyabinsk District in 1943–1947	159

ETHNOLOGY

<i>S.A. Moiseeva</i> (Magnitogorsk) – The Bride’s Text in the Wedding Ritual of the Mining Population of Bashkortostan	170
<i>L.G. Khusnutdinova</i> (Ufa) – Integration and Adaptation of Migrants from other Cultures in the Ural-Volga Region.....	179

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

<i>A.P. Vlaskin, T.B. Zaitseva, S.V. Rudakova</i> (Magnitogorsk) – Figurative System of F.M. Dostoyevsky's Novel “Crime and Punishment” in the Gender Aspect	196
<i>A.V. Petrov, N.N. Solov'ev</i> (Magnitogorsk) – Metaphor of Life Course in A.S. Pushkin's and P.A. Vyazemskiy's Poetry	206
<i>N.B. Prodanik</i> (Omsk) – The Myth of “Hyperborean” Siberia and the Image of Siberian Reader in Russian Literature of the Beginning of the 19 th Century	213
<i>E.A. Smirnova</i> (Saint-Petersburg) – “Sentimental Comedies” by Vladimir Magar in Sevastopol	222
<i>N.A. Makarycheva</i> (Saint-Petersburg) – Katerina Ivanovna and Lisa Khokhlakova: the Art Function of Pushkin's Plot “The Brothers Karamazov”	236
<i>H.H. Gero, S.S. Gero</i> (Mashhad) – Love Poems of Anna Akhamatova and Iranian Poetess Simin Behbahani: a Comparative Analysis	245

LINGUISTICS

<i>S.G. Shulezhkova, A.N. Mikhin</i> (Magnitogorsk) – The 10 th Century Vatican Gospel and Common-Literary Language of Medieval Slavia	252
<i>A.D. Bondareva</i> (Severodvinsk) – Inventory Books Syntax of Middle Russian and North Russian Monasteries of 16 th – 19 th Centuries as Factor for Formation of the Genre	262
<i>T.G. Popova</i> (Severodvinsk) – Notes on the Lexicon of John Climacus “The Ladder”	269
<i>A.A. Shteba</i> (Volgograd) – Emotive Ionization of Semantics	278
<i>O.N. Turysheva</i> (Yekaterinburg) – The Occasionalism “Gynocide”: the Origin and Functioning in Artistic Reflection (on Material of Creativity of L.von Trier)	286

CULTURE

ART CRITICISM

<i>R.R. Vergazov</i> (Moscow) – The Achaemenid Official Style and Its Reflection in the Art of Northern Satrapies on the Material of Architectures	294
<i>T.S. Tereshchenko</i> (Saint-Petersburg) – Images of the Persians in the Art of Ancient Greece: Issues of Differentiation and Transformation	307
<i>E.Yu. Endoltseva</i> (Moscow) – Syncretic Images: Representation of Bull's Head in Architectural Decoration of Christian Churches in the Southern Caucasus in Medieval Period	323
<i>L.V. Frolova</i> (Saint-Petersburg) – A. Altdorfer's Work by the Request of Maximilian I as the Phase in Creative Evolution of the Master	339

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присыпать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присыпаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо присыпать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.
Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980–1982: *Полное собрание сочинений*. М.
Пушкин, А.С. 1960–1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.
Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.
Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.
Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In: A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporean coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosphorus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v serедине I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosporean phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [Letters from the Front], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	з	п	п	ч	ч	я	я	я
б	б	и	и	р	р	ш	ш			
в	в	й	у	с	с	щ	щ			
г	г	к	к	т	т	ъ	ъ			
д	д	л	л	у	у	ы	ы			
е	е	м	м	ф	ф	ь	ь			
ё	ye	н	н	х	х	э	э			
ж	zh	о	о	ц	ц	ю	ю			

Украинский язык

а	а	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
ѓ	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2017

Сдано в набор 23.05.2017. Подписано в печать 15.06.2017.

Дата выхода 30.06. 2017.

Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.